

Николай Ольков

*Собрание
сочинений*

Том 3

Москва
«Российский писатель»
2018

УДК 821.35
ББК 84...
О 72

Николай Ольков. *Собрание сочинений в пяти томах*. Том 3. — М.: Редакционно-издательский дом «Российский писатель», 2018. — 450 с.

ISBN 978-5-91642-217-7

Почти сто лет назад независимый и «сытый» сибирский крестьянин восстал против политики продовольственной разверстки. Бунт, конечно же, был обречен, но, с другой стороны, если бы двум армиям повстанцев удалось взять Петропавловск и Ишим, отрезав голодающий цент от хлеба, судьба России осталась бы непредсказуемой.

Роман «Хлеб наш насущный» посвящен именно этим самым, может быть, суровым и жестким страницам нашей истории. А поскольку у каждого времени есть своя простая душа, то не могло и правдивое повествование Николая Олькова обойтись без лирической ноты.

Главный герой романа, отвечающий на вызовы времени, конечно же, не может не вызывать читательских симпатий, но, как считает автор, именно бунтари могут привести к гибели и русское село, выживающее за счет своего зачастую весьма хрупкого внутреннего лада русское село, и саму Россию.

ISBN 978-5-91642-217-7

© Ольков Н.М, 2018 г.
© «Российский писатель», 2018 г.

ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ

Роман

— Бывакин, сразу после развода зайди к начальнику по воспитанию! Сухопарый дневальный выкрикнул и повернулся к тумбочке. Старший по бараку, одетый в приличную тюремную робу с повязкой на рукаве, ткнул кулаком дневальному в лицо:

— Сколько вас учить, падло, чтобы правильно выговаривали!? Ты бы его еще гражданином или товарищем назвал. У всех вас, суки, только одно прозвание: зек, заключенный. Повтори приказ!

— Понял. Все мы с одним прозванием...

— Дурак! — он еще раз легонько ткнул в ухо, а дневальный уже до того вытирал кровь, которая сиротливо капала на грудь замызганной куртки. — Повтори по Бывакину!

— Понял! Заключенный Бывакин, после развода к начальнику по воспитанию!

— Вот так! Бывакин, ты понял? Тебя переведут в настоящую колонию, это тебе не малолетка. Я бы тебе дал наколочку, готовь пузырь, скажу, кому в ноги упасть, тогда жить будешь, а если как тут начнешь пальцы гнуть, головушку завернут сразу, как куренку. Иди.

Бывакин прошел быстрым шагом, голова приподнята, лицо безразличное, но настороженное, стрижен наголо, свежие красноватые шрамы украшают голову с обеих сторон, лицо скуластое, нос тоже подправлен, чуть вправо, глаза серые, внимательные, губы плотно сжаты, а за ними скрыты проемы от трех зубов, потерянных за два неполных года в детской колонии. О скором переводе «в настоящую колонию» он знал, потому что исполнилось восемнадцать лет, а в «детском садике» дальше не держат. Там ему отбывать еще два года.

Развод занятий окончился быстро, отряды неровными колоннами пошли в столярку, в пошивочный цех, только одна колонна свернула в столовую. Есть будут по очереди, последним может не хватить, тогда у столовки поднимут крик, прибегут начальник столовой и дежурный по зоне, могут выдать несколько булок хлеба и кусок маргарина. А могут и не выдать, могут построить и отправить на ра-

боту. И такое случалось. На тот случай у каждого бывалого есть в за-начке кусочек хлеба — подсохший, пахнувший мышами и махоркой, но — хлеб, его ничем не заменишь.

— Бывакин! Родя! — земляк, из одного района, Толя Фрол, подбежал, лицо в слезах. — Сказали, что вас семерых повезут на взрослую зону. Я тосковать буду один-то. Полгода еще. Прощевай, может, доведется встретиться.

Начальник всем семерым объявил о переводе, предупредил, что в лагере с ними цацкаться не будут, там правила построже.

— Ну да, мы тут как в пионерском лагере жили, — усмехнулся здоровый мордатый паренек.

— Ребята, я вам прямо скажу: зона та не самая благополучная, произвола много, так что держитесь ближе к администрации, — словно по-товарищески советовал майор.

— Это как, в стукачи сразу записываться? — парень откровенно лез на рожон.

— Ну вот, Кожин, опять ты бузишь. Не в стукачи, а нужную информацию о настроениях в бараке сообщить — твой долг. Понял?

— Долгов не имею, гражданин начальник, за долги и перо могут вставить.

— Ну, с тобой, Кожин, говорить бесполезно. Хочу Бывакину подсказать. Ты парень толковый, но гордыню смирить придется. Есть в отряде начальник, есть авторитет, они следят за порядком, и тут никуда не погрешь. Молчи, но делай, что велено. Не перечь. Если что, то и администрация не поможет. Говорю вам это, ребята, потому что жалко вас. Самое главное — не потеряйте себя, не купитесь на обещания сладкой жизни на воле. Все, свободны.

На сборы осталось часа четыре, конвой будет в двенадцать, так что пожрать уже не удастся, а на новом месте хлебом-солью встречать вроде бы не должны. Родион собрал котомку и ушел за столярку, в стороне навалены стружки и опилки, прилег, чтоб не видно было от барачков. Почти два года здесь, а так и не привык. Друзьями не обзавелся, а врагов нажил быстро. На первой же неделе угодил в карцер, потому что троих избил подвернувшейся арматуриной. Те его повоспитывать подлювили, тоже не с пустыми руками, а он крутанулся на месте и кусок железа словил, а с такой снастью быстро всех троих уработал. Кто-то свистнул, разбираться не стали, ты бил, ты и виноват. Родион понимал, что доказать ничего не сможет, как и дома, в той драке, за которую получил четыре года по малолетке. Да, складешок из кармана

выдернул, но даже раскрыть не успел, свалил его верзила из старших классов, который проходу не давал, все выблядком звал. Он не понимал смысла, но грязь этого слова чувствовал, кинулся к матери, она вытирала его и свои слезы и шептала: «Терпи, сынок, наше горе, нам и переживать. Не гневи людей, прощай им обиды, ребятишки подразнят да забудут». Не забывали, на каждой перемене звали громко по этой кликухе, при девчонках, он долго терпел, а тут обида застила свет, выхватил ножичек из кармана и кинулся на обидчика. Что дальше было — не помнит. Забрали в милицию, держали два месяца, а потом суд и сюда. Теперь вот перемена. Родион спокойно ждал своей участи, на новом месте будет тяжело, работать придется, ребята говорили, наравне со взрослыми, режима он не боялся, драк тоже, если за правду. Только вот как ее узнавать, если у каждого своя правда?

Всю группу пополнения отправили на третий этаж большой кирпичной тюрьмы. В камере трое обитателей даже не поздоровались, один встал и молча указал на свободные двухъярусные койки у самых дверей. Родион сразу закинул свой матрас на верхнюю, чтобы не заводить спор.

— Э-э-э, пацан, а ты что такой согласный, сразу на верхнюю шконку? Не смелый, что ли? — спросил худой и бледный парень.

— Мне наверху больше нравится, — односложно ответил Бывакин.

— Подойди сюда, — это сказал полулежавший на подушках пожилой зек, был он в просторных светлых штанах и расстегнутой серой безрукавке.

Родион подошел, мужчина сел на койке, внимательно на него посмотрел:

— Твоя фамилия Бывакин? Был бы в годах, самое подходящее погоняло — Бывалый. Но тебе еще рано. Имя?

— Родион.

— Родя. Будешь Родя, понял?

— Понял.

— Мне про тебя сказали добрые люди. Сколько раз в карцере отдышал? Он у вас по-другому как-то?

— Семь раз, тридцать три дня.

— Уважительно. Меня будешь звать Доктором. Рыжий, своди ребят на кухню, скажи, чтобы покормили. Родя, собери вот это барахло со шконки и унеси под порог, а сам сюда перейди. Ну, это после обеда.

Бывакин хотел спросить, чье это место, но вовремя одумался: никаких вопросов, если надо — скажут. Но по дороге на кухню Рыжий прогундел:

— Приглянулся ты Доктору, видишь, меня под порог, а тебя к себе ближе. Он любит поперешных, про тебя ему утром еще шепнули.

Бывакин ничего не ответил. После чашки теплой каши и кружки чая на душе стало веселее. Доктор велел застелить постель и лечь спать, он лег поверх суконного одеяла и сразу уснул. Ему приснилась степь, какой он ее представлял на уроках географии: ковыль растет выше колена, волнами колышется, а по этим волнам идет девушка в цветном халате, идет прямо к нему. Родион присматривается, но узнать не может, говорит себе, что не наша деревенская эта девчонка, а когда ближе подошла, Родион засмеялся: чужая совсем, смуглая, скуластая, глаза черные с прищуром. Остановилась, смотрит на Родиона и тоже улыбается. Он хотел спросить, что это за степь и откуда девчонка тут появилась, но не успел, кто-то тронул его за плечо.

— Что приснилось, Родя, что ты так улыбался, будто по удо освободился? — Доктор подал ему горячую кружку с чаем: — Хлебни пару глотков, это чефир. Приходилось?

— Редко. За чефир сразу в шизо на сутки.

— Пей, я разрешаю.

Бывакин сделал два глотка, вязкая жидкость заполнила рот, язык онемел, голова зашумела. Такого он еще не пробовал, передал бокал и зажал руками голову.

— Возьми соль на язык, полегчает. Теперь слушай. Будешь при мне. Это я после объясню, для чего. Работать будешь только на кухне, это в тепле и всегда сыт. Мне будешь три раза жратву приносить, повара знают. Если кто-то невзначай обидит, даже из вертухаев, скажешь. Ни с кем не базарь, только по делу. Читать умеешь? Вечерами будем с тобой читать вроде как романы, в них интересная жизнь описывается. Я такой жизни не видел, потому интересно. А сейчас иди, скоро построение на ужин. Никуда не отлучайся, чтоб от переключки не отстать. Пошел!

Жизнь стала налаживаться. Покровительство тюремного авторитета Доктора было и благом, и наказанием. Доктор сразу предупредил, что рядом с ним и надежно, и опасно, потому что у него тоже есть враги. Бывакин это быстро почувствовал. На втором году кухне появился зек со шрамом через все лицо, по щеке и на лоб, шрам старый, и когда зек Рваный негодовал, но не мог проявить своих чувств, в себе держал, шрам выдавал его, багровел и надувался. Бывакин не видел, он учуял неладное и непроизвольно отпрыгнул от плиты, с которой с грохотом свалился котел с кипятком. Родион вскочил на

кучу дров, и волна горячей воды его не достала. Отпрыгнувший в другую сторону Рваный выругался матом и прикрыл шрам рукой, знал, сволочь, что рана выдаст.

— Ты зачем котел столкнул, подстилка Докторская? Ты меня ошпарить хотел!

Рваный замахнулся, но Родя ловко перехватил руку и заломил ее, повалил Рваного в грязь кухни. Дверь распахнулась, и влетели два надзирателя с дубинами, видно, под порогом стояли. От удара дубинкой по спине Родя выгнулся, отпустил жертву и сходу сбил надзирателя с ног. Потом его били дубинками и сапогами, очнулся он в карцере, едва разлепил глаза от засохшей крови. Лежал, проверяя осторожными движениями, целы ли руки, ноги, позвоночник. Везде ждала боль, но он уже умел ее переносить спокойно, лишь бы не было переломов. За этим занятием его застали дежурный и врач.

Врач помог раздеться и все качал головой:

— Как же ты мог сорваться с такой верхотуры? Ты же мог насмерть разбиться. Тут болит? А тут? Похоже, товарищ капитан, переломов нет. А что с головой? Шумит? Еще бы! С такой высоты — и остался жив. Это просто чудо. Идти можешь? Пойдем в санчасть. Понимаешь, охрана думала, что ты пьян, и отправила в карцер. Бывает, знаете ли. Пошли.

Бывакин понял, что про верхотуру придумали вертухаи, чтоб не разбираться, упал, разбился, никаких вопросов. Знали, что воспитанный малый, звонить не будет. В санчасти санитар из зеков помог помыться, дал чистое белье, довел до постели. Раны и ссадины смазал какой-то вонючей пастой, кое-как перевязал. И тут вошел Доктор. Санитар исчез.

— Я все знаю, Родя. Рваный не тебе первому гадости устраивает, он моих людей постоянно гнобит. Но сегодня был перебор. Я запретил тебя трогать. А он ослушался, тронул. Ответит. Тебя хочу похвалить. Ты постоял за себя перед вертухаем, я тут пятый год, за все время третий случай, когда зек ударил это дерьмо. Вся зона будет тебя уважать, а ты будь осторожен, надзиратели могут отомстить. Я говорил сейчас с Хозяином, он обещал предупредить своих. Но это же мусора, ни одному слову нельзя верить. Я сказал, что не дай Бог! — всю зону подниму. Этого они боятся. Ладно, лежи. Будешь долго лежать, я тебе книжки принес, посмотри.

За последние два года у него не было столько свободного времени. Его кормили, делали перевязки, врач учтиво спрашивал, как дела

и предупредительно информировал, что выписывать его не собирается и никто не торопит. Родион не мог найти объяснения, с какой стати авторитетный вор Доктор сделал его своим приближенным и теперь уже открыто защищал перед своими недоброжелателями. Ведь ничем особым он не отличался от других молодых зеков, были и сильнее его, и лицом красивее. Сам для себя он сделал предположение, что Доктора привлекла информация из детской колонии, что на зону приходит молодой и непокорный зек, а Доктор, видимо, уважал гордость и самолюбие. Но это его догадка, а спросить не у кого. Родион понимал, что не просто так пригнул его Доктор, да он и сам обещал позже все объяснить. Наверное, вот это имел в виду заместитель начальника колонии для несовершеннолетних, когда предупреждал, чтобы не попали ребята под дурное влияние.

Принесенные Доктором книги оказались толкованиями уголовного кодекса, видно было, что Бывакин далеко не первый читатель, потому что на каждой странице он находил подчеркивания, галочки на полях, а то и целые абзацы были обведены жирными рамками. Читиво не особенно интересное, но Родион опасался, что Доктор может устроить проверку, а выглядеть глупо не хотел, потому читал, особое внимание обращая на уже отмеченные места.

Поздно вечером пришел Доктор. В палате никого не было, да и Родион уже задремал, привыкший к свободной жизни. Доктор позвал дежурного санитаря и велел ему погулять с полчаса. Остались одни.

— Родя, я обещал тебе чуть позже объяснить, для чего ты мне нужен. Я давно за тобой слежу, в вашей колонии был мой человек. Он должен был найти паренька серьезного, надежного, честного и прямого. Когда он назвал тебя, я узнал твое дело, понял, что ты мне подходишь, и все время знал, что у тебя и как. Да, твоей маме я каждый месяц отправляю небольшие деньги, как будто от тебя. Я ждал, когда тебя переведут к нам. И вот мы встретились. Скажи мне, Родя, ты действительно честный и порядочный человек? Именно в тех смыслах этих слов, которые заложены в них изначально? Я могу тебе доверять полностью и до конца? Не спеши. Это очень важно.

Бывакин молчал, дожидаясь следующего вопроса.

— Ну, говори.

— Вы можете мне верить, я сделаю все, что вы прикажете.

— Этого достаточно. Если ты меня обманешь, я повторю тебе эти слова перед тем, как убить тебя. Но — это крайность, до которой, я уверен, дело не дойдет. Слушай внимательно. Этот город (он написал

на клочке газеты название, дал прочитать и тут же сжег) ты знаешь хорошо, потому запомни улицу (написал: «Заслонова», и тоже сжег). Там есть гаражи, со входа вправо седьмой бокс. Висячий замок замочен промасленной тряпицей, внутренний забит литолом, чтоб не заржавел. Ключи найдешь под правым углом ворот, надо будет сбить разлитый бетон и копнуть на два штыка. Ключи тоже упакованы. В гараже смотровая яма, в ней несколько ниш, углублений, ключи положить при ремонте и прочее. Самая дальняя от входа с правой стороны ниша, раскапываешь ее и достаешь кожаный портфель. В нем доллары, Родя, в тот момент ты будешь самым богатым человеком в городе. Но деньги понапрасну не трать. Будешь брать по потребности, отчет представишь мне лично. Я смогу откинуться только через два года. Ты меня понял?

Бывакин четко сказал:

— Понял. Но у меня вопрос: если вы через два года выходите, какой смысл мне забирать эти деньги?

— Я знал, что ты это скажешь. Дело в том, Родя, что в Иркутске сидит человек, который знает эту тайну. Его погнало Жмых. Он освободится раньше меня, и тогда можно забыть о заначке, он меня кинет, а потом просто уберет. Я договорился с начальством, на тебя уже готовы все бумаги, их принесут в санчасть и ночью тебя вывезут в город, в машине переоденешься в простой костюм и сразу на вокзал, езды до того города шесть часов. Еще вопросы?

— Есть. Те, кто повезут, не вздумают выдать из меня тайну? — Бывакин слышал про подобные истории.

— Нет. Просто они ничего не знают. Но с вокзала ты дашь вот эту телеграмму, тут все написано, что надо. Это начальнику тюрьмы. Я сразу буду знать, что все нормально. А эти люди — они сразу вернутся в зону. Утром будет объявлено, что ты сбежал. Надо сбить со следа моих конкурентов. Они понимают, что ты не случайно около меня появился, потому и чан с кипятком и прочее. А так — сбежал, и все тут. Я свою роль отыграю, чтобы они не подумали даже, что тайна уже за воротами тюрьмы. Все, я пошел. Санитару скажу, что он меня не видел, если жить хочет. Не прощаюсь, Родя, уверен, что мы с тобой встретимся. — Он пристально посмотрел в глаза паренька.

— А как вы меня найдете? — вдруг вскинулся Бывакин.

— Родя, не задавай смешных вопросов. Главное, будь в этом городе. Все.

Он резко встал и хлопнул дверью. Через минуту вошел бледный санитар.

— Ты что такой? — спросил Родион.

— Показалось, что Доктор был, а оказывается, он тут не появлялся. Даже испугался.

Бывакин повернулся на бок и подумал: «Вот и началась воровская жизнь. Это тебе не складешком деревенских ребятишек пугать. Зачем Доктор мне про город объяснял, ведь он же в курсе, что это рядом с домом, раз деньги переводил по адресу. А может и не сам, потому и не в курсе». Но уснул сразу, сбросив напряжение серьезного разговора.

Ночью стукнули в окно, Бывакин ждал этого сигнала, вышел из санчасти. Двое мужчин толкнули его вперед, в глубине двора виднелась машина, шли к ней. Посадили в салон, дали одежду и пакет с бумагами. Машина тронулась, прошли проходную, выехали на трассу в город. Одевался на ходу, пакет спрятал во внутренний карман куртки. У вокзала его высадили. Никто за всю дорогу не сказал ни слова. Родя быстро прошел в туалет, открыл пакет, вынул справку об освобождении и деньги. Немного, но на билет и пожрать хватит. В окошко телеграфа сунул заполненный бланк, заплатил и прибрал в пакет квитанцию. Билет купил в плацкартный вагон, в буфете пожевал пирожков с горячим чаем. В вагоне запрыгнул на верхнюю полку и сразу уснул. Да, Доктор знал, что это его город, областной центр, от которого до родной деревни три часа на автобусе. Из школы сюда ездили на соревнования, просто поболтаться по магазинам и киношкам.

Прожив на свете восемнадцать лет, Родион Бывакин никогда не вспоминал прошлое, жизнь в деревне, мать, друзей, школу. Но он никогда не задумывался и о будущем. Или кто-то ему подсказал, или сам догадался, что на зоне для несовершеннолетних действуют те же порядки, что и в большой тюрьме, что надо вести себя так, чтобы ни у кого не было к тебе претензий, чтобы ты никому не мешал, никого не раздражал. Родион быстро понял, что в жизни так не бывает. Из ста человек всегда найдутся два-три, которым ты просто не нравишься: не так ешь, не так спишь, не так сидишь на очке. Могут предъявить, тогда надо ответить или сразу драться. Вспыльчивый и самолюбивый паренек никогда не дожидался крутого наезда, сразу сбивал главаря, а потом — кому как повезет. До суда ему говорили, что на детской зоне нет карцера — хотел бы Родион сейчас взглянуть в глаза того сердобольного адвоката, который так и не сумел ухватиться за случайную проговоруку прокурора, что подсудимый, к счастью, не успел раскрыть нож. Суд мог пойти по-другому, это ему потом объяснили, но дело сделано, свое время до совершеннолетия он отсидел.

Место Доктора в своей судьбе он так и не мог определить. Не просто так авторитет добился его условно-досрочного освобождения, дал столь серьезное задание. Разве у него не было выбора? Ого, еще какой, каждый бы согласился за удо посторожить заначку Доктора. Но он выбрал Бывакина, да еще заочно. Что такое он про него знал? Проверил и поверил. Родион не стал спрашивать, как он станет хранить такую кучу баксов, и уже в поезде решил, что Доктор не стал бы возражать против снятия отдельной квартиры. А потом вдруг подумал: город большой, всякого люду полно, просочится что-нибудь про бабки — на ремни порежут, мать начнут казнить, выдавят правду. Если в живых оставят, что Доктору скажешь? Ему все равно, не сумел исполнить — отвечай. И слова повторит перед смертью, как обещал. Потому решил: найду деньги, и сразу в деревню, там можно надежно спрятать, да и кто искать будет?

На улице Заслонова побывал несколько раз, присмотрелся: гаражи обитаемы, но с утра все уезжают в город или на дачи. Прошелся рядом с седьмым боксом — вход травой зарос, а вот белесый блин бетонной заплатки чист. Три дня просидел в кустах напротив въезда, вычислил, когда дежурит пожилой алкаш, он приходил утром с похмелья и целый день спал в своей конуре. На всякий случай прихватил бутылку водки. Бывакин нашел в заборе пробоину, просунул лопату, сам пролез, ободрав кожу на плече, быстро и осторожно прошел к седьмому боксу, сбил бетон и вдавил лопату в землю. Копал быстро, постоянно оглядываясь. Теперь выбора не было, даже кто и спросит, то надо все, что угодно употребить, но ключи выволочь и двери открыть. Лопата зацепилась за клочок кожи, Родион потянул и выдернул сверток. Быстро зарыл ямку и прикрыл цементной лепешкой. Никого. Да и не заметно никаких перемен. Развернув ключи, Родя открыл висячий замок, потом внутренний, чуть приоткрыл половинку ворот и прошмыгнул во внутрь. На коленках просунулся наружу, расправил смятую траву, притянул воротину. Осторожно в полумраке спустился в яму, нашел нужную нишу, стал расширять ее и копать внутрь. Просовывал руку, выгребал землю, но никакого тайника. Нашел под ногами железяку, стал протыкать в глубину и понял, что до свертка всего полштыка лопатных. Опять подрезал грунт, руками выгребал глину, нащупал кусок ткани, потянул, выпал масляный сверток. Размотал ткань, потом бумагу, потом несколько пластиковых пакетов, и в желтом кожаном портфеле увидел то, что искал. Он выкатил на грязные руки скользкие новенькие купюры и удивился: все они были по сто долларов и

было их тут столько, что портфель чуток подраздуло. Бывакин сунул портфель под куртку и вылез из ямы.

Он оцепенел, когда дверь гаража открылась, и в проеме оказался сторож алкаш с железным прутом в руках.

— А я слышу — кто-то возится в боксе. Думаю: машины нет, хозяина вообще не видел ни разу — кто же там может быть? А тут грабитель!

Парень быстро нашелся:

— Какой я грабитель? Да и что грабить? Дядя сказал, что от жены прятал несколько бутылок водки, все обыскал, только одну нашел.

— Где она? — живо поинтересовался сторож.

— Вот, — он вынул из кармана бутылку и похвалил себя, что на всякий случай припас.

Сторож возмутился:

— Тогда какого хрена тут стоять? Пошли ко мне.

Вышли, Родион закрыл оба замка, а сторож был уже у своей будки.

— Иди сюда, — позвал он, пряча бутылку за пазухой, чтобы кто из водителей не заметил.

Парень махнул рукой:

— Нет, пей один, меня друзья ждут.

В автобусе он восстановил все, что произошло. Старик в темноте бокса не мог разглядеть его лицо, а потом Родион все время старался держаться спиной к воротам. К тому же вязаная шапочка, которую он быстро опустил на глаза, хорошо его укрыла. Сторож сейчас выглотнет этот пузырь и навсегда забудет, кто его угостил.

На рынке купил джинсовый костюм и спортивные туфли, за углом переделся, старую одежду бросил в крапиву. В тот же день уехал в деревню.

Давно ли в милицейском уазике увозили Родиона Бывакина по этой дороге, а как многое изменилось! Поразился, что придорожные увалы, когда-то гудевшие спелым колосом, заросли бурьяном. На заливном лугу, где он пацаненком вместе с друзьями возил копны сена к стогу, который умело укладывал дядя Ваня Лопушонок, было безлюдно, в разных местах сиротливо торчали копны. А тогда густо стояли стога, и с дороги, с вышины, могло причудиться, что кто-то большой и сильный так расставил их по лугу.

На зоне, которую начальство называло воспитательной колонией, осужденного определили в восьмой класс, он ухватился за учебу, как за спасение от безделья в свободные от работы часы. Именно тогда возникали карты, появлялся странный дурманящий табак, возника-

ли кем-то спровоцированные драки. Родион уходил в свободный класс и читал книги из большого пыльного шкафа, тут и застала его учительница литературы и русского языка Анна Викторовна.

— Бывакин? А я заметила, что книги в шкафу меняются местами, значит, кто-то же их переставляет? Что читаешь? Бунина? Странно, — она с улыбкой смотрела на паренька. Он ответил односложно:

— Нравится.

— А что тебе в нем нравится? — не унималась учительница.

— Не знаю. Читаю, и мне хорошо, забываю, что в неволе.

— Сколько тебе лет, Бывакин?

— Семнадцать, — ответил Родион и смутился.

— А сидеть еще?

— Много...

Она обняла его за голову и прижала к груди:

— Бедный мальчик!

Бывакин быстро высвободился:

— Вы что, Анна Викторовна, а если ребята увидят?

Анна Викторовна смущенно улыбнулась:

— Что ж ты такой пугливый? Ни разу девушек не обнимал?

Родион промолчал. Он все еще ощущал на своей щеке ее мягкую грудь и ласковые пальцы на шее.

— Бывакин, я живу в доме по ту сторону забора. Купила шкаф, а собрать некому. Ты мне поможешь?

Родион улыбнулся, он до сих пор не бывал «по ту сторону», казалось, что это недостижимый, запрещенный ему мир.

— Кто меня пустит? — обреченно ответил зек.

Анна Викторовна обрадовалась:

— Ты согласен? Я договорюсь. Мне начальник разрешит.

Родя огляделся по сторонам:

— Анна Викторовна, только чтобы никто не знал, засмеют.

Она сказала после урока, что в шесть часов он должен быть у проходной. Воспитатель в группе будет знать и не потеряет.

Бывакин подошел к проходной, Анна Викторовна подала дежурному бумажку, тот кивнул и напомнил:

— В девять быть на месте, иначе побег. Понял?

— Он все понял, — ответила за него Анна Викторовна.

Прошли вдоль забора, повернули на асфальтированную дорожку, вошли в подъезд двухэтажного дома. Анна Викторовна открыла квартиру, пропустила гостя и включила свет. Большая комната, кровать, шкаф, кресла.

— А что собирать? — спросил Родион.

Анна Викторовна подошла к нему и ладошками осторожно коснулась щек:

— Бывакин, ты такой славный, такой красивый. Вот полотенце, в ванной титан подтоплен, помойся горячей водой, а я тебе белье чистое приготовлю, — она опять крепко его обняла.

Парень пытался сопротивляться:

— Анна Викторовна, нас позавчера в баню водили.

Она отпустила его, чмокнула в щеку, взяла под руку:

— Пошли, я открою тебе воду, глупенький.

Родион помылся и насухо обтерся полотенцем. Чистые трусы и футболка, спортивные штаны лежали на табуретке. Оделся, снял крючок, вышел. Анна Викторовна уже была в светлом халатике, цветную косынку мяла в руках.

— Бывакин, Родик, ты такой большой, настоящий мужчина. Голодный, правда?

Родион ответил:

— Нет, нас в обед кормили.

— Родик, обними меня, я совсем про другой голод...

...В половине девятого звякнул будильник.

— Я включила, чтобы ты не опоздал. Я бы ни за что не очнулась. А ты? Родик, милый мой, я тебе не нравлюсь? — с придыханием спросила Анна Викторовна.

— Нравишься. Только я тебя стесняюсь, — смутился Бывакин.

Она опять крепко его обняла:

— А в постели ты был настоящим мужиком, не особо стеснялся своей жертвы.

Парень окончательно потерялся:

— Простите, если что не так. В другой раз другого вызовите.

— Родик, милый ты мой, да ты мне люб и приятен, ни на кого не променяю. Да, вы с ребятами про женщин говорите? — вдруг спросила Анна Викторовна.

— Бывает, — пожал плечами Бывакин.

— А ты про нас не рассказывай. Я тебя часто буду вызывать. Начальник колонии мой дядя. Я с мужем развелась, жить негде, вот он и предложил, работу и квартиру. Родик, милый, тебе нравится со мной?

Парень не знал, что сказать, ему не с чем было сравнивать, помолчал, пытаясь осмыслить, что случилось с ним за эти два часа, улыбнулся:

– Я не помню почти ничего.

– Родик, зови меня Аннушкой, когда мы одни. Согласен?

Родион кивнул.

– Ну, что же ты такой упрямый! Ты же мужчина, Родик, сильный мужчина, а я твоя рабыня здесь, в этой комнате. Ну, не молчи, милый, – и принялась целовать его в губы, в шею, в грудь.

Он чувствовал, что помутилось в голове, подхватил женщину на руки, крепко прижался к горячему телу:

– Аннушкой буду звать, обнимать и целовать буду до безумия, ты такая сладкая, такая вся...

Он бежал эти триста метров, как никогда не бегал, потому что надо было пересечь границу между Аннушкой и тюрьмой не позже девяти. Вскочил в проходную, караульный улыбнулся:

– Как шкаф? Собрали?

– Какой шкаф? – задохнулся зек, потом спохватился: – Собрал. Шурупов не хватило.

– Молодец! – засмеялся караульный, совсем молодой офицер. – А с шурупами у тебя все в порядке. Я живу рядом с Анной Викторовной, она хорошая женщина, ты плохого не думай.

...Бывакин вернулся из приятных воспоминаний. Аннушка приезжала к нему на свидания каждый месяц, но их не оставляли одних, только в присутствии надзирателя. Даже поцеловать ее он мог только при встрече и при расставании, тогда надзиратель снисходительно отворачивался. А теперь надо написать ей письмо, чтобы приехала к нему в город. Летом у учителей обычно отпуск. Только как писать? Там же все знают, что он сбежал. Нет, Аннушка все равно выпытает у своего дяди правду и будет рада весточке.

В деревне автобус остановился около магазина, Родион выскочил и, не глядя по сторонам, зашагал в сторону дома. Мать поймалась за дверной косяк, бессильно опустила на колени:

– Родя, сынок, родно мое...

Он поднял мать, обнял и ткнулся, как в детстве, в плечо, привычно загоняя вовнутрь чувства и слезы. Родной дом, печка, полати, крашенный пол, божничка со святыми, его портрет, незадолго до посадки снимал в школе заезжий фотограф.

За столом сидели напротив друг друга, мать вытирала глаза уголком фартука, сын молча ел жареную картошку и припивал простоквашу. Он с детства любил так есть, можно даже без хлеба. Кусок хлеба, домашнего, печеного на поду, по привычке сохранил –

на всякий случай. Облизал, как положено, ложку и положил рядом со сковородкой.

— Спасибо, мать.

— Сынок, Родя, ты почто меня матерью назвал? Я ли не мать тебе родная? Ты чему там обучился, в тюрьмах этих проклятуших? — она заплакала горячими слезами, вытираясь подолом фартука.

Родион спохватился:

— Сорвалось, мама, отвык. Не серчай, я теперь взрослый, огрубевший мужик, такая жизнь, мама. А ты как?

Мать вздохнула:

— Как и все, родной. Колхоз наш совсем захирел, платить путем не стали, сено нынче последний год выделили, больше не ждите. А без сена какая корова? Сдам хачикам. А, можа, держать будем, самто в доме останешься, сподобимся на одну-то голову?

Родион знал, что в эту сторону разговор повернется, для матери самое главное, чтобы сын рядом был, тем более, что не с приисков явился, а из тюрьмы. Как ей в первый вечер сказать, что он только на пару дней, и снова в город, надо свое место там искать.

— Без коровы не останешься, мама. Я уеду, буду помогать деньгами. Проживешь.

— Родно мое, так денегто у меня дивно скопилось от твоих переводов. Я самую малость, когда уж совсем ничего, использовала. Да куме Апросинье давала, когда ейного Гриню в цинковом гробу привезли, шептались, что из южной страны, только командиры ничего не велели делать, так и не открыли гроб-то. Сама Апроха до сих пор не верит, что сына закопали. А, можа кирпичи наклали вместо Гриньки-то? Солдатик сопровождал, под стаканчик говорил, что иных на прах разносит бомбой, вот чего вместо него родным отправят? Знамо, что накладыт тяжелого, вот и оплакивай. Ой, Родя, не ехал бы ты в чужую сторону! Поди, спознался с жуликами, можа, кого в карты проиграл? Кайся!

Родион улыбнулся, обнял мать:

— Все будет хорошо, мама, не переживай. В карты не играю, жуликов не знаю. Делом займусь.

— Деньги забери, они тебе нужней на первых порах. — И положила перед сыном большую пачку, не скупился Доктор, хорошие приветы слал от сына.

— Родик, а не твоей рукой адрес-то писан. Пошто так? — сурово спросила она.

— Мама, я же не на курорте был, вот и просил людей с воли,

чтобы отправили. Деньги прибери, и не куркуй, расходуй, на продуктах не экономь.

А докторские деньги проклятые из головы не выходили, куда их прибрать, пока он объявится? В доме и пристройках исключено, не приведи Бог — огонь, потом рассказывай Доктору про схрон в коровьем пригоне. Лежа в постели, все прикидывал, куда клад заложить. И вспомнил про Гриню, мать говорила, что большой памятник ему из военкомата привезли. Пойти днем, посмотреть, все поймут, что проведат, а ночью зарыть под памятник. Вечное место. Успокоился, что нашел решение, уснул. Приснилось ему море, тихое, спокойное, даже цвет различает: голубое, с отливом. Плещется, к берегу нежной водой прикасается, а по мокрому песку идет девушка. Присмотрелся Родион — та самая девчонка, что по степи шлялась, ковылем играла. Обрадовался, что-то ей говорит, а она внимания не обращает, идет по бережку и смотрит вдаль. Проснулся, вздохнул с улыбкой: откуда она в его сны приبلудилась? И море, и степь он ни разу в жизни не видел, тоже — откуда? А девчонка красивая, хоть и не наших кровей. Повернулся на бок и уснул, накрывшись сбившимся от старости ватным одеялом.

Через два дня, исполнив все, что наметил, Родион утренним автобусом уехал в город.

Денег из кожаной сумки Доктора Бывакин взял достаточно, чтобы прожить год, если не подвернется подходящая работа. На что он мог рассчитывать, парень без образования, без профессии, со школьным аттестатом, который на прощание принесла ему Аннушка? Посмотрев объявления, он записался в школу автомобилистов, понимая, что права в жизни все равно пригодятся. Занятия начинались вечером, день был свободным, Родион читал, лежа на диванчике в своей скромной квартирке: большая комната, душ, телефон, даже новинку приобрел, сотовый телефон. Правда, звонить особо некому, но пусть лежит. Ближе к вечеру ходил в магазин, закупал продукты на завтрашний день.

Драку он увидел сразу, но вмешиваться не стал, так учил Доктор: «Не твое — не встречай, надо — позовут, да и то подумай». Позвали. Истошный девичий крик: «Они его убивают!» сорвал с места, Бывакин увидел троих парней, упоенно бивших ногами лежащего ничком человека. С разбега сбив двоих, он тут же ударил в горло третьего, тот захрипел, ртом пошла кровь, друзья схватили его под руки и пово-

локли за угол. Родион подошел к лежащему, тронул жилку на шее — живой. Подбежавшая девушка просила вызвать скорую, кто-то побежал в магазин звонить, он поднял свой пакет и пошел на тротуар.

— Пойдите! — окликнула девушка. — Остановитесь, я не успела поблагодарить вас. Вот моя карточка, позвоните завтра после восьми вечера, я буду дома. — Она своей косынкой вытирала кровь с лица молодого человека. Поняв, что он третий лишний, Родион буркнул:

— В это время не могу.

— Хорошо, можно позже, — она с умилением смотрела на спасителя.

— Зачем? — Родион пожал плечами.

— Вы спасли моего брата. Я приглашаю вас в гости. Извините, скорая подошла.

Бывакин вернулся, помог загрузить парня, девушка тоже села в машину, он сообразил, что может подскочить и милиция, а ему эта встреча ни к чему. Быстрым шагом прошел до поворота, посмотрев предварительно, не поджидают ли те трое. Нет, все чисто. Выложив продукты, Родион сел в кресло и достал визитку. «Сопредседатель губернского Императорского собрания Княжна Лада Станиславовна Бартенева—Басаргина». Родион засмеялся: княжеского отпрыска отметилили трое городских хулиганов, а он попал в спасители. Бросил визитку на стол, стал собираться на занятия.

На автобусной остановке заметил одного из драчунов, он огляделся и довольно смело подошел к Родиону. Тот напрягся: что у него на уме, а если перо в рукаве? Но парень улыбнулся:

— Не бойсь, я чистый, — он вынул руки из карманов и показал ладонками вверх.— Разговор есть. Отойдем?

— Только короче.

— Короче некуда. Ты дерешься здорово, а нам нужны такие парни. Я Шура, еще Володя и Леха. Мы эту пару давно пасли, там было что потрошить, да только сумочку девкину урвали да часы с ее шеи успел сдернуть, а тут ты. Давай к нам, нынче есть кого пощупать.

— Часы и сумка у тебя?

— На хате.

— Завтра в десять придешь на это место и все принесешь, а потом базарить будем. Это я пока прошу, — и запрыгнул в подошедший автобус.

Хорошенькое дело — заявиться в княжеский дом с такими подарками, а княжна мила, прямо красавица. Понятно, бедному Роде ничего не светит, но хоть посмотреть на нее в домашней обстановке.

Вполуха слушал преподавателя, все вспоминал лицо княжны, но всплывал только ее крик и разбитое лицо братца. Завтра он точно позвонит. А с утра надо заняться собой.

В десять часов он получил сумочку и часы, спросил, не пропало ли чего из дамского, парень зуб дал, что все чика в чиху. Он назначил разговор на пять вечера в кафе «Нирвана». Поехал в приличный магазин для мужчин, положил перед девушкой американскую десятку и попросил одеть его так, будто через час регистрация брака.

— С чего начнем? С белья? — с улыбкой спросила она

— Решай сама, — махнул рукой Родион. — Я в этом деле хуже, чем в любви разбираюсь.

С бельем проще, а вот с костюмами пришлось повозиться. Остановились на светлом итальянском и сером в полоску немецком. Туфли выбрали быстро, нога у Родиона стандартная, положили три пары. Сюда же полдюжины сорочек и столько же галстуков.

— Барышня, ты галстуки завяжи и засунь к тем рубашкам, к которым они подходят, а то я все перепутаю.

Девушка улыбнулась:

— Я бы такого клиента сама с удовольствием одевала.

Родион засмеялся:

— Рисуешь, милая, я парень холостой, могу и прицепиться к слову.

Она тоже засмеялась:

— Цепляйся, я тоже девушка свободная.

Бывакин осмелел:

— Ты когда освобождаешься, ну, в смысле — с работы?

— В восемь.

— Так я тебя встречу — он осмелел.

— Рискни! — в тон ему ответила девушка.

— Риск — моя стихия! — раздухарился Родион.

— Это я по деньгам поняла, — усмехнулась она.

— Проехали. Но я буду встречать.

Княжне он решил позвонить до встречи с продавщицей, все равно занятия сегодня пропали, надо еще с духариками разобраться, а если княжна пригласит прямо сегодня, то отговорится автошколой.

В пять часов в кафе пришли только двое, третий в больнице, но будет жить. Родион заказал по чашке кофе. Парни брезгливо поморщились:

— Мы с собой прихватили, — шепнул Шура

— Это без меня. О чем базар?

— Есть на примете хата, полная чаша. На выходные хозяева уезжают на дачу. Можно вынести прилично, — похвастал Леха.

– Еще.

– Фраерок один каждый день ездит в банк, сдает деньги. Это в восемь вечера. Возле банка никого. У него портфельчик в руках. Сбить, портфель в зубы, и ходу. Навар!

– Я вам зачем?

– Ты сильный. Нам его быстро не управить, – пояснил Шурик.

– Тогда вы мне зачем? – вполне резонно спросил Родион.

Парни заволновались:

– У нас наколки есть, но мы же тупые в этом деле, нам шеф нужен, чтоб научил драться и всему другому.

– С чего вы взяли, что я тяну на шефа? – поинтересовался Бывакин.

– Ну, по секрету: нам участковый сказал, что ты только что оттуда. Значит, толк знаешь. Бери нас, не пожалеешь. – Шурик уже почти просил.

– Так. Про хату все завтра изложите, до следующей пятницы можно готовить. За фраера вашего ничего не скажу, покажете, я определюсь. Все. Где вас искать?

– В гаражах на Заслонова. Там у нас бокс.

Родион помолчал:

– Не пойдет. Если что – я участковому скажу, он передаст.

Друзья испугались:

– Ты что, слить нас хочешь?

Родион засмеялся:

– Чудаки! Этот мент в любое время на вас собаку повесит. Ни слова с ним, забудьте. Если потребуесть – губной помадой мордочку нарисую на правой стенке остановки. Значит, в тот же день в пять вечера встречаемся. Меня не ищите. Все.

Достав карточку с номером и взяв телефонную трубку, Бывакин вдруг смутился: а что сказать? Былая отвага, подкрепленная модной одеждой и современной стрижкой, вдруг исчезла. Что у них за дом, может, коттедж с охраной, ковры прямо от калитки, испанские боевые собаки в вольерах? И сама она что из себя – княгиня или княжна? А, княжна – значит, не замужем. Хотя ничего княжеского во время той свары он не заметил. Махнул рукой: скажу, что украденное у меня, могу привезти в любое место, а если будет настойчиво приглашать (Родя поймет, если настойчиво) – придется поехать.

– Я вас слушаю, – приятный женский голос.

– Здравствуйте, меня просила позвонить Лада Станиславовна.

— Одну минутку, пожалуйста, я ее приглашу.

Родион вытер лоб. «Ну, нашел причину волноваться. Избавлюсь от вещичек, и на выход».

— Слушаю вас.

— Это Родион, вы мне карточку дали после драки, а я вещи ваши забрал у грабителей, надо бы передать.

Лада заметно обрадовалась:

— Ваше имя Родион? Это прекрасно. Запишите адрес и сейчас же приезжайте. Я встречу вас около дома.

Родион остановил такси, доехал быстро, около большого полустеклянного дома увидел ее, она была в легкой кофте и домашних туфлях. Увидев Родиона, быстрым шагом подошла и подала руку.

— Согласитесь, Родион, странное у нас знакомство. Сначала вообще никак, потом по телефону, и вот, наконец, вживую. Я рада вас видеть, пойдете в дом, папа и мама тоже ждут. Брат уже изрядно поправился, очень вам благодарен. — Она говорила без умолку, Родион даже слова вставить не успевал. Прошли большой вестибюль, поднялись в лифте, в дверях квартиры встретил побитый братец:

— Здравствуйте, Родион, мое имя Гавриил, можно просто Ганя.

— И меня по-простому Родя зовут.

— Замечательно. Проходите.

Да, такого Бывакин в жизни не видел, только в кино. В большой гостиной накрыт огромный круглый стол, вокруг стулья, больше похожие на кресла. Каждое место оборудовано тарелкой, салфетками, ложками и вилками, посередине стола большая посуда под крышкой. Лада представила родителей, довольно пожилых, но отменно выглядевших. «Постарше мамы будут, а как новенькие», — подумал Родион. Про себя повторил: «Станислав Сергеевич и Елена Дмитриевна».

— Молодой человек, вы не стесняйтесь, мы так вам благодарны за помощь нашему сыну, — нараспев сказал отец.

Родион вынул из пакета сумочку и часы. Опять благодарности и приглашение за стол.

— Мне бы руки сполоснуть, — он посмотрел на Гавриила. Тот кивнул, вошли в ванную, на кране Родя не увидел привычного барашка. Гавриил подставил под кран руку, вода потекла. Родион хмыкнул. Гавриил подал чистое полотенце.

Когда сели за стол, вошла молодая девушка в передничке, как официантка, взяла со стола бутылку и всем налила вина. Пока застолье переговаривалось и закусывало, она аккуратно открыла большую

посудину и всем налила суп. В ажурных тарелках тонкими ломтиками нарезан белый и черный хлеб. Такими тонкими, что они просвечивали. Родя вспомнил тюремные пайки и улыбнулся. Гавриил налил еще по бокалу всем мужчинам.

— Молодой человек, вам не кажется, что похожее знакомство уже где-то случалось и описано в одном из великих произведений мировой литературы? — пропел Станислав Сергеевич.

— Да, я читал про такое, вроде «Мартин Иден», а вот автора не помню.

— Ситуация похожа, но не совсем, — опять запел папаша. — Там спаситель был чуть ли не бродягой, а вы элегантный современный юноша. Простите, чем вы занимаетесь?

Родион смутился: сказать, что учится в автошколе? В такой обстановке? Или рассказать про три года тюрьмы, где и начитался умных книжек, вот, одна даже пригодилась? Надо врать, но аккуратно.

— Я только что приехал из Новосибирска, пришлось расстаться с родителями, они пытались направить меня в медицину. Осматриваюсь, думаю, найду занятие по душе.

Ганя уже ждал минутки, чтобы задать вопрос:

— Родя, мы прошлым летом с ребятами ездили на Байкал, сплавлились по речке Селенге, немного, километров сто, потом трое заболели и нас вывезли вертолетом. Ты бывал в тех местах?

— Гавриил, что за фамильярность? Родион наш гость, и я не слышал, чтобы вы договорились перейти на ты! — возмутился интеллигентный папаша, подхватив на вилку солидный кусок семги.

— Папа, мы с Родионом почти ровесники, что нам официоз, правда, Родя?

— Согласен, — кивнул гость.

— Ну, впрочем, дело ваше. А вы, барышня, все молчите? — Отец повернулся к дочери. — На вас это не похоже. Вы у нас такая говорливая.

Лада начала, как будто долго репетировала эту речь, эмоционально, четко выговаривая слова:

— Друзья мои, я так благодарна Родиону за благородство и мужество. Все случилось так неожиданно, эти трое напали на Ганю сразу и сбили с ног, у меня вырвали из рук сумочку и часы с шеи. И тут появился Родион, это было явление возмездия и справедливости. Конечно, он герой, настоящий мужчина. Эти качества чрезвычайно редки сегодня. Думаю, Родион согласится бывать у нас и со временем стать другом семьи.

— Я рад, дочь моя, что ты высказала наше общее мнение. Родион, наш дом всегда открыт для вас, — просолировал папа.

Потом пили чай с вареньем, ели фрукты. Родя внимательно следил за Ганей, какой прибор он берет, и вроде все получалось. После обеда Гавриил развел руками:

— Родя, у меня тренировка, теннис, я должен тебя оставить на попечение сестры. Она расскажет обо всем, что тебя интересует. В том числе и обо мне, но ты не всему верь, ее суждения субъективны.

Лада попрощалась с родителями и подошла к Родиону:

— Я вижу, что вы смущены. Приглашаю вас в свою комнату, там много проще. И я все объясню.

В комнате ряд книжных шкафов, небольшой белый рояль, зеркало в красивой раме с бесчисленными флаконами на тумбочке и телевизор.

Она усадила гостя в кресло, сама села напротив:

— Можно, я тоже буду звать вас Родей? — Лада заглянула ему в глаза.

— И на ты. Терпеть не могу игры в вежливость

— Нет, не сразу. Между мужчинами — да. Кстати, я должна извиниться, что случайно дала вам официальную карточку, у меня есть и другая, повседневная. Княжна — это правда, но мы только пытаемся восстановить общение знатных фамилий. К сожалению, Родя, наследники, если и находятся, то изрядно измельчали. Представьте себе, предки большевиками были либо уничтожены, либо приручены. Следующие поколения вынуждены были скрывать происхождение и вместе с тем терять нравы и традиции. Многие нивелировались под пролетариат. Я историк по образованию, только что экстерном окончила Московский университет. Наши предки были людьми очень заметными, большие посты занимали в государстве, в революцию сохранились лишь благодаря вмешательству Максима Горького. Наш прадед слыл крупным специалистом по статистике, его взяли в Совнарком. Наша прабабушка, судя по фотопортрету, была красавицей. Они сумели сохранить часть драгоценностей и золотых изделий, потому выжили и их дети, и мои родители. Я не знаю, сумеем ли мы собрать достойных представителей древних родов, ведь сейчас титул князя или барона можно купить, и самостийная геральдическая палата нарисует вам и герб якобы родовой, и безукоризненную родословную.

— Так плюньте на все и бросьте! — Родион едва сдерживал себя.

— Образованная умная девушка хлопчете за этих тупых и все потерявших.

Лада испугалась:

— Что вы, Родя, это очень важное дело. Мой папа считает, что эта власть весьма временная, у русских хватит ума, чтобы вернуться к монархии, а царя, как известно, играет свита. Мы должны собрать лучшие силы России в помощь будущему Государю.

Родя понял, что спорить нет смысла:

— Да мне вас жалко, только время потеряете. А для историка работы море. Я слышал от одного человека, что историю нашу исковеркали, извратили, подсунули нам пошленький вариант. Вот где надо копать. Ну, это ваше дело, простите меня, не мне вас учить.

Лада села за раскрытый рояль и стала тихо играть, этой музыки Родя никогда не слышал, она была спокойна и благодушна, и сама исполнительница скоро слилась с мелодией, смежила глаза, и звуки были все настойчивей, все призывней, Родя разволновался, вдохновенное лицо девушки было столь доступно и так желанно, что он шагнул к ней и нежно коснулся сомкнутых губ. Лада вздрогнула, музыка пропала, она встала и четко сказала:

— Никогда больше не делайте этого.

Родион очнулся.

— Конечно. Я же не княжеского происхождения! — он пошел к выходу, путаясь в дверях, наконец увидел входящую девушку, ту, что обслуживала стол, слегка подвинул ее и вышел на площадку. Лифт, он никогда им не пользовался, увидел лестничный пролет, побежал по ступенькам и уже в вестибюле чуть не сбил стоящую у выхода Ладу. Она поймала его за руку:

— Родя, простите меня, ваш поцелуй был столь неожиданным, что я испугалась своей доступности. Что вы про меня могли подумать?

Родион осторожно высвободил руку:

— Уже ничего. Я ничего не буду о вас думать, как и предки мои, сибирские крестьяне, никогда и ничего не думали о князьях Бартеневых—Басаргиных. Я был дерзок сословно, но прав как мужчина, который видит красивую женщину и хочет ее поцеловать. Прощайте.

Он приподнял Ладу под локотки и поставил в сторону. На улице облегченно вздохнул.

Шел тротуаром и грязно матерился, что, как пацан, клюнул на блестяшку: «Княжна Лада Станиславовна! Обыкновенная баба, а строит из себя. Да в гробу я видел ваши благородные собрания!». Он сорвал галстук и сунул его в карман пиджака. Таким же быстрым

шагом перешел площадь и оказался перед магазином, в котором делал покупки и встретил симпатичную девушку. Он ей точно понравился, да и она хороша собой. Ах, была—не была — зайду!

Девушка даже не скрывала, что рада его появлению.

— Обманщик, допытывался, когда рабочий день заканчивается, я выскочила, думала, ждет ухагор, а он в новый костюмчик вырядился и уже девушек соблазняет.

Родя развел руками:

— Ругай меня и можешь даже легонько ударить по щеке. Как тебя зовут?

— Настена, — с улыбкой ответила она.

— А я Родион. Видишь, как все просто. До восьми еще далеко. Повяжи мне галстук, а то я, как хулиган.

— Пройди в примерочную.

Она приняла галстук, подняла руки и приподнялась на цыпочках, чтобы переложить его через голову, но Родя охватил ее руками, прижав груди к самому лицу. Настена опустила на всю ступню и они стали целоваться, нежно, крепко, не боясь, что кто-то войдет.

— Отпусти, у меня через полчаса смена кончается. К тебе поедем?

Родион тут же у магазина купил букет роз, остановил такси, вместе зашли в продовольственный магазин, набрали продуктов.

— Родик, а вина ты не берешь? — спросила Настена.

— Я не пью.

— А я бы выпила, — вздохнула она.

— Без меня. Терпеть не могу женщин с запахом.

— Да я так, для смелости, — Настена уже оправдывалась

Он обнял девушку за плечи:

— Смелости у нас хватит и без вина. Ты куришь?

— Иногда, — смутилась девушка.

— Никогда. С сегодняшнего дня. Согласна?

— Да с тобой я на все согласна, Родик, — преданно улыбнулась и чмокнула его в щеку.

Настена была удивлена скромностью квартирки, она думала, что такой состоятельный парень живет, по крайней мере, в трехкомнатной. К удивлению хозяина, она скинула платье, перетрясла холостяцкую постель, застелив свежей простыней, налила ведро теплой воды, нашла швабру и отдраила запущенный пол. Ушла в душ, вернулась, обернувшись в простыню, и выдохнула:

— Сил нет терпеть, Родя, на кухне потом приберусь.

...Она лежала у него на руке и гладила непослушные волосы. Он молчал. Настена сказала, что она приехала из деревни, живет в общежитии, вот только что устроилась нормально, магазин хороший и зарплата приличная, можно даже родителям послать. Учиться собирается поступать в будущем году, но надо бы на бюджетное место, платить нечем. Сказала, что хотела бы замуж выйти за хорошего человека, детей нарожать, дом свой иметь.

— Я дура, правда? — она резко повернулась к Родиону. Он лежал, глядя в потолок. — Ты не слышал меня? — Настена хотела обидеться.

— Все девушки этого хотят, мужа, детей, дом. Если ты меня имела в виду, Настена, то напрасно, — спокойно сказал он.

— У тебя кто-то есть? — испуганно спросила она.

— Да, — ответил Родион. — У меня есть один человек, которому я многим обязан, и который не отпустит меня до конца жизни. Это мужчина, Настена, очень серьезный мужчина.

Она приподнялась на локотке:

— Что-то я тебя не пойму, Родик, ты вполне нормальный, и причем тут мужчина?

И тогда Родя рассказал ей все: про подростковую драку в деревне, про детскую колонию, про перевод на зону и про Доктора, который спас его и тем повязал навсегда. Настена испуганно присела на постели.

— Родик, откуда у тебя такие деньги? Ты бандит?

Родион усмехнулся:

— Пока нет, Настена, не бойся, а то посуда на кухне останется немойтой.

Девушка заплакала:

— За что я злосчастная такая, встретила хорошего человека, влюбилась, а ему ничего не надо, ни детей, ни дома. Родик, что мы теперь будем делать?

Он ничего не ответил, сходил на кухню, вернулся с двумя чашками кофе и плиткой шоколада. Стал тихо говорить о том, что будет. Пока будет так, что Настена переедет к нему, вечерами будет готовиться к экзаменам в институт. Где был Родя и что делал — ей знать не надо. Если кто-то придет и спросит, сказать, что ушел по делам, если останутся — вместе с ними ждать, но в окне на кухне задернуть правую занавеску. Начнут спрашивать — рассказать все про знакомство, про любовь, но ни слова о его прошлом, ты ничего не знаешь, а он ничего не говорит.

Вечером съездили в общежитие, Настена собрала свои вещи, разложила в отдельном ящике шкафа. Началась совместная жизнь.

Бывакин вечером, как всегда, пошел в магазин за продуктами и увидел Гавриила. Ганя явно его подждал.

— Здравствуй, Родя! Ты так внезапно исчез, ни адреса, ни телефона. Наконец, я вспомнил, где меня били, и пришел на это памятное место. Я правильно рассчитал, что ты появился тут не случайно, и часто бываешь. Вот, третий вечер караулю.

— Зачем? — спросил Родион.

— Родя, я не знаю, что между вами произошло, но Лада с ума сходит, она влюблена в тебя, я так понимаю. Она умница, красавица, но всегда была увлечена прошлым нашего рода, хотя я так и не пойму, зачем все это ворошить? Она по этой причине вообще не имела контактов с парнями, ты первый, на кого она обратила внимание, и теперь уверена, что это любовь. Каково?

Бывакин не знал, что ответить. Эта княжна может вбить себе в голову все, что угодно, но Родя тут причем? Да, она ему понравилась, он даже пытался поцеловать, но получил такую отповедь! Гане сказал:

— Нет, Ганя, любви тут нет. Ты ее успокой. Я простой деревенский парень с темным прошлым и еще более темным и неопределенным будущим, что для княжны совсем не подходит.

Гане, видно наказано было без положительного ответа не возвращаться:

— Прости, Родя, она просила убедить тебя прийти к ней в гости. В крайнем случае дать свой телефон. Можешь?

Родион продиктовал номер домашнего и уточнил, что звонить лучше вечером, днем он занят делами.

Ганя не унимался:

— Ты знаешь, Родя, а как было бы здорово, если бы вы с Ладой поженились! Она добрая, спокойная, ласковая. Прости, но я почти уверен, что она любит тебя. А если ты вдруг отвернешься, эта девушка на все способна. Ты немного пообщайся с нею, а потом найдешь повод расстаться. Например, ты поехал в другой город или за границу.

Родион взял Ганю за грудки:

— Ганя, я не умею жить наполовину! Я или люблю или вообще не знаю этого человека. Да, Лада мне очень нравится, но лгать, искать момента, чтобы смяться... Давай подождем ее звонка, что она скажет.

Сегодня он должен снова пойти к банку и проверить, правильный ли вывод сделал о том, что это кассир крупного торгового центра и он каждый вечер в восемь часов в портфеле привозит дневную выручку. Бывакин в разных прикидах, в очках и с зонтиком, в шляпе и

вязаной шапочке несколько раз проходил рядом с этим маленьким суетливым человечком и был уверен, что портфель не пристегнут к руке или брючному ремню. Уверен, потому что два раза видел, как человек перебрасывал его с руки на руку, когда закрывал дверцу машины. Родя проверил: водитель благодушно сидел на своем месте, словно пассажир пошел купить сигарет.

«Вот край непуганых миллионеров», — усмехнулся Родя и решил завтра портфель этот взять.

Собрав на пустыре всех своих компаньонов, он объявил, что с завтрашнего дня все они записаны в секцию «бои без правил», в подвале дома под кафе. Все оплачено, качаться и драться, а потом займемся оружием. Парни аж заповизгивали. Потом строго распределил обязанности на операцию с портфелем. Шурик стоит внутри банка у входа и тормознет всякого, кто будет выходить из банка. Вовчик смотрит за водителем и задержит его, если тому вдруг придумается пойти за хозяином. Сам Родя должен выбить портфель из рук этого плюгавенького человека и на минуту нейтрализовать его. Лёха хватается портфель и бежит навстречу движению транспорта, чтобы водитель не сумел развернуться и догнать. Сбор у въезда в гаражи. Родя с деньгами уходит первым, остальные рассасываются, как могут. Вопрос о том, что он может скрыться с деньгами, никто не задавал, Родион сам на него ответил:

— Глупо бежать после первого дела. Еще неизвестно, что в портфеле. Вечером встретимся на остановке, еще раз обсудим. И знайте: сомнение в товарище — первый враг коллектива.

Без четверти восемь все были на местах. Бывакин в шикарном костюме с галстуком прошел во второй стеклянный тамбур и расстегнул свой портфель, якобы проверяя документы. Нужный человек пришел точно по графику, Родя выпрямился и мягким ударом в горло уронил его на пол, напарник схватил портфель и прыгнул с крыльца. Родя выскользнул в дверь и ушел в другую сторону. У киоска «Мороженое» постоял, удивляясь, почему до сих пор нет милиции. Наконец, запела сирена. Все, дело в шляпе.

Уложив Настену спать, Родион закрылся на кухне и вывалил содержимое портфеля на стол. За час до этого в вечерних новостях сообщили о дерзком ограблении инкассатора крупнейшего банка. Родя подумал: знай он, что это — не кассир, на дело бы не пошел. В новостях сказали, что грабители действовали очень профессионально, жертв нет, как и нет никаких примет нападавших. Родион разделил

деньги на четверых и сложил в пакеты. Завтра ребята прямо из его портфеля возьмут каждый свою долю. О том, что все доли равны, Родя ничего говорить не стал, тем более, что в тот же вечер была названа сумма похищенного.

Бывакин даже себе не признавался, что ему льстило внимание такой девушки, как Лада, но он понимал, что из их отношений, даже если они и возобновятся, ничего не получится. Наверное, ей приятен сильный и симпатичный молодой человек, прилично одетый и умеющий вести себя за столом. Конечно, она не могла заметить, что Родя копировал все движения Гавриила, чтобы не допустить ляпа, который бы мгновенно разрушил в ее воображении образ романтического и близкого по духу юноши. Она настаивает, даже просит через брата о встрече, что едва ли приличествует ее статусу, и он должен пойти, чтобы все привести в порядок: да, Лада очень милая барышня, но Родя парень из иного круга. Можно рассказать ей о придуманной семье в Новосибирске, о тюрьме и о беспросветном будущем, потому что с тюремной школой ему не сдать экзамены даже в техникум, точнее — в колледж. А потом заявить, что из-за болезни матери он вынужден будет навсегда покинуть город и вернуться в деревню. Бывакин был уверен, что после этого у барышни не останется никаких иллюзий.

Он набрал номер телефона и услышал ее мягкое:

— Да, вас слушают, говорите.

— Это Родион. Здравствуйте, Лада. Простите мне мою дерзость и не обижайтесь, я сам очень переживаю.

— Забудьте об этом. Я хочу сказать, что вам не в чем раскаиваться, я потом поняла, что вы поступили по порыву сердца, а это самое искреннее, на что способен человек. Потому я прошу вас, Родион, приезжайте к нам, я вас встречу, мне хочется с вами о многом поговорить. Нет-нет, никаких отговорок, я вас жду.

Придется ехать. А ведь манит, манит эта прозрачная девушка, живущая нереальной жизнью, хлопочущая о высоком обществе, которое должно окружить будущего Государя. А кто он? Из тех, кто сейчас рулит из Кремля, царя не собрать даже по крупичкам. Родион покупал в киоске все газеты и быстро просматривал. Как он научился читать между строк? К этому подтолкнул Доктор, который брезгливо относился к газетам, телевизору и власти. Кажется, к любой. А читать заставила Аннушка, чистая душа и несчастная женщина. Он

тоже хорош, уехал внезапно и забыл. Мог бы написать, была даже мысль вызвать ее и жить вместе, но одно за другое — и забылась Аннушка, которой стольким обязан. Ехал в автобусе и думал.

Лада, как и обещала, встретила у крыльца, смущена, щечки покраснели. Провела по пустому вестибюлю в свою комнату, усадила в кресло.

— Родион, я намерена говорить с вами серьезно. Вы умный и серьезный человек. Ваши родители хотели, чтобы вы стали врачом. А вы где собираетесь учиться?

Он посмотрел ей в глаза с улыбкой:

— В автошколе.

Лада оторопела:

— Не совсем поняла. Причем тут автошкола?

— Хочу получить права, чтобы водить машину.

Девушка явно обрадовалась:

— Прекрасно! Но я имела в виду учебу настоящую, например, университет или политехнический институт.

— Я еще не решил. Время есть.

Лада прошлась по комнате, шурша обширной юбкой. Белая кофточка тоже была свободной, но Родя заметил и остренькие груди, и тонкую талию.

— Родион, вы современный молодой человек. Что для вас любовь? — она остановилась и глядела на него ясными голубыми глазами.

Парень растерялся. Говорить книжные слова — глупо, своих почти не было, да и не любил он по-настоящему никого. Так, привязанность, общая постель. Решил признаться:

— Лада, вы меня застали врасплох. Я не особо искушен в этих чувствах, все времени не было.

Лада наступала:

— Но вы верите, что любовь есть, и она движет людьми?

— Возможно, — Родион беспомощно развел руками.

— Ах, какой вы несговорчивый! Конечно, сегодняшние проявления чувств весьма далеки от идеалов наших предков. Тогда любили..., как бы точнее выразиться: светлее, чище. Любовь — это два человека, ставшие единым целым, это их мир, который ничто не способно разрушить. Вы помните декабристов? Помните жен и невест, которые отринули все: богатство, покой, общество — и поехали к любимым в Сибирь. Или вы думаете, что это красивые легенды? Нет, Родион, это чистая правда.

Она открыла шкаф и вынула несколько папок, на лицевой стороне гость заметил царский герб.

— Я собрала много документов по своему роду, и среди них несколько писем прапрапредков, из девятнадцатого века. Они написаны не весьма разборчивым подчерком, потому я дам вам только те, что успела перепечатать на машинке. Уверяю вас, это не фантазии, это документы. Я разрешаю вам их прочесть.

Лада подала несколько листов и включила верхний свет.

— Читайте, а я приготовлю чай.

Бывакин начал читать и сразу захватили его тот дивный старый стиль и душевная, искренняя манера обращения и изложения событий, мыслей и чувств.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

«Здравствуйте, дорогая моему сердце Екатерина Сергеевна, жена моя венчанная и друг до конца дней моих. Первое письмо разрешили мне власти тюремные отписать, и кому я его адресую, акромья Вас, родной и любимой. В первых строках сообщаю Вам, что страдания наши на этапе закончились сравнительно благополучно, но многие десятки несчастных не выдержали пешего перехода, особливо в зимних месяцах, когда за Уральским камнем холода и ветры такие, каких в Петербурге не бывает никогда.

Любезная Екатерина Сергеевна, тот адвокатишка, который взял с Вас сто рублей ассигнациями, так и не сделал ничего, больше того, он и не пытался сделать, чтобы хоть както облегчить мою и Вашу участь, укоротить срок каторги или даже добиться оправдания. Я в пересыльной тюрьме встретился со многими людьми, которые уголовное дело знают не хуже господина городского прокурора, они уверяли, что ретивый защитник мог бы мое дело кончить в нашу пользу, тогда бы и быть нам вместе, а теперь нельзя. Долгих пять лет — выдержите ли Вы сие испытание, ниспосланное нам Господом? Я уж не говорю о себе, ибо знаю, что все снесу, все переживу, только бы мне увидеть и обнять Вас, дорогая Екатерина Сергеевна.

В Екатеринбурге железная дорога окончилась, нас со станции завели в пересыльную тюрьму, разрешили постирать белье и отремонтировать одежду, у кого нужда. Потом сводили в баню. Конечно, голубушка, баня грязная, шайки сопрели, лавки гнилые и даже проламываются. Но была горячая вода, и какое блаженство после нескольких недель без мытья растереть свое тело своей же нательной рубашкой. Три дня нас держали, потом объявили, что будет пеший переход до Омска. Насколько я

помню по карте, это более трехсот верст. Это уже апрель, снег сходит, солнце яркое и чистое, но дороги разбиты, и идти нету сил. В первый же день почти все каторжники разбили напрочь свои сапоги. Ночевали в деревенском сарае, кто чем мог, ремонтировал обувь свою, а потом пришли крестьяне, принесли шилья и дратву, это такая нитка суровая, смазанная варом, чтобы не прела. Принесли и свою старую обувь, которая оказалась годнее нашей. Кое-как пошли дальше.

Пропитание выдавали на весь день, сухари и рыба сухая, но и этому рады. С каким бы удовольствием откусал я черного ржаного хлеба, который выпекает Анфиса специально для прислуги! В иных местах оставались и варили кашу, горячая пища нужна человеку в таком положении более всего, но конвойное начальство не очень благоволит, да и как его обвинять, если каждый день случаются побеги. Меня тоже соблазнили в местечке Тюмень, но я наотрез отказался. Бежать — значит быть под законом, без документов и не смей приблизиться к Вам, Екатерина Сергеевна, а сие противно сознанию моему.

А потом, это уже в мае, все мы заболели неприятной болезнью, да столь повально, что и двигаться колонна не могла. Начальник конвоя умный человек, сообразил, что дело, видимо, в провианте, подsunул купец и рыбу протухшую, и крупу пропащую, а для конвоя провиант закупили в другом месте, солдаты хоть бы что, а каторжные все, простите за натурализм, на кукорках сидят. Рядом село большое, приехали мужики, спрашивают начальство, что за народ ведут. Отвечают, что всякие преступники, вплоть до убийц. А те интересуются, нет ли среди нас революционеров и террористов. Ответили, что Бог миловал. Тогда мужики говорят, что сей же час организуют хороший обед, а начальнику советуют корм этот гнилой выкинуть, староста сельский печать приложит к документу об этом, а начальству с солдатами ехать в уезд и там получить новый провиант. Нас от поноса вылечили быстро, в бочонках привезли отвар трав всяких, мы по ковшику выпили и как рукой сняло. А потом стали нас кормить щами со сметаной и белым хлебом, а после и кашей просяной, мы такую ещё не знаем. Масла лили в кашу черпаками, очень славно. Потом всех в сон кинуло, а после начальник построил нас и сказал, что вынужденно уезжает, а чтобы мы не разбежались, по совету деревенских мужиков заведут нас в лог, откуда выход только один, тут и будет охрана.

Пошли мы к этому логу. А надо Вам сказать, родная моя, что край этот чудесный: река протекает широкая, называется Ишим, а далее луг заливной с высокими травами, а потом крутая гора, надо полагать,

что это берег бывшего здесь моря или огромной реки, вот в этой горе и образовались лога и овраги. Тот лог, к которому нас подвели, поистине страшен: стены отвесные, даже в самом истоке, на дне ручей с хорошей водой. Один каторжник обратился к начальнику и мужикам, которые нас сопровождали с такой просьбой: чтобы нам здесь без дела не сидеть, пусть мужики везут лопаты и ведра, а сами едут к ближайшему лесу и копают малые берёзки. А весь этап поделить пополам, и вывести на берега этого лога, и пусть солдаты отойдут на сто шагов, если кто побежит — стреляй. Он оказался ученым человеком, разметил, где ямки копать, каким размером, и за день мы обсадили весь этот лог малыми березками. Лог местные называют Лебкасным, видимо, берут тут лебкас для побелки домов своих, но лебкас им ближе по произношению.

Милая Екатерина Сергеевна, не могу найти таких слов, чтобы выразить степень тоски моей по Вам, по нашему дому, по нашим прогулкам в саду в деревне и по Невскому в городе. Теперь мне это как сон, думать об этом боюсь, потому что сразу в голову приходят мысли о Вашем положении и состоянии. На сем заканчиваю. Станете мне писать, заложите в пакет чистой бумаги, тут можно достать, только серой и грубой, на таковой не хотел бы я излагать светлые свои чувства. Прощаюсь, душа моя, и жду вашего ответа, чтобы исцеловать и слезьми облить те листочки, какие вы держали в своих нежных ручках.

Ваш муж Алексей Кириллович.

Ноября 10 дня 1882 года».

ПИСЬМО ВТОРОЕ

«Дорогой мой муж и вечный жених Алексей Кириллович, припадаю к Вашим ногам, чтобы приподнять своими слабыми усилиями Ваши оковы и хоть на минутку сделать Вам облегчение. Все Ваше письмо я зачитала на память, матушке и батюшке вашим только пересказала, ибо не совсем было бы благонравно читать им о Ваших чувствах, которые касаются только нас. В доме у нас все покойно, только есть одно дело, кое не имею права решать без Вашего на то согласия. Милый муж мой, последняя ночь, которую добродушный начальник пересыльной тюрьмы за скромное подношение и под честное благородное позволил Вам провести дома, навсегда будет теперь в нашей памяти, и не только потому, что эта ночь была еще больше чистой и страстной, чем первая наша ночь после венчания и свадьбы, а потому, что Господь благословил нам дитя,

и я несу его под сердцем своим. Теперь я хотела бы испросить Вашего совета, оставаться ли мне в таком интересном положении у родителей Ваших, которые, я в том уверена, окружают меня поминутной опекой, либо переехать к своим в деревню. И мысли не имею хоть сколько обидеть Ваших родителей, только дома мне было бы покойней и проще. Но в городе я скорей получу Ваши письма, чем в деревне, да еще и потеряют пьяные ямщики. И к тому же в городе доктора рядом, Иван Христофорович регулярно посещает батюшку Вашего, через матушку, ибо самой еще совестно, узнаю от него, кто изрядно понимает в женских делах, чтобы при нужде можно было вызвать и получить помощь. Ребенка я еще не чувствую, только тошнит временами и совсем пропал аппетит. Матушка Ваша, спасибо ей, спасает меня, как умеет, а батюшка только с любовью смотрит и улыбается.

Погода в такое время всегда мерзкая, снег с дождем, пешком кроме работного люда никто не ходит, ежели только в санках да на извозчиках, лошади все кованы, но и те, бывает, скользят и распластываются среди улицы. Я давеча в окно видела, как одну несчастную дорезали ножами и всю мостовую угоили в крови, мне сделалось дурно, и я отошла. Про случай наш уже не сплетничают, три дня назад приезжала к родителям Антонина Бонифатьевна, чай пили все вместе, она меня очень успокаивала, вот и сказала, что в обществе уже не вспоминают случившееся. А у меня с ума нейдет то несчастье, по которому выпала нам горькая разлука. Любимый мой Алексей Кириллович, без вины я пред Вами виновата, и казнь себя за то, что в тот злосчастный вечер не отказалась ехать в собрание, было у меня предчувствие недоброе, сердце подсказывало, только мы едва ли верим своему сердцу. Пропишите мне, чем я могу помочь Вам, кроме писем этих столь редких по какому-то глупому уложению, что в столь тяжкой разлуке супруга может толичко одно письмо за месяц сдать на почту.

Батюшка мой сообщает в письме, что дома все, слава Богу, благополучно, хлеб уж домолачивают на гумнах, рожь нынче удалась, чем мужики сердечно довольны. Уже и по традиции смолотли на жерновах зерно нового урожая и испекли хлебы. Я тоже отведала корочку, очень ароматно и вкус удивительный. Батюшка всем простил долги семенные и прочие, просил молиться за нас с Вами и за благополучное Ваше возвращение. Пишет, что хворал ныне, старая рана баязетовская открылась, две недели не вставал, теперь улучшение, и даже ездил в гости к другу своему Артему Герасимовичу, коего Вы должны помнить, он на свадьбе нашей изображал турецкого султана, чем изрядно всех повеселил. Ма-

тушка все по дому, в субботние дни, как и при моей бытности в девичестве, собираются в людской девушки крестьянские, и матушка учит их грамоте, чистоплотности, приличным манерам, чтобы знали, как вести себя, когда приличные люди приезжают, как с парнями деревенскими себя блюсти, а то взяли моду до свадьбы познать ложе супружеское. По той причине случилось уже в нашей деревне убийство из ревности молодого мужа, коего невеста его хотела обмануть. Да, пишет матушка, трех жен на первом году изгнали мужья из дому, и все по той же вине. Боюсь только, что матушкины уроки едва успеют за падением благочестия и порядочности, которые уже обществу безразличны.

Родной мой Алексей Кириллович, простите меня за пустяки, коими заполняю я страницы письма к Вам, но ничего другого не могу себе представить, коль откажусь от описания дел мирских и даже посторонних, кроме как в каждой строке писать, как люблю Вас, как тоскую, как виню себя. Целую Вас крепко и нежно глажу ваши щеки, уши, Ваши шелковые волосы. Вы снится мне каждую ночь, но так невнятно, что кроме того, что был сон, и Вы были в нем, я ничего путного не могу вспомнить. И пусть, зато в душе остается нежность и сладость.

Остаюсь Ваша жена Екатерина Сергеевна.

Санкт-Петербург, 30 ноября 1882 года».

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

«Милая Катенька, так и буду тебя теперь называть, потому что нет нам нужды придерживаться общественных манер и правил, я так по тебе тоскую, что иначе, чем Катенькой и звать тебя не могу. Спешу поблагодарить тебя за великую радость, которую ты так мило описала. Будь осторожна и во всем слушай маменьку, она родила пять раз, потому все тонкости ваших женских состояний знает. Как я хочу быть с тобой рядом, припасть к твоей груди, целовать животик твой и услышать шевеление нашего малыша. Любовь моя, ты напрасно терзаешь себя мнимой виновностью, твоей вины нет нисколько, а что касаемо меня, то я ни в чем не раскаиваюсь, знай я в тот момент о возможной расплате, поступил бы ровно так же, как и в действительности. Честь моей жены и моей семьи превыше свободы и даже жизни. Но не будем об этом. Описывай мне свое состояние, поведение нашего ребенка, мне от этих слов светлее и легче на душе.

А еще хочу сообщить тебе новость удивительную. Приехал в нашу

тюрьму чин из здешней губернии, мы, конечно, об этом ничего не знали, потому, как никто из охраны с заключенными не разговаривает. Только вечером, когда вернулись с работ в барак, прибежал офицер и крикнул мою фамилию. Я, как положено, ответил, и велел он мне следовать за ним. Пришли в большое здание тюремной конторы, поднялись на второй этаж, там очень славно: на подоконниках широких цветы разные стоят, как у наших мужиков в деревне, герани всякие и прочая ерунда, но моей душе очень приятно, потому что прекрасного я уже полгода не вижу, только грязь, брань и разврат.

Подвел меня офицер к большим дверям и велел стоять молча. Странное дело, но никаких мыслей у меня в ту минуту в голове не было, потому что невозможно было предположить чтолибо разумное о причинах столь странного вызова. Здесь, родная моя, больше всего боятся наказаний за провинность, но я за собой никакого греха не предполагал, потому стоял и ожидал вызова. Наконец, дверь отворилась, и меня впустили в большую залу, уставленную вполне приличной мебелью и даже с коврами. Сапоги свои я основательно и тщательно почистил у входа, но ступать на ковер поопасался, остановился у входа. Два больших чина сидели в креслах, один, видимо, начальник нашей тюрьмы, сказал другому:

— Вот, Густав Иванович, это и есть Басаргин Алексей Кириллович, осужденный по известному Вам делу.

— Благодарю Вас, господин полковник, — ответил тот, кого назвали Густав Иванович. — А теперь попрошу Вас оставить меня наедине с осужденным.

Начальник вышел, Густав Иванович показал рукой на кресло:

— Проходите и садитесь, разговор у нас не на одну минуту.

Я сел, вижу, что перед господином лежит шитая суровыми нитками картонная папка с несколькими бумагами внутри. Господин поднял на меня глаза:

— Я генерал Гитляйн, Густав Иванович. От имени Государя Императора поставлен для контроля законности при содержании преступников, а так же рассмотрения особых ходатайств по наиболее сложным делам. Суть вашего дела мне известна из сих бумаг, но я бы хотел услышать ее от вас, ибо часто написанное второпях и без нужной тщательности в расследовании сбивает с толку. Так и в вашем деле мне надо уяснить только одну деталь. Вы можете рассказать все по порядку?

Представь себе, любимая моя, как я растерялся, голова пошла кругом, я чуть было не лишился сознания, но взял себя в руки и стал говорить. Я тебе опишу все, как было, ведь каждое слово свое я помню и даже интонацию. Я сказал:

— Господин генерал, в тот вечер я и супруга моя Екатерина Сергеевна были приглашены в дворянское собрание на бал по случаю окончания Великого поста и наступления Святой Пасхи. Гостей было довольно много, весь пост никаких собраний не случалось, потому все радовались встрече и то и дело подходили к столу с винами и закусками. Я воспитан в строгих правилах, потому вином не интересовался, но дважды подходил к столу, чтобы взять супруге пирожное и мороженое. Оба раза я видел молодого человека в кампании своих товарищей, которые без излишней скромности наливали бокалы столь часто, что следовало ожидать их скорого опьянения. Никого из этих господ я не знал и знать бы не желал никогда. Но они меня заметили, и довольно бесцеремонно комментировали, для кого это я беру мороженое и пирожное. Мы с женой стояли у окна, изредка раскланиваясь и здороваясь со знакомыми людьми и говоря о пустяках. Вскоре музыканты вышли на балкон, зазвучали вразной инструментах, оркестр настраивался. Наконец, появился дирижер, и ударил вальс. Я пригласил супругу на танец, мы вальсировали, но мне показалось, что та компания перешла к месту, где мы с супругой сидели, и встала рядом. По окончании танца мы прошли на свое место и оказались в опасной близости от изрядно нетрезвой компании. Когда объявили следующий танец, молодой человек, на которого я еще у столов обратил внимание, подошел к нам и попросил у меня разрешения пригласить мою спутницу, как он выразился. Я вежливо отказал.

— Что именно вы сказали, в каких словах? — спросил генерал.

— Извольте. «Милостивый государь, я не могу дать вам согласия на танец с моей женой, потому что вы пьяны». Вот так я сказал.

— Продолжайте, — кивнул генерал.

— Молодой человек как-то нехорошо улыбнулся, весьма неискренне извинился и ушел. Жена просила меня немедленно уехать, но тут объявили полонез, и мы встали на первую фигуру. Велико же было мое недоумение, когда рядом увидел того молодого человека в паре с не внушающей уважения девицей, ведь в ходе танца происходит обмен партнерами, и моя жена окажется в руках этого человека. Но отступить было поздно, танец шел своим чередом, когда я услышал голос моей Катерины: «Негодяй!», потом звук пощечины. Я оставил свою партнершу и бросился в середину залы. Моя жена стояла, опустив голову и сжимая на груди разорванную кофточку. Молодой человек улыбался и со смехом рассказывал, что эта дама сама совращала его, а когда он сунул руку под кофту, устроила спектакль. Я едва нашел в себе силы не ударить его сразу, обнял жену и громко сказал:

— Милостивый государь, немедленно извинитесь перед дамой, иначе получите урок воспитания на всю оставшуюся жизнь!

Он нагло мне ответил:

— И не подумаю. Лучшие воспитывайте свою распущенную жену.

После этих слов я ничего не помню. Господин генерал, я три года служил на Кавказе, там нельзя быть размазней, сразу погибнешь, потому пришлось много работать над силой и ловкостью. Я ударил наглеца, как мог, его подхватили товарищи, я откланялся, и мы с супругой уехали домой. А утром горничная постучала в спальню и со страхом сказала, что внизу меня ждут полицейские. Оказывается, негодяй умер от сотрясения в голове, но более всего поразило, что он был сыном начальника канцелярии правительства Его Императорского Величества. Меня арестовали, никого, кто бы мог быть объективным свидетелем, среди десятков гостей бала не нашлось, и получалось, что я в приступе ревности нанес партнеру жены по танцу смертельный удар. Показать следователям разорванную кофточку я решительно не мог, это унижало бы и оскорбляло мою жену. Так возникло это уголовное производство, по которому я оказался здесь.

Генерал слушал меня внимательно и что-то помечал в большой тетради.

— Откуда Вы родом? — вдруг спросил он.

— В Курской губернии есть имение Смольниково, это наше родовое гнездо.

— Вы служили в действующей армии. По собственной воле или иные причины?

— Господин генерал, нас в семье четыре сына, трое служили, младший не допущен по причине слабых легких. Так нас воспитал отец, майор в отставке.

Генерал насторожился:

— Он в турецкой кампании не участвовал?

— Так точно, участвовал, господин генерал!

— Братец ты мой, Ваш батюшка командовал батареями у меня в полку. Мы с одного котелка кашу ели, одной шинелью укрывались в непогоду. Он был ранен довольно тяжело, кажется, под Баязетом, и отправлен в тыл. Он жив?

— Так точно, жив, господин генерал!

— Отпишите ему от меня поклон. Теперь по вашему делу. Напрасно вы считаете всех гостей того бала людьми трусливыми и безразличными. Я получил документ, подписанный десятком человек, которые утверждают, что вы вступились за честь своей жены, и убийство — это роковая случайность. Характеристика покойному дана весьма и весьма

нелестная. Кроме того, выяснилось, что следствие, мягко говоря, не было свободным от посторонних влияний, как, впрочем, и суд, чему есть документальные подтверждения. Таким образом, дело Ваше будет пересмотрено, полагаю, с учетом перенесенных Вами испытаний суд вправе оставить Вас на свободе.

Милая Катенька, я за малым не лишился чувств. Генерал подал мне стакан воды и позвонил в колокольчик. Вошел начальник тюрьмы.

— Господин полковник, Артем Родионович, мне в совершенстве все доподлинно ясно, дело господина Басаргина будет пересмотрено и, я уверен, решится в его пользу. Но — до отмены приговора он остается в вашем учреждении. Только я попрошу: дайте ему комнату в этом здании, обеспечьте нормальным питанием. Он военный человек, образован, может помочь вам в каких-то вопросах. Я не думаю, что мои просьбы сверх Ваших возможностей.

— Все сделаем, Густав Иванович, не извольте беспокоиться.

— Когда придет вызов из столицы, отправьте господина Басаргина без конвоя, деньги на дорогу семья ему придет.

— Все сделаем, господин генерал!

— Вот и славно, — генерал пожал мне руку и еще раз просил передать поклон батюшке.

Дорогая моя Катенька! Молись за здоровье раба Божия Густава, он хоть и из немцев, но, думаю, что крещен в нашей вере. Береги дите наше, не переживай, не знаю, как скоро, но встреча наша случится ранее, чем мы считали».

И чай уже остыл, а Лада все сидела у стола и ждала слов Родиона. А он молчал. Молчал потому, что прочитанное было ему так понятно, что даже Ладе не передать, и в то же время это была сказка. Он даже во время чтения ни на мгновение не мог допустить, что вот это он, Родя Бывакин, пишет письмо своей возлюбленной, которую надо еще придумать, и она шлет ему такие ласковые слова, каких Родя не слышал и никогда не услышит.

— Сказка, — сказал он. — Все это красивая сказка.

Лада улыбнулась:

— Не верится, правда? Родя, я хочу отбросить все приличия и сказать вам, что, если бы вы оказались в тюрьме, я бы писала вам такие же письма. Я влюблена в вас. Молчите! Мое признание не может показаться вам навязчивым, оно ни к чему вас не обязывает. Не знаю, что вырастет из этой влюбленности, но я бы хотела, чтобы вы знали.

Парень тоже улыбнулся:

— Лада, сейчас вы поймете, как ваши романтические фантазии разбиваются о жестокость реальной жизни. Вы влюблены, это ваши слова, так вот, вы влюблены в образ, который создали из удачной драки, модного костюма и вполне приличной физиономии. А в действительности я сидел в тюрьме, жрал гнилую картошку, обслуживал бригадиров, десятников и просто бандитов. Вы живете иллюзиями, а я в гуще каждодневной жизни с ее грязью, обманом, воровством, подлыми ментами и дешевыми девушками. Нас разделяют не деньги, они у меня есть. Нас века разделяют, в которых столь разные ценности, что мы с вами никогда искренне не пойдем друг друга. Лада, ваш будущий возлюбленный сейчас смазывает бриолином волосы и выщипывает брови. Я не вашего круга, потому не ищите встречи со мной, к добру это не приведет.

Он встал, сдернул со спинки кресла свою куртку и вышел. Лада не сказала ни слова.

В обед решил сходить на рынок и купить мяса, просто наварить кусками и есть без хлеба. Ну, захотелось, пришлось идти. Настена, конечно, заворчит, что приготовленный суп и котлеты в холодильнике остались, но это ее дело. От нечего делать долго ходил по мясному ряду и выбирал. Наконец, ткнул пальцем в приличный кусок:

— Прикинь, во что обойдется?

Продавец, молодой мужик в белом халате, положил кусок на весы и назвал цену. Родион подал деньги, и они встретились взглядом.

— Родя? Здорово!

Бывакин настороженно вглядывался в знакомое и полузабытое лицо, потом засмеялся:

— Саня, Связин! Ну, молодец, как дела, как деревня?

— Да какие теперь дела, Родя? Деревня хизнула, колхоз растаскивают, и никому дела нет.

— Мать мою видел?

— Жива и здорова, приеду, привет передам.

— Конечно. Что в деревне нового?

— Да ничего! Во! Чуть не забыл. Ты Гриньку Апрошкина помнишь, его в Афгане убили, так вот, оказывается, не его зарыли, а другого. Говорят, экспертизу какую-то делали в Ростове в морге, и нашли Гриньку. А сколь годов-то прошло? Вот, везут, Гриньку в могилу, а того несчастного по другому адресу, вроде как в Курганскую область,

тоже деревенский. Вот к чему это все? А матери какво? Ее вон водой отливают, медичка из дому не выходит.

— Понял, Саня, до встречи.

Что же получается? Завтра могилу будут вскрывать? Родю колотила нервная дрожь: ладно, что встретил Связина, вовремя мяса захотел, а если бы нет? Кто бы мог подумать, что могила — не самое спокойное место между тем и этим светом? Позвонил диспетчеру такси, с которой часто общался, заказал машину:

— Надюша, понадежней, потому что мне срочно надо в деревню, Лебедево, запиши. Расчет само собой, с водилой сразу, с тобой завтра к обеду. Жду.

Мощный тесак, которым разжился на рынке по случаю, положил в портфель, полный бумажник сунул в карман куртки, застегнул молнию. Настену успокоил, что в деревне не все ладно, мать придется в больницу везти. Вышел во двор, машина стояла у подъезда, да и водитель оказался знакомым:

— Что тебя на ночь глядя в деревню понесло?

— Дела, брат. Ты отвыкай вопросы задавать, — посоветовал пассажир.

— Понял. Едем?

Родя кивнул. Ни одна живая душа не должна знать, что он откопал и куда все увез, потому спланировал, что водителя оставит в центре села с наказом никуда не трогаться, сам переулком уйдет на вторую улицу и вернется на кладбище, мимо которого только что проехал.

— Ждать долго?

— Простой оплачу. Бабу свою мне надо проверить, понял?

— Понятно. Не завидую я тому мужику.

— Закройся и спи, я стукну.

Прошел переулком и бесшумно бегом побежал за село. Подошел к воротам кладбища, хоть и всякого в жизни насмотрелся, а не по себе, жутковато. Отринул страх, все равно он ни в какое сравнение не идет со взглядом и вопросом Доктора «Где деньги, Родя?». Вошел под вековые сосны, осторожно обходя бугорки и оградки, подошел к могиле Грини Апрошкинова, хотя уже знал, что не его прах тут сохраняется. Обошел с восточной стороны, опустился на колени, тесаком стал выгребать глину из-под памятника. Помнил, что пакет положил далеко, потому копал без опаски. Потом засунул руку по самый локоть, добрался до целлофана, потянул — и вот он, портфель Доктора. Ощупал, открыл оба замка — все на месте, как он уложил. Так, вместе с комочками глины, которые не поддались обтирке носовым плат-

ком, сунул Докторский портфель в свою сумку. Тесак оказался лишним, Родя со всего размаху запустил его в сторону канавы и слышал, как он прошумел сквозь куст черемухи.

Возвращался спокойно, подошел к машине, стукнул в стекло. Водитель шелкнул дверью:

– Ну, удачно? В смысле – захватил с кем?

– Одна, – нехотя ответил Родион.

– Ну, так пришлось... – водитель выразительно поиграл пальцами.

– Язык прикуси! – дернул Родион.

– Понял. Ехать?

– Ехай.

Теперь новая проблема не давала покоя: куда с этой поклажей? Доктор будет только через полтора года, все это время хоть сиди на этих деньгах. В городе спрятать негде, кругом люди, каждый день что-то строят, роют бульдозерами и экскаваторами. На другой день снова позвонил Надюхе, прихватил с собой портфель и заехал в диспетчерскую.

– Надя, мой заказ у тебя записан?

– Это что, народный контроль? – огрызнулась она.

– Я спросил. Покажи журнал.

– Родя, не сдавай меня, тоже заработать хочется. Не писала я тебя. А надо было? – Она с надеждой смотрела на клиента. Он ответил примирительно:

– В том-то и дело. И забудь навсегда, что я ночью ездил в деревню. Водилу я уже напугал. И тебе вот зелененькая. Узнаю, что звонишь – язык отрежу. Доходчиво поясняю?

– Поняла, Родя. Могила. – Надюша перекрестилась.

– Сама сказала. Так и будет.

Поехал к хозяйке снятой квартиры, предложил продать ему эту хату. Старуха заерепенилась, но, когда Бывакин положил на стол несколько пачек из грабанутой банковской сумки, остепенилась, пересчитала и согласилась поехать к нотариусу. За одну зеленую ушлый молодой человек быстро оформил все документы и поздравил клиента с покупкой, правда, клиент больше ничем не отреагировал. Родя отвез старушку домой, посоветовав деньги перевести в баксы и хранить только в банке. Заехал в строительный магазин, купил целый ящик инструментов, два рулона приличного полового покрытия, по пакету цемента и песка. Все это попросил водителя помочь внести в квартиру, в тот же вечер Настену отправил в общагу к девчонкам, вручив ей приличную сумму на вечеринку, но тихонько предупредил: если

вздумает крутануть на старой площадке, то однажды она потеряется, и никто искать не будет. Настена сделала испуганные глаза, поцеловала Родю и уехала. Двое суток были у него в запасе.

Бывакин аккуратно снял линолеум, поднял все половые доски, осторожно простучал панели перекрытия. Ударил стальным зубильцем в намеченном месте — угадал, пазуха. Расширил отверстие, обследовал всю открывшуюся полость: все чисто. До этого тонкостенную полиэтиленовую трубу чуть меньшего диаметра, чем пазуха плиты перекрытия (специально зашел на стройку с рулеткой) запалял пластиковой заплатой с одной стороны, выпотрошил Докторский портфель и свернутые тугими рулонами доллары стал укладывать в трубу. Закончив, припаял и вторую заплату. Контейнер готов. С трудом просунул его в отверстие, запихал как можно дальше, развел немного густого раствора, заделал отверстие, потом целый тазик жидкого раствора щеткой растер по всему перекрытию. Дождался, когда все подсохло, и остался доволен: сам не сразу определил, где закладка. Специально принесенное ведро песка с землей и строительным мусором растряс по всей площадке. Получилось убедительно: тут так было всегда с момента новоселья. В плахах выправил старые гвозди и аккуратно вставил их в старые же отверстия. Отоспавшись, раскроил половое покрытие и посадил его на надежный клей. Докторскую сумку разрезал на мелкие куски и скинул в разные мусорные контейнеры.

Пришедшая к вечеру второго дня Настена была в восторге: какую красоту подарил ей возлюбленный. Но Родя так устал, что не реагировал на ее комплименты и даже пытался повернуться к стенке и уснуть, пока она была в ванной, но Настена так к нему прижалась и так нежно мурлыкала в ухо, что пришлось разворачиваться.

— Ну, вот, а то я уж стала думать, что ты не один тут ковры стелил...

Наступала осень. Первая городская осень Бывакина. На зоне ее приближение чувствовалось по сырости и прохладе в бараке, по обилию капусты в побитых алюминиевых тарелках, по жалобному крику журавлей, они словно специально ночами пролетали над зоной и грустно прощались с ее обитателями. Вспоминалась деревня, школа, дружные походы на картошку в колхозные поля, безногий учитель немецкого Эмиль Иванович, безжалостно обличавший недобросовестных копальщиков, нащупав своей тростью оставленный в твердой земле клубень. А еще костер, в котором пекли картошку, а потом все вместе ели, разламывая подгоревшую корку и посыпая крутой

солью пушистую от крахмала мякоть. К концу дня все разбрелись, старшекласники обнимались в ближайших кустах, размазывая по щекам друг друга угольные следы от картошки.

Родя после удачной работы в банке отпустил парней, сказал, что больше ни в чем участвовать не будет, есть серьезные дела, но они ходят на тренировки и качают мышцы. Через месяц обещал проверить. Настена в институт не поступила, но и не особенно огорчилась. Работала в том же магазине, дома блюла порядок, научилась вполне прилично готовить. Родион заметил в ней и другие перемены, но не придал им значения. Вечером в постели Настена включила большой свет:

— Родя, у нас будет ребенок.

Родион промолчал, потом переспросил:

— Ты об этом только сегодня узнала?

— Нет. Но боялась тебе говорить.

— Сегодня насмелилась?

— Родя, ты разве не рад этому? — вдруг испугалась Настена.

Родион встал, накинул на себя рубашку:

— Ребенка не будет. И тебя тут больше не будет. Собери свои вещи и переезжай в общагу.

Настена заревела в голос, Родя встал, на кухне заварил крепкий чай. Настена вошла, села напротив:

— Куда я пойду, Родя? Зачем ты так со мной? Я же думала жить. И куда я с ребенком?

— В больницу. Там знают, что делать. Денег я дам. Все, уходи, завтра переедешь.

— Родя, а ты куда, ведь ночь? — она цеплялась за последнюю соломинку.

Он ничего не ответил, последним троллейбусом доехал до гостиницы и снял номер на пару дней. В роскошной свежей постели не спалось, Настену было жалко, она добрая, симпатичная. Родион вспомнил, как в деревне мужики учили: «Бери бабу такую, чтобы в доме была хозяйка, на улице красавица, чтобы другим глянулась, а в кровати чтобы продыху тебе не давала». Родя хихикал вместе с другими ребятами, не имея ни малейшего представления о трех важнейших качествах женщины. Теперь он мог сказать, что Настена отвечала всем требованиям. Но не вовремя все это! Сейчас ему не хватает только семьи. Ребенок, пеленки, заботы... Придет Доктор, начнутся такие дела, что и про жену и про детей забудешь. Он оправдывал себя, что она сама виновата, надо было что-то предпри-

нимать, не девочка. Думать о ее будущем боялся и не хотел. Да, жестоко, но у него путь такой, стезя, как говорил Доктор, и тут не место мирихлюндиям. Все врачи сделают, денег он оставил, через неделю будет как новенькая...

Утром заметил двух молодых людей, которые уж очень подозрительно точно шли по его следу. Специально прошел тротуаром мимо своего дома, свернул в подворотню и встал за кустом. Двое прошли мимо, оглядываясь: «Ага, потеряли! Неужели менты? Нет, те взяли бы сразу, сбили с ног, цокнули браслетами и поволокли. Кто тогда?». Родион вернулся, прошел до магазина и вернулся обратно, навстречу ребятам. Метрах в трех остановился, рука в кармане, хотя, кроме носового платка, там ничего нет.

— Вы ко мне с интересом? — вызывающе спросил молодых людей.

— Один вопрос. Ты Родион Бывакин? — говорил, видимо, старший.

— Отвечаю.

— Тогда мы к тебе. Надо бы местечко найти поуютней. Может, в кафе? Заказали по чашке кофе, Родя проверил:

— А по сотке?

— Нет. Не сейчас, — строго ответил старший. — Родя, я Жид, потому что еврей наполовину, он Физик, в институте учился. Нас вызвал смотрящий, велел тебя найти и привести к нему.

— Когда?

— Как найдем. Пошли?

Смотрящий жил за городом, пришлось ловить такси, остановились в ста метрах от дома. Показав на мужчину, подметавшего у забора опавшие листья, старший шепнул:

— Я один подойду, доложу, потом позовет, наверно. Стойте смирно.

Мужчина даже не повернулся в сторону Родиона, забрал метлу и пошел к калитке, Жид кинулся к ожидавшим:

— Иди один. Порядки знаешь?

Бывакин молча пошел к калитке, его встретили двое охранников, обыскали, велели подниматься по парадной. Он пошел, открыл тяжелую дверь и увидел довольно пожилого человека, сидящего в глубоком кресле. На нем был теплый халат и домашние туфли. На столе стояли фрукты в вазах, печенье и конфеты. Чуть в стороне на алюминиевой тарелке лежал засохший кусок серого хлеба. Родя догадался, что это тюремная пайка, но вида не подал.

— Скажи, мой дорогой, ты Родя? — вполголоса спросил смотрящий.

— Да, — ответил Родион спокойно.

— Славно. Давно ты в городе? — для порядка спросил, давно сам все знал.

— Полгода.

— И молчишь? Голоса не подаешь, своих не ищешь? — это уже упрек.

— Не имею права.

— Славно. Ты Доктора знаешь? — спросил в лоб.

— По врачам не хожу, — дерзко ответил гость.

— Не надо так, сынок, я ведь и ударить могу. Но прощаю, потому что не сразу и следовало отвечать. Доктор просил найти тебя и от его имени передать кое-что... Почему молчишь?

— Не приучен спрашивать. Надо — скажут, — дерзко ответил Родион.

— Молодец! Вот выучка! Доктор в тебе не ошибся. Так вот, он просил, чтобы ты приехал и забрал его.

Родя смутился:

— Когда ехать?

— Хоть завтра. Куда ехать — ты знаешь. Но дело в том, что Доктора комиссовали по болезни, он на последней прямой. Потому поедешь на машине, я позабочусь. Машина готова, с тобой будет врач и мой человек. У него деньги, на всякий случай. Все понятно? — смотрящий выжидающе смотрел на гостя.

— Можно узнать, что с ним? — осторожно спросил Родион.

— Можно, любезный, я бы очень огорчился, если бы ты не спросил. Самая страшная болезнь. Все, свободен. Дорога дальняя, в шесть утра машина будет у твоего подъезда. Пойди.

Родион вышел и сел на скамейку около проходной. Он даже не заметил, что слезы текут по щекам. Доктор, человек, столько сделавший для него, умирает, и уже ничего нельзя изменить. Охранник подошел, потрогал за плечо:

— Шеф обидел?

Родя отрицательно покачал головой и пошел. Ночь почти не спал. Было непривычно без Настены, и все время думалось о Докторе. Встал рано, основательно прогрелся под душем, выпил две чашки крепчайшего чая, в портфель положил чистое полотенце, документы и деньги. Квартиру закрыл на все три замка, у Настены остались ключи только от двух, так что, если и надумает вернуться, дверь ей не открыть.

Бывакин даже вздрогнул, увидев реанимационный автомобиль. Врач, женщина средних лет, сидела у окна и курила. Сопровождающим был крепкий парень, Родион видел его в вестибюле смотрящего. Водитель сказал, что до города дорогу знает, а там придется подсказывать.

Было еще темно, но небо светлело, гасли яркие осенние звезды, лег-

кий туман перебежал дорогу. Родион вдруг подумал, что в один день в его жизни случилось столько событий. Сначала неприятный разговор с Настеной, ночь в гостинице, дневные прятки с посланцами смотрящего. Потом эта страшная новость о Докторе, инструктаж смотрящего, и опять бессонная ночь в своей квартире. Поэтому он откинулся в кресле и задремал. Ему приснилось, как он на уборке картошки погнался за красивой девушкой Диной, это действительно так и было, он погнался за нею и почти догнал, но она упала, он не успел остановиться и упал рядом с ней. Она подняла голову, и он по ее большим и серым глазам понял, что она хочет, чтобы Родион ее поцеловал. Но Родя никогда ни с кем не целовался, смутился, тогда она взяла его за щеки и крепко впилась в губы. Так было. А во сне все оказалось по-другому. Он догнал девочку, она обернулась, но это не Дина, а та азиатская красавица из минувших снов, обернулась с улыбкой, но тоненький пальчик поставила поперек тонких манящих губ. Родион вздрогнул и проснулся.

Врач потянула его за рукав:

— Меня зовут Роза Алексеевна, вы Родион, так? Вы один знаете человека, за которым мы едем. Я не хочу вникать в специфическую иерархию, но все-таки — что это за человек? Сколько ему лет? Он в самом деле доктор и мы с ним коллеги?

Бывакину вдруг захотелось рассказать о Докторе. Он почти шептал Розе Алексеевне на ухо, что это очень добрый человек, он многим зекам помогал, выручал, деньги слал семьям. За что сидит? Не знает, об этом не принято говорить в тюрьме. Но он авторитетный зек, к нему начальство прислушивается. А лет ему пятьдесят, не больше. Нет, семьи нет. И, конечно, не врач, это, как на воле говорят, псевдоним такой.

— Да, жаль, в таком возрасте погибать противоестественно, — привычно констатировала врач.

— Скажите, неужели ничего нельзя сделать? — с надеждой спросил Родион.

— Похоже, что нет. Если бы он с самого начала был под наблюдением опытных врачей, да у него было бы достаточно средств, многое можно было сделать.

— А сейчас? К примеру, окажись у него огромные деньги? — последняя надежда выплеснулась из души.

— Молодой человек, вы здоровы и потому так наивны. Болезнь не берет деньги, ей нужна жизнь.

Родя кивнул и опять откинулся в своем кресле.

Бывакин ожидал худшего, но увидел идущего навстречу ему Доктора, сильно обрадовался. Зная, что никакие эмоции здесь неуместны, он подошел, взял из рук больного чемоданчик с вещами и глянул в глаза. В них уже не было жизни, так ему показалось, была боль и тоска. За проходной Доктор остановился, посмотрел на белое небо, на голые стыдливые березки, и Роде показалось, что слеза юркнула с уголка глаза на заросшее щетиной лицо.

— Ты все сделал, как я просил? — спросил вдруг Доктор.

— Все, — четко ответил Родя.

— Куда меня повезешь? — пытался улыбнуться Доктор.

— Смотрящий ничего не сказал, — ответил Родя.

— К нему не поедем. Он меня не любил. К тебе? Как ты живешь? — поинтересовался Доктор.

— Можно. Я один. Только лучше в больницу?

— Потом. Сперва мы с тобой во всем разберемся. — Доктор говорил так, что возражать ему никто бы не решился.

В машине Роза Алексеевна попросила медицинское заключение, быстро его просмотрела и предложила сделать укол, Доктор усмехнулся:

— Поставь чуток нарकोши, дотяну до места, там видно будет.

Сопровождающий вмешался:

— Шеф велел сразу в больницу.

Доктор поднял голову:

— А почему не сразу на кладбище? Я почти шесть лет воздухом не дышал, пельменей не ел, шашлыков, запах коньяка забыл. Марксу скажешь, что я беру у жизни три дня на прощание, а потом... потом видно будет.

Обратную дорогу ехали молча и медленнее, Доктор лежал на укрепленных носилках, кажется, дремал, но Бывакин по движениям прикрытых глаз видел, что не спит, думает, переживает. В город въехали ночью, сразу к дому Родиона. Доктор попросил денег, Родя достал бумажник, подал, тот нашел зелененькую и протянул Розе Алексеевне. Она поняла, порылась в медицинской сумке и подала початую упаковку.

— Всем спасибо. Марксу передай поклон, не знаю, увидимся ли, — он чуть поднял руку и спустился на асфальт.

Квартира Доктору не понравилась, проворчал, что мог мы и особнячок в пригороде купить, деньги же в руках. Однако с удовольствием помылся, надел приготовленное Родей белье и теплый спортив-

ный костюм. Сели за стол, выпили по рюмке коньяка, наконец, Доктор спросил:

— Деньги где?

— Здесь, дома. Надежно. — Родя доложил стоя.

— Никто тобой не интересовался? Ты сядь, не на зоне.

— Никто, кроме смотрящего, — ответил Родя.

— Это я велел. Он про деньги не знает. Слушай внимательно, Родя. Ты мне настоящий друг. Тебя назначаю на эти бабки, только с наказом, что произведешь их в дело. Одному нельзя, надо набрать команду. Сказал мне надежный человек, что государство скоро будет рассторговывать заводы и фабрики, короче, все хозяйство под откос спустят. Вот тут надо ловить момент. Купить ты и один сможешь, а защитить только с коздой. Подбирай ребят молодых, крепких и послушных. Скажу страшное, Родя: учись убивать, готовься к этому. Убить просто, нож или пистолет поднять тяжело. Не знаю, что дальше будет, как власть повернется, возможно, за границу придется прятаться. Эх, жалко в такое время от дел отходить! Теперь такими людьми можно подняться, что и с табуретки не достать. Жалко...

Родя слушал внимательно, когда Доктор замолчал, сказал:

— В больницу я завтра сбегаю, все узнаю, палату откуплю отдельную, с врачами переговорю.

Доктор вздохнул:

— Можно и в больничку, чтобы тебя не стеснять, — грустно согласился Доктор.

— О чем вы? Места хватит, но лечиться надо.

Доктор махнул рукой:

— Приговорен я, Родя. Это не лечат. Но в больницу поеду. Помру я там, чтобы менты к тебе не докапывались

Он порылся в своих вещах, достал шприц и ввел себе что-то из ампулы.

— Ампулу заверни и выбрось подальше и незаметно. Это наркотик, могут повязать. Родя, закрой дверь плотнее. Я тебя засветил, моя вина, но у меня никого больше нет. Вот так, полвека прожил, а похоронить некому. Жил по своим законам, а умереть захотел по человечески. Чтобы могилка была, и крестик, и табличка. Родителя шлепнул товарищ Берия, а мать умерла, мне было лет десять. Понятно, детдом для особо одаренных, клеймо на мне уже было. Ну, и понеслась, как мы тогда говорили: «Погнали наши городских!». Странно, правда? Засветил тебя, иркутский мой кореш по кликухе Жмых

вычислит сразу. У тебя в запасе полгода. Купи пистолеты, найди ребят, после Чечни их полно на зоне, и на воле есть, готовые на все. Ищи, смотри в спортзалах, а не в пивнушках, разговор веди толковый. Как только объявится кто от Жмыха, сам он не пойдет, забей ему стрелку, пригласи, но за город, и своих ребят парочку в машину, а троих в резерве. Место сам осмотри, сам и расставь. И сразу валить надо. Жмых, если тебя возьмет, на ремни порежет, мать привезут, пальцы сломают, насиловать будут. Доведет тебя до такого состояния, что все скажешь. Деньги отдашь, потом и тебя пристрелит. Родя, всегда так делалось. И я делал, когда надо. После Жмыха пустота, никто ничего не слышал, это не общак, это наши бабки были.

К обеду Родя вернулся из больницы, оплатив палату и хорошее обслуживание. Доктор лежал в постели и выслушал младшего друга без всякого интереса. Собрался, выпил рюмку коньяка, молча сел в такси, в палате сразу лег, отказавшись от капельницы.

— Еще, Родя. Помру — увези в свою деревню, хоть изредка забегать будешь. Я хоть и не деревенский, но мне там будет просторней.

Бывакин хотел возразить:

— Что вы все о смерти, ведь есть лекарства, врачи, операции. Поднимут вас на ноги.

— Родя, у меня ведь имя было, запиши, чтоб не забыть. Его только менты и знали. Бачурин я Иван Александрович. Смешно, правда? Женат не был, но дети должны быть, теперь уж взрослые, твоих лет. Родился в 1953 году, как раз, когда товарищ Сталин скончался, 5 марта. Все, Родя, дай я тебя обниму, как сына. Все, иди.

Бывакин вышел из палаты, и нехорошее предчувствие охватило его. Нет, не просто так вор в законе откровенничал с ним, все наказания сделал, даже имя и даты раскрыл. В скверике больницы посидел на скамейке, успокоился, троллейбусом поехал домой.

Утром ему позвонили:

— Большой Бачурин, которого вы вчера определили к нам в больницу, утром скончался.

Родя положил трубку.

Врач, которой он поручил наблюдать друга, была расстроена:

— Вечером я его смотрела, хорошее давление, пульс. Сегодня должны были делать томографию. Вы знаете, есть признаки, что ваш товарищ принял яд, причем, сильный, скорее всего, цианистый калий.

— Сам принял? — в упор спросил Родион.

— Что вы имеете в виду? — женщина насторожилась.

— Ему не могли помочь со стороны? Не персонал?

— Нет, конечно, напротив двери его палаты пост медсестры, на входе охрана. Исключено. Да и нет признаков борьбы. Яд принят через рот, ампула раздавлена зубами. Милиция уже была, есть документ.

— Когда я могу его забрать?

— Завтра утром. Я передам часть ваших денег патологоанатомам, они сделают.

Похороны Ивана Александровича Бачурина прошли тихо на деревенском кладбище в селе Лебедево. Родион щедро рассчитался с похоронной командой и заехал к матери. Вид сына испугал ее до вскрика:

— Родинька, ты почему такой убитый? Что стряслось?

— Успокойся, мама, я друга привез на наше кладбище.

— Во как? Он что, бездомный? — мать перекрестилась.

— Он только что освободился. А теперь вообще от всего. Я тебе деньги оставляю, ты обеды отведи с женщинами, помяните раба божьего Ивана.

Мать кинулась к столу:

— Садись, я тебе супчика плесну.

— Нет, мама, я поеду. Дел много.

Обнял мать и почувствовал, что это единственная родная кровинка на земле.

Как только получил водительские права, поехал в автосалон, выбрал неброский немецкий джип, сразу в соседние подземные гаражи, купил два места. После обеда по паспорту Шурика, одного из партнеров по банковскому делу, которого срочно пришлось разыскать, оформил вторую машину, тоже немецкую. Сразу у нотариуса сделал генеральную доверенность на себя. Подъехал к дому смотрящего, вышел знакомый охранник:

— Говорят, умер тот, за которым на зону ездили?

— Умер. У меня к тебе дело серьезное. Подскажи, где ребят толковых найти? Дела предстоят, а работать не с кем.

— О чем базар? Три моих кореша только что вернулись из армии, подиканились на Кавказе.

— Психика не съехала? Опасная штука.

Охранник поднял большой палец:

— Исключено! Не пьют, накачены, стреляют, как Рембо.

— Где найти?

— Подъезжай завтра к обеду, я их соберу. Работу ищут, но куда? На стройку за пайку и койку в общаге. Молодые, кровь гуляет.

— Заметано. Подъеду.

Дома разобрал вещи Ивана Александровича, в поясе куртки нашупал металлические кругляши, распорол, выкатились полтора десятка золотых царских червонцев. В маленьком альбоме несколько фотографий, сам Доктор, тогда еще Бачурин, школьник лет десяти с матерью. Несколько фото женщин, красивых. Кусок засохшего серого тюремного хлеба, вечная пайка. Грустно. Был человек, рос, учился, стал вором и авторитетом, ни семьи, ни детей, родни даже никого не осталось. Родион отложил вещи. Опять пришла та же мысль: а я кто, я куда иду? Пока только одно ограбление, и то без проблем, никто не убит и даже не ранен. Если исполнять заветы Доктора, будет весь букет, будет кровь, и тогда уже нет возврата к спокойной жизни. Настена. Говорил он ей, что детей не будет, что семьи не будет, говорил или не говорил? Было, предупредил, что для семейной жизни не создан, но предложил жить вместе. Жили, друг другом довольны. Были у Родиона моменты, когда он чувствовал себя счастливым, но спокойствие и блаженство вдруг надоедали, хотелось чего-то острого. Он и на банковское дело пошел не потому, что деньги были нужны, деньги, и немалые, были прибраны, да и Доктор не ограничивал в расходах, только учет вести, чтоб отчитаться. А теперь и отчет держать не перед кем, деньги те его собственность. Но Жмых. Надо его дожидаться. Родион понимал, что он в этом городе, как голый в бане, люди Жмыха увидят его первым, и тогда конец известен. Как опередить? Как узнать, что все начинается? И вдруг: смотрящий! Человек, который знает многое в том мире. Надо идти к нему.

К смотрящему поехал в десять. Спросил ребят, как к нему обращаться. Улыбнулись: нужно будет — сам скажет. Сходили, доложили и проводили. Хозяин пил чай, хлопнул в ладоши, красавица официантка принесла прибор и налила чай гостю.

— Докладываю, что Доктор похоронен достойно, как он и просил.

— Почему мне ничего не сообщил? — смотрящий явно был недоволен. — Я знаю, что у покойного должен быть со мной разговор, кто мог подумать, что он решит так просто все свои проблемы? Точно, что его не отравили? — смотрящий уперся взглядом в Родиона.

— Отвечаю. Яд у него был, он сам намекнул перед отъездом в больницу, но на том и остановился. Сказал, что умрет вдруг, неожиданно, потому лучше в больнице, чтобы до меня менты не докапывались. Мент сам вынимал изо рта осколки ампулы. Никто не мог пройти, рядом пост медсестры. И никаких признаков сопротивления, он спо-

койно лежал на спине. Менты проверили, на остатках ампулы только его пальчики.

— Ладно. Ты чем живешь? — как бы вскользь спросил смотрящий, поливая цветы больших горшках.

— Дельце одно удалось, кормлюсь, — скромно ответил Родион.

— Надо думать, Доктор не зря тебя выбрал, видел смысл. Мы с ним в друзьях не ходили, он меня в одну долю не взял, обидел. Ну, это в прошлом. Держись ко мне, одного тебя сожрут, где найдешь теперь порядочных людей? Наедине называй меня Марком Несторовичем, погоняло приклеилось в юности, Маркс. Про общак не забывай, святое дело. Вопросы есть?

— Есть. Кто такой Жмых и почему его боялся Доктор?

— Боялся? Не верю. Гнал твой Доктор. У них со Жмыхом были общие дела и, похоже, бобы и ржа были совместные. Не просек? Золотишко и бабки. Жмых тянет в Иркутске, скоро откинется. Ко мне должен прийти. Тебе Доктор ничего не говорил про их заначку?

— Нет. Но денег дал. — Родион старался отвечать четко и уверенно.

— То мелочь. Жмых станет рыть. Да, и ты первый попадешь, он тебя колотить начнет. Опасно. Жмых всегда был на голову слаб, а тут пятилетку под замком. Ладно, поглядим. Вот я тебе телефончик записал, звони в крайнем случае. Иди.

Родион вышел и облегченно вздохнул: с Марксом надо сблизиться, первым делом денег ему подкинуть в общак, это оценит. У проходной стояли трое парней, ребята из охраны кивнули: к тебе.

— Отъедем в укромное место, поговорим.

Подъехал к уже присмотренному кафе «Нирвана», сели за дальний столик, от отдельной кабинки Родион отказался, там могли быть «ушки».

— Будем завтракать или только кофе? — спросил Родион.

— Кофе, — за всех ответил один.

— Мне нужны крепкие здоровые ребята, знающие оружие и умеющие им пользоваться. Когда оно потребуется, сказать не могу. Да, возможны убийства, но это не женщины и не дети, это наши противники и враги. Я буду платить раз в неделю, вот сумма, — он написал на салфетке и тут же сжег. — Это вне зависимости от дела. За отдельные задания оплата дополнительная. Постоянные тренировки, оружие выбирайте любое, я все оплачу. Про другое не знаю, но снайперская винтовка обязательно и «макары», само собой. Если согласны, обговорите все, и завтра вон в том кафе, напротив, в десять часов. Все, свободны.

Похоже, парни заинтересовались. Жестковаты, сразу видно, но надо с первого дня каждому указать место. Как — этого Родион еще не знал, но эти ребята должны уважать своего хозяина. И бояться.

Позвонил агент из конторы по продаже недвижимости. Несколько дней назад Бывакин заказал небольшой двухэтажный коттедж на окраине города с гаражами и садом. Агент предложил посмотреть три варианта. Поехали. Первый дом ему не понравился, стоял плотно к соседскому, и окна к соседу в ограду. Второй вполне приличный, но поехали к третьему. Домик, какой и хотел заказчик. Хозяева уже съехали, комнаты пусты и чисты. Родион прошел все, от подвала со спортзалом и бильярдом до спален на втором этаже.

— Родион Петрович, — вмешался агент, — этот дом интересен тем, что продумана защита. Бронированные ставни на окнах и входных дверях, в том числе и из гаража, опускаются нажатием одной кнопки. По паспортам, они выдерживают выстрел из гранатомета. Забор двойной, удержит таран любой машины. Дом может жить в автономном режиме довольно долго. Есть водяная скважина, мощный дизельный электрогенератор, в подвале вы могли видеть морозильные и холодильные шкафы для продуктов. Люди жили темные, уехали очень срочно, цену назначили вполне адекватную, но уже несколько клиентов испугались странностей его оборудования. Родион Петрович, у меня есть право уступки. Если мы оформим документы с уступкой, а ее размер вы передадите мне, я сделаю бумаги в два дня.

— Делай, — кивнул покупатель подумал об управляющем: кто-то должен обустроить этот замок, набрать штат obsługi. Но до этого он поехал в спецмагазин и попросил менеджера подобрать ему небольшой, но очень надежный сейф. Прошли в зал, клиенту показали все новинки немецкого и швейцарского производства. Он выбрал довольно приличный по размерам сейф с тройной защитой и включением особого режима, когда все шифры сработают лишь тогда, когда он, Родион Петрович, произнесет кодовую фразу. Несколько рабочих магазина внесли сейф на второй этаж. В тот же вечер он сам разобрал кирпичную кладку в межкомнатной перегородке, с трудом перекаптал туда сейф и установил заподлицо со стеной. Маленькую комнатку без окна с другой стороны, которая использовалась, видимо, как дамская туалетная и насквозь пропахла парфюмом, пришлось заложить кирпичом и заштукатурить.

На другой день пришли мастера, поклеили новые обои, сменили замки на всех дверях. На стену спальни, где стоял сейф, осторожный

хозяин заранее повесил ковер, объяснил, что там ящик под охотничье ружье и он позже сделает красивую дверцу, но проследил, чтобы обои клеили в его присутствии. Рабочие пожалы плечами и перешли в другую комнату. К вечеру привезли мебель для спален, и два молодых парня спросили, надо ли монтировать. Спецы быстро собрали кровати, плательные шкафы и туалетные столики. В своей спальне Родион установил шкаф так, чтобы одна секция полностью прикрывала доступ к сейфу. Вот тогда он поехал в свою однокомнатную квартиру, в нужном месте вскрыл пол, достал пластиковую трубу, отрезал заглушку и облегченно вздохнул: деньги на месте. Трубу сунул под куртку, снял с предохранителя «Макаров» и спустился к машине. Успокоился только тогда, когда доллары были уложены на полки сейфа, и он был закрыт на все три шифрованных замка. Два раза он открыл и закрыл сейф, ввел кодовую фразу, еще раз попробовал, пользуясь для памяти блокнотом. Потом улыбнулся: коды в блокноте хранить не станешь, надо что-то придумать. В гараже, соединенном с домом, он мелкими цифрами записал коды на канистрах с автомобильными жидкостями. Но уже понял, что все цифры помнит. Через день сорвал наклейки с емкостей и сжег их.

Очередная встреча и более основательное знакомство с командой демобилизованных десантников состоялось после приобретения оружия в глубоком лесу. Старший, он еще с Чечни, видимо, определился лидером, назвал себя:

– Иван. Это Григорий, это Федор. Как нам обращаться?

– Родя. Родион Петрович, если официально. Отношения понимаю, как товарищеские, потому что одно дело нас роднит, с другой стороны – должен быть порядок. Бумаг не пишем, даем слово быть командой. Нет против? Принято. Ответ только кровью. Мы должны понимать, на что идем. А сейчас сделайте разминку рукопашного, только легко.

Иван улыбнулся:

– Покажем, но у нас легко не бывает. Двое на меня!

Ребята разошлись и с двух сторон бросились на Ивана, тот ловко увернулся от Гриши и крутанул Федора так, что он закричал. Иван к нему:

– Не перебор?

– Да нет. Но круто.

Повозились еще с полчаса. Родя попросил Ивана заняться с ним.

– Понимаешь, я на зоне кой-какие приемы ухватил, но это грязь, расчет только на удачу и на силу.

– Сделаем, шеф.

Соорудили щит, опробовали автоматы, спецы остались довольны.

– Присмотрись, Гриня, номер не твой на «калаше»? Может, ротный продал после дембеля?

– Было и такое? – Родя посмотрел на Ивана.

– Было, почти в открытую. Шеф, чтобы еще одна тайна нас повязала: мы одного штабного мочканули, он, сволоочь, связь имел с бандой, а один паренек услышал, как он по телефону сообщил, что группа вышла в ущелье. Мы уже ничего не могли сделать, когда туда вертушку из полка направили, все ребята уже кончены. Кинжалами, суки, сердца вырезали. Мы того штабного капитана казнили люто, но никто не хотел рук марать. Скрутили, подальше от начальства утащили, пристегнули к ноге гранату и проволоку к кольцу: беги!

– Обошлось?

– Взводный видел, что проволока на ноге, но промолчал.

– Снайперскую тоже все знаете?

Иван улыбнулся:

– Нет, у нас Федя Ворошиловский стрелок. Ну-ка, брат, пробуй.

Гриша установил на палке спичечный коробок в трех сотнях метров, Федор оперся локтем на крышку багажника джипа, долго настраивал оптику, выставлял планку, наконец, притих, и Родя видел, как медленно двигался его палец на спусковом крючке. Раздался хлопок, Родя глянул в бинокль и засмеялся:

– В десятку.

Иван кивнул:

– Иначе и быть не может. Федя, изобразим?

– Подожди, совсем не пристрелена, – проворчал Федор.

– Да ладно, коробок-то сбил.

Он взял с капота пластиковый стакан и побежал в сторону леса.

– Что он хочет сделать? – насторожился Родя.

– Робин Гуда повторить. Стакан на голове, Федя снимает.

Родя закричал:

– Иван, прекрати, прекрати эти штучки! Прошу тебя!

– Спокойно, шеф! – откликнулся Иван. – Я в Феде уверен.

– Федор, может, не надо рисковать? Я не приказываю, а спрашиваю.

– Шеф, это его забава, ну, что я могу сделать?

Он опять оперся на капот, чуть поправил оптику и приказал Грише:

– Счет!

Гриша громко крикнул:

– Внимание! Отчет! Три, два, один!

Хлопок, Родя видит в бинокль бледное лицо Ивана, он поднимает с земли стакан и идет к группе.

Родя смущен: надо было приказать, это же глупость, зачем так рисковать?

– Шеф, без обиды. Надо немного адреналина впрыснуть в кровь. А в целом это не опасно, Федя классный стрелок.

Родя взял Ивана за локоть:

– Последний раз, ты понял?

– Согласен, шеф, – смущенно кивнул Иван.

Сели на поваленное дерево. Родя понимал, что ребята ждут объяснений, и задачи на первое время он определил.

– Завтра я попытаюсь переговорить с человеком, который якобы акционировал хлебокомбинат, а на самом деле акции все у него, рабочие не получили ничего. Предложу небольшие деньги, чтобы он уступил кресло. Не согласится – его проблемы.

– Будем убирать? – поинтересовался Иван.

– Пока нет. Дадим время, и тогда перекроем поставку муки. Будем останавливать и заворачивать все машины. Печет он с колес, запаса нет, через неделю город останется без хлеба, и тогда придем мы. Будет мука, будет хлеб, будет уважение начальства и рабочих.

– А директор? – спросил Григорий.

– Свою долю он получит, остальное раздадим рабочим. За год акции можно скупить под разным предлогом, и комбинат наш. Следующая задача – ЦУМ. Его прихватили два братца Щербаковские, один служил в партии, другой в профсоюзах. У них с коллективом тоже конфликт, этим можно воспользоваться. Вчерне план такой. Рано утром снимаем охрану, к тому времени из числа работников формируем стачечный комитет, он занимает кабинет директора и никого не пускает в контору.

– А менты?

– Менты вмешиваться не будут, если объявлена забастовка. ЦУМ – фирма серьезная, кипишь в городе будет большой, начальство поборется разгонять народных избранников, а мы подскажем братьям выход: или бабки в карман и в сторону, или...

– Шлепнуть! – подсказал Иван.

– Ты бы все шлепал, – укорил его Григорий. – Шеф, уж больно все гладко получается. Вот ЦУМ – нам втроем его не удержать.

– Держать ничего не надо. На дверях будут ребята помельче, они

есть. В администрации города есть пара человечков, готовых за бабки продать весь город. Самое главное, ребята, что конкурентов пока нет. Времени у нас в обрез, потому надо поспешать. Так, я не спросил, как вы в бытовом плане? Жилье есть?

Иван посмотрел на ребят:

— Эти два друга из армии пришли и вроде как лишние, у одно брат женился, у другого сестра замуж вышла, к тому же малыши в обеих квартирах.

Родя кивнул:

— Понял. Вот ключи от однокомнатной, это моя хата была, я вас пропишу.

Иван засмеялся:

— Все, братцы, гуляем новоселье.

Родя уцепился:

— Иван, это правда, что вы совсем не выпиваете?

— Конечно, врут. Почему не выпить рюмку-две, если по делу? А так — нет, шеф, облома не будет. Ваш дом охранять будем?

— Пока нет нужды, а дальше посмотрим.

От идеи с управляющим отказался, а чуть позже в кафе заметил молодую девушку, симпатичную, обходительную, явно деревенскую, еще не успела обнаглеть в городском общепите. Пригласил к столу.

— Слушаю вас, что будете заказывать?

— Тебя как зовут? — с улыбкой спросил посетитель.

— Варвара.

— Варя, Варюша. Деревенская? Живешь на съемной или в общежитии? Мне в дом хозяйка нужна, распорядитель. Пойдешь ко мне в хозяйки? — Родион старался быть ласковым.

— Это как? Я не поняла. И вообще нам запрещают говорить с клиентами на посторонние темы.

— Тогда вот тебе телефон, будешь свободна — позвони, я подъеду, обсудим.

Варвара ждала у общежития, одета скромно, но аккуратно, на лице никакой краски, даже губы чистые.

Он открыл дверцу, она осторожно села, предупредила:

— Только никуда не надо ехать.

— Да сто метров в сторону, чтобы не маячить. Варя, у меня большой дом, я холостяк, нужна хозяйка. Нет, я тебя не в жены зову, не пугайся, я вижу, ты деревенская, никому не веришь. И правильно делаешь. Обязанностей много: обед приготовить, я утром только

кофе, а вечером — как придется, могу и обед доесть, не особо избалован. На тебе закупки продуктов, уборка, стирка, общий порядок. Могут гости быть, тогда готовить серьезно. Умеешь?

— Училась на повара, так что смогу, были бы продукты, — ответила почти с гордостью.

— Жить будешь в отдельной комнате, ключи от дома у тебя, пошла куда — мне позвонишь, а скоро охрана будет, им скажешь. Деньгами не обижу. Соглашайся.

— Как мне вас называть? — она чуть подвинулась в кресле, чтобы лучше видеть его лицо.

— Родион Петрович.

— Родион Петрович, а вы ко мне не будете приставать? — спросила и сама не поняла, толи намекала на что, толи предупредить хотела.

Бывакин кашлянул:

— Я же сказал, что не в жены зову. Приставать не буду, но если речь о свободных отношениях, то посмотрим. Медицинские документы у тебя, судя по всему, в порядке?

— Конечно. У меня нет случайных связей. Дружила с одним парнем, но разбежались.

— Твое слово? — Родион понял, что боится отказа.

— Согласна, — выдохнула девушка.

Поехали посмотреть дом. Варвара прошла по всем комнатам, вышла к Родиону уже почти хозяйкой.

— Уборки не было целый месяц, наверное. Кто в обуви ходил по второму этажу? Под порогом поставлю десяток пар тапочек, чтобы все разувались. А шторы где? Пылесос нужен. Короче говоря, подскажите, как мне до кафе добраться, уволюсь, а потом в магазины, швейную машинку возьмете — я вам такие шторы отмочу! Видели в кафе — моя работа.

Бывакин с улыбкой вздохнул: еще одну работу свалил на нужного человека.

— Варя, тапочки купи, но в приличных домах не разуваются.

Он очень устал в тот день. За солидный взнос в общак Маркс обещал сообщить о приезде Жмыха. За это время в архиве хорошие люди за хорошие деньги подняли его дело, и Родя обзавелся фотографиями. Маркс обещал сообщить номер поезда и даже вагон, в котором прибудет Жмых.

— Имей в виду, если я даю, то это только для встречи, как положено. Понял? Если на меня выйдут с разборками, я тебя сдам.

Лукавил Маркс, что для товарищеской встречи дал наколку на все детали приезда друга, прекрасно понимал, как его встретит этот жесткий и властный молодой бандит. Но денег он дал много, ему, смотрящему, тоже ответ держать перед братвой. А Жмых — отработанный материал, только под ногами будет путаться.

Жмых приехал, как и обещал, вышел из вагона один, Родя узнал его в бинокль и послал Ивана с Федей встретить. Видел, как сели в машину, поехал следом. Яму в лесу подготовили еще вчера. Потасовки не было, просто Федя завернул Жмыху голову, доехали до поворота, свернули, Родя остановился в стороне. Видел, что вытащили тело, сняли всю одежду, сложили в целлофановый мешок, позже в другом месте зальют бензином и сожгут. Жмыха столкнули в яму, быстро зарыли, укрыли снятым вчера дерном. Родя осмотрел могилу и кивнул: поехали. Остатки сгоревшей одежды снова полили бензином, чтоб ничего не осталось. Ребятам отдал по пачке денег и уехал.

Варя встретила его новостью: весь день, раза три, звонила какая-то дама. Варя в последнем разговоре намекнула, что она отвлекает от важной работы, дама сказала, чтобы Родион Петрович позвонил Ладе. В голосе Вари чувствовалась ревность. Звонить в таком состоянии Ладе нельзя, да и вообще — зачем? Ведь все же ясно, эта барышня не про него, да и он ей не пара, если станут разбираться. Ушел к себе в кабинет, но не утерпел, надо все делать разом, набрал мобильник Лады.

— Вы меня искали. Что-то случилось?

— Случилось. Вы бросили меня. — Родион понял, что дело идет к истерике — Вы безжалостный человек, Родион Петрович. Мне так плохо, я тоскую. Почему вы не приезжаете, даже не звоните?

— Лада Станиславовна, я вам все объяснил. Я другой, вы меня не знаете, забудьте обо мне. Вы красивая девушка, у вас сотни поклонников, а я не гожусь.

— Родион Петрович, если бы вы знали! Мне двадцать три года, и вы единственный мужчина, который меня поцеловал. У меня никого нет, кроме вас. Я схожу с ума. Родя, я согласна выйти за вас замуж, даже если весь мир будет против. Родя, если хотите, мы будем встречаться тайно, я на все пойду.

Родю это предложение крайне смутило:

— Лада Станиславовна, что вы несете! А ваши принципы, а ваша гордость, наконец! Вы же княжна!

Лада заплакала навзрыд:

— Я женщина прежде всего, Родя, это вы разбудили в холодной и

одержимой мечтательнице страсть и жажду любви. Я смеюсь над собой, вся юность проведена в никчемных поисках былой значимости. Страшно сказать, в мои лета я не знаю прикосновения мужчины, просто объятия, горячего дыхания. Родя, вы совсем не любите меня?

— Мне вас жаль, — сказал он и положил трубку. На всякий случай, внес ее телефон в черный список, это же сделал и на стационарном. Вышел из кабинета, Варя смотрела на него возмущенным взглядом:

— Какой же вы жестокий, Родион Петрович! Уж простите, громкую связь убирать надо и двери прикрывать. Прямо сатрап какой-то!

— Варя, я обещал не домогаться тебя, я держу слово, но если ты будешь меня провоцировать, я за себя не ручаюсь. — Он засмеялся и крепко обнял девушку. Она не оттолкнула его, только сказала:

— Родион Петрович, будет совсем тяжело, вы мою дверь знаете.

И пошла на кухню собирать ужин.

Разговор с Ладой разволновал его, нет, не потому, что сказал ей что-то лишнее, все это он сказал бы и в другое время, и при личной встрече. Но такой встречи больше не будет, уж он постарается ее избежать. Если княжна готова на все, черт знает, что у нее на уме, и Родя не железный, может не устоять, тогда что? Этот тип женщин он уже представлял. Привяжется Лада, совершенно искренне, со всей своей застоявшейся любовью, и куда он потом? Нет, княжескую кровь с разбойничьей не смешать, Роде кто-то в тюрьме сказал, что в Сибирь сбегало в свое время много разбойников из разбитых банд Разина и Пугачева. Вот Аннушка, нормальная бабочка, пригрела, душу отвела, и не липнет. Правда, и он адреса ей не давал, хотя в душе был благодарен за любовь и ласку. Или Настена. Не сказать, что прикипела к сердцу, но девчонка хорошая, даже жалко. Решила схитрить, мол, забеременею, никуда не денется, оставит, да и зарегистрируется потом. Столько времени прошло, а ведь ни разу не позвонила, не пришла. А теперь и искать будет — не найдет, далеко от той квартиры уехал. Надо сказать парням, чтобы никому никаких координат. Да, впрочем, они и сами понимают. А вообще надо бы найти Настену, узнать, как она. Учиться собиралась. Ладно, выберу время, наведу справки.

Всякий раз, ложась спать, он чувствовал, что ненормально живет, мужику под двадцать пять, а постель погреть некому. И сегодняшний день, гнутый-перегнутый, закончился разговором с Варварой почти о том же. Встал, подошел к двери Вариной комнаты, потянул ручку, девушка села в постели.

— Я знала, что вы придете...

...Уткнувшись ему под мышку, Варя прошептала:

— Вы не подумайте, что я стану этим случаем спекулировать. Надо — на стороне ищите или везите кого, а я тут всегда. И всегда приму с радостью, потому что вы мой хозяин и кормилец. Я за вашу помощь родителей в деревне спасаю.

— Не говори так, Варя, а то получается, что я покупаю твою ласку.

— Вы не обижайтесь, я ведь по простоте своей. Заработаю у вас денег, вызову из деревни парня одного, Мишей зовут, снимем комнату и будем жить.

— Варя, я тебя никуда не отпущу.

— А когда женитесь? Жена ревновать будет, выживет меня.

— О, до того времени еще далеко. Ты вечерами приходи ко мне, тяжело одному, сны дурные вижу. А ты обнимешь, и мне спокойно будет.

— Я-то приду, Родион Петрович, только чтобы мне не привыкнуть. Я девчонка влюбчивая, куда меня потом?

— Ладно, спи. Я пойду к себе, надо по завтрашнему дню определиться. Спокойной ночи.

— Приятных снов... — она чуть не назвала его Родей, как называла в полузабытых объятиях и поцелуев.

В своей спальне Родион включил ночные новости. Дикторша спокойным голосом вещала о том, что на нескольких предприятиях города создаются забастовочные комитеты, трудовые коллективы высказывают недовольство результатами приватизации. Особо напряженная обстановка на комбинате хлебобулочных изделий, где, по словам руководства, заканчивается мука, а новых поступлений нет, и город может через два дня остаться без хлеба. Не лучше положение и в главном магазине областного центра, в ЦУМе власть в свои руки взял стачечный комитет, бывших руководителей буквально выкинули из здания. Ходят слухи, что за народным волеизъявлением стоят криминальные структуры, но в управлении внутренних дел дали комментарий: полномочия избранных комитетов проверены, органы не вправе вмешиваться в управление производством. «Пока нарушений существующих законов нет, трудовые коллективы действуют в рамках правового поля» — так подвел итог сообщения начальник городского УВД, вчера получивший от Роди солидную пачку зеленых бумажек.

Бывакин расписал по часам весь день. На хлебозаводе в десять соберем актив и назначим директора, им станет нынешний заведующий производством. Федя и Гриша войдут в состав совета директоров. Что делать дальше, они знают. В три часа собрание в ЦУМе, ни-

кого лишнего, есть пяток выступающих. Директором изберут старшего товароведа, Иван становится заместителем. Через месяц все будет, как надо. На оба предприятия у Родя уже есть покупатели, группа кавказских товарищей уже неделю звонит ежедневно: с огромными деньгами жить в чужом городе очень опасно. Родя сегодня представился кавказцам новым именем — Бывалый, вспомнил размышления Доктора. И еще поднял цену. Если не будет согласия, он находит других партнеров. Кавказцы поцокали языками и согласились.

Закончив все дела и отпустив команду, Бывакин собрался в ресторан поужинать, но вспомнил, что зерна кофе закончились, и он забыл наказать Варю, чтобы купила. Пришлось заезжать в ближайший магазин. Вошел, осмотрелся — ба, да это тот самый «маркет», у его бывшей квартиры, в продовольственном отделе котором он отоваривался несколько месяцев. Здесь же встретил Настену. Что-то шевельнулось в сердце, но он убил это слабое проявление жалости или вины — не сразу поймешь. Прошел между стеллажами, отыскал кофе и пошел к кассе. Очереди не было, но все сотрудницы собрались у стола.

— Здравствуй, Родя.

— Давно не бывал, разбогател, должно быть.

— С сыном тебя. Ты хоть знаешь, что папашей стал?

Родион оторопел.

— Какой он папаша? Кобель он, и никто больше. Обрюхатил девушку и выгнал. Сволочь!

Родя настолько растерялся, что не нашел, что ответить. Откровенное хамство было неуместным, выказывать радость он не мог и не имел права. Едва взял себя в руки.

— Где она? — спросил всех сразу.

Девчонки замолчали. Старшая, видать, семейная женщина, отвела его в сторону.

— Девчонки ее из роддома забрали, но в общаге с дитем держать не будут. Дали неделю на определение, а у нее ни гроша за душой, и домой ехать боится, отец прибьет.

Родя молча вышел и уже в машине остановил сам себя: Бывалый, и куда ты собрался? В уютное гнездышко на втором этаже собственного коттеджа? Или на первом в теплую постель любвеобильной Вари? А в это время твой сын и его мать, девчонка, которая тебе нравилась, мучаются в грязной общаге, у Настены от столовского питания, пожалуй, и молока нет. Ребенок плачет. Его ребенок. Что делать? Подумал: мать бы

узнала — за уши отодрала. Уехать и все забыть, в магазине этом не появляться, никто и не запомнит. Настена сама не придет, да и не знает, куда. Да, в такой ситуации он еще не был. Никогда еще что-то внутри не мучило его, он и не знал, что это совесть. Забыть, не связывать себя женой и ребенком, дать ей денег, купить квартиру. Пройдет время, ребенок подрастет, Настена девушка видная, все равно найдет себе мужика, а сына..., его сына будут звать выблядком, как и его когда-то. Нет, этого не будет. А что делать-то? Немедленно ехать к Настене. Немедленно. Набрать продуктов... Нет, это банально. Цветы? Ей только этого сейчас не хватает. Просто поехать, поговорить. Ведь не чужие теперь.

По обшарпанным ступенькам общежития поднялся на второй этаж, остановил девчонку с сигаретой:

— В какой комнате женщина с ребенком?

— Настя? В двадцать пятой.

Постучал, кто-то подошел и медленно открыл дверь. Настена. Она качнулась, ухватилась за косяк:

— Проходи, он спит.

Родя прошел, сел на табуретку. В комнате порядок, на веревке постиранные пеленки, в углу коляска простенькая, не новая, детская ванночка. На столе пакеты с детским питанием. Половина булки белого хлеба.

— Настя, я только сегодня узнал, — хотел сказать в свое оправдание, а оказалось — подставился.

— Память у тебя прохудилась, Родион, ты еще полгода назад знал, да не хотел знать. Я просила девчонок в магазине не говорить тебе ничего. Я уже собралась, мама приезжала, отец смирился, говорит, вырастим и воспитаем, не хуже других. Вот, завтра приедут, легковушку наймут.

Родя молчал. Может, судьба дает ему шанс избавиться от этой проблемы? Или наоборот, дает возможность проявить себя мужчиной и отцом. Где же выход?

— Настена, а если я тебя с ребенком к себе заберу? Поедешь?

Ждал, что обрадуется, согласится, засуетится, а он заставит взять только сына, а все старье — выбросить. А получилось:

— Нет, конечно, не поеду. После такого позора. Да, врачи отказались, сказали, что поздно и опасно, мне куда деваться? Работала до последнего дня, думала, вдруг заглянешь, увидишь, что едва ношу твоего богатыря. Нет, не зашел, не нужны. Ничего, теперь, слава Богу, все на своих местах.

Родион встал:

– Забери ребенка, это пусть остается, сейчас же заедем в «Малютку», все новое купим.

– Родя, ты не понял. Завтра приедут родители мои, и мы с сыном едем домой. – Она едва успевала вытирать слезы.

– Подожди, я не понимаю. Ты не хочешь, чтобы у ребенка был отец?

– Родиону казалось, что это почти козырный туз, не скажет же она «нет».

– Такой – не хочу. Такой, который, если что-то не так, не по его, способен отказаться от ... женщины, беременной его ребенком – такой не нужен.

Родион знал натуру Настены, в ней было это упрямство, эта непреодолимая жажда справедливости. Он однажды сильно ее оскорбил, и она этого не простит.

– Настя, научи, что я должен сделать? – Родя сломался, он уже готов был встать на колени. За занавеской послышалось кряхтение и потом тихий плач. Родители помолчали.

– Уйди, Родион, уйди, так будет лучше всем. И тебе тоже. Ты же и сейчас маешься, между двух берез заблудился. Не мучай себя, живи, как жил, и мы тоже будем жить. Запишу я сына дома, имя дадим, отчество отца моего, и фамилия наша. На алименты подавать не буду, не боись. Так что твоего ничто не пострадает.

– Да как ты можешь так говорить! Я сам через это прошел, и отчество у меня мамино, и отца я не знаю, и все детство выблядком был в деревне. Не хочу! Не отдам сына и тебя не отдам. Настена, поверь мне, прошу тебя.

– Нет, Родя, пусть все будет, как сложилось. Захочешь – приедешь, поиграешься с сыном, я не против. Но к тебе не пойду. Да и не любил ты меня, так, нравилась, смазливая, игривая, пока не доигралась.

Бывакин охватил голову руками: что же делать? Как уговорить Настю поехать к нему? Потом его осенило: он что, на квартиру ее приглашает? Дурак, кто так разговаривает с матерью своего ребенка? Ты же отец, она мать, есть сын, значит, вы – семья, и ты в ней главный ответственный. Родя даже улыбнулся:

– Настя, прости меня, я не с того начал. Я прошу тебя стать моей женой. Женой моей стать, единственной и любимой. И сын у нас будет еще не один. Прошу тебя, соглашайся.

Настена заревела в голос, Родя обнял ее и впервые вместо волны желания ощутил тепло и радость от горячего женского тела. Настя вытерла слезы и сама испугалась минутной слабости.

— Нет, Родя, будет так, как мы с сыном решили. Помнишь, ты говорил мне, когда я призналась, что был у меня роман с одним пареньком: за все надо платить. Я заплатила. Теперь твоя очередь. Завтра мы уезжаем. Адрес можешь записать или запомнить, гостем не будешь, но в дом пустим.

Бывакин встал. Он не привык, чтобы с ним так разговаривали, но тут случай особый:

— Настя, ты пожалеешь об этом. Я сегодня состоятельный человек, меня зовут Бывалый, и дела мои к лучшему, подумай, от чего ты отказываешься.

Настя улыбнулась:

— Деньги никогда не были спутником счастья, Родя, разве ты не понимаешь простых вещей?

— Ты пожалеешь об этом! Ты обязательно об этом пожалеешь. Ты оттолкнула меня, стоящего на коленях. Никогда не прошу тебе этого!

Он хлопнул дверью и вышел в вонючий коридор общаги. Его трясло. И он не мог бы сейчас сказать, потеря так и не обретенного сына были причиной мстительных ноток в голосе, так знакомых ему, или неудавшийся проект, в котором он был на сто процентов уверен? Ведь он был абсолютно уверен, что Настена бросится ему на шею, будет тысячу раз благодарна, и ни разу не вспомнит о том, как он ее прогнал.

Злой и больной приехал он домой, Варя, видя это, старалась не попадаться на глаза. Бывакин долго сидел в кабинете, среди ночи вошел в комнату Варя, она испуганно вскочила с постели, Родя крепко обнял ее, и легонькую ночную рубашку отбросил в сторону...

Гроза, которой Бывакин больше всего боялся, потому что она могла испортить десять километров грунтовой дороги от трассы до деревни, прогрохотала всю ночь, но дождя он так и не услышал, несколько раз выходил на лоджию: молнии разрывали небеса, освещая неверным светом спящий каменный город внизу и соседние коттеджи, больше похожие на замки. Гром был сухой и хрумкий, будто кто-то огромный там, в небесах, ломал кости и хлестко, раскатисто бросал их на камни. Он вспомнил, что старый дедушка Ефим в таких случаях судорожно крестился и объяснял маленькому Роде, что гром оттого, что Илья Пророк на своей колеснице по небу летает и швыряет молнии в неверных людей. А бабушка Федора всю грозу стояла перед маленькой прокопчённой иконой в переднем углу, молилась размашисто и уверенно, время от времени пугая Родю словами: «Крестись,

лишенец, а то Боженька ругатца!». Он часто в последние дни вспоминал деревню, полуголодное детство, школу, друзей. И мать...

Желание поехать в родную деревню возникло внезапно. Хоронили старого знакомого, другом Родя его не считал, но судьба повязала, вместе встречали Жмыха с командой, а когда началась вольница, вместе громили конторы, ставили своих директоров и через пару месяцев продавали заводики, фабрички, магазины тем, кто готов был платить. Богатели, наглели, Родя поаккуратнее был, через верного человека, хоть и за большой процент, но баксы свои в Швейцарию переправил, а ребята лопухнулись. Когда их повязали, кореш тот переслал просьбу дать следователю двести тысяч зелёных. А у Роди нет ничего. Мог бы, конечно, перехватить, связи имелись на такой случай, но уже тогда доверия к старым подельникам не было, и совместных дел в будущем он не хотел иметь. Так и передал, что бабок нет. Конечно, не поверили, после срока обещали поквитаться, но Бывалый их ждал. Двое исчезли сразу, он не любил даже вспоминать об этом, третий, Стас, скрылся, потом приполз на коленях, кровью поклялся, что претензий не имеет. Родя, а если точнее — Родион Петрович — отправил бывшего друга в гараж, тот когда-то в техникуме на механика учился. Встречались редко, а потом ему доложили, что механик в больнице и при смерти, тюремный туберкулёз перешёл в неизлечимую форму. Шеф дал команду похоронить Стаса по первому разряду, сам себе пометил: разом за всех откуплюсь у братвы.

Все уехали в ресторан на горячий обед, а Бывакин пошёл по кладбищу, всё больше удивляясь тому, что он столько лет удачно избегал посещения этого грустного человеческого пристанища. Его поражали огромные сооружения на могилах крупных чиновников, евреев и бандитов. Последних он знал почти всех, с мраморных плит смотрели милые молодые люди, почти актёры по красоте, на какую был способен художник. Ухмыльнулся: земля всё скроет: и пытки, и поджоги, и убийства. Он уже не хотел вспоминать, что с некоторыми ребятами витийствовали вместе, утешался, что крови на нём нет, ни на кого пистолета или ножа не поднимал, судьба избавила, за его деньги было, кому... Всегда выбора не было, не он, так его, тут только такой расклад. Он вернул зарубежные деньги, в разгар приватизации купил солидную строительную организацию с собственным производством железобетона и столярных изделий, потом еще два заводика, объединил их в корпорацию со звучным названием «Командор», нанял толковых мужиков, которые за приличные оклады повели дело,

да так успешно, что через два года Родиона Петровича уже приглашал сам губернатор.

Бывалый пошёл вдоль ряда могил, уже не обращая внимания на надписи, на выходе увидел своих охранников, не спускавших с него глаз, а у последней могилы пришлось обходить молодого человека, склонившегося над решёткой ограды. Мужчина выпрямился и обернулся. Родю настолько смутило его заплаканное лицо, что он невольно спросил:

— Простите, это ваша жена?

Молодой человек охотно ответил:

— Это мама. Просто я заказал портрет с фотографии, где ей только тридцать.

Родя и сам не мог понять, зачем он затеял этот разговор:

— Она умерла недавно?

— Десять лет назад. Я убрал даты, зачем людям знать? Пусть видят её красивую и беззаботную. — Мужчина поправил цветы.

— А вы живете в другом городе? — зачем-то спросил Родион.

— Почему вы так решили? — удивился мужчина.

— Ну, вероятно, редко бываете, вот слёзы...

— Мы бываем каждую субботу, просто сегодня я рано освободился на работе и решил заехать. Мы бываем всей семьёй, у нас трое детей. Мама нас видит, я думаю, что она радуется за нас. А вы тоже навещали родителей?

Родя смутился:

— Нет, я по другому случаю. Моя мать похоронена в деревне.

— Не мать, а мама. Так следует говорить. А это далеко?

— Не особенно, по нынешним скоростям... — замаялся Родион.

— Вы часто у неё бываете? — спросил мужчина.

Бывакин испугался: вот влип в беседу, ладно, что охрана не слышит.

— Бываю, но редко.

Молодой человек улыбнулся:

— Надо почаще навещать, ведь это мама, она нам дала жизнь, и нить эта непрерывна, из поколения в поколение. Извините, я заговорил вас.

— Это вы меня простите, — сказал Родя и быстрым шагом пошёл к машинам.

— Домой! — кивнул водителю, и три джипа рванули с места.

Дома принял душ, одел только плавки, открыл холодильник, налил в рюмку коньяк, сел на низкий диван. Коньяк чуть взбодрил, но

вдруг возникло неуместное воспоминание: тот молодой мужчина сказал, что у него трое детей. Конечно, есть жена. От него даже запах домашний, какой-то незнакомый Родиону, вот от него постоянный запах одних и тех же духов, ему подбирали специалисты из десятков разных склянок. Остановились на этом, заплатил пятьсот баксов, а потом Ангелочек, Ангелина, девушка из приёмной, как попугай, знающая только одну фразу: «Родион Петрович занят», принесла ему флакон туалетной воды точно с таким же ароматом. Родя вдруг вспомнил, что в детстве любил щи, которые мать оставляла у загнетки в русской печи, и он, обжигаясь, доставал ухватом чугунок, поварёшкой накладывал, а не наливал в блюдо густые щи, красные от перепревших овощей, пахнувшие капустой, луком и ещё чем-то, деревянной ложкой доставал из горшка сметану, размешивал в блюде и жадно хлебал, подставляя под ложку кусок хлеба, чтобы не капать на стол. Иногда мать оставляла в печи большую сковороду, закрытую тяжёлой крышкой, Родя выуживал её клюкой, горшкеиком прихватывал крышку, и запах запечённой в сметане картошки наполнял избу. Есть следовало с краешка, дочиста вычищая дно и стенки жаровни, а потом закрыть и поставить в печь — мать придёт, станет ужинать.

Он встал, налил ещё коньяка, сделал пару глотков. Раньше пил много и разное, а потом взял себя в руки: три рюмки, и только коньяк, настоящий армянский, который привозила ему знакомая стюардесса. А многие ребята спились, потерялись, умерли. Да... Сел в кресло, вспомнил, как хоронил внезапно умершую мать. Приехал вечером, женщины сидели вдоль стенки, мать лежала в непривычно красивом платье, прикрытая по пояс белым колленкором. Никто ничего не говорил, никто не корил, но Родя чувствовал, что деревня винит его, что мать изробилась в колхозе, а он пугался неизвестно где, даже письма не прислал, не говоря про перевод. Это ему утром мужики опохмелённые пересказали. Ладно что из сельсовета год назад справку затребовал для паспорта, так и нашли адрес, а то бы и не проводил.

Когда вошел, все разом замолчали, будто испугались кого, но не всякий и узнал, только тетка Лукерья встала с табуретки, подошла:

— Вот как, Родя, приехал ты к мамке, а она и не встречат, голоса не подает, не прижмет к сердцу. Подойди, поклонись да присядь в головах, можа, и скажет тебе, проходимцу, что все глаза проревела, на дорогу гляючи. Не сверкай на меня, я не за себя, за матерь твою несчастную говорю. Не пофартило ей в жизни, за одного вышла, потом с другим сошлась, один другого краше. Тут тебя прихватила на

горе, уж как маялась, как мучилась. На колхозной работе надо каженный день быть, а тебя куда? Господи прости, Фешка ты Фешка разнесчастная! Ты только ползать начал, поставит блюдо с картошкой, молоком зальет, тебя к косяку веревочкой под пояс привяжет, глаза закроет и на работу. А вечером бежим, говорит: «Луша, айда со мной. Боюсь в избу заходить, живой ли Родя?». Вот как было.

Кто-то сказал тихонько:

— Будет тебе, Лукерья, парень и так заходится.

Что случилось — он и сам понять не мог, захлестнули слезы, запоздалые, все разом накатило: и годы воровские, и мать забытая, и первая тогда заноза, что так нельзя жить. Встал у гроба на колени, уткнулся в последнюю мамину подушечку, набитую травой лесной, клевер узнал, визиль, ромашку, еще больше сердце расслабилось. Запах маминых волос, свежeweмытых и ополоснутых крапивным настоем, как она любила. До самой школьной поры после бани он спал с мамой, вот так же уткнувшись в подушку и дыша родными запахами, пока еще ничего в них не понимая. Теперь все стало упреком — и люди вокруг, и эти запахи, и мертвая мама.

К вечеру женщины разошлись, остались три родственницы, пришедшие из соседней деревни, толи сестры второго мужа, толи отца, которого Родя так и не видел никогда. Записала мать его в сельсовете на свою фамилию и отчество свое дала — Петрович, а кто отцом парня будет — так и не могли допытаться. Родя помнил, как первый раз в деревенской ребячьей драке назвали его выблядком, ему тогда разбили нос и губы, он пришел домой в предчувствии еще большей боли:

— Мама, пошто меня обзывают выблядком?

Мать обхватила его руками, потащила к рукомойнику, умыла лицо, поцеловала в опухшие губы:

— Терпи, сынок, будут так звать — уходи от греха.

Не ушел. В седьмом классе учился, в очередной драке вынул из кармана ножичекскладешок, у каждого пацана такой, даже развернуть не успел. Не учли, суд был суров: детская колония...

Луша управилась и пришла:

— Ты бы, Родя, шел к нам, тут тебе и отдохнуть негде.

Родя промолчал, подвинул табуретку к гробу, сел. Луша больше не предлагала. Тетки — две на кровати, одна на печи — дружно захрапели. Луша сидела в кутнем углу:

— Родя, ты хоть скажись, как живешь, чем занимаешься?

— Нормально живу, тетка Лукерья, работаю.

– Семья есть, ребяташки? – интересовалась тетка.

– Нету, – резко ответил он.

– Мать все ждала, можа, внуков привезешь погостить. Ты пошто такой нелюдимый-то? Мать-то пошто так?

– Не надо, тетка Лукерья, – Родион из-под лобья на нее посмотрел и встал.

– Ладно, Бог тебе судья.

К обеду гроб вынесли, поставили на телегу и повезли на могилки. Несколько человек потянулись следом. Копальщики сидели и ждали. Кто-то из баб завыл, но ее не поддержали, Родя понял, что боятся его или стесняются. Мужики рассказали, что для деревенских он бандит, вроде как даже главарь, его и в тюрьму не садят, потому что в авторитете. Он первым подошел к гробу, поцеловал мать в лоб и велел закрывать крышкой. Застучали молотки, кто-то опять всплакнул, Родя отозвал в сторону Лушу:

– Оставляю тебе вот эту пачку, заплати всем, кому положено, помяните мать и все обеды справь. Я, может быть, скоро приеду.

Не приехал...

Опять вспомнился молодой человек с кладбища, это что он говорил про детей? Трое у него? Хорошо это или плохо – Бывалый улыбнулся: он не знал. Есть сын, но характер не позволял идти к Настене на поклон, посылал деньги, направлял ребят узнать, не встречается ли с кем, не вышла ли замуж. А ведь и самому третий десяток доходит, женщин полно, ему по звонку привозят самых-самых, но все они одинаковы, дежурно целуют, дежурно стонут, бесстыдно голыми выходят из душа.

Гроза постепенно скатилась, и только дальние сполохи молний и глухой рокот грома напоминали о беспокойной ночи. Родя заставил себя лечь и уснуть, все распоряжения в офисе он дал накануне и никому не сказал, что уезжает. Вечером начальник службы безопасности по телефону поинтересовался, будут ли указания на утро, Родя ответил, что охране даёт выходной. Управлять собой, своим настроением и своим состоянием его научил старый узбек, к которому в чайхану он ездил покушать настоящий плов. Узбек со странным именем Алахитдин поразил его абсолютной невозмутимостью, безупречной аккуратностью и чистотой, его сухое и чистое лицо с бритой головой, покрытой аракчинкой, украшала седая остренькая бородка. Он плохо говорил по-русски, но все понимал. Родя уже и не помнит, кто привёл его к Алахитдину, но ему тут нравилось все, но больше всего хозяин. Он всегда теперь встречал Родю, вежливо кланялся и гово-

рил, что плов будет готов, едва солнце два раза успеет спрятаться в облаках. Говорил, что сегодня свежий барашек, поскольку он говорил так почти всегда, Родя однажды дал команду тихонько проверить. Точно, мясо было свежее, ещё тёплое.

В тот раз Бывалый приехал в скверном настроении, что-то не ладилось, подводили партнёры, наседала налоговая инспекция, старый узбек заметил это и подошёл к столику:

— Зачем запустил чёрные думы в свою башку? Ты давно любишь мою чайхану и хорошо платишь, ты знаешь толк в плове и шашлыке, отличишь настоящий чай от помоев. Я тебя уважаю, потому скажи, что за зверь терзает твою душу?

Родя все рассказал узбеку, тот взял его за руку и повёл в свою комнату за перегородкой.

— Сядь тут. Туфлиними, ремень убри, наган под салфетку положи. Смотри мне в глаза и думай о хорошем. Жены нет, детей нет. О чём думать? Думай о полёте, ты, как птица, летишь над землёй, внизу арыки и аулы, стада овец пасутся в долинах, караван верблюдов везёт товары людям. Много декхан работает в садах и на полях, это хлопок так красиво растёт...

Дальше Бывалый уже не слышал, он видел и поля, и сады, и красивых узбечек, и прохладный ветер, настоящий на всех цветах долины, обдувал его и ласкал. Когда он очнулся, Алахитдин улыбался ему, прищурив глаза:

— Приходи через три дня, вечером, в твоей башке много грязи, надо уборкой заниматься.

Родя потянулся к барсетке, но узбек поймал за руку:

— Оставь деньги. Деньги — зло, я помогу тебе просто так. Ты хороший человек, я так думаю.

Уроки старика Родя усвоил быстро, научился отключаться на четверть часа в любой обстановке, стал сдержанным, невозмутимым, чем иногда пугал сотрудников. Вот и сейчас — откинул покрывало, заботливо запроващенное приходящей домработницей, лёг на мягкое гостеприимное одеяло, расслабился, перестал думать, но сна не было.

Когда приехал к узбеку, как и договорились, через три дня, процедура проходила в той же комнатке, только Родя лёг на кушетку, больше похожую на топчан, Алахитдин сел рядом, долго глядел в глаза, Родя снова уснул и спал, видимо, долго, потому что в комнате было темно. Он приподнялся, кто-то раздвинул шторы на окне, и в квадрате света появилась женская фигура.

– Вы хорошо спали, и я закрыла окно.

Она подошла ближе, и Родя увидел молодую, даже юную узбечку, с множеством косичек на голове, в цветном просторном халате, который даже при лёгком движении выдавал её заманчивую фигуру. Что-то шевельнулось в памяти, только никак не мог вспомнить, но уверен, что где-то видел эту девушку

– Отец работает, а меня попросил быть около вас. Я позову его.

Старый узбек сел рядом.

– У тебя тут, – он постучал по своей голове, – кровь портится, долго сидит, свежей крови нет, а старая не уходит. Надо лечить вот тут, – он опять постучал по своей шее. – Гузель будет тебя лечить, она ещё ребёнок, но аллах дал ей знание. Это моя младшая дочь. На родине совсем бедно, она приехала сюда, русский хорошо знает, надо учиться. Гузель хочет быть врачом. Слушайся её, когда больно – скажи. Но надо терпеть.

Первый сеанс назначили на субботу, Родя ловил себя на том, что ему хочется видеть эту красивую и таинственную узбечку, никогда раньше он не увлекался женщинами, сам не заводил знакомств, чьи-то попытки познакомиться с местными красавицами заканчивались традиционными обменами любезностями и холодным прощанием. Родя считал, что ценил свободу, хотя и сам не знал, для чего она ему?

Гузель встретила его у входа, поклонилась в знак приветствия, он тоже кивнул, прошли в комнату.

– Разденьтесь по пояс. Нет, брюки помнутся, вот простыня, снимите все, завернитесь в простыню и на живот. Мне нужен ваш позвоночник.

Девушка вошла в белом халате, указала на кушетку, попросила продвинуться вперед, чтобы освободить шею, голова чуть свисала с кушетки.

– Вам неудобно? Терпите. Тогда начнем.

Ее теплые ладони растирали его грубое тело, он расслабился и готов был уснуть, но она начала работать пальчиками, и они проникали все глубже в кожу, в мышцы, почти касались костей. Пройдя по всему позвоночнику от копчика до затылка, Гузель сказала:

– Сейчас я буду смотреть шейный отдел, будет больно. Но вы же мужчина.

Тонкие пальчики оказались железными клещами...

После этой процедуры Родя долго спал. Были сны, быстрые, как мысль, он не успевал понять, что снится, а картины уже менялись, и вновь скользили сквозь память, оставляя только теплые чувства. Только поднял голову – старик стоит на пороге.

— Крепко спал, храпел сильно, клиент спрашивал, что там такое. Улыбаюсь: мужчина спит. Храпеть тоже не будешь, я научу. Твои люди волнуются. Ты собрался в путь?

Бывалый вздрогнул: он этого никому не говорил. Старик усмехнулся:

— На родину едешь. С чистым сердцем надо. Родных никого. Могилы есть. Слезу пусти, не держи, слеза сердце моет. Прощай пока.

Исполнительный директор строительной фирмы Макс Михайлович Самсонов позвонил и попросил о встрече. Родион назначил на девять утра. Самсонов, умный и толковый экономист, начал сразу с главного:

— Родион Петрович, вчера главный бухгалтер принесла отчет за полугодие, конечно, два варианта, так вот, по чистому прибыль приличная, мы такую еще не получали. Я понимаю, все снимем, переведем в валюту и... Родион Петрович, в сейфе нельзя хранить столько денег, они должны работать.

Бывакин кивнул:

— И что вы предлагаете?

— Вариантов много, но в городе есть смысл ввязываться только в производство с новейшими технологиями, вам пока этого не предложили, а просить вы не станете. Но можно другое: купить пару колхозов и заняться аграрным бизнесом. Дело надежное и перспективное, люди кушать хотят при любом режиме. У меня есть один знакомый, прекрасный экономист и даже практик, был директором совхоза, начальником сельхозуправления в районе. Если ему поручить, он сумеет все организовать. Нет, Родион Петрович, если вы не согласны, я снимаю предложение.

Шеф промолчал. Действительно, сейф в потайной нише хранил пачки новеньких долларов, иногда он открывал бронированную дверь и тупо смотрел на полки: куда это все? Не найдя ответа, звонил главному бухгалтеру и велел с текущего счета перечислить детскому дому полмиллиона. Детский дом был рядом с городом, Родя познакомился с заведующей, крупной и грубоватой женщиной, но быстро понял, что это внешнее, а на самом деле Аксинья Васильевна хорошая хозяйка и заботливый воспитатель. После первого перечисления она пригласила дарителя, показала свое хозяйство, провела по школе, по спальням, зашли в столовую и на кухню.

— Хлеба детям хватает? — неожиданно спросил гость.

— Родион Петрович, хлеба — да, но с другими продуктами пробле-

мы. Наверное, мы часть на продукты пустим, уж больно короток рубль на пропитание воспитанников. Еще посуду надо бы обновить. Все так дорого. Только вы не беспокойтесь, все до копейки пойдет на деток.

— Поезжайте на швейную фабрику, закажите по вашим размерам по паре комплектов постельного, подушки подыщите, одеяла, матрасы. Возьмите счета и привезите в офис. Вот моя карточка, тут телефон, сразу мне сообщите.

Аксинья Васильевна заплакала:

— Родион Петрович, да я мигом, я в три дня все решу. Только вы цен не знаете, это будет очень дорого.

Бывакин кивнул:

— Я до тюрьмы не знал, что такое одеяло, фуфайкой укрывался.

Заведующая всплеснула руками:

— А в тюрьму-то вас за что, Родион Петрович?

Он усмехнулся:

— Это в детстве было...

...Шеф отпустил Самсонова, обещав подумать, хотя идея подать-ся в деревню ему не понравилась. Он слышал, что в сельском хозяйстве проведено реформирование, знал по собственному опыту, что в России после реформ мало чего остается, не зря просоветские газеты пишут, что слово «реформа» стало синонимом развала и разгрома. Помнилась и родная деревня Лебедево, родной колхоз, где все на пупу и через «твою мать». Из техники знал гусеничные ДТ, самоходные комбайны с козырьками вместо кабин. Современная зарубежная техника, которую иногда показывали по телевизору, казалась фантастической: тракторы с программным управлением, широкозахватные культиваторы, комбайны с кондиционерами. Он не знал, что с его деревней, как она сегодня живет, но догадывался, что не далеко она ушла от потерянных и погибающих. Вот тогда и задумал, что надо поехать и посмотреть, а тут как раз похороны, разговор с незнакомым мужчиной, новые, будто чужие, мысли о доме, о семье.

Решил так: поеду в деревню, найду мужиков толковых, не всех же раздавили реформы, поговорим, посмотрю, как они отнесутся к предложению, радостно улыбнутся или ехидно хмыкнут. А потом и с протеже Самсонова надо основательно познакомиться, опыт работы есть, но её тогда называли руководящей, а если в нем засел вечный начальник, тогда говорить не о чем. Сейчас не командовать надо, а думать, думать, как использовать деньги, как организовать производство.

По дороге на родину не дремалось, водитель и два охранника в

салоне джипа, все молчат и молчать будут, пока шеф не спросит. Такое воспитание. В городе начальник охраны обязательно ставил вторую машину, сегодня Родя отказался, незачем народ пугать. Для деревенского интереса и одного джипа достаточно.

— Леша, — Бывакин повернулся к соседу по заднему сиденью. — Ты родом откуда?

Тот дернул плечами:

— Не знаю, шеф, я же детдомовский. Оттуда на зону, а потом к вам.

— Но детдом-то в деревне был или в городе? — будто для Роди это было важно.

— В деревне. В старой школе.

— В колхозе местном не работали?

— Гоняли картошку копать, осенью на току зерно грузили. Интересно было. Вечером смена заканчивается, по огородам пройдемся, огурцы-помидоры...— Леша разулыбался неожиданным воспоминаниям.

— Не хватало жратвы?

— Что вы, кормили строго, какой-то деловой из начальства, помню, колодки орденские в три ряда, постоянно приходил и проверял, что нам ставят на столы. Одежду проверял, постели. Мы знали, что повара приворовывают, только нам хватало, а стучать считалось за подло.

— Ты бы сейчас согласился в деревне жить, работать на тракторе с подогревом сиденья, женился бы на местной одиночке, корова, поросенок, куры с утями — чем не жизнь? — Родион с интересом ждал ответа, да и ребята прислушиваются.

Леха недоверчиво посмотрел на шефа — нет, не издевается, да и в натуре у него этого нет, а с чего вдруг о тракторе? Ответил смущенно:

— Да кто же мне трактор доверит, Родион Петрович? И какая баба меня примет с такой биографией? Они в деревне боязливые, тюремщик — это последний человек.

— Ладно, Леха, мы с тобой к этому разговору еще вернемся. А Володя городской, верно?

Ответил водитель:

— Вован — Питерский, после отсидки не рискнул возвращаться, прибил к нам.

Родион кашлянул:

— Саша, я Владимира спросил. Ты у него не адвокат, слова не имешь. Отдельно для тебя напоминаю: погоняла остались в прошлом. Еще раз услышу — пойдешь в цех слесарем.

— Понял, шеф.

— Шурик прав, я городской, как раньше говорили, из приличной семьи. Папа мой военный, сейчас начальник кафедры в Медицинской академии, мама тоже профессор, в этой же академии преподает. А я в школе спортом увлекся, в десятом классе ребята пригласили в закрытый спортзал, там трое парней учили рукопашному бою. За деньги, конечно, но у меня проблем не было, мама снабжала по потребности. На выпускном в школе, а школа-то отдельная, рабочих и крестьян близко не было, к девчонке моей докопался фраер из параллельного класса. За груди цапал, это я сам видел. Ухватил его за воротник и ударил. В горячке применил жесткий прием, ну, парень..., короче, до больницы не довезли. Меня скрутили, папа с адвокатом, а тот, как суть дела узнал, в отказ пошел: оказывается, убил я сына большого городского начальника. Срок дали, родители на партийном собрании от меня отреклись, признали вину в воспитании, тем и отделались.

Помолчали. Родион спросил:

— Ты с ними вообще не встречался?

— Нет. Сестренка младшая нашла меня на зоне, писала, посылки слала, а когда откинулся, приехала, звала как бы по поручению родичей. Я не поехал. Вот тут и остался, — Владимира, похоже, эта тема не особенно интересовала.

Въехали в деревню, шеф велел остановиться у магазина. Вышел из машины один, постоял — никого, как вымерли люди. В магазине продавщица, на полках водка и флаконы со спиртовыми настойками, их фунфырями зовут, китайские бичпакеты и сигареты «Прима». И кирпичи несвежего хлеба.

— Скромный у вас ассортимент, — кивнул продавщице.

— Так нашим ничего больше не надо, — ответила она, на всякий случай протирая прилавок.

— После колхоза что осталось? Землю пашут, скотину держат. Или совсем ничего?

— А вас это почему интересует? Да подожди, ты же Родик? Или я вклепалась? А меня не признал? Я Зина Горелова, мы с тобой в одном классе учились.

Родион смутился:

— Прости, Зина, с улицы вошел, у тебя тут сумрак, не признал. Ну, здравствуй. Рассказывай, как живешь.

Зина вздохнула. И стала вспоминать, как после школы пошла работать дояркой, замуж вышла за Семена Бородина, троих детей ро-

дили. Сема механизатором был лучшим, оба работали от зари до зари, оба в один год ордена получили. Дом колхоз построил, машину купили, только бы жить, а тут понаехали люди с портфелями, давай собрания собирать, что неправильно живут. Особенно мужикам понравилось, что советская власть обманывает крестьян и платит им только малую часть того, что они заработали. А все остальное коммунисты забирают себе и платят неграм черной Африки, чтобы они их поддерживали. В общем, навешали лапши на уши, конечно, и наше начальство подсуенилось, давайте, мол, колхоз распустим и создадим какое-то общество, каждый получит бумажку, что он хозяин. Ну, и доигрались. Начальство скотину за один год на колбасу перевело, хлеб намолоченный продали аж в сентябре чуть не на корню, с осени потихоньку торганыли техникой, и все разом к новому году смотались в город. Остались только хозяева с бумажками.

— В прокуратуру обращались?

Зина всплакнула:

— Ездили, и мой тоже, тряс там орденом. Прокурор ответил, что все сделано законно, а про орден заявил, что он получен от другого государства и никакой силы уже не имеет.

Родя смотрел на эту женщину и стыдился признать, что она его ровесница, только жизнь так ее скрутила, что едва ли кто даст ей сейчас тридцать лет. Спросил, кто еще есть из толковых мужиков, попросил быстро их обойти и пригласить к себе домой.

— Скажи, что я приехал посоветоваться, какое производство можно в деревне создать, чтобы работа была, заработок, чтобы деревня не вымирала. Я посмотрел: ни одного дома нового не построено, да и куклами ты не торгуешь, значит, и ребятишек рожать перестали.

Зина с недоверием смотрела на земляка:

— Родик, да кто же станет связываться с глухоманью? Вот если бы под городом... А у нас же могила, господи!

Но пошла. Магазин закрыла, показала свой дом, побежала вдоль улицы. На сигнал машины вышел Семен, Родя его сразу узнал: невысокого роста, коренастенький, с густой шевелюрой рыжих волос.

— Скажи, Сема, а ребятишки у тебя тоже рыжие? — Родион улыбнулся.

— Ты мне эти шуточки брось... — а потом узнал друга детства: — Родик, ты, что ли? Вот встреча! Заходи, сейчас Зинку позову, на стол сгоношит. И ребят зови. Друзья?

— Вроде того. Зину ты не тревожь, она делом занята, людей собирает, будем у тебя перед домом сходняк, извини, сход проводить.

Семен оглядел гостя, машину, «друзей» и сухо выдавил:

– Если ты приехал деревню данью обложить, то опоздал, до тебя тут бульдозером выгребли все, что можно. Голые мы.

Бывакин поймал его за плечи:

– Семен, я не бандит, зачем ты со мной так? Хочу помочь деревне встать на ноги, и твоя рука потребуется. Придут мужики, надо обсудить, как это сделать.

– А деньги? Ты представляешь, сколько сюда надо вбухать, пока толк будет? Родик, земля уже умерла, не пашня, а целик. И народишко истрепался, многие на себя уже робить не хотят. Нет, Родион, без советской власти, чтобы железной рукой, ни хрена у нас не получится.

Родиону понравилась столь бурная реакция земляка: значит, не все утрачено, не все пропито, не все вытравили новые власти из настоящего крестьянина! Эвон, как взвился Сема! Молодец.

Стали подходить люди, не только мужики, Родион сразу отметил, что несколько семейных пар пришли вместе. С Родей здоровались сдержанно, без особых приветствий. Зина вынесла скамейки и табуретки, Семен выкатил несколько чурбаков.

– Семка, тащи колун, будет перерыв в прениях – расколотим.

– Зинаида, могла бы и пару красненьких захватить из магазина. Для пользы общества.

– Для президиума надо бы стульчики. И стол с красной скатертью.

Бывакин встал, сразу стало тихо. Он говорил кратко, и суть речи сводилась к тому, что ему нужно знать, хотят ли земляки работать по настоящему или уже растеряли все крестьянское и переходят в люмпены. Сразу предупредил: средства на обзаведение техникой, на ремонт или строительство помещений для скота, на закуп высокопродуктивных животных найдутся. Ему важно знать, готовы ли земляки работать, а работать придется много.

Собрание молчало. С людьми впервые за последние десять лет говорили серьезно и уважительно, и это настораживало: а правда ли?

– Ты вот слово сказал, куда мы переходим. Уточнение требуется, не все поняли, кто мы теперь. – Дедок, сидевший в дальнем ряду, поднялся. – У народа сомнение: а вдруг и ты оманешь?

Родион с трудом узнал в дедушке дальнего родственника дядю Тихона и улыбнулся:

– Дядя Тихон, вас так обобрали, что и взять больше нечего. Ты лучше скажи, сколько в бригаде пашни было?

Дед с гордостью ответил:

— Две с полтиной тысячи гектаров. Да сенокосов тыща заливных, да лесов не десять ли тысяч.

— Вам землю поделили на паи, у каждого должен быть документ. Есть такие бумаги? — Родион обвел взглядом собрание. Собрание затихло.

— Года три назад свидетельства эти забрал председатель сельсовета, ну, глава по теперешнему — сказал Семен. — Сказал, что для регистрации.

— А где он сейчас?

Ему ответили сразу несколько голосов:

— Смотрался. В районе поживает.

— А он наши гумаги не продал?

— Кому они надо?

— Вот в этом и дело, земляки. Прежде надо найти документы, а если по ним сделки совершены, то потребовать признать их незаконными. — Родион был смущен, его бесила бесцеремонность, с какой обошлись с народом. — Зина, возьми тетрадку, я попрошу всех, кто дает согласие работать со мной, записаться у Зины. Понятно, что это предварительно, оформление будет по все правилам, но я должен знать, на кого могу рассчитывать. Хочу спросить: есть желающие?

Собрание молчало. Молчание грозило, предупреждало и отказывало. Родя нервно сжимал кулаки и все острее чувствовал боль в затылке. Еще мгновение, и он садится в машину, навсегда выбросив из головы всякие мысли о деревне. Вдруг звонкий женский голос, похожий на причитание, нарушил тишину:

— Господи, люди, что же вы делаете? Человек пришел и предлагает спасение, а вы его гоните! Мужики, не вас ли год заставили работать даром, ни копейки не заплатили эти ворюги, и вы им все простили, даже морды не набили ни единому. А Родион Петрович от всего сердца предлагает, и вы молчите. А как жить-то будем? Как ребятишек учить? Мы семь коров держим, это какво — все на собственном горбу? А черные приедут, и вес занизят, и упитанность, гроши бросят под ноги, как собаке. Сколько еще так можно? Остап, муж ты мой родной, что же ты язык проглотил? Не ты ли вчера плакал у меня на груди, что вымотался, сил нет жену обнять. Падайте в ноги Родиону Петровичу, просите его не оставлять нас один на один с властями этими проклятыми!

Загудели, заговорили, табачный дым поднялся над собранием. Остап встал с чурбака:

— Ксюша, что ж ты меня перед обществом позоришь? Подумают люди, что я совсем нюх потерял. Я же вчера только с устатку проговорился.

— Осташенька, родно мое, да я премного тобой довольна, и даже, когда ты к Таське Митюшкиной хаживал, ни разу не упрекнула. А сейчас нашла горячее место, чтобы расшевелить вашего брата!

Собрание опять загудело:

— Ну, Остап, сегодняшней ночи берегись!

— Мужики, надо принимать решение, пока другие бабы помалкивают. Осташку-то реабилитировала, а ведь не каждому так подфартит.

— Принимаем, Родион Петрович, твое предложение и записываемся.

— Всем гуртом, как говаривали старики, пиши в свой колхоз.

— Надейся, Родик, как мы на тебя.

Бывакин с трудом сдержал эмоции, сказал сдержанно:

— Спасибо, земляки. Я уеду в райцентр, утром пришлю машину, прошу, Семен, подбери еще пару мужиков и с паспортами ко мне. Будем пашню нашу искать.

Около кладбища велел остановить машину, открыл багажник, достал из коробки два огромных букета кроваво-красных роз с черной каемочкой по краю цветка, и шагнул в густую траву. Мамину могилку нашел с трудом, тетки все сделали, как просил, и памятник поставили, только фотографии не нашлось. Опустился на колени, положил цветы и понял, что слезы катятся по щекам. Поднялся, насухо вытер глаза, чтобы сопровождение не заметило, крупными горстями начал рвать траву на могиле и вокруг, потом огляделся: в хорошем месте лежит мама, березка в головах, тишина, даже вечно кричащие грачи молчат. В таких местах очень близко всплывают думы о бренности бытия, вот и сейчас Родион без суеверного страха подумал, что надо как-то предупредить хотя бы Самсонова и Зину с Семеном, что, если вдруг, то похоронить его на деревенских могилках рядом с матерью. «Рядом с мамой», — сказал он почти шёпотом, вспомнив наказ незнакомца.

Поклонившись маме, он прошел вглубь кладбища, нашел могилу Доктора, положил цветы, постоял. Потом читал на скромных обелисках знакомые фамилии, но никого не мог вспомнить. С десяток могил обнесены металлическими оградками, другие свободны и доступны. Несколько совсем свежих бугорков с крестами, даты рождения и смерти пугали: лежат ровесники и даже более молодые. Да, что в городе, что в деревне, значит, по всей стране так. А это ненормально, помирать надо совсем старым. Как-то неуютно стало от этих мыслей, сквозь кусты пробрался на земляной вал, окружавший кладбище. Вспомнилось детство, когда, перебарывая страх, бежал на спор по валу вокруг, чтобы вернуться с другой стороны. Вал тогда был выше

и канава глубже, хотя, скорее всего, это он стал другим, высоким и сильным. Старики говорили, что обваловку могилок делали по решению схода всем миром, чтобы скотина не шлялась среди могил и не ломала кресты. Тогда еще стояли деревянные ворота, их всякий раз открывали, когда приносили покойника. Родя чуть заметно поклонился и пошел к машине.

Шура видел тяжелое состояние шефа, спросил, чтобы разрядить:

– Родион Петрович, вот тут знак старенький, «Село Лебедево». Почему так назвали, не рассказывали старики?

Шеф поднял голову и в душе поблагодарил своего водителя: вовремя умеет вмешаться:

– В голодные годы из Расеи центральной переселялись в Сибирь. Переселялись – громко сказано, на санях и телегах скарб свой везли, в одной деревне даже церковь деревянную привезли с родины и на новом месте собрали. Какая вера была! Естественно, спрашивали, где земли погоднее, приличней, то есть. Вот их переселенческое начальство сюда и привело. Земли много, лес рядом и озеро. Говорят, переночевали, встали утром, а на озере бело от лебедей. Лебедь считался божьей птицей, никто его не трогал. Вот и приняли люди, как добрый знак, назвали деревню Лебедево.

– А в ваши годы, когда вы тут жили, лебеди были?

– Не помню. Не было.

Утром подъехали трое деревенских мужиков во главе с Семеном, Родион уже договорился через секретаршу, что глава района примет их в десять часов. Ровно в десять вошли в кабинет, глава, невысокий молодой человек с обозначившимся животиком, встал, представился Ильей Васильевичем, с каждым поздоровался и попросил изложить суть дела.

– Суть довольно простая, – сказал Родя. – Я родом из Лебедево, посмотрел, что село совсем погибает, молодежь бежит или гибнет тут же от всяких композиций и втираний на техническом спирте. Готов вложить средства в восстановление производства, и первый вопрос к вам: надо вернуть людям документы на право владения землей.

– Откуда вернуть? – переспросил глава.

– Года три назад их собрал бывший председатель совета якобы для регистрации.

– А кто это, как фамилия? Я, извините, в то время работал в другом районе.

– Фамилия его Пантюхин. Он где-то в районе, при власти, – Семен с недоверием смотрел на главу.

Илья Васильевич кивнул:

— Извините, я сяду на рабочее место. — Нажал кнопку: — Светлана, Пантюхина ко мне, и пусть земельные документы по Лебедеву прихватит.

Пантюхин вошел с папкой, глава указал на место за столом.

— Лебедевские мужики утверждают, что их документы на земельные паи у вас. Это так?

Пантюхин смутился:

— Ну, как вам сказать, Илья Васильевич? Документы есть, но мы же договорились, что будем искать инвесторов, а земля — главный аргумент.

Глава постучал ладонью по столу:

— Инвестор появился, забирайте гостей в кабинет и выкладывайте ваши аргументы.

В своем кабинете Пантюхин осмелел:

— Семен Федорович, не ты ли собрался колхоз возродить? Годами налог за землю не платили, а теперь вспомнили. Странно как-то вы рассуждаете.

Бывакин вмешался:

— Все недоимки будут погашены при регистрации нового хозяйствующего субъекта. И нельзя ли ближе к делу? Нам нужны документы на землю.

Пантюхин ухмыльнулся:

— А вы, следовательно, будущий новый хозяин? Мне звонили сегодня из деревни. Прямо с зоны обшакон будете людей заманивать в криминальное рабство?

Родя побледнел, но на полпути к пистолету перехватил свою правую руку, улыбнулся:

— Не умеете владеть информацией. Я собственник трех мощных производств в городе и области, советник губернатора по вопросам предпринимательства. А будь я в той ипостаси, в какой вы меня представили, ваш красивый труп уже выносили бы из кабинета. Короче: все документы на стол!

Пантюхин раскрыл папку и пачку бумаг протолкнул по столу в сторону Родиона. Заискивающе улыбнулся:

— Поскольку вы деловой человек, я бы хотел знать, а что я буду с этого иметь?

Бывакин подвинул бумаги Семену:

— Просмотри, все ли здесь? А тебе ответчу: будешь иметь белый

билет и ездить на попутках. И боже тебя сохрани, если хоть один документ заныкал. Пошли! — скомандовал своим.

У машины Семен поймал Родю за рукав:

— Ты же его убить хотел, Родя! И как ты робить собрался, если такие Пантюхины на каждой второй табуретке сидят? Нервы у тебя ни к черту не годятся, Зинке велю снабдить тебя сбором трав. Она меня пользует. Дня три попринимаю — все по фиг, сосед начнет за что-нибудь материть, а я улыбаюсь. Тебе сгодится.

— Ладно, садись, Шура вас увезет, а я тут делами займусь. Да, и продиктуй мне номер своего телефона, а тебе вот карточка с моими. Я буду названивать, как у вас дела.

Три дня ходил Родион по кабинетам, собирая необходимые документы. Каждый вечер заходил к главе, возмущался, тот слушал и улыбался:

— Знаете, Родион Петрович, если наше государство не выдержит и рухнет, виной тому будем мы, чиновники. Я захватил время советской власти, конечно, была система, хорошая или плохая — не в том дело, но был порядок. Каждый служащий строго знал свои обязанности. Мы сегодня создаем структуру за структурой, каждый год меняем вывески, мы на вывесках разоряемся! Я поднял статистику восьмидесятых — управленческий аппарат вырос в два с лишним раза, а количество занятых в производстве — сельском хозяйстве, строительстве, переработке — сократилось в пять раз. Таких сел, как ваше Лебедево, у нас десяток. И никакой перспективы. Простите, я с вами откровенно, думаю, нет нужды вешать вам лапшу на уши, тем более, что вы всерьез собрались у нас работать.

Родион помолчал, посмотрел в глаза Илье Васильевичу:

— Я человек в силу своего огромного негативного опыта очень осторожный, и вам бы советовал быть поаккуратней в суждениях. Хотя не люблю советовать, не учили. А работать мы будем. У меня хорошие отношения с директором департамента по селу, как только все решим здесь, пойду к нему, нужны контакты с поставщиками техники. И не в лизинговые кампании, это большие переплаты. Подберу толковых людей, поедем за рубеж, будем брать комплексами, чтобы ничего не изобретать. А по скоту попрошу вас свести меня с хорошим хозяином, у кого есть чему поучиться. Найдем такого?

Илья Васильевич встал:

— Обязательно найдем, я уже знаю, кто вам подойдет. И к сведению: я сегодня освободил от должности Пантюхина. Он обещал жаловаться на вас и на меня, но не думаю, что это может иметь последствия. Вы сегодня в город? Счастливого пути.

Гузель сходила в приемную комиссию медицинской академии и вернулась в слезах. Солидная дама просто сказала, что граждане иностранных государств принимаются по особой программе, и прежде всего надо решать вопрос с оплатой за учебу. Она сказала, что узбеки должны учиться в Узбекистане, комиссия не располагает документами относительно иностранцев

— Ага, я видела нескольких кавказских парней, они тоже сдавали документы, и с ними говорили ласково, даже с уважением. Почему так со мной поступили, ата? Мне никогда не стать врачом, никогда!

— Успокойся, дочь моя, надо думать. Наверное, наш президент плохо принимал русского президента, наверно, колол тощий барашек и готовил плохой плов, только так можно обидеть гостя. Я пойду к этой женщине и спрошу, почему моя дочь не может учиться на врача здесь? Разве я плохо работал в своем колхозе? Разве не отдавал я свой хлопок в ведомость Рахима или Абдуллы, которые пили вино и ели шашлык в чайхане? Отдавал, потому что их отец был власть, а я всегда уважал власть. Потом оба сына получили большие звезды и уехали в Ташкент. А я поехал в Москву, на выставку, и привез в подарок твоей покойной матери швейную машинку от электричества, а электричество к нам пришло, когда Марьям уже не стало, и ты училась шить халаты и шаровары. Помнишь ли ты то время?

Гузель кивнула, но ответила:

— Ты не о том говоришь, ата. То было другое время.

— Время не бывает другим, оно всегда одно, это люди делают его плохим и хорошим. Я скажу этой женщине, что мы все дети одной страны, это большие начальники все перепутали и стали султанами. А народы нельзя отгородить забором. Я скажу ей: у меня в кишлаке были два соседа, один таджик, второй русский, помнишь Федора, который служил в армии и женился на дочери Исмаила? Разве были у нас заборы? Разве не шел ко мне в гости Рахмон или Федор прямо через виноградники? Или хоть один раз я приготовил плов и сел кушать один, не крикнув соседям, что пора мыть руки и садиться за достархан? Тогда почему моя дочь не может учиться на врача, если сам Аллах дал ей дар исцелять людей?

Гузель кивнула в знак согласия с отцом, понимая, что сейчас никто не сумеет его переубедить, и ушла в свою комнатку. Она не знала, что делать дальше. Оставаться в городе и помогать отцу, да, это надо, это ее долг перед младшими братьями и сестрами, которые ждут в кишлаке их скромные деньги, чтобы купить новые одежды и книги для школы.

Спасибо соседям, они помогают, ведь старшей Байгуль только четырнадцать лет. Но тогда придется смириться с такой жизнью и навсегда забыть о медицине. Придется вернуться в кишлак, Остон пишет, что после службы в армии придет за нею, и они сыграют свадьбу. Остон добрый, заботливый, но в душе у Гузель его нет, в ней вообще нет мужчины, потому что все думы только об учебе. И теперь все кончено, надо смириться, успокоить отца, а то он пойдет в приемную комиссию и будет громко доказывать, что его дочь должна стать врачом.

Она прилегла на кушетку и забылась, легкие видения проплывали в слабеющем сознании, она слышала радостные приветствия отца, какими он обычно встречал дорогих гостей, сюда через запертые дверцы проникал аппетитный запах шашлыка, слышался звон пиал, негромкие разговоры и даже смех. Ничто не мешало девушке спать, настолько ранила ее душу демонстративная неприязнь женщины из комиссии, что только сон мог снять обиду и напряженность. Она проснулась через два часа, оделась для работы на кухне, прибрала свои непослушные волосы и вышла к отцу.

— Ты спала, дочь моя, а у нас был гость, ты его знаешь, это Родя, Родион Петрович. Он был с другом, они немножко пили коньяк и ели мясо, я специально готовил баранью ножку. Я говорил Родиону Петровичу про твою горе, друг его тоже слышал, и я тебя обрадую, дорогая Гузель: друг нашего друга обещал хорошенько потрясти эту женщину, все узнать и нам передать. Будем просить Аллаха, чтобы он вразумил несчастную, пока этот мужчина, похожий на большого начальника, не дал ей в руки лопату и не отправил чистить арыки.

Гузель вспыхнула, и от отца не ускользнуло это мгновенное проявление радости. Старый Алахитдин сразу заметил, что дочка понравилась его новому другу, и не находил в этом ничего удивительного, Гузель красавица, и всякий нормальный мужчина видит это. Только он не мог и подумать, что этот суровый и немногословный немолодой человек может пригласиться его юной дочери. Сложные чувства вдруг испытал он, и вечером, когда закрыли чайхану и прибрали в комнатах и на кухне, отец попросил дочь сесть за стол. Он налил две пиалы чая и молча выпил свою, наслаждаясь ароматами родной земли. Дочь не прикоснулась к пиале и ждала вопроса. Алахитдин вытер чистым полотенцем вспотевший лоб и посмотрел дочери в глаза:

— Гузель, дочь моя, скажи мне, Родион Петрович не делал тебе каких-нибудь предложений? Русские мужчины любят азиатских красавиц. Признайся, что он тебе говорил?

Гузель смутилась:

— Ата, ради Аллаха — не говори такое и не думай такое про Родиона Петровича. Я пять раз делала ему массаж, как учила меня старая Магдалена с еврейской улицы. Я пять раз сказала ему приветствие, и он пять раз сказал мне спасибо. Вот и все.

Отец кивнул:

— Я рад, дорогая моя, что все так. Но я заметил, что он тебе нравится. Скажи мне, так ли это?

Гузель смутилась, прикрыла лицо платком:

— Да, ата, Родион Петрович очень хороший человек.

Отец вздохнул:

— Гузель, ты еще не испытывала, что такое любовь. Я не умею тебе этого передать. Ты видела, как ласточка тайно от человека влетает в свое гнездо? Любовь — как пташка, впорхнет в твоё сердце, ты сама этого не заметишь. Родя хороший человек, но, дитя мое, здесь другая страна, другой мир, другие люди. И живут они по другим законам. Нам надо возвращаться к своему народу, а на чужбине можно совсем потеряться.

— Ата, а как же ты согласился, чтобы я поехала сюда учиться?

— Да, но я не знал, что это будет так трудно, — отец боялся прямого ответа.

— А если друг твоего друга поможет нам, мы останемся? Я очень хочу стать хорошим врачом.

— Моли Аллаха, и я молю. Иди спать, уже поздно.

Бывакин старался как можно меньше обращаться к властям, тем более с просьбами о помощи. Он приезжал на совещания, которые проводили заместители губернатора и даже он сам, вставал и говорил свое мнение, если его спрашивали. Губернатор несколько раз приглашал лично, предлагал долю в больших строительных проектах. Родион вежливо отказывался, ссылаясь на естественное желание работать «сам на сам».

— Поймите меня правильно, опыт мой скромный, просто боюсь вас подвести. А на своих объектах я сам отвечаю перед собой, тут проще.

Губернатор однажды спросил напрямую:

— Родион Петрович, сдаётся мне, чураетесь вы строительного общества потому, что комплекс прошлого вас сдерживает. Забудьте все к чертям собачьим! Я попросил подготовить на вас объективку — все вполне прилично. Ну, бурная молодость, разборки и прочее — все же через это прошли. И, кстати, многие присосались к бюджетной

кормушке, не стесняются, а вы все на кредитах. Берите корпуса завода полимеров, отвели участок в пяти километрах от города, гарантирую тридцать процентов федеральных вложений, но через вас. Солидная сумма. Зайдите в управление строительства, познакомьтесь с документацией.

Родя кивнул и повернулся к хозяину кабинета:

— Уточните сразу, что я должен буду вернуть?

Губернатор засмеялся:

— Вот что значит — образ российского чиновника! Ни дня без взятки! Родион Петрович, я второй год работаю, и хочу еще много лет служить родной области. Я русский человек, вас не удивляет мое имя-отчество? Очень несовременно: Макар Устинович, к тому же — Зенов. Предки мои из староверов, я кое-как выбрался из тайги, чтобы учиться, всей общиной обсуждали, но снарядили и деньгами снабжали. Год назад родителей вывез в город, купил на окраине домик, живут, как хотят. Мне брать, а тем паче — красть, вера не позволяет. Даже не вера, а убежденность. Если единоверцы мои, а они в тайге так и живут — если они узнают, что Макарка вор — проклянут. Впрочем, довольно об этом. У меня приличная зарплата, да администрация президента в пакетах присылает, не бедствую. Значит, так: знакомьтесь с документами и мне согласие. Заключим договор, работы вам по проекту на полтора года. Все, до встречи. Да, Родион Петрович, мои откровения...

— Могли бы и не напоминать. Я грамотный по этой части. До встречи. И спасибо за доверие. Это дорогого стоит.

В главном управлении строительства Бывакина встретили холодно. Заместитель начальника прямо сказал, что объект пойдет через конкурс, а там такие фирмы заявлены, что у посетителя никаких перспектив.

— Вы меня извините, я бы сто лет к вам не пришел, но меня попросил губернатор. Если что-то уже изменилось, я поставлю его в известность, и вопрос снят.

Чиновник поежился:

— Что же вы сразу не сказали, что от губернатора? Вот документы, смотрите. Да, помнится, по этому проекту Минфин дает тридцать процентов сметной стоимости. Вы это имейте в виду.

Родион молча открыл объемную книгу документов. Поскольку речь шла только о строительной части работ, то ничего нового и неожиданного он не увидел. Спросил только, кто будет готовить фермы перекрытий, знал, что в области таких мощностей нет. Ответили, что,

скорее всего, — Екатеринбург. Кивнул, но сразу цепочка вопросов: транспортировка, краны для монтажа. Это придется решать по ходу. Выписал нужные данные, вернул документы, поблагодарил и вышел. Уходя, услышал громкое:

— С этого подрядчика минфин ничего не получит. Ты его не знаешь? Бандит махровый.

Возвращаться не стал. Да и зачем? Почти все правда.

Все это вспомнилось, когда собирался к директору департамента по сельскому хозяйству Коломынцеву Ивану Михайловичу. Знакомы были давно, когда Коломынцев руководил крупным свиноккомплексом, созданным на паях хозяйствами нескольких районов еще при советской власти. Когда все обвалилось, и комплекс не стал вагонами получать комбикорма, производство было на грани краха. Проще всего пустить под нож тысячи свиноматок, а что дальше? Бывалый в то время был в авторитете, он и не помнит уже, кто привел к нему этого человека — высокого, плотного, с сединой, убитого горем.

— Родион Петрович, мне сказали, что вы можете помочь нам сохранить производство...

Коломынцев подробно объяснил ситуацию. Поставок комбикормов нет, своего зерна очень мало, едва хватит до Нового года, слишком поздно почувствовал грядущую проблему, он так и сказал: грядущую. Можно бы купить в кооперативах и крестьянских хозяйствах, но все отказывают: предупредили перекупщики с юга, чтобы ни грамма на сторону, все им.

— Понимаете, мужики тоже в сложном положении: южане дали им весной некоторые деньги на посевную под будущий урожай. Тогда же южане и цену установили. Я готов заплатить в полтора раза, но ребята боятся, говорят, с южанами шутить не следует, предупредили. Скажите, вы можете нам помочь?

Бывалый тогда «забил стрелку», долго обсуждали, как быть. Своих бросать не хотелось, взыграло местечковое самолюбие, и откупиться от южан будет непросто. Коломынцев собрал информацию со всех хозяйств, вложили южане солидно, но такие деньги есть в наличии. Сложнее отбить их от обещанного хлеба по ими же установленной цене. Пригласили южан на переговоры. Приехали три человека, Родя быстро навел справки: фуффло, никакого авторитета и заслуг, можно разговаривать с верхней полки. Уполномоченные заартачились, стали требовать неустойку, тогда Бывалый с согласия смотрящего заявил, что сумма возвращается по закону с учетом инфляции, а что ка-

сается хлеба — ни одного вагона братва не получит и ни одна машина с зерном в ту сторону не пройдет. А если еще станут пальцы гнуть, решено вывести за пределы области и закопать живыми, а видео отправить по месту жительства. После телефонного разговора со своими братва дала слово и была отправлена восвояси.

Коломынцев тогда скупил все зерно и сохранил поголовье. Деньги в общак вернул, как и договаривались, с процентами и в срок. Привезли ему толковых юристов, провели акционирование, половину акций отдали Коломынцеву, двадцать забрали в общак, а тридцать разделили в трудовом коллективе. Через три года свинокомплекс удвоил производство, а Родя выкупил в общеке за баксы все акции свинокомплекса. С тех пор мужчины стали друзьями. И вот сейчас Бывакин шел к Ивану Михайловичу решить окончательно все вопросы по созданию агрофирмы.

Хозяин кабинета вышел навстречу, обхватил огромными руками, крепко прижал.

— Извини, Родион, знаю, что ты по старой памяти такие объятия не приветствуешь, только это чисто по-русски, по-братски. Проходи. Кофейку чашку или водки рюмку? А? За встречу. Два года не бывал, разве что — по телефону.

Налил не водку, а коньяк в пузатые стаканы, чокнулись, долго глядел на гостя, улыбался.

— За тебя, Родя, за твою дружбу и доброе отношение ко мне. А теперь давай по делу. Что сделано и какие на очереди проблемы?

Бывакин подробно рассказал о сборе необходимых документов, о загвоздках с регистрацией, когда месяц тянули в палате, чтобы назвал акционерным обществом, а не агрофирмой. Коломынцев захохотал:

— Ну, ты молодец, ни кола, ни двора, а сразу на агрофирму. Конторские ведь не знают твоих принципов, не ведают, что ты за год провернешь то, на что у иных уходит пятилетка. Как назвал?

— «Труд». Помню, мама говорила, что был у нас в деревне колхоз «Труд», наверное, еще до войны. Вот и вспомнил.

Коломынцев кивнул:

— Сейчас в моде оптимистические имена, что-нибудь с возрождением, с Россией, с будущим, типа «Россия, вперед!». А «Труд» — уважаю, конкретно, и о деле, о работе говорит, а не сказки рассказывает. Так, что дальше?

— Дело к осени, Иван Михайлович, надо поля поднимать, все земли обехал, на некоторых участках корчевать в пору, березки в мой рост.

Хочу купить два мощных комплекса, почвообрабатывающий и посевной. Насмотрелся под городом в хозяйстве, попросил показать в работе, хоть и не сезон. Поехали в подлесок, запустили, я следом шел — готовая пашня.

— Цены ты знаешь. У нас есть линия через Минсельхоз, переговорим, оплатишь, сразу привезут. На месяц направлю к тебе инженера нашего, специально держу парня на новой технике. Два комплекса. Что еще?

Родион усмехнулся:

— Не знаю, откуда у меня эти замашки, хочу все и сразу. Был на омском предприятии, они делают по новым технологиям помещения для скота. Свезили меня на животноводство, это же не ферма, а дворец, я еще помню базы, рубленые в бетонные столбы, пяти лет они не выдерживали, все сгорало от сырости. Мама там работала, приходилось помогать. А это — чудо, и монтируют за месяц под ключ.

Коломынцев хмыкнул:

— Родион Петрович, задаю вопрос не из любопытства, а с интереса: денег хватит? Базу поставишь — нетелей надо брать, нетелей привезешь, а кормов нет. Ведь нет ничего? Может, не все сразу?

Бывакин мотнул головой:

— Все, Иван, все, иначе и не стоило ввязываться. Я мужиков поднял на такое дело, деревня духом воспрянула. А скотина — это же не просто телка или бычок, это сама жизнь, сама деревня. Если корова не мычит — пропала деревня. В долги влезу, но все сделаю. Но — твоя помощь нужна.

— Нетелей возьмешь в Курганской области. Коровы будут хорошие. Съездишь с нашим зоотехником, предварительно договор о намерениях подпишешь, чтобы люди в вере были. Аванс могут попросить. А с кормами сложнее. Сено купишь. Комбикормом помогу. Да, в Ражевском районе есть такое хозяйство — «Роса» называется, работает там интересный человек, казах, Исильбаев Багитжан, но все его просто Борисом зовут. Он первым в области начал сенаж заворачивать в упаковку, горя хватил, потому что корм только в вакууме сохраняется, а у него два года подряд нашествие мышей. Прогрызут целлофан — пропал сенаж. Но теперь он на ногах, и приторговывает. Это я беру на себя, даст он тебе тонн пятьдесят, подспорье хорошее.

Коломынцев встал, хлебнул коньяка, закурил, прошелся по кабинету:

— Родион, говорю с тобой, а в голове другое. Я опять о деньгах. Можем мы тебе на развитие подсобить, но на это надо благослове-

ние губернатора. Мне этот вопрос поднимать не с руки, все знают о нашем знакомстве. Ты вхож к нему, после первых приобретений, когда и комплексы будут работать, и ферма монтироваться, зайди, пригласи. Уверен, что он не откажет. Минсельхоз дает такие деньги, и немалые, и безвозвратная поддержка. Ну, что?

Гость тоже встал:

– Не пойду, Иван, не могу просить. Нож в горло! Да я сам себя уважать перестану!

Коломынцев развел руками:

– Ну, так я и думал, а для чего спрашивал – хрен его знает. Начинай. Сразу договорись с «Техноцентром», направь молодых толковых мужиков, чтобы осваивали импортную технику. Там сложного ничего нет, но документ получить надо, да и навык, чтобы столбы по дороге не сшибать. – Помолчал, достал вторую сигарету, прикурил от первой. – Заварил ты кашу, но дымок аппетитный, целую деревню поднять – это великое дело. А главное – родина, земля и люди тебя помнят. Ты меня в курсе держи, звони и забегай. И еще вопрос. На такое хозяйство надо толкового управляющего. Есть кандидат?

Родион кивнул:

– Вроде есть, но я еще не встречался. Хотя – надо назначать, путь хоть землю под ногами утопчет. С народом знакомится. Потом специалисты нужны будут, тоже к тебе приду.

– Жилье надо строить, – поднял указательный палец начальник, Родион уже заметил: выделяет наиболее важное.

– Уже думал. Чтобы мужиков занять, деляну выписал, рубят лес, они собираются полубрус вертикально выставлять, говорят, так сегодня строят в деревне. На первое время пойдет. Все, будь здоров, Иван Михайлович.

– И ты будь. А я всегда на связи.

Вернувшись из деревни, собрал в офисе своих доверенных людей, кто знал все тонкости учета и отчетности большого строительного комплекса. Самсонов, которого адвокаты Роди спасли от тюрьмы, когда ревизия обнаружила крупные потери средств на его домостроительном комбинате, был предан шефу искренне и навсегда, хотя старые знакомые предупредили:

– Бывалый, он еврей, продаст в любую минуту.

Родя улыбнулся:

— Я их всяких видел, не клевети на народ.

Но проверку Макс Михайловичу устроил, тихо, вообще никто не знал. На стол Самсонова упали бумаги на полмиллиона баксов, просто бери и направляй, куда хочешь. Вечером, как всегда, он пришел к генеральному и подробно доложил о положении дел, передал на подпись несколько бумаг и ту самую с просьбой пометить, как распорядиться этой суммой. Родя предложил перевести на счет в местном банке, потому что деньги могут потребоваться в любое время.

Самсонов помог собрать коллективы отделов учета и финансов. Только эти люди знали, что на предприятии есть два баланса, две отчетности. Одна для налогов и иных органов, другая для генерального. Все средства, сверх официально показанных, обналачивались и оседали на счетах за рубежом или в секретном сейфе шефа.

Через Самсонова Родион попросил подготовить полную информацию о финансовом состоянии комплекса, и вот сейчас пять человек вставали поочередно и докладывали по своим направлениям. Родион делал пометки в толстой тетради, которую хранил отдельно от всех бумаг. Тут кратко фиксировались все важнейшие показатели. Сегодня несколько цифр его насторожили.

— Чем объясняет город недоплату этой суммы за сданный корпус общежития мединститута? — строго спросил он.

— Отсутствием средств, Родион Петрович, — ответил Самсонов.

Шеф посмотрел на исполнительного директора:

— Завтра вместе с юристом встречаетесь с заместителем мэра. Предупредите: если в течении недели не будет поступления, я заварю входные двери.

— Но, Родион Петрович, скоро начнется учебный год... — испугался Самсонов.

— Чего вы испугались? Вы только озвучите, а варить будут другие. Сократились месячные выплаты зарплаты рабочим. Это откуда?

Самсонов встал:

— Родион Петрович, фактически зарплата осталась прежней, я даже думал предложить вам увеличение расценок процентов на пять хотя бы. Налог на зарплату увеличили, государство само толкает на сокрытие реальных доходов и введение зарплаты в конвертах. Что мы и делаем.

Шеф поблел, его возмутило даже не то, что подобный шаг сделан без его согласия, исполнительный директор имел некоторую самостоятельность. Но генеральный спросил:

— Макс Михайлович, а пенсию потом работягам вы тоже будете носить в конвертах? С чем они придут в пенсионный фонд? Вы крадете их будущие доходы. Это наказуемо по законам справедливости. Эту практику прекратить. За бездумное решение прошу финансистов господину Самсонову премию за третий квартал не начислять. Продолжаем. Есть еще должники?

Выяснилось, что общая сумма дебиторской задолженности составляет сумму, сопоставимую со стоимостью почвообрабатывающего комплекса. Родион попросил провести с должниками работу, чтобы в течение месяца собрать все средства. Поблагодарив сотрудников, он попросил Самсонова остаться.

— Макс Михайлович, нужна встреча с вашим протеже на должность управляющего в деревню. Работы там уже начались. Как это сделать?

Самсонов, уже убитый лишением премии, оживился:

— Как скажете, Родион Петрович. Сюда его пригласить или вы сами назначите место встречи? Вот его телефон, он готов.

Кандидат в деревенские лидеры оказался мужчиной лет сорока, аккуратно одетым, с шевелюрой седых волос. Заметив, что вошедший направляется к оговоренному столику в чайхане Алахитдина, мужчина встал:

— Горлов, Владимир Гаврилович.

Бывакин пожал руку и сел напротив. С подносом вышла Гузель, кусочки мяса с лапшой, сурпа, бутылка коньяка и два бокала. Родя попытался поймать ее взгляд, но девушка так и не подняла лица, накрыла стол и, поклонившись, ушла.

— Владимир Гаврилович, предмет разговора вам ясен. Я намерен заняться хлебом и животноводством, объемы пока небольшие, около трех тысяч гектаров пашни, бывшей пашни, сто голов нетелей будут к осени. Народ был работящий, но уже лет пять без дела, кто-то держит домашнее хозяйство, но есть и просто люмпены. Жилье уже строится, вам придется быть на месте постоянно. Вы, как я понимаю, теперь городской житель?

Горлов кивнул:

— Да, но готов вернуться в село. Я крестьянин, Родион Петрович, тоскую по работе.

Родя заметил, что голос мужчины дрогнул, но вида не подал.

— В деревню поедem вместе, все осмотрим, найдем вам временную квартиру. И вы там останетесь. С нами пойдут три грузовика, в

кузове камаза гусеничный трактор, два «Белоруса» уйдут своим ходом. У вас будет новый УАЗ, самая подходящая машина. На счет колхоза «Труд» положили некоторую сумму денег. Бумаги для банка я вам привезу. Едем завтра в восемь утра. Вопросы?

Горлов открыто посмотрел в глаза шефа:

— Вопросов нет, Родион Петрович. Спасибо за доверие, я постараюсь его оправдать.

Бывакин улыбнулся:

— Вас не интересует зарплата?

Горлов улыбки не поддержал, ответил достойно:

— Ну, как не интересует, Родион Петрович, у меня семья, и я живу не за Кремлевской стеной. Знаю, что вы деловой человек, и это дело решите сами. И еще. Я коммунист, был и остаюсь. Это вас не смущает?

— Нет. Проект контракта с вами я привезу, рассмотрим и подпишем. В половине восьмого машина будет у вашего дома. Адрес водителю скажет Самсонов. До завтра. Вы свободны, я остаюсь.

Гузель вышла убрать стол, но, заметив сидевшего Родиона, остановилась.

— Здравствуйте, Гузель, — Родя встал и шагнул ей навстречу. Девушка покраснела и смутилась. — Я так давно не был у вас, закрутился с делами. Вы сегодня одна? Я не слышу голоса Алахитдина.

— Ата приболел, он в домашней половине, — едва слышно ответила девушка.

— Что с ним? — встревожился Родион.

— Сердце болит и давление повышенное.

— В больницу почему не отправили? — Родион только потом понял, что спросил слишком строго.

Гузель грустно улыбнулась:

— У него нет полиса, была «скорая», но даже смотреть не стали.

— Гузель, дорогая, у него есть мой телефон. Почему не позвонили?

— Простите, но ата запретил вас беспокоить, — тихо ответила Гузель.

— Гузель, управляйтесь и готовьте отца в стационар. Я позвоню из машины.

Он набрал номер и услышал бодрое:

— Здравствуйте, Родион Петрович.

— Здравствуйте, Андрей Альбертович. Надо срочно госпитализировать хорошего человека. Запишите адрес. Сделайте все по полной программе. Счет мне. Надеюсь на вас.

— Будьте спокойны, все сделаем в лучшем виде. Родион Петро-

вич, русская поговорка гласит, что здоровье не купишь. Как меняются времена! Даже народная мудрость перестает быть таковой. Если есть деньги, то можно купить и здоровье.

— Андрей Альбертович, я очень занят, — перебил Бывакин.

— Ах, извините! — спохватился доктор.

Родя дождался реанимационный автомобиль, проводил Алахитдина, который действительно был очень плох, остался рядом с Гузель.

— Вам надо бы закрыть чайхану на время болезни отца. Нельзя девушке одной оставаться в заведении. Вы ездили в приемную комиссию? — вдруг вспомнил он.

— Извините, я так расстроена, что забыла вас поблагодарить. У меня приняли документы, я уже готовлюсь к экзаменам. Спасибо вам.

Она прятала глаза, и делала это так неумело, что Родион, знай он законы и обычаи этого народа, без слов понял бы чувства девушки. Он с грустью смотрел на юную красавицу узбечку, до которой можно было дотронуться рукой, но которая была недосыгаемо далеко от него. Его взгляд смутил девушку, она прошептала:

— Родион Петрович, я не должна вам этого говорить, Аллах накажет меня, но я очень скучала без вас. Приезжайте, я приготовлю плов, а потом сделаю вам массаж.

Бывакину была приятна почти детская наивность девушки, он не мог обидеть ее отказом, и пообещал приехать завтра в шесть часов вечера. Уже в машине он вдруг вспомнит: это ее, Гузель, он видел в снах в степи, на море. Это была она. Как все странно в жизни! Милая девочка из снов, моя вечная девочка...

Когда по деревне прошел слух, что в колхоз «Труд» идут новые тракторы и машины, поезд этот вышли встречать все. Старики важно стояли у дороги, ребятишки бегали взад и вперед, поднимая пыль.

— Да, Парфен, а ты помнишь, как первый трактор пришел в деревню?

Дед Тихон по случаю был одет в красную рубаху и хромовые сапоги, в которые заправлены подаренные кем-то из ребят солдатские брюки.

— Когда это было? — спросил Парфен.

— Когда? В тридцать втором, кажись, — уточнил Тихон.

— Ну вот, а я с тридцатого.

— Тьфу, нашел с кем мемуары вспоминать, — ухмыльнулся дед Тихон перешел к другой кампании. — Вот только красных флагов нет, а так шибко похоже, — любовался он и оглядывал публику, но не находил ровесников.

Для гусеничного устроили спуск из толстых бревен, Сема Бородин залез в кузов, поднял капот, проверил масло, что-то покрутил. Понятно, время тянул, все же на него смотрят.

— Сема, чего ты нюхася, его три часа назад в кузов загоняли, тоже заводили, наверно?

Сема важно ответил:

— А я не знаю. Мне поручено, потому сделаю, как положено.

Завел, тронул рычаги, включил скорость, толпа замерла. Трактор медленно зашел на бревна и тихонько стал спускаться на землю. Едва коснувшись почвы, Сема газанул, круто развернулся и поехал в сторону бывшей мастерской. Туда же поставили и колесники.

Владимир Гаврилович торжеству не мешал, а когда все закончилось, подошел, представился:

— Я Горлов Владимир Гаврилович, назначен руководителем нашего нового хозяйства «Труд». Родион Петрович скоро подъедет, а пока давайте обсудим, с чего начнем.

— Зябь надо пахать. А плуги где? — спросил Веня Брезгин.

— Вопрос правильный. Плуг будет только к кировцу. Через неделю мы получим почвообрабатывающий комплекс, следом посевной комплекс. Оба они с мощными американскими тракторами «Джон Дир». Надо пять толковых грамотных и ответственных механизаторов, чтобы отправить на несколько дней для стажировки и получения допуска. Есть такие?

Семен Бородин уже вернулся от мастерской, подошел к Горлову:

— Меня первым пишите. Мужики, вы чего, как не родные? Технику эту видели и в телевизоре, и в агрофирме под городом. Трактористы в белых рубашках, красота.

Дед Тихон подкрался к Горлову с тыла:

— А верно ли, сынок, говорят, что в том тракторе не только что печка, но кой-чего другое есть? К примеру, сортир?

— Сортира нет, отец, но есть кондиционер, включаешь, когда жарко, и в кабине холодок. Музыка есть.

— Обожди! — возмутился дед. — Мы его откомандируем пахать, а он будет музыку слушать?

— Все, дед, интервью окончено. А вот и генеральный подъехал.

Бывакин вышел из машины и сильно обрадовался, увидев добрые улыбающиеся лица.

— Здравствуйте, земляки, — негромко сказал он.

Его приветствовали вразнобой, но с чувством. Спросил:

– Здание колхозного правления совсем разорили или что осталось?
– Так в нем теперь глава сидит, медпункт, библиотека, – ответила Зина Бородина.

– Сема, с моим водителем доскачите, главу сюда срочно. На монтаж коровника строители просят пять человек, можно женщин, но работа не авторучкой, скорее всего, бетон готовить. Желаящие могут записаться у Владимира Гавриловича. Список механизаторов для обучения на «Джон Диры» готов? Вы чего испугались, мужики? Дождетесь, что я десятиклассниц отправлю. Да этим трактором управлять все равно, что легковой машиной!

Подошел глава местной власти. Родион не мог признать, а потом засмеялся:

– Дядя Василий Иванович, бессменный председатель сельсовета! Здравствуй, дорогой. Вот, забот тебе прибавляем.

Василий Иванович улыбнулся:

– От таких забот не откажемся. И люди при деле, и в казну копейка.

– Верно мыслишь, сельсовет! Надо бы в конторе найти пару комнат, для руководителя, бухгалтера.

– О чем речь, Родион Петрович, это не вы к нам, а мы к вам на квартиру станем проситься. Правление было и осталось колхозным. В моем кабинете, бывшем председательском, рядом с обкомовским знаменем пшеничный сноп стоит. И сноп тот тоже пусть останется. Он уж как символ. Я все смотрю: ну чисто с Герба Советского Союза! Родион Петрович, я перейду в другой кабинет, а председатель пусть на свое законное место! – четко сказал Василий Иванович.

– Ну, за стулья драться не станем, а вот квартирку бы для председателя временную...

– Ты почто не по адресу обращаешься, товарищ генерал? – дед Тимофей стоял по стойке смирно.

Бывакин смутился:

– Вы с чего меня в генералы произвели?

– А вот твой председатель и проболтался: вон, говорит, генерал подъехал.

Толпа смеялась с удовольствием:

– Дед Тихон, теперь таких генералов, как я, в каждом районе по дюжине. Ты вот три войны прошел, а чин какой имеешь?

– Рядовой я, Родя, всю жизнь, и на фронте, и в колхозе, и дома старуха надо мной ефрейтор! Только товарища председателя определяй на квартиру ко мне со старухой. Она у меня что у плиты, что где в

ином месте — мастерица, опять же банька у меня новая срублена, венчики припасены дружков тридцать. Платы не берем, только продовольствие по своим скусам.

Перешли в контору, определили бригадира на полеводство, все дружно выдвинули Сему Бородину, он согласился, но погоревал, что хотел на американской технике поробить.

— Поробишь, Сема, вот загулят тракторист, ты и подменишь.

Шеф встал:

— Насчет загулов. Это исключено. Пьяный на работе — враг, будем гнать взащей. Владимир Гаврилович, одним из первых приказов определите распорядок и дисциплину.

Нашлись бригадиры на будущее животноводство, определили заведующего кормовым складом.

— Начальник есть, а кормов тью-тью, — хохотнул кто-то.

— Для того и ставим ответственного, что корма начнут поступать прямо завтра. Сено в тюках, сенаж в тюках, для него придется срочно возводить эстакады, чтобы мыши не погрызли. Зернофураж в склад.

У Бывакина загудел мобильник, он вышел, нажал клавишу:

— Родион Петрович, завтра выезжаем отбирать нетелей для вас. Кто будет от хозяйства?

Родион не готов был к ответу:

— Дайте мне десять минут, я перезвоню.

А сам набрал Бориса Исильбаева, которого рекомендовал Коломынцев.

— Багитжан?

— Я.

— Здравствуйте, я Бывакин, Родион Петрович.

— Понял. Мне Иван Михайлович говорил при встрече, что надо вам помочь. Чем могу?

Родион все объяснил. Он понимал, что отобрать нетелей — дело не простое, ошибиться нельзя, цена слишком высока. А у него нет пока специалистов.

— Помогай, земляк, в долгу не останусь.

Багитжан согласился поехать, уточнил, кто будет из департамента, и наказал:

— Загоны обязательно сделайте, а корма, сено и сенаж, я прямо сегодня отправлю по кировской тележке. Думаю, дня через три мы сто голов привезем, встречайте.

Передав все Горлову, Бывакин уехал в город, сегодня к вечеру должны подойти комплексы. Коломынцев дал команду, чтобы «Техно-

центр» принял и поставил на временное хранение, но желательно быть самому, все видеть и все знать.

Этих красавцев так близко Родион еще не видел. Светло-оранжевые, чистенькие, они встали на отдельной площадке. Весь набор навесной техники установили рядом. Инженер департамента Кувыкин, доставивший груз, пояснил, что в наборе все почвообрабатывающие орудия и полностью укомплектованный посевной комплекс.

— Родион Петрович, вы молодец, что сумели обойти лизинг. Вы сохранили третью часть денег, — похвалил он.

— За это благодарность вашему начальнику Коломынцеву, — напомнил Бывакин.

— Когда вы планируете забирать технику? — поинтересовался Кувыкин.

— Как только наши ребята пройдут подготовку.

— Родион Петрович, новичков в такую дорогу садить опасно. Разрешите, я организую ребят, и мы соберем на месте комплексы, а остальные механизмы отправим камазами. У меня хорошая кампания инженеров, им самим полезно и интересно.

— Я согласен. Нужны деньги? Сколько? — он достал бумажник.

— Только на заправку и на обед, — Кувыкин рассмеялся.

Бывакин подал молодому человеку банковскую упаковку.

— Не беспокойтесь, по приезде сдадим отчет.

Шеф улыбнулся:

— Я с тебя отчета не спрашиваю, а технику будем ждать всем селом.

Опять на селе был праздник. Невиданная техника вползала в деревню, осторожно переваливалась через канавы и вставала в ряд у мастерской. Инженер Кувыкин подошел и доложил, что вся техника доставлена в нормальном состоянии. Родион крепко его обнял.

«Да, ухожу от старых правил поведения. Это хорошо!» — подумал он.

Генеральный переложил все дела по городу на Макса Михайловича и вплотную занялся колхозом, как все дружно называли ЗАО «Труд». Ночевал у Семена, рано утром, уточнив планы с Горловым на день, уезжал в район. Омичи заканчивали монтаж фермы, а энергетики не давали документы на подключение, коммунальщики тянули с водопроводом. Родя в пятый раз зашел в «Знергосбыт», начальник, полный молодой человек, встретил недружелюбно:

— Стучаться надо, когда в чужой кабинет входите, — назидательно указал он гостю.

Бывалый прямо через стол поднял его из кресла за фалды пиджака:

— Если ты мне сегодня не выдашь бумаги, а я к тебе неделю подряд стучусь, клянусь мамой, а ты должен знать, что эта клятва в определенных местах считается последней, так вот, я тебя посажу в это кресло, только к нему будут подведены три фазы. Все! Ты меня услышал. Бумага должна быть в приемной к обеду, а то для начала я испорчу тебе аппетит.

Энергетик тяжело опустился в кресло:

— Я могу вызвать милицию... — промямлил он.

— Они помогут тебе оформить допуск? Не смейся, живи по-человечески, что же ты из людей жилы тянешь.

— Вы хулиган! — заорал начальник. Бывалый подыграл:

— Милый мой, я уголовник. В прошлом. Не напоминай мне об этом. До обеда!

Вышел, отряхнулся. «Да, кучеряво я с ним, но впредь пусть думает. Так, сейчас к дорожникам».

Дорожный мастер подал руку:

— Толян. Уже отправил автогрейдер, парень толковый, он вам дорогу выровняет. И площадку тоже.

— Толян, я его не отпущу, пока все не сделает. Мне надо и в деревне дороги подправить. Пусть поживет, — по-свойски хлопнул парня по спине.

— Пускай, только солярка твоя и квартира...

— С молодой вдовой, — улыбнулся Родион.

— Нет, вдовы не надо, мужик серьезный, но питание организуй.

Коммунальщик встретил с грустью в голосе:

— Чем я тебе буду вести воду? Трубы нет, экскаватор еле дышит, да и дебита мало будет, если сотня коров пить начнет.

— Михайлыч, десять лет вся страна пьет, а дебит не кончается, — очнулся дремавший на диване мужичек.

— Выйди отсюда! Вас зовут..., да, Родион Петрович. В городе есть ребята с таким хитрым аппаратом, называется навигатор. Вгоняют трубу в землю и выводят, куда тебе надо, хоть в ферму, хоть в квартиру. Стоит, конечно, прилично, но аккуратно, и всего день работы.

— Координаты дашь? Добре. А как начальника зовут?

— Хозяин. Это частное дело. Василий, а отчество не помню, да он молодой, ваших лет.

Прямо из машины Родион набрал номер, ответившему мужчине кратко объяснил суть дела. Тот спросил:

- А к вам как обращаться?
- Родион Петрович.
- Понято. Родя, Бывалый, ты меня не узнал? Я Вася, мы у смотрящего знакомились, вспомни!
- Помню. Так ты ко мне приедешь? Вместе с техникой.
- Родя, только завтра к обеду. Расстояние большое?
- Ты о чем?
- О трубе. Расстояние от подключения до объекта.
- Не могу сказать. Приедешь, на месте разберемся.

Он уловил намек коммунальщика на возможные проблемы с водой, потому подумал о новой скважине. Нашел в записной книжке телефон коммунальщика, он должен знать, кто бурит скважины. Телефон не ответил. Пришлось ехать в администрацию.

— Илья Васильевич, извините, что беспокою вас по пустякам, но времени нет, а нужных людей не знаю. Срочно надо пробить скважину для фермы, коммунальщики пугают, что воды на всех может не хватить.

— Есть такое дело, уровень вод снижается, у нас проблемы. Найдем мы сейчас бурилку, вот только место кто будет выбирать? Бурить — много ума не надо, важно там, где вода есть, и вода пригодная, питьевая, — похозяйски назидательно напомнил Илья Васильевич.

— Я понял, — кивнул Бывакин. — Из приемной в колхоз позвоню.

Горлова попросил срочно привести к телефону старика Тихона, любого спроси, все знают, где он. Дед, видимо, отирался у конторы, Горлов передал ему трубку:

— Але! Струков Тихон Данилович на проводе.

— Дед Тихон, это Родион.

— Не знаю никакого Родиона. Один у нас есть, но он Родион Петрович, — деду явно нравился такой разговор.

— Дед Тихон, не дури, на тебя вся Европа смотрит. Можешь ты указать место недалеко от новой фермы, где бы ты стал копать колодец?

— Родя, а нахрена мне колодец, у меня крантик около дома? — искренне удивился дед.

— Дед Тихон, я тебя от колхоза отлучу, если будешь дурака валять. Я, между прочим, с тобой за деньги разговариваю. Есть такое место или нет, говори толком?

Дед помолчал, поосмыслил, потом покряхтел и крикнул:

— Але! Родион Петрович, вот если от фермы в сторону деревни, тут можно. Тут большой дом стоял классового врага кулака Трушников, и был у него на дворе глубокий колодец. Помнится, в него де-

вица Аникея ходила топиться, когда поп ее за блуд причастия лишил, но не стала, пося поясняла, что водица дюже холодная.

— Все, дед, будь около Горлова, чтобы тебя по всей деревне не искать, — предупредил он.

— Ложь и клевета! Мы с товарищем Горловым вместе встаем, зарядку делаем, потом завтрикаем, он кофей пьет, я чай на душице, он бреется, я бороду расчешу, и на работу. Я про жалованье пока молчу, временные организационные трудности, как говорит Владимир Гаврилович.

Родя отключил трубку. Вот балабол, на сцену его поставить — целый вечер будет говорить, и все складно, весело. Ладно, концерты потом будем смотреть.

Илья Васильевич подал ему бумажку с несколькими именами и телефонами.

— С первым я уже переговорил, он согласен хоть сегодня выехать. Родион Петрович, что у вас произошло с энергетиком?

— Уже стукнул? — удивился Бывакин.

— Да нет, другие источники. Говорят, сжечь грозился?

— Илья Васильевич, его сжигать — надо трансформатор дополнительный ставить. Я же толичко пообещал три фазы подключить, если бумаги не сделает, — объяснил Родион.

— Сделал? — поднял глаза начальник.

— Не знаю. Сейчас поеду.

— Родион Петрович, нам с вами эти базары ни к чему! — строго предупредил Илья Васильевич.

— Услышал, — кивнул Бывакин и удивился, как деликатно глава его на место поставил.

Родиону рассказывали, как встречал он губернатора в первый раз на своей земле уже в новой должности.

...Вертолет губернатора сел ровно в девять, он вышел в сопровождении трех человек, Илья Васильевич направился ему навстречу. Встреча первая после назначения, два дня специальная группа осматривала объекты, которые записаны для посещения губернатора, вчера руководитель протокольного отдела строго предупредила, чтобы никаких лишних вопросов и никаких отклонений от маршрута. Илья, вчерашний руководитель крупного сельхозкооператива, все это понимал, но увидев перечень «объектов для посещения», возмутился: что смотреть на молочном предприятии, если оно стабильно работает и руководитель не задает никаких вопросов, все решает сам. Или новый дом культуры, перед самым его назначение открыли, а

уже плитка отвалилась и штукатурка осыпается. Решил: будь что будет, а я предложу губернатору посмотреть то, что требует его вмешательства в решение проблемы. Понимал, что шеф может и на хрен послать, и впечатление о себе можно на всю жизнь испортить, но от задуманного решил не отступить. Да и губернатор подыграл:

– Итак, хозяин, куда повезешь гостей?

– Маршрут, подготовленный вашей группой, хороший, он оставит приятное впечатление, но и проблемы наши оставит. Потому предлагаю побывать там, где у нас плохо, трудно, где нужна ваша помощь.

Губернатор улыбнулся, видимо, впервые с ним так ведут разговор.

– А что? Я не возражаю. Подсказывайте водителю, куда ехать.

Остановились около школы искусств. Илья вошел в роль, вел себя смело:

– Ни за что не догадаетесь, что это за объект, и он меньше всего и внешне, и внутренне, похож на школу искусств. Пойдемте.

В некоторых классах шли занятия, Илья Васильевич извинялся, губернатор кивал головой, так прошли оба этажа и остановились под дырявым навесом на крыльце.

– Думаю, тут надо только стены оставить, все остальное менять. Места хватает?

– Пристрой нужен.

– Пишите письмо, обоснуйте, рассмотрим. И надо подключить скульпторов, создать соответствующий внешний вид. Так. Что дальше?

Дальше была начальная школа, бывшая средняя. Прогнивший пол, облезлые стены, но больше всего губернатора поразил туалет: писсуары на уровне головы ребенка и унитаза, из которых, были случаи, детей вынимали общими усилиями. Остановились у моста через местную речку, в который весной провалился трактор, провал залатали, но движение транспорта по мосту запрещено. Это огромное неудобство для населения.

За поздним обедом губернатор тихонько сказал Илье Васильевичу:

– Я доволен поездкой. Все эти вопросы в рабочем порядке вам бы пришлось протаскивать года два. А сейчас покажите мне хорошую, работающую семью, живущую личным подворьем. Нам надо что-то делать с деревней, оставшейся без производства...

...Два дня и две ночи в деревне гудели тракторы и машины. Дед Тихон торжественно привел все начальство на пустырь, долго мелкими шашками бегал то в одну, то в другую сторону, чего-то прикидывал, потом топнул ногой:

– Вот тутака сверлите, и будет вода чистойшая, почти что святая, ее бы не коровушкам пить, а беременным женщинам, а так же которые кормящие.

Сема взял деда за рукав:

– А ну, кайся, козел блудливый, с чего это ты вдруг о беременных вспомнил? Нагрешил где-то, вот и шибануло в память! Дед Тихон, падай на колени и называй всех вдовушек, а может, и замужних каких!

– Семен, стыда у тебя нет! Я об потомстве забочусь, ты вот скольни поробишь, и на могилки, а кто дело продолжать будет? – запрочитал старик.

Семен возмутился:

– Дед, ты почто меня хоронишь? Виденье было какое? Говори!

– Сема, да для примеру сказал, какое виденье, я уж и бабу-то только наощупь...

Пока хохотали, буровики свою технику наладили и к ночи фонтан ударил. Горлов успел ведерком зацепить из струи, по глотку сделали все и остались довольны.

– Шеф, трубу глушить? – спросил буровой мастер.

– Глуши. Завтра от нее навигатор заведет воду в ферму. Спасибо, ребята. Расчетом довольны? Это важно, потому что, возможно, не в последний раз.

Подошел машинист грейдера:

– Родион Петрович, от асфальта к ферме я дорогу поднял, но без вашего согласия сделал корыто. Не понятно? Под твердое покрытие. Советую договориться с начальником и прямо сейчас завезти с десяток камазов щебенки, я бы все разровнял, а весной положим асфальт.

Родион посмотрел на мужчину:

– Тебя обедом кормили?

– Нормально, шеф, щи и котлеты. Я еще на площадке у фермы показуюсь. Шеф, великое дело вы задумали, это же какая радость для деревни. Я сегодня столько добрых слов про вас услышал, честное слово.

– Ну, спасибо, дорогой, поработай чуток и отдыхай, завтра дел много.

Вечером пришли кировцы с двойными прицепами, привезли сено и солому, в одной тележке закатанный в пленку сенаж от Багитжана. Тракторист нашел Родиона и сказал, что сенаж надо разгружать вручную и сразу на эстакаду. Он кивнул Горлову: «Организуй!».

Утром позвонил Исильбаев:

– Родион Петрович, если бы не верное слово друга, увез бы нетелей к себе. Какой прекрасный материал! Коровы будут замечатель-

ные! Так удачно все сошлось! Везем мы тебе сто одну голову, сто по договору, одну сверху, подарок от заведующего племенным стадом. Будем завтра утром. У тебя все готово?

Бывакина била мелкая дрожь, так всегда было, когда он сильно волновался:

– К утру все будет в порядке. Ждем.

– До встречи, дорогой.

Горлов занимался фермой, тут оказалось еще очень много мелких, но важных вопросов, а Родион поехал к пахарям. Посмотрел работу кировца, как легко он поднимал и измельчал слежавшуюся пашню. Трактористу показал большой палец и направился к комплексу. Сегодня пахал Сема, его он остановил. Семен спустился из кабины в синем комбинезоне, коротких хромовых сапогах, в берете. Не удержался, сгрэб Родю в охапку:

– Родион Петрович, вот ущипни меня: неужели мы жить начинаем? Роблю и нарадоваться не могу, да еще машина такая, только шепни ей, что надо чуть правее, она правее, скажи, чтобы обороты добавила – загудит веселей. Эх, Родя, а мы на чем пахали? Тыды и растуды наше бывшее советское начальство: неужели не могли придумать такой трактор? Я же в дэтушке летом от жары сгорал, зимой к сидушке примерзал. На комбайне под зонтиком. Ветер в харю, а я ..., прости Господи! Нет, умели наши люди все делать, какие космические корабли летали, какие красавицы у нас на вооружении стояли, Родя, я сам был на стрельбах. Гашетку нажали у Каспийского моря, а ракета попала в мишень корабля в Тихом океане. Это как? Плохо, скажи, плохо? А почему трактор не сделать, легковушку для мужика, стиралку для бабы, чтобы не в бане воду греть и не «Сема, я постиралась, воду вынеси!»?

– Тебя кто меняет? Сема, смотри, ты тут у меня самый ответственный. До зимы надо как можно больше вспахать.

– Сделаем, Родион Петрович, кировец ведь тоже хороший помощник, я на нем за осень по тыще гектаров пахал. Да...

С Федором Родя расстался давно, как только стали налаживаться дела и в городе чуть поутихло, когда Бывалый вернул с огромным трудом свои капиталы из-за рубежа. Федор тогда сослужил последнюю службу, главарь армянской группировки как-то прознал о запущенном механизме возврата валюты, вот тогда Федя убрал наглого армянина, который требовал долю, иначе грозился сдать братве. Бы-

валому совсем не улыбалась перспектива объясняться перед старшими об источниках появления столь больших и до сих пор скрываемых бабок. Тогда могли всплыть Доктор и Жмых, а если так — Роде со сходимья не уйти. Через своих людей он хотел частично купить армянина, но Федя вмешался:

— Бывалый, этот глистоватый кавказец не может быть порядочным, если он требует не свое, ты ничем от него не откупишься. Его надо убирать.

— Федя, честно говоря, я думал, что ты выбросил свою «катюшу». С кем будем обсуждать?

— Ни с кем. Не потому, что не верю ребятам, а так проще: чем меньше знают, тем спокойней и надежней, — рассудил он.

— В чем тебе надо помочь?

— Только не мешай. Я его в лицо знаю, и в такую фигуру трудно промазать. На всякий случай выеду в лесок, испорчу десяток патронов.

Никто после убийства не вышел на Бывалого, видимо, хитрый армянин ни с кем не делился планами «обуть» богатенького русского. Тогда и разошлись пути-дороги двух самых сильных и самых опасных людей города. Родя ушел в строительный бизнес, а Федор купил кондитерскую фабрику, взял кредиты, провел реконструкцию и через год завалил рынок конфетами, очень похожими по вкусу на конфеты советских времен. Товар уходил фурами, и уже через пару дней фуры снова становились под погрузку. Финансовая группа настояла на увеличении цены, поскольку есть спрос, Федор согласился, но поставил линию производства карамелек, известных как «Дунькина радость», и еще нескольких видов конфет в обертке с начинкой из отечественного варенья и желе. Магазины шаговой доступности брали их с удовольствием и продавали быстро, обеспечивая небольшую фабрику постоянными заказами.

Они изредка созванивались, потом надолго потерялись, когда Бывакин подался в деревню, наконец, Федор его перехватил:

— Ну, здравствуй, колхозник! Как у тебя дела? Ты когда будешь в городе?

Родион обрадовался:

— Федя, столько вопросов! Буду, видимо, в конце недели, хочу полежать в джакузи и отоспаться. Можешь приехать, но только в воскресенье.

— Я не один, брат. Хотел тебя познакомить. Она чудная девушка, надеюсь, ты мне будешь завидовать и тоже остановишься, наконец?

— Ладно, уговорил. В воскресенье в десять.

Приехал домой, вошел через гаражные двери, Варя в чистеньком домашнем халате встретила в вестибюле.

— Родион Петрович, почему не предупредили, что приедете?

— У тебя назначено свиданье, и я помешаю? — пошутил он.

— Ну, и шутки у вас! Как вы можете? А чем я вас кормить стану?

— Варя, со мной проблем нет, а вот в воскресенье у нас будут гости, мой друг Федор, ты его знаешь, и его невеста, ее не знаем ни ты, ни я. Так что блесни кулинарным мастерством! Я пошел мыться.

Он включил сауну, и отметил, что все вычищено и отбелено, несколько свежих халатов висят в шкафу, в баре закрытая бутылка любимого коньяка, несколько банок немецкого пива. После сауны целый час лежал хозяин в булькающей воде, открывая кран то с горячей, то с холодной водой. Когда он, наконец, вышел, ужин стоял на маленьком столике, тут же коньяк и холодная вода.

— Варя, садись со мной, я так соскучился по тебе, — попросил Родион.

— Я уже поужинала, — поскромничала Варя.

— Просто так посиди. Или ты не рада, что я приехал?

— Какие глупости, нечего слушать, — но подвинула стул, села.

— Дома все в порядке?

— Да, — уверенно ответила хозяйка, и Родя этому обрадовался.

— Чем ты занималась? — с интересом спросил он.

— В таком доме разве может не быть работы? Наверху в двух спальнях на моем веку еще никто не ночевал, а я регулярно меняю там белье, оно идет в стирку, теряет вид. Разрешите их не заправлять, а если вдруг случатся гости, это дело пяти минут, зато белье свежее, не лежавшее.

— Делай, как знаешь, — хозяин беззаботно махнул рукой.

— Еще рассказывать? В вашей спальне все сложила аккуратно, пропылесосила и протерла, то же и в кабинете. Не пугайтесь, все осталось на своих местах, я только подниму книжку, пыль протру и на место. Телевизор включала только в своей комнате. Телефон постоянно включен, я беру трубку, вдруг бандиты проверяют, дома ли хозяева. А если кому нужно, включаю диктофон, пусть говорят.

— Много таких было? — поинтересовался хозяин.

— Нет, звонка три.

— Мужчины? — уточнил он.

— И женщины тоже, — с нажимом ответила Варя.

— Включи, пожалуйста, телевизор, сейчас новости.

Вчера приехала бригада телевизионщиков, Бывакин хотел отпра-

вить их обратно, но режиссер сказал, что это личное указание губернатора. Родя отозвал его в сторонку и спросил:

— Куда ты будешь бежать, если я сейчас позвоню губернатору и спрошу, его ли это команда?

— Звоните, — смело согласился режиссер.

— Ладно, работайте, только, чур, без меня, это раз. И отснятый материал прокрутим в конторе — это два.

Все просмотрел — вполне прилично.

— Ребята, я не цензор, мне важно, чтобы акценты были верно расставлены, чтобы люди были в кадре, а не портрет президента. Я разберусь, кто его повесил на ферме, а вас прошу: уберите. Только еще на ферме его не хватало!

Репортаж прошел хорошо, но Варя осталась недовольна:

— А вас они почему не засняли? Это же несправедливо.

— Все правильно, Варя. Так надо. Варюша, ты за это время ни в кого не влюбилась?

— Родион Петрович, я всего трех мужчин и видела в эти дни: охрану нашу Ваню, Толю да Шуру. К Ване вы приспроситесь, ребята говорят, что он жениться собрался.

— Но это же хорошо: семья, жена, дети, — как-то неосторожно порассуждал Родион.

— Вот все понимаете, а сам холостяк. Уйдут годы, потом хватитесь: ни жены, ни детей.

Родион горько улыбнулся:

— Что-то похожее я уже слышал от пожилого умирающего человека. Варя, ты меня пугаешь своими разговорами про женитьбу. Или ты тоже замуж собралась?

— Эх, Родион Петрович, вам все хаханьки. Это все убирать можно?

— Да. Варя, ты придешь ко мне? — спросил между прочим.

Варвара встала и подняла голову:

— Я вот это и имела в виду. Я у вас как скорая помощь, как палочка-выручалочка, всегда при месте. Вы меня, конечно, после такой дерзости выгоните — туда мне и дорога. Могла бы промолчать, но сердце не позволяет. Предупреждала вас, что присохнуть могу, вот и...

Родиона испугала эта откровенность девушки, он попытался свернуть разговор, к которому не был готов.

— Варя, сядь со мной рядом. Да, я пользовался твоей добротой, и думаю, что это было приятно нам обоим. Прости, сегодня я не могу

об этом говорить, это серьезный разговор, оставим его на утро. Ты же умница, все понимаешь, а утром мы с тобой обсудим нашу холостяцкую жизнь.

Варя рухнула перед ним на колени и зарыдала:

— Родион Петрович, только не гоните меня, только не гоните. Я вас так полюбила, так полюбила. Не за богатство ваше, мне бы легче было, будь вы мне ровней, и жили бы на зарплату от получки до получки. Зато у нас такая была бы любовь, что ангелы спускались с небес и любовались. Вот как я вас вижу. Не гоните, буду около вас до тех пор, пока не женитесь, чтобы передать с рук на руки. Можно, я уйду?

Она встала и нетвердой походкой ушла в свою комнату.

Бывакин действительно сильно устал за эту крестьянскую неделю и не хотел сейчас говорить с Варей о столь серьезном, лучше завтра по утрам. Выпил бокал коньяка и поднялся в свою спальню на втором этаже. Открыл шкаф, потрогал замаскированные дверцы сейфа, разделся и совершенно голым лег поверх пушистого одеяла.

Утром надел легкий светлый костюм и спустился вниз. Вари не было. Посмотрел на часы — десятый, могла в магазины пойти. Позвонил охране:

— Иван? Доброе утро. Варя в магазин ушла?

— Не видел, Родион Петрович, из дома вообще никто не выходил.

Родион вскочил и кинулся в комнату Вари. Она лежала в ночной рубашке, чуть прикрытая одеялом, и спала. Он присел на краешек кровати, тронул ее нежные волосы, щеку. Оцепенение сковало Родю. Щека была холодна. Он коснулся пальцем вены на шее и встал. Позвонил Ивану:

— Вызови милицию, Варя мертва.

— Как, Родион Петрович? Что случилось? Подойдите сюда, чтобы там не следить.

— Вчера мы с ней долго говорили, она призналась мне в любви, мы ведь с первого дня сошлись. А вчера она во мне все перевернула, призналась, что любит, просила не прогонять, сказала, что до моей женьитьбы будет со мной, чтобы жене передать. Я вчера не мог с ней разговаривать, какой-то разбитый был, уставший. Попросил ее отложить разговор до утра. Сейчас хотел просить ее стать моей женой. И вот...

Иван быстро сориентировался:

— Родион Петрович, не мне вас учить, но вы сейчас в таком состоянии... Ментам ни слова за любовь, ни слова! Докопаются, припая-

ют доведение до самоубийства или того хуже, убийство начнут вязать. Простите, я для пользы дела: вчера вы с ней не спали?

— Нет.

Иван даже обрадовался:

— Это вас спасет. А про любовь ментам — это что оленям про танец маленьких лебедей. Легенда такая: увидел, пригласил, работала по дому, уходила на свидания, куда, с кем — не мое дело. Личных контактов никаких, оплата наличными. У нее есть деньги?

Родион пожал плечами:

— Не знаю. Должны быть. В шкафчике я всегда оставляю пачку.

— Я вызываю скорую и милицию. Обнаружил хозяин, когда спустился пить кофе. Так? Остальное — как договорились.

Скорая приехала вперед, две женщины попросили провести их в комнату. Родион открыл дверь. Варя лежала в том же положении. Следом приехала милицейская группа. Варю осмотрели, Родион вышел в вестибюль. Докторша спросила:

— В доме есть ядовитые или отравляющие вещества?

— Нет, — уверенно ответил хозяин.

Милиционер взял с туалетного столика пустую упаковку и подал доктору:

— Все ясно. Она приняла сильное снотворное. Все оставила на виду, чтобы никого не винили, и легла в постель.

Следователь спросил:

— Кто еще вчера был в доме?

— Охранник на проходной, в доме Варя и я, я приехал из деревни в восемь часов, Варя накормила меня ужином, рассказала, чем занималась в мое отсутствие. Мы расстались в одиннадцатом, она вперед закрыла свою дверь, потом я поднялся в свою спальню.

— Простите, у вас были только деловые отношения? Красивая женщина, вы холостой человек...

— И ничего более. Варя иногда уходила вечерами, я не запрещал, но все было в пределах приличий, она возвращалась довольно быстро, трезвая. К тому же она ежемесячно проходила медицинское обследование, я и был спокоен.

— Возможно, мы вас еще пригласим, — кивнул следователь.

— Вот моя карточка, звоните в любое время.

Тело Вари уложили в мешок и унесли. Стало пусто и страшно. Что он тут наплел? «Уходила, я разрешал». Я — разрешал, а не запрещал! «Трезвая!». Да она ни разу даже рюмки не выпила. «Медицинское

обследование, и я совершенно спокоен!». В чем, идиот? Что она тебя ничем не заразит, эта блудница? Господи, Варя, прости меня! Я утром шел сделать тебе официальное предложение. Это было решено. Но ты не пережила собственного самоунижения. Варя-Варюша, милая девушка, вот еще одна жизнь на моем счету.

Он позвонил на пост. Опять ответил Иван.

– Ты почему не уехал отдыхать? Сдал смену? – спросил строго.

Иван стушевался:

– Родион Петрович, мы все трое здесь. Как мы можем вас оставить при таком горе? Приходите к нам, мы открыли тот коньяк, что вы нам подарили. Помянем Вареньку, чистую душу ее.

Он прошел в дежурку, все трое встали, пожали ему руку.

– Выпейте, Родион Петрович, легче станет. На вас лица нет.

Выпили молча.

– Ваня, возьми на себя все, узнай, когда можно забрать Варю, договорись с приличной погребальной кампанией, чтобы все было, как надо. Володя, поедешь в кафе, откуда я забрал Варю, узнай адрес родителей, свяжись с ними, если они скажут, что похоронить на родине – увезем и похороним.

В милиции Бывакин подписал протокол, в котором была изложена его версия. Ему показали медицинское заключение, и вот тут он почувствовал, что Варя своим вчерашним эмоциональным взрывом фактически спасла его от тюрьмы. Пройди все мирно, и вечером, как всегда, она поднялась к нему в спальню, – у следователей сегодня был бы большой праздник. Они еще помнили другого Бывакина, Бывалого – резкого, крутого, много раз битого и ломаного, но всегда выскальзывающего из наручников. А теперь он уважаемый человек, и есть тихая команда по пустикам его не трогать.

Родителям о смерти дочери сообщил следователь, он же сказал, что все заботы по организации похорон взяло на себя предприятие. Следом перезвонил Родя, выразил соболезнование и сказал, что отправлена бригада готовить могилу, гроб тоже отправлен, сам он придет, как только заберет необходимые документы.

Подъехал к дому, отмеченному горем. По старому русскому обычаю «Пришла беда – открывай ворота!» – простенькие тесовые половинки были распахнуты. Во дворе и у дома много людей. Нехорошая тишина. Как сквозь строй, стегаемый взглядами, прошел Родион к дверям. На пороге встреч ему вышел согбенный старик, отец Вари. Глядя прямо в глаза, спросил, глотая рыдания:

— Может, ты скажешь, кто же довел нашу девочку, что она ядов напилась? Она у тебя работала, хвалилась, что хорошо устроилась, хозяин добрый и заботливый, денег нам слала даже лишку. Может, скажешь, за что ты ей приплачивал? Что молчишь?

Родион едва сдерживался от слез:

— Варя очень аккуратная девушка, она сделала мой дом, как картинку, и я платил хорошую зарплату. Видимо, она всю ее высылала вам, милиция нашла квитанции на переводы. Ей не нужны были деньги, она сама была хозяйкой, расходовала столько, сколько надо для порядка в доме.

Отец поднял руки к небу:

— Но что-то же должно было случиться? Почему она отравилась? Скажи, мил человек, может, ты стал гнать ее?

Родя стонал:

— Да нет же, нет, она была хорошей хозяйкой. Я не знаю, зачем она это сделала!

Подошел Володя:

— Шеф, народ собрался, сейчас будут выносить, вам бы не стоило светиться.

— Я хочу с ней проститься, — уперто сказал он.

— Это на кладбище.

Решил напомнить:

— Дай старикам денег.

— Предлагал — не берут, — ответил Володя.

— Гроб вынесут, зайди на кухню, положи в шкаф, потом найдут.

На кладбище Родион первым подошел ко гробу, мгновение смотрел на лицо Вари, встал на колени, наклонился и поцеловал в губы. Толпа ахнула. Родион быстро прошел к своей машине. Еще мгновение, и три джипа рванули с места, оставив Варю, кладбище и чем-то сильно взволнованный народ.

Генеральный каждый день по несколько раз звонил Горлову, потом уже сам сообразил, что не совсем это нормально. В очередном разговоре повинился:

— Владимир Гаврилович, давайте без обид, я ведь не даю никаких распоряжений, и звоню только потому, что беспокоюсь, как вы там? Я доходчиво объясняю?

Горлов ответил сразу:

— И не надо ничего объяснять, ваше беспокойство мне понятно.

Но ведь это и вас дергает от основного производства. Давайте такой порядок заведем: я вам докладываю вечером и в обед, как исполняются наши договоренности.

Генеральный согласился и тут же спросил:

— Что с домами? Я думал, что пойдет быстрее.

Исполнительный чуть задержался с ответом, видимо, бумагу какую-то подписывал:

— Два успели сдать, отдали работникам.

Бывакин возмутился, была у них договоренность, что в первый же дом до лучших времен переезжает директор, или председатель, как его привычно звали в деревне:

— Владимир Гаврилович, а сами так и будете без семьи у деда Тихона на печи?

Горлов помолчал, слышно было, как он прикуривает:

— Тут такое дело, Родион Петрович: жена от переезда не в восторге. У нее приличная работа, дети в школе и все прочее. Такие дела, шеф.

Шеф ждал продолжения, но напрасно. Пришлось спрашивать:

— Получается, что я семью разрушаю. Вам на попятную идти вроде некрасиво, а выбора-то нет, Владимир Гаврилович!

— Выбор всегда есть, шеф. Я не хотел опережать события и посвящать вас во все детали. Ну, не от сладкой жизни я рванул в деревню, так скажем. Развода пока не прошу, нет необходимости. Думаю, вам этого достаточно.

Родион помолчал, Горлов тоже не нарушал тишину. Генеральный перевел разговор на другую тему:

— Я присмотрел здесь в домостроительном комбинате компактные домики панельной сборки, причем, полная комплектация, вплоть до водяного отопления. Может, возьмем несколько штук, новую улицу продолжим строить?

Исполнительный что-то прикинул и ответил:

— Покупать — ваша воля, а вот от создания новой улицы я бы отказался. Посмотрите, сколько провалов в селе, там избышку снесли, тут дом разобрали на дачи. Надо точечную застройку вести, начиная от центра.

— Согласен, — ответил шеф и отключил аппарат. Правильно мыслит человек, сразу видно: крестьянин. Хотя новая улица — это престижно.

Только сел в машину — новый звонок. Незнакомый голос без приветствия:

— Бывалый, ты от дел ушел, а дело-то осталось. Живешь кучеряво, прислугу держишь, а про общак забыл? Некрасиво. Стрелку тебе забиваю сегодня в пять у кирпичного завода. Ты должен быть один.

Во как! А ведь Бывалый только первые года два озирался, все ждал непрошенных гостей. И они, видно, ждали, а теперь окреп, можно и пощупать. Родион понимал, что друзей, хоть и бывших, надо поддерживать, но психология уже изменилась, он помогал больнице, детскому дому, всем, кто обращался даже через едва знакомых. А теперь вот деревня, деньги с колес уходят туда. Два раза выдали зарплату, понемногу, но и это подбодрило народ. И вдруг — общак. Родя ни рубля не давал священникам, хотя архиепископ обращался к нему с письмом. Считал, что лучше помочь конкретным людям, а церковь... Он не был верующим, но не это определяло его отношение, он видел, как живут священники на приходах в городе: машины, гостевые домики с девушками, паломничества на Мальдивы и Канары. Да, стрелка. Он уж и забыл, что есть такое: сошлись две стороны и утрясают вопросы. Раньше все заканчивалось стрельбой, теперь в городе уже года три не стреляют. Надо думать.

После обеда пригласил свою троицу — Ивана, Григория и Федора. Улыбнулся: солидные люди, собственники крупных организаций, ресторанов и фабрик. Но — деваться некуда. В нескольких словах сказал суть. Спросил их мнение.

— Кто и от чьего имени — не представился, может, с ним и говорить не стоит? — предположил Иван.

— Родион Петрович, а смотрящий сейчас кто? — поинтересовался Григорий. — Того, помнится, повязали?

— Да. Он умер в тюрьме, — ответил Бывалый.

— Понятно, — кивнул Гриша. — Надо состряпать планчик, на всякий случай.

Решили, что ребята в полной боевой готовности выезжают к кирпичному и определяют место встречи, помечают его сваленной маленькой сосенкой. Определяют свои места, один остается, чтобы проследить, не будут ли делать засаду пригласившие. Связь — по армейской рации. Выезд Роде сообщат ближе к пяти.

Стущались сумерки, дня оставалось четверть часа. Родя остановился недалеко от сосенки. Ждал в машине. Из подошедшей машины вышли трое. Так не договаривались, значит, народишко несерьезный, решили бабла срубить. Вышел навстречу, идущий впереди закричал:

— Оружие на снег! Быстро!

— Ты что орешь, как в лесу? Кто из приличных людей на стрелку с оружием выходит? Говори дело.

— Я уже сказал тебе, могу и сумму назвать, сто тысяч баксов, завтра, на этом месте.

— Братва, это — не стрелка, это бандитизм. Предъявите свои полномочия, тогда будем говорить.

Первый, видимо, старший, выхватил пистолет:

— Вот мои полномочия! Если завтра денег не будет, пристрелю твою жену.

Родя засмеялся:

— Парень, ты с какого дуба рухнул? Холост я, нет жены, так будем разбираться.

Он упал в снег, старший успел выстрелить, но промахнулся, а потом все трое стали неловко приседать и заваливаться. Ребята вышли из засады, подошли к машине. Все трое ранены в ноги, гнутся от боли, но в сознании. Бывшие омовцы быстро осмотрели раны и засмеялись:

— Шеф, ну какие счастливики, все в мягкую ткань. Добивать будем или как? — Федор спросил так, чтобы те слышали.

Родя присел перед неудачниками:

— Кто вас прислал? Мне надо это знать. Иначе пуля в лоб и дело кончено. Вопрос ясен? Считаю до трех.

— Сами мы. Сами. Никто не посылал.

— Документы есть? Обыщите.

Ребята привычно тряханули грабителей и вынули паспорта, водительские права. Шеф велел Ивану забрать паспорта, а раненых перевязать, благо в машине всегда было несколько комплектов материала.

— Расклад такой, мальчики: если кто-то за вами потянется, считайте себя геройски погибшими. Если только ваша инициатива — будете жить, коли в очередной раз дурная идея не посетит. Перевязки делаете сами, таблеточек запасите от температуры и прочих недугов. Если дело дойдет до скорой, придумывайте, что угодно, вплоть до нападения инопланетян. Не дай бог, всплывет мое имя. Я узнаю о подянке через десять минут. Через пятнадцать вас никого уже не будет на этом свете. Все понятно? Ваня, кинь им сотни три баксов на лечение, ведь нет ни хрена, и пожрать нечего. Паспорта получите после выздоровления. Телефон у вас есть. Поехали.

В главном офисе Самсонов продолжал держать дело в руках. Он за полчаса доложил всю обстановку и свернул папку, это означало, что ему больше нечего сказать.

— Макс Михайлович, наши конкуренты на ДСК делают сборные домики. Вы бы поехали и присмотрели для нашего колхоза несколько штук.

Самсонов пожевал губами, что было признаком явного неудовольствия:

— Я понимаю, вы бы сказали: «Самсонов, поезжай и посмотри, как они это делают, чтобы уже завтра мы на своих мощностях смогли освоить этакое производство». А поехать и купить — отправьте Ангелину из приемной, она это сделает лучше меня.

Бывакин чуть не засмеялся, но пришлось говорить серьезно, чтобы не обидеть коллегу:

— Макс Михайлович, вы меня извините, мне и в голову не пришла такая мысль. Конечно, надо поехать и посмотреть. Технологическую документацию они едва ли дадут, но хоть что-то.

Самсонов продолжал жевать губами и нервничать:

— Между прочим, в технологическом отделе ДСК сидит мой ученик, он три года носил за мной портфель. Неужели вы думаете, что этот мальчишка забудет все заповеди и откажет старшему еврею в ничего не значащей просьбе? Уверяю вас, надо только чуть заплатить, и копии всех документов будут у нас к концу недели.

Действительно, Самсонов сделал все, как обещал. Главный технолог попросил время на ознакомление, и Самсонов дал ему двое суток. Технолог возмутился: тут бумаг на неделю, на что исполнительный со свойственным ему спокойствием ответил, что в двух сутках как раз рабочая неделя, шеф просит запустить пробное производство как можно скорее, значит, некогда спать и заниматься посторонними делами. На это будет отпуск.

После трагедии с Варей Федор ни разу не напомнил, что тогда сошлось оговоренное знакомство с невестой, а ставить лучшего друга перед фактом в загсе он не хотел. Родя сам вернулся к этой теме:

— Что у тебя с женитьбой, брат? Знакомство, как видишь, не состоялось, но процесс идет?

Федор улыбнулся:

— В том плане, Родя, на который ты прозрачно намекаешь, не идет. Невеста моя девушка с принципами, для нее точкой отчета будет венчание, а не загс даже. Я в ужасном положении: и не сбежишь налево, стыдно перед невестой, и природа напоминает.

Посмеялись, и знакомство назначили на воскресенье, жених привозит невесту в дом друга, небольшой ужин и свободные разговоры.

К тому времени в доме Родиона хозяйничала женщина, рекомендованная Максом Михайловичем, дама под пятьдесят, полноватая, но проворная, чистюля и аккуратистка — Дарья Васильевна. В первый же день она заявила:

— Дорогой Родион Петрович, я врач, бросила все к черту, когда медицина уже сама стала терять сознание, вышла на пенсию по выслуге. До оформления на настоящую у меня есть пять лет, полагаю, за это время сподобитесь найти себе жену. Предупреждаю вас, как врач, что отсутствие семейной жизни плохо сказывается на мужчине, надеюсь, вы понимаете этот птичий язык. О, если бы вы поручили мне решить эту проблему — какие девушки есть в тех домах, которые я имею честь посещать: красавицы, умницы, девственницы. Впрочем, вы, должно быть, не бедствуете.

Родион выслушал монолог с интересом и спросил:

— Дарья Васильевна, надо уточнить одну деталь: вы умеете готовить?

Дама взметнула ввысь полные и красивые руки:

— В иной ситуации я бы обиделась, но вы берете меня хозяйкой, следовательно, обязана отчитаться: если есть из чего, могу приготовить все, что угодно. Если ничего нет, жарим яичницу.

— В холодильнике три упаковки свежих яиц, — съязвил хозяин.

— Шутку принимаю, — вежливо согласилась Дарья Васильевна. — Если нужен хороший обед, предупреждайте за сутки и, уверяю, у вас не будет даже повода для неловкости перед гостями.

С вечера в субботу на кухне стоял небывалый шум, Дарья Васильевна одну за другой пела героические арии, работала ножами, гудели какие-то машинки. Состав гостей она уточнила заранее, и на недоуменный вопрос хозяина снисходительно ответила:

— Любезный Родион Петрович, представьте, я бы приготовила обед для мужчин, кстати говоря, нет ничего проще, мужчина — это такая скотина, которая сожрет, все, что ни кидай на стол, извините за натурализм. И вдруг за столом дама. Я же не подам ей кусок жареного поросенка или немецкие сосиски на горячей сковороде? Но я врач-диетолог, потому интересуюсь, будут ли женщины. Для женщин важно пышно, красиво и никаких калорий. Поэтому они после торжественных визитов дома варят магазинные пельмени. Но — форс!

Звонок с проходной:

— Подъехал Федор с дамой. Пропускаю. Встречайте.

Родион накинул пиджак и выскочил на крыльцо. Спускаясь к гостям по широкой ковровой дорожке, раскинутой по такому случаю, он

едва не свалился с последней ступеньки: прямо перед ним стояла Лада. Довольный произведенным эффектом, Федор провел представление:

— Лада, это мой лучший друг Родя, Родион Петрович, если угодно. Родя, это Лада, не буду называть отчество, чтобы вы не ударились в официоз.

Родион легко пожал маленькую ручку Лады, она сняла сетчатую перчатку, и он не мог не заметить отсутствия золотого браслета и нескольких дорогих перстеньков.

— Проходите, друзья мои, обед будет подан через десять минут.

Родион понял, что они с Ладой, не сговариваясь, решили не открывать свое более раннее знакомство, наверное, так будет лучше, а потом он расскажет Федору всю их довольно банальную историю.

Дарья Васильевна была в ударе. Такому столу мог позавидовать самый шикарный ресторан города. Суп с фрикадельками из телятины, бульон куриный, приправленный зеленью и луком, поросенок, жареный по-крестьянски, мясо кролика в соусе, курица, запеченная с рисом, пирог рыбный с развернутым карпом внутри — все это подавалось с паузой в десять минут, и уже после третьего блюда Федор попросил принести чай. Лада вела себя довольно свободно, говорили о пустяках, она первой отказалась от продолжения обеда, сказав, что столько сразу никогда не ела.

Перешли в гостиную, Лада оценила вкус хозяина и сказала, что семейные фотографии на стенах смотрелись бы интереснее, чем картины. Родион пожал плечами и насторожился, как бы Федор не проговорился о родословной друга. Обошлось.

— Родя, нам надо согласовать день свадьбы, чтобы не нарушать твоего графика. Как тебе конец ноября? А ресторан Гриши? Мне кажется, там все при месте. Гостей будет немного, ты знаешь, что с моей стороны только ребята, ну, возможно, с подругами, у Лады тоже немного родственников.

Лада встала:

— Ребята, извините, я попрошу Дарью Васильевну проводить меня в ванную комнату, после обеда такое ощущение, что руки до сих пор пахнут курицей. — Лада медленно удалилась, дав возможность мужчинам хоть что-то утрясти.

— Федя, она знает что-нибудь о нашем прошлом? — Роде не очень хотелось рисовать перед Ладой полную картину, ведь придется общаться.

Друг ответил как-то неопределенно:

— Почти ничего.

Родя усмехнулся:

— Темнишь? Ладно. А как познакомились?

Друг улыбнулся воспоминаниям:

— Я подарил рояль дому детского творчества, она была на церемонии, нас познакомили.

Родя поймался за фразу:

— Как она представилась?

— Преподаватель истории, — ответил Федор.

Родя встал, обошел стол, пнул стул:

— И ничего больше?

— Ничего. А что еще? — Федор был удивлен.

Друг ударил наотмашь:

— А титул, титул свой она тебе назвала: княжна и сопредседатель императорского собрания.

Федор смотрел на Родю с изумлением.

— Ты дома у нее был? — успокоился хозяин.

— Был. Да брось ты все, нормальная семья, правда, интеллигенция, но мне с ними детей не крестить. Подожди, а ты почему интересуешься?

— Да так, не бери в голову.

Лада вернулась улыбочивая и смешливая:

— У вас замечательная хозяйка, Родя, чуть не на руках унесла меня в гостиную. Ну, о чем договорились?

Федор взял ее за руку:

— Обо всем, любимая. И о свадьбе, и о гостях.

— Славно. Родя, а Федя не сказал, что он пообещал открыть частную школу? Нет, не элитную, мы будем принимать детей из семей со скромным достатком, будем кормить ребят три раза в день, они только ночевать будут домой уходить. Сразу набираем только первый класс и далее растем. Посмотрим, но неполное среднее надо давать детям. Здание мы уже присмотрели, сейчас я занимаюсь оформлением документов — это такая рутина, Родион Петрович, страшно сказать. Всех бесит, что речь о частной школе, все ждут, когда им подадут конверт, некоторые чиновники от образования даже не стесняются: коли вы собрались открывать платную школу, значит, деньги у вас есть. Как объяснить, что школа абсолютно бесплатна! Но учителей мы приглашаем самых квалифицированных, Федор согласился на повышенную оплату, мы, кажется, все просчитали, конечно, это приличные деньги, но они вложены в благородное дело.

Родион просто восхищался Ладой, какие в ней перемены, как совершенно по-иному смотрит она на жизнь!

– Конечно, дело стоящее, Федя, но ты вот что учти: детки эти из семей, как Лада выразилась, «со скромным достатком», не самого лучшего воспитания. Это будет одна из главных проблем. Накормить и дать урок проще, а вот с душой его как быть?

Лада согласилась:

– Родя, мы, конечно, эту проблему видим. А решать будем вместе, и вас пригласим.

– Ну, я вам не Макаренко, едва ли чем смогу. Но задумка правильная, Федя, я тебя поддержу.

Проводив гостей, Родион заметил на столе визитку Лады с мобильным телефоном. Через полчаса позвонил Федору, спросил, как доехали. Друг ответил, что все великолепно, Лада осталась очень довольна приемом и хозяином, он только что отвез ее домой. Родион тут же набрал номер Лады.

– Лада, спасибо вам за выдержку, я едва не выдал, что мы знакомы. Федор ведь пока ничего не знает?

– Конечно, нет. Родя, вы должны придумать, как ему это объяснить.

– А, собственно, что объяснять? Мы уже представлены, перед свадьбой предупредите родителей и Ганю, чтобы не выказали изумления при моем появлении, и все пойдет своим чередом.

Лада явно была недовольна таким вариантом.

– Родя, но наши отношения... Ваш поцелуй, мое столь низкое падение в ваших глазах...

– Вы хотите, чтобы я рассказал об этом другу? Перестаньте, вы на правильном пути, вы начинаете новую жизнь, а я остаюсь в прошлом, как его маленькая часть. Лада, я очень за тебя рад, Федя надежный парень, ты будешь счастливой женой и матерью. Он соскучился по семейной жизни.

– Родик, тогда последнее откровение: Федя мне немного рассказал о своем прошлом, значит, вы не из того города, про который говорили?

– Совершенно верно, Лада, у тебя все хорошо с логическим мышлением. Мы с Федей, Ваней и Гришей из одного места, и называется оно сиротское детство. Но мы все друзья, и ты теперь с нами. Лада, вот это между нами, не для Феде, ему я сам скажу, когда будет момент: если бы я знал, что ты способна к таким переменам, я бы тебя ни за что не упустил. Целую тебя в щечку и страшно завидую другу. До свиданья.

Свадьбу Федора и Лады отпраздновали с размахом, шумная регистрация, помпезное венчание, шикарное застолье в Гришином ресторане. Родион не мог налюбоваться невестой, чуток сожалел, что не он на Федоровом месте, но ничего не попишешь. Во время танца, который он получил с шутливой разрешения жениха, Лада сказала ему, что благодарна за тот невинный поцелуй, который разбудил в ней женщину. Сказала, что была абсолютно искренна, когда признавалась в своих чувствах и говорила о готовности к любому позору. Она засмеялась: как хорошо, что Родя оказался благородным человеком и не воспользовался девичьей слабостью. Еще она шепнула ему на ухо:

— Родя, сегодня, в самый торжественный момент брачной ночи, я вспомню тебя, мой гордый и благородный рыцарь.

Уже потом, в разговоре за столом, Лада рассказала, как у нее открылись глаза на тот мир, которым она жила, и глубокое разочарование потрясло ее. Именно в этот момент ее познакомили с Федором, она высказала ему несколько идей, но он остановился на школе. Лада с радостью согласилась, и вот к следующему учебному году школа примет первых своих воспитанников.

Приехав домой, Бывакин долго не мог успокоиться, странно, но свадьба усилила его тоску по Варе, он опять мучил себя упреками, что совершил такую ошибку. Как все исправить? Как все изменить? Он устал от одиночества. Один в целом свете. Он налил бокал коньяка, сделал пару глотков. Что-то не то он думает. Один. Да, он один, но и сын его в деревне тоже один. И Настена, его девочка, мать его дитя — тоже одна. Он привык не очень доверять собственным эмоциям, потому сел в кресло, отпил коньяка. И понял: сейчас или никогда. Или он сейчас едет и забирает Настю с сыном, или никогда больше о них не вспомнит, запретит и не вспомнит, он умеет это делать. Позвонил дежурному:

— Слушаю, шеф.

Родя приказал резко:

— Найди Ивана, срочно ко мне.

Федя в темпе спросил:

— Оружие?

Короткий ответ:

— Не надо. Быстро!

Через пятнадцать минут дежурный доложил, что Иван подъехал к парадному. Родион вышел, сел справа:

- Дорогу в Настину деревню знаешь?
- Ездил же по вашей просьбе, знаю.
- Жми! – приказал Родион.

Через полтора часа джип остановился у небольшого домика, в одном окне горел свет, понятно, тут обитают Настена с сыном. Родион вошел во двор, пес пару раз твякнул для порядка, но в доме и без того проснулись: машина невольно при развороте осветила окна. Над крыльцом вспыхнула лампочка:

- Кто там крещеный? Не ошибся адресом? – это отец Насти.
- Нет, не ошибся. Позовите Настю.
- Не можно. Она ребенка усыпляет, – и закрыл дверь.
- Хорошо, я подожду.

Ждать пришлось минут пять, Настя спросила взволнованным голосом:

- Кто там?
- Настя, это я, Родя.

Она выдернула засов, он шагнул в проем, хотел обнять ее, но Настя отступила и, пятясь, вошла в дом. Родион остановился у порога.

- Здравствуйте! – сказал он.
- Будь здрав, молодой человек. Настя, если к тебе, то проходите в горницу, беседуйте. Парень-то спит?
- Спит. Проходи.

В горнице сели за круглый стол.

– Настя, я приехал за тобой и за сыном. Я тебя умоляю быть моей женой. Если ты согласна, я пойду к родителям просить их благословения. Настенька!

– Ты хоть сына-то посмотри, – примирительно сказала она и потянула Родю в комнатку. Малыш спал в самодельной кровати, закинув ручки за голову. Роде наклонился над сыном, показалось, что он похож на него. Поднялся, Настена стояла рядом в цветном халатике на голое тело. Он нежно ее обнял, она впилась в его губы, как когда-то, и долго терзала. Откинула головку, осмотрела губы:

- Это тебе за все прогулы.
- К родителям выйдем? – осторожно спросил он.
- Надо. Еще как батя... – Настя с упреком посмотрела ему в глаза.

Вышли. Отец и мать стояли в кутнем углу, отдернули занавеску. Родион встал на колени, рядом опустилась Настя.

– Мы просим благословить нас, – едва выговорил Родион и заплакал. – Моя вина, что все получилось так нелепо. Помогите мне ее

исправить. Я люблю Настену, люблю нашего сына, у меня никого больше нет на этом свете. Благословите.

Отец поддернул кальсоны, толкнул локтем жену:

— Выскочи в передний угол, возьми Богородицу, да оботри хоть занавеской.

Поцеловав икону и поцеловавшись, жених и невеста встали. Отец шумнул:

— Мать, мой руки, да на стол сгоноши, по такому случаю...

— Не беспокойтесь, мама, одну минуточку... — Взял телефон: — Ваня, на заднем сиденье два пакета, забирай и в дом.

Стол накрыли быстро, в центре поставили тарелку с крупно нарезанным домашним калачом, выпили по рюмке коньяка, запоздало стали знакомиться: Василий Федорович и Мария Дмитриевна. Минут через пять Родион посмотрел на Настю:

— Собирай сына, мать, поедem домой.

Родителям обещали скоро приехать, оставили мобильный телефон, и Настя пометила, на какую кнопку нажимать, если будет звонок. Дома прошли наверх, в спальню вкатили кресло и уложили малыша. Настена пошла в душ, Родион любовался сыном.

— А он точно похож на меня, — сказал он вошедшей Насте.

— Не шевели, он до утра проспит. Утром налюбуйешься. А сейчас я хочу тебя обнимать и целовать, потому как имею право.

Утром первым проснулся малыш. Он встал в кресле, огляделся, увидел маму и позвал:

— Мама, а где мои вещи?

Настенька вскочила, схватила его на руки:

— Твои вещи... Это он горшок так зовет. Миленький, здесь у нас нет горшка, пойдem в туалет.

Родион ждал появления сына с опасением: а как он отнесется к незнакомому дяде? Знает ли, что у него есть отец? Да, ведь до сих пор никто не назвал его по имени? Как зовут сына? Двери открылись, трехлетний мальчик внимательно посмотрел на Родиона.

— Петя, это твой папа. Я тебе говорила, что он уехал далеко, но все равно за нами вернется. Пойдешь к папе?

— Пойду, — мальчик потопал к кровати, встал перед Родионом.

— Меня зовут Петя. А тебя?

— Родион. Но ты можешь называть меня папой.

— Хорошо, папа, — но мальчик был осторожен в эмоциях.

Родион с благодарностью посмотрел на Настю, та поняла без слов: ему приятно, что сын носит имя прадеда, это уж точно. Сказал, что внизу живет пожилая женщина, домохозяйка, надо ее предупредить и что-то приготовить ребенку. Он спустился, прошел на кухню, веселая Дарья Васильевна готовила завтрак.

— Ваш любимый бифштекс с кровью.

— Прекрасно. Но надо бы сварить кашку на молоке, у нас появился трехлетний ребенок.

Дарья Васильевна сняла очки:

— Час от часу... Откуда ребенок? Я слышала, что вы уходили и приходили. А, у нас гости!

— Да нет, дорогая, это мой сын и моя жена. Привыкайте к мысли, но прошу: ни слова о Варе, хотя и вы знаете немного. Договорились? Итак, мы спускаемся.

Женщины обнялись, Дарья Васильевна подняла Петьку на руки:

— Какой здоровяк! Простите, Настенька, но конституцией и личиком будет вылитый папа.

— Я рада, что вы это заметили, — улыбнулась мать.

Родион возмутился:

— Настя, я еще вчера об этом сказал, однако ты меня не похвалила.

Настя засмеялась:

— Родя, тогда нам не до этого было, правда?

Позавтракали все вместе, Родион повел жену и сына знакомиться с домом. Обошли комнаты в подвале, Петька заинтересовался тренажерами, потом бильярдом, на первом этаже стали выбирать комнаты. Настя хотела для себя рядом с кабинетом Роди.

— Ты не будешь против, милый?

— Буду, — он не мог сказать, что это была комната Варюши, но причину нашел: — Настенька, я часто работаю вечерами, говорю по телефону, ругаюсь. Это я буду тебе мешать. Давай выберем через одну, а рядом комната сына.

Настенька загрустила:

— У тебя есть от меня секреты? Родик, скажи все сразу, чтобы мне не из третьих уст узнавать. Мы расстались, ты жил в однушке, ничего не имел, потом говорил о больших перспективах, а кто ты сегодня? Я могу это знать?

Родион кивнул:

— Ты все узнаешь. По малолетке мне дали пять лет, ни за что, как говорят на зоне. Потом перевели в настоящую тюрьму. Вот тут я по-

знакомился с вором в законе, его звали Доктор. Когда я делал ремонт в однушке, я зарывал в бетон перекрытий сотни тысяч долларов. Он передал мне их на сохранение, но — так сложилось, Доктор вернулся из тюрьмы больным и вскоре умер. Деньги завещал мне. Я активно участвовал в приватизации, где законно, где не особенно, но с результатом. Сегодня владею мощной строительной компанией и еще двумя производствами, по металлу и пластмассам. Сейчас создаем колхоз на моей родине, я вас туда непременно свожу. Если тебе интересно, то губернатор назначил меня своим советником по предпринимательству. Я честный капиталист, я плачу налоги.

— Родя, ты убивал? — со страхом спросила Настя.

— Настя, хотя это сейчас не имеет никакого значения, мои руки чисты, на них нет крови. И закроем эту тему.

Настя обняла его и гладила по седеющей голове:

— Тебе много пришлось пережить. Ты привык к одиночеству, к абсолютной самостоятельности, а тут мы. Мы не станем лишними?

— Не думай об этом. Тебе надо учиться, время идет, сейчас есть все возможности.

Настя засмеялась:

— А я учусь, представь себе, на третьем курсе пединститута. Родители заставили, когда родила, поехала, сдала экзамены. Я ведь душой у тебя никогда не была.

— Да уж! — согласился Родион. — Настя, у меня два года работала молодая девушка из деревни, взял ее из кафе. Все было нормально, но несколько времени тому назад она отравилась. У нее был приятель, свидания в доме я не разрешал, но они общались. Милиция занималась этим делом, но криминала не нашли, мои ребята ее похоронили на родине. Тебе и об этом расскажут. Вчера мы женили моего лучшего друга, одного из лучших. Именно после свадьбы у меня созрело решение поехать и забрать вас. Теперь о нашей свадьбе. Я хочу, чтобы она была настоящей, с фатой, с регистрацией, с венчанием. А потом мы на недельку махнем к теплому морю. Ты согласна?

Настя смотрела на него испуганными глазами:

— Родя, я чего-то боюсь. У тебя такая темная жизнь, вдруг это вернется?

— Что, Настя? Что может вернуться? Все производства работают, все по-честному, рабочий класс доволен, это я сам вижу. Власть признает, помогает. Ты о чем?

Настя кивнула:

– Ладно, Родик, забудь. Что-то мне вдруг стало не по себе. Дарья Васильевна уйдет?

– Зачем? На ней весь дом, ты можешь заниматься своими делами, появятся подруги, к сессии надо готовиться, Петьку в садик оформлять. Пойдешь учиться на водителя, купим тебе маленькую машинку, чтобы с сыном в садик и в школу ездить. Так я не услышал по свадьбе. Ты против?

– Родя, я против фаты, этого нельзя делать. У меня сыну третий год. И я в фате. Нельзя.

– Настя, это твоё толкование. Сегодня все свадьбы так проводят, ты думаешь, все невесты девушки?

Настя покраснела:

– Мне на них плевать, а я прикидываться не умею. Это же наша свадьба, мы станем законными мужем и женой, кому какое дело, в фате я или в фартуке? Лишь бы ты меня любил.

Родион засмеялся и согласился. Раздался телефонный звонок, Родион бросился в кабинет и закрыл дверь.

– Родион Петрович, ты в городе? Надо срочно встретиться. Жду.

Родион быстро переоделся, Насте сказал, что позвонил директор департамента сельского хозяйства. На лифте поднялся на пятый этаж, карточкой открыл дверь в коридор, прошел в приемную. Помощник кивнул: ждет. Коломынцев был взбешен, метал свою громоздкую фигуру из одного угла в другой:

– Родион Петрович, я не уверен, может мой кабинет тоже прослушивается, хотя хрен с ними. Сегодня утром в кабинет губернатора вошли трое и вынули из его стола пачку помеченных долларов. Взятка! Кто дал – не говорят, потому что нет таких. Подложили, сволочи! Макар Устинович – честнейший человек!

– Они его взяли? – крикнул Родион.

– Да! Под телекамеры, это спектакль, кому-то не угодил там, – он ткнул пальцем в потолок, – и сразу в камеру. Что делать, Родя? Я уверен, что в администрации положиться не на кого, там все сейчас просят варианты, кто что может выиграть.

– Нужны толковые адвокаты. Дайте мне пять минут.

Он сделал несколько звонков, три очень авторитетных адвоката дали согласие немедленно подключиться к делу. Им встречу назначил в своем офисе. Коломынцев сказал, что ни один телефон Зенова не работает. Родион велел ему ехать в управление ФСБ и добиваться встречи или хотя бы передать заявления о назначении адвокатов, дал

фамилии: Рыхнев, Должанов и Михель. Адвокатам быстро изложил суть дела. Все трое сошлись во мнении, что это не очень умная подстава, но теперь важнее знать, кому это надо.

— Господа, у меня есть телефон Салагина, все-таки вице-премьер, вчерашний наш, должен хотя бы намекнуть, — Михель стал рыться в портфеле, извлек блокнот, телефон, набрал номер. Стали ждать ответа.

— Слушаю, — громкая связь, никакой радости земляк от звонка явно знакомого человека не испытал.

— Доброе утро, Семен Семенович. У нас плохие новости. Арестован Зенов.

— Я в курсе, но это не моя тема.

И гудки. Все переглянулись, стало неприятно тихо.

— Значит, с самого верха? — резюмировал адвокат Рыхнев. — Кому он там-то дорожку перебежал?

— Потом будем гадать. Едем в ФСБ, — скомандовал Должанов.

Родион довез их до конторы, сам остался в машине. Прислушался к разговору трех сотрудников на крыльце, покурить вышли.

— Грязная работа. Он настаивает на снятии пальчиков с пачки, не брал он ее в руки, — парень вел себя крайне рискованно.

— Ну и что? Ящик открыл, кинули. Теперь все так делают, даже менты.

— А почему не допрашивают сотрудников аппарата, кто входил в то утро в его кабинет? Есть же регистрация. Не хотят. — Молодой человек возмущался больше всех.

— А если вчера деньги положены? — возразил до сих пор молчавший, возможно, старший по званию.

— Говорят тебе, помечены, и дата сегодняшняя, — негодовал рискованый.

— Адвокаты приехали, ты видел? — поинтересовался неразговорчивый.

— Пустое. Их не пустят.

— Ты не глупи. Это же скандал! — опять возмущился молодой человек.

— Рядом с такой лажей с арестом губера прогнать адвокатов — это вообще пыль, — философски подвел итог старший.

Они погасили окурки и ушли. Вышли адвокаты, сели в машину:

— Неслыханно! Человек арестован, идут допросы, а адвокатов не допускают.

Родя спросил, могут ли они поднять шум через свои связи в Москве, чтобы до печати дошло. Вспомнил о местном телевизионщике, позвонил:

— Нас не пустят в эфир. Я свяжусь с московскими коллегами, и вам сообщу.

Через пять минут позвонил:

— Нужно чье-то авторитетное заявление, без этого на канал нечего и соваться, — сокрушенно заявил телевизионщик.

— Чье? ФСБшников? Они даже адвокатов к нему не допустили! — возмутился Родион.

— Во! А адвокаты могут выступить, не испугаются?

— Обожди. Господа, для московского телевидения вы можете сделать заявление?

Все трое обрадовались:

— Да с удовольствием! Такая реклама!

Бывакин крикнул в трубку:

— Пусть твои коллеги едут в мой офис, адрес знаешь, я везу туда адвокатов.

Телевизионщик крикнул вдогонку:

— Родион Петрович, москвичам нужен гонорар.

— Да не базар! — Бывалый и сам не заметил, как обстановка вернула ему полузабытый лексикон.

В кабинете руководителя «Командора» записали комментарии всех трех адвокатов, обещали через час смонтировать и передать в Москву. Действительно, через сорок минут передача канала оборвалась и взволнованная дикторша заявила:

— Только что получено экстренное сообщение: сотрудниками ФСБ арестован губернатор одной из сибирских областей за получение взятки. Никаких подробностей спецслужбы пока не дают, но вот что говорят адвокаты задержанного.

И далее пять минут четких и аргументированных комментариев адвокатов. В заключении диктор сказала, что канал будет держать ситуацию под контролем.

Позвонил телефон Родиона. Коломынцев чуть не плакал: Зенова освободили, он поехал в клинику отрегулировать давление и через полчаса просил приехать к нему. Бывакин отблагодарил каждого адвоката приличным гонораром и на всякий случай предупредил, чтобы никуда из города не исчезали. В кабинет Зенова прошел без представления, там уже был Коломынцев. Макар Устинович нажал кнопку:

— Ко мне никого не впускать.

— Здесь вице-губернатор и два заместителя.

— Я вас уволю! — Повернулся к гостям. — Ничего не могу понять,

что это за игра. Если провокация, то очень неподготовленная. Если это их уровень, тогда мы не можем спать спокойно, я буду говорить с директором ФСБ. Вам спасибо, мужики, но реакция потрясающе оперативная: говорят, еще сообщение не окончилось, а меня уже отпустили с извинениями, что вышла ошибка. Ошибка! Арест губернатора в рабочем кабинете под телекамеры — ошибка!?

— А может вас попугать решили, Макар Устинович? — Бывакин спокойно высказал свое мнение. — Возможно, вы что-то где-то тормознули, кому-то помешали, кого-то вообще убрали. Вся цепочка дернулась, отсюда такая реакция, скорая, но непродуманная.

Зенов внимательно слушал и что-то помечал в блокноте.

— Я проанализирую все свои последние крупные решения. А вас, Родион Петрович, попрошу... — он на отдельном листочке написал: «Надо проверить кабинет на предмет «жучков». Родион кивнул, поджог бумажку в пепельнице и вытряхнул в мусорную корзину.

Разошлись, но договорились перезваниваться. Мало ли, что они могут выкинуть.

Над рабочим столом, в телефонном аппарате и над столиком для неофициальных разговоров в углу кабинета ребята, которых хорошо знал Бывакин и которых попросил молча найти и снять, если найдут, «уши», все нашли и убрали. Ребят сам Зенов поздним вечером провел через служебный вход, Родион встретил и развез по домам.

— Как вам работа, парни? — спросил он.

— Чистая, профессиональная. За фирму не скажу, но если и ФСБ, то не стыдно. И «ушки» современные, я таких не видел.

В восемь утра на угловом столике в кабинете губернатора загудела столичная связь.

— Макар Наумович, доброе утро. Полковник Спиридонов, помощник первого заместителя директора ФСБ. Шеф через полчаса вылетает к вам, встречать не надо, он сам пригласит вас в управление.

«А вам-то что не спится, в столице шесть часов», — подумалось Зенову, но последнюю фразу он чуть не пропустил:

— Прошу прощения, господин полковник, в вашей конторе я уже бывал, передайте шефу, что я жду его в своем кабинете в любое удобное время.

— Я передам, но вы же понимаете, что так не принято.

— Ничего, полковник, переживет. Я ведь тоже в его контору не по собственной воле ходил.

Вот перед ним на листе бумаги восемь тем состоявшихся официальных разговоров, касающихся денег и закупок. Он еще раз внимательно их просмотрел и остановился на предложении московской фирмы взять на себя укладку тротуарной плитки по всему центру города. Зенов глянул в рабочий блокнот: от фирмы был некто Соловейко Иван Аронович. С финансовой стороны проект показался губернатору интересным, половину затрат закрывали федеральными средствами. С практической он не видел особой необходимости: да, плитка — это красиво, смотрится солидно, но что значит — на все лето перекопать центр города? Гостя отпустил, собрал специалистов, кратко изложил суть. Пока мужчины соображали, заместитель директора департамента ЖКХ Муравьева попросила слова:

— Макар Наумович, в плитке только мозаичная красота и никакой практичности. Я была на столичных тротуарах, плитка расшатывается, каблучки проваливаются и отламываются. Это плохой проект, не надо его принимать.

Поговорили еще минут десять и решили: обойдемся. Соловейко был шокирован решительным отказом:

— Вы упускаете важную составляющую проекта. Нас с вами меньше всего должны интересовать дамские каблучки, это их проблема. На кону тридцать миллионов долларов, третья часть — ваша. И прошу учесть, что над этим стоит столь важный человек, который ни точку вашей жизни, карьеры, точнее, — в руках держит. Любой другой губернатор с восторгом бы согласился, а вы куражитесь.

— Милостивый государь, вы предлагаете мне такую мерзость, глазом не моргнув. Не хочу знать ни тебя, ни твоего подленького покровителя, и катись ты со своей плиткой до самой Москвы. А я об этом непременно найду способ доложить президенту! Вон отсюда!

Соловейко вскочил, собрал бумаги и с горьким сожалением поглядел на Зенова:

— Я тоже доложу, кому следует. И вы еще пожалеете, что так со мной обошлись!

— Иди, иди, пока я не помог двери найти. Жулики, уже по стране поехали со своими проектами!..

Губернатор остановился на этом варианте, да иных и не было. Впрочем, замдиректора ФСБ тоже так просто не полетит в такую даль. Что-то тут не так, а что — скоро выяснится.

В одиннадцать позвонил заместитель начальника местного УФСБ и попросил встретить гостя у служебного входа. Зенов спустился вниз,

в открытые ворота въехала тонированная машина местных разведчиков, молодежавый полковник выскочил и открыл заднюю дверь. Вышел человек в штатском, легко узнаваемый по телесъемкам, прошел навстречу хозяину и подал руку. Молча пошли на третий этаж административного здания.

— Раньше обком был? — спросил гость.

— Да. Отобрали и спасибо не сказали, — даже со злостью ответил Зенов.

— Красивая архитектура, теперь так не строят, — генерал остановился, разглядывая карнизную лепнину.

— Вот и думаю передать здание под областную библиотеку, а себе сложим из панелей карточный домик, — вполне серьезно сказал губернатор.

Гость засмеялся:

— Не думаю, что вам разрешат. Управление делами вмешается.

Зенов махнул рукой:

— А им какое дело, товарищ генерал? В столицу его не перетащить, а тут мы хозяева.

Вошли в кабинет, от чая и кофе гость отказался, предложил сразу приступить к делу. Он доложил, что сразу после звонка Зенова дал команду найти заказчика столь гнусного преступления. Выяснилось, что начальник хозяйственного управления службы генерал Михальков и начальник областного УФСБ в очень добрых отношениях. Михалькова кто-то из очень близких людей попросил надавить на губернатора, якобы, имеется серьезный компрометирующий материал. Начальник УФСБ генерал Хлыстунов согласился без дополнительных аргументов, и была запущена известная вам схема.

— Некто Соловейко в ваших расследованиях не фигурирует?

— Пока нет. Я попрошу подробно изложить ваши версии. Но прежде всего, Макар Устинович, приношу свои извинения за неправомерные действия моих подчиненных. Заверяю, что все понесут наказание. По Хлыстунову приказ я привез, он освобожден от должности и выведен из штата службы. Михальков под домашним арестом, им и его связями занимаются ребята из службы собственной безопасности. Парадокс: в Федеральной Службе Безопасности имеем свою службу безопасности. Мне доложили, что вы прогнали всю свою охрану?

Зенов возмущенно ответил:

— Сразу, как прибежал из каталажки, всех выпер! А нахрена мне такая охрана, при которой можно положить в стол губернатора все, что угодно?

Гость улыбнулся:

— Признаться, мне по душе ваша горячность, но ваша безопасность возложена на нашу службу.

Зенов улыбнулся:

— Скажите, генерал, это мода такая или престижа добавляет? Каждый прыщ имеет охрану. Меня это всегда возмущало. Я работал комбайнером до армии, и вот поздно ночью молотим, подходит «бобик», вышел человек, махнул рукой. Я остановился, спрыгнул с мостика, а он руку жмет и спрашивает: «Сильно устал?». А я ему: «Ну, если подменишь, могу и отдохнуть». «Да нет, — отвечает, — я за столь серьезное дело не возьмусь». И тут подлетают и наш директор, и райкомовская машина, оказывается, первый секретарь обкома приехал, в уборку они область объезжали. Первый на меня показал: «Остановите комбайн, парень вымотался за день». И заметьте: ни милиции, ни охраны, темной ночью идет и жмет руку рабочему классу. А почему не боялся? Потому что плохого ничего людям не делал, только добро. А мы пистолетами и мордоротами от народа отгородились.

Генерал комментировать не стал, только кивнул:

— Мне докладывали, что вы в область выезжаете с водителем и помощником.

— И правильно делаю. А сосед мой кортежем, даже диетсестру возит. Может, генерал, сестричка-то в поезде поважней охраны будет?

Посмеялись, душой чуток отошли.

— Макар Устинович, по дежурившим в то утро мы проводим расследование, все причастные к инциденту будут уволены. Но набирать будем из своих, других нет.

— Да я не против. Только один вопрос, товарищ генерал: мне какой провокации в следующий раз ждать? Или мне надо было, как только вошли эти трое, достать «Макара» и ухлопать их на месте? Вы напрасно сужаете тему, только вчера в кабинете снято четыре прослушивающих устройства, в том числе в телефоне, по которому я говорю с президентом. Это что, тотальная слежка? Или я один такой подозрительный, извините, с тремя яйцами?

— Незаконная прослушка — дополнительный аргумент для предъявления Хлыстунову. Тут, Макар Устинович, попахивает криминалом, если выйдем на Соловейчика, круг замкнется, — генерал закрыл папку.

— Нет, товарищ генерал, он только расширится, — остановил его Зенов. — Соловейчик пугал меня земными и небесными карами и

вспоминал большого начальника, который стоит над его бизнесом с тротуарной плиткой. Вроде, стоит тому только дернуть за веревочку, и меня нет, как губернатора.

Генерал молчал, потом попросил коньяку и достал сигарету. Долго курил, стоя у открытого окна. Круто развернулся на каблуках, посмотрел на Зенова:

— Не комментирую, но данные есть. Соловейчика возьмем, если все подтвердится, видимо, в регионах, где они уже укатали эту пресловутую плитку, придется поработать, не все же вот так резко отказывали визитерам. Работы много, по возможности, буду держать вас в курсе.

— Последний вопрос, генерал. Мне докладывать президенту об аресте?

— Ваше право, только он знает. Думаю, выразит вам свое сочувствие и уверенность, что враг будет изобличен. — Генерал широко улыбнулся.

Сырая, дождливая осень не мешала Горлову вести все работы. Беларусь с вилами укладывал тюки соломы и сена, привезенные из соседних хозяйств. Он несколько раз за день заходил в помещение, где стояли нетели, хозяйским взглядом проверял кормушки, нажимал на клапана автопоилок, пробовал на вкус воду. Женщины умолкали и отходили в сторонку, слишком суровым казался председатель, только Катерина словно ждала его появления, сразу возникали вопросы:

— Владимир Гаврилович, точно, что к весне приплод получим? — на полном серьезе спрашивала она.

— Получим. Все стельные, врач смотрел, вы же знаете, — отвечал немногословный Горлов.

Катерина не сдавалась:

— Владимир Гаврилович, вон с того края одна такая тоскливая, не ест и не пьет.

— Что же вы молчите? Может, она заболела? Покажите.

Они вместе шли в дальний угол базы, и когда Горлов не находил никаких признаков болезни, Катерина вздыхала:

— Владимир Гаврилович, а может, она по любимому бычку сохнет? Бывает такое у скотины? Думаю, если она к родам приспособлена, значит, и чувства должны быть. Как вы на это смотрите?

Горлов посмотрел на Катерину:

— Замуж вам надо выходить, Катерина Ивановна, а вы мне сказки рассказываете.

Катерина даже обрадовалась такому предложению мужчины:

— А я о чем? Какой вы догадливый, Владимир Гаврилович! До вашего появления жила я себе спокойно, мужиков свободных нет, рассчитывать не на что, и тут вы появились. Да я как узнала, что вы на половину холостой — ночами спать не могу. Бросьте вы этих стариков, переходите ко мне. Баба я нормальная, дурного только лютые враги могут наблаговостить. Правда, переходите, как вас увижу — сердце выпрыгиват. А надумаете жену привести — я уступлю, попользовалась, сколь можно, и на том спасибо.

Горлов стушевался, но взял себя в руки, видя, что женщина не шутит, вон даже голосок приглушила.

— Я на развод подал, Катерина Ивановна, жду суда. А вас я тоже приметил, только я на десяток вас постарше, не смущает? — спросил он.

Катерина быстро ответила:

— У нас в деревне говорят, что она, любовь-то, ровесников не ищет. Сегодня ночевать ко мне, а вещи ваши завтра попрошу Семку перевезти.

Вечером после доклада Горлов спросил генерального:

— Родион Петрович, можно личный вопрос?

— Валяйте.

— Я перехожу жить к Екатерине Ивановне. Как вы, не против? — Горлов напрягся.

Генеральный к вопросу отнесся серьезно:

— Владимир Гаврилович, это ваше право. Если все пойдет нормально, то и свадьбу можно сыграть. Желаю счастья. Катерине поклон, мы с ней в детстве по заборам лазали.

Под самый снег закончили пахать поля. Зябь получилась — не по сердцу председателю, позвал мужиков, поехали на последнее поле.

— Что скажете? — он широким жестом обвел исковерканную землю.

— Да, ломти солидные, — Семен Бородин прошелся по полосе. — Весной, если дождей не будет, ничем не разбить, и так сеять нельзя.

— В посевном комплексе тоже предусмотрено, вроде культиватор и диски, — вспомнил Веня Брезгин.

— А если он не пойдет по нашей пашне? — обозлился Семен.

Ходят, пинают комки земли, курят и приматериваются. Веня остановился перед Горловым:

— Как хошь, Гаврилович, а весной неплохо бы дисками пройти поперек пахоты. А коли дисков нет, придется хоть выборочно, но комплексом покататься. Дороговато, едри ее мать, но земля дороже.

Развез мужиков и увидел джип Бывакина.

— Владимир Гаврилович, у меня в машине агроном, вы с ним знакомы. Садитесь к нам.

Горлов открыл дверцу и засмеялся:

— Жив, курилка! Ну, здравствуй, Виктор Николаевич!

Сидевший в машине горячо пожал руку, подвинулся, уступил место:

— Здравствуй, Владимир Гаврилович. С новой должностью тебя!

— А ты при старой? Не гонят? — шутливо спросил Горлов.

— Гонят Никонова по всем статьям, а Сибирское отделение Академии не отдает, говорят, пусть работает, пока может.

— Так тебе годков-то... — намекнул Горлов.

— В посевную будет семьдесят пять, — гордо ответил Никонов.

О Никонове Родиону рассказал Коломынцеv. Полвека назад он бросил аспирантуру, глаза отказали, врачи посоветовали воздержаться от защиты почти готовой диссертации и отдохнуть на свежем деревенском воздухе. Так он попал в опытно-производственное хозяйство с собственным огромным опытным участком, сначала главным агрономом, потом назначили директором. При реформировании он один из всех директоров ОПХ области не дал акционировать производство, хотя желающих было с избытком, сам первый губернатор приезжал, увещевал, называл ретроградом, а в конце в открытую: «Я оплачиваю акции и половину отдаю тебе, чем плохо?». Не согласился. Слетел бы с катушек, да губернатора перевели в столицу. Так и работает, как госпредприятие, сам на окладе, работники с урожая и молока. Станция новые сорта выводит, трудно в последние годы, но окрепшие хозяйства берутся за размножение, получается неплохо

— Так вы, можно сказать, в более выгодном положении, чем частник? Государство своих не обидит, — заметил Родион Петрович.

— Ну, молодой человек, смотря о каком государстве речь. Вот пришли аналитические материалы за девять месяцев, рядом со мной молочная фирма, коров завозили из Голландии, это не корова, а фабрика по производству молока. Стоят по сорок тысяч долларов за штуку. Условия содержания должны быть идеальными, кормить только с ложечки, не то что замахнуться кнутом — материться при них запрещено. Доят по восемь тонн в год. О себестоимости молчу, ее никто не считает, потому что бюджет покрывает все убытки. Вот анализ, он частник, ему полмиллиарда дает родина на поддержку штанов, я госпредприятие, у меня нет убытков, есть скромная прибыль — мне ни рубля. Я дою пять с половиной тонн от коровы, могу больше, но се-

бестоимость полезет. У меня черно-пестрые коровы, я летом пасу, а сосед с ложечки. Та корова траву щипать не умеет.

— Владимир Гаврилович, мне подсказали обратиться к Виктору Николаевичу, чтобы он нам посоветовал, как быть с нашими полями? Проедем?

Поехали. С берез срывались вороны и с криком уносились в сторону, пугливые зайцы, прижав уши, скрывались с глаз долой, озера потемнели и ждали льда.

На кромке поля все вышли, Никонов осмотрел работу комплекса.

— Без обид, мужики, но если бы вы вспахали плужком безответственным, как учил великий земледелец Терентий Семенович Мальцев, да продисковали в двух направлениях, да приборонили — тогда была бы пашня. А сейчас полуфабрикат. И весной вам не успеть все изменить, посмотрим, может, помогу парой дисков, у меня есть. Но славно уж то, что сшевелили землю, она проснется весной от удивления. Доброе дело, Родион Петрович, доброе. Знаю, что нетелей взял, это вообще здорово. Деревня без коровы — как ограда без петуха. А потом имейте в виду, корова во все времена спасала людей. В войну моя мама зимой в избу заводила корову, потому что морозы были жуткие, воробы на лету замерзали и падали. Говорят, в Индии корову считают священным животным, она по столице ходит, а за ней служка с совочком, лепешки собирает. Не знаю, откуда у них это почтение, а вот наш народ должен бы памятник корове поставить, это точно. Но народ решает, к сожалению. А то лепят всякую хрень, в прошлый раз внук позвал к телевизору: на выставке стоит унитаз, ленточкой обвязан, сбоку бантик. Говорят, современное искусство. Ладно, тюков десять сена тебе отправлю, да камаз дробленки. Только нетелей шибко не закармливай, это уже к растелу. Ладно, ребята, везите домой, а то старуха заждалась.

Родя каждое утро просыпался от того, что Петька забирался на кровать, садился верхом еще дремлющему отцу на живот и начинал скакать, подхлестывая, видно, не очень ретивого жеребца воображаемым кнутом. Настя уже была на кухне, колдовали вместе с Дарьей Васильевной, к подъему мужиков на столе стояло несколько тарелок с вкусными и аппетитными кушаньями.

— Настя, ты мне говори, из чего приготовлено, я не все узнаю, а это порой неприятно, — просил ее Родион. — И на сладкое не нажимай, ты уже пошла в ширину, но это не самое главное. Ты мне парня

не порти, он уже фигурой на девочку похож. Я вот его в спортшколу определю, пусть развивается.

Сбрякал один их трех телефонов, судя по тому, что Родя сразу встал и ушел в кабинет, звонок серьезный.

— Родион Петрович, Коломынцев. Час от часу не легче, только что позвонил шеф, его срочно вызывают в столицу. — Иван Михайлович тяжело дышал.

— Он президенту звонил или нет после того случая? — Родю начала бить мелкая дрожь.

— Нет, не звонил. Сказал, что у президента и без него проблем хватает, — буркнул Коломынцев.

Бывакин сказал, как бы для себя:

— Это еще надо было посмотреть. А кто приглашает, это обычно сообщают при вызове? — Родя все искал зацепку.

— Макар Устинович сказал, что вроде заместитель главы администрации, — успокоил его Коломынцев.

Бывакин кивнул:

— Вот это и пугает. Я читал у какого-то писателя точное наблюдение: мелкая блоха большой кусает. Видно, на себе испытал, я с ним по поводу блох согласен. Кто с ним полетел?

— Новый начальник охраны и помощник, как всегда.

— Теперь он уже где-то над Кремлем. Обещал держать в курсе и не беспокоить? — поинтересовался Родион.

— Обещал сразу же позвонить.

Бывакин сказал спокойно:

— Тогда нам остается только ждать. Иван Михайлович, я на месте, прошу, сразу мне. Я буду ждать.

Работа валилась из рук, хотел поехать на завод и посмотреть, как налаживается производство панельных домиков, там пришлось столько нового вносить для утепления и надежности крепежа, что ДСКовские чертежи перекроили не один раз. Не поехал, в таком состоянии не гоже появляться на людях. Позвонил бригадир Лунев из цеха стеновых панелей, попросил принять.

— Времени пока нет, суть можете сказать?

— Суть, Родион Петрович, в том, что рабочий класс хотел бы объединиться в профсоюз, — очень серьезно сказал Лунев.

— А я здесь при чем? — удивился генеральный. — Объединяйтесь хоть в профсоюз, хоть в партию Жириновского, он сейчас на моде.

— Все равно, Родион Петрович, с вами надо согласовать. Профсо-

юз будет выдвигать администрации свои условия, — настаивал Лунев.

Родя опять согласился:

— Пусть выдвигает, разумные условия — обсудим и примем, бестолковые — откажем. Решайте, Лунев, я в ближайшие дни едва ли смогу с вами встретиться. Но телефон ваш у меня высветился, как только окно появится, я вам позвоню.

Подозрительно долго нет звонка от Коломынцева, следовательно, и из столицы. Почему он так волнуется? Доктор все время учил: «У вора должна быть сильная интуиция. Вот ты наметил дело, все вроде срастается, а на сердце беспокойно. Прислушайся к себе, если душа шепчет, намекает, дает маленький сигнальчик: то сердце екнет, то кровь стуканет в висок... Лучше воздержись. Родя, не нами проверено, годами царских ссылок и советских тюрем оплачен этот опыт». Вот сегодня взбесилась интуиция: нет ему покоя, не все ладно у Зенова, но почему он молчит?

В два часа Коломынцев попросил его срочно подъехать. Не в правилах Бывалого задавать вопросы, кивнул и в машину. Коломынцев был один, велел плотно закрыть все три двери.

— Позвонил. Суть вот такая. Какой-то щегол, заместитель главы администрации, предложил новое назначение. И знаешь, куда? В Дальневосточный федеральный округ пятым помощником полпреда. Полпредства, честно говоря, вообще структура киношная, ни денег, ни товару, одни совещания и презентации. Бывал я у своих, посмотрелся. Шеф категорически отказался. И тогда тот жук ему говорит, мол, поезжайте на место, в ближайшее время судьба ваша будет решена.

— И что шеф? — не вытерпел Родион.

— Представь себе, позвонил президенту и попросил пять минут для разговора. И президент назначил на тринадцать, значит, у нас три. Вот сейчас он, Христовый, идет по ковровым дорожкам к президентскому кабинету, — както страдальчески, чисто по-русски прокомментировал Иван Михайлович.

Бывакин подумал: «Лишь бы сам шел, а не веди под белы ручки!».

Решили ждать в кабинете. Коломынцев открыл коньяк, порезал лимон. Выпили, помолчали. Налил еще по одной. Родион отпил пару глотков и поставил, накрыл салфеткой: «Все!». Включили радио, телевизор — ни одного слова.

Однажды Родион заметил Коломынцева:

— Водитель у вас в годах, а сейчас скорости и беспредел на дорогах. Не опасаетесь?

Иван Михайлович пожал плечами:

— Да хрен его знает, Родион, где поскользнёшься? Мы с Митричем столько лет вместе, я его на комплекс из райкома переманил. Влип он там в ситуацию с первым секретарем обкома. Приехал тот в район, свою машину поставил, поехали на районной. Тогда только узики поступили. Сам впереди, первый с председателем райисполкома сзади. Дождь прошел, сев остановили, настроение ноль. Обкомовский дает команду, Митрич останавливается, глушит машину. Все идут смотреть пашню. Пройдутся взад-вперед, к машине, начинают сапоги чистить по траве. Садятся, Митрич заводит мотор, и поехал. Раз, два вот так, на третий раз большой начальник не выдержал:

— Дмитрий Дмитриевич, а первого секретаря обкома так не возят.

Митрич рассказывает, что заметил шутовское настроение шефа и спрашивает?

— А как возят первого секретаря?

— А вот слушай. Я подхожу к машине — ты уже двигатель завел. Я дверцу открываю — у тебя нога на муфте и скорость включена. Я только на сиденье — ты поехал. Понял?

— Так точно, понял, товарищ секретарь обкома!

Ну и сотворил. Они еще сапоги очищают, он уже мотор завел, первый за ручку взялся — Митрич скорость включил, он только сапог на подножку — Митрич муфту отпустил, первый сесть не успел, развернуло его и в сторону отбросило. Митрич говорит, что в тот момент с жизнью попрощался. Первый встал, районные выскочили, давай помогать ему плащ оттирать. Все молчат. И в машину молча сели. Долго ехали, вдруг первый хлопнул Митрича по плечу и с матерком крикнул:

— И так не возят, Дмитрий Дмитриевич!

Начальника проводили, Митрич видит, что свой шибко недоволен, косится, принес заявление, а я в это время коридором иду. Вижу, что смурной человек, а знакомы хорошо. Спросил. Он рассказал все уже во дворе. Я и предложил, с тех пор вместе.

Родион улыбнулся:

— Шаловливый был партийный босс!

Иван Михайлович поддержал:

— Он любил выкидывать номера. Мне наш первый рассказывал, Реутов. Приехал босс в район, идет уборка, погода отличная, хлеба замечательные, настроение, естественно, приподнятое. День прокатились по району, шеф сказал, что заночует, а завтра переедет к соседям. Понятно, хозяину надо позаботиться об ужине. Позвонил в рай-

ком, чтобы нашли Колмакова, председателя колхоза, и заказали хороший ужин на четверых: босс, водитель, сам первый и председатель, конечно. Приехали вечером, прошли в столовую, все чистенько, стол накрыт, женщины теплой воды налили в умывальник, каждому подают свежие полотенца. Босс подходит к столу, а в это время женщины ставят на стол четыре жаровни с жареными ососками, месячными поросятами. Босс руки вытирает и выговаривает Колмакову:

— Вот как это понимать, товарищ Колмаков? Район план выходного поголовья свиней не выполняет, а ты четыре головы загубил. Разве это по-хозяйски?

Колмаков понимает, что шутейный идет разговор, ну и тоже решил отличиться:

— Да, что их жалеть, товарищ секретарь обкома, поросята-то ренитные, ы-ы-Гузельды! — и сам морду скривил, как сводит ее у ренитных поросят. Босс свое полотенце ему на плечо бросил, водителю кивнул и в двери. Реутов так и остался на крыльце, гость укатил на своей «волге». Реутов в «уазик», Колмаков выскочил:

— Александр Иванович, а ужин-то куда?

— Жри сам своих ренитных поросят, идиот!

Ничего, обошлось, босс ни разу об этом случае не вспомнил и никому не рассказал. Да, брат, такие были времена и люди...

...Через час раздался звонок:

— Иван Михайлович, ты там один? — взволнованный голос Зенова.

— Бывакин у меня, Родион, вы его знаете.

— Включи громкую связь для него. Только что от президента. Он удивлен нашими делами. И возмущен. Вызвал директора ФСБ, я и ему все рассказал, тот признался, что впервые слышит. Но самое главное — по новому назначению. Президент вообще не в курсе! Позвонил главе администрации, сделал внушение и поручил провести служебное расследование, кто это так вольно командует президентскими кадрами. Расспросил о положении в области, обещал финансовую поддержку строительству жилья на селе и развитию животноводства. Так что все нормально, через час вылетаем домой. До встречи.

Коломынцев тяжело откинулся в кресле:

— Слава Богу, хоть в храм поезжай да свечу ставь. Макара-то вроде в святых нету, так хоть моему Иоанну Крестителю. А ты что такой смурной, Родион? Все закончилось, к всеобщей радости.

Бывалый усмехнулся:

— До чего ты наивный человек, да и губернатор наш такой же. У

воров есть такое наблюдение: проще всего обмануть честного человека, он честный, сам не обманет, и думают, что остальные так же. Ну, подумайте вы сами, кто из клерков в администрации самоубийца? Да нет там таких, там ребята отточенные, они даже пукают в одно и то же время. Никто из них без отмашки сверху даже комара на лбу не прихлопнет. А тут — губернатор, да не тульско-орловского разлива, а регион — дай бог всем. Значит, надо убрать Зенова с области, вот и запустили дурочку. Будь он пожиже — согласился, и сейчас бы летел уже над нами на Дальний Восток. Плохо они свои кадры знают, не думали, что Зенов может рвануть к самому, тем более, ему, видимо, было открытым текстом сказано, что это предложение Президента. Да, показали бы эту встречу по телевизору, сразу можно было бы по глазам определить, как он выкручивался.

Коломынцев растерялся:

— Кто выкручивался? Зенов?

— Нет. Другой, — уточнил Родион.

— Ты не веришь, что все закончено, и вопрос закрыт? — удивился

Коломынцев.

— Я поехал. Передавай шефу поклон. — Бывакин ушел, плотно притворив за собой двери.

Он, ничего не понимающий в политических играх, хорошо знал законы стаи, по которым жил полтора десятка лет. Если принималось решение, что кто-то должен стаю покинуть, это делалось иногда в открытом собрании, а чаще подленько, исподтишка, где-нибудь на пустыре или на трассе своими же молодыми отморозками, потому что киллер в таких случаях — недопустимая роскошь. Свою черную метку Зенов получил, и не факт, что президент его принял и даже поучаствовал в разруливании ситуации. Ему как-то за обедом рассказывал Зенов, как это делалось в партийные времена. Исполнилось секретарю обкома шестьдесят, ему звонит заведующий орготделом ЦК, поздравляет с юбилеем и говорит, что его заявление об отставке рассмотрено и удовлетворено. Он же уверен, что юбиляр знает порядок и вопросов задавать не будет, хотя никакого заявления не писал. Какой вариант будет использован с Зеновым, Родя не знал, но был уверен, что долго при должности тот не продержится.

Посевной комплекс и кировец со сцепом сеялок работали на соседних полях, по обе стороны от дороги. Генеральный подъехал, прошел к трем березкам, веселеньким, зазеленевшим, присел на бугорке. Как-

то раньше жил беззаботно, удалась сделка — хорошо, пролетел — не велика беда, не вышло сегодня — получится завтра. А со временем все изменилось. Наверное, изменился он сам, его натура. Сейчас он пытался вспомнить себя во время откровенно бандитских налетов и не совсем честного дележа. Сам ужаснулся: оказывается, был жестоким, одновременно лишал человека собственности, и ни стоны, ни просьбы, ни тем более угрозы уже не имели для него никакого значения.

Он прилег на сухую землю, чуть подернутую щетинкой зелени. Какие-то паучки суетились, волокли былинки, пушинки, порой мошек и комаров. Все живое борется за жизнь, как умеет. Вот этот комар хотел жить, но попал в сеть и стал пищей. Люди ничего нового не придумали, только у них сети покрепче и аппетиты покруче. Паук перекусит и отдохнет, человек будет ловить до тех пор, пока хватит сил или другой, более сильный, не отберет у него сеть.

Ему ни перед кем не надо держать отчет. Тогда почему все чаще приходят эти мысли о жизни. Вспоминаются ребята, которых потерял, Доктор, который покоится на местном кладбище, и Родион всех удивил, поставив ему, как и положено, памятник из уральского камня с портретом красивого мужчины, каким Доктор в жизни никогда не был. Время от времени вспоминал про тех, кого пришлось потеснить: такова жизнь, если не он, то его. Как-то он подумал, а оправдание ли это, но зажал ненужную мысль и больше она не появлялась.

Хорошо думалось здесь, дома, где знакомы все дорожки в лес и на луга, почти в каждом месте он знал когда-то глубину омутов и проток, на той ляге, сняв штаны и подняв рубаху, ходил от кочки к кочке, собирая в подол утиные яйца, приносил домой, и мама добавляла их в жареную картошку или подбивала суп. В лесу собирали ягоды, голубянку, мать раскладывала их на капустные листья и гнала Родьку на крышу, положить их на солнечную сторону. Грузди приносил и замачивал в кадushке, мать успевала ночью перемыть и залить вежей водой. Потом мать доставала небольшой бочонок, ошпаривала его кипятком, солила грузди, придавив большим камнем, который неизвестно как появился в наших местах. Улыбнулся, вспомнив, как вся деревня боялась ходить в лес, прошел слух, что из городской тюрьмы сбежали зеки, и все боялись беглых.

Вспомнился утренний разговор с Горловым, который обстоятельно доложил, что почти все нетели растелились и колхоз уже начал сдавать молоко. По закупочным ценам он просил генерального поговорить с директором молокозавода, Родион пообещал. Перера-

ботчики держат цены, договариваются, не уступают. Молоко — не мешок пшеницы: сегодня не сбыл — завтра купят. На разговоры не поехал, позвонил, представился, спросил про условия. Молоканщик стал говорить о жирности, о кислотности, о чистоте, Бывакин перебил:

— Это все по ходу будет решаться, ты моих доярочек не обижай. К осени я еще сотню голов привезу, а через три года залью тебя молоком. Так что думай, с кем дело имеешь. Вы все еще по старой привычке: хапнуть, пока есть возможность. Надо о завтрашнем дне думать. И не драть с мужиков шкуру, ее и так поделить не могут любимое правительство с бандитскими госкомпаниями. Ну, будь здоров, приезжай в гости, только заранее предупреди, я половину недели в городе.

Повернулся на солнышке, глаза слепит, всякие радужные картинки рисует. В детстве он любил смотреть на солнце через закрытые веки. Чуть приотпустишь — заиграли звездочки, закрутились, как в трубе, которую Лидке отец с производства привез. Прислонишь ее к глазу и вращаешь медленно, а там драгоценные камешки во всякие узоры выстраиваются. Родя ходил к Лидке трубу крутить, пока не увидел у нее под кофточкой два бугорочка, трубу положил и бугорочки руками погладил. Лидка ничего, а батя увидал, ремнем ожег и крикнул: «Чтобы ноги твоей в моей избе не было, курошуп хренов!».

Вот опять мелькнула мысль: зачем живет человек на свете? В муках рождается, потом всю жизнь мучается, не все, понятно, но народишко-то белого света не видит. Мать в колхозе с темна до темна, Лидкин отец приехал из города, на заводе работал, с полгода покашлял и сгинул. Ребята, герои приватизации по-русски: кто успел, а кто не успел — извини. Сегодня в шоколаде: тачка, девочки, ночные клубы, а завтра на руках вперед ногами несет братва до самого кладбища, в знак уважения, и требуется, что все, кто повязан, при сем присутствовали. Он вдруг подумал: как правильно я устроил все с Настей! Теперь семья, на прошлой неделе съездили в загс, сына переписал на свою фамилию и отчество свое дал. Потом в церковь, венчание, это уже она настояла.

Родя в церковь заходил, у старых икон стоял, говорил с Богом, как со старшим, ну, к примеру, смотрящим, все ему докладывал, где превысил, что человеку позволено, велел чужую жизнь взять, но и убеждал, что человек тот ничего путного в жизни сделать не мог, потому что подлец. И говорил Богу, что ты сам убедишься, когда он к тебе придет на разборки. Все говорил, только просить ни о чем не смел. Никогда никого не просил. Бывало, голодал, когда мать лежала в го-

рячке и на работу не ходила. Матери картошки сварит, сухари у него в мешочке сохранялись на полатях, положит их в блюдо и теплым молоком зальет. Мать, бывало, спросит: «Родя, а ты сам-то поел?». «Поел, мама» — и на улицу, в школу. Пальтишко его в раздевалке в кучке лежало, вечно вешалку отрывали, схватил, надернул — а что в кармане? Хлеб в бумажке, свежий, живым пахнет. Быстро проглотил, даже не заметил. А потом бумажку разглядел, точно, Лидкины каракули. На другой день остановил ее перед школой: «Ты зачем мне хлеб в карман подложила?». «Чтобы поел, знаю, что голодный». «А тебе-то что до того?». «Ничё. Я к тебе домой буду приходить. Будем целоваться учиться. Мы с девчонками пробовали, только с тобой интересней. Ты и груди мои погладишь». Все лето потом встречались каждый вечер, на пруд уходили, раздевались догола и купались в теплой, как шелок, воде. Трогали друг дружку до дрожи, и Родя удивлялся, что у девчонок совсем все по-другому. Может, это и была его первая любовь? Родю осенью увезли в колонию. А после Троицы мать написала, что Лида утонула в пруду. Сейчас Родиону вдруг показалось, что Лида не утонула, она хорошо плавала. Не утонула, а утопилась, тосковала по нему и утопилась в том месте, где они голенькими купались. Страхнул грустные воспоминания, отметил себе, что надо найти могилку Лиды и памятник ей поставить.

В деревне ему легко, люди приняли как спасителя, порой даже неловко, приходится одергивать. Пришлось подкупить технику, и тоже заграничный кормозаготовительный комплекс. Родиона разрывало от негодования, даже кормораздатчик сами не смогли сделать, купили за границей, но на бортах написали по-русски «Иван». Как в насмешку, как издевательство. Ферма запущена, договорился с омичами, согласились смонтировать еще одну и соединить два помещения теплым переходом. Долго ребята не соглашались на рассрочку расчетов, потом приехали с договором. Родион открыл штемпельную подушку, провел по ней указательным пальцем и придавил к бумаге. На недоуменный взгляд молодого менеджера сказал, что это его палец, если он нарушит договор, ребята могут взять с колхоза все, что захотят. Потом, улыбнувшись, отправил к бухгалтеру, печать у него.

Никонов слово сдержал, ранней весной пригнал два кировца, поработали они хорошо, пашню выровняли. А потом камазами завозил семенной материал, лучшие сорта, первая репродукция. Сразу сказал, что расчет по урожаю, сейчас и так траты предстоят большие.

А траты такие, что у генерального голова шла кругом. В марте,

наконец, запустили производство панельных домиков, завезли восемь комплектов, собрали. Всё приедем, с помощью Коломынцева заманил толкового агронома, зоотехника с опытом работы, женщину-ветеринара аж из Новгорода. Спросил, что заставило податься в Сибирь, коротко ответила, что семейные обстоятельства. А у самой синяк под глазом еще не прошел. Двое детей, мальчик и девочка, школьники. Специалисты сразу пошли с предложениями и даже требованиями: надо то, надо это. Приходили вместе с Горловым, тот прямо говорил: вот эту заявку надо подписывать, а с этой можно повременить, пока обходимся более простыми решениями.

Пришла Зина Бородина, Родион посадил за стол, налил свежего чая. Зина похорошела, посвежела, видно, новая работа заведующей складом бодрила.

— Родион Петрович, людей на производстве не хватает, брать кого попало — себе вредить. А сколько путных женщин дома сидят, потому что ребятишек пристроить некуда. И рады бы копейку заработать, да не выскочишь.

Родион возмутился:

— Ты что, предлагаешь мне детский сад открыть?

— А почему бы и нет? — парировала Зина. — Вот тебе список женщин, хоть сегодня на работу. А сенокос начнется? Ты думаешь, «итальянец» тебе сена накосит? Для скота накосит, а телятишки, Родя? Ты вспомни, как мы тележками возили лесное разнотравье для будущего теленка. Забыл? Все кусты обкашивали, все полянки. А сено-то было — куда твоему чаю, хоть и спасибо за угощение. Разве в деревне могут быть люди лишними? Да никогда! Всем найдется работа.

С Горловым про садик заговорил, он повинился:

— Я Зинаиду отправил, женщина она толковая. Если не возражаете, один домик можно отдать под детсад. Но это опять затраты, Родион Петрович, только они окупаются довольно быстро.

В садике набралось полтора десятка малышек. Столько же работниц вышли на склад, на ферму. Родион разыскал Зину, отвел в сторонку:

— Ты на кладбище могилку Лиды—утопленницы найдешь?

— Знаю. Мы же всем классом ходили ее провожать. Родя, неужто вспоминается? Правду говорят, святое чувство про первую-то любовь. Я хоть и девкой вышла за Семку своего, а целовалась все летичко с парнишкой, из города приезжал в гости к отцовым родителям, помнишь, Кухоровы были. До обморока доходило, а он городской, потолковой, едва не соблазнил, паразит. А Семка-то знал, когда свадь-

бу сыграли, он мне утром и говорит: «Прости, Зинка, так и думал: проверю, если не девка — утром с позором прогоню». Сейчас иногда шутейно говорит: «Надо было придраться и выгнать». «Дурак ты, Сема, говорю ему, кто же с тобой жить-то стал, кроме меня? Ты же шалопай, тобой рулить надо». В общем, Родион Петрович, подъезжай в обед, я покажу Лидочкину могилку.

— Как она утонула? — спросил Родион.

— Ты знаешь, как-то тихо. Пруд теплый был, мы же Троицу на кладбище отмечаем, и оттуда все пошли купаться, до Троицы-то нельзя. Она нырнула и поплыла первой, все за ней. А потом хватились — нет Лиды. Ныряли, потом мужики с неводом прибежали, вытащили, но об чем уж говорить... — Зина промокнула глаза уголком платка.

— Она плавала хорошо, мы же с ней последнее лето все ночи на пруду проводили.

Зина кивнула:

— Знаю, Родя, мы подглядывали за вами, какие вы красивые были! Да еще над прудом туман, вы как не от земли будто, встанете и идете в воду, пока с головой не скроет. Что тосковала она по тебе, это правда. Она и так не шибко общительная была, а тут вовсе замкнулась, учиться стала плохо, вот и случилось. Только ты не казнись, на тебе греха нет.

— Жалко мне ее. Как детство свое — жалко.

На памятник любовались всей деревней. Из камня выходит девочка, ну, точно Лида, а выходит, как из воды, и струйки стекают по голому телу..

За каждодневными делами и проблемами Родион совсем забыл о Гузель и Алахитдине, давно не был в их чайхане и не ел приготовленный этой славной девушкой плов, не пил чай, заваренный только так, как умеет она. Родя любил Гузель, но это была не плотская любовь, это была скорее всего страсть к произведению искусства, которое он видел и не мог понять до конца. Все в ней было само совершенство: круглое скуластое личико, чуть суженные черные глаза, большие пушистые ресницы и десятки косичек, которые она укладывала в узел, когда ехала в институт. Ее фигура была всегда сокрыта широкими одеждами, но опытный глаз мужчины не мог ошибиться: фигура девочки была идеальной. Она двигалась легко и плавно, словно не шагала, а катилась по полу. Ни одна тарелка на ее подносе не шелохнется, и взгляд ее не мечется по чайхане, а устремлен вперед, и можно усомниться, видит ли она, что у нее под ногами. Он любил смотреть

на нее, но потом понял, что девочка теряет голову, а это совсем ни к чему. Отказаться от встреч он не мог, надо было проведовать здоровье старика и знать, как дела в институте у девочки, но он уже избегал откровенных взглядов, старался больше говорить с отцом, на время отказался от массажа.

Он знал, что в воскресенье Гузель дома и только она может взять трубку мобильного телефона. Она ответила очень вежливо, сдержанно поздоровалась с Родионом и сказала, что свежее мясо только что привезли, если Родион Петрович и в этот раз откажется от массажа, она прямо сейчас начнет готовить баранью ножку. Родион спросил здоровье отца, Гузель ответила, что — Слава Аллаху! — ата чувствует себя хорошо. Тогда он попросил девушку приготовить все для массажа и подумать, что она расскажет про учебу.

Алахитдин встретил его у дверей чайханы, долго жал руки и кланялся, потом проводил к дочери. Гузель уже была в белом халате и шапочке, все это украшало ее и придавало серьезность. Гость снял пиджак, расстегнул ворот рубашки.

— Гузель, сядь вот тут. Расскажи, как дела в институте?

Он сознательно без предупреждения перешел на простое обращение, и девушка это заметила, но ответила четко, как должна отвечать женщина на вопрос мужчины:

— В институте все нормально, мое старание замечают преподаватели, ко мне хорошо относятся студенты..., почти все.

— Точнее! — не очень вежливо попросил он.

Гузель нервно мяла в руках косынку, кажется, не хотела говорить:

— Два кавказца постоянно преследуют меня. Недавно они выслеждали, что вошла в пустую аудиторию, забыла тетрадку на столе, один держал двери, второй пытался снять с меня одежды. Меня спасла группа, которую направили в эту аудиторию. Кавказцы смеялись и обещали в следующий раз выбрать место понадежнее.

Родион старался казаться спокойным:

— Ты можешь мне их показать?

Гузель подняла глаза:

— Вы сами можете посмотреть, на третьем курсе их всего двое.

Он все уже решил, осталось только сказать девочке так, чтобы она не испугалась:

— Я приеду завтра, Гузель, ты будешь в машине, как только они поднимутся на крыльцо, ты мне их покажешь. Хорошо?

— Хорошо, Родион Петрович, — кивнула она.

– Гузель, я хочу обрадовать тебя и отца, пришли документы на получение российского гражданства, на следующей неделе вы получите российские паспорта.

Гузель так обрадовалась, что хотела обнять Родю, но его холодный взгляд ее остановил. Родион усадил девушку рядом:

– Гузель, милая девушка, ты такая красивая, что ни один мужчина не устоит перед тобой. Но ты юная девушка, а я старый потертый мужик, к тому же я женат, у меня сын. Случись наша встреча раньше (он хотел сказать: «Когда ты являлась мне во снах», но удержался), я бы считал великим счастьем любить тебя и быть твоим мужем. А сейчас давай останемся просто друзьями. Ты окончишь институт, твой Остон отслужит в армии, вы поженитесь, и ты будешь счастлива.

Слезы чистого жемчуга катились из глаз Гузель:

– Я все понимаю, но ты в моем сердце. С этим ничего нельзя сделать.

Родион встал:

– Гузель, мы будем друзьями. Будем встречаться. Ты должны привыкнуть к мысли, что я чужой, а твой жених Остон. Ты согласна, милая девушка?

Гузель улыбнулась сквозь слезы:

– Я согласна. Раздевайтесь, я буду смотреть вашу спину.

Родион чувствовал, что всю досаду, всю свою боль и горечь вкладывает девушка в сильные пассы, разгоняя кровь и шевеля огрубевшие сосуды спины и шеи. Но он терпел, потому что понимал ее, он и сам бы порвал сейчас человека, который столько наговорил несчастной девушке о безнадежности ее влюбленности. Потом очень долго уже нежные, не жесткие руки Гузель разглаживали, успокаивали его мышцы и нервы. Он помнил только, что она ласково провела пальчиками по шее и уснул.

Разбудил его Алахитдин:

– Вставай, дорогой Родион Петрович, еще десять минут, и остывшее мясо едва ли станут кушать собаки с нашего двора. А сейчас баранья ножка исходит жиром и просится в рот.

Родион немного выпил и очень плотно поел. Старик сел к столу и смотрел ему в лицо:

– Дорогой мой, ты говорил с Гузель? Она сильно горюет. Ты ей все сказал, как должен сделать мужчина?

Родион ответил:

– Да, ата, мы говорили, и она меня поняла. Остон хороший парень, ты отдашь за него Гузель?

Старик грустно улыбнулся:

— Остон хороший, но он бедный, богатые в армии не служат. Если он сюда приедет, что делать, где работать? Я отдам ему Гузель, но что изменится, если сойдутся два бедных человека?

Родион обнял старика:

— Не переживай, ага, пусть Остон приезжает, я найду ему работу, если надо — обучу специальности. И сыграем свадьбу по всем правилам вашего народа! Так и скажи дочери, чтобы не переживала.

Утром он взял с собой Ивана с поста охраны коттеджа, водителю Шурику посоветовал сосредоточиться. На заднее сиденье посадили Гузель. Встали напротив парадного входа в институт. Смотрели на лестницу, а Гузель толкнула Ивана:

— Вот они!

Двое парней со смехом выходили из шикарной «тойоты».

— Ребята, запомнили. — Родион едва сдерживал гнев. — Вечером проедете за ними, надо, чтобы они стороной обходили Гузель. Номера не забудьте сменить.

— Обижаете, шеф! — засмеялся Иван.

Вечером Иван принял смену и попросил Родиона зайти в дежурку.

— Крутые ребята, у обоих «макары», баксы в карманах. Грозились, что весь Кавказ на нас поднимут, я на яйца наступил, заорали: «Объясни, в чем дело!». Объяснил. Велел запомнить только одно имя: Гузель. Если только хоть один приблизится к ней на пару шагов, оба покойники. Потом обработали. Переломов и видимых следов нет, но с этого дня они вечные клиенты минздрава.

— Вас не просекут? — спросил хозяин.

Иван засмеялся:

— Какое там? Маски, бронники, шлемы. Я как на Леху глянул — сам испугался: терминатор! Да и я, видно, не слабее. Скорую вызвали, выписку нам сообщат, последим с неделю за ребятами. Будут себя хорошо вести, пусть живут. Все правильно, шеф?

— Все правильно, Ваня.

Он положил на стол пачку денег. Иван встал и отодвинул деньги:

— Шеф, я бы не стал этого делать. Женщину защищали.

Родион нежно поправил:

— Девушку. Очень красивую, ты сам видел. Но, Ваня, это наша работа, и она должна оплачиваться. Это еще Карл Маркс сказал.

Иван согласился:

— Ну, спасибо ему.

Друзья громко расхохотались.

Вечером в постели Настена прижалась и шепнула:

— Родя, скажи, у тебя есть женщина в городе?

— С чего ты взяла? — спокойно спросил муж.

— Вчера от тебя какими-то странными духами пахло, — несмело сказала Настя.

Родя улыбнулся:

— Есть женщина, это дочь моего друга чайханщика, она лечил меня массажем с настоями из трав, потому и запах устойчивый, даже после душа сохраняется. Спи. Других женщин у меня нет.

Губернатор Макар Устинович Зенов очень скоро успокоился и уже не вспоминал о бесноватых минутах ареста, о несколько стыдливом разговоре в администрации президента и встрече с самим президентом. Ее результатом он остался доволен, тем более, что по поручению главы государства область вне плана сразу получила солидные деньги для села. Зенов пригласил Коломынцева и предложил ему распорядиться этими деньгами, чтобы не дыры закрывали, а работали на завтрашний день. Коломынцев с радостью принял бумагу, только спросил, надо ли потом согласовать разнарядку. Губернатор махнул рукой, но напомнил про коломынцевский свинокомплекс, вроде хиреет без хозяина, что эти исполнительные директора? У них все равно не так душа болит. И велел комплексу помочь, не жеманничать, что свое предприятие, для нас важна продукция, а не форма собственности. Поворчал, что Коломынцев и так загнал свой комплекс в разряд неразвивающихся, все стыдимся, как бы не упрекнули. Еще просил не забыть Бывакина, дать его колхозу добрый куш для поддержки, мужик правильное дело начал.

Когда еще не все было ясно после возвращения из столицы, когда сердце вздрагивало от каждого телефонного звонка, дома, в небольшом коттедже в черте города, жена его со старинным именем Голуба, уроженка той же староверской общины, что и Зенов, но не получившая большого образования и работавшая в отделе обслуживания городской библиотеки, вечерами уговаривала Макара оставить службу и вернуться в свою деревню. Летом она по два месяца жила в общине, занималась огородом, садом, ходила на воскресные службы в старый скит, скатанный еще предками из метрового обхвата сосен, слушала уже шепотом говоримые проповеди монаха Амвросия. А в этот раз Амвросий узрел среди чад своих Голубу, указал сесть рядом с собой и сказал, что надо ей готовиться к испытанию, а враг уж обла-

чился в благодетеля и ждет своего часа. Пыталась Голуба спросить, с нею ли горе случится, с детьми или с мужем — умолк Амвросий, только кивнул: «Готовься!».

Домой приехала, того тошней стала приставать, чтобы бросал все и уходил. Здоровый мужик, грамотный, и в общинном хозяйстве мог бы работать, а вокруг власти столько всего черного, что взглянуть страшно. Макар знал вечную тягу супруги к родному дому, она тосковала по старинным песням, по общинным праздникам, по атмосфере всеобщего счастья и доброты. Макар и сам любил бывать дома, но это далеко, каждый месяц не наездишься, а бросить все... Не карьеру жалко, он был воспитан в равнодушии к роскоши, к богатству, к деньгам. К тому же умный инженер, толковый организатор, он был замечен и быстро пошел в рост. А когда уходящий наверх губернатор предложил на свое место главу небольшого города, в столице это не сразу поняли. Президент отправил несколько человек посмотреть, что за человек этот старовер, как он руководит городом, который за три года вывел из дотационного в самофинансируемый. Беспрецедентно долго длилась встреча президента с кандидатом в губернаторы, они даже на охоту слетали вместе, после этого назначение состоялось.

У Зенова сразу стало много врагов, и прежде всего в собственном аппарате. Он безжалостно изгонял за волокиту, за чванство перед простыми гражданами, за нецелевое использование средств, которое всегда скрывало присвоение, отдавал под суд. Конечно, удивлялся, что те получали условные сроки и даже не собирались возвращать доказанный убыток. Первое время он пытался возмущаться, но председатель областного суда принес ему несколько документов и показал, что само государство создало законы, позволяющие его грабить, обирать, бесстыже обворовывать. Зенов прямо спросил, есть ли в законодательной среде хоть какое-то шевеление, чтобы изменить порядок — председатель развел руками: тишина!

Но и друзья появились у Зенова, настоящие, работающие. Нет, не зря уговаривал Коломынцева оставить хоть на три года отлаженное производство на свинокомплексе, основательно заняться сельским хозяйством. Иван Михайлович объехал всю область, побывал в каждом совете, вместе с собранием хозяев крупнейших частных подворий разработали программу поддержки подсобных хозяйств, и она стала работать, есть деньги в бюджете — активнее, нет — пока оставались. Все СПК, ЗАО и ООО перетрясли с юристами и экономистами, вскрыли жуткую картину: бывшие руководители или спе-

циалисты прибрали к рукам все, что можно, рядовые работали за гроши, отчетные собрания начинались с обильного застолья в коридоре дома культуры, а потом полупьяные мужики требовали свернуть прения, потому что видели: осталась пара ящиков водки.

В одном кооперативе Коломынцев привез председателя на ферму, стал говорить с людьми, все молчат. Тогда он встал и вслух удивился: до чего же терпелив русский человек! Спрашивает доярку про зарплату — шесть тысяч. Скотник — семь. Тракторист — восемь. Дошла очередь до председателя, встает и нагло врет: десять тысяч. Ну, тут народ и зашумел:

— А квартиру в области ты купил на десять тысяч? А двоих детей учишь в институте на те же деньги? А сколько месячных вкладов стоит твой американский джип?

Оставил в деревне своего заместителя, поручил провести внеочередное отчетно-выборное собрание. А ночью в гостинице поднял звонок губернатора:

— Ты какую революцию развернул в Истошинском районе? Глава говорит, что снимаешь с работы лучших руководителей. Объясни.

Иван Михайлович объяснил, губернатор пожелал спокойной ночи. Но не получилось. В дверь номера постучали, пришлось вставать, накидывать халат, открывать дверь. На пороге сегодняшней председатель:

— Иван Михайлович, отмените собрание, прошу вас. И примите вот... — и ставит на стол целлофановый пакет.

— Что там? — спросил хозяин.

— Деньги, — ответил гость.

— Посиди, — пригласил хозяин, а сам постучал в стенку, за которой спал начальник финансового отдела:

— Игорь Анатольевич, быстро ко мне в номер, дело есть.

Председатель побледнел:

— В милицию сдадите?

— Сдал бы, но не уверен, что посадят. А пока сиди тут, коли пришел. Вот, Игорь Анатольевич, товарищ решил часть грехов погасить. Пересчитай эти деньги, составь бумагу и пусть он распишется. А завтра эти деньги надо раздать под роспись членам кооператива, объяснив обстоятельства их появления.

Было и так.

Любое подвернувшееся производство Коломынцев старался внедрить в деревню. В двух районах работали приличные кирпичные заводики, еще в трех мощные пилорамы, для которых везли красный

лес и хозяйства, и бригады объединившихся лесорубов. Гнули и варили из металла заборы, кладбищенские оградки, ворота и калитки, разных фасонов и качества. Рубили гвозди. Летом разводили птицу. Вязали сетку «рабица». Ловили, солили и вялили рыбу. Мололи муку и готовили комбикорм. Мясную переработку планировали на три района, молочную хотя бы на два. Коломынцев подсчитал: семнадцать видов дополнительных производств работают в селах области. Он внимательно следил за статистикой и заметил: там, где вдохнули свежие силы в старые и новые меха, помогли с подворьем, где создали дополнительные производства, где организовали заготовку молока и мяса — не через наглеющих иноземцев, а через закупочные кооперативы — там население стабилизировалось, рождались и умирали, но с места почти никто не срывался. Ну, а в иных местах...

На совете по вопросам АПК Коломынцев предложил ввести ежеквартальную отчетность субъектов всех видов собственности перед госстатистикой или перед управлениями сельского хозяйства районов по реализации продукции, выручке и статьям ее расходования. Члены совета, а это в основном руководители крупных агрофирм и агрокомплексов, предложение встретили в штыки. Руководитель юридической службы крестьянской ассоциации сказал, что предложение директора департамента АПК идет в разрез с основами законодательства по крестьянским вопросам. Коломынцев усмехнулся:

— У нас все, что на пользу делу — все вразрез. Не думаю, что вы считаете меня столь малограмотным, не знающим элементарных юридических вопросов. Но дело-то не в них. Я говорю о пользе, об ужесточении контроля. Назовите мне хотя бы одну ревизионную комиссию, которая вникла в расходование доходов. Не ищите, таковых нет, потому что появился хозяин, он может казнить, может миловать. Если советский директор или председатель тоже имели такие полномочия, то они использовали их исключительно в интересах коллектива, в конце концов — государства. Я не любитель считать деньги в чужих кошельках, но только честные деньги. А если они уворованы у трудового коллектива, не вижу ничего зазорного попросить господина начальника объяснить, откуда «Лэнд Крузер», откуда особняк под боком у губернии. С точки зрения закона объяснят, ведь ни стыда ни совести уже нет: машина жены, коттедж тещи. Жена пять лет нигде не работает, теща после третьего инфаркта лежит в реанимации. Мужики, мы же все прекрасно понимаем, да, закон сделан для подлецов, но почему мы-то под него пляшем? Есть закон юридический, его люди и под

определенных людей сочиняют, а есть вечные законы добра и справедливости. Я не проповедник и не романтик, я знал, что это предложение будет отменено, но хотел посмотреть, сохранилась ли хоть в части нашей новой экономической элиты совесть и благородство.

Зенов после совещания попросил директора департамента АПК зайти к нему:

— Иван, ты зачем их дразнишь? Ты думал пробить совесть? Забудь об этом! Они очень хорошо запомнили завет теоретика новой экономики: «Нравственно все, что выгодно». По этим правилам и живут. Не все, слава богу, но большинство. И нам с тобой это не повернуть.

— Да я понимаю, Макар, но душа не терпит, — вздохнул Коломынцев. — Я тут недавно нашел книжечку русского купца по фамилии Чукмалдин, так вот он писал, что первейшая обязанность предпринимателя — радение о благе общества. Это конец девятнадцатого века. Сегодня начало двадцать первого. И куда мы идем?

Губернатор обнял его за плечи:

— Я всей душой с тобой согласен, Иван Михайлович, но ты же знаешь, это Россия. Тут дважды два — не всегда четыре, иногда пять, а чаще три. Внизу мы с тобой ничего не решим. Идти с такими предложениями можно только к президенту. Но при такой обстановке в Кремле, когда все только и ждут ошибки или промаха лидера, он не станет делать резких движений.

— Тебя оставили в покое? — вспомнил Коломынцев.

— Молчат. Думаю, можно забыть, — не совсем уверенно ответил губернатор.

Незнакомые чувства испытал Бывакин, впервые войдя в свои хлеба. Он давно не видел вызревающего массива и не мог определить, хороший это урожай или не очень. Да, по дороге встречались и более привлекательные, чистые, рослые, с заметным колосом. Прошел краем, боясь входить в глубь хлебов. Улыбнулся: вспомнился Вася Косопятецкий, колхозный объездчик, который нещадно гонял ребятишек, если увидел, что они прошли к соседнему колку за ягодой или по грибы прямо через поле. Тут уж не жди, бежали в разные стороны, все равно кого-то Вася догонял и нежненько пару раз проходил кнутом по спине... Сорвал несколько колосьев, размял в руках, попробовал на зубок, он видел, так делают все. Зерно было мягким и клейким. Прав Владимир Гаврилович, если погода постоит, пару недель надо, чтобы зерно силу взяло.

Три комбайна Ростовского завода пригнали мужики прямо с же-

лезнодорожных платформ. Двое суток лежали под ними и ходили вокруг них прямо в тупике железной дороги, какойто начальник интересовался, любовался, качал головой, но не гнал. Все подтянули, все проверили, завели моторы, полчаса поработали вхолостую, потом колонной двинулись в сторону родного дома. Жатки и копнителю в первый же день увезли на автомашинах.

Сегодня Родион заходил на зерновой склад. Небольшой сортировально-сушильный комплекс Горлов унюхал в соседней области, хозяйство разорилось, продавали все. Он позвонил:

– Надо брать, вещь просто необходимая. И семена подработать дядю не просить, и зерно подсушить, если вдруг непогода.

– Цена? – спросил шеф.

Директор назвал.

– Не уступят? – поинтересовался генеральный.

– Родион Петрович, им отступать некуда, вот-вот назначат конкурсного управляющего, тот, конечно, все разгонит за бесценок, а мужики под суд, под вечную задолженность перед государством. Как будто специально придумали этих арбитражных наймитов, чтобы экономику гробить. Смотрите, вам решать.

Родион согласился и сразу попросил, чтобы демонтаж вели и наши мужики, а то потом будут бегать, куда эту хреновину, куда ту. Привезли, собрали, опробовали. Горлов очень доволен, с таким тылом можно выходить на уборку.

Хлеб. Огромными волнами, похожими на колебания океана, колышется пшеница. Так было всегда, и дед его, наверно, при единоличной жизни вот так же выходил к полю и ждал, что оно ему даст. И он сейчас, неожиданный хлебороб, случайный крестьянин, полон этих страстей: что даст, что будет? А потом интересная мысль проскользнула: надо Петьку сюда привезти, что он скажет, какие слова у него будут в душе, не на языке даже, при виде этого поля. Ведь и дед по маме тоже крестьянин. А если Петьке по душе придется, тогда (Родион расходился в чувствах и планах) – продам механический заводик, возьму еще один колхоз, чтобы была настоящая агрофирма. Тогда и скот можно разводить дополнительно, тогда и люди потребуются надежные.

Чьи-то негромкие голоса прервали его фантазии, он обернулся: по ту сторону машины стояла кучка парней и девчат. Родион провел рукой по лицу, словно стирая мысли и чувства, подошел ближе. Ребята недружно поздоровались.

– Родион Петрович! – видно, самая бойкая начала разговор. – Вот сейчас у нас колхоз небольшой, но он же будет расти, правильно?

– Продолжай.

Она улыбнулась:

– А если будет расти, значит, потребуются не только рабочие, но и специалисты.

Родион тоже улыбнулся:

– Мыслишь верно. Дальше.

Видя его расположение, девушка осмелела:

– Мы нынче идем в выпускной класс. Весной получим аттестаты. В разные вузы собираемся поступать, кто в педагогический, кто в сельхоз, кто в медицинский. Ведь со временем вам даже программисты-компьютерщики потребуются, правда?

Родион согласился и спросил:

– Твои предложения?

Оказывается, предложения уже обсуждены:

– Заклучим с колхозом договор и после окончания вернемся в село работать.

– Колхоз будет платить вам стипендию? – поинтересовался генеральный директор.

Девушка кивнула:

– Хотелось бы...

Родион Петрович помолчал, посмотрел на ребят: молодые, все впереди, а вот видишь, решили с родной деревней связать жизнь. Но это надо хорошенько обмозговать:

– Согласен предварительно. Только, ребята, у меня такое воспитание, я даже после устной договоренности требую исполнения обязательств, а подписанный договор – это судьба. Но об этом позже. Думайте, решайте, а я со своими посоветуюсь. Да, а вы все местные?

– Все. Вот это и есть будущий выпускной класс.

Это его разочаровало:

– Негусто.

Боевая девушка и тут не растерялась:

– Ничего, Родион Петрович, пока мы учимся, наши колхозницы нарожают столько детей, что и садик придется расширять, и школу. Я уж про производство молчу.

Родион засмеялся:

– Поделись, на чем основан твой прогноз?

Она ответила тихонько:

– Только для вас. Наши мамы даже собрались рожать, говорят, хорошая жизнь возвращается.

Разговор с молодежью взбодрил Бывакина, он понимал, что силь-

но завидует им, нынешним. Он вспомнил слова Доктора, последний день, они ехали в больницу, ехали медленно, обогнали двух велосипедистов, парня и девушку. Доктор проводил их грустным взглядом и сказал, что отдал бы все, даже душу дьяволу, если это возможно, чтобы только на несколько минут стать молодым, проехать рядом с этой девушкой на велосипеде и сказать ей те слова, которые обычно говорят молодые люди. Он тогда посмотрел на Родю и улыбнулся: «Ты счастливый, ты этого еще не ощущаешь».

На территории машинной мастерской увидел Горлова, тот махнул рукой, подбежал:

— Родион Петрович, сил моих не хватает. Вот молодые мужчины, не попали в комбайнеры, просят помощниками, хоть по двое.

Бывакин вышел из машины и с силой хлопнул дверцей:

— Что значит — по двое? Прокатиться с ветерком? А кто будет со- лому копнить и к базам таскать, кто будет на зерновом складе — там же десятки людей нужны. Командуй, Владимир Гаврилович, чтоб от зубов отскакивало. Раз рывкнул — и нет человека! Мне что, каждому под задницу технику подгонять? И руками будем робить, а вы как думали? Это же хлеб!

— Он всему голова! — подхватил кто-то.

Родион нашел крикуна и поздравил:

— Запомни: не голова! Это в песне так поется, ладно, для песни простительно. Только хлеб — это всему основа. Я в карцере первую неделю отсидел, а давали кружку воды и кусочек хлеба, в палец толщиной через булку отрезан. И все. Так вот, тот хлеб я не ел. Старые зеки учили: соси, сынок, все в кровь впитается, не умрешь. А были и такие, в основном из фраеров, ну, попал простой мужик городской или деревенский и что-то натворил на зоне, его туда. Он с дуру утром хлеб сглотит, водой запьет, утра дождется, и опять. Через неделю вытащат, а он уже не жилец.

— Родион Петрович, как же вы в тюрьму-то попали? — с испугом спросил мужик.

— А ты у Зины Бородиной спроси, она все помнит. Я уже забыл, кто меня тогда обидел, забыл, чтобы не захотелось отомстить. Понимаешь, так бывает. Так что хлеб — он насущный, он каждый день нужен, без хлеба человек не сможет прожить.

— Верно, — поддакнул дед Тихон. — Оно и в святой молитве сказано: «Хлеб наш насущный дай нам днесь», стало быть, каждый день.

Родион повернулся к деду:

— Кто — дай? — сурово спросил он.

Дед стусевался под суровым взглядом Бывалого:

– Родя, дак, стало быть, Господь Бог.

Родион еще жестче спросил, прямо за грудки взял деда:

– Ну, и дал? Что молчишь? Когда мать моя в детстве с голода пухла – дал? Когда ребятишек годовалых закапывали – дал? Нет! И никто никогда не даст, запомните это, мужики. Только мы сами должны вырастить свой хлеб, вот тогда и будет он насущный. Откуда слово это знаю – не могу вспомнить, но оно правильное, и надо работать, только работать. Вы меня трудом поддержите, я ни копейки пока выгоды с колхоза не имею, только вкладываю, и вы вкладывайте свой труд. Тогда станем жить богато и сытно.

Горлов отвлек его внимание, Родион застыдился своего неожиданного откровения, повернулся к нему.

– Тут вот какое дело. Мужики из соседней деревни приехали, хотят с вами поговорить.

Родион кивнул:

– Пошли, поговорим. У меня сегодня цельный день проповедей, то с молодежью, то с мужиками, теперь вот гости.

Пять мужиков, сразу видно, что прямо с тракторов, смущенно подали руки, Родион пригласил их в кабинет.

– Кофе пить будете?

– Можно.

Горлов пошел дать команду готовить кофе на всех.

– Связь надо внутреннюю, Владимир Гаврилович, а то и будете бегать с каждым поручением.

Горлов смутился:

– Сделаем, Родион Петрович, все руки не доходят.

– Так, мужики, говорите, – попросил Бывакин гостей.

– Мы вот что пришли. У нас две тысячи гектар пашни и сенокосы есть. Скот только дома. Вроде и техники хватает, а сею свои семена, уж забыли, какой репродукции. Удобрений не можем докупиться. Так же и с химикатами. И вот результат: вы чуть не по целине сеяли, и то хлеб лучше. Предлагаем обговорить какие-то условия, чтобы вместе работать. У вас есть грамотные люди, определяют нашу долю, думаем, что сработаемся. Да к тому же еще одно дело. Чеченец у нас поселился, Хамид, не сеет и не пашет, а осенью приезжает, и вместе с нами на элеватор, зерно ему в зачет сдаем.

– Подожди. Вот так молча едешь и отдаешь? – удивился Бывакин.

– Вот так и едем. А кто в отказ уходит, того ночью забирают и бьют до утра, условия все обскажут, что детей вырежут, жену изнасилуют. Плачет и везет ему в зачет.

Родион помолчал, думая что-то свое, потом попросил мужиков

приехать через неделю, за это время Владимир Гаврилович и у них побывает, и расчеты прикинет. Сам сразу поехал в банк, зашел к управляющему:

— Прошу прощения, я без стука, потому что стучать, в моем понимании, нехорошо. А вопрос вот какой: что за чеченец имеет в вашем банке счет, откуда получает деньги и куда их перегоняет?

Он тяжело оперся на стол, тот жалобно скрипнул. Управляющий смутился, но тут же сообразил:

— Родион Петрович, вы же знаете, что такую информацию мы просто так не даем.

— Хорошо. Сколько стоит? — спросил он.

— Что? — не понял банкир.

— Информация, — уточнил гость.

— Вы меня неправильно поняли... — промямлил банкир.

— Я тебя сразу понял. Все документы на стол, иначе я милицию вызову.

Управляющий сник:

— И милиция, и прокурор в курсе, — прошептал он, будто кто-то еще мог его услышать..

— Опа! — ударил в ладоши Родион. Он чувствовал, как загудела кровь в голове, как напряглись мышцы. — Хорошо-то как! Все бумаги по поступлениям и отправлениям на стол! — И на салфетку, чтобы не царапать лак столешницы, положил пистолет, прикрыв его бумажной папкой.

Содня открытия счета ЗАО «Казбек» на его счету побывали десятки миллионов рублей, отобранных у крестьян. Все отправления были на счет фирмы в Ростове.

— Слушай меня, банкир, — Родион закончил знакомство с бумагами. — Отдай документы девочкам, пусть быстро сделают копии. И о нашей встрече забудь. Если я почувствую, что чеченцы забеспокоились, ты умрешь первым от сердечной недостаточности. И не вздумай предупредить твои правоохранительные органы. Верь только мне, я человек серьезный.

Банкира трясло:

— Я все понимаю. И все сделаю. Они меня убьют.

Бывалый привычно поправил:

— Они тебя зарежут. Если бы я не был в этом уверен, ты бы уже сейчас умер от разрыва сердца.

Через полчаса Родион уходил из банка с копиями необходимых документов. Еще через два часа приехали Шура, Володя и Леха. Ре-

шили, что чеченца надо взять тихо, не пугая семью. Пришли вечером, когда стемнело, знали, что он уехал еще в обед и должен вернуться, потому что гараж не закрыт на замки. Когда подкатила машина и хозяин вышел открывать ворота гаража, Шура мягко его опустил на землю, а Родион глянул в машину, нет ли кого. Открыли ворота, загнали автомобиль, загрузили связанного пленника в багажник и тихонько уехали. В полевом вагончике при свете фонариков выяснили главное: такие руководители ЗАО и ООО сидят в каждом районе, даже по несколько человек.

— Вы напрасно лезете в это дело, тут все схвачено, сама Москва все знает, — зло прохрипел Хамид.

Володя не вытерпел:

— Ты ошибаешься, дорогой, не Москва знает, а несколько московских подонков, купленных вами. Я включил диктофон, называя фамилии и адреса.

— Русская свинья, лучше застрели меня, я все равно ничего не скажу.

Володя огорчился:

— Напрасно ты так. Застрелить тебя — это подарок. Я тебя буду резать на куски, как вы делали с нашими ребятами там, у себя. На первый случай я отсеку тебе палец.

Хамид орал, пришлось заклеить рот. Григорий предупредил:

— Резать буду я, ребята брезгуют. Ты все равно не сдохнешь, а как терпение кончится, кивни головой. Поговорим.

Родион, Шура и Леха вышли.

— Знаете, Родион Петрович, я бы его с удовольствием шлепнул, а Вовка — ну, блин, садист.

— Мы должны получить от него информацию. Сам он ничего не стоит.

Через полчаса Володя постучал в стенку вагончика. Ребята вошли. Хамид сидел у стены, окровавленный и бледный.

— Ты все сказал? — видимо, не в первый раз спросил Володя. Хамид кивнул. Потом поднял голову:

— Семья...

— Твою семью завтра же отправят по месту постоянного жительства. Так, все вышли, — скомандовал Владимир. Через минуту он выволок целлофановый мешок с телом, Шура принес из машины канистру с бензином и облил все в вагончике. Мешок уложили в багажник. Леха бросил спичку, все вспыхнуло, две машины быстро отъехали в сторону и направились в село. Вдруг Шура подал сигнал светом, Родион подошел, все вышли на воздух.

— Есть дерзкая мысль, шеф, увезти его по одному из указанных адресов. Пусть знают, что их ждет.

Родион молчал. Конечно, дерзко, но какой вой поднимется, вся цепочка дернется и напряжётся, тогда ни к одному не подобраться. Сказал:

— Шура, это плохая мысль. — И разложил по полочкам свои размышления. — Нам их всех придется убирать, и чем тише все это будет, тем лучше. Каждый из вас возьмет наших парней из охраны и группы подготовки боевиков, пойдете по области тремя группами. Будьте аккуратны, подключится милиция, но не думаю, что они будут землю грызть от усердия, там ведь тоже не все дураки. Нам важно, чтобы народ поверил, что его есть кому защитить.

Мешок закопали в стороне от дороги, у самого болота. Уже подъезжали к деревне, когда пошел крупный и густой дождь. Друзья переглянулись: это хорошо, все следы смоем. Они понимали, что началась крупная операция по расчистке своей земли, операция странная, которую надо проводить, избегая стычек с теми, кто по долгу присяги обязан делать эту работу.

Тихое нашествие на регион мужчин из мусульманских республик бывшего Союза в девяностые годы никого не беспокоило, власти всеми способами приподнимали подмоченный и загаженный рейтинг президента, потому что было сказано открытым текстом: не прошел в районе — глава на вылет, не прошел в области — губернатор «идет в народное хозяйство», вспомнили старую поговорочку, которой пугали милицейское и иное элитное руководство. Потом началась операция по восстановлению конституционного порядка на Северном Кавказе, в области появился новый вид преступлений: стали исчезать люди. Никто не крал бывших колхозников или слесарей с ремзавода. Исчезали предприниматели, уже к тому времени работавшие успешно. Родные собирали выкуп, приносили в условленное место и получали полуживых пленников. Город был в панике, в спешном порядке закрывались предприятия, огромные магазины и рестораны. Целые семьи арендовали самолеты и улетали в Европу. Деревня, еще вчера спокойный уголок, была взбудоражена ночными налетами людей в масках, пытками и убийствами малых детей, вынуждающих фермеров показывать, где лежат деньги.

Когда в сводке происшествий появились три информации о налетах бандитов, Макар Устинович Зенов пригласил все руководство

силовых структур области. В кабинетах еще допивали оставшийся от дня города коньяк, а у губернатора над столом склонился десяток важных голов. Вопрос был задан в лоб: что будем делать сегодня после совещания для нормализации обстановки в области? Прокурор отреагировал первым:

— Макар Устинович, в соседних регионах не лучше. Видимо, эти процессы всегда сопровождают демократизацию общества.

Губернатор побледнел:

— Как у вас язык поворачивается говорить такие глупости? Людей режут, как баранов, и это, по мнению нашего прокурора, закономерный процесс. Стыд! В отставку надо уходить, господин Белых, если не знаете, как навести порядок в области! И я бы болел сейчас за своих соседей, если бы в собственном доме был порядок.

Начальник УВД генерал Рыбаков встал:

— Мы имеем общую картину происходящего. Всеми делами заправляет некто Исса Усманов, место нахождения его установить не удастся. Наша агентурная сеть опаздывает, мы не успеваем выехать на место преступления и взять хотя бы кого-то. Есть подтверждения, что орудуют банды чеченцев. В одном из домов был включен диктофон во время нападения, в основном крики и плач, но прорвались несколько чеченских фраз.

— Что вы намерены предпринять? — спросил Зенов.

— Работаем, товарищ губернатор, есть план оперативно-розыскных мероприятий, — четко ответил Рыбаков.

Зенов взорвался:

— Нет, это не работа. Я вам покажу результат вашей работы. Из-за консервации производств в городе появилось восемнадцать тысяч безработных. Тридцать два человека убиты, десятки находятся в больницах. Это же настоящая война, генерал, а вы мне про план мероприятий! Прошу вас, товарищи генералы, остаться в моем кабинете и определиться, как вы организуете свои подразделения на предмет тотальной города. Всех подозрительных арестовывать. Это надо сделать сегодня ночью.

Встал начальник УФСБ генерал Хлыстунов.

— Макар Устинович, вообще-то подобные акции давно не практикуются, такие мероприятия должны быть одобрены Москвой, ну, если честно, то вы вообще не имеете права давать нам какие-либо приказы, мы подчинены непосредственно федеральным органам.

Зенов подошел к генералу вплотную и дыша прямо в лицо прошептал:

— Ты меня за дурака держишь? Я представляю в области власть и отвечаю за порядок. А если ты такой щепетильный, я свожу тебя в деревню, которую два дня назад подчистили бандиты, там завтра похороны, и ты скажешь им речь. Я соберу рабочих механического завода, владелец испугался и заварил цеха, полторы тысячи здоровых мужиков, мы с тобой приедем, и ты им разъяснишь, что не имеешь права без разрешения президента трогать бандитов. Это вы довели область до такого положения! В тысячах километрах от исламистов, и они нами уже руководят! Позор!

Он отошел в сторону:

— Через два часа я вернусь. План ночной операции должен быть готов. Ответственным назначаю начальника УМВД генерала Рыбакова.

Уйдя в комнату отдыха на первом этаже, Зенов сел и охватил голову руками. Генералы правы, напрямую они ему не подчинены, но коли есть государственная власть, должен быть порядок, и он будет. Да, завтра мне придется отвечать, возможно, даже перед президентом, но, если дело будет сделано, пусть мылят холку, готов и часть богатого чуба отдать. Лишь бы генералы не сыграли шутку, и в его отсутствие не вышли на кого-то в Кремле. Тогда провал, даже если операцию перенести на сутки, информация уйдет, Зенов уверен, что в каждом ведомстве есть оборотни. Ладно, если это не сами руководители.

Генералы встали, когда он вошел — хороший признак. Зенов сел в кресло и вопросительно посмотрел на Рыбакова:

— Докладываю: в городе десять отделений милиции, каждое способно создать по пять мобильных групп. Каждой группе будет придан сотрудник ФСБ, прокуратуры, миграционной и пограничной служб. Мы предлагаем усилить группы слушателями старших курсов школы милиции. Сейчас разработаем приказ, каждая группа получит его за полчаса до начала операции. Никаких мобильных телефонов, связь только по спецканалам. За час до операции мы предупредим службу скорой помощи, потребуются перевязочные материалы и реанимобили. Товарищ губернатор, прошу меня извинить за необдуманное высказывание.

— Ладно, проехали, — махнул рукой Зенов. — Операция масштабная, у вас есть опыт подобных мероприятий?

Генерал Рыбаков ответил:

— Честно скажу: ничего похожего не было. Понимаю, что неизбежны издержки, но уверен, что эта операция даст результат.

— Товарищи генералы, чтобы не рисковать, обеспечьте полную

секретность, никого не посвящайте, даже тех подчиненных, которым доверяете. Мы не имеем права на ошибку. В залоге остается моя голова. Пусть сюда поставят рацию, я всю ночь буду в кабинете.

После обеда выдернули всех участковых, составили список «нехороших квартир», перечень всех бывших рабочих общежитий, сдаваемых в наем, а так же вычислили по номерам рекламных телефонов адреса лиц, сдающих квартиры посуточно. Долго кроили карту города, чтобы не было длинных перегонов, нельзя бандитам дать время скрыться. Очень кстати возникла идея организовать патрульные машины по городу, с лежбища бандит пешком не побежит. Приказ: не останавливается — стрелять по колесам, а там куда кривая выведет. Долго обсуждали время начала операции. Сошлись, что наиболее подходящее время — полночь. Ребята отработали и пьют вечерний чай. Всех смущало, что придется дернуть сотни людей отдыхающих, семейных, вполне законопослушных. Губернатор поручил начальнику ГУВД в семь часов утра выступить по радио и телевидению с официальным обращением к населению и извинениями за принесенные неудобства. Соответствующее указание руководству телерадиокомпании будет дано в половине седьмого.

Каждый отдел милиции в спокойном режиме еще с вечера объявил общий сбор в десять часов. Это никого не удивило, подобные сборы объявлялись и раньше. В каждом отделении одновременно началась выдача табельного оружия, автоматов и карабинов, бронежилетов и касок. Каждый участник операции получил по несколько штук наручников. Шутки прекратились. Кто-то шумнул, что на вокзал и на Кавказ. Сразу предложили сдать мобильные телефоны. Сдали не все. Офицеры прошлись по рядам, нашли у троих, вывели из строя и отправили под арест. Весь личный состав разместили во внутреннем дворе, здесь же прикомандированные из других служб. Разговоры запрещены. Все в недоумении: что за учения? Наконец, в половине двенадцатого начальники отделений вскрыли пакеты и в полголоса зачитали задание. Особое внимание было обращено на вверенный им участок. Все хорошо ориентировались в своем микрорайоне, потому вопросов не было. Офицеры особо предупредили, чтобы не реагировали на провокации, будут пугать, будут грозить обращением к президенту или в Гаагский суд — плюньте и разотрите.

Ровно в полночь открылись двери всех общежитий, и перепуганные вахтерши молча указывали, где живут кавказцы. Двери вышибали, мужчин скручивали. Проверка документов — дело миграционной

службы. Паспорта российские, но прописки нет — в автобус. Уже ночью начальники отделов попросили держать открытыми для милиции спортивные залы школ и нескольких учебных заведений. Ответ один: ждем много гостей, утром освободим.

В половине первого Зену сообщил Рыбаков, что задержан Исса и еще двадцать человек, находящихся в розыске. К трем часам операция была завершена, в отделениях шла сортировка арестованных. Дикий ор огромной толпы обозленных кавказцев. Начальники отделений через усилители просили успокоиться, все проверенные будут немедленно отпущены. Но все больше парней уводили в помещение, с ними будут работать следователи. Исса и его сообщники были отправлены в изолятор УФСБ.

В шесть утра генералы вошли в кабинет губернатора. Стоял поднос с крепким горячим чаем. Но прежде генерал Рыбаков обратился к губернатору. Все генералы подтянулись:

— Товарищ губернатор, докладываю: операция проведена успешно, с нашей стороны потерь нет, несколько человек получили ранения. Арестовано сто тридцать семь человек, среди них главарь — Усманов Исса и его ближайшее окружение. Изъято большое количество огнестрельного и холодного оружия, большие суммы денег и драгоценности. Все опечатано и будет оформлено в соответствии с законом.

В это время раздался звонок аппарата на столе губернатора. Он взял трубку:

— Послушай, ты, собака, ты тысячу раз покаешься, что оскорбил честь чеченца.

— Дорогой, у вас, пришедших к нам как воры, нет чести, так что нечего и оскорблять. — Он с грохотом положил трубку.

— Пугают? — улыбнулся прокурор.

— Нет, оплакивают поруганную честь. Так, Сергей Германович, на студию?

— Я готов, Макар Устинович, — ответил генерал, — но мы с товарищами посоветовались и пришли к выводу, что лучше это сделать вам. Это будет солидно и справедливо.

Зенов развел руками:

— Не привык я лепиться к чужим заслугам, но, если надо... — Он набрал телефон директора телерадиокомпании: — Доброе утро, губернатор Зенов беспокоит. Ровно в семь должны быть готовы радио и телевидение. Я выступлю с важным заявлением.

— Макар Устинович, а можно, мы за десять минут до этого сдела-

ем объявление, анонс, так сказать, что ожидается важное заявление губернатора — лепетал директор центра.

— Делайте что хотите, я буду к семи.

Рыбаков передал ему лист с цифрами, Зенов посмотрел: все понятно.

— Товарищи генералы, благодарю за службу. А сейчас отдыхать. Если вдруг что-то возникнет — я на связи.

В телерадиоцентре его встретили и провели в комнату, две девушки подошли с расческами и пузырьками:

— Извините, немножко грима, так надо.

— Девушки, только вы из меня куклу не делайте. Не ладно мужику помаду размазывать.

Девушки улыбались и выполняли свою работу. Директор спросил, как его представить.

— Только имя и должность. Остальное я сам скажу.

Конечно, Зенов сильно волновался, к тому же сказалась бессонная и такая волнительная ночь, но вот диктор представил, и все камеры повернулись в его сторону:

— Доброе утро, дорогие земляки. Вы, очевидно, слышали ночью излишний шум на улицах и в отдельных домах. Мы все тяжело переживаем трагические события последних недель, когда разнузданные бандиты бесцеремонно врываются в наши дома, калечили и убивали людей, издевались и насиловали, и целью их был только грабеж, только сбор денег и драгоценностей для поддержки бандитского подполья на Северном Кавказе, где и сегодня гибнут наши дети. Потому властью было принято решение разом накрыть бандитское гнездо в городе. И нам это удалось. Арестовано около ста сорока бандитов, в том числе главарь Исса Усманов. Руководство области, органов правопорядка и силовых структур приносят извинения за доставленные сегодняшней ночью неприятности. И я прошу вас, товарищи, сообщать обо всех подозрительных личностях, появившихся в вашем доме или на вашей улице, новые телефоны доверия будут сегодня весь день на экранах телевизоров, будут повторяться по радио и напечатаны в газетах. Всего вам доброго.

Погашены осветительные приборы, выключены камеры и микрофоны. Директор спросил учтиво:

— Макар Устинович, может, кофейку?

— Коньяк у тебя есть? — строго спросил Зенов.

— Конечно, — кивнул директор.

— Полный бокал. Признаться, я сильно устал за эту ночь.

Когда он выпил, директор спросил:

— Мы несколько иначе планировали новую встречу с губернатором. Но получилось вот так. И всетаки: вы придете к нам для встречи с вашими гражданами, как мы планировали?

— Зовите. Приду. Только коньяк — строго между нами. Договорились? Директор понимающе развел руками.

Коломынцев знал, что ЗАО «Искра» готовят к банкротству, ездил туда сам со специалистами, изучили обстановку, решили соглашаться на банкротство, но найти возможность перехватить недвижимость и часть скота, хотя бы коров. Продажей техники и мясного скота можно было покрыть долги, и тогда нужен надежный инвестор, найти которого, как рассуждал директор департамента, будет несложно: хозяйство, что называется, «на ходу», технику за зиму можно приобрести, конечно, придется вложить и бюджетные средства. В общем, Коломынцев был спокоен, и когда ему сообщили, что в Клейбуково чуть ли не восстание, он сразу позвонил главе района Костенко:

— Сергей Григорьевич, что у тебя в Клейбуково? Что за разговоры о восстании, и почему ты до сих пор молчишь?

Глава долго пыхтел в трубку, Коломынцев хотел даже его поторопить, наконец, заговорил:

— Там беда, Иван Михайлович, завелись провокаторы, сначала не пустили к документам конкурсного управляющего, потом избили его и вызвали скорую, чтобы увезти. Мне сообщили, я приехал один, с водителем, меня сразу выволокли из машины и привели в клуб. Полный зал народу. Просят, чтобы я объяснил, в чем дело. Я сказал, как есть: хозяйство банкрот, пойдет с молотка.

— Ты что несешь? С какого молотка? — заорал в трубку Коломынцев. — Мы же договорились, и налоговая была, и ты был, договорились, что и как сделать. Кто назначен конкурсным?

Костенко опять долго пыхтел, директор не выдержал:

— Что ты тужишься, как на горшке? Говори толком!

— Иван Михайлович, меня крепко помяли, все болит.

— Кто помял? — не понял Коломынцев.

— Толпа, провокаторы.

— Кто конкурсный? Что ты тянешь?

— Да вы его знаете. Густомесов.

Коломынцев переспросил:

— Это тот самый, который подвел под банкротство агрофирму «Луч»?

— Да, это он.

— Как ты мог допустить, чтобы этому жулику дали возможность подержать в руках «Искру»? Кто был на суде? — Коломынцева трясло от гнева. — Ты почему не был на суде, когда решалась судьба крупнейшего в районе хозяйства? Это ты должен был выступить перед судьями с убедительными расчетами на спасение хозяйства, при некоторых издержках? Да вы что там, совсем страх потеряли? Ладно, о тебе потом. Что сейчас в селе?

— Не знаю, я отправил милицию, кого-то арестовали, Густомесов звонил, что нашел покупателей, берут все хозяйство вместе с долгами. Но народ установил охрану, люди с оружием, ни в склады, ни в гаражи не пускают.

— И правильно делают. Губернатору докладывал?

— Нет, честно говоря, Иван Михайлович, боюсь.

— Ну, тебе уже бояться нечего, с должности ты вылетишь в любом случае. — Положил трубку и тут же нажал кнопку вызова губернатора.

— Макар Устинович, я к вам по поводу Клейбуково.

Зенов встретил хмуро, пожал руку, кивнул на стул. Иван заметил, что на столе бумага с титулом арбитражного суда.

— Вот, изучаю механизм передела собственности. Ты мне докладывал одно, цифры вот, под рукой, в суде все идет по-иному. Сумма долгов перед бюджетом завышена в два раза, документ заверен налоговой инспекцией. Баланс перевернут, стоимость основных средств занижена процентов на тридцать. И так далее, и так далее. В результате суд принимает решение о начале процедуры банкротства и назначает своим доверенным лицом этого жулика Густомесова. Я только что разговаривал с председателем суда, тот мне сразу о независимости. Помешались на том, что никто не может им морду набить. Говорю конкретно об «Искре». Что-то промямлил, потом предложил связаться с судьей Набиулиной, она рассматривала дело. И что? С порога: «Если есть основания для обжалования — пожалуйста. Но решение уже вступило в силу и исполняется». Ты понял: она даже знает, что исполняется.

— Макар Устинович, я немедленно еду в Клейбуково.

Зенов его остановил движением руки:

— Нет. Оставайся на хозяйстве, дел много, я поеду. Там сразу надо решать по главе. Твой Гульятев, начальник сельхозуправления, потянет?

Коломынцев помялся:

— Отдавать жалко, хороший парень, а что потянет... Кстати, а он почему на суде не был? Неужели испугался? Да быть не может!

Губернатор кивнул:

— Уже выяснил. Он попал в больницу, упал с лошади, ключицу сломал и руку вывихнул.

— Любитель, я знаю. И лошади у него красивые. Я сам сильно любил по молодости... — вздохнул Коломынцев.

— Так. Выеду рано утром. Предупреди всех в Клейбуково, чтобы к девяти часам были на месте, все действующие и бездействующие. Иди, работай.

Иван дошел до дверей, остановился:

— Макар Устинович, охрана должна быть с вами.

— Не придумывай, Иван Михайлович, к своим людям еду.

— Не отступлю. Только с охраной!

— Ладно, иди уже. Возьму своих.

Внизу Коломынцев зашел в блок охраны, поздоровался с ребятами, прошел в кабинет начальника. Все ему рассказал. Новый человек на должности, майор быстро сориентировался и предложил следом за машиной охраны губернатора направить машину УФСБ, даже пообещал сам решить этот вопрос и доложить. Понятно, что Зенов не должен знать и видеть эту машину, если не будет необходимости в дополнительных мерах.

Клейбуково встретило губернатора пустотой улиц и большим скоплением людей на площади у дома культуры. Майор дал команду второй машине встать в сторонке. Зенов вышел, водителю и начальнику охраны велел остаться. Подошел, всем сразу сказал «Здравствуйте!» и спросил:

— Кто-нибудь один из самых активных и толковых — расскажите мне, что у вас произошло за последние дни.

Вперед вышел уже немолодой человек, лицо его показалось знакомым.

— Мы с вами раньше встречались?

— Было. В прошлом году, когда у нас еще все нормально было, я больше всех зерна намолотил, у меня комбайн «Дон». А вы мне на областном совещании холодильник подарили.

— Вспомнил. Имя назовите.

— Удилов Анатолий Михайлович.

— Рассказывайте.

Удилов с волнением начал говорить. Приехали люди, не русской нации, с ними человек, предоставил документ, что он назначен по ликвидации бывшего колхоза, а теперь ЗАО «Искра». С ними же ди-

ректор ЗАО Сараев, которого собранию навязал глава района. Глава района Костенко тут же. Он тогда крестьян пугал: не примете Сараева — ничего не получите, никакой поддержки. А при Сараеве расцветете. Потом зачитали решение суда, вроде как все распродать в погашение долгов. У него жена в бухгалтерии работает, говорит, что долги есть, но не столько. Люди просят эту бумагу из суда, но никто не дает. Тогда народ заявил, что ничего не даст из хозяйства. Густомесов со своими людьми кинулись было в контору, но их не пустили, кто-то сбил его с ног и попинал. Тогда вступился глава района, заявил, что вызвал милицию и всех зачинщиков арестует. Когда приехала милиция, народ шарханулся, и Костенко упал, по нему пробежала толпа. Милиции никого не отдали, те ни с чем и уехали, вместе с ними все гости.

— Спасибо, Анатолий Михайлович, — поблагодарил Зенов. — Давайте сделаем переключку, надо же знать, с кем будем говорить. Костенко? Так. Густомесов? А директор ЗАО «Искра»? Здесь? Тогда, товарищи, пройдем в зал, Анатолий Михайлович, поставьте в дверях контроль, чтобы не члены коллектива не вошли и не мешали нам работать.

— Товарищ губернатор, эти люди заинтересованные, они должны принимать участие в собрании, — Густомесов подошел поближе. Зенов тихо его спросил:

— Ты почему до сих пор на свободе? И как ты пролез в банду арбитражных бандитов? Обещаю, что я о тебе лично позабочусь. И не смей называть меня товарищем!

Пока рассаживались в зале, Зенов поднялся на сцену и приказал девушкам убрать все стулья, кроме одного, сам отодвинул огромный стол президиума под одобрительный гул зала и вынес из-за кулис маленький журнальный столик. Клубный паренек ловко поставил перед ним микрофон, второй на штативе установил перед сценой. С высоты сцены Зенов увидел начальника своей охраны и еще несколько человек явно из его команды, но незнакомых.

— Начнем работу. Приглашаю к микрофону директора ЗАО «Искра» господина Сараева.

Тот крикнул с места:

— А я слова не просил.

— А мы вам даем не слово, а вопросы. Выходите, помогите ему, кто поближе.

Сараев был явно испуган, судорожно вытирал пот со лба.

— Дайте объективную характеристику сегодняшнего экономического состояния хозяйства.

Сараев вытащил из кармана пиджака бумаги и стал называть цифры, полностью совпадающими с теми, что были в постановлении арбитражного суда. Зенов его остановил:

— Объявляю собранию: эти цифры — ложь, которую придумали махинаторы, чтобы прибрать к рукам производство. Есть тут работники учета, кто владеет настоящей информацией?

К микрофону вышла женщина, представилась губернатору:

— Я Удилова Клавдия Афанасьевна, жена Анатолия Михайловича.

— Замечательный у вас муж, Клавдия Афанасьевна, честный и порядочный человек. Докладывайте.

— Товарищи, все, что наплел здесь Сараев — грязная ложь. Они переделали баланс, подделали подписи и поставили печати на фальшивку. На основании этой фальшивки нас признали банкротами и сейчас собираются продать вон той компашке чеченцев или дагестанцев, которые уже третий день ржут над нами, как над своими рабами. Но не бывать этому!

— Не бывать! — эхом отозвался зал. Зенов даже вздрогнул, не ожидал такой реакции.

— Сараев, сядьте на место, через час привезут ордер на ваш арест, поедете с нами в следственный изолятор ФСБ.

В зале наступила испуганная тишина. Милиция — это вроде понятно, а ФСБ — это же почти КГБ. Зенов заметил, что Густомесов встал и начал пробираться к выходу. Он шепнул в микрофон связи с охраной:

— Аркадий, Густомесова не выпускать, он нам нужен.

Никто не придавал значения тому, что Густомесов прогулялся и вернулся на свое место.

— Господин Густомесов, к микрофону. Объясните людям, как вы, вчерашний подследственный по делу о развале агрофирмы «Луч» в Ильинском районе и не посаженный в тюрьму только по несовершенству наших законов, попали в конкурсные управляющие по распродаже этого хозяйства?

Густомесова такими вопросами не смутишь, он отвечал уверенно и нагло:

— Странные вопросы вы задаете, господин губернатор. Суд меня оправдал полностью. Поскольку я имею опыт руководящей работы, прошел обучение и получил право проводить конкурсы по реализации имущества должников-банкротов, каковым является сегодня ЗАО «Искра».

— Садитесь пока, — махнул рукой Зенов. — Товарищи, я хочу поблагодарить вас за активную жизненную и гражданскую позицию. Как

нам сегодня этого не хватает! Вот такие подлецы, как Сараев и Густомесов при молчаливом согласии или даже материальной заинтересованности таких руководителей, как бывший глава района Костенко, угробили в области десятки хозяйств, которые можно было еще спасти. Вот и к вашему хозяйству применили высшую меру, а могли назначить кризисного управляющего, желательно, по согласованию с органами власти, чтобы это не была копия Густомесова, и мы общими усилиями преодолели бы трудности, которые не являются фатальными, ну, смертельными, проще говоря. Костенко от должности освобожден, будет находиться под подпиской о невыезде пока как свидетель. Главу назначим прямо сейчас. Товарищ Гультияев, вы здесь?

— Да.

— Проходите к микрофону. Я предлагаю вам возглавить район. У вас есть возражения?

— Нет.

— Какой молодец, все коротко и ясно. Поздравляю. Назначение будет подписано сегодня же, но к работе приступайте сразу. Так. Подвезли необходимые документы на задержание Густомесова и Сараева. Пакуйте их, ребята. Обращаюсь к залу: будьте бдительны. Мы пришлем наряд милиции для охраны объектов, но и ваш контроль нужен. Продолжайте работать. Ваши проблемы будут решены, это я обещаю.

Его провожали всем селом, подходили и жали руку, благодарили. Он благодарил их. Подошел Удилов, тихо шепнул:

— Кавказцы все смотались. Вы по дороге будьте осторожны.

— Спасибо, Анатолий Михайлович. И вы тут будьте бдительны.

Когда сели в машину, начальник охраны предложил Зенову вызвать вертолет:

— Макар Устинович, я настаиваю. Здесь было не меньше десятка боевиков, безусловно, все они вооружены, и неизвестно еще, что у них в машинах. Наши машины простой мины не выдержат.

Зенов отмахнулся:

— Аркадий, ты нагнетаешь обстановку. Неужели они могут напасть на кортеж из трех, как я вижу, машин?

— Макар Устинович, я вынужден информировать начальника УФСБ, извините.

Он вышел из машины и говорил несколько минут, потом сел и доложил:

— Вертушка будет через час.

— Может, все-таки поедем? Подлетит — пересядем.

— Ни в коем случае, Макар Наумович. Ждем на месте. А лучше пойти в дом культуры.

Девушки согрели чай, Клавдия Афанасьевна принесла из столовой целый тазик мясных котлет, ели и пили чай, разговаривали о жизни. Вдруг три мощных взрыва выхлестнули окна в фойе, все охранники выскочили, началась стрельба. Аркадий стоял впереди губернатора, женщины сбились за сценой.

— У ребят только пистолеты, автоматы не вынимали из машин, чтобы народ не смущать, — негодовал майор.

Вдруг в нечастые пистолетные выстрелы охраны и автоматные очереди боевиков вмешались ружейные хлопки. Это местные мужики, понявшие, в чем дело, шли на помощь своим. Две машины бандитов, спрятанные в кустарнике, остались с прострелянными шинами. Подлетел милицейский уазик, у ребят автоматы и гранаты. Через час все было закончено. Из обгоревших автомашин выволокли останки Густомесова и Сараева. Три бойца из группы охраны губернатора, оставленные у автомашин, были убиты осколками мин. Трупы боевиков сложили в ряд. По совету майора все время боя вертолет кружил на большой высоте чуть в стороне от села. Сейчас он приземлился на площади перед домом культуры. Вызвали еще одну вертушку, чтобы увезти всех живых и убитых. Милиционеры должны доставить трупы бандитов.

Зенов сел в вертолет, в который погрузили погибших. Аркадий рядом с ним.

— Как ты думаешь, Аркадий, мы сумеем вытравить всех этих крыс?

— Должны, шеф, иначе ни нам, ни России не жить, — ответил майор и заплакал, глядя на лица своих боевых друзей.

На подходе к городу летчик запросил у начальника охраны место посадки, Аркадий предложил губернатору сесть на площадке загородной резиденции. Зенов не согласился: пусть садится на своем аэродроме, туда же вызвать машины.

Майор открыл дверь и осмотрелся. Сумерки, на площадке никого, рабочий день окончен. Спустился первым, за ним шеф. Стоявшие у выхода ребята сразу все поняли: майор упал на спину, губернатор с последней ступеньки лицом вниз, словно пытаясь охватить всю землю.

Сообщение о гибели Зенова потрясло Родиона, он позвонил водителю и в ночь выехал в город. Коломынцев по телефону кратко рассказал о трагедии, договорились встретиться утром. За ночь ничего не изменилось, нашли два места, откуда стреляли снайперы, но

никаких следов. Все понимали, что убийство связано с активной работой губернатора по наведению порядка с кавказской миграцией и проникновением криминальных структур в бизнес. Видимо, последней каплей стал срыв приличной сделки по «Искре». Генерал Рыбаков заявил, что расследование фальсификации банкротства будет проведено быстро и тщательно.

Похороны не были пышными. Приехавшие из общины старообрядцы попросили провести прощание и отдать им тело сородича для погребения по обычаям предков. Кто-то пытался возражать, что губернатор должен быть похоронен на видном месте престижного кладбища, но решено было согласиться с родственниками. Говорили потом, что в деревне тело Макара Устиновича переложили в простой дубовый гроб, отпели в скиту и похоронили на местном кладбище.

Коломынцев приехал к Бывакину в городской офис, выпили по рюмке коньяка, помолчали, вспоминая друга. Иван первым нарушил тишину:

— Есть новости, Родион. Губернатор к нам приедет со стороны, один из друзей главы администрации президента. Он сидит в замах губернатора, я навел справки. Ничего хорошего. В твои года, курирует строительство, общается только с верхушкой, считается самым богатым человеком в области. Дом на Кипре, самолет, яхта — весь набор. Понятно, с таким вождем мне не по пути, подаю в отставку.

— И куда? На свинокомплекс? — спросил Родион.

— А куда же еще? — засмеялся Коломынцев. — Запасов нет, надо работать, сейчас ребята один за другим школу заканчивают, надо определять. Скучать не придется.

Родион осторожно спросил, понимая, сколь больной вопрос задает:

— А область? Такие были планы, такие проекты начали, без поддержки бюджета многое придется свернуть. Я думаю, может, вообще продать все в городе и уехать в деревню? Вокруг меня столько деревень без дела, столько земли пустует — есть где развернуться.

— Это ты сам решаешь, — согласился Коломынцев. — А я завтра иду к вице, заявление на стол, семейный портрет со стола в свой собственный портфель, и домой. Там посоветуемся, возможно, к свиньям один поеду.

Родион неожиданно спросил:

— Иван Михайлович, ты оперативные милицейские сводки смотришь?

Коломынцев недовольно поднял голову:

— Мне своих хватает, по надоям и привесам, по кредитам и дотациям. А это ты к чему?

Родион взгляда не отвел:

— Мои ребята в одном месте хорошо потрясли бандита, из этих, что в городе не отловили. Дожали его, дал фамилии и в какой деревне сидит. Новые смотрящие, только хуже. Давят с мужика последнюю копейку, а в уборку зерно сдают на свои счета. Так вот, мои ребята пошли по этим адресам. Знаю, что против закона, но не против совести. Кто их просил с Кавказа в Сибирь, кто позволил гнобить русского человека?! Власть. К ней мы не пошли, потому что как только информация попала в милицию, она тут же пересылается бандитам. Такая у нас система. Потому я не стал отговаривать мужиков. Они все прошли через Чечню, такое повидали, что даже мне страшно слушать. Может, месть в них говорит, может, мозги эта война развернула, только решение они приняли сами, меня лишь проинформировали, чтобы заменил их на рабочих местах.

— А у тебя они что работали?

— Заботились, чтобы я спокойно кофе пил по утрам, а ночами не прислушивался к каждому шороху, — отшутился Родион. — Иван Михайлович, война идет в России, власти не хотят этого признавать, а народ собственной шкурой чувствует и протестует.

— Надеюсь, семьи они не трогают? — строго спросил Коломынцев.

Родя очень ответственно заверил:

— Нет. Мы договорились, что в домах они вообще не будут появляться, выследят и уберут в стороне. Трупы не будут найдены, по крайней мере, в ближайшее время, потому все жертвы попадают в разряд потерявшихся: «Ушел из дома и не вернулся».

Коломынцев долго молчал, заговорил жестко:

— Родион Петрович, ты знаешь, я не сторонник крутых мер, но давно тебя знаю и верю, что ты действуешь по совести. Короче говоря, сводки видел и сам удивлялся: куда деваются эти кавказские парни? Наши могут загулять, к чужой бабе завалиться, тут впору в розыск подавать А эти? Не одобряю, но и не протестую. Ты домой?

— Нет, надо мне в одно место, — неопределенно ответил Родион. Попрошались, договорились созвониться, как только отставка Коломынцева будет принята.

Родион поехал к Алахитдину и Гузель, он так давно не был в этом милом доме, где вкусно пахнет жареным мясом, пряностями и лечебными травами, которые девушка сама собирает в местных лесах и лугах. Однажды он спросил, не проще ли попросить земляков выслать травы с родины, на что девушка улыбнулась и объяснила, как первокласснику, что человек должен кушать ту пищу, которая выросла

там, где он живет. И лечиться только своими травами, чужие могут даже навредить. Ей всегда смешно, когда сибиряки покупают бананы, но совсем не знают целебных качеств лопуха. Гузель взяла в библиотеке много книг о травах Сибири, и теперь знала, кажется, все. В дальней комнатке дома на тоненьких жердочках висели пучки, а то и настоящие веники разных трав. Она показала Родиону свои сокровища еще до серьезного объяснения, и ему показалось, что она специально касалась его грудью, когда дотягивалась до очередной травки. Теперь он думает, что это было случайно, потому что даже сама девушка не замечала этого и не смущалась, хотя смущалась и по самым безобидным пустякам.

Он звонил ей и знал, что дела в институте идут хорошо, ее никто не обижает, что скоро вернется из армии Остон и, наверное, придет к ним в гости. Родион пометил себе, что надо решить судьбу молодых людей, надо купить им хотя бы двухкомнатную квартиру, выучить молодого узбека какой-то строительной специальности и определить в хорошую бригаду, чтобы он зарабатывал приличные деньги. Гузель знает, что она учится на бюджетном месте, фирма Роди ежегодно перечисляет институту солидную сумму, которая с лихвой покрывает все расходы и скромную стипендию. Он не хотел, чтобы девушка знала это и чувствовала себя обязанной.

Алахитдин поправил свое здоровье в частной клинике и чувствовал себя превосходно. Как он благодарил врачей, какие сладкие слова говорил медицинским сестрам при расставании! Главный врач лично пришел попрощаться со столь дорогим пациентом и настоятельно рекомендовал при первых же признаках каких-либо ощущений в сердце обращаться именно в его клинику.

Родион не особо утруждал себя размышлениями над проблемами государства и общества. Его знаний и опыта вполне хватало, чтобы решать производственные вопросы, потому что он вмешивался только в самое важное, все остальное сваливалось на специалистов и руководителей. Он помнил Советский Союз, помнил, что в школе девчонки читали и плакали над книжками киргиза Айтматова, потом на зоне он прочитал «Мой Дагестан» какого-то Расула, даже старые зеки вытирали слезы, когда казашка Роза пела пронзительную песню про героя Советского Союза Алию, как родным, аплодировали Муслиму, Мимино, красавицам Софье и Чепраге. На зоне показывали фильм про отца грузинского солдата, который все кино искал своего сына, и нашел уже убитого. Никто

не давал команды, но весь зал встал, когда отец на грузинском разговаривал с убитым сыном. Куда все это пропало? Почему русских все не любят, а половина бывших братьев откровенно ненавидит? Почему нынешнее поколение должно отвечать за жестокое выселение чеченцев в начале войны? За что они так? Немцев тоже выселили, в деревне Роди жили несколько семей, в школе Кехтер, Кауц, Флёр, Кинсфатер сидели за партами вместе с Ивановыми и Петровыми. Да, дрались, но не «национальной почве», хотя и, было, обзывали «фрицами». Дома за это «всыпали». Немцы никого не резали, спокойно снялись и уехали в свой фатерланд. Которые остались, работали так, что русским стыдно было. Он еще и еще раз пытался убедить себя, что ребята, отстреливающие бандитов, взяли на себя этот грех во имя спокойствия людей. Война не объявлена, но она идет. Потом он поймал себя на мысли: почему не объявлена? А джихад? Разве не в полный голос было сказано, что резать русских – святое дело, и Аллах благословляет убийц? Было? А почему мы должны молчать? Вот показывали по телевизору, как в центре Москвы мусульмане приносят в жертву баранов. Бараны кричат! А русский должен молчать...

Алахитдин встретил гостя в дверях, сокрушался и хлопал в ладоши, что Родя не предупредил, и на кухне нет теплого мяса. Родион успокоил, что не надо ничего готовить, он выпьет чашку чая и послушает рассказ о здоровье старика. В это время вошла Гузель. «Боже, как она красива!» – невольно подумал Родион, гоня эти мысли. Девушка молча поклонилась и сказала, что через пять минут чай будет готов. За это время Родион рассказал отцу, как планирует решить судьбу его дочери. Алахитдин заплакал:

– Родя, дорогой мой, ты благородный человек. Я тебе скажу, чего никому нельзя говорить. Дочь после вашего разговора так горько плакала, что в слезах спросила, почему русские мужчины могут иметь только одну жену, она бы очень хотела быть младшей твоей женой. Ах, любовь, что она делает с человеком? Сколько радости в ней, столько и печали, и кому что достанется.

– Успокойся, ата, вот приедет Остон, сыграем свадьбу, Гузель все забудет с молодым мужем.

– Аллах услышит твои слова, добрый человек!

Гузель подала поднос в восточными сладостями, налила две пиалы чая и поклонилась. Родион остановил ее:

– Гузель, я попрошу отца, он разрешит тебе сидеть с нами за од-

ним дастарханом, я так редко вижу тебя и скучаю. Ты мне как сестра, которую я люблю.

Гузель вспыхнула и со слезами посмотрела на Родю:

— Быть вашей сестрой — большая честь для меня.

— Как дела в чайхане, дорогой Алахитдин? — спросил Родя.

— Люди приходят, кушают, пьют чай, благодарят, оставляют немного денег. Слава Аллаху, все хорошо!

Гузель вышла проводить Родиона. Он вынул конверт и подал ей:

— Сестра моя, скоро зима, тебе надо купить теплую одежду.

— Мне стыдно брать ваши деньги, ведь я ничем не могу расплатиться с вами.

— Вот закончишь учебу, станешь большим доктором, будешь меня лечить.

— Я буду молиться, чтобы вы никогда не болели.

— До свиданья, сестра!

Гузель заплакала и едва выговорила:

— До свидания, брат!

— Папка, а твоя машина может подняться на ту гору? — и Петька указал на выступ, когда-то тоже привлекавший Родю и его друзей. Через село отступали колчаковцы во время Гражданской войны. Деваться им было некуда, красные настигали, и побитые роты вынуждены были сбиваться к единственному мосту через полноводный Ишим. Они прошли село, на площадке колокольни установили пулеметы, но красные командиры дали команду ударить по церкви прямой наводкой. Выстрел получился удачный, пулеметы вместе с дубовыми плахами перекрытия и останками несчастных солдатиков сдуло с колокольни. Основная часть окопалась на Горе, так называли крутое возвышение, тянущееся издалека и уходившее в другую сторону. Видно, стрельба тут была, потому что ребяташки рыли и находили полуистлевшие патроны, иногда даже с пулями.

— Поднимемся, сынок, только с другой стороны.

Он отъехал с полкилометра, помня, что тут должен быть боковой подъем: в лоб ни одна лошадь не смогла бы утянуть даже пустую телегу. Выехали к выступу, и вот оно, родное село, как на ладони. Несколько новых улиц, школа, дом культуры, детский сад. Между селом и Горой огромный сад, приехала агроном-садовод, Горлов и предложил: какой смысл ее переучивать, не проще ли поручить дело по профессии? Конечно, все это влетело в копеечку, зато сейчас во всем

районе торгуют бывакинскими яблоками, грушами и сливами. А по ту сторону села речка Сухарюшка, названная в честь деда Артамона Сухарева, жившего на берегу и в большеводье спасшего пятерых ребяташек, выкурнувшихся из лодки на водовороте. Сам старик не выдержал, последнего выпихнул на берег и умер. Такова легенда, но Родион поручил учителям истории, и они нашли в архиве церковную книгу, где есть запись об отпевании раба божьего Артамона, «положившего жизнь за души невинных отроков на воде». Большой участок земли, окаймленный речкой, разработали и устроили огород, тут арбузы, огурцы, лук и чеснок, капуста и морковка, редька, каляга и много всего. Осенью машины из города приходили и забирали все подчистую, только себе в склады женщины успевали уложить запасы. Особого дохода сад с огородом не приносили, но славу агрофирме «Бывакинская» создавали на всю округу.

Родион долго не мог привыкнуть в новому названию своего хозяйства. Несколько лет подряд присоединялись соседние деревни, росла пашня, строили новые фермы. Напрасно его пугали, что народ обленился, работать ни за что не будет, а будет только красть. Было и воровство, только сами рабочие ловили и нещадно били тунеядцев. На очередном собрании слова попросил приехавший в гости Иван Михайлович Коломынцев:

— Дорогие мои соседи и коллеги по крестьянскому делу. Я восхищаюсь вашей работой, вашими достижениями. Я восхищаюсь своим давним товарищем Родионом Петровичем. Ведь кроме агрофирмы он еще и семью свою укрепляет, полюбовался сегодня и на супругу его Анастасию Ивановну, и на двух сыновей, и на дочек-двойняшек. Все у него получается! А я вам скажу, почему. Потому что он не ждал подачки от государства, а продал то, что имел в городе, два завода продал, которые из руин поднимал, и я тому свидетель. Все вложено в скот и технику, во все, что приносит сегодня прибыль хозяйству. Да и то, что нарабатывает его строительный комплекс, не в швейцарских банках, а в жилых домах, которые вы впервые после советской власти получаете бесплатно, в тех ста путевках, по которым вы каждый год лечитесь в лучших санаториях. Я был в вашем доме-интернате для престарелых — не в каждой семье о стариках так заботятся. И все это создано вами, дорогие товарищи, под руководством Родиона Петровича Бывакина. Вот он, мой товарищ, сидит в первом ряду вместе с женой и верными соратниками. Я его не предупреждал и согласия не спрашивал, знаю, что он категорически бы мне запретил и даже не пустил бы на это со-

брание. От всей души и от чистого сердца вношу предложение переименовать ваше хозяйство в агрофирму «Бывакинская».

В зале несколько мгновений стояла тишина, потом ударили аплодисменты, молодежь прыгала в задних рядах и скандировала: «Бывакинская! Бывакинская!». В зале кричали: «Правильно», «Заслужил!», «Голосуйте!». Владимир Гаврилович постучал о графин, требуя тишины, но перед залом встал генеральный директор.

– Земляки, друзья мои, вы знаете, как я отношусь ко всякого рода почитаниям, не зря и сегодня половина работников, кто постарше, так и зовут меня Родей. И это нормально. Иван Михайлович внес серьезное предложение, его с бухты-барахты не примешь. Я бы просил пока отказаться, а дальше видно будет. Поймите, мне будет сильно неловко от такой чести. Поймите!

Зал молчал. И встал Сема Бородин, рядом с ним Зина, Клавдия Афанасьевна, Веня Брезгин, дед Тихон. Семен крикнул:

– Родион Петрович, Родя наш дорогой! Пусть стыдятся те, кто довел деревню до такой степени, что хуже некуда. Мы же видим, как живут в других местах, к нам на экскурсии приезжают, говорят, что мы при коммунизме живем. Так что не журишь, Родион Петрович, имя твое правильно надо прилепить к колхозу, это не тебе честь, а нам, кого ты из дерма вытащил. Председатель, ставь ребром: кто за Бывакина?

Горлов ничего не успел сказать, лес рук взметнулся над залом, а потом долго еще гремели аплодисменты. Настена плакала, Родя огромным усилием воли сдержал рыдания...

С выступления было видно на много верст на все три стороны. И везде колыхались хлеба, могучие, высокие, полные сил и энергии. Родя усадил сына, заехал домой за Настеной, Ванюшкой и Фешей с Варей. Сына назвал в память о Докторе Иване Александровиче Бачурине, дочерей в честь мамы и той самой Вари, о которой Настя только догадывалась. Поехали в поле, Родя нарезал ножом сноп, дети сорвали по колоску, Настя тоже, все сложили вместе и стянули тугой алой лентой. Этот сноп Родион Петрович Бывакин, бывший зек, народный мститель и крестьянин, верный земле, на которой родился, поставит у себя в деревенском доме на самом видном месте.

Хлеб.

На каждый день.

И на всю жизнь.

2015 год

ГРИША АТАМАНОВ

Повесть

ПРОЛОГ

Первому сибирскому снегу Данилка нарадоваться не мог, белый пух два дня валился из серого неба и укрывал землю, еще вчера уныло мерзнувшую в наступающих холодах. Снег превратился в сугробы, поднявшийся студеный ветер, называемый здесь сиверком, распределил его поближе к плетням и заплотам, старался втиснуть в подворотни и завалить ограды, а на задах все усадьбы утеплить под самые крыши. Данилка не шел со двора, широкой тесаной лопатой, по совету местных мужиков приготовленной с лета, сгребал легкий снежок на завалинку, крутой валик сухого чернозема, по второе бревно обнявший избу со всех сторон. Тоже мужики подсказали, что лежки, короткие комлевые бревна, уложенные в основание избы, под первое окладное бревно, на зиму надо обваливать землей, а потом снегом под самые окна, чтобы теплее.

Мужиков не шибко удивило появление в селе Смирном нового человека, кругом окапывались переселенцы из Расеи, рыли землянки на первый случай, некоторые выкупали на зиму угол у старожилов, а после посевной рубили избы или даже дома. Народишко был при копейке, власти снабжали на обзаведение, местные, хоть и не любили новоселов, но готовы были продать и скотину, и что из инвентаря. Одно было странно, что молодой мужик прибыл без семьи, жил у старухи Рогожихи, ни с кем не общался, быстро сориентировался в ценах, закупил красный сосновый лес и плахи в городе, нанял бригаду и поставил большую избу. На замечание строителей, что можно бы перегородить сруб на избу и горницу, как заведено, кратко ответил, что изба — дело временное, осмотрится, и дом станет строить из кирпича. Строители хохотнули, и слух прошел, что парень себе на уме.

Столько снега он никогда не видел, в родных краях, о которых дал себе слово не вспоминать, чтобы не тревожить память и в чем-нибудь не проболтаться случайно, выпадал, бывало, снежок, но только

на несколько дней, сразу подтаивал, мутнел, никакой красоты, одни неудобства. Расчистив ограду, обнесенную высоким бревенчатым заплотом, он поставил под сарай к поленнице дров лопату, начисто обмел веником-голиком новенькие пимы-самокатки и пошел в избу. Теплую фуфайку набросил на железную вешалку, скованную здешним кузнецом, поправил приготовленный к холодам полушубок. Вынул из печи горшок с кашей, поел, убрал на залавок посуду: «Потом помою». Холостяцкая жизнь была скучна, летом работы много, так вымотаешься, что не до гулянок и вечеров, как тут принято, только бы до постели добраться. А теперь тоскливо. Пока жил у Рогожихи, все ее советы выслушивал: «Ты, паря, не засиживайся, найди себе девку ко влазинам в новую избу, вот тебе и хозяйка». И все на Веру Тагильцеву указывала, мол, и телом полна, и лицом чиста, да и порода не гульливая, работающая. Данилка и сам видел эту девку, при встрече она смущенно закрывала лицо платком или полушалком, но он знал, что с чужими так и положено себя вести.

А встретился с Верой на воскресной службе в церкви Покрова, он ходил туда редко, чаще уезжал в город, где в большом кафедральном соборе всегдалюдно и ты можешь тихонько исповедовать Богу свои грехи. А тут сон привиделся, да столь ятный, что и, проснувшись, Данилка долго еще находился там, в родном краю, в доме пана Ецукка. Потому и отправился в ближайшее воскресенье на службу, дождался исповеди.

— Грешен ли, раб Божий Даниил?

— Грешен, батюшка.

— Кайся, Господь видит твои деяния и простит, если не смертны грехи твои.

— Каюсь, батюшка, что на жен чужих посматриваю.

— Сие есть грех, уже прелюбодействовал ты в сердце своем.

— Еще каюсь... (что бы ему такое сказать, чтобы он назначил епитимью, да и делу конец?), каюсь, прибил как-то соседскую курицу, в огород залетела.

— Ты, сын мой, перед Богом стоишь, а не в курятнике. Сие вы с соседом замирите, а за то, что таишь в душе своей, назначаю тебе по десяти раз утром и вечером неделю кряду читать «Отче наш». По истечении срока придешь к исповеди, а пока лишаю причастия. Пойди вон.

Повернулся, а Вера лицом к лицу, чуть не столкнулись, опять покраснела вся и ушла на клирос. Решил дождаться, походил вокруг церкви, срублена надежно, а у нас все каменные, дерева нет.

Тыфу ты, опять за свое! Что же Вере сказать? Позвать вечером на встречу — только отпугнешь, а как по-другому? Она вышла на паперть, повернулась к иконе над входом, трижды перекрестилась и метнулась, вроде, в другую от него сторону.

— Обожди, Вера Павловна, чего ты от меня закрываешься?

— Не место тут говорить про это, — шепнула она.

— Укажи место, я на край света приду.

— После управы подойди к керосиновой лавке.

Ах, как хороша! И одета скромно да аккуратнo, потому что в церковь не можно расфуфыриваться, и волосы прибраны под платком, росточком чуть разве его пониже, но в кости широка и лицо строгое. Губки только маленько подвели, пухловатые, вот там была у него зазноба... Он опять спохватился и заставил себя думать о встрече с Верой. Раз согласилась придти, значит, тоже его приметила, а он долго ждать не будет, сговор с родителями совершить и назначить свадьбу с венчанием.

В тот вечер он дождался потемок, подошел к лавке, керосином несло, как от пролитой неловко лампы, была у него дома такая оплошность. Постоял, увидел неспешно идущую Веру, свернула к лавке, степенно остановилась.

— Чего сказать хотел, Данила Богданович? Торопись, мне не след с парнем незнакомым подолгу стоять.

Данилка оробел, но понял, что его час, и сказал шепотом, сделал еще шаг поближе к девушке:

— Выходи за меня замуж, вовек не пожалеешь.

Вера улыбнулась, он видел это даже в сумерках.

— Да как же я могу тебе хоть что сказать, если знать совсем не знаю, и кто ты, и откуда, и что за душой? Спрошу у тяти, если разрешит, буду с тобой на людях встречаться. А замуж мне не к спеху, года не ушли, да и женихов табун. — Вера говорила это скорей от девичьей гордости, чтобы не больно зазнавался, что вышла к нему. — Все, пошла я.

Данилка улыбнулся такому воспоминанию, задернул занавески, зажег лампу, достал книгу по маслоделию, купил в городе у старого мастера. Всю от корки до корки прочитал, целую тетрадку записал, теперь начал чертежи рисовать, как и что сделать, какие машины прикупить. Не просто молоканку, какую видел в соседней деревне Чирочки, а маслоделательный заводик надо строить, кирпичный, чтобы век стоял, и кирпич надо свой лепить, так дешевле. Сепаратор, маслобойка, пресс — все следно найти хорошего качества, тогда

и масло будет цену иметь. А ледник, а добрые кони, а дрожки с утепленным ящиком для переброски масла в город. Дел много, одной пашней и подворьем прожить, конечно, можно, но ему широты хотелось, виделась жизнь в достатке, семья большая, жена — красавица, и чтобы люди приезжали в дом умные, которых послушать приятно и полезно. Дом. Да, дом придется строить после заводика, а то любопытных много, поинтересуются, откуда средства. И может начаться... Оборони Бог! Прочь мысли дурные, они не доведут до добра.

* * *

Хлеб убирать подошла пора, Данила нанял двух мужиков и трех баб, за неделю все выкосили, в снопы связали и в сарай свезли на берегу озера, купил его Данила еще весной. Из уездного Ишима машину молотильную притащили четверкой лошадей, в сарае установили, мастер сам запустил и первые снопы обмолотил. Посмотреть на невидаль съехались мужики. Конечно, в четыре руки надо крутить машину, но это не цепами махать, а зерно какое сыплется — хоть сейчас на мельницу.

— Данила Богданович, сколько запросишь, если работницу твою на мое гумно перетащить?

— Верно, определись с ценой, мы прикинем.

Данилка уже готов был к такому разговору:

— Из десятой доли соглашусь, думайте, но все работники ваши, а мой только надзор. Обучу толкового мужичка, вот и будет смотреть.

Крестьяне отошли в сторону, пошептались, один вернулся к хозяину:

— Мы согласны, только работники твои, а харчи наши.

Данилка улыбки с лица не спускал, так и ответил почти радостно:

— Из десятой доли соглашусь, я же сказал, а дважды повторять не люблю, но пришлось. Надумаете — знаете, где найти, скажете.

— Упрямый, сволочь, хоть и молодой, — один выругался, подходя к лошадям. — Деньжищи, знамо, вывалил он за эту молотилку, что нам и не грезились. А где напахал, он что, с приисков к нам явился?

— Да како наше дело? Ты бы язык-то поприжал, а то, не ровен час, отскочит. У него и фамиль знатная, Атаманов, одному Богу известно, что на душе.

Мужики пропатали, но уже к вечеру привезли Данилке список, кому за кем молотить и сколько примерно у кого хлеба ожидается.

Через пару недель, уже ближе к октябрю, молотилку перетащили на гумно Павла Тагильцева, Верочкиного отца, Данилка сам приехал

установить и опробовать. Хозяин крутился тут же, заискивающе заглядывал в глаза:

— Данила Богданович, ты своему скажи, чтоб поаккуратней, у меня пшеничка отменная от других, я семена в Шадринске брал, хлеб из нее пышный и не старится пятидневку.

— Не беспокойся, Павел Прохорович, все сделаем лучшим образом. Не беспокойся.

Уловил чутким своим умом Данилка, что ждет мужик разговора о Верочке, ждет, и приятен ему этот разговор, но торопиться не стал, через три дня приедет за молотилкой, вот тогда можно будет.

Кули с зерном в счет уплаты стояли у ворот сарая, ворох отборной пшенички выглядел солидно. Хозяин поблагодарил за машину и указал на кули:

— Данила Богданович, это как есть десятая доля, можешь не сомневаться.

Данилка в тон ответил:

— Сомнений нет, но зерна не возьму, а попрошу тебя, Павел Прохорович, сватов моих принять и отдать мне Веру Павловну в жены.

Мужик так и сел на мешки:

— Вот как обернулось! Ну да, мне сказывали, что интересуешься девкой моей, славно. Приходи в субботу со сватами, поговорим. А плату заberi, чтоб народ не судачил.

— Заберу, Бог даст — сочтемся, — степенно ответил Данилка, велел мужикам грузить кули и цеплять молотилку.

Сватовство получилось для Данилки неловкое, сам Тагильцев оказался не столь прост, каким воспринят был им на гумнах. Принял он гостей радушно, как водится, про товар и купца, мать с отцом невесту хвалят, сваты — жениха. И тут Павел Прохорович говорит:

— Хотел бы я знать, Данила Богданович, почему ты на поселение один приехал, без отца, без брата, ведь молод еще, в чужие края я бы сына одного не отпустил. Что ответишь?

Данилка взглянул ему прямо в глаза:

— Отец у меня кожевненным делом занят, это из старины идет, так что достаток есть. Я младший в семье, не могу сказать, по какому случаю, дело семейное, размолвка с отцом вышла, потому выдал он мою долю деньгами и велел удалиться с глаз родительских. Вот так.

Тагильцев крякнул:

— Не густо! А на родину тебя не потянет? Отдам тебе дочь, а совьешься в свою Рассею?

Тут Данилка улыбнулся:

— Разве ты не видишь, Павел Прохорович, что обживаюсь основательно? Зерно, что на молотилке заработаю, продам, новое дело хочу освоить, и уже все подготовлено, об этом после скажу, среди своих. Кирпичный пресс куплю, материала для строительства много требуется. И дом буду делать, как в городе, на два этажа. Так что семья у меня будет большая, никуда не стронусь, а на кладбище место отгрожоу, на все времена.

Хозяин смутился:

— Зря ты про кладбище заговорил, не время, а планы твои заманчивы, да и начало выказывает мужика сообразительного.

Повернулся к жене, которая смиренно дожидалась главного: отдаст Веру отец, откажет или срок назначит для испытания?

— Твое слово, мать, говори.

— Решайся, Варвара Петровна, — подсказала сваха.

— Да что же ты, отец, и согласия дочери не спросишь? А ежели он ей не люб? Проклянет нас навеки.

Отец засмеялся:

— Похоже, что дочь плакать не будет. Вера, выйди к людям и скажи, как родителям поступить.

Вера вышла из горницы, прикрыла лицо платком, от смущения слезки на глазах:

— Воля ваша, тятя, так и будет, как скажете.

— Тогда, мать, ставь на стол, закрепим сговор, как положено.

На стол богато наставили, и гусь жареный с крупой, и картошка тушенная со свининкой, и копченое мясо, а солонины огородной во всяких видах, а сдобы хлебной! Налил хозяин всем по стопке, встал над столом:

— Провозглашаю вас, Данила Богданович, и дочь моя Вера Павловна, женихом и невестой, завтра после обедни в церкви объявлю, так что проздравляю. А свадьбу назначай сам, Данила Богданович.

* * *

И четвертому сынку Данила Богданович был рад, как первому, когда повитуха вышла из спальни и объявила:

— С сыном тебя, благодетель!

Данила пал на колени и троекратно перекрестился. Вот какую силу поимел в сибирских краях новый род Атамановых, пять мужиков, пять семейств будет со временем, ничем не пережать и ничем не переку-

свить наше слово и дело! Встал с колен, поклонился повитухе и прошел в комнату. Вера Павловна лежала на широкой кровати и кормила грудью новорожденного.

— Покажи-ка мне сына, Верочка, дай взглянуть.

Нянька отняла ребенка от груди и повернула личиком к отцу.

— Ты мне его разверни, хочу видеть мужика!

Все исполнили, несмотря на морозы, в доме было тепло, разомлевший отец сюсюкал:

— Верочка, да он в твою породу будет, беляна, и личико твое, красавец, беда для девок, помяни мое слово!

— Ладно тебе, давай, Палаша, будем кормить, он уж плачет.

Отец еще минутку полюбовался и вышел. Ваня, Петр и Володя стояли в зале, он обнял их всех сразу:

— Брат у вас появился, ребята, но к маме пока нельзя, пойдите в свои комнаты, займитесь делом.

— Каким, батюшка?

— Ванюша, учи меньших азбуке и счету, счет надо знать назубок, так я тебя наставлял?

— Так, батюшка.

До глубокого вздоха, до тайной слезы, до боли сердечной рад был жизни Данила Богданович: и с женой ему повезло несказанно, хозяйка, красавица, на ребят плодovита; и дела его выстраиваются в заметное предприятие, вот маслоделательный заводик направит, и на всю жизнь занятие, потому что никогда не исчезнет с деревенского двора корова-кормилица; и ребята растут, сначала в доме помощники, потом на хозяйстве, а следом в армию идти, отслуживать своё.

Гришаня рано стал помощником в лавке, где вся деревня отоваривалась необходимым в зачет сданного молока, был он, как девица — круглолиц, лицом бел, волосом рус, да наглажен всегда и начищен, звали его бабы любовно белоручкой. Грамоту знал хорошо, газеты отец выписывал и книги привозил с городских ярмарок. Не раз и Гришаня вместе с отцом ездил в Петропавловск, в Шадринск, в Ишим с маслом и мясом, несколько дней проводили, отец выжидал цены, потом оптом отдавал товар за наличные золотые монеты. Возвращались в разных упряжках, Гриша налегке на рысаках, а Данила Богданович в заплатном полушубочке и рваной шапке на ленивой Пегухе в простых дровенках, золотишко за пазухой, с другой стороны револьвер, а в ногах двухствольный обрез, картечью заряженный. Было дело — в женское одеяние оболочался, лишь бы разбойничьи глаза отвести.

Когда Грише подошло время для военной службы, во всю шла Германская, и Даниле Богдановичу многих средств стоило добиться, чтобы сына направили на Восток, подальше от фронта. Незадолго до этого вдруг приехал старый Богдан, держал связь с отцом письмами через надежного человека в уездном городишке, тот все передавал, вплоть до денег, а вот о приезде старого не упредил. И рад был Данила обнять отца, вместе поплакали по матушке, умершей прошлым годом, но вместе с гостем в память вернулось забытое, душа растревожилась, дурные предчувствия обуяли. Война эта проклятушая, да революции, в городе и то против властей выступают деповские.

Все хозяйство показал отцу Данила Богданович, и доброе стадо сementалок на выпасах, и маслоделательный завод, на котором перерабатывается в год по двадцать тысяч пудов молока. Но старого Богдана особо восхитил дом, сложенный из кирпича, первый этаж — лавка и столовая для работников, а второй жилой. Красавец, не дом, заезжие мастера такими каменными узорами изукрасили стены, что любо посмотреть. Богдан и с той стороны походил, и с другой — все хорошо, а потом вдруг расхохотался:

— Вот они где, панские-то злоты!

— Ты что, батя, со свету меня хочешь сжить? — Зашипел насмерть перепуганный Данила Богданович. — Или самогонка сибирская покрепче твоей горилки?

— А чего я такого сказал несуразного? Аль не видели сибиряки, что ты с добрыми грошами явился к ним?

— Видели, да ничего не знают, и ты бы помалкивал.

— Ладно, коли так, — покорно согласился старик.

1

Григорий шел по заснеженным улочкам уездного городка походкой военного человека, за годы окопной жизни не растерявшего навыки строевой подготовки: слишком строг, даже суров был ротный фельдфебель, ножку тянуть учил, спинку держать, ручку наотмашь кидать правильно. Он так и говорил ласково, поучительно: ручку, ножку, а новобранцы после строевых занятий валились прямо на плацу, так уставали. Пожухлый, но молодцеватый фельдфебель поучал сморившихся ребят:

— Не для себя, для вашей же пользы следно строевым шагом идти, словно лебедушка, чтобы волос на голове не шелохнулся, ежели космачом. Вот я призван был в Шагаловку, небольшенький гарни-

зон, а строем ходить учили сурьезно. И представьте себе, что я, к примеру, отлынивал бы и не желал успеха, и что бы с этого получилось? А на принятие присяги к нам нагрянул сам Государь Император! Эх, как же мы прошли, как прошли! Государь прослезился и велел выдать каждому по полтине. Вот и вы расчет имейте, а вдруг..

Месяц назад январским ранним утром высадили новобранцев на перроне Томского вокзала, построили, повели в казармы. Григорий Атаманов шел налегке, домашняя стряпня давно кончилась, пустой мешок отдал ребятам. Помыли в бане, выдали форму, целый день дали командиры, чтобы каждый под себя подогнал гимнастерку, брюки и шинельку. Вечером опять построение, суровый поручик обошел строй, отпраповал подполковнику.

— С сего дня началась ваша служба в Русской Армии, которая сейчас воюет на западных рубежах. Мы будем учить вас воевать, учить быстро и строго. Начнете с уставов, примете присягу на верность царю и Отечеству, дальше — конкретное дело. С Богом, сынки! Поручик, командуйте!

За обедом Григорий вспомнил, что именинник сегодня, 29 января, исполняется 18 лет. Осмотрелся, знакомых никого, так что и говорить не стал. Вестовой остановился в дверях столовой:

— Атаманов! Есть такой?

Григорий вскочил:

— Есть!

— Быстро за мной в штаб!

В штабе пожилой штабс-капитан предложил сесть, открыл картонную тетрадку:

— Атаманов Григорий Данилович, так? 29 января 1898 года рождения, так? Э, брат, с именинами тебя. Не вставай! В твоих бумагах есть рекомендации, где показан ты как человек грамотный, это соответствует?

— Так точно, господин штабс-капитан, но это все самоподготовка, тренировка. Отец у меня деловой человек, у нас все братья грамотные, меня хотел в Санкт—Петербург отправить учиться, да война помешала.

— Пишешь хорошо?

— Пишу красиво, — похвастал Гриша и покраснел. — Много тренировался, почерк нарабатывал.

— А ну, напиши вот тут, к примеру, «Русский солдат служит правому делу Государя своего».

Григорий написал бегло, офицер взглянул и одобрительно улыбнулся:

– Пройдешь подготовку до присяги вместе со всеми, а после к себе заберу, писарем будешь при штабе, тут и койку тебе организуем. Все, беги в казарму, и никому ни слова.

Через несколько дней в казарму привели маленького кучерявого человека со странным ящиком и треногой. Фельдфебель крикнул:

– У кого гроши есть, могут фотокарточку сделать и родным выслать. Быстро!

Гриша тоже встал у высокой тумбочки, на которой лежала раскрытая книга устава. Кто-то бросил солдатскую папаху:

– Надень, чтобы лысину прикрыть, дома не узнают без кудрей! Вспыхнул магний.

На фотокарточке Гриша сам себе понравился, две прибрал в тумбочку, на одной написал своим красивым почерком: «гор. Томск, 12/11-1916 г. Первая неделя службы. Г. Атаманов» и с письмом отправил домой.

...Григорий улыбнулся теплым воспоминаниям, свернул в ограду большого дома и уверенно отворил дверь с табличкой на куске картона: «Уездный военный комиссариат». Сюда месяц назад демобилизованный солдат явился для взятия на воинский учет, как требовал порядок. Он тогда еще весь был в казенной службе, так надоевшей и противной его существу, воевал за Веру, Царя и Отечество, потом переворот и все перевернулось, сменили командиров и знамена, прошли скоротечные братания со вчерашним врагом, солдаты которого тоже не понимали, что происходит. Комиссар, глянув в его документы, заулыбался:

– Это хорошо, что ты писарем при штабе служил, мне человек с хорошей рукой ой, как нужен.

И предложил работать в военкомате, пока в учетном столе, а там видно будет.

Отец Данила Богданович эту новость воспринял с нескрываемой радостью:

– Соглашайся, сынок, мы в деревне и без тебя управимся. Невесту себе присмотришь в городе, домик куплю, человеком станешь. Власть к деловому человеку враз повернулась, поняла, что с голодранцами можно только митинги митинговать, на нас все держится. Ей Богу, глянется мне власть эта, лишь бы не мешала.

Григорий не узнавал отца, какой-то он стал суетный, неровный, с работниками мог заигрывать, нарочито заботливо интересуясь семей-

ством и близкими, которых и без того хорошо знал, перед председателем волостного совета противно лебезил, хотя тот всего три года назад был на маслозаводе в работниках. Даже флаг красный Григорий в казёнке увидел, стоит на обструганном древке в трубочку свернутый. Спросил отца, тот гневно бросил:

— Не лезь, а так надо.

Григорий прошел в дальнюю комнатку к своему столу, открыл металлический шкаф и положил на стол стопку бумажных папок, это и была сегодня его служба: учитывать всех лошадей в уезде, будь то в крестьянстве, в городе или в новых советских учреждениях. Особого удовольствия он не испытывал, каждую неделю выезжал в волости, сверял свои данные с записями в волисполкомах. Часто и там никакого учета не было, приходилось жить по нескольку дней, обходить дворы и записывать, у кого что есть: лошади, телеги, дрожки, сани, кошевки, сбруя.

В комнату заглянула Танечка, симпатичная машинисточка из приемной комиссара:

— Григорий Данилович, к нам прибыл уполномоченный из губернии, фамилия Разбашев, вы в отъезде были, так он хотел встретиться.

Григорий кивнул, такую фамилию он не слышал, но надо так надо. Стал сверять списки и вносить поправки, несколько листов переписал заново. Бестолковая работа, но другой нет.

Он поднял глаза на неожиданный и в то же время довольно настойчивый, почти хозяйский стук в дощатую дверь, но не успел сказать уместное в таких случаях слово «Войдите!», дверь отворилась и высокий человек в строгом гражданском костюме, наклонив голову под низеньким косяком, вошел в комнату и повернулся к столу, за которым сидел Григорий:

— Здравствуйте, я Разбашев, офицер губкомиссариата.

Григорий вскочил, но Разбашев предупредительно поднял руку:

— Сидите, я на минутку.

Григорий все еще растерянно смотрел на гостя, совсем ничего не понимая, не понимая, почему полковник Деркунский, начальник штаба полка, в котором служил Атаманов до смутного семнадцатого года, вдруг стал Разбашевым, почему он сбрил бородку и усы, которые украшали его и были предметом зависти молодых солдат. Почему, наконец, он здесь, в Ишиме, ведь весной семнадцатого он исчез из полка, поговаривали, что сбежал к немцам, это большевичок Измесьев больше пропагандировал, но Григорий и другие солдаты не

особо верили, потому что Деркунский был хороший человек, кровей благородных, но не гнушался общением, и даже унтера из соседней роты отдал под суд за мордобой, и в атаку ходил, и на митингах выступал, призывая быть верными Отечеству и Государю.

— Как ваши бумаги, все ли в порядке? — Разбашев сел напротив Григория и указал на папки. Атаманов молча открыл верхнюю, вот первый лист, переписаны лошади и упряжь Бердюжской волости. Разбашев взял тетрадь, вынул из середины лист, карандашиком быстро пробежался по бумаге. «Напишите свой адрес и будьте дома в двадцать часов», — прочитал Григорий и молча кивнул, тут же черкнул название улицы и номер дома. Разбашев вынул портсигар, размял папиросу, зажег спичку, закурил, к горячей спичке поднес листок, тот вспыхнул белым пламенем и развалился в пепельнице, которую он тут же вытряс в деревянный ящик с бумагами.

— К утру подготовьте мне информацию по конскому поголовью, возможно, дадим наряд на формирование пополнения конницы. До свиданья.

Разбашев встал, простился кивком головы и вышел. Григорий чувствовал, что взволнован и растерян, опасался, что не дай Бог, войдет кто, не скрыть своего состояния. Он отошел к окну, широко расставил ноги, уронил голову на грудь и начал считать: «Один, два, три...». Так учил его сослуживец бурят Дашиев, он много знал секретов человеческой природы, из всех ребят выбрал Атаманова, с ним делился, учил засыпать быстро, усмирять боль, забывать о голоде, когда на фронте начались перебои со снабжением. Григорий сердился, если не получалось, но товарищ хладнокровно объяснял, что кроме знания еще и вера нужна, Будда должен быть у тебя в сердце, без него нет полного подчинения тела мысли. Вот и вместо бурятской молитвы предложил считать до десяти. Ничего, помогало...

Наскоро поужинал Григорий, удивив хозяйку квартиры неожиданно равнодушным отношением к столу, даже любимый студень только поковырял вилкой. Горячие щи со свиной, щедро посылаемой отцом из деревни, только отхлебнул и поставил тарелку в сторону. Толченую картошку с мясом даже пробовать не стал, выпил чашку горячего чая и поднялся из-за стола.

— Не приболели, Григорий Данилович? И кушать не стали, — заботливо заглянула в глаза хозяйка.

— Спасибо, здоров, может, после поем. Пойду к себе, займусь бумагами.

В просторной горнице прилег на кровать, заложил руки за голову, так думалось лучше, а если вдруг вздремнется, то сон почуткой, от мышиноного шелеста в себя приходишь.

Конечно, случайно вышел на него Деркунский, не мог знать полковник, что штабной писарь Атаманов служит в военкомате. А может, в губернском списке сотрудников встретил знакомую фамилию? Ну, не к нему же специально ехал такую даль, значит, есть у него другие дела в городе, а то и в уезде, кроме прямых служебных? Лошадей ему, видите ли, посчитать. Возможно, есть в городе скрытое подполье контрреволюции, есть люди, готовые и сегодня подняться против советской власти. Григорий похолодел: а ведь есть, и он, скорее всего, с этими людьми встречается, не слесарьки же они в деповских мастерских, а должностные лица, которые что-то имеют в руках: связи, людей. А что спросит его господин полковник, и что ему отвечать? Готов ли Григорий Атаманов примкнуть к движению? А потом что? Днем на службе у советов, а ночью пакостить, склады поджигать, или как?

Про ожидаемого гостя решил хозяйке не говорить, к нему и раньше заходили сослуживцы, сминовские молодые мужики, по делам оказавшиеся в городе, даже ночевать оставались. Когда залаял пес, и хозяйка стукнула дверью, выходя на ограду, Григорий поднялся, привел себя в порядок, глянул на часы: точен командир, как всегда, мигнула в минуту.

— Григорий Данилович, вас требуют, — крикнула хозяйка из сеней.

Он скоренько выскочил на крыльцо, в калитке стоял незнакомый мужичок невзрачного вида, до неприличия безразличный.

— Фатеранта мне надо, забыл фамиль.

Григорий поморщился:

— Чего хотел?

— А ничего. Вот увидел, и назад, только и делов, прощения просим.

— Он сумасшедший? — спросил Григорий хозяйку.

— Не знаю, вроде не с нашей улицы, пьянь какая-то. Откуда он вас знает?

Григорий пожал плечами и вернулся в комнату, не успел присесть, как снова залаяла собака.

Григорий остановил хозяйку и вышел. В калитке стоял Деркунский.

— Представьте хозяевам как уполномоченного из губернии, с них довольно. Кто еще в доме?

— Только хозяйка, одна.

— Проводите.

В доме Деркунский стал любезней и даже заигрывающее поздоровался с хозяйкой, чем очень ей польстил, разделся, над горячей плитой погрел руки, попутно поговорил с ней о погоде и ценах на рынке. Когда ушли в горницу, спросил:

— Она не любопытна?

— Не замечал. Да и дверь плотная.

— Этого мужичка я направил, дал на водку, простите, бдительность требует, мало ли кто мог меня встретить. — Он поднял руку:

— Без обиды, надеюсь на понимание. Теперь о деле. Я представляю руководство подпольного белого движения, есть такая организация в Омске, да и в Тюмени тоже, правда, скромнее. Вас я вычислил по документам в военкомате. Помню, что были хорошим солдатом, даже из штабного тепла ушли на передовую. Достоинно! Таковым и остаётся, или комиссары успели перевоспитать?

Григорий честно признался, что не особенно озабочен своими политическими убеждениями, просто служит, от партийности отказался, пока оставили в покое. Конечно, по старой жизни тоска, все-таки у семьи дело было заметное, отец крупно был на виду, но и теперь не бедствуют.

— Так-так, — хмыкнул Деркунский. — Если ничего не изменим, собственности отца лишат, да еще и в каторгу отправят. У них все должно быть казенное, абсолютно все. Ну-с, ладно. Для вас я себя обозначил только потому, что все равно весь на виду. Мне важно теперь, готовы ли вы примкнуть к движению? Не закис в советских кабинетах патристический дух истинно русского человека? Можно вам верить?

— Да, — твердо ответил Григорий.

— Слава тебе, Господи! Бога благодарю не только за нового нашего сотоварища, но больше за то, что не извелись на Руси люди доподлинно русские, православные, да еще за то, что не отнял он у меня способность этих людей находить. Их много, Атаманов, на крайний случай, достаточно, чтобы переломить положение в стране. Власть слаба, вы не можете этого не видеть, к тому же бездарна, столько ошибок совершает, хотя ее ошибки нам на руку. Завтра я передам ваше имя нашему человеку для связи, вам предписываю действовать, находить верных людей, да вы их знаете, очевидно. Обращайтесь к старикам в зажиточных семьях, твердая опора. Итак, прощаюсь, меня искать не надо, уверяю, вы будете в курсе всего, и о часе вас известят.

Затянуло белым снежным наволоком пустые поля и покосы, лишь тонкая строчка санной конной дорожки перечеркнула увал до ближайшего лесочка, там она благоразумно обогнет преграду, не погнал свою лошадку тот, кто торил первопуток, сквозь кустарники и мелколесье. И точно, конские кованые копыта и железные ленты санных полозьев хорошо умяли дорожку, ветер уж не мог взять с нее снега, не мог выдрать, а потому злобно выдувал все рядом, отчего дорожка приподнялась над равниной и служила всю зиму, даже в ночной беспроектной павере конь находил твердыню и выносил человека к жилью, не давал погнута.

Ловкая кобылка неспешно тянула вдоль леса легонькую кошевку, плетеную из тонких ивовых веток и окаймленную хорошо отполированными березовыми брусочками. Такие кошевки для саней и ходков плел только дед Маркел, да что там — многие пробовали, но и прут не тот, и узора нет, и кошева так себе, можно в гости ехать, а можно и навоз со двора вывозить. Аркадий не торопил лошадку, они свыклись уже, сейчас спешить некуда, а коли потребуеться срочно в уезд по вызову, двадцать верст вмиг покрывали и на заседания не опаздывали. Волостной конюх не раз предлагал председателю вороного с отливом иноходца, говорят, из конюшни самого купца Бокарёва, но тот не хотел: ему больше годится спокойно лежать в тулупе, накрывшись попоной, и спокойно думать, чем держать на натянутых вожжах неукротимого яруна.

Простреленную руку он в морозы берег особо, не дай бог застыть, разнесет — рубаху не надеть, опять же и по хозяйству надо. В первые дни зимы подхватил простуду, такой пролом образовался, что даже раздробленные косточки выходили. Тронута, стало быть, кость, вот и нудит. А так ничего, даже дома со скотиной управляется — никакой боли. Хирург в Ишиме обещал, что обрастет наджабленная кость хрящом, успокоится.

Теперь уж и не шибко важно, кто подстрелил, белый или красный, все минуло. А когда Колчак пришел, снова все закипело, не понять, что затворилось, пришлось в ночь решать. Он мужик справный, было что терять, потому свел к знакомому казаху на лесную стоянку пятерых коней, да трех коров дойных, да быка-производителя с добрым семенем, которым половину деревенских коров обслуживал. Казах шурился, улыбался: «Дружка, дружка, караулим, снег зароем — никому не отдадим». Строили они в укромных местах низкие наве-

сы из жердей, с осени сено туда завозили, первым же снегом их скрывало от людского взора, а проведовать раз в неделю пробирались с разных сторон, так что надежно. Да и не думалось ему, что до зимы бега затянется.

Был слух, что колчаковцы всех подбирают под мобилизацию, Аркадию это светило в первую очередь, потому что служил и военное дело знал, но уходить от родных мест с бегущей армией смысла не было, либо пропадешь, либо прижмут к океану, и вплавь отправишься в чужие земли. Бежал впереди отступающих войск аж под самую станцию Маслянскую, голодовал, ночевал в копнах соломы, в небольших деревнях тихонько покупал хлеб, платя серебром. Обовшивел, выхудал, дошел до отчаяния, до края, решил на возвращение в родные места, а там — что будет. Теперь уж шел навстречу фронту, прислушивался, как зверь, от дороги далеко не удалялся, особенно в лесах. И осторожен был, а троих всадников просмотрел, кинулись за ним в чащу, да неловко в темноте по кустам, стрельнул один наугад, и надо же — попал, так руку ожгло, что хоть кричи. Перетянул разорванной нательной рубахой, крови много вышло, да и больно. Дождался утра, подошел к селу, издали увидел красный флаг над крышей двухэтажного дома, туда и подался.

Часовой у высокого крыльца остановил окриком:

— Кто такой и по какому делу?

— Раненый я, мне бы фельдшера.

— Дак ты, похоже, из колчаковцев доброволец, — хохотнул часовой и крикнул: — Степа, к тебе работа сама пришла, принимай.

На крыльцо вышел красноармеец в накинутаой на плечи шинели.

— Заходи, — сказал он.

В угловой комнате большого купеческого дома стояли стол и три табуретки. Хозяин прошел вперед, гостю кивнул на табурет.

— Говори, только коротко. Имя полностью, место жительства, документы, какие есть.

— Из Бердюжьего я, крестьянин, отслужил срочную, демобилизован, на то документ есть. От Колчака ушел, но дело к зиме, надо домой возвращаться, да и каково там — тоже не знаю.

— Откуда ранение?

— Не знаю, встреч попали трое верховых, подался в сторону, вот и подстрелили.

— Наши были?

— Не знаю, темно, бантов не видать.

Военный посмотрел документы, которые Аркадий извлек из подкладки стеженной фуфайки, устало потянулся:

— Зайди в дом напротив, там фельдшер, перевяжет. Если заартачится, скажи, что Бухтармин из разведки направил. От него — ко мне, а я пока справки наведу. Не бойшься?

Аркадий устало улыбнулся:

— Нечего мне бояться, я свое отслужил, крестьянствовать начал, да вот Колчак сшевелил.

После перевязки снова подошел ко крыльцу, но часовой преградил дорогу, сказал, что разведка уехала в Казанскую и что ему велено возвращаться по месту жительства, там тоже советская власть.

Аркадий прошелся по деревне, увидел мужика, поправлявшего сопревший заплот.

— Доброго здоровьица!

— И ты будь! — согласился мужик.

— Не довезешь меня до Бердюжьей? Заплачу, сколь запрошишь, есть чем.

— А ты откуда? Меня за ширинку не подвезят, что кого попало развожу?

Аркадий рассказал кратко свою историю и беседу с офицером контрразведки, показал документы. Мужик пошел запрягать лошадь.

Ехали молча. Ближе к вечеру подкатили к селу, хозяин остался у лошади, Аркадий пошел в дом, вернулся с несколькими звонкими монетами, возчик на зуб пробовать не стал, оглянулся, не следит ли кто, спустил монеты в самодельный кожаный сапог.

— Ну, ты чего не заходишь? — Петро Журавлев, друг и ровесник, в одной пулеметной роте полтора года воевали, в один день демобилизовались. Петро активный был, вступил в большевики, колчаковцев переждал на заимке, которую оборудовал еще в парнях. Посреди Тимкина болота зимой, когда свободно можно зайцев погонять, малый островок твердой земли нашел, кругом камыш двухметровый. Летом с великим трудом на лодке пробился, соорудил избушку из припасенных бревен, печку сложил, тропку нашел, по колено в воде можно добраться. Баловство, а избушка пригодилась. Петро сам себя хвалил, что никто о его тайне не знал, потому спокойно ушел из дома, как в воду канул. Отца с матерью потрепали немного, да разве они скажут, скрылся, а куда — не докладывал.

— Ты чего не заходишь? — переспросил Петро и взял под руку товарища. Аркадий охнул. — Ранен? Давай, заходи, ко мне вечером комиссар подъедет, будем решать, чем помочь красноармейцам.

— А тебя кто уполномочил? Ты же, вроде, в волостных начальниках не был.

— Эх, Аркаша, я же в партии большевиков состою, мы тут было ячейку создали, да пока разбежались все, и кое-кого и колчаковская контрразведка вышнурила, стукачок рядом с нами был. Да, если прямо, нас всех знали, так что дива немного, а товарищей жалко. Ты теперь куда?

— Домой. Надо разобраться с хозяйством. Как мыслишь, советская власть даст волю мужику?

Петро засмеялся:

— А ради чего мы с тобой воевали, вшей кормили? Да за ради будущего! За зиму лесу напилим, весной начнем дворы большие рубить, скотину расширять. Посевы надо увеличивать, грамотных людей нанимать, чтобы все по науке. Впереди столько дел, Аркадий, аж душа замирает.

Сидели за столом, Аркадий молча ел и слушал товарища. Да, нисколько не переменялся Петруха, даже еще азартней стал, пуще, чем на ротных собраниях, слово лепит. Хозяйка вышла из горницы, поворчала на мужа, что горячего ничего из печи не достал, налила щей в чашку, на тесаную доску выставила сковороду с остатками жареной картошки. Аркадий хлебнул горячего и попросил убрать: с голодухи боль возникла в желудке.

Петр закурил, наполнив избу ядреным самосадным дымом. Русые волосы волной откинута назад, серые глаза смотрят прямо в душу, губы пухлые, как у подростка, голос уверенный и тон категоричный.

— У тебя хозяйство ладное было, сам скрылся, а скотину куда? Колчака кормить?

— Скот прибран, только бы казах не сдал.

Петр встал, прошелся по избе:

— В партию не думал вступать? Нет-нет, я тебя не подозреваю, ты и в армии отказался, но воевал добре, позже некоторых большевиков. Но теперь даль ясная, надо людей организовывать, а без партии тут не обойтись.

Аркадий улыбнулся:

— Это ты уже от новых комиссаров нахватался политики?

Хозяин тоже засмеялся:

— Обожди, подъедет полковой комиссар, враз просветлеет головушка.

Во дворе тявкнула собака, Петр бросился в сенки, на крыльцо:

— Здравия желаю, Вадим Дмитриевич, проходите, у меня в аккунат товарищ фронтовой в гостях, тоже из схрона идет.

В избу вошел затянутый в кожу и ремнями перекрещенный молодой человек, сурово взглянул на Аркадия, крепко пожал руку, присел:

— О чем разговор? Я не помешал?

— Разговор, товарищ комиссар, об том же, как дальше жить. Теперь все, военная тропа закончилась, начинается трудовая, мирная, вот и надо ее устроить.

— Товарищ Журавлев, ты понимаешь, что я отстал от своего подразделения исключительно по заданию центра, чтобы восстановить, насколько это возможно, органы советской власти и партийные ячейки. Мы только что вернулись из Уктуза, там боевые товарищи, есть ячейка, избрали волисполком. Если прямо — назначили, но нам сейчас не до либеральных тонкостей. Тебя рекомендую секретарем партийки, нужен человек на волисполком.

— Вот он, — Петр кивнул на друга. — Человек проверенный, хозяйственный, правда, живет в другой деревне, но это мы вмиг решим. И в партию вступит сей же час.

Опять звонко тявкнула собака, Петр крикнул жене, чтобы вышла.

— Хозяйка, крыночку молока не продашь? Больно молочка захотелось, затосковал.

Хозяйка, видно, из кладовки достала кринку, опять голос:

— Нет, деньги возьмите, советская власть у крестьянина даром ничего не берет.

— Слышали? — Гордо улыбнулся комиссар. — Вот с какой политикой мы идем к крестьянину, и вам ее выполнять. Аркадий Егорович, понимаю, что крестьянскую жизнь знаете, воевали, а как с грамотой?

Аркадий смутился, сказал, что в бурсе окончил три класса, политграмоту проходил на службе.

— А с партийностью? В войсках не захотели вступить?

Аркадий такого вопроса не ждал, но решил отвечать прямо, не тот случай, чтобы темнить.

— Скажу откровенно: сомневался, что крестьяне наши воспримут советскую власть. Я же видел, что мужики из Расеи на смерть шли за ради земли, а мне это чудно, у нас ведь земли — паши, не перепахать. Боялся землякам врать, ведь партийный — это как бы ответственный за власть, я так понимаю.

Комиссар обрадовался:

— И правильно понимаете, товарищ! Именно ответственный! Сход на утро назначим, Журавлев, вам поручаю известить население, вопрос один: выборы волисполкома.

Неделя подходила к концу, в субботу, по договоренности с начальством, Григорий мог поехать в Смирнову к родителям. Он любил бывать в родном доме, где к его приезду пахло пирогами, были жарко натоплены печи и ждала баня — чистая, срубленная из комлевых сосновых бревен, и каменка выложена уральским блескучим камнем, искрящимся от перегрева и залпом выбрасывающая сухой пар после щедрого ковшика ледяной воды. Два березовых веника предусмотрительно замочены в кадке с холодной водой, живший при дворе бобль Ероха знал толк в банном деле. Он и веники вязал на отличку от других: день выбирал особо после Петра и Павла, и росу с молодыми березками, и веточки ломал только с одной стороны деревца, где они мохначе, богаче, кучерявее. Потом сидя в тенечке, аккуратно отбирал веточки одну к другой, выравнивал по контуру веничка, сжимал и стягивал конопляной бечевкой комельки в нескольких местах, так что ручка получалась ловкая, удобная. После возвращения со службы научился Григорий париться двумя вениками, Ероха и научил, когда застудил ноги молодой хозяйин.

— Ты оберучь бери веники и обихаживай себя с обеих сторон, в сильный жар смотри только, чтобы шкура не лопнула. Сказывают, бывали такие случаи, когда особо усердные кутаки себе прижигали напрочь, вплоть до бабьего позору.

Григорий в одних кальсонах и фуфайке, наброшенной на плечи, в просторных дворовых валенках перешел через ограду на огород в баню, она всегда ставилась отдельно от хозяйственных построек, на случай пожара. В предбаннике повесил на крюк фуфайку, на скамейку положил мохнатую белоснежную простыню, такую мать всегда готовила к его приезду. Ероха вышел из бани мокрым, как водяной.

— Обожди минутку, Григорий Данилович, я полок помыл да сухой травки кинул, пусть просохнет и запахи обнаружатся.

— А траву зачем, Ероха?

Мужик хохотнул:

— Баня заведение мокрое, сырое, тут всякие твари могут размножаться и даже дурность воздуха. А трава, она же наша, в смирновских лесках я ее собираю каженное летичко, у меня под крышей сколько вязанок всякого разнотравья хоронится. Разве не замечал, что в бане пахнет июлем месяцем?

Григорий замечал, и все эти премудрости знал, но ему любопытно еще раз услышать нехитрый рассказ об особенностях Ерохиной бани.

— Венички я распарил, коли знал, что ты уже наготове, так что приступай, но не сразу. Я вот тебя поучу. Ты сперва кинь на каменку ковшичек и посиди в вольном жару, как пот хорошо прошибет, ну, потекут струйки промеж лопаток, тогда еще ковшичек. Только благословись, так и скажи: Господи, благослови! Ну, да ты знашь. Теперича можно легонько попарить сначала ноги, потом повыше, тут самая нежность и аккурат, когда все тело пройдешь, упеть ковшичек, тут уж в полную силу. Три раза должен выходить в предбанок и отдыхать, а то кровь возмутится. Тоже, слышал, случалось такое, что кровь разгонит по организму мужик, емя деваться некуда, туда-сюда — кругом заперто, а он жарит. Ну, кровь и находят слабину, кому в голову, кому в брюхо. Бывало. Ладно об этом. Можя, попарить тебя?

Григорий засмеялся:

— Спасибо, не надо, иди домой.

— Да мне, Григорий Данилович, некуда спешить, избушку, благодаря Даниле Богдановичу, имеем, а окромя ничего. Впустую живу. С кошкой разговариваю.

— А не женился почему?

Ероха вздохнул:

— Когда батюшка твой к нам появился, я к нему в работники подался, молотилку он прикупил. Ну, дело молодое, дал он мне осенью расчет, я и посмел невесту сватать, лавочника Чалкова дочь. Тестюшка меня вожжами ременными отхлестал и сватов моих заодно, ладно, что кобеля не спустил с цепей. А девку мою в Лариху отдал, она там разродиться не могла, померла. А я тут помер. Годов уж много прошло, да разе я живу? Как во сне. Её кажennую ноченьку вижу, только слов нет, погляжу, и все тут. Утром встану — тоска... Пошел я.

Григорию тоже стало грустно, вот посмотреть — так себе человек, грамоты нет, ученых книг в руках не держал, а душа светлая и весь очарованный, когда о ней говорит. Имя ее не назвал, может, и забыл уже, а как светло любит. Надо отцу сказать, чтобы поласковой с ним...

Конечно, заметил Григорий, что баня стала отдохновением души, не просто телесным, а духовным очищением. Он с наслаждением поднимался на высокий полук, погружаясь в объятия неуловимого, но ощущаемого жара, прогреваясь и потея, стирая с лица — со лба до подбородка — пригоршни влаги и сбрасывая на пол. Пригибаясь под волной горячего воздуха, кидал на каменку ковшик ледяной воды и повизгивая почти по-щенячьи, истязал вениками свое крепкое и здоровое тело. Три раза, как и учил Ероха, выскакивал в предбанник, сидел

на корточках, охолонув, окатывался ушатом холодной воды и взбился на полок, чтобы снова стонать и охать от усилий и удовольствия.

Мать встретила его и проводила к столу, самовар был уже заглушен, но удовлетворенно урчал, выплескивая в открытый краник бурлящий кипяток.

— Вот заварка, сынок, на травах, тут и медуница, и мята, и шиповника цвет, все от леса да луга, свое, родное.

Точно, как и Ероха: свое, из леса и луга. Как хорошо дома! Окунуться в эту простоту и забыть о той жизни, что бурлит рядом, выворачивая с корнями устоявшуюся обыденность, вклинивая в каждодневность жуткую новь. Нынче он собирался поговорить с отцом, немилу ему в городе, чужда служба в ведомстве, непонятны длинные речи на заседаниях в исполкоме. А тут еще и разверстка, он в активе, придется выбивать из крестьян хлеб. Каково?!

Отец кивнул: проходи в кабинет, коли важный разговор. Мать всплакнула: опять сын уходит, не увидалась, не наговорила. А утром чуть свет уберутся на заимку, зверье гонять.

Григорий хотел попросить совета отца, как жить дальше, оставаться в городе не хотелось, манила родная деревня, знакомые люди, про Глашу родные уже знали. Всю осень выходные дни проводил на молотбе, все тут радовало: и хлеб урожайный, и настрой мужиков, и природа. А потом разговоры пошли, что заберет власть хлеб, в уезде в открытую обсуждались цифры доведенного задания, они были страшными. Новыми красками взвосьяло уже знакомое слово продразверстка. Оно отдавало жестокостью и бесшабашностью, никто пока не понимал, как ее нынче будут проводить, но накапливалось предчувствие, что это новый этап борьбы. Вот еще дурацкое слово! Раньше парни и молодые мужики боролись на опоясках в масленку и на Пасху, широким домотканым поясом опоясывали мужика в талии в два обхвата, из праздничного украшения превращали в инструмент борьбы, ухватившись за опояски, борцы старались положить друг друга на лопатки. А потом началось: борьба с белыми, борьба с красными, с контрреволюцией и разрухой, теперь-то с кем? Не хватало понятия, чтобы уловить, к чему приведет эта борьба. Он знал, что у отца мнение есть, но до поры до времени при нем и останется, не тот человек старший Атаманов, чтобы вываливать нутро на люди.

Данила и в душе и на людях был богомольным, киот в переднем углу просторного кабинета оборудовал славный, по его замыслу верхотурские иконописцы привезли образа и на месте собрали иконостас, дос-

тойный. Освятили и молебен отслужили, благословили хозяина и тройкой веселых коней доставлены были в город, оттуда почтовыми отбыли в свои края. Наживать добро и избежать зла человеку не дано, потому после греха, большого или малого, падал Данила на колени и молча стоял, уронив кучерявую голову на грудь, ни слова не лепеча, только в мыслях прося милости, ибо знал, что Богу не только слова, а и помыслы ведомы. Вот и теперь подошел к иконостасу, осенил себя широким благодарным крестом, с минуту постоял в смирении, повернулся к сыну, готовый сказать все, что созрело в душе отца и хозяина.

— Ты на болотах бывал, и выбирать приходилось, известно тебе, что ни на каждую кочку можно ступать, иная с виду надежная, а кинься — и в пучину. Ты главное все-таки узрел, это добре. Перемены грядут. Мне надежный человек передал, что маслозаводик наш отымут. До каждого хозяина налоги доведут по самые ноздри. Год назад я все по другому мыслил, и тебе внушал, а нынче — баста! Власть себя обнажила. Лютая нелюбовь к мужику. Тот же человек сказал, что Ульянов подписал приказ вытряхнуть хлеб из Сибири, какой-то Каганович назначен главным по тряске. Буча вызревает сильная, я вижу.

Данила понимал, что не пришла еще пора сказать сыну все, он хоть и младшенький, но самый понятливый, толковый. Лицом в мать, стать его, отцовская, красивый парень, и умом Бог не обошел. Старшие определились, хоть и в иных краях, семьи, дома, при дельце, при деньгах, даже если и власть потряхнет, о черном дне возможном отец с юности их учил, золотишко и стекляшки в надежных местах закопаны, жены и то не знают. Данила, пробравшись в Сибирь, переменял все, вплоть до характера, только память не мог стереть, потому горькими мыслями мучился долго, пока новая любовь и детишки не завладели им полностью.

С первых новосельных лет отметил сметливый Данила, что совсем другой мужик в Сибири, там, дома, землицы нет, все у хозяина, или бери в наём или сам иди в работники, иначе погинешь. Хлеба досыта не едал до женихов, о каше помышлял больше, чем о девках и во снах жратва являлась чаще бабьей ласки. Когда случилось, и метнулся он подальше от греховного места, цельное лето урывками двигался к неведомому краю Сибири, где, по слухам, свободно живет человек. Он и фамилию взял дерзкую, с вызовом, не просто так, был Чайкин, стал Атаманов, потому что в Сибири жизнь показалась ему вольницей. Где это видано, чтобы земли столько было, столько, что бери и работай, засевай, плати малый налог и отделяй на общество, что положено.

Вот тогда сравнил он малорусского крестьянина с сибирским мужиком, и показался ему родовой земляк малым и убогим, с черными руками и согбенным плечом, глаза долу и голова ниц. И тогда же постиг Данила еще одну истину: только незастойность от всего, только личное благо есть свобода, когда у тебя дом и в дому, когда не сидишь на печи, потому что единственные подштанники баба простирнула и сохнут они тут же, на сковороднике перед печным целом, когда при входе в храм можешь кинуть нищим горстку мелочи, а на полтину поставить свечу Богородице — вот тогда свободен. И сосед, и староста, и урядник — все с тобой здороваются, по отчеству называют. Не важно, рассуждал Данила, что они о тебе думают, важно, что от мыслей грязных нет ничего на их лицах, а только уважение да почтение. И сибирский мужик через одного, а то и гуще, был таковым, сытым был мужиком, потому свободным. И на эту его неброскую независимость собиралась покуситься новая власть. О-о-о, большая глупость, большая...

На дальней займке за смировскими болотами глухой осенней ночью собрались те, кого Данила Богданович счел нужным предупредить. Ехали верхом, с ружьями, без собак, чтобы не сбrehали, но вроде как на охоту. Двух наблюдателей поставили на обеих дорогах, а других нет, болота кругом.

Месяц только что родился, выгулялся среди звезд, любопытно ему, юному, что под ним творится. А и было на что посмотреть. Крепкие из крепких мужики из Смирновой, Травного и Песьяновой собрались на совет, как встречать новые поборы. Сами удалыцы, да за каждым чуть не дюжина сынов и зятьев.

Данила начал на правах хозяина:

— Чаю и чарку не предлагаю, не тот случай, дозволит Бог, еще посидим за столом и почаруемся. Есть вести, что в столицах и городах голодуют, хлеб не уродился в иных краях, и власть намерение имеет за счет сибирского мужика удержаться, иначе скинут. Уже есть документ, по которому все, что ни на есть, будут отымать. Это называют разверсткой и пришлют к нам продотряды, солдат, то есть. Это уже не налог, это грабеж и веревка хозяину. Вот и приплыли. Давайте судить.

Нехорошая тишина повисла над столом, пятнадцать человек сидели и каждый о своем думал.

— Ты бы не хитрил, Данила Богданович, — подал голос Иван Швецов. — Само собой, у тебя траты может быть больше, потому и дума вперед нашей. К тому же два сына у тебя во властях, может, послабление будет, а нам куда?

— За сынов оставь, Иван Гордеевич, они сами, как говно в проруби, не знают, куда прислониться. Во властях, но в моих руках, если надо — не пикнут.

Травнинский хозяин Федор Ташланов встал над столом, расправил бородку, меховую безрукавку запахнул:

— Я так вижу, что таперика у нас две дороги, как на эту заимку. По одной надо снять с себя все и голяком двигаться в коммуны, пешком, потому как лошадей, похоже, тоже мобилизуют. По второй надо не только самому верхом, а и в поводу лошадку иметь для того, кто пеш окажется, да ружьецо тоже с картечей. Иными речами — каждое село в оборону и не давать хлеба сверх нормы.

Застолье загудело.

— А норму кто будет устанавливать? Если ЧК, то хлеб выгребать будем целыми амбарами, чтобы не перевешивать.

— Да, а мясо прямо из пригонов живьем гнать к волости.

— Какая ЧК, у них своя ЧК по хлебу организована, целиком по продовольствию.

— Да, и главным поставлен какой-то Шлагбаум.

— Инденбаум, — поправил Данила Богданович и улыбнулся в бороду.

— Можя и так, мне шурьяк сказывал, он в городе в депо железо кует, в коммунистах, дак там называли фамилию.

— Обожди, он, стало быть, не русский?

— Шурьяк-то?

— Дура! Баум этот! Чужому, конечно, сподручней шкуру спускать с русского человека.

Данила Богданович тоже встал:

— Выбора у нас нет, по второй дороге придется востриться, Федор Петрович, как ты сказал. Только вот оборона — это как? Это же бунт, враз из пушек разнесут. Как-то бы умней надо, может, баб подбить на протест, с них какой спрос, волос длинный, ум короткий. Или пытаться договориться, вот столько, мол, дадим, а больше нету.

Опять задумались.

— Бабы только до первого выстрела орать будут, потом подола мок-рые подхватят и по домам.

— А о переговорах ты зря мечтаешь, Данила Богданович, никто нас слушать не станет.

— Тогда что, мужики, опять в леса, пережидать, как Колчака?

— Ага, этих не пересидишь, не те ребята.

— Давайте же решать, как быть, Данила Богданович!

Атаманов молчал. Он видел тупик и не находил выхода. Бунт бессмыслен, он обречен, власть слаба, опоры в народе у нее нет, потому расчет только на армию. С землей смешают, втопчут, раздавят. А что сказать мужикам, ведь ждут, еще, смотри, спросят, зачем в таком разе собирал?

– Давайте так порешим. Как только у кого появится разверстка, сообщать в другие села. В деревнях поговорить тихонько с народишком, не с каждым, конечно, но поговорить, что надо все-таки как-то протест выказать. Будем ждать, пусть власть первая слово скажет. А нам никто не поможет, кроме самих себя.

4

Председатель исполкома уездного совета Иван Яковлевич Кузьминский уже вторую ночь подряд провел в кабинете на стульчиках, рано утром вышел во двор, умылся из кадучки с дождевой водой, стекающей с крыши, разложил на столе бумаги. Полученный вчера нарочным пакет из губисполкома подтвердил все самые худшие опасения. Многие руководящие товарищи ближе к жатве бывали в уезде и видели хорошие хлеба. Отчетность по намолоту, конечно, занижена, с трех П, как он говорил, брали цифры чиновники: пол, потолок и палец, но нюх у руководства неуклонно усиливается, когда сверху не просто жмут, а директивно не дают даже головы поднять. Конечно, для губернских постановлений Совнаркома – нож к горлу, потому и возникла такая огромная цифра заготовок по уезду, пять миллионов пудов из восьми по губернии. Страхуются ребята, а ему как быть?

Кузьминский не хотел об этом думать, но мысль пробивалась и заставляла искать ответ. Суровые условия заготовок диктуются жесткой обстановкой в стране, постановление Совнаркома об изъятии хлебных излишков в Сибири он изучил внимательно, причину столь крутых мер понимал, но теперь, когда ему придется эти меры применять, родилось сомнение. Не разделял он глубокого убеждения руководящих товарищей из Кремля, что Сибирь зажала хлеб и сидит на булках, в то время как Центральная Россия уменьшает рабочую пайку до одного жевка.

Кузьминский мог бы поспорить с кем угодно, что пропустили мимо в губернии указание товарища Ленина о налаживании товарообмена между городом и деревней. Крестьянин готов поделиться последним, если ему предложат самое необходимое в обмен на хлеб: плуг, боронку, керосин, мануфактуру, сахар, спички, соль. Первая волна под ло-

зунгом «Деревня поможет городу» вынесла к пролетарскому столу буханки сибирского хлеба, и Кузьминский, как и крестьяне, был уверен, что навстречу пойдут изделия и товары, но ничего этого не случилось. Почему? В губернии отбояривались, утверждая, что хлеб ушел в центр, там и надо требовать отдачи, однако на угрозу Кузьминского направить телеграмму лично товарищу Ленину в губисполкоме посоветовали одуматься и припухнуть: у Ленина, мол, и без того проблем много. Кузьминский знал, что немало, но это же важнейшая, товарообмен способен организовать безболезненное изъятие излишков, крестьянин разумно подсчитает и оставит на прокорм и семена ровно столько, сколько надо, ни одной пудовкой больше, остальное отдаст, но на основе надежного и справедливого обмена, а не обмана.

Кузьминский подумал, что хорошо бы об этом сказать сегодня на совещании, но его предупредили, что председательствовать будет сам Инденбаум. Гирша Самуилович не любит просто так участвовать в процессе, он непременно должен им руководить. Революционное прошлое этого пламенного большевика неизвестно, зато настоящее яркое. Прибыв в губернию и получив должность губернского продкомиссара, двадцатипятилетний молодой человек удивил даже старых чиновников, оставшихся на должностях после переворота, не говоря о новых советских и партийных кадрах: он в недельный срок укомплектовал губпродком, создал управляемую коллегиию, назначил энергичных уполномоченных в уезды, нескольких привез с собой, и вот лично прибывает в самый хлебный и обнадеживающий уезд.

Кузьминский видел Инденбаума на совещании в губкоме партии, когда обсуждали постановление Совнаркома и только говорили об организации продразверстки в этом году и новой продкомиссии. Инденбаум держал речь, и многих поразила энергия и революционный восторг, однако один из руководителей губЧК, только что побывавший в уезде и подружившийся с Кузьминским, шепнул ему на ухо, что утром на заседании бюро губкома оратор уже прищучил председателя губЧК, назвал его паникером и размазней за какие-то высказанные опасения. «Твой уезд числится в гарантиях исполнения заготовок, так что учись спать стоя и бить наотмашь». На них зашикали, Кузьминский так и не уточнил, кого бить и за что.

В шесть утра позвонил на квартиру начальника уездной ЧК:

— Тебе были указания по встрече товарища Инденбаума?

— Нет, сказали, что он со своей охраной ездит, мне только совещание обеспечить.

— Ты дурачком не отходи, десяток человек верховых в форме и при оружии для сопровождения. Надо ему показать, что мы тут тоже не курей разводим.

Постучал по рычагу аппарата, попросил квартиру секретаря укома партии Сарина.

— Николай Иванович, Инденбаум прибывает к семи часам, ты не поедешь встречать?

— Не поеду, твой гость, ты и встречай.

— Ладно. Совещание в девять, помнишь?

— Я с пяти утра не сплю, пишу тезисы для выступления.

В окружении рослых азиатов, не то киргизов, не то китайцев, Инденбаум вышел из вагона, он был в длинном суконном пальто и в шляпе, сверкнул очками, перебросил в левую руку коричневый кожаный портфель и поздоровался с Кузьминским.

— Очень рад. Напомните имя-отчество.

— Иван Яковлевич.

— Очень мило, Иван Яковлевич. Стало быть, в девять большой сбор, мы успеем попить чаю. У вас есть буфет? Славно, а то я не люблю станционных, грязь, понимаете, и бескультурье. Вы на авто?

Кузьминский и не заметил, что забежал вперед:

— И своя, Григорий Самойлович, и вторая из укома тоже, да три пролетки, на всякий случай.

Инденбаум залиvisto рассмеялся:

— Ах вы, шалунишка, знали, что я с обеспечением, ведь знали, верно?

Кузьминский округлил глаза:

— Откуда, товарищ Инденбаум? Просто на всякий случай.

Инденбаум был очень вежлив и деликатен, даже чай подливал Кузьминскому и Сарину, услужливо тарелку с печеньем подвинул поближе к Ивану Яковлевичу. Кузьминский крякнул: «Неспроста он стелет так мягко, тарелку эту мне еще припомнит, давиться буду его печеньем, уж точно».

Совещание открыл Сарин и сразу предоставил слово Инденбауму. Гирша Самуилович встал над столом, высокий, стройный, волосы назад, борода и усики по форме, полувоенный костюм тонкого сукна чист и отсвечивает блесками.

— Товарищи! Партия большевиков крайне обеспокоена материальным, а точнее продовольственным положением пролетариата в крупных промышленных центрах страны, и не просто обеспокоена, но и принимает решительные меры. Товарищ Ленин подписал изве-

стное постановление Совнаркома по хлебу Сибири, таким образом, товарищи, хлеб Сибири есть суть спасения революции. Революция только тогда чего-нибудь стоит, когда она умеет защищаться. И мы защитим нашу революцию. Есть твердое задание, и есть сроки его исполнения. Есть хлеб, и есть губернский продовольственный комитет, который обязан его взять. В моем распоряжении до тысячи штыков и мощный работоспособный аппарат, здесь присутствуют члены коллегии губпродкома товарищ Майерс и товарищ Лаурис. В моем мандате записано право контролировать деятельность всех ведомств губернии, немедленно арестовывать и отдавать под суд всех не подчинившихся мне в деле продовольственной диктатуры, отстранять от должности и назначать на должности. В уезде есть наши продработники, знайте, что они — красные комиссары продовольственного фронта. Только так надо понимать сегодняшнее положение дел, и я так его понимаю. С теми, кто не пожелает присоединиться к нашему пониманию, мы будем разговаривать на языке пролетаркой диктатуры.

Замер зал и понуро внимал клятвенным заверениям оратора в исполнении долга и открытым угрозам тому, кто собирается или уже саботирует постановление Совнаркома. Уездные служащие и дюжина председателей волостных советов, которых успели предупредить и которые за ночь сумели добраться до города, разместились на трех десятках стульев и скамейках вдоль стен. Сарин нервно прихлебывал из граненого стакана тепловатую противную воду. Кузьминский как взял в карандаш, так и держал на взмахе, ничего не записывая, слушал, повернув голову в сторону оратора.

Инденбаум был бледен, белоснежным платком в синий горошек промокал влажный лоб, бросая в публику круглые и безжалостные фразы. Атаманов, сидевший у самой двери, слушал напряженно, такая манера публичной речи, агрессивная, с напором, была ему хорошо знакома по фронтовым митингам, когда неизвестно откуда взявшиеся господа в шляпах и кепочках, словно заводные, складно ругали царя, потом временное правительство, обещали народу мир, заводы и землю, славили коммуны как вожделенное будущее, до которого один только шаг, надо лишь брататься с врагом, выходить из окопов и поворачивать штыки в сторону внутреннего врага, допреж всего — богатых, они враги. Молодой человек тогда враз представил себя перед отцом, который в своих краях считался состоятельным, но как, да и кто из смирновских мужиков мог поднять руку, даже голос на Данилу Богдановича, который работу — да, требовал,

но и платил за нее, и кормил работников, и в магазине его все могли взять мужики в обмен на свои труды, без обиды и обмана. Насмотрелся и наслушался таких ораторов Григорий, и нынешний ничем не отличается, только он воровато не оглядывается по сторонам, как те, боявшиеся офицеров, он напорист, уверен и полон нездорового оптимизма. Неприкрытый призыв сломать и если потребуется уничтожить крестьянина, хозяина своего хлеба, отнять хлеб, слышал Григорий в этой огненной речи. Другие, он потом заметил, не слышали, выходя из душного кабинета, перебрасывались пустыми фразами о погоде, а ведь жизнь на дыбы, ощущение грядущей бучи — вот оно, неужели не видят?

Рукотворная беда, как дикая стихия, пришла в деревню, безумным вихрем поднимала, вздымала людскую тревогу, густым туманом зависала над разумом и ощущением, грохотом запоздавшего грома взрывалась первым горем. Ни одну деревню не миновало лихо, вызывая стоны и боль, в каждый дом вошло, в каждую избу. До зубовного скрежета, до побелевших скул, до сжатых кулаков — с глухой обидой и осознанием, уже неотвратимым осознанием страшного присутствия. А куда податься? Вот он, представитель власти, с наганом в кобуре, хотя и прикрытым пиджаком, а все топорщится, он дискуссии не открывает и твоим мнением не интересуется. Ему пуды, фунты, сроки — будь добр, исполни.

Уполномоченные уездного исполкома повезли в волости задания, разнарядки, всяко их успели назвать, только фантазии быстро кончились, ЧК прибрала к рукам делопроизводителя из земельного отдела, обозвавшего врученную ему бумагу приговором. С такой бумагой и направился Григорий Атаманов в Бердюжскую волость. Раньше там бывать не приходилось, но о селе наслышан был, край богатой охоты и жирных карасей. Военком, бывавший там на рыбалке, рассказывал, что невод на Становом не могли вытащить, и в крыльях рыба, и в мотне не понять что, такие караси, как чурки колотые, широкие и объемные. Пришлось раздеваться и в воду лезть, выгребать улов, пока не облегчили мотню и выволокли на берег.

К обеду второго дня пути он подъехал к Бердюжью. Село словно вбежало на высокий бугорок, расклинилось двумя улицами рубленых домов, несколько явно купеческих вызывающе выделялись на фоне сибирской скромности. Спросил, где совет, указали на небольшой домик под железом. Конюх, наверное, предупрежденный, встретил у крыльца и взял под узцы лошадь.

— Я ее повожу маненько круг двора, пусть отпыхнет, а потом на-пою и корму дам маненько.

Григорий разминал ноги, ходил у крыльца, приседал, конюху бросил:

— Прозвание твое деревенское Маненько, угадал?

— Нет, Латуза.

— А это что значит?

— Холера его знат, зовут и зовут. Проходи, ждут уж тебя.

Ждали трое, все просто одеты, все курят и веселье давно не посещало их лица. Первым поднялся невысокий крепыш, подал руку:

— Русин, секретарь партиячейки.

— Ашихмин, председатель исполкома.

— Неймышев, член.

Русин предложил:

— Давайте к столу, товарищ Атаманов, выкладывайте документ.

Григорий открыл планшетку и положил исполкомовский лист с печатью. Ашихмин ахнул:

— Вдвое больше, чем по прошлому году.

Русин взял счеты:

— Где у тебя цифра весеннего посева? Поделим задание на десятины, отсюда и плясать.

Мужики заглядывали через плечо, а костяшки счет летали из стороны в сторону, и никто кроме Русина не мог объяснить очередность, деление на счетах не каждому дается. Григорий тоже с интересом глядел, хотя дело знакомое, отец на счетах тоже чудеса творил, приходилось видеть.

— Вкругляка получается не по тридцать ли пудов с десятины. Гражданин Атаманов, кто такую разверстку мог наложить?

Григорий молча закурил папиросу и отошел к окну.

— Ты пересчитай, постучи повнимательней, может, напутал чего, как же можно взять по тридцать пудов с десятины, если я собрал на чуть больше? А мне еще год жить, да на семена. Пересчитай! — озабоченно попросил Ашихмин.

Русин безнадежно отодвинул от себя счеты, тоже закурил.

— Цифра верная, — отошел от окна Атаманов. — Я ее еще вчера вычислил, по данным статистики. И подход по уезду единый. Давайте по собранию.

Русин рассудил:

— Так понимаю, что нынче собрание граждан не токмо ни к чему доброму не приведет, оно еще и опасно. После такого доклада, не знаю,

кто его насмелится делать, а я не рискну, после оглашения нас просто примутся бить или на вилы подымут, если кто догадается захватить.

— И правильно, между прочим, сделают, без вил тут не обойтись, — горько пошутил Неймышев.

Атаманов в упор посмотрел на Русина:

— А как же вы собираетесь выполнять разверстку в установленные сроки, если боитесь назвать людям задания? Я не имею права обсуждать решения уездных органов, мне поручено организовать исполнение, хотя свое мнение тоже имею. Но скажите, как хозяину донести, сколько ему сдавать зерна, мяса и прочее, если вы уже сейчас людей боитесь?

Русин молча сел, Ашихмин выглянул из комнаты, нет ли кого под дверью, Неймышев в разговор не вмешивался. Тяжелое молчание повисло в воздухе, прокуренном и неприятном.

— Отворите окно, — попросил Атаманов.

— Залепила уже поломойка, никакой дырки нет.

— Так двери откройте, дохнуть нечем.

— Слышать будет.

— А у нас секретов нету.

Неймышев покашлял и привлек внимание.

— Гражданин Атаманов, задание неверное, этак с крестьянином нельзя говорить. Что же такое — отдать все? Это же получится под весь намолот, дай Бог, чтоб на семена осталось. А жрать что? Ты сам говоришь, что такая картинка по всему уезду, стало быть, и мнения у мужиков будут такие же, верно? Потому я думаю, надо подаваться уезд и открыть глаза начальству. Похоже, не только от нас ходочки будут, неужели в других местах хлеба лучше уродились? Не слышал.

Атаманов молчал. Неймышев продолжал размышлять:

— Вот я и говорю, идти и в стол кулаком. Подскажи, к кому, к примеру, стучаться? В партию или в совет?

Григорий мучительно переживал неловкий разговор. В земле и крестьянских делах он не очень хорошо разбирался, но представлял все-таки всю неприемлемость для деревни таких сборов, и размышления мужиков принимал к сердцу. Ожидал и резкого, возмущенного протеста, почему-то думал, что власти непременно соберут сход или собрание и вовсе был обескуражен намерением идти к уездному начальству с просьбой уменьшить задание, срезать норму. Идти к тем, к то вчера утром вручил ему разнарядку на волость, а позавчера единогласно проголосовал за резолюцию в поддержку постановления Совета народных комиссаров.

Он видел и даже был уверен, что люди на том собрании и в зале, и в президиуме не были в восторге от цифр губернской директивы, но никто из них даже не попытался возразить. Они навсегда отрезали все возможности возвращения к этому вопросу. В памяти остался монументальный Инденбаум, размахивающий правой рукой в такт наиболее значительным моментам своей речи. Потому никто из уездных ничего не сможет сказать ходокам, сколько бы слез они не пролили и сколько бы убедительных доказательств в своих просьбах ни приводили. Инденбаум мог бы уменьшить задание, но он автоматически должен кому-то его тут же увеличить, потому ничего не будет делать тоже. Это даже если не брать во внимание его нежелание говорить с кем-то ниже уездного уровня и пренебрежение крестьянином и деревенщиной.

— Если вы понимаете, что такое задание не по силам, то лучше сейчас попытаться убедить власти. Только не партию и совет, а продком, в общем, товарища Инденбаума. Успеха не гарантирую, даже напротив, но пытаться надо. Только сделайте подробные расчеты, чтобы было конкретно. Смысл в том, если сигналов с мест будет много, власть должна уменьшить напор, потому что последствия могут быть еще хуже.

— Все-таки, гражданин Атаманов, поймет нас Инденбаум?

— Господи, о чем вы меня спрашиваете?

— Верно, Ашихмин, что вы прилипли к человеку, он же при исполнении, и так нам много чего открыл. — Русин с благодарностью посмотрел на Атаманова. — Григорий Данилович, ты не переживай, это все между нами, а в уезд я сам подамся. Как имя-отчество этого Инденбаума?

— Гирша Самуилович, но лучше Григорий Самойлович, ближе к русскому.

— Э-э-э, Атаманов, ты его хоть Иваном Ивановичем назови. Я что хотел сказать? Ты тут оставайся, пока шум среди народа поднимать не будем, съезди с моим братом на охоту, заяц сейчас хорошо идет. Это чтобы ты к моей выходке отношения не имел.

— На охоту не поеду, по деревням лучше пробежусь, с народом поговорю, похоже, мне до победы с вами тут..., так что знакомство лишним не будет.

— Как знаешь, Григорий Данилович, а я прямо сейчас отправлюсь, в Пегановой лошадь свежую возьму и завтра в городе буду, и сразу к властям. Давай хоть руку на прощание.

Они крепко поручались, и Григорий проводил с крыльца отчаянного человека.

Инденбаум с помощниками и охраной занимал второй этаж кирпичного домика на Сенной. Утром ему доложили, что просит приема секретарь партиячейки из Бердюжья.

– Секретарь ячейки? – переспросил Инденбаум. – Я не занимаюсь партийными делами, отправьте его к Сарину.

– Григорий Самойлович, он утверждает, что по делам продразверстки.

– Да? Любопытно. Зовите, интересно послушать партийного мужичка по вопросам продреволюции.

В кабинет вошел усталый человек лет тридцати, в помятой одежде, в дверях выпрямился и доложил почти по-армейски:

– Секретарь Бердюжской партиячейки Русин, Петро Борисович.

Инденбаум с любопытством рассматривал посетителя, все-таки первый ходок, и непременно с просьбой о снижении задания, это уж как пить дать.

– Здравствуйте, Петр Борисович, прошу садиться. И слушаю вас, очень внимательно слушаю.

– Вот какое дело, товарищ комиссар, привело к вам. Вчера доставили нам бумагу с заданием по хлебу и прочему, так не получается ее выполнить, мы гумна очистим и сусеки выметем, а все равно не нагрести такую сумму.

– Минуточку, товарищ Русин, вы начали сбор на ссыпной пункт? У вас где ближайший?

– Да у нас же и есть ссыпной.

– Так я спрашиваю: начали?

Русин махнул рукой:

– Какое там, мы как разверстку получили, сразу к вам, потому как дело неисполнимое.

Инденбаум вышел из-за стола и прошелся по комнате. Нет, этого мужичка обидеть нельзя, надо его проводить с надеждой, что продразверстка дело хоть и принудительное, но вполне оборимое, пусть начинают, а там видно будет. Интересно, из других волостей тоже просители будут? Будут! Надо дать указание, чтобы ходоков не направляли, и гнать их в шею.

Он подошел к Русину и заботливо спросил:

– А почему вы, товарищ Русин, оставили свои крестьянские дела и поехали сюда? Вам ведь жалованье, как я понимаю, товарищ Сарин за партиячейку не платит. И дел у вас по хозяйству, надо думать, немало, осень все-таки. А вы бросаете все и рветесь в город, к губкомиссару.

Русин хотел встать, но хозяин кабинета жестом руки остановил его, сам прошел до дверей, дымя папиросой.

— У нас в волости немножко членов партии, четырнадцать человек, считай, больше все фронтовики бывшие, там и повступали. Ну, есть, конечно, новоявленные, в основном женщины и молодняк. А почему поперся в город? Общество поручило мне обязательства, вот и исполняю. Я так понимаю, что партия большевиков от народа произошла и за народ должна волноваться.

Инденбаум сел за свой стол и продолжал курить.

— Хорошо, товарищ Русин. Вот вы секретарь партячейки от общества, как изволили выразиться, за народ беспокоитесь. Это замечательно. А я губернский комиссар по продовольствию, назначен в конце августа сего года. Как вы думаете, это назначение состоялось без партии? Секретарь губкома товарищ Авдеев дал свое согласие или его не спросили?

Русин, конечно, был простоват и доверчив, как всякий честный и добропорядочный сибиряк, он попытался вникнуть в витиеватый вопрос Инденбаума и, подумав, воскликнул:

— Надо думать, не только товарищ Авдеев, а весь губком вникал, и Москва согласилась с вашей должностью. Партия ничего не может оставить безо внимания.

— Совершенно верно! — обрадовался Инденбаум. — Теперь скажите, как нам с вами быть, вы от партии, и я от партии, я приказал, вы ставите под сомнение мое указание, пришли вот ко мне, чтобы отменить. Так?

Русин, еще ничего не понимая, согласился:

— Похоже, так и есть.

— Так какие же мы будем, к чертям собачьим, большевики, если свое мнение станем менять в зависимости от обстоятельств? Мы и только мы должны создавать эти обстоятельства, создавать условия, чтобы все наши директивы беспрекословно исполнялись. Вы не согласны?

Русин задумался. Что-то немножечко не то говорит комиссар, он подводит к выводу, что зря пришел секретарь партячейки и ничего у него не получится со снижением задания.

— Когда вот так на словах, я вроде бы согласный, а касательно разверстки по нашей волости — уступить не могу, товарищ!

Инденбаум улыбнулся:

— Интересный у нас разговор получается. Давайте мы так порешим: вы едете домой и начинаете сбор продовольствия. Строго со-

гласно задания, хотя, допускаю, что не все сразу. Время есть. Если возникнут проблемы, мой кабинет всегда открыт для вас. И один совет: вы определите свое место, если вы большевик и согласны с линией партии, следуйте ей безоговорочно. А колебания между политикой партии и мнением какого-то сомнительного общества — преступны, это к добру не приведет. — Он встал и протянул руку: — Желаю вам успехов, и лучше нам не встречаться больше по этому вопросу.

Русин вышел. Он еще хотел поинтересоваться, почему комиссар линию партии проводит в стороне от общества, от народа, но не успел. У конюшани поправил упряжь и прибрал торбу из-под овса, который кобылка давно съела, сел в ходок и потрусил в сторону дома. Мысли невеселые: никаких перемен, вроде как начинайте, а там посмотрим, хотя цифру не шевелить. Да, знатный говорун этот комиссар, почище нашего Никитки Локотана, далеко мы с емя пойдем. Хотя, Русин одумался, пригласил же комиссар, если в случае чего — приходи, мол, потолкуем. Да, что-то муторно на душе, скорей домой, да скирду домолачивать, пока зерна на рынке не много...

Если бы знал Русин, что случилось в его родном Бердюжье, пока он ехал до комиссара и пока мило с ним беседовал. Как раз в эти утренние часы в село прибыл продотряд во главе с уездным продкомиссаром Гуськовым. Десяток всадников при винтовках, и сам Гуськов, невысокого роста, крепенький, в простом костюме и хромовых сапогах.

Ашихмин хотел выйти на шум у крыльца, но гость его опередил, широко распахнул дверь, встал у порога.

— Ты Ашихмин? Я уездный комиссар Гуськов по продовольствию, только что был на ссыпном пункте, там у тебя кроме воробьев никого нет, стыд и срам! Где хлеб?

— Обожди, гражданин Гуськов, чего ты с порога в атаку, как газонанюхавшись. Садись, я тебе все объясню.

— Ну-ну, — сердито согласился гость и сел.

— Разверстку мы получили, бумагу привез гражданин Атаманов, он в армейском комиссариате служит, мы задание раскинули на хозяйства и такое дело, гражданин Гуськов, столько разверстки нам не потянуть. То есть ноги протянем, а задачу не выполнить. Столько хлеба, сколько нам записали в уезде, мы отродясь не намолачивали. Потому командировали товарища Русина в уезд, чтобы, значит, задание снизить.

— Кто такой Русин?

— Это наша партиячейка.

— Где Атаманов?

— В деревнях где-то, с народишком повстретиться...

Гуськов вскочил:

— Вы что тут, белены обожрались? Один в ходоки ударился, другой в бирюльки с кулацким элементом поигрывают, ты сидишь за красной скатертью, как на свадьбе. А ну, встать! Я тебя немедленно сниму с должности, у меня такое право записано в мандате, но сначала ты мне обеспечишь мобилизацию продуктов, чтобы рабочий класс не пухнул с голоду! Где разбивка по хозяевам, давай, начинай с первого по списку.

Ашихмин не на шутку испугался, потому что заметил, пару раз Гуськов судорожно хватался за кобуру под пиджаком.

— Нету разбивки, гражданин Гуськов. Прикинули, по тридцать пудов на десятину посева выходит вкруговую, а посев у меня вот, все записано.

Гуськов рванул амбарную книгу.

— Так. Ашихмин — одиннадцать десятин пшеницы, значит, триста тридцать пудов. Барабенев — семь десятин, — он кинул тетрадь на стол: — Смотри дальше и умножай, какого хрена сидеть! И вызывай сюда по алфавиту, где у тебя исполнитель? Ничего нет, никакой работы, стыд и срам! Гони его по деревне со списком. Чего глаза вытаращил? Новости говорю?

— Ашихмин-то я, мое хозяйство.

Гуськов захохотал:

— Вот и славненько! Первый в списке, первым и привезешь хлеб на ссыпной. Первым исполнишь, чтоб другим пример. Чего стоишь, беги, запрягай лошадь, снаряжай красный обоз!

Ашихмин неловко маялся у дверей:

— Такого-то хлеба у меня нету, гражданин комиссар, не обмолочен еще, и половину едва наберу.

— Вези половину, — Гуськов уже загорелся, он знал, что дело пойдет, если сейчас подтолкнуть. — Бегом домой и грузи, да всем по пути накажи, чтобы не чесались.

Гуськов химическим карандашом быстро ставил цифры с десятинами посева, потом позвал счетовода и велел переписать фамилии хозяев и их пуды, получилась копия разнарядки по волости.

Тем временем продармейцы сгоняли народ к совету, ехали верхами по улицам и кричали, чтобы все хозяева немедленно шли на собрание, есть важная новость. Мужики, видя чужих, хмурились и уходили вглубь дворов, находя работу, резвая бабенка высунулась за заплот:

— А мой в лес подался, дак как быть?

Продармеец хохотнул:

— Чище вымойся и сама приходи, мне, к примеру, бабу пороть даже послаще будет.

— Тьфу, дурак! — махнула та рукой и скрылась.

Народ собирался, человек до двадцати подошло. Неймышев подбежал, смешался с толпой, в совет заходить не стал.

— Где же Ашихмин?

— Хлеб на подводу грузит, этот ему, — кивнул мужик в сторону совета, — пригрозил, повезет на ссыпной.

— Что же он так, ему бы след тут быть, — пожалел Неймышев.

На крыльцо вышел Гуськов с бумагой в руке, встал посреди крыльца:

— Ваша власть допустила безобразную неорганизованность, и руководители ответят по всей строгости пролетарского суда. Задание по продовольственной разверстке получили еще вчера, и до сегодняшнего обеда ни одного зерна не сдали. Правда, председатель совета одумался и сейчас уже сдает хлеб, чтобы все последовали его примеру. Потому я сейчас оглашу список, и чтобы через два часа, — он распахнул полу пиджака и выдернул карманные часы, — к трем часам чтобы квитанции были у меня на столе. Если вздумаете дуру гнать — накажу, вплоть до расстрела.

— Не имеешь права! — крикнул визгливый голос из толпы.

— Уж что-что, а право-то я имею, — со злой улыбкой ответил Гуськов и сорвался: — Десять заложников расстреляю, если хлеба не будет! Оглашаю: Ашихмин, ну да, он уже везет, дальше по списку..

Вперед вышел Неймышев:

— Гражданин, не знаю твоего звания и имени, не надо бы спешить, наш человек вчера уехал в город ко властям, должен привезти поправку, все образуется, мы же выполняли в прошлом годе, а ты народ пугаешь.

Гуськов сверху вниз посмотрел на говорившего:

— Это человек ваш поспешил поехать в город, зря он торопился, с тем же и вернется, да еще и шею намылят. Но не об этом речь. Твоя фамилия?

— Неймышев

— Так, на тебе двести сорок пудов, кончай благовостить и вези хлеб, я тебя первым в заложники определяю, если по волости сдачи не будет.

Неймышев ахнул:

— Во как! Да тут от всех хозяев малая доля, другие даже не знают, что же, за всю Ивановскую отдуваться?!

Гуськов нервно курил:

— Надо меньше по уездам мотаться и милости просить, вы бы еще молебен заказали, церква-то у вас вроде еще служит. Надо было народу задачу ставить и выполнять, а не разводиться стыд и срам.

Закрыв калитку и пробежав к амбару с зерном, Ашихмин остановился, стяхнул противную дрожь в теле, вытер платком взмокший лоб, отмашкой руки проводил выскочившую на крыльцо жену. Эка напугал председателя уполномоченный, подумалось, про все забыл, и про важную должность свою и про собрание бюро партячейки, решившего добиваться от властей справедливости, и про мужинскую свою гордость тоже позабыл, так кинулся исполнять приказание, что ни с кем по дороге даже не поздоровался. Совестно ему стало, он сел на толстенное бревно, которое со времен родителя служило ступенькой в амбар. Тут в просушенных и чисто выскобленных сусеках всегда хранилось зерно, хлеб, сколько его семье требовалось, хотя, засыпая его, хозяин знал, что придется поделиться с государством, так всегда было, но при новой власти особо, и он специально сусек навалил, чтобы отгрузить налог натурой. Но то, сколько насчитал Русин, а потом подхватил этот Гуськов, столько даже в амбаре не было, надо домочлачивать снопы в кладях. Значит, все свести на ссыпной, а семья останется без запаса, а ведь еще мясо, да шерсть, да яйца. Господи, помоги одуматься! Ашихмин достал кисет и нетвердыми пальцами свернул самокрутку. Вот, значит, как спешил набить кули пшеницей и свезти на ссыпной, чтобы потом с квитанцией бежать на доклад у Гуськову — как он меня круто огулял! Сделай я так, какой пример подал бы мужикам, каким себя оказал, какой козырь Гуськову кинул бы в колоду. Он тут же вывернет все село и в один день обескровит, видать его по ухваткам. И Русина нет, будет только к ночи, что привезет — неизвестно. А пока надо объяснить Гуськову, человек же он, наверно даже партийный, должен понять, что поставки одним днем не решить, по пятку мешков в зачет задания каждый двор может сдать, надо только объяснить людям. А по первому морозцу обмолотим остатки, и тогда будет полная картина, раз государству надо пролетариат кормить, крестьянин всей душой. Но не так же: забежал в ограду, телегу к амбару, мешки нагреб и на ссыпной. Ашихмин улыбнулся своим мыслям и успокоился. Надо возвращаться в совет, Гуськову ходу давать никак нельзя, он набуровит, что всю политику партии испортит.

Большая толпа у совета его насторожила, он втиснулся в середину, мужики сразу схватили за рукава:

— Степан Степаныч, куды вы все запропалились, власти деревенские, приехал из города человек и гужи рвет.

— Список огласил, и пуды там немереные, все сдать и не рыпаться.

— А он крикнул, что ты уже на ссыпном, закрывать норму поехал.

— Тут я, никуда не делся, по потребности отлучался на час, теперь к нему, решать будем об отсрочке, пока Русин вернется. — И он уверенно ступил на крыльцо своего сельсовета.

Гуськов сидел на его месте и крутил в руках револьвер, кобура лежала на столе, тряпочка тут же, которой Ашихмин пыль сбрасывал со стола. Он поднял глаза, кивнул вошедшему, и собрав оружие, положил его на стол справа.

— Быстро ты управился, молодец, сколько увез?

Ашихмин подошел к столу:

— Гражданин Гуськов, освободи место председателя, я должен бумагу написать, — сказал он твердо.

Гуськов удивился, пожал плечами, спрятал револьвер, пересел на скамейку у стены, положил ногу на ногу. Конечно, он понял, что ничего не увез председатель, по гонору его, по настырности понял, но не сразу решил, что делать. Все его ставки были на податливость председателя, он мог бы сейчас выйти на крыльцо и сказать саботажникам, что вот вам пример сознательности и исполнительности, так что расходитесь по домам и выстраивайтесь в очередь на ссыпной. Однако ничего не выходит, надо все перестраивать и быстро, инициативу терять нельзя, это тоже бой, и выигрывает тот, кто сумеет быстро перестроиться в изменившейся обстановке.

— Устал я с тобой, Ашихмин, и с народом твоим тоже. Сейчас пойдешь на крыльцо и объявишь, что завтра с утра мои люди будут на ссыпном пункте, копию со списка я снял, оригинал тебе оставляю, пользуйся. К вечеру всеми средствами донеси каждому его задание, и с утра в очередь, чтобы гул стоял, как крестьяне обеспечивают страну хлебом. В очередь и гул, понял? — Он говорил, не повышая голоса, но так напряженно, что у Ашихмина в ушах зазвенело. — А это сборище распусти и до встречи утром. Исполняй.

Ашихмин встал в дверях:

— Таковую команду дать не могу, — сказал он. — Задания в одиночку тоже не могу довести, надо собирать совет.

Гуськов смотрел на него с удивлением:

— Я же пристрелю тебя как саботажника, позову сейчас пару ребят из отряда, они подтвердят, что ты кинулся на меня... вон с

тем молотком. — Молоток, действительно, лежал на подоконнике. — Иди и объяви.

— Не могу, права не имею, только совет, да и товарищ Русин только к вечеру возвратится.

— Русина твоего уже шлепнули в ЧК как бузотера, это точно, — парировал Гуськов и сам себе удивился: надо в морду бить, а он угоривает, это же враг, и везде они такие, и первую стычку надо выиграть, иначе как дальше действовать? Да и отряд скучает. — Ашихмин, ты пойдешь на крыльцо к народу или тебя тут застрелить?

Дверь открылась, и несколько мужиков вошли в комнату:

— Степаныч, мы тут посоветовались и решили по пятьдесят пудов сvezти прямо седни, а завтрашним днем Русин возвратится и тогда видно будет.

— По-другому никак, энти ребята из армейцев уже интересуются, где у нас девки собираются, говорят, натурой будем налог собирать.

Ашихмин ободрился:

— Правильно решили, мужики, очень к своему времени, по пятьдесят пудов — это поддержка рабочему классу, а по остальным решим, на то она и советская власть.

Мужики вышли. Гуськов расхохотался:

— Обыграл ты меня в этом кону, Ашихмин, вчистую обыграл, но поимей в виду, что завтра я буду банк держать и тасовать колоду буду сам и картишки сдавать тоже. Дай команду на постой мне и отряду, к тебе, конечно, я не пойду, да ты и не позовешь.

6

Русин приехал уже затемно, до Пегановой гнал сельсоветскую кобылку безжалостно, потом своего ленивого мерина кое как разогнал. Баньку хозяйка подтопила, обмылся, только вышел, в ворота стукнули.

— Кто крешеный?

— Это я, Петро.

Отдернул засов.

— Я из бани, в одних подштанниках.

— Жарко в бане-то?

Ашихмин рассмеялся:

— Ты не попариться ли возжелал?

— Не ржи, а пошли в предбанник, надо, чтобы ушей меньше было, а у тебя теща и ребяташки.

Русин пересказал весь разговор с Инденбаумом, Ашихмин слушал, поддакивал, а когда Петр закончил, переспросил:

- И все? Цифры он тебе не дал другие?
- Нет, говорит, начинайте, а дело покажет.
- Ну, тогда я тебе скажу.

Долго в подробностях излагал события дня и окончательно обрадовал Русина решением свести завтра по пятьдесят пудов в зачет разверстки до решения основного вопроса.

Договорились, что совет соберут утром и распишут задание, все-таки не все равны, и слабосильному хозяйству среднюю нагрузку не поднять. Русин резонно заметил, что оспаривать надо, но надо и исполнять, иначе власть и разговаривать не будет, а прилепит ярлык саботажников. Про Гуськова он в уезде ничего не слышал. Спросил, где Атаманов. Ашихмин ответил:

– Нет его в селе, где-то в деревнях, и ладно, что не встретился с Гуськовым. Разные они.

– Просили передать, чтобы срочно возвращался в военкомат. Скажи, как приедет. Он у тебя будет?

– Обещался.

Григорий приехал глубокой ночью, собака залаяла, хозяин вышел, поставил коня под навес к приготовленному овсу и бадье с водой. Григорий ходил по двору и разминал ноги.

– К нам Гуськов с отрядом прибыл, знаешь такого?

– Слышал. И что?

Ашихмин вкратце повторил рассказ о событиях дня и удивился, что, в отличие от Русина, Атаманов не высказал удовлетворения их решением.

– Гуськов к вам приехал не чай пить, на прошлой неделе он был в Ларихинской волости, обернулось стычкой с мужиками. Ему в уезде сделали внушение, а Инденбаум оправдал. Поблажки не ждите, я на рассвете уеду, а вы утром собирайте совет и принимайте решение. Неподъемную разверстку власть может переложить на других, хотя и это вряд ли. Все просчитайте и начинайте сбор. С Гуськовым в позицию не вставайте, не давайте повода кобуру расстегнуть.

– Ладно, пошли спать.

Григорий уснул сразу, едва коснулся подушки, так намотался. Чуть начало зариться, поднялся, вышел во двор, следом вышел хозяин:

– Самовар раздуть, Григорий Данилович?

– Не беспокой семью, отдыхай, у меня хлеб и шмат сала в сумке, перекушу дорогой.

Небо вызвездилось и вырядилось, как невеста, месяц только что

не раскачивался, такой озорной. Восток загорался, из одного места, где солнце, как из кузнечного горна, исходил свет и холодный жар. Небо светлело, но земля оставалась в тени, и сумрак казался еще гуще. Как все в природе распределено равномерно, каждое создание знает свое место и назначение, взойдет солнце — исчезнет месяц, была ночь — станет день. И так вечно. Единожды и навсегда создателем установлен закон. Только для человека нет никакого единого правила, всякое время придумывает свои законы, ломает людей, которые в эти законы не могут вписаться, потом протесты, убийства царей, мятежи, войны — и все ради утверждения все новых и всегда других порядков. Вот и теперь непонятно что происходит, вроде власть от народа, в том числе и от крестьян, куда же их девать, но ни с чем не считается, доводит задания неподсильные, и уже есть протесты. А если исполнители начнут нажимать, а нажимать они начнут, это точно, тот же Гуськов уже показал, как это делать, да и Инденбаум недвусмысленно заявил, что задание — это закон, и все, кто имеет отношение к его неисполнению — преступники.

На выезде из села его окликнули:

— Стой, кто такой? Куда следуешь?

— Что за проверка? Я сотрудник уездного военкомата.

— Атаманов? Тебя и встречаем. Мы из отряда продкомиссара Гуськова, он ждет тебя в совете.

Григорий понял, что противиться бесполезно, их трое, если бежать — пуля догонит, и они будут правы. Встреча с Гуськовым теперь крайне нежелательна, но придется, тем более, что он ждет, значит, есть что сказать. Ночь, наверное, не спал, все прикидывал, как прищучить укомовского посланца, провалившего начало разверстки.

Григория провели в комнату, где сидел Гуськов, он был без сапог, в вязаных шерстяных носках, в одной рубашке. Воздух в комнате дурной, тяжелый.

— Извини, Атаманов, что встречаю тебя не по форме, обстановка, брат, не позволяет шиковать. Приходится грязь подбирать за такими чистоплюями, как ты, тут не до этикета.

— Выбирайте выражения, Гуськов.

— Ты меня учить! Ты за каким хреном сюда был направлен, чтобы сопли по деревне размазывать или хлеб добывать? Цифры, видите ли, им не понравились, решили их подправить! Может, вы с Русинным и в постановление Совнаркома внесете изменения?

— Моя задача организовать продразверстку, и я её выполняю в дан-

ном мне сельсовете. Есть цифры, местные с ними не согласны, но ведь есть и сроки, до середины ноября выполнить половину.

Гуськов вскочил:

— А жрать ты тоже не будешь до этого срока? Или ты уже с утра похамал? А рабочий класс? Ты подумал? Кому служишь, Атаманов?

Григорий сделал шаг вперед:

— Последний раз предупреждаю, что со мной так разговаривать нельзя, я вам не башкир из продкоманды. Не нагнетайте обстановку в деревне, люди будут сдавать хлеб, и это уже поддержка, если вы о пролетариате заботитесь. Но нельзя же сразу человека ставить к стенке.

— Можно, Атаманов, если он после этого привезет еще двадцать пудов.

— Это глупая тактика. Она к добру не приведет.

— Вот что, Атаманов, данной мне властью я тебя задерживаю..., не дергайся, не арестовываю, а задерживаю до утра, посидишь в соседней комнате, даже револьвер у тебя отымать не стану. Соберем совет, обсудим, затвердите, а я посмотрю, насколько вы отстаеете в понимании от большевистского порядка. А впрочем, о чем я печалюсь, ты же беспартийный, а может эсер или того хуже. Пройди в комнату, учти, у окна охрана, чтобы без фокусов, чтобы стрелять не пришлось, у меня ребята аховские.

— Запомни, Гуськов, тебе это даром не пройдет, ты рассчитывал, что я за наган схвачусь, и у тебя будет повод обвинить всех в сговоре, в бунте — не выйдет. Я беспартийный, это правда, но напрасно ты пытаешься определить мне партию, я ее еще на фронте выбрал, это русская партия, только тебе этого не понять.

Он пинком открыл дверь и продотрядовец в коридоре едва успел отскочить.

Скоро к нему зашел Ашихмин, он уже был в своем кабинете и всё узнал от Гуськова.

— Отправил исполнителей совет собирать, надо решать, Гуськов с живых не слезет.

Подошел Русин, потом Матулевич, заведующий земельным отделом, и Неймышев, курили и молчали. Можно было начинать заседание совета, остальные жались на крыльце под хмурыми взглядами продармейцев. Неожиданно дверь открыл Гуськов:

— Готовьте решение, и я с отрядом начинаю работу. Предупреждаю, что всякое сопротивление будет оборвано сразу. Атаманов, ты со мной или с ними?

— Я уезжаю в комиссариат, приказ передал Русин. Совет примет решение сразу поставить по 30 пудов хлеба, это же выход, и время есть.

— Нету у меня времени, Атаманов, нету, чтобы подыгрывать классовым врагам.

— Да у нас в скирдах хлеб, гражданин Гуськов, еще не знамо, сколь намолотится, а надо на семена, на фураж, на прокорм семье, между прочим, государственная норма по четырнадцать пудов на душу, — кричал Ашихмин.

— Надоели вы мне, — устало бросил Гуськов. — Я отбываю в Кармакскую, буду через пару дней, и попробуйте мне дебаты устроить.

Он щелкнул хлыстом и вышел. Через минуту топот десятков копыт сопроводил отъезд отряда.

6

Измученный почти бессонной ночью, жестким утренним разговором и казавшейся бесконечной ездой, когда делать ничего нельзя, только думать, а думы одна другой тяжелее — уже в потемках подъехал он к отцовскому дому. Пес Трезор к ночи отпущенный во дворе, дважды вопросительно сляял, потом заскулил, учуяв припозднившегося хозяина. Отец вышел на крыльцо и крикнул:

— Ероха, поди открой, кажись, Григорий.

Ероха открыл калитку и принял поводья, в темноте улыбаясь и радуясь любимому человеку. Отец обнял сына:

— Баня тепленькая, обмойся, я самовар поставлю.

Мать приняла влажное полотенце, любуясь сыном, он наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Ну, поди, мать, нам поговорить надо.

— Гришенька, ты побудешь?

— Чуть свет уеду, мама, а в субботу буду обязательно.

— Рассказывай, — коротко бросил Данила Богданович, и Григорий удивился: а что рассказывать?

— Ты же не просто так заехал, да и по глазам вижу, что не все ладно. Говори.

Уже вторично наблюдал Григорий переменившегося отца, к нему вернулись решительность и твердость, состояние хозяина, суетливости и угодливости, которые так противны были сыну, и следа не осталось. В прошлую встречу он это заметил, но как-то не оценил, не придавал значения, а вот теперь твердо уверился: переменялся отец, только чем вызвана перемена — не угадать.

— Волость задание по разверстке получила? Тебя не вызывали в совет? — как о чем-то не очень важном, случайном, не к сегодняшнему разговору, спросил Григорий.

Данила Богданович в упор посмотрел на сына, налил себе чашку чая, отхлебнул:

— Получили и вызывали. Такой же, как и ты, безусый, от уезда витийствовал, дали месяц сроку, чтобы вывезти заданное. Меня обложили по полной, и зерном, и маслом.

— А деревня?

— Ропчут мужики, перешептываются, наряд такой, что все не под метёлку даже, а под веник-голик. Но поговаривают, что половину сдашь — вторую скинут.

Григорий тоже налил чашку.

— Пустое, никто ничего не снимет и не спишет, я сегодня наблюдал в Бердюжской, туда уже продармейский отряд прибыл, начальник намерен прямо сейчас вынуть из народа душу. Чуть до стрельбы не дошло. Разошлись, но не мирно, через пару дней отряд вернется, будет у них заваруха.

— Григорий, ты там поближе к властям, скажи мне, разве они не понимают, что творят? Хлеб нужен, я читал в «Правде», что в Расее неурожай, знамо, надо помогать, русский русскому, это святое дело. Но пока так выходит, что в Сибири все выгрести, там народишко поддерживать, а тут пусть дохнут, так что ли?

— У них, тятя, другой подход, они не вниз на людей смотрят, а вверх, что начальник скажет. Твой Гришка, председатель совета, в уезд приезжает и молится на Кузьминского, того от телефонного звонка из губернии в пот бросает, я видел. А представь, если председателю губисполкома Каганович позвонит или сам Ленин? Вот так по все цепочке, сверху вниз. А народ в стороне.

Григорий замолчал, нервно припивая чай, отец тоже молчал, как будто ждал продолжения рассуждений сына.

— Ко мне на прошлой неделе приходил один человек, бывший мой боевой командир, сейчас в губернии служит. Говорил, что белые офицеры объединяются и собирают силы, как только будет подходящий момент, поднимут мятеж.

Даниал Богданович встал и перекрестился:

— Слава тебе, Господи, — выдохнул он, — а я уж думал, что ты меня никогда не посвятишь. О человеке том знаю и о твоей встрече с его доверенным тоже, это, Гриша, свои люди. По их заданию я

тоже мужиков собирал на заимке, посолидной хозяев — все в голос: готовы подняться.

Григорий встал и прошелся по комнате:

— Тятя, власть имеет армию, не очень толковую, не самую преданную, но это регулярные войска с боевым опытом. Убивать они умеют. Полковнику Деркунскому я не мог этого сказать, но ты все сам видишь: с чем смировский мужик пойдет на армию? С берданой?

— Гриша, если мужика разозлить, он голыми руками врага задушит, горло перегрызет.

— Тятя, это все слова. Мятеж — не уличная драка на Пасху.

Отец вскочил:

— Дак научи, что делать, если мы такие глупые! Если этот твой командир собирается воевать, неужто с наганом, неужто у него нету винтовок и прочего? Не верю! Это же серьезные люди!

— Тятя, я не более твоего осведомлен, возможно, и есть организация, есть склады или схоронено где в лесах — не знаю. Хорошо ура кричать, когда у тебя в руках оружие, а в душе вера. С одной верой на пулеметы бежать, конечно, можно, но глупо. Вот такой мятеж, отсюда, из Смирновой, с мужиками и с вилами — обречен, прости, тятя, но я воевал немножко, понимаю.

— Эх, Гриша-Гриша, что же за наказание на нас такое: та война, революция, потом своя война, вроде только работать начали — опять не слава Богу! Уймется Россия?

— Ты Гену Блаженного знаешь? Он все при Никольской церкви обитает.

— Знаю такого, постоянно даю ему денежку, а он смеется: не мне, говорит, подаешь, а себе. И что?

— Иду на прошлой неделе мимо церкви, вижу — ходит он вдоль стены, постоит, руками потрогает угол, дальше переходит. Я остановился, наблюдаю, он заметил, позвал, пришлось идти через воротца. «Что ты делаешь, Гена?» — спрашиваю. «Грязь человеческого греха с храма смываю». «Чем?». «Слезами». Верно, все лицо его мокрое и руки. «А что, Гена, разве так много грехов?». «Много», — говорит, — «Так много, что слезами уже не смыть, только кровью». Знаешь, не по себе стало, все-таки прохладно уже, а он стоит в генеральских брюках с лампасами, в посконной рубахе и босой. «Зачем же кровью, Гена?». «За отступничество от Бога, кровью умоетесь, Господь разум отнял, и сын отца, брат брата идут убивать». Тут его затрясло, пена изо рта, я позвал женщин, чтобы прибрали его, и ушел.

Видимо, с давних пор увязалась за человечеством примета, что природа всегда опережает крупные перемены и знаменские события, как бы предупреждая человека о неотвратимом, мол, готовься, хотя от тебя уж ничто не зависит. Откуда сорвались морозы? Понятно, зима не без того, но уже и конец января, когда отстояли свое рождественские и крещенские, а в одну ночь так вызвездило, так стало тихо, что собаки бросили ночную брехню, сороки перестали пугать хозяев пожаром, и скот во дворах не стал пить воду, пугливо жуя свою жвачку и вздрагивая по временам всем своим существом.

— Добра не жди, — говорили между собой старики. — Перед Германской так же было, тогда большая вода пришла не в апреле ли, помнится? Лед гнало такой, что плетни на задних огородах посшибало к едрене матери.

К морозам привыкли быстро, дело-то сибирское, полушубок потуже, штаны стежёные, пимы, рукавицы меховые — ничем мужика не взять, крикает да работает. А в первый день февраля как с цепи сорвалось: ветрище, да не с Югов, игривый, а с солнцевосхода, все больше на сиверок склоняется. Небо сразу помрачнело, надулось, пыхнуло снежными разрывами, и помчалась по-над землей снежная круговерть. Стоит человек посреди дороги, в двух шагах не видать, только почутая лошадь пофыркает хозяину, что не все ладно, человек на пути. В такую погоду сват к свату опасаются по гостям ездить, редкий ямщик из рискованных откажется махнуть из города в Казанскую или Бердюжью, разве только если седок по большому делу да с полномочиями.

Февральскими метелями весь снег Сибири выгребло и вытряхнуло на уезд, такого Данила Богданович за четверть века не помнил. Усадьбу заложило со всех сторон, а Ероха каждый день вывозил из ограды по десятку коробов снега, сваливал в проулок: весна все приберет. В междулесье и самих колках набуровило сугробы — зверю дикому не пробиться, а человек только на лыжах. В добрые времена в такую пору славно было гонять лося да кабана, нынче не до охоты. Только узкие санные тропки, когда лошадь ступает из копыта в копыто, соединяли соседние деревни, и редкий путник торопливо преодолевал пространство.

Поздно вечером, хозяйка уже спала, посыльный, назначенный для Григория заговорщиками для связи, вызвал Григория во двор и тихонько сообщил, что известный ему человек будет в Смирновой в субботу и ждет с ним встречи.

Полковник Деркунский принял его в избушке Ерохи, он вновь опустил бороду, но одет скромно, под городского обывателя.

— Вас смутил мой вид? Зовите меня Андрей Андреевич. Что же поделаешь, молодой человек, меня ищут, пришлось уходить в подполье, учиться у наших врагов всяким хитростям, они в этом преуспели в свое время. Хотя, какое там, в бирюльки играл с ними Государь, царство ему небесное. Давить надо было, давить, как вот Ероха клопов давит на стенах! — Деркунский побледнел, и что-то заклокотало в глотке. Он отхлебнул холодного чаю. — Простите, сударь, нервы, но это пройдет. Я уже побывал в шести волостях, напряжение растет, но люди, я так понимаю, боятся войны. Со двора забирают скот и зерно, а крестьяне хрустят зубами и молчат.

— Не всегда, — возразил Григорий. — Есть массовые протесты, все деревней, но они захлебываются с первыми выстрелами продармейцев.

Деркунский развернул на столе карту уезда, такая была в военкомате, и Григорий сориентировался быстро. Красным карандашом отмечено несколько волостных центров.

— Здесь у нас уже есть надежные люди, отряды до тридцати человек. Со всеми я встречался. Как вы понимаете, моя задача не просто поднять народ, но объединить выступивших, организовать. Есть опасность, и это подтверждается разговорами на собраниях, что мужички дальше своего огорода ничего не видят. Вот опасность! Они враз скинут своих большевичков и займут круговую оборону. Знаете, что мне сказали в Ларихе, да, вот тут: «Мы наведем порядок, но в Огнёву или в Травное — увольте! Там пусть свои разбираются». Как вам это?

Григорий понимал, что не страх движет этими мужиками, а извечная привязанность к своему гнезду. Стихийные выступления безнадежны и бесполезны, власти силами продармейцев и милиции задавят их сразу и через жестокость могут переломить крестьян, запугать, потому надо сразу отказаться от создания отрядов в волостях и формировать ополчения из нескольких сел и деревень по тракту: на Петропавловск, на Омск, на Тюмень.

Деркунский внимательно слушал Григория и молчал. Этот молодой человек оправдывал все его предположения: грамотен, умен, хорошо знает местность и психологию сибиряков. К тому же, оказывается, мыслит стратегически.

— Григорий Данилович, на собраниях единомысленников я говорю, что в первые же дни мятежа все движение будет организовано под командованием одного человека. Признаюсь, я имел в виду абстракт-

ного командующего, но теперь вижу, что он есть. Если вы готовы принять на себя эту огромную ответственность, я буду только рад.

Григорий не смутился, он выдержал паузу, закурил папиросу, смахнул упавший на карту пепел.

— Андрей Андреевич, вы военный человек, хорошо знаете обстановку. На что мы можем рассчитывать, кроме своих сил? Крестьянам против регулярной армии не устоять, это ясно даже мне. И люди спрашивают: а кто еще с нами?

Деркунский кивнул: вопрос понят.

— При мне нет никаких документов, но можете поверить: ведется работа в армейских частях, крестьянская масса солдат поддержит восстание и перейдет на нашу сторону. Мы с вами говорим об одном узде, но такая работа идет теперь по всей России, недовольство властью растет, и восстание будет всенародным. Представьте, если полыхнет от Николаевска до Киева, никакая власть не устоит, Ленин со своим картавым Совнаркомом побежит в Германию, если, конечно, успеет.

— Я так понимаю, что оружия у нас нет, и внезапного поступления не будет? — в упор спросил Григорий.

Деркунский устало кивнул:

— Стрелковое оружие у мужичков есть, даже нарезное, все остальное только с переходом воинских частей, на что я надеюсь. Посмотрите на карту. Ваша задача максимально скоро провести объединение всех наших сил. Я оставляю вам имена руководителей в волостях, постарайтесь их запомнить, а бумагу сжечь, на всякий случай. Составьте от себя директиву, не обозначая фамилии, и отправьте с надежными людьми. Ваша главная задача не просто свержение большевиков, а скорый захват Ишима и железнодорожной станции. Это нерв, кровеносный сосуд, что угодно. Взять железную дорогу — значит схватить их за глотку. Силы гарнизона вам известны.

— Да. Кроме того, надо иметь в виду, что власти не хуже нас понимают стратегическое значение города и станции, потому при угрозе захвата они бросят сюда маневренные части по железке, и в омской, и в тюменской стороне базируются бронепоезда, это большая сила.

— Мне нравится ваша смелость в суждениях и открытый анализ обстановки. Я бы не хотел относить это к неверию в наши силы, но впредь будьте осторожны, ибо не всегда исполнитель должен знать истинную угрозу, его дело идти в бой и сделать все, чтобы выиграть его.

— Простите, Андрей Андреевич, вы говорите со мной так, словно вопрос о моем назначении уже решен.

— Григорий Данилович, мы контролируем обстановку, как только настанет час, оперативно соберем представителей сельских и волостных штабов, те сразу будут создаваться, и на этом собрании выдвинем командующего. Не знаю, возможно, формирование повстанцев станет армией, к примеру, народной, или фронтом, но командовать должен местный человек, чужака сибиряки не примут. Дай Бог, чтобы в этот момент я оказался здесь.

— Вы уезжаете, простите, я не из любопытства.

— Понимаю. Мне в ближайшие дни следует побывать в Петропавловске, пошевелить местное казачество, я этим народом имел дело в войну, знаю его и уважаю. Очень надеюсь, что казаки поддержат крестьян, у них положение несколько не лучше. Есть у нас сведения о довольно смелом и активном противнике советов некоем учителе Родине, надо его прощупать, возможно, один из руководителей.

— Я знаком с ним, Родин, он недавно на уездном съезде учителей был и действительно, выступал откровенно, даже в дискуссию вступил с руководством.

— А вы как оказались на учительском собрании?

— Военком направил, сказал, что мы должны знать настроение этих людей. Так вот, Родин в крайне неловкое положение поставил нашего председателя уисполкома, он говорил о проблемах, о которых Кузьминский, скорей всего, и не слышал.

— Например?

— По большой политике: зачем отдали Камчатку японцам? Концессии и соглашения советской власти с капиталистами не есть ли свидетельство ее банкротства? Из более конкретного: куда ведет перелом в экономической политике большевиков, будут ли хорошие результаты от Восьмого съезда Советов? Он очень резко выступил, я в перерыве подошел, познакомились. Наверно, его насторожила моя форма, но говорил он смело: если власть не изменит своего отношения к крестьянину, это приведет к конфликту. Он так и сказал: к конфликту. Мне он показался одержимым какой-то идеей, возможно, по его учительской части, но крайне одержимым. И скрытным. Я спросил, воевал ли он, а Родин улыбнулся: еще успею.

— Да, странно. Непременно надо встретиться. Вам следует до последнего дня оставаться при военкомате, бумаг сами от руки не пишите и не подписывайте, направляйте с надежными людьми. Данила Богданович сразу пошлет к вам гонца, как только начнется. И начинайте в своем селе, так вернее. Отдыхайте, я на рассвете уеду. Уверен, что встретимся.

Лошадь остановилась во дворе бывшего волостного правления, а ныне сельского совета, у кормушки с мелким лесным сеном. К новой должности председателя Аркадий по привычке, ему нравилось обращение по имени-отчеству даже пожилых и старых мужиков, не говоря про молодняк. Вот только робость перед уездным начальством, даже небольшим, так себе шишечка, а преодолеть не мог, терялся, шел, кажись, со своим мнением, а соглашался с предложенным, так и возвращался. Петро Журавлев крепкой был подмогой, через партиейку многие вопросы протаскивал и обязывал делать, что положено, и это верховенство уже не очень нравилось Аркадию, тем более, что кое-кто не прочь был и укусить: вот, гляди ты, избрали тебя председателем, а через голову рулит партиейка.

— Аркадий Кондратьевич, с возвращением! — Конюх Иван по прозвищу Шкалик был на месте. — Прикажешь распрягать?

— Распрягай.

Аркадий потянулся в теплом меховом мешке тулупа, выпростался из него и стал разминать ноги, тяжело ступая около санок.

— А я тебе не раз говаривал, надо верст через пять проминку делать организму, а то совсем застой будет, как у безработного жеребца. Ни разичку, поди, не вставал?

— Отстань.

— Вперед я с тобой ехать буду, не дам лежать да думать.

— Кто в правлении? — Перебил Аркадий разговорчивого конюха.

— Свои только.

Вошел в первую комнату, где сидел счетовод, накурено — хоть топор бросай, в дальней комнате голоса. Кто-то из чужих есть, посмотрел, наверное, Латуза, что приехали со стороны. Отворил дверь, поздравствовался на пороге. Так и есть, товарищ из уезда, где-то видел, но не припомнил, вроде из органов.

— Дождались, председатель! — Гость поднялся из-за стола, протянул руку. — Мог бы просто бумагу отдать сельсоветским для тебя, да дело слишком серьезное, потому следует говорить лично. — Он обвел взглядом присутствующих. — Прошу оставить нас одних, товарищи, суть вам потом передадут, но у меня есть полномочия.

Когда все вышли, гость достал бумагу, протянул Аркадию. Значилось, что Иван Максимович Абабков является уездным продкомиссаром и имеет право... Аркадий не дочитал, Абабков забрал документ и сел.

— Ты, председатель, должен понимать, что революции нужен хлеб,

и советская власть все сделает, чтобы спасти правое дело. Короче говоря, есть задание на уезд и на твою волость. По хлебу, по мясу, по шерсти и яйцам.

Аркадий не все понял, протянутый листок с доведенным заданием повертел в руках и метнул на стол:

— Волость поставки по прошлому году все выполнила, об чем я доложил в уезд, там знают. Ты, товарищ, похоже, из приезжих?

— Угадал. Меня послал сюда пролетариат Урала, чтобы вытряхнуть хлеб из сибирского кулака.

— Как-то ты сразу круто, вытряхнуть! Так нельзя. Мы много зерна отправили по обмену, но только возврата ничем ничего, вот вопрос, и мы его обсуждали на партячейке.

— Ты не понял, товарищ! Речь идет о голоде, который может задушить дело революции, Москва на пайке, Питер жрать хочет, а сибирский мужик намолотил хлеба и зажал, сидит на булках. Скажи, может партия променять будущую коммуны на благополучие заживших чалдонов?

— Ну, жирных-то у нас нет, да и работа не дает салу вокруг пупка завязаться, только не просто будет сейчас народ уговорить на дополнительные заготовки. — Аркадий закурил папиросу, закашлялся. Абабков засмеялся:

— Честное слово, смешно тебя слушать. Ты забудь это слово — уговаривать. Мы будем брать, брать все, что есть, до донышка, и никого не только уговаривать, даже спрашивать не будем.

— Во как! И за что к мужику такое отношение, чем это он советской власти не угодил?

— Ты слышал о голоде в Центральной России и о продрозверстке, на днях совещание было в уезде, сам товарищ Инденбаум проводил, и сразу нас отправили во все волости. Все старые нормы забудь, сегодня же распишешь задания по хозяйствам согласно данных о посевах, и пусть не лежат на печи, домолачивают, что у них в ригах, и сдают. Добровольно. Хуже будет, если продотряд придет, там ребята аховские, они по-русски плохо говорят, все больше молчаком.

Аркадий сник. Он не умел говорить, когда с той стороны слышал только глухое урчание и предупреждения, собеседник был разговорчив, но только в свою пользу, все доводы председателя отметал и не собирался в них вникать.

— Что же прикажете делать?

Абабков одобритительно кивнул:

— Ну вот, другой разговор, а то ударился в демагогию, как девица из благородных. Собирай актив, исполком, решайте, кому что выпадет. Конечно, с учетом классового подхода. Чтобы долго не возиться, подели разнарядку на общую площадь посева, получишь изъятие с десятины, отсюда и пляши. По мясу, шерсти и прочим яйцам тоже важно, но это потом, к октябрьским праздникам надо бы рапортовать по хлебу. Скажу тебе по секрету, председатель, ты, я вижу, парень с понятием: воздержись отбояриться, действуй со мной заодно, цифра большая, но то цветочки, выгребать будем до доньшка. Силой. Ладно, если по норме оставим на едока. Действуй, а я поехал в Уктуз.

Актив собрали к вечеру, Аркадий уже все обсчитал и был растерян. Еще до подхода товарищей вынул из шкафа початую бутылку водки и налил полный стакан, порылся в столе, добыл луковицу, безжалостно и смачно раздавил ее на столешнице, медленно выпил водку и пожевал луковицу. Хмельная волна прогнала морщины со лба, руки перестали противно мандражить. Подумал, что если секретарь партиячейки унюхает, а он может унюхать, вслух объявит внушение, не первый раз Аркадий приложился. «Чисто поп, тот виновного за прегрешение причастия лишал, а этот публично предаст анафеме». Аркадий улыбнулся своим невеселым мыслям...

— Ты по какому поводу опять нас согнал? — спросил как бы в шутку Петр Журавлев, когда около десятка коммунистов и членов совета собрались в комнате. — Вроде ничего срочного быть не должно.

— Ну, это в ячейке у вас тишина и покой, — укорил Аркадий секретаря, — а власть — она каждый день в заботе. Вот, прибыл продкомиссар товарищ Абабков, привез новое задание по хлебу и мясу, ну, там еще яйца, шерсть и прочее. Надо обсудить и довести до людей, чтобы к октябрьским праздникам рапортовать.

— Больно ты крут, Аркадий Кондратьевич, в прошлом году всю зиму возили понемногу, справились. — Гордей Иванов недовольно кряхтел. — Шутка ли, за месяц управиться?

— Верно, — поддержал Яша Щербатенький, — еще не все отвеяно и семена не у каждого отбиты.

— Я вас слушать не собираюсь, вот задание и вот срок, чего обсуждать? Давайте определим, кому послабление сделать, а кому по самую маковку, как, к примеру, кулакам.

Стали смотреть по спискам, получалось, что, если проявить снисхождение к малоимущим и большесемейным, то остальным выпадают такие цифры, что многие тут же усомнились в выполнении.

Петр Журавлев встал:

— Надо так понимать, что твой продкомиссар превысил свои полномочия, брякнул насчет октябрьских праздников. Ничего, поставим его на место, а заготовки будем вести спокойно. Я знаю обстановку в центре России, там голодно, но хлеб уже поступает и будет поступать.

— Ты кого уговариваешь, Петро Михеич? — спросил Аркадий.

— Ты зачем тень на плетень? Еще раз говорю, что настроение у Абабкова решительное и полномочия его такие, что может и власть переменить в совете, то есть, снять и поставить. Какие обсуждения могут быть? Составляю списки и утверждаю задание собственной подписью. Все. Я свою голову подставлять не буду.

Яша Щербатенький поднялся:

— В таком разе, какого рожна я тут ошиваюсь, если у тебя все решено и осталось подписать? Только ты, Аркаша, поимей в виду, что ни один хозяин свое семейство без хлеба не оставит, так что крепко думай, когда будешь писать такую бумагу.

Он договаривал уже на ходу, нахлобучил шапку и хлопнул дверью. Неловкую тишину нарушил Журавлев:

— Конечно, через свои интересы придется переступить, попустить-ся, если страна такое требует. Давайте списки и задание затвердим, но тогда надо всем дружно поддерживать, обеспечивать исполнение. Начнем с кулаков и крепких хозяйств, потом остальные. Вот у тебя, Гордей, сколько было посева?

— Девять десятин.

— Пудов двести надо будет сдать.

— Двести? А ты знаешь, сколько у меня в амбаре? Шутки шутить! Да никто не согласится больше половины хлеба сдать только так, без копейки. А жить чем? Надо то-друго купить — за что, если хлеб не продашь? Нет, ребята, мы за советскую власть боролись, а не за грабеж. Советска-то власть образовалась от слова совесть, а вы её во что низводите!

— Брось ерунду пороть, Гордей, советская власть от совета произошла.

— Спорить буду, Аркашка, что от совести, иначе это не моя власть. Совет! Вы с кем советовались, когда такие задания рисовали? Вы под самый корень режете крестьянина. Ведь нам сеять надо будет весной, мало трат на это? Исполнять ваше слово не стану, и других призову.

Гордей тоже встал и вышел из комнаты. Петр Журавлев сказал Аркадию:

– Распускай собрание.

Когда все вышли, продолжил:

– Мужики не понимают обстановку, а она серьезная, мне сегодня ночью один заезжий человек рассказал, что в уезде находится губернский продкомиссар Инденбаум, есть приказ брать весь хлеб.

Журавлев рассмеялся:

– Коли ты все знал, что же поначалу такие речи: «Не допустим, на место поставим!».

– Дурак ты, Аркаша, простого подхода понять не в силах. Ну, поддаки я тебе сразу, и что бы по деревне пошло? Что коммунисты и советская власть спелись и решили обобрать крестьян! А нам это в данный момент не надо! Пусть дело завернет Абабков, это ему с руки, а когда обозначат как линию государственную, нам ничего не останется, как исполнять. И для народа мы вроде бы в стороне, не от нас пошло. Понял?

Через два дня вернулся Абабков с отрядом, Аркадий показал ему переписанные листы с заданием по хлебу и в его присутствии подписал и поставил на свою фамилию печать. Абабков одобрительно кивнул: его все устраивало, и даже на отсутствие разнарядки на мясо и другие виды заготовок он не обратил внимания.

Разбившись на три группы, отряд пошел по дворам. Опустив голову, с одной группой шел Аркадий. Три подводы с ящиками под зерно встали посреди улицы, продотрядовцы ждали команды, Аркадий постучал в оконную раму. Высунулся Алешка Вороненок, черный, как цыган, лохматый, всю жизнь сносивший издевки мужиков, что его мать когда-то спуталась с цыганами из стоявшего за деревней табора. Он вышел к воротцам в накиннутой фуфайке без шапки, как выскакивают обычно на минутку.

– Тебе надо сдать по разверстке сто пять пудов.

Алеша переспросил:

– Пять или сто пять?

Аркадий заорал, не выдержав душившего его стыда и страха:

– Не валяй дурака, Вороненок, это разверстка, а не ярмарка. Сейчас сдашь? Сам?

– А если не сам, то ты поможешь?

– Все, хватит измываться над советской властью, ребята, подгоняйте подводу!

Вороненок ахнул:

– Как? Да не пущу! Не дам ключи от амбара!

— А нам не больно и надобны ключи, — хихикнул один из отрядовцев, поговору — чуваш. — У нас есть инструкция.

Инструкцией он называл толстый железный лом, вынув его из ящика, пошел во двор. Вороненок встал на пути. Продармеец легонько долбнул его ломиком, мужик упал и затих. Слабенькая щеколда легко уступила лому, дверь отворилась, и армейцы пудовками и ведрами быстро наполнили ящик.

— Еще грузить, начальник? — спросил чувашонок, видимо, бывший за старшего.

— Грузи, чего уж теперь, — махнул рукой Аркадий, сам подошел к Вороненку. Его жена, тихая и грузная бабочка, сидела прямо на земле и держала голову мужа на коленях.

— Живой он? — спросил Аркадий. Сам наклонился и потрогал жилку на шее, как делали на фронте. Жилка билась.

— Живой. Ребята, занесите его в дом.

Занесли. Загрузили три ящика, пошли в другой двор. Там уже ждали. Вася Гармонист спросил только, оставят ли ему на семью пропитание, вместо Аркадия ответил чувашонок, которого председатель успел невзлюбить:

— Ты к нам по-человечески, и мы к тебе по-людски. Сколько в семье едоков?

— Семь, — соврал Гармонист и с надеждой взглянул на председателя. Тот отвел глаза.

— Тебе много надо, семь по тринадцать... это много. Оставим. Открывай амбар.

Хлеба у Васи оказалось немного, да и сеял он так себе, чуть-чуть, больше на гармошке играл, с юности этим делом увлекся и достиг, ни одна свадьба, ни одна гулянка не обходились без гармониста, за такую популярность он и прозвище получил. Чувашонок был огорчен малой взяткой, но обещание выполнил, целый угол в сусеке оставил семье.

Весть об изытии хлеба быстро распространилась по селу, и в каждом дворе незваных гостей ждали. Тимофей Клюев по прозвищу Ухарь стоял посреди двора, улыбался, так рад был гостям, что у Аркадия сердце дрогнуло: «Ну, точно, Ухарь такое придумал, что добра не жди».

— Люди добрые, за чем пришли, сказывайте, если в чем нужда, поможем. Если надо кому-то темную сделать или просто так шею намять, я к вашим услугам, это могу, не зря Ухарем прозываюсь, верно, советская власть?

– Ты, Тимофей, не куражься, это люди из продотряда, надо хлеб сдать по разверстке.

Ухарь картинно огорчился, даже сник:

– Шибко жалко, но в этом деле я вам не помощник, вот если бы в драку, тут пожалуйста, а хлеба нет, все душой бы рад, да нету.

– Как нет? – искренне удивился Аркадий. – Ты сеял без малого восемь десятин только пшеницы.

– Нету, Аркаша, не обессудь, не родилась, из меха полмеха, сам знашь. Аркадий боялся конфликта, потому заговорил сдержанно:

– Тимофей, ты Ваньку-то не валяй, дело серьезное, отвечать придется. Открывай амбар.

Тимофей с готовностью открыл дверь амбара на полуметровых столбах. В сусеке на самом дне тонкий слой пшеницы. Аркадий заметил, что свежего ворошения зерно, да и пол в амбаре плохо подмел хозяин, в щелях между плахами предательски выделялись зернышки. Успел, значит, Тимоха упрятать хлеб, только куда?

– Ты с огнем-то не играй, – сдержанно начал он. – Это сурьезная кампания, продразверстка, а ты дурачком. Короче говоря, где хлеб? Ты его припрятал. Куда? Говори, Тимофей, хуже будет, если Абабков возьмется допытываться.

– А это кто такой?

– Большой начальник, один раз только спрашивает, а потом к стенке.

– Да ну, поди, тем паче, что хлеба нет и не было, это тебе пригрелось, Аркаша.

Председатель дернул за рукав чувашонка:

– Темнит, хлеб был, он его прибрал. Решай сам, я отстраняюсь.

– Это мы и без тебя оформим. Ребята, сюда.

Лениво подошли трое армейцев, ловко ухватили Тимофея и уложили прямо на высоком крыльце амбара.

– Спускай с него штаны, садись на голову, а ты на ноги, держите, – азартно командовал чувашонок. Сам взял кнут и аккуратно приноравливаясь, стал хлестать белое тело Тимофея. Тот крутился и орал, но поздно спохватился, ребята держали крепко, а чуваш порол все сильнее. На крик сбежались соседи, кто-то кричал, что это произвол, что уже поскакал нарочный в уезд с жалобой, но никто не обращал на это никакого внимания.

– Аркадий Кондратьевич, ты пошто молчишь? Над твоими земляками изгаляются, а ты присутствуешь.

Аркадий подошел к воротам:

— У них своя власть, мне они не подчиняются, может, и прописано в правах порка, откуда мне знать?

— Да вы что, совсем ошалели? — кричал Яша Щербатенький. — Порки революцией отменены! Отпустите его! — Он рванулся было в ограду, но армейцы перехватили, повисли на руках, но Яша не просто так считался первым драчуном в округе, он стряхнул армейцев и выхватил из-под полы обрез:

— А ну, сукины дети, чухня невытая, долой со двора! — Он пальнул в воздух, в это время со стороны повозки раздался винтовочный выстрел, и Яша, крутанувшись на месте, упал лицом вниз. Толпа разбежалась. Аркадия била дрожь, армейцы отпустили Тимофея, и он со слезами ушел в дом, поддерживаемый женой.

Дальше дело пошло попроще, никто не сопротивлялся, только мужики хмуро посматривали на Аркадия и сжимали кулаки. Подводы не успевали отвозить зерно на ссыпной пункт, организованный во дворе сельсовета. Хлебный ворох рос, Абабков был очень доволен, оставил отряд для завершения работы, а сам отправился в уезд для доклада. Но он дождался похорон Яши Щербатенького. Когда ему доложили, что никто не пришел проститься с убитым, Иван Петрович удовлетворенно констатировал: народ сломен, теперь на много верст вокруг с ним можно делать, что хочешь. Продразверстка будет исполнена.

9

Но Гуськов жестоко ошибся, по народу прошла первая волна смятения и зацепилась за подспудное мужицкое самолюбие, уже первым же вечером запохаживали мужики друг ко дружке, заговаривали про обиду и позор: свое кровное отдать задарма, да не по доброй воле, а из-под кнута и револьвера. Еще днем, стыдливо пряча глаза, везли на сельсоветский двор с зерном, не глядя друг на друга, тяжело снимали мешки с саней и бросали безжалостно на весы, потом, не глянув гирьки, кидали мешки на плечо и высыпали пшеничку в общий ворох, а вечером все дневное становилось постыдным. Тяжким был труд, верно сказано, что своя ноша не тянет, а то была уже чужая, хуже того — отобранная ноша.

Родные братья Серафим и Филимон долго сидели за столом в избушке на ограде Филимоновского дома, курили и угрюмо молчали. Оба слыли в селе не сильно разговорчивыми, но тут особый случай: чувствовали, что жизнь зашла к какой-то тупик, и мужику ничего не

остаётся делать, как либо смирно себя вести и подчиняться любым командам поводырей, либо...

Серафим хмыкнул, вспомнив, как нынче колол быка-двухлетку, будто чувствовал, что коммунисты тоже захотят мяса, заколол и мясо продал в городе. Но больше всего ему залегло в память, как бык, чую погибель, (а они всегда чувят, это каждому мужику известно), заметался по пригону, ища спасения, но хозяин турнул в дальний угол, и бык прижался мордой к почерневшим от времени бревнам. Хозяин поймал сильной рукой за ноздри, накинул веревку на рога, развернул и подкосил той же веревкой под передние ноги. Бык рухнул, два маркитанта кинулись на него и прижали, а третий точным движением перехватил ножом горло. Кровь хлынула, бык издал тягостный вопль, и Серафим вышел из пригона: жалко, на руках морозной ночью заносил новорожденного в избушку, всей семьей кормили с рук...

А годом раньше совсем другая картина получилась, бык сразу, как только вошли мужики в пригон, зараздувал ноздри, круто загнул голову, аж между ног, рванулся от яслей и кинулся к воротам, едва не стоптав маркитанта, ворота вышиб, и носился по двору, размета всякую мелочь: корзинку с мусором, мётлы и лопаты снеговые с пехлом. Мужики, прикрывшись остатками ворот, пережидали, бык успокоился и подошел к уметанному сену. Решено было отложить работу, в таком состоянии нельзя скотину тревожить. Пожил бычок еще несколько дней...

— Ты чего? — спросил Филимон.

— Чего я? — переспросил Серафим. — Вспомнил маленько, да к месту. Вот и нас, как того быка, прижали к стене, и уже ножи наточены.

Филимон недовольно буркнул:

— Собирашь всяко, бойки да ножи. Нам вот куда податься, если завтре приедут и выгребут все, как третьего дня у Тимки Ухаря.

— Не пушу, и не дам сверх того ни фунта, — зло бросил Серафим.

— Ага. И шлепнут тебя, как Ухаря, поминай, что Симкой звали.

— Не-е-е... Не успеют, у меня винтовка от колчаковских ребят осталась, выменял на четверть самогонки, и патронов ведро.

— Дурак, усадьбу подпалят, сам выскочишь вместе с винтовкой.

— Ну, не знаю, тогда надо чего-то всем мороковать. Может, выпереть этих ребят из деревни? Главного схватить, и — либо убирайтесь, либо ему нож в брюхо.

— Дак оне завтре вернутся, тогда держи штаны, а то и голову, чего-то все равно должны отхватить.

— Тебя послушать, дак ложись и помирай.

— Надо собрать мужиков, кто-то все равно должен умное посоветовать. Пошли к Ивану Ивановичу.

Иван Иванович авторитетный человек, грамотный, книжки и газеты выписывал, да и теперь носят ему какую-то «Правду», он письма писал под диктовку баб на фронт солдатам, ответы читал, про всех все знал, был слеповат и в селе единственный носил очки, чем сильно удивлял ребятишек и они дразнили его очкариком. Иван Иванович не обижался и отцам не жаловался, а то бы свистели ремни каждый вечер по худосочным задницам.

Пришли к Ивану Ивановичу, а у него калитка заперта. Стукнули, он вышел, сонно спросил, кто, и спустился с крыльца открывать.

— Что вас носит по темноте, думал, недобрый кто, — ворчал хозяин, а когда вошли в дом, не сразу гости поняли: с десятков мужиков сидели на скамейках повдоль стен. — Сдвигайтесь, у меня больше сидушек нет.

— Мы на корточках обойдемся, — смиренно согласились братья.

— Другого пути нет, кроме протеста, — продолжил прерванную речь Иван Иванович. — Только тут нельзя ошибиться, чтобы власть поняла: мужик серьезно наметился, и надо с ним серьезно говорить, искать середку в вопросе продовольствия.

— Не тот разговор, Иван Иванович, не тот. — Максим Полукеев недовольно посмотрел на хозяина дома. — Как-то у тебя все несуразно выходит, как у той сватьи: и в телегу не легу, и пешком не пойду. Ты бы спросил Ухаря, как со властью любовно говорить, он бы вразумил. Неужто не видно, что дело не в Гуськове с командой, а выше, и побьешь ты сейчас Гуськова, завтра нового пришлют. Власть надо сдерживать, по-другому ничего не получится. А это всем миром делать следно, по отдельности подушат. Вот и морокуйте: ежели в других деревнях мужики терпеливей, то и нам надо помалкивать, а ежели у них тоже слезки на колёсках, тогда гуртоваться надобно, объединяться.

Помолчали. Почти каждый успел похозяйствовать на земле при старой власти, повоевать и снова похозяйствовать, но как-то непривычно отдавать все чужому дяде. Ведь так приперло, что зиму не пережить, все подметают.

— В Ильинской, сказывают, комиссар заставил овечек остричь, потому что не сходилось по шерсти, а уже зима, померзли овцы.

— Что овцы — с полушубков шерсть заставил Гуськов состригать в Гагарьем, кум сказывал.

– В Ларихе на ссыпном хлеб горит, а они свежий подсыпают. Каково мужику смотреть, как гинет все?

– В Казанской начали семенное зерно забирать, говорят, так сохранней будет. Увезут, ищай потом ветра в поле.

Иван Иванович не хотел, чтобы инициатива выскользнула из рук, предложил:

– Давайте создадим свою власть, как народную, и арестуем Аркашку с Журавлем. Гуськов-то вчера уехал в Огнёву. Это дело надо протоколом оформить и предъявить. И сразу сообщить соседям, чтобы тоже не дремали. Я черкну сейчас наше решение.

Пока мужики курили и переговаривались, Иван Иванович быстро писал, стряхивая капли пота со лба, когда закончил, встал торжественно и стал читать:

– «Усматривая тяжелое положение населения на продовольственном фронте и безвыходность его, сложившиеся на почве ссыпки всех хлебов в общие амбары в выполнение государственной разверстки, каковой хлеб предназначен к вывозке из пределов волости, не смотря на наше ходатайство об удовлетворении нас продовольствием как голодающих, получался категорический отказ, ввиду чего ясно обрисовалась картина голодной смерти в недалеком будущем, что заставляет нас оградить себя от упомянутой смерти, и потому решили произвести между собой сплоченную организацию для защиты своих человеческих прав и весь имеющийся хлеб в амбарах на ссыпке сдать вновь избранным народным органам». Вот такой документ. Давайте изберем старосту, чтоб власть была.

– Дак тебя надо избирать, Иван Иванович.

– Что ты, Сима, что ты, я больной человек, где уж! Давайте Максима назначим, он серьезный и в меру грамотный, может отстоять, если что. Как, Максим?

– Согласен. Но чтобы поддержка была, и не пятиться!

– Тогда так. Аркашку и Журавля берем сразу, и предлагаю обоих убить, чтоб неповадно было. Заслужили. Потом коммунистов собрать и тоже сразу можно было бы, как смотрите?

– Сразу, чего тянуть?

– Ишь, чего захотели – над крестьянином встать!

– Записать бы надо большевичков, чтоб не пропустить, – предложил Иван Иванович.

– Бумагу марать! Я их всех наперечет знаю. Пошли!

Весь вечер над деревней висел собачий лай, гремели выстрелы,

бабий вой и мужской грубый мат смешались в страшном хоре. Полная луна с испугу прикрылась тучами, белесый туман жутким саванном накрыл землю.

10

Инденбаум вернулся из Викуловской волости крайне раздраженным и недовольным результатами работы своих продкомиссаров: не умеют работать, все по-русски, тяп-ляп, выиграть сиюминутно и упустить стратегически. Кто виноват в бунте крестьян в Пегановой? Если бы продкомиссар Гуськов действовал в соответствии с установками губпродкома, а именно: убеждать, агитировать, всячески склонять на свою сторону тех крестьян, которые еще не охмурены кулацко-эсеровской пропагандой, и только потом применять угрозы и реальное наказание, то подобное не случилось бы. Не только тихий протест, что не удивительно, но и конкретное сопротивление, по существу бунт, с применением оружия с нашей стороны. Хорошо, что обошлось без жертв. Кто-то ловко направляет стихию сибирского мужика, сам он никогда бы не додумался пустить впереди себя женщин, а тут именно женщины сдернули с лошади продармейца, намяли холку советской власти и милиционеру. Ладно, что из Уктуза подоспел конный отряд, а то быть бунту в полную силу.

Гирша Самуилович прошел в свой кабинет и боковым зрением отметил человека в приемной, где-то видел, но не мог вспомнить, столь много новых лиц за последнее время, что все слились в одно: вроде встречались, а где и когда — надо уточнять. Помощник доложил, что несколько ходоков из волостей просятся на прием, ждут по третьему дню.

Комиссар ожег его взглядом, нервно бросил на стол большую кожаную папку:

— Всем дано указание категорически не направлять ходоков, с ними одна морока, следовательно, вам не должно их принимать, все здание провоняли. Никого не принимать! А если станут наседать, вызывайте наряд. Сколько болтовни вокруг конкретного дела! Послушать этих полномочных представителей, так и подразверстку свертывать надо, и Инденбаума направлять на партийную работу в какую-нибудь Ильинскую волость. Откуда эти?

Помощник открыл тетрадь:

— Из Абатской, из Казанской, из Бердюжской волостей.

Инденбаум насторожился, спросил резко:

– Из Бердужской кто?

Помощник опять заглянул в тетрадь:

– Минутку. Русин.

Комиссар угрожающе переспросил:

– Русин? Так это Русин сидит сейчас в приемной?

– Он второй день не выходит, – подтвердил помощник.

Гирша Самуилович потер руки:

– Интересно. Заводи.

Русин вошел, поклонился, поздоровался. Хозяин кабинета стоял у стола, на приветствие не ответил и не предложил сесть, начал исподтишка:

– Что же вы, товарищ Русин, вместо того, чтобы обеспечивать заготовки, просиживаете днями в кабинетах чиновников?

Прежде покладистый Русин неожиданно резко ответил:

– Потому, товарищ Инденбаум, что ваши представители нарушают порядок, ущемляют крестьянина.

Комиссар с интересом посмотрел на ретивого собеседника:

– Любопытно! А как бы вы хотели взять хлеб, если кулак и подкулачник его зажимают? Уговорами? Просьбами? Нет, дражайший, как вас...?

– Петро Борисович, – с улыбкой ответил Русин.

– Нет, дражайший Петр Борисович, – назидательно продолжил губпродкомиссар, – советская власть с врагами цацкаться не будет. В постановлении Совнаркома прямо записано, что виновные в уклонении от исполнения будут караться конфискацией имущества и концентрационными лагерями как изменники делу рабоче-крестьянской революции. Мои люди действуют согласно закону.

Русин ехидно улыбнулся, именно ехидно, это не ускользнуло от внимания опытного полемиста:

– Рад бы с вами согласиться, товарищ Инденбаум, да не могу. Нет и не может быть таких законов. Допустимо ли зимой садить граждан в холодные амбары? Советская власть это позволяет?

Гирша Самуилович вытряхнул из пачки папиросу, прикурил. Разговор казался ему любопытным. Надо выдать этому ходатаю самую жесткую позицию по продразверстке, и пусть разнесет по уезду слова губернского продкомиссара.

– Да, – струйкой пустив дым, согласился комиссар, – недопустимо с точки зрения коммунизма и советской власти, но возможно, если это помогает выполнить продразверстку.

Русин вопреки ожиданиям продолжал наседать, задавая свои вопросы, видно, всем активом формулировали, подумал комиссар.

— Теперь смотрите: к нам прибыл отряд по разверстке, а в нем те же ребята, что при Колчаке ездили в карательных отрядах и пороли нашего брата нагайками. Разве можно им верить?

Инденбаум картинно разогнал дым от папиросы и рассудил философски:

— Все со временем меняется, товарищ Русин, сейчас в отрядах у меня все коммунисты, а многие колчаковские офицеры служат советской власти на ответственных постах, не вижу здесь ничего неожиданного.

Русин не сдавался, Инденбаум даже насторожился: до какого градуса он может дойти?

— Мы уже забыли про задания, все давно перекрыто, но хлеб выгребают под веник-голик, а ведь Ленин определил норму хлебных продуктов в тринадцать пудов на едока в год...

Тут комиссар резко оборвал собеседника:

— Гражданин Русин, не заблуждайтесь, товарищ Ленин прежде всего поставил задачу выполнения продразверстки, а уж потом о нормах. Пока разверстка не выполнена, ни о каких нормах говорить не будем.

— А что же нам жрать прикажете, господин комиссар? — выкрикнул неожиданно для себя Русин, до сих пор крепившийся и державший гнев в себе.

Инденбаум тоже вскочил:

— Я вас заставлю рыть землю, жрать корни и траву! Все об этом! Я вытряхну из вас хлеб для спасения революции, даже если для этого придется... — Он не договорил, спазмы сдавили горло. Хватив глоток воды из графина, он тихо закончил: — Вы свободны. Еще раз явитесь — расстреляю как провокатора. Идите.

11

Ждать посыльного из Смирновой по случаю начавшегося возмущения, как было договорено с отцом по рекомендации полковника Деркунского, Григорию не пришлось. Он был в исполкоме с какой-то бумагой, когда пришла весть о бурном протесте крестьян Смирновской волости, захвативших в плен продкомиссара Абабкова, председателя сельсовета и секретаря партячейки, которые ходили по дворам и в приказном порядке обязывали к вечеру свезти все зерно на ссыпной пункт, организовать который предполагалось во дворе маслоделательного завода Атамановых. Зайдя в кабинет делопроизводителя, Григорий дождался подробностей: Абабкова и власть отпусти-

ли, но с условием, что разверстку выполнят только после приезда председателя уисполкома и разъяснения политики: как жить крестьянину без хлеба? Инденбаум, находящийся в Абатской волости, по телефону требовал жестоко наказать непокорных. Наконец, решено отправить в Смирнову усиленный продотряд во главе с тем же Абабковым и взять хлеб силой, если потребуется.

Григорий быстрым шагом направился на квартиру, сложил самые нужные вещи, вывел и оседлал коня. Это отец настоял, чтобы Гриша имел доброго коня под рукой, сейчас вот пригодился. Он проехал крайними улочками и, выскочив за город, проверил дорогу, отряд оставил бы взбитый копытами снежный песок, а тут накатанная санными колея. Значит, он опережает отряд. Григорий дал коню поводья, и жеребчик широкой рысью помчался в сторону Смирновой.

В Травной и Песьяновой, не скрываясь, осаживал коня возле нужных людей, забегал на минутку. Оба доверенных человека сообщением были смущены, но заверили, что своих людей соберут по первому же сигналу. Обоим Григорий сказал, что особого сигнала можно и не ждать, если в сторону Смирновой пройдет отряд продармейцев, это может означать только одно: мятеж начался.

Бросив повод уздечки подбежавшему Ерохе, Григорий влетел на крыльцо. Мать, простоволосая, кинулась навстречу, он бережно ее остановил, поцеловал в щеку и направился к отцу.

– Все уже знаешь или рассказать? – хмуро спросил Данила Богданович.

– Какое настроение у людей? – перебил его Григорий, отметив тем самым, что главное он знает.

Старший Атаманов четко ответил:

– Люди разные и настроение, стало быть, тоже. Но три десятка добровольцев есть.

– Сюда идет отряд Абабкова, я опередил, но не думаю, что надолго. Быстро собери людей, надо все обговорить. Тятя, может, тебе лучше не вмешиваться, забери маму и Глашу, на разъезде сядете в поезд и хотя бы до Омска... Прошу!

Данила Богданович строго посмотрел на сына:

– Поздно думать, сынок, изопьем чашу до дна, как в былые времена. Закипела во мне варнацкая кровь, не останавливать. Мать в обиду не дадим, а Главдея дочка большевичка, ты думай.

– Я ее не оставляю, при мне будет.

– Это как, в обозе? Ладно, твоя печаль. Пойду, распоряжусь о сборе. На завод скликать?

— Домой. Некчему теперь маскироваться.

Вера Павловна стояла на коленях перед божничкой в Гришиной комнате, слезы уже умыли ее лицо и продолжали падать на темное домашнее платье. Сын подошел и встал на колени рядом с матерью.

— Гришенька, может, не надо противиться, отдадим все, откупимся и останемся жить. Сынок, послушай материно сердце, бедой все кончится.

— Мама, уже ничего не изменить, сейчас соберутся люди, и объявим в селе народную власть. И так всюду освободимся от жидовской большевистской своры. Благослови, мама.

Вера Павловна зарыдала, сняла со стенки икону Богородицы и трижды перекрестила сына. Григорий поцеловал икону и припал к руке матери:

— Прости, мама, прости, я не могу по-другому. И еще благослови на совместную жизнь с Глашей, пока без венчания.

Вера Павловна вытерла слезы:

— Это грех, сын, не могу. К венцу благословлю. Если доживу.

Через полчаса в летней кухне на ограде, по случаю специально протопленной, собрались человек тридцать мужиков, серьезных, молчаливых. Григорий вошел, всем поклонился и поздравствовался.

— Тайный комитет подготовки восстания поручил мне возглавить смировский отряд. Если нет противников, я изложу план, времени у нас нет. У меня на руках список коммунистов и активистов, всех надо немедленно арестовать. Десять человек во главе с Петром Ивановичем перегораживают дорогу на город санями и телегами, встречают продотряд. Не думаю, что Абабков сразу вступит в бой, но если начнется стрельба, Гордей Матвеич, со своей десяткой на помощь. Нашейте на шапки белые ленты, чтобы своих видно было. Я еду к председателю Трифону, арестую и заберу ключи от совета. После сразу буду в совете, там и соберемся. Туда же и арестованных.

— Григорий Данилович, а если сопротивление? Стрелять?

— Нет. Какое сопротивление? Там разберемся.

Данила Богданович стоял около кошевки, запряженной пегой кобылкой, Ероха отпирал ворота.

— Я с тобой поеду, интересно мне посмотреть, как Тришка будет власть сдавать. Гриша, оружие при тебе?

— Револьвер. А что ты про оружие?

— Да так. Тришка-то дурачок, мало ли что может выкинуть. Поехали! — крикнул он Ерохе и бросил вожжи.

Уже стемнело, но воротилки у Трифона не закрыты, некому снег отбросать, так и вмерзли до весны. Вошли в калитку, постучали в дверь.

— Открыто! — крикнул Трифон, и встал из-за стола, видно, только что сел ужинать. Со страхом смотрел он в грозное лицо бывшего своего хозяина Данилы Богдановича, над которым после назначения председателем имел глупость подсмеиваться втихаря. Григорий снял шапку:

— Гражданин Елунин, ты арестован, выдай ключи от совета и собирайся.

Трифон растерялся:

— Как арестован? Кем? Григорий Данилович, ты ведь тоже советской власти служишь.

Данила Богданович улыбнулся:

— Собирайся, Тришка, и печать не забудь. Народ тебя свергает и сам берет власть. Вот так.

Трифона затрясло, жена его схватила ребенка и метнулась в горницу, туда же кинулся Трифон. Григорий поморщился, услышав душераздирающий женский крик: «Триша, не надо, родненький!», отец шагнул в сторону открытых дверей, но Трифон опередил его, выскочил из горницы и трижды выстрелил прямо в грудь бывшему хозяину. Григорий выхватил револьвер, пуля впилась в лоб председателя, и он опрокинулся в передний угол. Григорий повернул осевшего отца на спину, кровь хлестала прямо через поддевку. Старший Атаманов захрапел и затих. В избу вбежал Ероха.

Дрожащей рукой Григорий провел по отцовскому лицу, прикрыл глаза. Трифонова жена сидела на кровати и зажимала ребенка рот, от нее веяло ужасом.

— Давай выносить отца, Ероха.

Тело уложили в кошевку, Ероха сел на облучок, Григорий пошел рядом. Трое конных с белыми лентами на шапках остановили подводу, узнали Григория, увидели мертвое тело старшего.

— Кто это так?

— Тришка, — ответил Ероха.

— Ребята, пособите отца прибрать, а я к матери. Ероха, сбегай за Глашей.

Вера Павловна, как час назад, упала на колени, и завывала, сын прижал ее голову к груди и тяжело молчал. Тихонько вошла Глаша, заплакала.

— Прекрати, на все слез не хватит, прекрати!

— Гриша, тятю арестовали.

— Останься с мамой, потом разберемся.

Кто-то принес ключи от совета, Григорий верхом в сопровождении троих мужиков поехал туда. У совета большая толпа людей, кто-то принес фонарь, арестованных столкали на высокое крыльцо, жены и дети плакали рядом. Все это было жутко, и Атаманов дал команду арестованных закрыть на первом этаже, а толпу разогнать. Поднявшись на крыльцо, он шел по проходу, освобожденному испуганными людьми, и у самых дверей столкнулся с Матвеем Николаевичем, отцом Глаши.

— Григорий Данилович, что происходит, за что людей арестовали, по какому праву?

Атаманов остановился. Мертвый отец, плачущая мать, рыдающая Глаша, выстрел в Тришку — все мгновенно промелькнуло в сознании.

— По какому праву? — переспросил он. — А ваша партия по какому праву разрушила корону и сгубила царскую семью? По какому праву вы обираете честных тружеников, гоните крестьянство на голодную смерть? По какому праву? Смотри, сколько мужиков только из нашего села встали на борьбу за свободу. А вы ответите каждый за свое. Будем вас судить всем народом. А теперь уступи мне дорогу.

Матвей покорно посторонился, Григорий зажег подпотолочную лампу. Молодой паренек приоткрыл дверь:

— Григорий Данилович, отец велел передать, что красный отряд доехал до баррикад и повернул обратно.

— Ты чей?

— Петра Иванова сын.

— Передай отцу, пусть направит двух верховых на Травное и Песьное, я быстро напишу записки.

Нашел на столе чистые листки, ручку.

«Песьяновскому отряду.

В Смирновой власть в руках народа. Немедленно арестуйте коммунистов и совет. В случае сопротивления уничтожать на месте. Организуйте оборону села. Каждое утро высылайте сводку нарочным.

Командир Смирновского повстанческого отряда Атаманов».

Переписал текст для Травнинского отряда. Открыл шкаф, нашел печать, подышал и тиснул на листок: «Смирновский волостной старшина». Бумаги отдал пареньку.

Вошел Гордей:

— Григорий Данилович, Тришкину бабу заарестовать?

— Не надо. Организуй охрану этих... Пошли гонцов с приказом

арестовать коммунистов и советских в соседние волости, пока власти не перекрыли дороги. Я в Чирки. Ты после всего позаботься о похоронах отца.

— Не езди один, возьми хоть сына моего Андрея, он крепкий парень, в случае чего. А то поспал бы часок.

— Не получится. Зови Андрея.

В Чирках с великим трудом достучался до своего сослуживца Коли Половникова, он и на службе кое-как вставал, такой сонливый. Николай быстро понял задачу, спросил, что так бледен дружок.

Григорий про отца говорить не стал, не тот час, сослался на усталость и ответственность, попросил Николая все сделать к утру и доложить нарочным. Вернувшись в Смирнову, прилег в избушке у Ерохи, уснул пару часов.

С рассветом стали поступать донесения из соседних сел. В Травном все коммунисты и советы арестованы, частично расстреляны, убит милиционер и агент по разверстке. Создан отряд из сорока человек. Все вооружены охотничьим оружием, есть несколько винтовок. В Песьяной отряд в тридцать штыков, арестованные ждут суда, а кто судить будет — не понятно. Половников из Чирков прислал записку, что часть коммунистов успела скрыться, остальные под охраной. Требуется оружие. Всем нарочным Атаманов передал приказы, чтобы командиры сельских отрядов к трем часам дня прибыли в Смирнову для совещания.

Ближе к обеду дверь приоткрыл Ероха:

— Григорий Данилович, Вера Павловна просила передать, что надо бы тебе побыть у гроба.

— Обожди, Ероха, пойдем вместе.

...Только к вечеру собрались представители сельских и волостных отрядов. Они степенно курили в коридоре, обмениваясь ночными новостями, все уставшие, взъерошенные. Атаманов открыл дверь председательской комнаты, расселись.

— Коли мы впервые вместе, давайте знакомиться. Я Атаманов Григорий Данилович, командир Смирновского отряда. Из Травного?

— Востриков.

— Из Песьяной?

— Красников.

— Из Чирков?

— Половников.

— Лариха?

- Протасевич.
- Коротаяевка?
- Никишин.

– Вот такое собрание представителей отрядов. Наша задача, как и планировалось подпольным штабом, избрать командующего нашим соединением, можно назвать его народной армией.

– Народная армия – это правильно, – поддержал Половников. – И по командующему. Уж коли Григорий Данилович за это взялся, так ему и вести. Я Атаманова еще по срочной службе знаю, да и повоевали мы с ним, правда, хоть и в красных частях, но с иноземцами, а не против своих. Теперь вот, похоже, придется и со своими.

– Какие они свои? – возмутился Красников. – Ты об чем говоришь? Избави Бог нас от таких своих, а с врагами сами справимся.

– Ты свое мнение выскажи по командующему.

– И выскажу. Атаманова знаю и доверяю. Потому высказываю.

– Граждане. – Атаманов встал. – У нас нет времени для пустых слов. Если кто имеет против меня, прошу сказать. Если нет, то по вашему решению я принимаю командование объединенной народной армией. Ближайшая цель: как можно быстрее присоединить к нам отряды восставших деревень и общим ударом захватить город. Такую задачу ставит нам штаб мятежа. Город – это железная дорога, это связь, это склады. Войска в городе есть, да не все станут воевать против народа, в армии много крестьян, они все понимают. Но готовиться надо обстоятельно.

– Что с арестованными делать? – спросил Протасевич.

– Судить народом, как люди порешат, так и поступать.

– Вплоть до расстрела? – удивился Протасевич.

– Нет, карточки им выдать на усиленное питание! – Востриков даже вскочил со скамейки. – Вы, ребята, за власть собрались бороться, или так, с ружьишком побаловаться? Имейте в виду, у нас уже нету назад ходу, все, только вперед, а там или грудь в крестах, или голова в кустах.

Атаманов опять встал над столом:

– Я сегодня ночью посижу, подготовлю директиву по важнейшим вопросам, чтобы у вас ясность была. Например, как накормить отряд, если за пределы своей деревни ушли. По дисциплине. По агитации. По отношению к пленным и арестованным. Для нас важно, чтобы народ нам верил, тогда победим.

– Григорий Данилович, кроме нашего кутка где-то еще встали люди?

— Пока ничего не знаю, но могу предположить: если бы только в нашем кутке, как ты говоришь, то войска уже утром были бы тут. Значит, не до нас, есть посложнее места.

Атаманов взял со стола исписанный лист.

— Я уйду, есть дела дома, прошу вас под диктовку это воззвание переписать, дома размножить и разослать по деревням, как можно больше. Сводки по утрам отправляйте, мне надо знать все перемены. Про город пока ни слова, но готовьте оружие. Не прощаюсь, днями свидимся.

Григорий вышел и мужики вздохнули:

— Какой парень! Отец на смертном одре, а он про общее дело.

— И нам не признался, что такое горе.

— Камень! Хороший из него получится командующий, это точно.

12

Утром в Смирновой устроили суд. В судьи вызвались добровольцы из своих деревенских, хотя Атаманов вчера предупредил, что честнее будет, если судьи со стороны, чтобы не случилось обид и сведения счетов.

— Нельзя, ребята, с первого дня обходить командира, — заметил Ташланов. — Ему сейчас не до нас, отца хоронит, но следно бы соблюсти.

Толпа зашумела.

— Давай сейчас пошлем за Ларихинскими прокурорами, а сами подадимся в Травную суд вершить. — Муштуков, промышлявший торговлей, требовал начать немедленно. — Нечего время терять, гляди, прискачут красненькие, вмиг подсудимых заменят на нашего брата.

Стали выводить по одному притихших и перепуганных активистов.

— Которые коммунисты, сразу вот сюда, и по одному выходить во двор, — командовал Муштуков. — Учителка здесь? Ты проповедовала, что Бога нет? Нет Бога, тебя спрашиваю?

Девчонка, черноволосая и кудрявенькая, прибывшая в село год назад и сменившая старых преподавателей, плакала горячими слезами:

— Дяденька, как велено учить, так и учила, а в основном грамоте и счету.

Муштуков уже входил в роль судьи и хозяина положения:

— Ты не юли! Коммуну хвалила и царя кровавым называла, мне сын сказывал. В этом твое преступление перед народом, за него и ответишь. Анфентий, возьми ее и покатай по селу на прощание.

Анфентий, тяжелый и валоватый мужик, сгреб девчонку в охапку и понес к дверям. Степанов, стоящий в группе коммунистов, крикнул:

— Илья Муштуков, за что девчонку? Вы разве бандиты какие? Если судить — судите народом, а так это расправа.

Муштуков поднялся из-за стола с чувством собственной значимости, подошел к Степанову и сильно ударил его в лицо:

— Первым бросайте его с крыльца! Первым!

Степанова схватили, и тут кто-то остановил Муштукова:

— Илья, одумайся, он чуть не завтра тестем станет Атаманову, воздержись!

Муштуков закусил удила:

— Мы в народной борьбе родства не признаем, надо будет — родного брата к стенке поставлю. Пошел!

Степанова вытолкнули, и тут же раздался душераздирающий крик. Толкнули следующего, и опять крики.

Когда Григорий попрощался с отцом и прискакал в волостное правление, расправа была уже закончена, трупы лежали штабелем, и Муштуков никому не разрешал выдавать тела. Вся ограда залита застывшей кровью. Григорий спрыгнул с коня. Кто-то подал ему спиксок, двенадцать человек. Всех их на высоком крыльце оглушали ударом топора по голове и спихивали вниз, предварительно убрав перила. Двое мужиков на земле держали наготове пешню, и накальвали падающего прямо на стальное острие. Учительницу Анфентий привязал вожжами к седлу и выехал на улицу. Девчонка едва успевала за лошадкой, а улица вмиг опустела, страх разогнал любопытствующий народ. Анфентий ударил стремями в бока кобылки, и та поскакала мелкой рысью, девчонка упала и перестала кричать. Вернувшись во двор, Анфентий отвязал оставшееся без одежды тело и за ноги отбросил его в общую кучу. Кто-то из мужиков принес попону и прикрыл истерзанное девичье тельце.

— Муштуков, объяви родственникам, чтобы забрали своих. Ограду посыпать снегом. Дай команду женщинам вымыть пола в правлении. Всему отряду строиться, идем в Песчаник, там не все ладно.

Кинулись к лошадям, кто-то сорвался со стремя и упал, поднялся хохот, хохот был неловким и неуместным, будто люди, не привыкшие к казни, хотели согнать с души напряжение. Григория передернуло, и он первым тронул уздечку.

С распущенными волосами, в поношенной серенькой шубке навстречу ему бежала Глаша, она была на похоронах Данилы Богдановича и только что узнала страшную новость. Перед его лошадей упала на колени и подняла на него сухие глаза:

– Руби и мне голову, Григорий Данилович, я ведь его семья, а вы собрались с корнем вывести большевиков. Руби! Дома еще мать с меньшими, их тоже прикажи на пешню.

Григорий спешился, поднял Глашу с колен, она зарыдала, уткнувшись лицом в промерзший полушубок.

– Вернись домой, там все сделают, я сказал Ерохе. Глаша, не кори меня, сам не разобрался еще, что и как делать. Вернись, прошу тебя, будь с матерью. Я в Песчаник, к вечеру вернусь, найду тебя.

Отряд проскакал мимо, мужики деликатно сделали вид, что не заметили командира, только Муштуков лихо свистнул. Атаманов круто развернулся и взлетел на коня.

В Песчаной крик и плач висел над деревней, кучковавшие мужики и бабы вмиг разбежались по дворам, Григорий понял, что и здесь успели дров наломать. Подъехал к дому Красникова, несколько повстанцев с охотничьими ружьями стояли у ворот. Красников выскочил на крыльцо, надевая на ходу шапку и полушубок. Передок круглой его шапки обвивала полоска белого ситчика.

– Докладываю, Григорий Данилович. С утра забрали всех партийцев и троих из разверстки, этих убили сразу. А своих коммунистов побоялись казнить сами, отправили в Травную, пусть там прикончат. Ей Богу, боюсь, Григорий Данилович, народ озверел, Фока Смолин родного брата застрелил, коммуниста. Люди возмущение сделали, угрожали, что мы хуже бандитов оказались, пришлось отправлять. А те, понимаешь, тоже с перепугу своих большевичков нам подбросили, страшно побитые, вызвались добровольцы, увезли на падинник, где дохлый скот зарывают, там и добились.

– Чем?

– Не обессудь, командир, чем придется, кто цепью, кто пикой, патронов жалко.

Григорий Данилович чувствовал, что все идет не так, как думалось, в порывах ярости выроним народное доверие, а как без него жить? Как кормить армию, где брать пополнение?

– Отправь гонцов, собери народ, пусть объявят, что командующий говорить будет. И прикажи вынести самовар, по стакану чая мужикам, а то больно холодно.

Люди собрались быстро, некоторые с любопытством поглядывали на Атаманова, он понял, что это те, кого не коснулись аресты, многие же хмурились и даже плакали. Григорий встал на лавочку при палисаднике:

— Граждане песчановские, я Атаманов Григорий Данилович, обращаюсь к вам как командир соединения повстанцев. Еще вчера вы все стонали под напором большевистской разверстки, всех вас обобрали до нитки, добрались и до семенного хлеба. Мы не могли больше терпеть, и вот восстали. Идет жестокая борьба, мы должны расчистить свои тылы, выжечь коммунизм каленым железом. Потому есть жертвы, и они еще будут. Наши командиры обязаны разбираться с точностью, причастен к коммуне или нет, и уничтожать, если причастен. По-другому не будет! Я сегодня похоронил родного отца, которого убил коммунист при аресте. Но я не буду мстить его детям, потому что мы боремся не с ними. Мы изберем истинно народную власть, и она будет править по закону и по совести. Потому помогайте повстанцам, мужчины от шестнадцати и до пятидесяти лет должны записаться в ополчение, дело найдется всем.

Женский голос сквозь слезы:

— А что с нашими мужиками будет, которых в Травную отправили?

— Там все коммунисты?

Красников подсказал:

— Все, других нету.

— Коммунистов будем судить военным судом и уничтожать.

— Так же по-скотски, как тут Травнинских били?!

Григорий ждал этого вопроса и думал обозначить пределы прав и всеислия восставших, без этого народ может отвернуться от своих лучших сынов только из-за бесчеловечной жестокости, пусть даже и с теми, кто тоже был не особенно милосерд с ним. Без этого и повстанцы могут понять себя, а многие уже понимают, как вершителей судеб и хозяев жизни. Об этом надо объявить, и вот такой случай, что Атаманов спровоцирован на откровенность страшным и прямым вопросом.

— Травнинских убивали жестоко, зверски, по-бандитски. Это я говорю своим песьяновским товарищам, и своим смирновским, да и всем другим передайте: если это враг — убей его, если не в бою, то только по решению суда избранного, а если приговорен, то исполнить по-людски, человечество изобрело такие казни. При нашей повстанческой армии создаю следственную комиссию, чтобы своих же судить за бандитизм и зверства. Народу объявляю, что армия наша народная, и вы можете спросить с нас за деяния наши. А теперь к делу. Красников выставит посты на дорогах, чтобы красные не подкрались. И учуял я сегодня самогонный запах в толпе,

предупреждаю, за пьянку буду расстреливать сам, потому что пьяный солдат суть предатель, изменник. По коням, и всем остающимся успеха.

— Обожди, командир! — крикнул Красников. — Выслушай человека, это Фока, я говорил.

— Прошу забрать меня отсюда, а то матери в глаза совестно смотреть за брата, буду где в другом месте воевать.

— Садись в кошевку, определим.

Всю дорогу молчали, Фока, как сыч, крутил головой и зорко высматривал возможную опасность. К концу дороги Григорий решил оставить Фоку у себя. Что-то привлекательное было в этом грубом и жестком человеке, может, отчаянная решимость и детская преданность в глазах.

Заходить в дом Степановых Григорий не стал, знал, что посреди горницы на широких плахах, укрытых половиками, лежит тело Никиты Григорьевича, отца Глаши и его тестя, если все бы путем. Никита Григорьевич к нему относился уважительно и осторожно, потому что был бедненьким, в коммуны поверил и вступил в партию, но особой активности не проявлял, стеснялся. Звал по имени-отчеству, когда Григорий, бывало, заходил в дом, приглашал на чашку чая и спрашивал про новости. Конечно, убили его зря, это Муштуков раскомандовался. Надо еще с ним разобраться, он ведь недавно в деревне, а по замашкам видно, что битый, похоже, что в каторге побывал, не иначе. Выведи Степанова на суд народа, его точно защитили бы. Это ошибка, и она дорого будет стоить его совести.

Ероха вышел из Глашиного дома, надел шапку, тяжело вздохнул и доложил:

— Сейчас прибудет. Я тихонько, чтобы мать не видела, а то задурит.

Глаша вышла тепло одетая, видно понимала, что не минутный разговор, лицо припухло и голос хриповат:

— Григорий Данилович, мама сказала, что проклянет, ежели хоть подойду к тебе. Что же вы наделали, как жить теперя в одной деревне врагу со врагом? Или вы всех будете изводить, кто не поглянется?

Григорий пытался ее обнять, заглянуть в лицо:

— Глаша! Не кори ты меня, я сам не могу простить, что упустил вожжи, вот и подхватили их недобрые люди. Но это моя беда, с этим справлюсь, и все будет по закону.

— По какому, Григорий Данилович, закону, если у вас у каждого свое правило? Ты и дальше пойдешь убивать? — просто спроси-

ла она, а у него сердце зашлось: вот она, минута, в какую надо последнюю поставить точку, и возврата уже не будет:

— Мне доверена армия, и я не могу вот так просто сказать, что никого обижать не станем, а мирненько с большевичками договоримся, что они отъедут по заграницам, а власть оставят народу. Не будет такого, потому будет война, и она уже идет. Глаша, я на днях переезжаю со штабом в Чебаку, тебя с собой заберу.

Глаша совсем независимо спросила:

— С какой это стати? Сказала, что мама проклянет, потому никуда не поеду. — Вздохнула и вымолвила: — Не судьба, знать, нам, Григорий Данилович, не судьба.

Он опять крепко взял ее за плечи, прижал к себе:

— Что ты говоришь! Я тебя заберу, потому что не хочу, чтобы ты тут оставалась, я ведь не услежу, вдруг кому-то захочется большевистскую семью пощекотать. А ты мне дорога, ты же знаешь, как люблю.

Глаша выпросталась из крепкого объятия и, всхлипывая, высказала:

— Вот ты и проговорился, Григорий Данилович, что мать мою с меньшими могут тоже под смерть подвести, что ты не сумеешь нас защитить. Тогда и вовсе никуда из дома, и будь проклята та любовь, за которую надо заплатить кровью всей семьи!

Не вовремя такой разговор начал, подумал Григорий и пытался еще спастись от размолвки:

— Глаша, не говори так, давай не будем сегодня, я найду тебя потом и все решим. Только почему ты меня вдруг по имени-отчеству стала звать?

И она уже рассуждала спокойно и безжалостно, никогда раньше такой не была:

— А куда же мне деваться, если ты сейчас командир тех людей, что моего отца в гроб уложили? А чтобы мне совесть перед отцом не терять, ухожу я, Гриша, и не ищи. Либо ты со мной, либо с восстанием этим проклятым. Пусти, не кричать же мне на всю улицу.

Григорий долго еще стоял, мучительно соображая, что Глаша поставила ему последнее условие. Конечно, выбирать он не будет, глупо и даже опасно сейчас отойти от дел пусть ради любимой Глаши, да и земляки не поймут, да и память отца не позволяет. Нет, об этом и речь не идет. И Глашу оставлять нельзя, назло ему могут докопаться отчаянные, за всеми точно не уследишь, тогда вовсе хоть в петлю. Махнул рукой: «Как Бог даст, так и будет, а я уже ничего не изменю».

Завертела, закружила Григория новая жизнь, потерял счет дням и ночам, сутки смешались, в одном селе обедал, ужинал в другом, а прикорнуть на три часа удавалось в третьем. Выхудал и лицо заросло мягким пушком, ему даже советовали не бриться и бороду отпустить, но командующий в субботу с утра заказывал баню и опасной бритвой, подправленной Ерохой, начисто скоблил лицо. Первая неделя противостояния и каждодневных боев одновременно в нескольких местах заставила его помимо военных дел обратиться к простым, обыденным, потому что повстанцы должны горячее есть хоть раз в день, должны одежду иметь сменную и пимы на всякий случай, да и оружие в такие морозы часто отказывается, нужен ремонт. По деревенским кузницам наковальни раскаляются, наловчились умельцы пики делать подобно старорусским копьям — новое пополнение приходит налегке, разве что на кулачках с красненькими сразиться, а пика в бою понадежней ножа или шашки. В каждом подразделении выделили людей патроны к охотничьим ружьям заряжать, тут же пули отливали, свинец мальчишек снарядили отыскивать, переплавляли, а если нет — рубили железо и крошили домашние чугуны, сковороды да жаровни.

В Локтях догнал его посыльный из штаба и передал опечатанный сургучом пакет, завернутый в журнальный листы клочок бумаги: «В среду прибудет Андрей Андреевич, возвращайся. Начштаба Щеглов». Щеглов тоже был сотрудником военкомата, к тому же офицером старой армии, после начала мятежа Атаманов пригласил его запиской с нарочным, Щеглов приехал, и его утвердили начальником штаба Повстанческой армии и фронта. Григорий решил основательно разобратся с делами в Локтинском полку и вечером выехать в Окунёву. Была мысль выскочить на Смирнову, побыть у матери, но, похоже, ничего не получится, так и останется довольствоваться редкими приветами от прибывающих земляков.

На днях трое мужиков привезли на трех санях туши мяса от Чашкова, крепкого мужика, толкового, как пригодился бы он Григорию, но болезнь ног усадила в постель, встает только по дому. Однако уже второй раз высылает провизию, чуть раньше двое саней с мукой и сани с печеным хлебом, передает наказ биться за народную власть и жизнью не жалеть. Мать письмо прислала, ни в чем не упрекала, только просила беречь себя и еще просила сообщить ей, действительно ли Глаша в тягостях или люди со зла брешут, а ей хотелось бы понянчиться со внуком, а если действительно так, то возвращай ее домой,

дом наш совсем пустой. Григорий написал ей доброе письмо, просил простить за все его прегрешения перед нею, просил о Глаше не беспокоиться, привезет, если тяжело ей будет, и обещал вернуться, как только закончит войну. Написал и подумал, что для матери это будет звучать как опасение, что вернется сынок не скоро, но черкать не стал.

Командир полка Кутырёв о командующем был извещен и встретил, как положено, докладом. Был он молод и не очень серьезен, не высок и крепок телом, руку пожал осторожно и со вниманием. Зашли в дом, выпили по чашке горячего чаю.

— Всю волость от остатков советской власти мы очистили, Григорий Данилович, в суде у нас трое честных мужиков, выбрали от деревень, всех приговаривают. А некоторых и до суда не доводят. Вот вчера перехватили трех из разверстки, утром узнаю, что казнили, одному брюхо вспороли, ведро овса из торбы сыпанули, закинули в сани и не поленились под самый город сопроводить, а там напунужали лошадь, чтобы в город вошла. Ну, что с ними делать? Нашел сегодня, как узнал, стал требовать соблюдения и прочее, а один говорит: «Ты знаешь, что у меня отца убили, когда в амбар с семенным зерном не пушал, а мать с горя ума лишилась? И ты хочешь, чтобы я по другим законам с ними? Ежели так, говорит, выписываюсь из твоего полка и создаю свою банду, чтобы никого не жалеть». Ты понимаешь? В народе великая злоба. Нам бы только до города дорваться, только власть взять всю полнотой, тогда приведем все в порядок, и честного человека никто не посмеет.

— Есть у тебя карта или схема твоего участка? Вот, смотри, ты как раз в лобовую стоишь с городом, так что надо поостроже. Гляди, сколько дорог из города, и ни одна не защищена.

Кутырёв обиженно возразил:

— Напрасно, Григорий Данилович, повсюду посты круглые сутки, мужики шалаши устроили, костры жгут внутри, чтоб согреться. Каждые три часа меняются. Контроль есть.

— Надо дополнительно принять меры. Старики подсказали: поперек дорог снежные валы устроить и водой полить, а прежде кольями острием вверх утыкать, конница быстро обойти не сможет, потому что снегу по брюхо, и напролом не пойдет, вот нам и выручка.

Командир охотно согласился:

— Дельно, Григорий Данилович, устроим завтра же, баб и ребятишек соберу, обгородимся.

— Как кормишь служивых? — поинтересовался Атаманов.

Кутырёв охотно поделился:

— Два раза в день варят кашу с мясом, иногда щи, продовольствие реквизируем со дворов коммунистов и прочих, кого шлепнули. Некоторые, знаешь, совсем неплохо жили, поперек ихней идеологии, у волостного комиссара десять овечек резали, да пять голов скотины, да свиной вроде три. Кормим нормально.

— Вооружения не добавил? У тебя на двести человек, как по сводке, меньше сотни винтовок, полсотни ружей, с десятков револьверов.

Кутырёв опять с удовольствием возразил:

— Устаревшие данные, гражданин командующий, винтовок теперь больше. Есть у нас один мужичек по фамилии Набойщиков, не кулак, но хозяин, сперва присматривался, как мы себя поведем, а тут приходит ко мне: принимай подарок. Пошли, а у него два десятка винтовок новейших и три ящика патронов. Каково?

Атаманов насторожился:

— Откуда? Не тяни.

— Говорит, когда Колчака гнали, он в лес уезжал, да, я не сказал: у него левой руки нет, потому не подлежал мобилизации. Ну, возвращается, а на дороге телега стоит, лошадь убита, и два солдатика мертвые лежат. Понятно, наскочил отряд, постреляли. Так вот, Набойщиков хоть и с одной рукой, но все перетаскал в свою телегу, травой накошенной прикрыл и в деревню только глубокой ночью вернулся. Тут уж красные крутились. Все.

— Обожди, какой травой, он же однорукий!

— Литовка у него так приспособлена, сам видел, как ловко косит.

— Не сказал, почему красным не отдал?

— Сказал. Спрятал так, что и сам забыл, но отдавать побоялся: вдруг это ихние ребята были у телеги?

— Славно! Передай ему благодарность командования.

— Передам. Только он просит существенно отблагодарить.

— Чем?

— Две коровы просит.

— Удовлетвори. Есть же реквизированные?

— Коров мы оставляем, все-таки ребятишки в семьях.

— Отставить! Озаботился! За такой подарок ничего не жаль, нам сейчас оружие нужно, на город пойдем. Скажи, командир, попивают ребята? — прямо спросил командующий.

Кутырёв тряхнул головой:

— Грех признать стоит, Григорий Данилович, выпадет день без дела, малость гульнут. А то где-то самогон выхватят, тут не укараулишь.

— В связи с городской операцией строго запрети, выступим днями, держи дисциплину, — предупредил Атаманов.

За это время возле штабного дома собрались повстанцы и много женщин, ребяташек. Григорий оторопел, увидев такое собрание. Подошел к толпе, поздравствовался. Фока стоял рядом, шепнул:

— Поаккуратней, Григорий Данилович, народ разный.

— Повстанцы! — крикнул Григорий, и толпа затихла. — Спасибо за службу, вы образцово содержите свой край, хотя он почти передовой, сложный. Не теряйте бдительности и злобы на врага, но соблюдайте законность. Готовьтесь, предстоит большое общее наступление. Есть вопросы?

Толпа вежливо молчала, повстанцы переглядывались и перешептывались, молодые девчонки с любопытством смотрели на Атаманова, видели в нем красивого парня, но пугались высокого звания. Одна молодка не выдержала:

— Не знаю, как обратиться, но скажите народу, вы женатый или холостой, а то девки наши с ума сходят, говорят, какой жених пропадает!

Григорий улыбнулся:

— За заботу спасибо, у меня есть жена.

— Как жалко!

Толпа разочарованно вздохнула. И тут на круг выскочил молодой повстанец, в белой папахе, аккуратно ушитом полшубке и белых чесаных пимах:

— Девки, не трожьте командующего, у него и без вас голова полна разных мыслей. Берите меня, я слободный, и хоть не ваш деревенский, а из мизоновских самоходов, но никто еще меня не браковал!

Пока смеялись и обсуждали шутку, через толпу пробилась женщина. Еще раньше Григорий заметил ее острый взгляд и суровое лицо, успел подумать, что не просто так пришла.

— Гражданин командующий, я из деревни Карьковой, здесь у сестры перебиваюсь, услышала, что ты приехал и пошла, хоть сестра и не пускала. Мужа моего убили в первый же день, он в коммуне был и сочувствующим числился по каким-то спискам. Не успела мужа схоронить, пришли Осипов, Смолин, Кудрявцев и Омегов, сказали, что в доме будет штаб и трибунал. Меня с двумя ребяташками загнали на печь, стали судить Тюменева и Бахтиярова, это наши. Пошли убивать, велели приготовиться, потому что моя очередь. Вернулись, решили отправить меня в Уктуз, там всех коммунарок убивают. Потом пришли братья Кошкарковы, Елизар, Василий, Порфирий и Михаил,

зарезали двух моих коров, двенадцать овец и все растащили. Я наняла соседа, он меня с ребятишками сюда привез. Дак мне теперь что делать, чем жить? На бойню меня с ребятишками?

Григория затрясло, напрасно он повторял заветный счет «один, два, три, четыре...», нервы расходились и мешали принять решение. Услышанное было грубым нарушением установленного им порядка, и в том виноваты конкретные люди, с ними завтра же будет разбираться следственная комиссия. И он ободрил бы эту женщину, случись разговор без свидетелей, а теперь, при таком стечении мятежников и просто любопытных, он обязан оставаться твердым командиром, обязан подтвердить линию на полное уничтожение коммуны во имя свободы народа.

– Тебя кто подослал сюда, женщина? Ты тут слезу пустила, чтобы размягчить нашу решимость? Ничего не получится! За нарушения наши люди ответят, но ты и твои дети должны всю жизнь помнить милость и доброту восставшего народа. Тебя никто не тронет, но и кормить большевистских сирот мы не будем. Знайте все и передайте другим!

Он круто развернулся и пошел к кошевке. Фока навстречу:

– Может, шлепнуть ее? Красиво сказал, Григорий Данилович!

Атаманов резанул его взглядом:

– Да пошел ты...

Подбежал Кутырёв, Григорий взял его под локоть:

– Бабе этой с ребятишками помоги тихонько, забудь, что я говорил, понимаешь?

– Конечно, Григорий Данилович, сделаю.

– Все. Готовься на город. С Богом!

Тройка коней понесла легонькую кошевку по сельской улочке, и верховой отряд охраны едва успевал за легоньким облаком снежной пыли.

14

Ероха изрядно погонял тройку, Атаманов шепнул ему, что в Окунёвой надо быть к вечеру и подготовиться к разговору с Деркунским. В Пегановой перепрягли лошадей и сменили охрану, даже чай не стал пить командующий, чем очень огорчил Фоку, все время медленно прохаживался по двору, покуривая папиросу.

В начале февраля в Сибири день короткий, только что за пеленой небесной мглы желтым пятном ярилось солнышко, а уже сумрак возник и оцепил все окрест; тени исчезли и потерялась граница земли и неба; ветерок стих и морозец стал крепнуть. Потом закатная сторона высветилась красным, и солнце последний взгляд бросило на холод-

ную промерзшую землю, будто показав людям, что ему все равно, что творят они там без него. Григорию было грустно. Он, молодой человек, кому надо бы работать на своем дворе, гулять с ровесниками, баловаться на вечерках или в своем доме тетешкать первенца, улыбаясь красивой и молодой супружнице, вынужден обо всем том забыть и жить так, как сейчас, не принадлежа себе. Отдавать приказы, за которыми сотни и тысячи жизней, быть им или не быть; в лютой мороз, завернувшись в тулуп, скакать в кошевке туда, откуда показалась тень беды, чтобы резким командным словом или кратким душевным убеждением ослабить тетиву напряжения; любимую свою Глашу видеть только урывком, заскочив на квартиру, где хозяйка содержала пока еще не жену командующего, а та плакала и смеялась от страха и счастья, шепча ему стыдливо на ушко, что понесла...

Гриша вздохнул и вернулся в реальность. Вот уж и Окунёва показала рядочком чуть заметных огоньков в окошках, Фока похрапывал в своем тулупе, а Ероха веселил жеребцов, шлепая широкими вожжами по взмокшим крупам.

— А ну, стой, кто такие?

Фока очнулся, высунул из-под тулупа винтовку, но узнал голос:

— Ефим, ты?

— Кто, Фока? А, да тут командующий. Здравия желаем! А мы в охранении.

Григорий не подал голоса, на том и расстались.

Забегал в штаб, Щеглов доложил, что нарочный утром прибыл из Нахабинской с пакетом от Родина, в котором тот сообщил о приезде Деркунского. Щеглов не знал о нем ничего, потому спросил:

— Он кто будет?

Григорий помолчал, он и сам не знал статус и положение полковника в нынешнем деле, но ответил:

— Из центра, но я его знал еще по Германской, хороший был командир, а что сейчас получается — не могу сказать.

Интересно, с чем приедет Деркунский, привезет ли оружие или опять только расскажет про всеобщую поддержку мятежников и поблагодарит Бога за что-нибудь, как в прошлый раз. Григорию почему-то вдруг показались наигранными тогдашние страсть и уверенность полковника, будто тот стеснялся своей беспомощности и за общими, ни к чему не обязывающими разговорами, всячески ее скрывал. «Хватит об этом, а то с ума можно сойти. Если опять слова, сразу отправлю обратно, говорунов у нас и без него хватает».

Деркунский прибыл к обеду следующего дня, выглядел усталым и нездоровым, но в комнату Григория вошел бодро, щелкнул каблуками и кивнул:

— Здравия желаю, господин командующий!

Григорий вскочил:

— Вы что, Андрей Андреич, Бог с вами!

— Как же иначе, вы командующий фронтом, по старым меркам генерал, не ниже, а я всего лишь полковник.

— Да и господином вы меня назвали напрасно, на господ мы не тянем.

— Знаю, что повстанцы определились принять обращение «гражданин». Возможно, это компромисс, не более, да и свидетельство незнания истории. Парижские коммунары тоже звались гражданами. Но — не в этом дело. А кстати, какое у вас знамя?

Григорий недоуменно пожал плечами:

— Нет у нас этого, хотя должно быть.

— Непременно! Тут, знаете, широкий простор для фантазии. Мне уже приходилось видеть флаги с призывами «За советы без коммунистов», «Без жидов и коммунистов», «За свободную Сибирь» и даже «За свободную торговлю». Ну, это так, к слову. О ваших делах знаю по сводкам к Родину. Владимир Алексеевич шлет вам поклон. Вашей главной задачей остается город, город надо брать, не понимаю, чего вы медлите.

Григорий взорвался:

— С чем идти на город, Андрей Андреич, людей много, но оружия до боли мало, люди горят желанием завершить дело взятием, но не с пиками же идти на регулярные части! Я ждал вас и ждал с материальной поддержкой.

— Да, ущербность своего положения осознаю, и вынужден констатировать: сам оказался в плену очарования людьми, гораздо больше, нежели на дело. Да, никакой помощи нет и, похоже, уже не будет. Мелкие партии винтовок, украденных со складов не особо бдительных большевистских командиров, ничего не меняют. До последнего времени я питал надежду на поддержку армии, ведь в ней почти сплошь крестьяне, которым наши идеи понятны без пропаганды, но войска молчат. Возможно, возникнут подвижки, когда мы сойдемся лоб в лоб, мужик быстро осознает, что стреляет по своему кровному брату. Познакомьте с картой.

Григорий разложил на столе карту уезда, на которой помечал карандашом расположение полков и отрядов:

— Первый Локотковский полк относительно города держит западное направление, Второй Травнинский с Третьим Окунёвским полками смещаются южнее, Четвертый Ражевский полк, Медведевский и Пятый повстанческий Бердюжский (Воскресенский) чуть в глубине освобожденной территории. Здесь Седьмой повстанческий Калмакский батальон, в Казанской волости действует дивизия Бардакова.

— Кстати, о нем. Что за фигура?

— Был председателем Казанского волисполкома, тайно включился в подготовку мятежа и сразу возглавил. Очень жесткий, даже жестокий, я говорил с ним, пользы никакой, лютует страшно.

— Это там сожгли коммунаров?

— Там.

— А вы считаете жестокость не нашим методом?

— Скажу откровенно: женщин и детей можно бы и не трогать. Я вижу, что даже не все повстанцы согласны с жестокостью, народ нас начинает бояться. Приказом я запретил самосуд, только особо избранные люди имеют право принимать решение, виноват человек перед народом и достоин ли милости.

— Значит, вся территория от этой станции до этой и в глубину до Соколовской волости вам подконтрольна, это хорошо. Красные не партизаны?

— Отдельные стычки случаются каждый день, когда ушедшие от расправы пытаются прорваться в город.

— И все-таки, Григорий Данилович, — что с городом?

— Будем брать. Три дня назад в город ушла группа наших, до восстания они работали там и хорошо ориентируются. В том числе поставлена задача говорить с солдатами. Помню, военкомат направлял много призывников в 253 пехотный полк, а именно он только что прибыл в город.

— Неужели большевики совсем не знакомы с психологией? Верх неразумности: для борьбы с мятежниками направлять их же сынов. Коли так, то нам и лучше. Да, что за пулемет вы придумали?

Григорий улыбнулся:

— Голь досужа на выдумки. Привели ко мне паренька, говорит, сделал пулемет, могу показать. Пошли в сарай, просит: «Отвернитесь, гражданин командир». Я отвернулся, и тут пулеметная очередь. Даже за револьвер схватился. А он хохочет: «Вот он, пулемет!». Обыкновенная трещотка, но звук похожий. Сделали с десяток, сам не видел, но ребята сказывали, что куманьки испугались, вместо атаки пошли в отступ.

– Куманьки?

– Не слышали? Наши так красных зовут: коммунисты – куманьки. Так проще. Этот же паренек предложил для устрашения орудия сделать деревянные. В ближних к городу деревнях попробуем выставить, пусть красные лазутчики доложат начальству о пушках, должно сработать.

15

Не имея никакой другой связи, кроме письменных донесений командиров, присылаемых с нарочными, Атаманов не мог видеть всей картины боевых действий и расстановки сил. Мятеж окреп, почти все села и деревни округа находились под контролем повстанцев, и Григорий Данилович уже замечал праздничные настроения кое-кого из повстанцев, да и командиров тоже, кто был доволен успехом и считал, что вопрос бунта сам собой решен. Но для Григория высоким порогом оставался город, если не выбить оттуда коммунистов, они соберут силы и разгромят народную армию.

В начале февраля он направил Фоку с письмом к командующему Сибирским фронтом Родину, где убеждал Владимира Алексеевича оказать помощь во взятии города. «Знаю, что дела ваши вокруг Петропавловска тоже непросты, но обстоятельства требуют незамедлительно взять город, иначе все потеряем, а потом общими силами слошим ваш город». Фока через сутки привез ответ: не может Родин оголить фронт, потому помощи не будет.

Григорий задыхался от гнева и бессилия, время уходит, и оно работает против него. Вечером девятого февраля в Окунёвой, где располагалась ставка командующего фронтом, Атаманов собрал военный совет. По его расчетам, отряды, расположенные в деревнях и находящиеся под его командованием, могли поставить на операцию до полутора тысяч человек, из них треть – конница, но нужны винтовки, нужны пулеметы. Григорий знал возможности городского гарнизона еще по работе в военном комиссариате, просто так, наскоком, город не взять. Он разложил на столе большую самодельную схему города и подходов к нему.

– Граждане командиры, углем прочерчены дороги, входящие в город, других путей нет, по целине не пробраться ни пешему, ни конному, такие суметы. Завтра к вечеру все должны выйти на позиции, заночуем в ближних деревнях, чтобы кони свежие были, утром начинаем штурм. С которой стороны какому отряду входить в город, мы с

начальником штаба Щетковым определили. Если есть возражения, давайте обсудим.

Командиры курили и молчали. Значение завтрашнего боя понимали все, но в исходе ни у кого не было уверенности. Григорий Данилович видел это и мучительно искал нужные слова. Вспомнился полковник Деркунский, его фраза о том, что подчиненные не всегда должны знать об особых условиях операции. Наверное, он прав.

— Прошу понять сегодняшнюю ситуацию правильно и оценить ее с пользой для будущего. Мы контролируем значительную территорию, но это еще ни о чем не говорит. Мы здесь, но не являемся властью. Излишняя жестокость отталкивает и пугает народ. Ключи от нашей общей победы лежат в городе, и мы должны его взять. Я с Песьяновским и Травнинским корпусами выхожу на южную окраину, Щетков с Мизоновским и Локтинским отрядами зайдут с запада, вам, — он кивнул Ташланову, — надо выходить раньше, чтобы захватить северное направление. С трех сторон одновременно — это хороший прием. Утром вернулась разведка, в городе спокойно, никаких укреплений нет, кавалерийский полк на месте, лошади в конюшнях. Вот тут расположены органы советской и партийной власти, стремиться к ним. Отдайте приказ ни в коем разе не стрелять по гражданским. Вот это — военный комиссариат, там оружие, вплоть до пулеметов. Тебе, Щетков, взять здание и вынести оружие. Подводы иметь по потребности в каждом отряде, это и для раненых тоже.

— Григорий Данилович, в случае неудачи уходить или как?

Атаманов побледнел:

— Нельзя идти в атаку, думая о поражении! Вы еще с повстанцами об этом не вздумайте говорить! Драться сколько сил есть и победить. Уйдем — можно свергивать восстание. Вот это поймите. Выбора у нас нет, и мы все знали, на что шли.

— Гражданин командующий, а неужто правда, что ты тоже пойдешь в город?

Атаманов круто повернулся к спросившему:

— А ты можешь меня упрекнуть, что я когда-то отсиживался за печкой, если случался бой? Можешь? Тогда за каким... зачем ты задаешь провокационный вопрос? Ты же видишь, как все трудно и сейчас сомнения в командующем. Пойду и первым ворвусь в город.

С первых дней мятежа повстанцы выходили на железную дорогу, резали провода телефонной связи, сотнями метров сматывая и пряча проволоку, раскручивали крепление и снимали рельсы. Красные ус-

тановили круглосуточное патрулирование путей, но и на это нашелся ответный ход: небольшая группа устраивала провокацию на путях, патрули устремлялись на шум, а рядом, за поворотом или лесочком, выворачивали рельсы. Каждый такой налет останавливал движение на сутки, это вызывало гнев начальства от города до столицы и крепко приободряло мужиков.

Конечно, захват железнодорожной станции должен стать поворотным событием, тогда открываются огромные перспективы: страна разорвана, хлебные районы недосыгаемы для правительства, голод в центре вырастет в протесты, восстания и мятежи. Только так цель будет достигнута, коммунистов сбросят с престола, будет создана настоящая народная власть.

— Передайте бойцам, что это решающий бой, который может кончиться только победой! — напутствовал Атаманов своих командиров.

После обеда обошел дома, в которых квартировали повстанцы из других деревень, по четыре-пять человек, обращался к хозяевам:

— Гости не забирают?

— Да нет, ребята тихие, только ночевать и приходят.

— Ты, вроде, совсем молодой, лет сколько?

— Семнадцать.

— С отцом пришел?

— Нету, отца убили в первый же день, они с кумом Андреем пошли заарестовывать кого-то, а там продрозверска прибыла, вот их и застрелили.

— Это в Чирках?

— Ага. Тогда мать и собрала меня, говорит, за отца отомсти.

— Как зовут?

— Артем.

— У нас у каждого, Артем, есть обиды свои на советскую власть и на коммуну, но только обидой нельзя победить, надо поверх этого иметь мысль устроить новую жизнь, точнее, вернуть старую, когда не было над крестьянином никакой дурной власти, а только один государь. Оружие имеешь?

— Ружье отцовское и патроны в мешке.

— Знаешь, что город завтра пойдем брать?

— Сказывали. Я в городе ни разичку не бывал, все работа да заботы, хоть погляжу.

До сих пор молчавший пожилой повстанец, хмурый и при бороде, встрянул в разговор:

— Нет, Артюха, в этот раз ты на город не гляди, а тем паче — на девок, ты вперед и по сторонам поглядывай, чтобы тебя красненький не стрельнул. Извиняйте, Григорий Данилович, что помешал разговору.

— Не помешал. Правильно заметил, вот станет город наш, тогда опустим Артема на целый день, пусть пройдетя.

Такие разговоры, полущутейные, полусерьезные, случались в каждом доме. Григорий видел, что мужики готовятся основательно, настроение деловое и спокойное, странно, но эта крестьянская обстоятельность и сибирская неторопливость передались Григорию, он вернулся в штабной дом спокойным и уверенным. Домой не пошел, там так тяжело, что все настроение перед боем пропадет. Сказал ординарцу, чтобы разбудил в шесть часов, если сам не проснется, лег, не раздеваясь, прямо поверх одеяла и тут же уснул.

Приснилась ему мальчишеская драка, случившаяся в семилетнем, наверное, возрасте в родной Смирновой, в бабки тогда играли ребятишки, и кто-то схитрил, толи при метании биты за черту вышел, толи несколько бабок поверх сбитых собрал, в общем, шумнули на него, тот в драку, и началось. Лупили друг друга крепко, но честно, чтобы ногами не бить и ниже живота тоже, а если кому нос разбили, то может из драки выходить, это не зазорно. Приснилось Григорию, что он раздает тумаки налево и направо, всех вроде раскидал, а главный заводила хватает толстую палку и бьет, бьет Гришку по голове, уже и кровь ручьем, а он все не перестает. Тут Григорий проснулся, удары, кажется, до сих пор чувствовались на голове, он провел рукой по лицу: кровь. Позвал ординарца Ваську, тот зажег лампу, испугался, увидев лицо командира:

— Григорий Данилович, все лицо в крови и рубашка. Обождите.

Выскочил, принес таз воды, Григорий умылся, Василий мокрой тряпкой протер ему шею и грудь.

— Носом кровь кинулась, да и что удивиться, такой день тяжелый. Голова не болит, Григорий Данилович?

— Шумит. Дай чаю. Время сколько?

— Шестой. Надо вставать.

Григорий вышел во двор, повстанцы собирались у штабного дома, кто заспан еще, кто возбужден, особенно молодежь. Ранее воевавшие мужики давали советы:

— Ребята, с вечера жрать прекратить, потому что, если случится — ранят, чтобы кишки чистые были, без заразы чтоб. А который на-

прется перед боем, ему пуля в брюхо или шашкой ткнут, он и загнил через полчаса.

— Всегда действуйте парно, чтоб один спереди, другой сзади.

— Ну-ну, у тебя опыт-то есть, Марфа сказывала.

— Тьфу, дурак, я о боевой тактике говорю, а ты всякую чушь про Марфу. Обожди, город освободим, тогда и про баб посудачим.

— Первый раз в человека стрелять завсегда страшно, по себе помню, дак вы, ребята, не человека зрите перед собой, а убийцу, который мать твою зарезал и прочие издевки делал. Злите себя, иначе встанешь перед красиньким в расстроенных чувствах, он тебя и прихлопнет, как осеннюю муху.

— Дядя Федор, а если ранят, то как?

— Тебе кусок мягкой бязи дали? Дали. Вот и бинтуйся где в закутке, чтоб не добили. А если сурьезное раненье, то кричи товарищей, чтоб помогли. Ты же нам еще нужен.

По трем дорогам, ведущим в уездный город с южной и западной стороны, с утра двинулись колонны из санных упряжек, по пяти человек в каждой, и конники. В паре верст от каждой конная разведка во все глаза осматривала пространство, чтобы вовремя заметить и обезвредить противника, если он тут случится. Отдельные отряды уже нападали на деревни, и бои бывали жестокие, хотя всегда повстанцы умели отразиться и изгнать противника, пленных тут же расстреливали, а раненых добивали. Потом дружно долбили могилы на кладбище для своих товарищей, кто больше рискнул или по неопытности выскочил на красноармейскую пулю. По деревням разведка проходила рысью, чтобы закрыть выход на город, если тут окажется кто из чужих, важно было не дать уйти в город хоть кому-то, кто мог бы предупредить власти о намерении восставших, чтобы город не готовился к встрече и не догадывался о ней.

К вечеру достигли цели, город вот он, виден как на ладони, с куполами церковей и пожарной каланчой, с сотнями печных дымов, подпирающих чистое звонкое небо. Атаманов дал команду обойти деревню и выпроситься на ночлег с достойной оплатой за постояльцев, такой порядок он завел с первых дней, велел выставить посты в полуверсте от последней избы и при стрельбе всем немедленно со всем снаряжением собираться в команды. Возможности внезапного появления противника Атаманов не исключал, не могут профессиональные военные тихо сидеть в городе и довольствоваться незначительными вылазками. Для масштабного выступления у них силенок ма-

ловато, помощь ниоткуда не появится, потому что кругом полыхнуло, и войска скованы. Но для обороны стратегически важного центра в городе есть все необходимое, потому бой будет сложным.

Когда ординарец Вася доложил, что все размещены и кони поставлены по теплым дворам, Григорий ушел в дом, наскоро поужинал и, отодвинув посуду, склонился над схемой города.

16

Февральские метели потом вдоволь натешатся, зарывая колеи и глубокие конские следы, оставленные выскочившими из боя и прорвавшимися на крайнюю городскую улицу, выбора не было, и лошадей пустили целиной. Кони вязли по брюхо, заваливались, ломали оглобли и обрекали седаков на плен; верховые уходили легче, но тем пришлось брать по одному товарищу, и лошади пошли шагом. Преследователи в сугробы не полезли, спешили на окраине, и мужики вздрагивали от каждого выстрела.

Атаманову с Фокой и Васькой удалось пробиться на Мизоновскую дорогу, он остановился в полуверсте от последних усадеб, соскользнул с седла и горстями сгребал снег, растирая его по лицу. Фока понял, что командир хочет скрыть слезы, их не видно, но глаза выдали, на беленьком, почти юношеском лице они припухли и набрякли кровью. Григорий вытер лицо платком и тяжело забрался в седло.

— Фока, проскочи на Локтинскую дорогу, первого же попавшего направь на Ларихинскую, пусть командиры сообщат о потерях и вообще.... Я буду в Окунёвой, там найдешь. Вася, пошли в Мизонову.

В Окунёву добрался только к ночи, ни с кем не говорил, сразу проехал на квартиру Глаши. Ваську отправил запрячь свежую лошадь, сам аккуратно стукнул в окно.

Глаша сидела на кровати в теплой рубашке, прикрывшись одеялом, он встал перед ней на колени и уронил голову:

— Мы не смогли взять город, Глаша, не смогли. Я этого никогда себе не прощу, повел людей с пиками на пулеметы. Я видел, как падали наши ребята. Глаша, у меня на глазах кавалерист разрубил мальчика, я вчера говорил с ним, он хотел посмотреть город. Того солдата я застрелил, но мальчика уже нет. Господи, какое горе!

Глаша молча гладила его волосы, нашла седую прядку, а говорить побоялась. Он вдруг встал:

— Ты как себя чувствуешь?

— Хорошо, только тошнит меня.

— На сборы тебе самая малость, отвезу в Смирнову к маме.

— Моей? — с ужасом спросила Глаша. — Она же меня прокляла, наверно.

— У моих побудешь пока, а там видно...

Вера Павловна вышла на крыльцо, повесила на крюк фонарь и молча смотрела, как сын помогал Глаше выйти из кошевки, как Ероха пучком сухого сена вытирал вздрагивающие бока лошади, как метался Трезор, узнав молодого хозяина. Григорий и Глаша встали у крыльца, мать развернулась и ушла в дом. Григорий не узнавал ее, раньше только появившись он в виду, она вскрикивала, радостно обнимала и плакала, плакала, старалась угодить, накормить, приласкать. Теперь он увидел другую мать, суровую хозяйку большого дома, перенесшую потерю мужа и отправившую сына на самую страшную войну — на родной земле, женщину, смирившуюся с любым исходом сегодняшнего дня и безразлично смотрящую в завтрашний.

— Григорий Данилович, проходи, располагайся, а я пойду в отцовский кабинет молиться.

Гриша оторопел:

— Мама! Что же ты так, мама, ведь я к тебе спешил, ты письма такие сердечные писала, а встретила как чужого. Мама!

Вера Павловна повернулась, охнула и поймалась за сердце, Григорий подхватил падающую мать и осторожно донес до дивана. Глаша склонилась к лицу:

— Капельки сердечные у вас где?

Вера Павловна открыла глаза:

— В спальней на столе, Глаша, принеси с водичкой.

Гриша опустил перед ней, мать потрогала его лицо, провела рукой по волосам:

— У тебя сегодня ничего не случилось? Весь день сердце мое выпрыгивает из груди, как воробушек немощный. Клянусь, что вовремя не заметила ваших с отцом настроений, а заметила бы — не мытьем дак катаньем увлекла бы в город подальше, знала, что у него есть припас. А потом ни слезы, ни угрозы не помогли. Отца нет, а твоя какая планида? Будет ли успех-то? Люди поговаривают, что скоро на паровозах доставят войско и пушки на ваши головы. Тогда что? Не молчи!

Григорий твердо сказал:

— Выбора у меня нет, мама, будем сражаться, сколько сможем. По-другому мне не жить.

Мать привстала на локотке:
— А ей с дитем как? Гриша, подумай, может, успеешь еще скрыться от властей? Я и денег..
— Мама! Как можешь ты призывать сына сделать подлость, изменить товарищам своим и низко скрываться? Да лучше я погибну в бою!

Мать вздохнула:
— Наверно, и правда, что лучше. Ладно. Глашу оставишь?

Григорий изумился перемене:
— Оставлю. Немного разберусь и приеду.
— Так и не сказал, что было сегодня. Было?

Григорий помолчал, но отвечать надо:
— Бой был за город, и нас изрядно потрепали.

Мать выдохнула:
— Я так и думала. Вчера вернулся из города Чашков, заходил ко мне, говорил, что суетятся армейские, да и много их. «Как бы, говорит, — не опоздали наши ребятки, а то гляди, солдат в городе будет больше, чем простого люду».

— Глашиной матери помоги чем, тяжело ей с ребятней.
— Не учи. Ероха, как от тебя вернулся, все ей увез, только принимать не хотела, а потом приходила ко мне. Поплакали.
— Я усну часок и тихонько уеду. Не гневайся на меня, мама, мне и так тяжело. Будить вас не буду, благослови.

Мать приподнялась на локотке и перекрестила сына.
Еще до восхода солнца отдохнувшая лошадь резво понесла кошевку с двумя седоками по дороге на Окунёву.

17

Вторую ночь после городского боя Григорий не мог уснуть, чуть прикрывал глаза, и сразу видел чирковского паренька Артемку, рассеченного храбрым кавалеристом, того мальчика, с которым накануне боя он говорил и слышал ободряющие слова своих соратников. Да еще сон тот в ночь накануне атаки, кровь во сне и кровь наяву, сон смутивший его, но и только, потому что отменить попытку он уже не мог, и ринулся в бой, положившись на волю Божью.

Многое передумалось за это время. Как хорошо было в Смирновой до войны, той, германской, Гриша поставлен был в магазин приказчиком, девки и молодые бабы шли в лавку, улыбались, те, что посмелее, называли Гришу беляночкой, красавцем, а его радовали и волновали эти слова. Отец, толковый мужик, как-то предупредил сына: «Григорий, знаю, что девки на тебя заглядываются и бабы заигрывают, но

вот мое слово: гуляй, но не загуливайся, чтобы скандала не было, мне при моем промысле это ни к чему». Григорий гулял, с оглядкой на отцовское предупреждение, но враз прекратил все игрушки, когда увидел, как в одночасье расцвела Глаша. Она его ухаживания не отвергала, но себя блюла, и с заходом солнца уходила домой с гуляний, а зимой на вечерках сидела скромно в уголке и смотрела на забавы чуть старших подруг, не рискуя вступать в озорные игры.

Глаша-Глаша, и рад будущему ребенку, и понимает, что не вовремя он наметился. Убийство его отца, убийство отца Глаши, страшные казни, против которых он резко выступил, но не был понят основной массой повстанцев, жаждавших крови взамен унижений и обид коммунистов, не был понят и собранием командиров полков и отрядов, обвинивших в симпатиях к советской власти. Григорию тогда удалось отвести обвинения, но кто знает, чем это все может обернуться теперь, когда армия потерпела первую большую неудачу.

Опасения Григория были не напрасны, он уже слышал разговоры про неумение командира договориться с соседями о помощи и его нерешительности, когда после столкновения с войсками на городской площади повстанцы бросились к военкомату, чтобы завладеть оружием и были встречены мощным огнем, валились под пулевыми пулями, а командир дал приказ отступить, когда цель — вот она. Ясно, что многие не понимали опасности, ведь еще пять минут, и красные отрезали бы путь к отходу, тогда все полегли бы или попали в плен. Григорий видел, как толпа солдат за зданием комиссариата убегала вглубь своей обороны, и понимал, что это опасный маневр.

Собрание командиров он назначил на утро. Прибыли все, кроме раненого Половникова. Не было оживленных разговоров, как раньше, все хмурые, озабоченные, в глаза не смотрят. Григорий сразу предложил высказать свои мнения об уроках городского приступа. В затянувшейся тишине он слышал собственное сердце. Не вставая, заговорил Протасевич:

— Мы уже друг с другом поговорили, и такое наше единодушное мнение, Григорий Данилович, что ты виноват в нашем поражении. Не собрал достаточно сил и кинул армию на убой — это раз. В городе отдал такие команды, которые спутали мужиков и сорвали атаку — два. У тебя брат, оказывается, в красных командирах, а мы об этом ничего не знаем — три. Потому принимаем решение: от должности тебя отстранить и направить в Уктузский штаб для разборки. Кто по-другому мыслит? Нет таких? Тогда все, гражданин Атаманов, сдай оружие.

Григорий с трудом встал:

— Так дайте же слово сказать, чтобы отмести эти ложные обвинения!

— Не будет этого, — отрезал Протасевич. — В Уктузе будешь пояснения давать. А мы пригласим командующим Бардакова из Казанки, говорят, он резкий мужик.

Григорий снял ремни с кобурой, вынул из кармана пистолет, положил на стол.

— Теперь куда? — спросил Протасевича, понимая, что он главный заводила.

— Поедешь в штаб, но не в кошеве, а в дровнях, как арестант.

В дровни помимо возчика и конвоира сел Фока:

— Не переживай, Григорий Данилович, сила силу ломит. Докажешь на следствии, что вины нет и вернешься на должность.

Он мог сказать, что не потеря должности его удручает, а потеря доверия товарищей, ведь командиры выразили мнение всей армии, но не хотел говорить. Фока это понял и замолчал.

Лука Котов, начальник следственного отдела Уктузского штаба, уже ждал, и когда вошел Атаманов в штаб, выказал такую радость на лице, что Григорий отвернулся: «Как он попал в следствие, этот Котов, трусливый воин, больше ничего о нем не знаю, а жизнь зависит».

— Садись, Атаманов, и рассказывай, как получилось, что командиры отказали тебе в доверии. Это, дорогой, дурная примета, ближние сослуживцы лучше видят, чем мы, следственная комиссия из Уктуза, верно?

— Если тебе известно, Котов, что по нашей общей договоренности командующие армией и фронтом избираются собранием полковых командиров, однажды меня избрали и вот отказали. Я ничего не смог отвергнуть из обвинений, но, думаю, комиссия мне поверит.

— Ишь ты, какой смелый! — хохотнул Котов. — Мы верим прежде всего народу, а народ тебя оттолкнул. В пакете командиры сообщают, что не те команды отдавал во время боя в городе, как бы подыгрывал куманькам. Так это?

— Я отдавал те команды, которые считал и до сейчас считаю необходимыми в той обстановке. Да, мы пошли на город без крепких подкреплений, соседи отказались выступать, сослались, что свои есть дела, в их числе Бардаков, он мог пойти на город, его с юга Родин прикрывает, а с севера мы. Но он отказался. Допроси его, думаю, признается, как было.

Котов обиделся:

— Надо будет — допросим, но ты же бросил войска на город, не уверен был в исходе, а сотнями жизней рискнул. Вот и преступление.

— Котов, мы не в кошки-мышки играем, а воюем с регулярной армией коммунистов. Наша разведка все время была в городе, и мы имели сведения, что не сегодня-завтра на станцию придет эшелон солдат. Как можно было терять время? Да, уверенности не было, глупо заранее уверовать в успех, но мы сделали, что могли.

— Ладно. А брат твой в красных командирах какие тебе указания делал?

Григорий смотрел ему прямо в глаза:

— С братом я не виделся с сентября прошлого года, когда о восстании еще и речи не было, никаких контактов, даже писем не получал. Домой он писал, но мать не давала мне читать и не говорила ничего, видно, брат сам того хотел.

— Ладно, Атаманов, я уже вызвал Родина и Бардакова, до их приезда посидишь под арестом, есть у нас в купеческом подвале уголок. Да, а какую бабу ты от справедливого возмездия увел? Коммунарку? Ну!

— У ней четверо детей малых, а муж, хоть и в коммуне был, но беспартийный, и записался только потому, что одному столь ртов не прокормить. Я все разузнал и отдал приказ отпустить ее с детьми.

Котов картинно развел руки:

— Ты посмотри, какой праведник! Мы тут кровь проливаем, врагов крестьянства к стенке ставим, а он миротворец, освободитель! Или своих жалко, или ты с ними одной крови? Ох, Атаманов, найду подтверждение вины — сам лично расстреляю из этого револьвера. — Он над столом поиграл оружием. — Увести арестованного и охранять особо, потому как хитер и может уйти. Головой отвечаете!

Ночь и следующий день Григорий провел в подвале, печка, сделанная на скорую руку, не очень согревала, потому приходилось часто вставать и разминаться. Когда ложился на дощатые нары, отодвинув драный и вонючий тулуп, на несколько минут проваливался в сон, но тут же просыпался. Котов его ненавидит, хотя они совсем не знакомы, он хочет добиться признания комиссией вины командующего, это видно. Что скажет Бардаков? Неужели скроет, что отказался идти на город? Или вспомнит дерзкое обвинение Атаманова, который сказал тогда: «Бардаков, ты трус, и не за ребят своих боишься, а за себя. Тогда отдай мне хоть два полка на городскую операцию, и мы возьмем город. А сам оставайся в Казанке». Вспомнит, и отомстит, отопрется, что отказал. Может такое быть? Бардаков. Свидетель номер два.

Первым остается Родин. До его штаба больше сотни верст, трое суток надо было отсутствовать, если ехать к нему, а этого нельзя позволить. Григорий отправил Фоку, ответ Родина лежит в его бумагах, надо было взять, не догадался, теперь Протасевич может её изъять, если действительно хочет его гибели. Чьи гонцы вперед прискачут к Бардакову: от командиров с приглашением на должность или от Котова? Если Бардаков побывает в штабе, настроение командиров может крепко на него повлиять.

Часто охватывало отчаяние, душили слезы обиды, и он снова начинал считать: «Один, два, три, четыре...». Милый наивный бурят Дашиев, жив ли ты, в своих ли краях родных или где на чужбине? Как хорошо было на том фронте, тут свои, там чужие, враги. Дашиев сказал Григорию, что не может стрелять в человека, потому закрывает глаза, не знает, куда попал. Атаманов предупредил, чтобы он никому больше не говорил про это, а то плохо будет.

Думалось о Глаше. Какая она добрая и ласковая, какие письма писала ему на фронт, потом почти год он не мог получать почту, сильно соскучился и переживал, как там, дома, как она, его любимая девочка. А когда демобилизовался, уехала с ним на заимку и провели они там целую неделю. Отец встретил недружелюбно: «Комиссаршу в дом приведешь, или поматросишь и бросишь?». Григорий сказал тогда, что не бросит, а если отец в партии — так Глаша к этому никакого отношения не имеет. «Посмотрим» — ответил тогда Данила Богданович.

Утром он услышал сильный шум во дворе, но не мог ничего понять, толи бой начинается, толи случилось что-то страшное. Гулкие шаги по лестнице, дверь открывается, и на пороге Родин:

— Григорий Данилович, дорогой мой человек, хорошо, что успел. Пошли на комиссию, я все скажу, нет на тебе вины.

Котов был явно смущен происходящим. Родин явился с десятком повстанцев на трех санях, и на каждых по пулемету, это они ворвались во двор и перепугали всех штабных. Родин вошел к Котову и потребовал немедленного освобождения Атаманова. Котов не так прост, сказал, что следственная комиссия еще не рассматривала дела Атаманова, и, если командующий Южным фронтом желает поучаствовать, то милости просим.

На заседании комиссии Родин выступил первым и страстно говорил о больших заслугах перед движением Григория Атаманова.

— Да, городская операция провалилась, но нет тут вины командующего. У него мало было сил, плохо с вооружением, он просил сосе-

дей, насколько я знаю, просил о помощи и меня, но соседи отказали, и тут надо бы разобраться, а я не мог дать даже один полк, потому что Петропавловск тоже не взят, и мы постоянно отбиваем атаки с бронепоездов и конницы. Наш город так же важен для восстания, как и ваш, и мы возьмем эти города, оплот ненавистного коммунизма, надо только скопить силы и добыть оружие. Прошу комиссию принять к сведению мое объяснение и снять подозрения с Атаманова. И еще скажу: не так много у нас командиров такого масштаба, как Григорий Данилович. Я учусь у него обустройству содержания армии, тактическим приемам. Таких командиров надо беречь, без них мы проиграем самое святое дело.

Комиссия подписала заключение о снятии всех обвинений против Атаманова, копию бумаги сделали и для него. Уже собирались расходиться, в комнату вошел Бардаков:

– Говори, Григорий Данилович, чем сердце успокоилось?

Атаманов показал бумагу. Бардаков улыбнулся:

– Все правильно, присоединяюсь. Эх, не дал ты мне, Атаманов, пофорсить в командующих. Меня ведь сегодня утром избрали, а тут из Укутза вызов по твоему делу. Сразу сорвался, знаю я этих следственныхников, любого могут под монастырь подвести. Ну, Атаманов, с тебя магарыч!

18

Травнинские мужики издавна считались работающими, удачливыми и зажиточными, их предки выбрали это место для заселения не просто так, а по многим редкостного совпадения приметам. Во-первых, озеро, это и вода круглый год, и водопой для скота, и рыбалка с купанием. Во-вторых, местность увалистая, а знали уже, что увалы в Сибири чаще всего черноземные, урожайные, не то, что расейские супеси да суглинки. В лесах, сказывали старожилы, зверя всякого полно, от зайца до волка, тоже промысел для умельцев. Ну, конечно, соблазнил взгорок, ловко взбежавший из окружающей лесистой равнины, тут под ногой сушь, а песочек гарантирует от грязи весной, осенью и после дождей.

Лес березовый на срубы, прогонистые бревна удачно колются на плахи, в болотцах мох обильный на утепление, на соседнем солончаке легко вырубаются пласты для кровли. Выросла улица вдоль озера, каждому хотелось поближе к воде, занялись утями и гусями, по утрам такая музыка, что самого ленивого поднимет. Хлеба созрели

завидные, на столе белые буханки и стряпня по воскресеньям, излишек на Никольской ярмарке сбывали, при копейке жили. Скот на добрых сенах плодился, мясо на продаже каждую осень и в чугулке не выводилось.

Двадцатый век стронул устоявшуюся жизнь Травнинских крестьян, подшатнула мобилизация на японскую, потом германскую войну, а когда власть сменилась — совсем непонятно что свалилось на голову. Ждали Колчака, да все жданки коту под хвост, слова елейные, а как поперли красные из-за Урала, так все переменялось, чуть какое непослушание — офицеры пороть приказывали даже баб, а мужиков мобилизовывали, заодно скот и лошадей забирали. Красные пришли — те же слова: свобода, свободный труд, крестьянин — оплот новой России. И вот докатились: все лозунги выкинули, оголилась правда: право на власть коммунисты готовы обменять на жизнь сибирского крестьянина, да и уже меняют.

Потому Травнинские мужики долго запрягали, да быстро поехали. Всю осень терпели, сдали зерно едовое и фураж, мясо и шерсть, даже яйца куриные, хотя как с ними в холод пособиться — ума не могли дать, скорей всего, так и померзли на выброс. А после Рождества в полный голос дурь заговорила во власти, занарядила семенной материал взять под государственную сохранность. Мужики рассудили, что это как овец оставить под наблюдение волков. В ночь перебили всех коммунистов и сельсоветский актив, учительницу и избача в лед заморозили на озере возле поганой проруби, где бабы рубахи полоскали. Трех армейцев из продотряда, оставшихся для порядка в селе, били железом до полусмерти, потом брюхо всем троим вспороли, зерном засыпали и дощечку с угольной надписью положили сверху: «Разверстка выполнена полностью».

Всем селом ушли в ополчение, от шестнадцати до пятидесяти лет, образовали Второй Травнинский полк, номер уже Атаманов присвоил, чтоб не путаться. Сами себе оружие добывали в стычках с куманьками, сами патроны заряжали для дробового оружия, сами хоронили товарищей, погибших в столкновениях. Злые до расправы были Травнинцы, но и в открытом бою не прятались, местность знали, как собственный двор, потому находили в убродном снегу проходы, чтобы зайти противнику в тыл, и многие солдаты из красных гибли под их натиском. Пленных не брали, раненых добывали, и никакие приказы штаба не могли отвадить их от этого завета. Атаманову при встрече сказали: «Григорий Данилович, ты приказ написал, свою совесть очи-

стил, а мы ни одному не простим позора и насмешки, уж не обессудь».

По приказу штаба полк выступал для участия в общешероховых операциях, но всегда оставлял в селе сильную команду. Население требовало постоянной охраны от продармейцев и конницы красных, потому на всех дорогах выставлены полевые караулы и секреты. Входы в село забаррикадированы снежными валами с частоколом, выставлены бороны, плуги, жнейки и косилки. На церковной колокольне постоянный пост, установлен пулемет, снятый с перевернувшихся в атаке саней красных.

17 февраля разведка донесла командиру полка Тюкавину, что крупные силы красных прорвались к деревне Быково, а с другой стороны сообщили, что под Ларихой идет сильный бой.

— Ну, жди гостей, ребята! — объявил командир и велел собирать повстанцев. — Куманьки обломают зубки на Ларихе и повернут к нам. А если Быкову возьмут, не миновать нам окружения.

Такие речи не понравились мужикам, кто-то крикнул:

— Уходить из деревни не будем, командир, не плантуй.

— Это же семьи и хозяйство оставлять! Нет, стоять надо.

Командир поспешил уточнить:

— Да вы что, мужики, разве я к отступу призывал? Биться будем, сколько можно, а там, как Бог даст.

Как в воду глядел командир, к полудню с Ларихинской заставы прискакал человек:

— Идут красные, в биноклю видно, что пушки тащат.

Еще один не отрапортовал, а уже второй посланец ввалился в комнату:

— Со стороны Быковой конный отряд, ребята на заставе задержат немножко, а встречать вам.

Тюкавин выскочил на крыльцо:

— Епифанцев, бегом на Быковскую дорогу, действуй, как договорились. Ты, Фоминцев, с ребятами на ларихинскую, тоже знаешь, чего делать. Пошел!

Епифанцев добре повоевал в империалистическую, в обстановке ориентировался хорошо да в охотниках проходил не одну зиму за зверьем, шапку никогда не распускал и рукавиц не признавал, хотя морозы стояли сильные, с начала февраля давили.

— Ребята, на меня не смотрите, морду платком обмотать не грех, в окопе солома набросана, тоже для тепла, берегите, чтоб не спалить при курении. Стрелять только по команде. Веня, по обходной траншее — половина слева, вторая справа — пошли, и стрелять только

после лобового столкновения, когда они на приступ соберутся. Сам иди с ветреной стороны, пустишь дымок, когда надо. Патроны берите, мужики, бейте по командирам, стрелил — куманек, стрелил — второй. И чтоб без промаху!

Утром, узнав о неизбежной атаке, командир приказал, чтобы бабы с ребятишками попрятались в погреба, в подполье в доме не лазить, потому что, начнись орудийный обстрел, может привалить, а загорись дом — все погинут.

Увидев в бинокль колонну из конницы и десятка подвод с солдатами, Тюкавин подумал, что красному командиру не позавидуешь: атаковать по дороге колонной — значит попасть под прицельный огонь противника, уйти с дороги — не получится, глубокий снег вяжет по рукам и ногам. Что же предпримет большевичок? Ага, колонна остановилась в полуверсте, пробуют обочину, конь сделал несколько прыжков и повернул обратно. В это время в сторону колонны поползла стена дыма, это Веня поджег солому, сдобренную мазутом и смолой, Тюкавин успел увидеть, что лошади закрутили мордами, а солдаты зажали лица платками.

— Никон, остаешься за командира, я в ту сторону к ребятам сбегаяю. — Запрыгнул на лошадь без седла, ускакал.

Конница по Бойковской дороге не стала брать село в лоб, она направилась гривой, где снега мало, в обход основных укреплений, лошади бодро шли по целине, и цель уже близка. Все правильно рассчитал Тюкавин, он знал, что атаковать будут именно тут, специально послал ребят, чтобы дорожку по гриве обозначить. И основная наша сила именно там, где грива вливается в деревню. Вот и первый рубеж, огромный снежный вал, залитый водой, превратился в ледяную горку. Солдаты спешили и начали прикладами долбить лед. Епифанцев дал первый залп, с десяток человек упали, несколько лошадей, задетых пулями, вырвали поводья и убежали. В рядах смятение. А засада сзади, у самого свертка на гриву, ждет. Командир дает отмашку на отступление. Повстанцы из снежных окопов начинают беспорядочную стрельбу, конники рвутся напролом, но падают, остальные уходят глубоким снегом.

«Тут мне уже делать нечего, — удовлетворенно подвел итог Тюкавин, и повернул коня. Разрывы снарядов в центре деревни остановили его, три пушки бьют, вот и по второму выстрелу, по третьему. Несколько домов от прямого попадания разнесло по бревнышку, два загорелись. Тюкавин поскакал через разрывы и пожары на Ларихин-

скую дорогу. Веня по прозвищу Смазливый доложил, что потерь нет, да и не стреляли по ним из пушек. Группа добровольцев выползала на передовую позицию, подстрелили нескольких, успешно вернулись.

— Андриан, холодище нестерпимый, друг дружку ребята оттирают снегом.

— Ты радуйся, дурачок, если мы мерзнем, то куманькам какво, подумай! Если через полчаса они не повернут назад, я тебе сегодня же бутыль самогону выставлю.

— Командир, чьи дома горят, не заметил? — спросил подбежавший паренек.

— Наши, сынок, чьи бы ни были — все наши. Ты воюй, дома новые поставим. Не ознобился?

— Дюжим.

— Так, Веня, заставь костер развести и снег растопить, пусть по глотку горячего хлебнут. Отправь гонца к Атаманову, он должен быть в Смирновой, пусть обойдет этих голубков от Песьяновой. Обожди, я черкну пару слов.

Посыльный с запиской поскакал.

Три часа непрерывных атак и пушечного обстрела, повстанцы меняли позиции, перебегая по траншеям в глубоком снегу почти в полный рост, по нескольким ходам близко подползали к противнику то в одном, то в другом месте, в упор стреляли, сея панику и нанося ощутимые потери. Ближе к вечеру с обоих фронтов красные начали отходить, собрав убитых.

«Эх, только бы успел Атаманов, их сейчас как спящих курей, можно передуть, поознобились, померзли, винтовки застыли, как и у наших. А улов какой, одни пушки чего стоят», — размышлял Тюкавин, поджидая командиров.

— Слава Богу, — сказал Тюкавин после докладов, — несколько раненых и обмороженных, а куманьки дивно своих насобирали. Сколько, Веня, не сосчитал?

— Прикинул, что больше полсотни.

— А у тебя?

— Так же, — кратко ответил Епифанцев.

— Добре, отводите ребят, выберите, кто покрепче, надо дозор отставить. Во все концы направьте под ответственность надежных людей. Сейчас такая обстановка, что ниоткуда могут вынырнуть. А я в деревне разберусь.

Люди вышли из погребов, многие плакали, дома погорели вместе

с барахлом и скотом, некому было пригоны открыть. Разбитые дома тоже не собрать.

— Граждане! Война коснулась и нашего села, вот, приняли крещение. Пострадавшие семьи разберите, кто кому люб, по пропитанию к Вене Смазливому обращайтесь, он у нас кладовой заведует, даст и мяса, и муки, и сахару даже даст, вчера из Кислой привезли пять мешков голов сахарных. Но порядок прошу соблюдать, мужикам сегодня не подавать ни под каким предлогом, знаю, запричитают, что перемерзли. Смерзли, это правда, но живые, потому порядок прежде всего. Если куманьки вернутся, чтоб мы их встретили, как должно, а не в хмельном состоянии.

Конный подлетел к толпе:

— Гражданин командир, конница с Ларихинской дороги!

Андриан встрепенулся:

— Во как! Не из тучи гром! Откуль у них силы взялись? По местам! Конные, на передовую, лошадей в укрытие.

Пешие бежали в конец деревни, бежали лениво, действительно, сил уже не было. Навстречу возвращались конные, улыбались сквозь промерзшие платки:

— Это Атаманов с ребятами, свои.

Отряд Атаманова рысью вошел в село, Тюкавин выехал навстречу, доложил.

— Правда, что потерь нет? — Переспросил командующий.

— Чистая правда, Григорий Данилович, к чему мне врать? А вы как, встретились?

Атаманов засмеялся:

— Догнали. Успели они проскочить, но мы им на хвост хорошо сели, побили немного, только свежий отряд им на помощь пришел, я не стал ввязываться, повернули и ускакали. Удачный день, Андриан, слава Богу! Церковь у тебя служит?

— Попа нет, ЧК увезла, а я где возьму? Меня уж старухи застрамили напрочь, хоть сам кадило бери.

— Ладно, не богохульствуй, скажи, чтоб открыли храм.

Григорий широким крестом осенил себя при входе, приложил-ся к нескольким иконам, встал перед Пресвятой Богородицей.

«Пречистая Дева Мария!» — Григорий просил не за себя, воюя и убивая, хоть и за святое дело, он не смел обращаться к Богородице за помощью, он просил за мать и Глашу, потому что без него они обе нуждались в поддержке.

Когда отошли от церкви, Атаманов напомнил:

— Они завтра же вернуться, если не ночью. Поняли теперь, что просто так не взять деревню, пушки притянут, прямой наводкой будут сжигать дома. Готовься.

Раним утром, когда февральское медленное солнце еще едва просыпалось и последняя ночная мгла не хотела покидать пределов земли, Тюкавина разбудил дежурный по штабу:

— Из Ларихинского секрета прискакал Венькин сын, говорит, пушки мимо их протащили, конных и в санях человек триста.

— Ударь в колокола, общий сбор у штаба!

Сам споро надернул вязаную кофту и полушубок, схватил винтовку, сунул за пояс револьвер. На площади уже собрались повстанцы. Тяжело ударил колокол, это обговоренный сигнал, значит, бабы и дети попрячутся быстро.

Верхом и на санях выехали на позиции, Тюкавин еще раз переспросил про посты на дорогах, успокоился. Боялся, что, увлеченный боем, не заметит подхода противника с другой стороны. Светало. По траншее из засады, крикнув пароль, пришли трое, принесли мертвого донага раздетого мальчишку. Тюкавин наклонился, узнал соседского сына Пашку, отца убили на прошлой неделе в стычке у Песьяной.

— Как случилось?

— Не уследили, все за отца отомстить посылался, а утром ушел незаметно. Мы спохватились, когда выстрелы услышали, тут только заметили, что его нет. А на свету уже тело подбросили.

— Что же вы, мать вашу..., как ушел не заметили, как подбросили — не заметили. Пошто вас-то не утащили? — Тюкавин злобствовал, не самое доброе начало дня. Приказал: — Увезите парня до штаба, закройте, и чтобы никто не знал. Это они специально сделали, чтобы вызвать нас в лобовую. Никак нельзя!

Ничего не видно из-за леса, но Андриан знал, что сейчас куманьки устанавливают орудия, уточняют прицелы, сейчас сделают выстрел, подкорректируют, и начнется обстрел деревни. Но Тюкавин ошибся. Красные начали пристрелку по оборонительным сооружениям, вот от снаряда взлетела в воздух его жнейка, залитая в мощный снежный вал, там снаряд взорвался посреди нагромождения железа и льда на дороге, образовалась прореха, в которую можно пускать конницу. Командир тут же приказал установить в проломе пулемет, снятый с церкви. Еще крикнул, чтобы рассосались по траншеям, не скапливались. Двадцать разрывов насчитал, бросил, надоело. А он

бил и бил. «Видно, неплохо куманьки снабжают свою армию снарядами», — со злостью подумал Андриан.

И тут пошла атака, конница по дороге, не меньше сотни, больше ста на лыжах стороной. Повстанцы залегли в снежных гнездах, приготовились стрелять, ждали команду. Вот уже рядом, даже лица видеть, а он молчит. И тут по цепи прошуршало: пропустить, ударить сзади. Удалось. Красноармейцы падали, лошади давили людей, падали тоже, густо бил пулемет, винтовки едва успевали заряжать. Два десятка солдат подняли руки, Тюкавин махнул шапкой, и пулемет закончил атаку.

Вечером Тюкавин рассказывал Атаманову, прибывшему после жестокого боя под Локтями, что семь атак выдержали, все пространство уложили трупами, даже убитых собрать не дали, но и сами потеряли почти два десятка бойцов. В это время командиру доложили, что собрали девяносто убитых красноармейцев.

— Куда их?

— Сложите в стороне, потом видно будет. Может, выменяем на что? — Он говорил это Атаманову, но командующий шутку не принял. — Пусть лежат, не долбить же для них могилы!

— Я уезжаю в Окунёву, песьяновским сейчас скажу, чтобы помогли тебе, похоже, красные за тебя взялись основательно. А не устоишь — Песьяники разнесут в пух. Давай обнимемся до встречи.

Объятия расслабили сурового Андриана:

— Гриша, ты почти сын мне, скажу без утайки: дело наше чистое, но удачи не будет, я знаю. Поддержки никакой. Город не восстал, ведь тоже живут абы как, а не поддержали мужика. Погинем все, и даже креста на могиле победителя не дадут поставить. Прости меня за слезу, командир, я любя говорю. Прощай.

19

Командир стрелковой бригады Рахманов, солдаты которой споткнулись о Травное и уже третью неделю не могли выбить повстанцев, 22 февраля получил письменный приказ помглавкома по Сибири использовать все средства, чтобы, наконец, покончить с этим позорным для регулярных войск обстоятельством. Рахманов сам выехал на позиции.

Тюкавин видел огромное скопление людей на равнине под лесом, с тоской подумал, что это его пашню топчут солдатики. Подняв бинокль, понял, что ребята вытаскивают пушки на прямую наводку. Раньше забрасывали деревню снарядами, поняли, что эффект не ве-

лик, решили раздолбить в пух и прах ставшее ненавистным село. Тюкавин подозвал Веню:

— Отправь ребят по правой траншее, пусть дадут по паре выстрелов и сразу назад, пускай не лезут в драку, предупреди.

— Скажу, Андриан, а то, в самом деле, мужики остервенели. Пообморозились многие, злые.

Командир долго молча смотрел в бинокль:

— К куманькам какая-то шишка прибыла, гляди, как вьются. — Он подсунул Вене бинокль.

— Эх, сейчас бы пушечку, пусть хреновенькую, вот подиканились бы!

— Ладно, действуй.

Лазутчики устроили такую пальбу, что лошади порвали построики и, бурова снег, ускакали в лес, солдаты попрятались за пушечными щитами, открыли ответную стрельбу. Повстанцы вернулись, довольные, Веня отправил их погреться, подошел к Тюкавину.

— А ну, глянь, Веня, или у меня в глаз мошка попала.

Смазливый озорно хохотнул:

— Ага, февральская. Батюшки, белый флаг. Они что, сдаются?

— Нет, Веня, они нам идут предлагать. Дай команду всем в укрытия, чтоб парламентареры ни одной души не видели, и в готовности быть, а то выкинут номер куманьки.

Трое военных с белым флагом на березовой палке шли по дороге прямо на Тюкавина, он велел двум повстанцам идти вместе с ним, бодренько выскочил из окопа, отряхнул снег с полушубка. «Пусть видят, что мы аккурат соблюдаем».

Остановились в пяти метрах друг от друга. Судя по чистенькой шинели и выбритому лицу, старший по званию в окопах не сидел, значит, важная птица. Двое других помяты и припухшие, это старые знакомые. Еще раз посмотрев на чистенького, Андриан нахмурился: знакомое лицо!

— Я комбриг Рахманов. С кем имею честь?

Андриан ответил просто:

— Тюкавин, командир повстанческого полка.

— Старше вас никого нет?

Не мог пропустить эту промашку Андриан:

— Самый старый в деревне дед Игнат, но он в подвале сидит, потому что вы бомбами закидали мирное население.

Рахманов держался строго:

— В другое время я бы оценил вашу шутку, в нынешних обстоя-

тельстввах она неуместна. Вы не можете не понимать, что дело ваше безнадежно, вы несете огромные потери, я получил приказ сравнивать село с землей, и я его выполню. Предлагаю не доходить до крайностей, сложить оружие и сдаться. Гарантирую честный суд и справедливое наказание.

Тюкавин невесело улыбнулся:

— Значит, гарантируете всем крайнюю меру. Мы, гражданин комбриг, и без вас знаем, что этот бой последний, все обговорили, решено погибнуть у родного порога, чем позорно сдаваться. Уж не обессудьте. Комбриг, если ты честный солдат, дай слово баб наших и ребятшек, которые уцелеют, не сничтожать. Дашь?

— Ничего не могу сказать, я человек военный, а этим займется следствие.

Андриан укорил, как своего:

— Какие вы заковыристые, и во всяком деле так. Ответ наш простой: будем воевать.

— Гражданин Тюкавин, вы боитесь ответственности и прячетесь за жизни простых крестьян, которых советская власть простит за заблуждения. Еще раз повторяю: сложите оружие и выходите на эту равнину!

Тут Андриан воскликнул гордо:

— Комбриг, вот два мужика, из заблудших. Спроси их, если скажут сдаваться, я тут же руки за спину.

Оба повстанца засмеялись:

— Андриан, ты зачем нас позоришь?

— Что пнем сову, что сову об пень, один хрен сове не куковать! Не будет сдачи.

Комбриг замерз, заспешил:

— Тюкавин, ваше последнее слово.

— Не обессудь, комбриг, предложение не принимаем. Один вопрос: среди ваших командиров есть Атаманов, это правда?

— Да. Я направлю его на этот участок, это дискредитирует вашего главаря.

— А вы в шестнадцатом не командовали ротой в армии генерала Деникина?

— Да, — Рахманов растерялся. — А вы воевали в моей роте?

— Было. И помню вас как хорошего командира, но присяге государю вы изменили и служите его убийцам. Все, прощайте.

Парламентеры молча развернулись и пошли. Тюкавин долго смотрел им вслед, прошептал:

– Вот и все. Проклянут меня вдовы и сироты, а иначе никак.

Пушки вновь двинулись от леса, десятки солдат топтались впереди, уминая снег, лошади напрягались, и люди помогали им. Десятка три отважных добрались до заготовленных повстанцами траншей и заняли оборону. Нечего и пытаться их выбить, теперь к пушкам не подойти. Тюкавин приказал зажечь крайние дома, потому что ветер крепчал и люди не находили убежища.

– Зажигай, грейся, подождем куманьков, они должны после обстрела ринуться!

Снаряды проносились над головами, и молодые необученные падали в снег, разрывы вот, рядом, иногда в дом, в постройку, чаще мимо.

Тюкавин подозвал Епифанцева:

– Слушай приказ. Отбери молодняк, коня каждому, лошадей всех можно забрать, и прорывайся на Песьяник. Молчи! Я остаюсь тут. Удастся уйти – веди сюда ребят, если сможешь, не пособите, дак хоть отомстите. Все, молчи, мать твою, прости, Сережа! Пошел!

Началась атака. Конница рванула густой толпой, следом солдаты, но жуткая тишина стала ответом кричавшим «ура» конникам, на подходе к селу они осадили коней. Тюкавин слышал.

– Неужели ушли? – спросил гарцующий на вороном.

– Не могли уйти.

– Заходим в деревню?

– Пошли.

«Славно», – кивнул сам себе командир и продолжал наблюдать. Сотня кавалеристов с поднятыми винтовками вошла в улицу и медленно продвигалась к центру. Выждав время, Тюкавин выстрелил в ближнего, это сигнал, и тут же ударил пулемет, сотни винтовочных выстрелов разорвали морозную тишину. За несколько минут с атакующими было кончено, десятки взбесившихся лошадей, ломая огородные жерди, вылетели на свободу.

И снова снаряды разворачивали дома, вырывали беззащитные тополя, долбили каменные постройки. Тюкавин понимал, что не приходится ждать конной атаки, раз обманулись, больше не хотят. Пойдут пехотой, значит, надо всем уходить в деревню, в укрытие. За последним снежным валом остановились, ребятишки из деревни принесли в ведрах вареное мясо, мужики вылавливали куски и наливали в кружки сурпу. Тюкавин пошел вдоль траншеи, отметил, что сильно поредела оборона, и потери, и многих увел Епифанцев. «Помоги ему, господи, прорваться!».

Началась атака, повстанцы экономили патроны и выжидали, подпускали противника, били наверняка, солдаты откатывались и, гонимые приказом, наваливались снова, оставляя убитых и раненых. К темноте натиск остановился, красные развели большие костры. Тюкавин отправил половину мужиков в оставшиеся дома, другие грелись и дремали у пожарищ, десяток ребят отправил в разведку. Через час те вернулись и доложили: красные ушли совсем, надо отправлять конную разведку, чтобы не обмануться. Тюкавин понял, что и у Рахманова силы кончились, передохнем.

В первый день марта большие силы красных подошли к селу, окружили его и закидали снарядами. К вечеру мало осталось целых домов. Андриан нашел своих у соседей в избушке, жена не плакала, не было слез, трое его ребят молча смотрели на утомленного и сурового отца, таким они его не знали.

— Маша, завтра все будет кончено, тебя, конечно, будут допытываться, дак ты отрекись, скажи, что прокляла мужа за восстание. Поняла? Тогда помилуют.

Мария сняла платок с головы, встала перед мужем на колени:

— Как ты, Андрюшенька, мог такое сказать? Разве у меня повернется язык проклинать тебя? Да я с радостью смерть приму, чтобы душой с тобой соединиться, только бы детей не тронули. Ты поспи хоть в тепле.

— Нет, не могу. Прости! — Он крепко обнял жену и быстро вышел, чтобы никто не видел его рыданий.

Утром все было кончено. Красноармейцы шли волна за волной, и не было им конца, у повстанцев кончились патроны, местами схватывались в рукопашную, но уставшие и промерзшие крестьяне уступали свежим солдатикам. Церковь стала последним рубежом обороны, уже не видел Андриан среди своих Веню, брата Василия, соседа Данилу, с полсотни человек пытались отстреливаться из-за церковной ограды. Вдруг мощно ударил колокол, и Андриан встал в полный рост:

— Повстанцы! Умрем в бою под колокольный звон, такое не каждому православному выпадет!

Мужики метнулись за ограду и сразу были смяты сотней армейцев. Скоро их уже вели, связанных веревками, под конвоем сотни солдат вдоль разбитой деревни. Дед Игнат неведомо как вышел им навстречу, в зипуне и без шапки.

— Куды это повели наших ребятушек, солдатик?

— В плен, дед, отойди.

— Нету, я тоже в плен хочу.

— Тогда вставай рядом, — засмеялся солдат.

Дед Игнат подошел к Андриану, засеменял рядом.

— Ты, Андрюха, не кляни жизнь свою, на небесах сам архангел Михаил тебя встретит, архистратиг, вы с нём одного званья.

По команде солдаты разбежались, ударил пулемет, и мужики падали, как валятся тучные снопы на гумне, если подошло время молотить, и начали разбирать ригу.

20

В Смирновой Атаманов сразу заехал в полковой штаб, дежурный, совсем мальчишка, передал сводку, переправленную для командующего Щегловым из Окунёвой. Просматривая записи на листах из амбарной книги, Григорий помечал на карте данные сегодняшнего дня. Со стороны станции Голышмановской красные смяли Второй Медведевский полк и вступили в бой с Четвертым Ражевским, но атака отбита, и красные, судя по всему, повернули в обход на Мелехину. Они прорвались и со стороны Петуховой, жмут Седьмой Калмакский батальон, сгоняя его к селу Бердужскому, где выступил в помощь местный Воскресенский полк. Дивизия Бардакова ведет упорные бои на линии Ильинка—Афонькино, сдерживая выход красных на соединение с Ишимской группой советских войск.

Положение сложнее, инициатива явно в руках противника и военный перевес на его стороне. Расчет на поддержку армейских частей, состоявших из крестьян, не оправдался, в лучшем случае, как две роты в городе, они отказались воевать против восставших, это ничего не изменило, их разоружили и прислали пополнение. Повстанцы будут обороняться, но в военном плане дело бесперспективное, чудес не бывает. Если два месяца мятежа настроение повстанцев поддерживалось сообщениями о всенародной борьбе и падении власти коммунистов в Омске, Екатеринбурге и почти по всей России, что большевики держатся только в Кремле и в городе с Петропавловском, то теперь понятно даже малограмотным мужикам: плетью обуха не перешибешь, биться до последнего надо только потому, что куманьки все равно в живых не оставят.

Так размышлял командующий, мучительно подыскивая возможные действия. Можно собрать все полки, а это пять тысяч, не меньше, и прорваться на Север, там, за Тобольском, в тайге и тундре, их,

возможно, оставят в покое до поры. Но остаются семьи, их вырежут сразу после захвата сел, мужики на прорыв не пойдут. Более того, и это стало обнаруживаться в последние дни, повстанцы все более откровенно жмутся к своим деревням, неохотно выходя на сторонние операции. Кончится тем, что засядут гарнизонами в селах и примут последний бой у родных хат на глазах матерей, жен и детей.

— Григорий Данилович, еще пакет привезли из штаба, посыльный велел передать, а я не сразу вспомнил, — признался мальчишка.

Григорий сорвал сургучные печати, стал читать:

«Только что стало известно от пленного красноармейца, что кавалерийской ротой, атаковавшей Травное, командует твой брат. Он сказал это в присутствии нескольких человек, так что скрыть не удастся. Слышал разговоры о твоей возможной измене в связи с братом, чтобы спастись. Продумай своё объяснение. Щеглов».

«Вот как! Владимир служил в Новониколаевске, значит, и оттуда части перебросили к нам. Брат пойдет на брата, правильно говорил Гена Блаженный у Никольской церкви, вот и меня коснулось».

В подавленном состоянии поднимался он на родное крыльцо, вошел в прихожую, повернул фитиль в лампе. Мать только вскрикнула, а Глаша уже на пороге, готова на шею кинуться, только матери стесняется.

— Что, сынок, откуда ты? — Вера Павловна зажгла лампу в гостиной. — Как дела твои, говори.

— Не будем, мама, об этом.

— Ладно, не будем. Ты ночуешь или сразу поедешь?

— Ночую, мама, надо выспаться.

— И баньки-то сегодня у нас нет.

— Обойдусь. Ложись, мама, я утром уеду, а теперь спать.

В своей комнате Глаша упала ему головкой на грудь:

— Плохо тебе, по глазам вижу, да и мама все поняла.

— Оставь. Ты как себя чувствуешь?

— Терпимо, теперь не тошнит.

— Твои что?

— Живут, мама сюда приходит, я к ребятам бегаю, гостинцы от Веры Павловны ношу.

— Ты сейчас же собери свои вещи, утром со мной поедешь.

— Поеду, Гриша, хоть на край света.

«Господи, она точно угадала», — стукнуло у Григория сердце.

Утром чуть свет Григорий вышел во двор, мороз, кажется, пошел на убыль. Ероха, будто ждал, вышел из избушки:

– Прикажете запрягать, Григорий Данилович?

– Что же ты, Ероха, меня навеличиваешь, я ведь тот же Гриша, что бегал гостем в твою избушку.

Ероха вздохнул:

– Когда это было!

Григорий обнял неказистого и дорогого мужичка:

– Покури пока, я с мамой поговорю да чаю выпью. Ты добеги до штаба, подними ребят из охраны.

Глаша уже принесла маленький самовар, Вера Павловна сидела за столом, разливала чай по чашкам.

– Глашу почему забираешь? Там у тебя такое творится, а ты бабу в самое пекло. Тяжко ей будет, – мать сурово посмотрела на сына. Григорий выдержал взгляд:

– Ничего, попривыкнет. Мама, у тяти в сейфе были золотые рубли, ты дашь мне немного?

– Возьми, сколь хошь.

Боясь, что мать спросит о главном, быстро заговорил:

– Мама, не держи на меня обиды, мне тяжело это видеть. Пошли надежного человека в Лариху, говорят, Владимир там со своей кавалерией.

Мать заплакала:

– Родные братья разошлись по разным сторонам в этой войне. А если в бою столкнетесь? Господи!

Григорий неосторожно заверил:

– Не столкнемся, мама, даю слово. В случае чего – под его защиту уходи, от меня можешь откреститься.

– Уезжай, Гриша, уезжай, сил моих больше нет! – Она встала и ушла в спальню.

Окунёва готовилась к обороне, по примеру Травнинских буртовали снежные валы, возили воду и поливали остроконечные колья, телеги и сани стояли наготове и ждали своей очереди. У штаба курили несколько повстанцев.

– Григорий Данилович, держится Травное?

– Держится, и устоит, я думаю.

– Против Атаманова не смогёт, сомнёт.

Григорий остановился:

– Ты что говоришь?

Верзила в полушубке бросил окурок и смачно сплюнул:

— Поговаривают, что брат твой командует атакой. Вот и говорю, что не устоят, Атамановы знатные воины.

Григорий напрягся, мысленно считал до десяти, а вслух ответил:

— Про брата не знаю, какой он командир, давно не видел, а ты шел бы укрепления делать, чем лясы точить.

Щеглов с крыльца слышал этот разговор.

— Григорий Данилович, не обострай, на каждый роток не накинешь платок. Только что узнал: Родина расстреляли в Уктузе.

Григорий вскрикнул:

— Врешь! Прости, это неправда!

— Как есть правда, сводку привез воин, сказал мне и всем.

— Это грубая ошибка или предательство, — уже чуть спокойней сказал Григорий.

— Согласен, но мы все под этим ходим. Каждая неудача заставляет искать причину, а мужики кроме своих командиров никого и ничего не видят.

— Ладно, давай обсудим положение.

Они склонились над картой, жирная линия предполагаемого проникновения красных проходила по Ларихе, Травной, Локтям и Мелехиной. В самом центре неправильного круга была Окунёва.

21

В пятом часу вечера, когда уже темнело, и мартовский ветерок начинал согребать под стенки домов, под плетни и заплоты неустойчивый суховатый снежок, что сулило озорную ночную метель с морозцем, из Пегановой прискакал Фока Смолин. Спрыгнул с вороного конька, а тот рухнул мордой в снег, подломились передние ноги, кровь хлынула из ноздрей. Часовым стоял у крыльца Степан Замякин, винтовку бросил на ступени, кинулся к лошади:

— Загнал коня, черт бородатый, ведь сдохнет!

Фока глянул назад, высморкался, крикнул:

— Атаманова крайно надо, тут он?

— Тут! С конем чего делать?

— Отвяжись! Вынес, и за том спасибо. Конь не мой, в Черемуховой реквизировал, под милиценером ходил. Пристрели, если жалко.

Смолин вбежал на крыльцо, без стука вошел в комнату. Атаманов сидел за столом, семилинейная лампа горела под потолком и освещала разложенные бумаги, сам он склонился над картой, ставил ка-

кие-то знаки и цифры. Поднял голову. Смолин оторопел от тяжелого взгляда. Он с самого начала движения был рядом, и не ординарец, а старался угодить. В половину старше, немало повидал, повоевал и за белых, и за красных, даже год отсидел за колчаковское участие, к Атаманову пристал сразу, как только встретил его после событий в Песьянике. А как избрали Григория Даниловича командующим армией и фронтом, по его просьбе или поручению ездил в отряды, по деревням, все видел и все слышал, новости привозил и докладывал лично. Приговаривал, что не сортирует их на добрые и дурные, «не барское это дело», пускай разбираются, кому следно быть. Он видел, как тяжело командующему после ареста, осунулся и даже седые волоски на висках заметил Фока, когда в прошлую субботу после бани ножницами подправлял его шевелюру. Но сегодняшней взгляд остановил Фоку, который готов был с порога выплеснуть жуткую новость.

— Говори, что привез. Добра не жду, так что бей наотмашь.

Смолин мял шапку в руках, два раза вынимал плетку из-за голенища грубой работы сапога волчьей шкуры и неловко совал ее обратно, все не знал, как начать.

— Григорий Данилович, вчера выбили нас из Мелёхиной. Бой был большой, они пушки привезли и всю нашу оборону разнесли в крошку. Говорят, ребята метнулись в сторону Ражевой, только не знамо, уйдут ли. В Пегановой настроение смутное... И Травная пала вчера.

Атаманов слушал его стоя, отвернувшись к окну, он стоял так еще несколько мгновений после того, как испуганный молчанием Фока остановил свой доклад, потом медленно обернулся и тихо сказал:

— Мы проиграли, Фока, большевички обошли нас по всем статьям. Это конец.

Смолин ошалело молчал, не веря ушам своим, уж не показалось ли после всех страхов, не мог Григорий Данилович такое подумать даже, а не токмо сказать. Но командующий стоял перед ним, и Фока вдруг сообразил, что не следует ему сейчас напоминать Атаманову про разгром Мелёхинского отряда и про слова его о бесславном конце, будто и не было этого. Фока суетливо сбросил полушубок, подскочил к плите, плеснул в кружку кипятку из чайника и стал жадно пить.

— Ты в Мелёхиной был? — спросил Атаманов.

Фока поперхнулся водой, закашлялся.

— Не доехал, стало быть? — Григорий не хотел, но досада и недовольство прочикнулись в интонации.

— До Крашенёвой добрался вчера, а к вечеру уже пушки ударили. Оттуда на паре коней прискакал староста, с семьёй сбежал, сказал, что большой отряд со стороны города нагрянул. На Пеганову наших, видно, не пустили.

— С чего ты взял, что на Ражеву они пошли?

— Предполагаю так, больше им некуда.

— Иди, Фока, но про неудачу никому ни слова пока, я сам решу завтра, что делать.

Григорий тяжело опустился на стул и охватил голову руками. Впервые за все время борьбы с коммуной он не знал, как ему поступить, какой приказ отдать завтра войскам. Положение по каждой волости он знал, но данные вчерашние и послевчерашние, за это время так все могло измениться, тем более, что красные командиры не зря получали свой паек от власти, дело они знали неплохо и войсками своими руководили толково. Григорий несколько раз угадывал предполагаемые решения противника и опережал его, но в последнее время, и об этом сообщали с других фронтов, красные стали ловчее, неожиданней, у них появился резерв, который позволял проводить не только общенаступательные операции, но и наносить точечные удары, а это всегда врасплох и всегда с удачей. Вот и Мелёхину сдали только потому, что не предполагалась атака со стороны города, город сам был в сложном положении, по крайней мере, до последних дней, он все еще тяжело оправлялся от настырных попыток Атаманова взять его.

Взять город любой ценой, перехватить железную дорогу, схватить власть за горло и задушить, не дать ей оклематься, а потом, закрепившись и получив подкрепление из числа крестьян, колеблющихся и качнувшихся в сторону восставших после убедительной победы, наступать на Омск — такой план был у Григория, и план реальный, но тогда не хватило организованности и слаженности, отряды в волостях действовали самостоятельно, каждый руководствовался местечковыми соображениями, как выбить коммунистов из своей деревни, как отомстить за обиды и притеснения. Григорий отправил тогда Фоку к Родину, который поднял крестьян и казаков вокруг Петропавловска. Памятуя единственную встречу и краткий разговор с Родиным на учительском съезде в городе, Григорий надеялся, что тот поймет важность момента и пошлет отряды на помощь, но Родин отказал. Не допускал Григорий за Родиным такого, ведь

широкого охвата человек, но, бросившись на город без подмоги, желаемого не достиг.

Так обложенный волк чувствует безысходность и неизбежность гибели, и только дикая жажда жизни гонит его и заставляет искать спасения. Григорию еще до армейской службы, в ранней молодости приходилось с отцом и мужиками ходить на волков, его зачаровывала и удивляла необоримая воля к жизни, это она гнала зверя на прямой поединок с человеком. Григорий оказался как-то на номере, именно на него вышел матерый волк, еще в густых зарослях осинника он остановился, прислушался к лаю собак, лизнул снег, и капли стекающей из разгоряченной пасти слюны Григорий видел. Волк смотрел ему прямо в глаза и медленно шел навстречу. «Дурак, ведь убью», — подумал Григорий и понял, что не выстрелит. В это мгновение зверь, словно перехватив его мысль, метнулся в сторону и крупными прыжками, всякий раз меняя направления, проскочил мимо охотника, и только потом Григорий выстрелил, просто так, чтобы оправдаться перед мужиками: промахнулся! И взгляд зверя почему-то вдруг явился ему в этих ночных размышлениях.

Он лежал на широкой канاپели, откинув полу тулупа, печь натоплена сильно и дышала жаром. Он был одет, снял только сапоги собачьей кожи, хорошо выделанные, подаренные афонькинским повстанцем Плешинным в день избрания командующим, они стояли тут же, под порогом.

Прав был отец: не можно нараскарячку стоять между воинским долгом и личной жизнью. Глашу нельзя было оставлять в селе, потому что в его отсутствие даже авторитет командующего не спас бы ее от расправы, закололи бы пиками повстанцы, пусть не свои деревенские, так чужие, вслед за партийным отцом предали смерти. А Глаша в положении на третьем месяце, как оставить? Взял с собой, при избрании не скрывал, что с ним жена, пусть не совсем законная, но жена. Собрание тогда поулыбалось, и вопросов не было. Бежать стыдно, но, чувствует сердце, не дает ему судьба выбора, ради спасения Глаши и ребенка. Без них он уже не видит жизни.

Неужели у великого дела бесславный конец, и у дела, и у него тоже? Ведь опять могут усомниться, по всему фронту неудачи, мужики уже в открытую спрашивают, кто виноват, обзор у них не велик, а командир вот он, рядом. Не сумел, смекалки не хватило либо выучки, а то и — было уже! — проданся командир комиссарам. Два раза отбоярился, отринул от себя вину, да так убедительно, что вернули на прежнюю

должность, временный командующий Бардаков даже обиделся, а он доказал верность святому делу, во главе сотни скакал в атаку, плененных коммунистов ставил к стенке и давал отмашку на залп.

Как только начало смеркаться, Атаманов в легком полушубке вышел на крыльцо и приказал подать коня.

— Не седлай, — крикнул дежурившему во дворе земляку Вьюшкову. — Я по деревне на минутку. Ты тоже останься, я до Глаши, — взмахом руки остановил ординарца.

Ждала ли или просто так на крыльцо вышла, а встретила Григория в легкой меховой безрукавке и пуховом платке на голове. «Ждала», — екнуло сердце, и не первая уже судорога неизвестности защемила его. Обнял Глашу, в глаза не глядел, боялся выдать смятение.

— В дом не буду проходить, слушай со вниманием. — Он неожиданно пинком толкнул дверь, за ней никого, снова пригнулся к ушку. — Будь одетая, я снегом кину в твоё оконце. Не спи. Сразу выходи, с собой ничего не бери, оденься потеплее. Ты поняла?

Ничего не поняла, конечно, потому что не делился Гришенька бедами и планами, не обсуждал с подругой дорогой своей военной жизни в короткие встречи. Не поняла, но кивнула, послушная.

— Вот и славно. Если хозяйка спросит, скажи, что простудился, жар, мол, только попроведал, и на печь. — Он улыбнулся своей милой лжи, и улыбка получилась горькая.

— Надолго мы, Гришуня?

— Навсегда. Не горюй, боль моя, я стукну в окошко. Оденься, там моя пара белья есть теплого, и шаровары стеженье, верхом придется, и долго. Все, пошел я.

22

Фоку Смолина отправил спать в караулку при конюшне:

— Глаша ко мне придет, — натянуто улыбнулся.

Фока хохотнул:

— Тебя, командир, никакая беда не берет, как стемнело, так о бабе.

Но шмутки свои собрал и удалился. Григорий в другой раз и одернул бы товарища, да в другое время Смолин ничего такого и не позволял, но рассуждать нет времени. Два револьвера положил за пазуху под полушубок, приседельную сумку с патронами, хлебом и салом тряхнул в руке, не гремит ли, и тихо вышел. В окно Глаши кинул снежком, и она уже рядом.

– Иди нижней улицей и стой у крайней избы, только собак не сшевели. Я быстро.

Три коня командарма стояли рядышком в волостной конюшне, они дремали стоя после доброй порции овса, зачуйв хозяина, приветливо завсхрапывали. Заседлав двух жеребцов, Григорий обоих взял под узцы и повел к воротам. Кони вдруг встали и настороженно подняли морды, Григорий повернулся, и молния ослепила его глаза...

Видно, чем-то изрядно тяжелым ударили его при захвате, всю дорогу до Уктуза в санях под тулупом молчал и не шевелился, Фока боялся, что убил. Нет, когда заволокли в особый отдел и подняли начальника Котова, связанный Атаманов с трудом начал приходить в сознание, кровь сгустками сплевывал в ведро. Лука Котов, который уже второй раз за последний месяц допрашивал Атаманова, сидел за столом, в разукрашенное морозными узорами окно проглядывало солнце. После первого ареста и счастливого исхода командуящий при возвращении на должность хотел просить представителей отрядов провести проверку особого отдела, не все там ладно, но воздержался, могли принять за личную месть. Теперь вот с тоской подумал, что зря постеснялся. Котов потянулся за столом:

– Григорий Атаманов, ты обвиняешься в нарушении священного обязательства повстанца и командира по защите интересов трудового крестьянства. Конечно, ты не признаешь себя виновным.

– Лука Котов, ты меня который раз спрашиваешь, и все с ухмылкой. Смерти моей хочешь, так дай команду ребятам, они это быстро...

Котов встал и заходил по комнате, накручивая ненависть, как веревку на кулак:

– Точно, в тот раз ты ушел чистеньким, тогда заступился за тебя Родин, царство ему небесное, Иуде. С Родиным вы хорошо снюхались, да только разоблачили мы его, и твое ходатайство не сработало. Тебе известно ли, что Родин признался, по заданию комиссаров работал?

Григорий сплюнул:

– Врешь, Лука, Владимир истинный борец.

– Как и ты! – Обрадовался Котов. – Этот борец сам признался, да еще хвалился, что есть в наших рядах его сподвижники. Не тебя ли подразумевал, Атаманов?

– Врешь, Котов.

– Ребята подтвердят, сам сказал.

Атаманов криво усмехнулся:

— У тебя и мертвый заговорит, наслышан я, как ты кости людям ломаешь.

Котов держал себя уверенно, с достоинством:

— Атаманов, у каждого своя работа, кто-то должен и нарывы вскрывать. Да еще во второй раз твоя свора спасла, честно признаюсь, нехорошо стало, когда две сотни конных ворвались в Уктуз. Мы подумали, что красные, однако нет, свои. Но как настроены! «Отдайте нашего командующего, иначе в щепы разнесем деревню». Я-то знал, что ты вернешься сюда, потому дал команду следить за каждым шагом. Хочешь, скажу, кто тебя сдал? Очень верный человек, молился на тебя, а за фунт золота, которое я ему простил при грабеже, согласился тебя караулить. А ты наверно думал: ах, какой заботливый, ни на шаг не отступает!

— В чем конкретно ты меня обвиняешь? Дай доказательства.

— Главное обвинение в том, что ты не стал брать город. Ты сознательно изматывал войска и бросал их в бой на укрепленные позиции противника. Ты не добился поддержки армии Родина, хотя теперь удивляться не приходится, все было согласовано.

От обиды и бессилия Григория колотило, он с трудом подбирая слова:

— Лука Котов, ты хоть раз ходил в атаку, хоть раз бежал на баррикады красных по накатанной дороге, потому что стороной снег в колена, когда в тебя стреляют почти в упор, как по мишени?! Помнишь, в Песьянике, когда красные нас обошли, и надо было прорываться, ты под копну забрался, помнишь, я тебя хлыстом погнал в атаку? Конечно, не забыл, не потому ли так упорно ведешь меня к стенке, уж месяц. Шесть тысяч добровольцев мне доверяют, а Лука Котов — нет.

— Ух, ты, как развоевался! Ладно, что связан, а то бы не удержать. Умолкни, Атаманов, я свою работу делаю, а ты свою завалил. Ладно, по городу спорить не будем, ни к чему. А про Песьяник ты придумал, прямо сейчас, никто же не подтвердит. Чтобы тебя шлепнуть, достаточно последнего обвинения: ты покинул позиции и со своей потаскушкой хотел бежать к противнику, то есть, к своим.

— Котов, я тебе морду набью, эта женщина не потаскуха, а жена мне.

— Что ты говоришь?! Честная коммунистическая подстилка, таскал по всему фронту, ты думаешь, тебя за это хвалили мужики? Они

неделями без баб, семьи неизвестно как, а ты каждый вечер под теплый бочок. Не скрипи зубами, у нас еще ни один не вырвался. А шлюху твою мы сразу шлепнули, чтобы разговоров не было. Признаешь свою вину?

Григорий сжал зубы и зажмурился, яркое солнце ударило в голову и осветило сознание, Глаша возникла на миг и исчезла. Он, наверное, потерял сознание, потому что кто-то плеснул в лицо холодной водой.

— Ты чего такой слабый, Гриша? — Лука Котов стоял перед ним с ковшом и заботливо улыбался. — Из-за бабы помушнел, а как самого к стене прислоним, завоняешь, стыдно будет, кому подчинялись тысячи повстанцев.

Григорий плюнул:

— Ты сволочь, Котов, а не человек, для мужиков ты хуже, чем коммунисты.

— Ну, не делай из меня врага народа, не выйдет, — огрызнулся начальник следствия.

Атаманов попросил:

— Котов, дай мне револьвер с одним патроном и покинь комнату. На мне есть вина, только с тобой говорить о ней не хочу.

— Будешь, проститутка большевистская, перед всей армией будешь! — Котов дрожал от гнева и пытался заглянуть в глаза Атаманову. Григорий напрягся и метнулся в его сторону всем телом, хряснув головой прямо в потное лицо.

Удар дубины свалил его, и двое унесли почти бездыханное тело в избушку на дворе.

— Закрой на замок и стой, карауль, — приказал старший молодому повстанцу.

— Холодно, — заворчал тот.

— Стой, говорю, а то убегнет. Закрой на замок и ключ в карман.

— Куды ему, едва живой.

...Перед рассветом дверь избушки открылась, мужик вошел и пошевелил пленника:

— Живой, Григорий Данилович?

— Да, жив.

— Верхом сможешь?

— Это куда?

— А куда глаза глядят. За двором пара коней стоит, в Мурашёву

подадимся, там в крайней избе Мартынушка Косенький живет, он тебя примет и сохранит.

– А ты как же?

– Не переживай, я тоже сметаюсь. Ты жену мою от позора спас в Окунёвой, век буду..., если, конечно, даст Бог веку. Ну, пошли потихоньку.

– Зовут тебя как?

– Нефёд я, уктузский.

Он подсадил Григория в седло, легонько шлепнул лошадь, она пошла тихим шагом, и всадник покачивался из стороны в сторону.

– Хоть бы доехал, пособи, Господи, хорошему человеку, – громко сказал Нефёд и сам легко вскочил в расхристанное седло. Обогнув село по-над озером, где снега поменьше, мелкой рысью направились в соседнюю деревню.

– Мартын в подполе продержит тебя до тепла, а там как Бог даст. А я с конями подамся к киргизам, примут, – рассуждал Нефёд, все время оглядываясь по сторонам и поглаживая обрез под полушубком...

...Григорий очнулся, и горько осознал призрачность сна. Замок на дверях склацал, фонарь осветил входящих. Лука Котов был впереди, сказал из темноты:

– Атаманов, следственная комиссия признала твою вину и приговорила к расстрелу. Вынесенное исполнено будет немедленно. Пошли.

Бездонное чистое небо со звездами. Теплый ветерок подул из казахских степей, только начало апреля, а уже чувствуется, что весна идет. Атаманов закрыл глаза, и слеза сверкнула на его щеке в свете восходящего утра...

2010 г.

**КЛАД, ИЛИ САШКО, ПАШКО
И ФРОСЯ ИЗ ПАРИЖА**
Деревенский детектив

Двухстворчатые двери еще купеческого магазина, отделанные медным орнаментом, давно не крашенные, но сохранившие былую красоту, с грохотом распахнулись и выплюнули на широкое крыльцо сразу упавшего на четвереньки мелковатого мужичка, залитого чем-то густым и белым.

Был это Викентий Амбросимович Таратутов, бывший учитель математики, изгнанный из школы за неистребимый запах перебродивших в желудке спиртосодержащих жидкостей, но сам он этого не признавал, и ссылался на глубокие политические расхождения его методики преподавания математики с официальной, так сказать, демократической, за что отпущен на вольные хлеба. Какую-то пенсию ему платили, и бывший учитель сменил математические интересы на поиск и постоянное употребление ругательных и даже матерных слов и их сочетаний, конечно, из могучего русского языка, а в противовес этому стал изучать манеры благородного общества девятнадцатого века и часто пользовался наряду с матерками изящными оборотами речи.

Еще никто не вышел в открытые двери, а он сакнул пальцем белую нежность, лизнул и заорал:

— В креста, в веру, в кобылу серу...! Это же она на меня простокишей нагадила! Это же позор всему наркомпросу во главе с товарищем Луначарским!

Вышедшая из магазина с двумя огромными пакетами сахара и дрожжей бухгалтер ООО «Хлеб» Ефросинья Харитоновна поправила:

— Не простокишей, и даже не простоквашей, к вашему сведению, Викентий Амбросимович, а кефиром. Выкиньте вы из головы эту совковую простокишу!

Он уже стряхнул большую часть кефира на крыльцо, и посоветовал:

— Уйди, Ефросинья Харитоновна, и не будь очевидицей жестокой мести оскорбленного самолюбия!

Вдверях уже полно улыбающегося народа. Таратутов гордо встал в позу:

— Мякеша, да лучше бы вы мне с обеих сторон вlepили пощечины, это приемлемо и даже благородно, но по лицу цветным литровым пакетом иностранного производства, который после первого же удара лопнул, и вы меня умудряхали в этой гадости! Учтите, я пойду в судебные инстанции.

Вперед вышла пышная полногрудая деревенская красавица в балясистом крепдешиновом платье, изрядно измазанном все тем же кефиром. Это бывшая полубовница председателя сельского совета, который за малые услуги освобождал вдовствующую Мякешу Фролову от самообложения и налога на поросенка. Председателя при новой власти сместили, но за Мякешей так и остался статус первой леди, в свои сорок она охотно принимала не только заезжих, но и приезжавших на каникулы студентов колледжей и училищ.

— Вика, если я еще раз услышу от кого-то, что вроде как у меня на грудях ночевал, при всем народе даю честное пионерское, что свисток твой на пятаки порублю.

Народ ахнул:

— Мякеша, да его сверчок разве что на гривенники, и то современной чеканки!

— Ну, ты зачихнула: на пятаки!

— На пятаки, бабы, если что, только у... — и поперхнулась.

— Погодите, — заорал Таратутов. — Что вы гоните, как зайцы в случайной период! Вы разберитесь в человеческой судьбе, а судьба моя такова, что быт и жизнь свою вести в стороне от посторонних. Но, чтобы не навлечь на себя нехорошие суждения, решил я, так сказать, обналичиться, и выбрал объектом возлюбленную Мякешу. Ей доверил самого себя, а она отрицает. И пусть это будет на ее совести, а что касается моего мужского достоинства и самолюбия, то у меня подобных Мякешь было — до Москвы..., да, до самого Кремля можно от нашей деревни строить в две шеренги, а местами и в три.

Он вовремя пригнулся, потому что булка черного тяжелого хлеба, который Мякеша прикупала своему поросенку, пролетела над его головой и ударилась в грудь ступившего на крыльцо тракториста Мити Зырянова.

— О, блин, я все думал, что булки на деревьях растут, а они, оказывается, размножаются в полете!

— Верни булку, алкаш! — рявкнула Мякеша.

Митя заупряился:

— Народ! Я вторую неделю, как стеклышко, а она меня в позор. Ответишь! Это тебе даром не пройдет!

– Да ладно, Митя, я ведь случайно булкой-то.

– А «алкаша» куда спишем? Нет, назначай цену, а то я к участковому пойду, ущерб с тебя полагается, да еще за самогонку схлопочешь, сам подпишусь, что покупал.

Мякеша обмякла:

– Сдаюсь, называй откупную.

– Усёк! Вечером после «Мастера с Маргариткой» три раза стукну в кутнее окошко.

– Сильно не колоти, окошки старые, рамешка рассыплется.

Митя засиял:

– Что ты, Мякеша, я ласковый.

Бухгалтер Ефросинья Харитоновна смачно сплюнула и вознесла руки к небу, поставив пакеты к дощатой стенке веранды:

– Вот чему удивляюсь: посреди народа начинают подхвостку нюхать, и бог терпит, не вытянет дрючком по извращенным членам. Я уж про стыд не говорю. А еще ждем, что Россия в передовые выйдет! Да разве такое возможно, если полнарода, как Митя с Мякешей, прилюдно случаются?

Никто не заметил, как на крыльце появился дед Архип, здоровый детина с рыжей окладистой бородой и богатыми усами, прозванный Знаменосцем.

– Издалека слышать, что в сельпе шур да бар, как на параде, однако, невиданный товар завезли, – довольно гладко выговорил Знаменосец.

– Товару-то полно, да в кармане – вошь на аркане, – вздохнула бухгалтер. – А шум потому, что некоторые граждане насмотрелись в телевизорах, как там молодые парни и девки во весь рост, вот и наглеют прилюдно.

– Не обманывайте, Ефросинья Харитоновна, они поначалу любовь в телевизоре строили, так и говорили: «Построй свою любовь!» – возразила рябая, как грязью обрызнутая, девица в шортах и топике.

– Ну, так и есть, – согласился Митя. – А потом у них стропила повело, они на эту стройку положили и переехали в публичный дом. И домов этих уже два, скоро откроют четвертый.

Бухгалтер этого не могла перенести:

– Митя, ты же шесть классов кончил, так если два, то следующий будет третий!

– Видите ли, – подал слабый голос Викентий Амбросимович, – Дмитрий, не имею чести знать отчество, очевидно, третьим считает тот, что откроют они с Мякешей моей возлюбленной, и в котором мне в лучшем случае выпадет второй номер.

Митя поднялся с нижней ступеньки и потянулся было к Таратугову, но скользнув по остаткам кефира, отшатнулся:

— Слушая меня, Дон Жуан недоделанный, если ты еще своим грязным интеллигентским языком... Стоп! Если ты еще про Мякешу что скажешь, у тебя оба, и первое, и второе выпадут, но не сами, а с моей активной помощью.

Знаменосец покашлял:

— Какой-то разговор между вами идет, как на параде, но нити, нить не могу поймать.

Мякеша положила черную булку поверх белого сахара и хохотнула:

— Ну, дед, молодец, уже трусы распускать собрался.

И пошла, как утица, переваливаясь из стороны в сторону.

— Беспросветная безграмотность, уважаемый господин Кукушкин.

— Викентий Амбросимович подошел к старику и доверительно тронул его за плечо. — Вы же, конечно, имели в виду нить разговора, а не резинку от грязных Мякешиных трусов?

Знаменосец кашлянул:

— Зачем ты бабу позоришь про трусы? С трусами у нее все в порядке, я той ночью-то, когда ты стучался, на ее кровати у стенки лежал. Все было прилично, как на параде.

Митя не выдержал:

— Дед Архип, поди-ка соврал?

Знаменосец кашлянул:

— Да полно тебе, Митя, ну, полежал, так что с того?

Викентий Амбросимович пошатнулся, поймался за столбик веранды и с пафосом произнес:

— Все смешалось в доме Еблонских!

Покачиваясь, спустился с высокого крыльца и пошел в сторону своей избушки. Через минуту крыльцо бывшего сельмага, а ныне магазина «Оазис» местного торговца Петьки-Парткома, опустело. Высокое крыльцо, магазин каменный старой кладки, стены метровой толщины, дверные и оконные запоры закреплены в кладке и ничем их не выдернуть. Петька всем говорил, что, когда еще партторгом работал, запросил архив, и ему прислали бумагу, что магазины эти построены были его прадедом, и владеет им Петька по праву наследства. Вся эта легенда рухнула разом, когда районная газета напечатала заметки въедливого краеведа, бывшего учителя истории из села Большая Ченчерь, где он перечисляет всех местных купцов и магазины, коими они владели. Выходило, что все три оставшиеся от царизма кирпичных ма-

газина в Сладчанке принадлежали купцу второй гильдии Кутельникову, который вместе с семейством не стал дожидаться революционного суда скорого и правого, а маханул в Одессу, потом пароходом в Турцию, а оттуда в Европу. Краевед даже писал про два письма, которые месть Кутельникофф якобы присылал властям в Сладчанку и предлагал сломать его магазины и забрать припрятанные там золотые слитки. Власти месью не поверили и ломать не стали.

Веселая деревня Сладчанка словно осторожно с Горы спустилась и расставила свои домики в широкой излучине этой Горы, бывшей когда-то берегом реки или даже моря, как писал один ученый в районной газете. С другой стороны деревню подпирало озеро Сладкое, большое и глубокое, полное рыбой и дичью. Лучшего места и не найти вовсе. На горе леса, береза с осиной и широкая гряда сосны с кедром и даже лиственницей. Отсюда и дома в деревне крепкие, высокие, это уж при колхозе после войны стали поскромней строить, а потом и совсем на кирпичные перешли. Грунты в деревне песчаные, дождь прошел, вода скатилась, промыла песок, солнышко выглянуло: чиста деревня, будто уборку хозяйка к празднику сделала.

Живут в хорошей деревне Сладчанке двоюродные братья Зуевы, с детства зовут их Сашко и Пашко, хотя отец одного, Филипп, своего в сельсовете записал Сашкой, а родившегося на другой день брательника отец Ефим назвал Пашкой. И случилось это как раз в канун вторых выборов президента, потому сельский глава настоятельно просил братьев назвать парней в честь основного кандидата. Оба родителя решительно отказались, не объяснив причин, пошли пить заранее приготовленный самогон и радовались, как хорошо дома без баб. Через пару дней до мужиков стало доходить, что совсем без баб — не совсем хорошо, потому решено было обсудить все доступные варианты. Женщины находились вполне приличные, только в разных местах. От предложения привезти их домой пришлось отказаться: отошлют. И вдруг Фиму осенило: сестры Пёрышкины! Две сестры-близняшки, Рая и Фая, по два раза выходили замуж, и возвращались домой ни с чем. Мать как-то тихо померла, а отец ушел в соседнюю деревню в примаки к овдовевшей состоятельной хозяйке, прижился, даже несколько раз к дочерям на новеньких жигулях приезжал. Сестры работали доярками и жили вместе. Братцы едва сшевелили примерзшую калитку, легко пихнули дверь в сенки и с трудом нашли в темноте ручку входной двери.

— Вы чего живете, как при крепостном праве? В ограду не попасть,

в сенках глаза можно на гвоздике оставить. — Фима уж начал снимать матросский бушлат, подаренный демобилизованным племянником-североморцем, но Рая остановила:

— Если вас холера принесла на нас критику наводить, то разворачивайте оглобли.

Филя понял, что пора приводить самые серьезные аргументы:

— Об чем речь, девоньки? Вы, поди, и не слыхали, что у нас сыновья вылупились? Вот по этому радостному случаю мы и пришли к вам, как к старым трудовым подругам. Рая, поди не забыла, как мы в Дикуше сено косили? Ни один шалаш не выдерживал нашего трудового напора! Помнишь? Вот по такому случаю. — Он распахнул бушлат и вынул трехлитровую банку самогонки.

Фима тупо смотрел на брата и всеми силами старался понять смысл услышанного. Это он, Фима, в тогда косил сено с Райкой, а Филя с Фаем ночевали в соседнем шалаше. Рая тоже не сразу все поняла, а потом вмешалась Фая:

— Нужда припала вам разбираться, кто с кем сено косил. Главное, что коровушки наши, царство им небесное, сыты были.

— Верно, — поддержал Филя, — и мы не бедствовали. Девки, киньте на стол хоть груздей с огурцом, а то я уж мерзнуть начал.

Рая хохотнула и кивнула сестре:

— Ставь жаровню с плиты, картошка с мясом. А то эти жуланчики с огурцов нам всю ограду разрисуют. Мужиков надо мясом кормить, чтобы работу можно было спросить.

Филя поддержал:

— С мяса, девки, мужик делается, как секач.

— Ой, не пужай! — хохотнула Фая. — Секач — это кто?

Филя расплылся в улыбке:

— Секач, Фая, это самый главный производитель у кабанов, что у нас в камышах на Барабанихе живут. Намек поняла?

Налили по полному стакану, выпили, потом еще, и Фима запросил песню. Четыре нестройных голоса исполнили «Скакал казак через долину...», женщины всплакнули, мужики стали откровенны:

— Пригрейте нас, девоньки, нонешной ночью, а потом мы будем частенько приходить, пока бабы в норму войдут.

Через девять месяцев обе сестрицы родили девочек, записали их на Филю с Фимой, те не протестовали. Девчонки росли, как пташки вольные, кто-то приголубит, кто-то накормит, пока мамки погуливают. В школу ходили вместе с братьями, после восьмилетки стали

работать, всюду были вместе, и на работе, и в гулянках. Имена им мамыши дали странные, назвали Параней и Гараней. Им бы вся судьба по материнским стопам податься, в легкую жизнь удариться, ан нет. Завалил как-то на сеновале молодой мужичек Параню, а Гараня взяла вилы и воткнула их в белоснежные ягодицы. Мелковато, но орал он не слабее пришедшего в охоту секача, так на четвереньках на санях довезли до медпункта, фельдшерица, когда проохоталась, дырки йодом смазала, дала неудачливому любовнику сто грамм спирта и отправила без освобождения от работы.

А вот Сашко и Пашко в родителей пошли, рано к девкам стали приглядываться, и все к Паране с Гараней, только в первый же вечер решительного наступления девчонки разъямачили кавалерам, что у родных по крови никакой любви быть не может. Сашко особенно сильно сожалел, уж больно поглянулась ему белянка Гараня, но против закона не поперешь.

Братцы работали в столярной мастерской, приватизировал ее какой-то районный чин, он же и выручку забирал. Старый столяр немец Яков Андреевич Кауц пригнул их и учил, как с каким деревом работать, какой инструмент для чего приспособлен. Толковые оказались ребяташки, быстро все осваивали, и двери могли сколотить, и рамы связать, даже гробы делать. Старый Кауц возмущался: в прежние времена такое село было, а гроб один в неделю, и то для пожившего человека. А тут дошло до того, что нормальные люди в столярку ходить перестали: один гроб у дверей, второй собирают, на третий тес строгают. Потом бывший комсомольский секретарь открыл похоронную контору, весь инвентарь из города завозил, дорого, зато никаких забот, покойничка, прости господи! обмоют, оденут и в гроб положат, а сами яму копать. Три ночи должно православному провести дома после смерти — ничего, и на второй день уже никто не упирался, грузили в кузов, родню на скамеечки, и попылили. Не похороны, а спектакль со слезой. Так думал старый Кауц, у которого гроб уже лет десять лежал на чердаке старого дома, пугая внуков и их пакостливых друзей.

Яков Андреевич умер прямо за верстаком с фуганком в руках. Братья сделали ему добротный гроб, от комсомольских услуг большая семья немцев отказалась, старший сын Артур снял с чердака отцовскую самоделку и решил, что надо именно в нее положить отца, потому что таков был его завет. Братья отвезли свой гроб обратно, а ночью подожгли столярку, даже из инструмента ничего не взяли. Сами

себе сказали: нет дяди Кауца, нет и мастерской. Приехавший на пожарище хозяин получил заключение следователя: короткое замыкание. Вот и взятки гладки.

* * *

На последнем колхозном собрании сам председатель Кикин и двое из района, оба при галстуках, по три раза залазили на трибуну и клятвенно заверяли, что после роспуска колхоза и раздела имущества ждет их жизнь невиданная: паши и сей для себя, скота держи, сколько сможешь, выручку от молока и мяса в свой карман. На утро прибежали вчерашние колхозники на машинный двор, а вчерашний председатель им бумагу показывает, что имущество движимое и недвижимое бывшего колхоза теперь принадлежит СПК «Возрождение», они его члены, а он председатель. Когда наиболее толковые закричали о выходе с паем, Кикин указал на «зеленый ряд», так в деревне звали шеренгу негодной техники. Через пару лет у председателя появились новые бумаги, по которым СПК стал ООО «Рассвет», а Кикин аж генеральным директором. Подгоняемый компаньонами из района, Кикин за осень сдал на колбасу весь скот, пообещав ревушим с горя дояркам, что Европа дает коров современных, которые на одной соломке дают по ведру молока в день. На машинном дворе дело оказалось серьезней. Кто-то из мужиков врезал генеральному по морде и крикнул, чтобы заводили трактора. Хватали, кто что может, и Кикина спасло только то, что в старом железном ангаре он припрятал два «Белоруса» и гусеничный трактор. На одном «Беларусе» работал Гоша Семиколенный, все обыскал — нет железного друга, вскочил в «Кировца» и со двора на всех скоростях.

Старшие братья Зуевы в дележе не участвовали, а могли бы угнать хоть «пукалку», маленький двухцилиндровый трактор, которым почему-то сначала толковые мужики побрезговали. Но — не судьба. Накануне торгаши завезли невиданное лакомство: в пластмассовом пузырьке чистейший спирт, и все это называется фунфырь. Викентий Амбросимович даже предположил, что это китайского производства водка, и по-японски ей имя sake. Пузырек выливали в пол-литровую банку, добавляли воды, и три мужика валились с ног. Фунфырь стоил в десять раз дешевле бутылки водки, а торгаши отоваривали им за цветной металл. В три дня в деревне нельзя было найти старого аккумулятора, алюминиевой ложки или медного самовара. Разве что нательные крестики сохранились. Именно в эти дни делили колхоз,

ташили, кто что мог, а Филя с Фимой уже ничего не могли, спали в сенках то у одно, то у другого. А когда очухались, пришли за своей долей, то бывший председатель — от греха подальше — дал мужикам на пару бутылок, что в пересчете на фунфури означало недельную пьянку. Как говорили соседки, Господь и прибрал их в один день. Только Сашко и Пашко не верили во вмешательство бога, потому что родители не первыми пали от фунфырей. Сашко сам читал на пузырьке: «Для наружного применения». После смерти матери Пашко переманил к себе брата, так жить легче. Держали корову и свинью, летом литовками косили траву, сено возили на мотоциклетной тележке с друзьями, осенью копали картошку, чтобы кормить скотину, свинью потом резали и всю зиму ели мясо с картошкой. Но тоска на душах братьев, нет никакого просвета. Как-то вечером приходят к ним Параня с Гараней:

— Мальчики, обсудить надо. Вчера подкатывали на побитом «мерине» два фраера, предлагают работу. Дескать, девушки вы приятные, немножко подучим и пойдете официантками в лучший ресторан города. А это отличное питание, приличное общество и куча чаевых.

Каждый из братьев думал одно и то же. Сестренки, конечно, девочки, что надо. Вот Параня: роста среднего, личико будто загорелое, волосы темные, глаза черные, губки скромно поджаты, а по фигуре скользнуть: шея прямая и гордая, грудь дай бог молодой маме такую иметь, в бедрах широковата, но талия — и так колыхнется платье, и в другую сторону — не коснется талии, словно нет ее. А Гараня ростом повыше, фигура поскромней, но лицо белое, а на нем и губы, и глаза, и брови — как нарисованы. Обе красавицы, только одежонка потрепанная да вместо обуви комнатные тапочки. После таких глубоких умозаключений братья переглянулись:

— Девчонки, приличный человек на драной машине не ездит. Как-то не вижу я вас официантками в шикарном ресторане, — изрек Сашко.

— Ты чо морозишь, братуха?! Ты сам-то хоть раз официанток видел? Можно подумать, все кабаки в городе прошел! — взорвалась Гараня. И братья поняли, что девчонкам страсть не хочется расставаться с мечтой о куче чаевых.

Пашко долго молчал, все слова подбирал не очень матерные, но отрезвляющие:

— Повезут вас, девчонки, на панель, вдоль дороги стоять и мужиков стрелять. Гоша Семиколенный рассказывал: «Еду на «Камазе», мороз, а на объездной дороге девчонка стоит, в шубке до пупка, в

колготках в обтяжку, вижу: замерзает человек! Остановился, дверь открыл, она запрыгнула. Спрашиваю: «Тебе куда надо?». «А куда, говорит, хочешь». Гоша на нее смотрит, вид, наверное, глуповатый, она тоже соображает: мужик не первой свежести. И говорит: «Может, тебе минет нужен?». Гоша подумал-подумал, и бухнул: «А на хрен он мне нужен? У нас в колхозе этого добра — хоть завались!». Девка орет: «Дурак, остановись!». Выскочила, и спасибо не сказала.

Прохохотались. Сашко свое гнет:

— Ребята говорили, что у них норма есть в рублях, сколько надо за сутки сдать бригадиру, а тебе сколько отстегнут. Ты кино видела про интердевочек? Вот такими сучками вас и поставят вокруг города.

Параня возмутилась:

— Вы что, охренели, так про нас думать? Ты про нас что-нибудь от ребят слышал? Ну, чтобы кто-то ко мне под юбку забрался? Да, целуемся, шупаемся, не без того, но дальше — ни-ни!

Теперь Пашко взорвался:

— Дура, это же наша деревня, наши ребята все знают, что за вас мы с Сашком головы завернем любому. А там... Девчонки, выходили бы вы взамуж за наших парней и жили все вместе. В общем, так: в город соберетесь — ноги перелломаю. Или наголо остригу. Все, пошли, брат, этих блаженных на седнешний день не уговорить. Да, если эти фраера еще раз приедут, вы нас с ними познакомьте, так мол и так, братовья тоже готовы между столиками в ресторане без портков ходить и чаевые грести лопатой.

* * *

На зиму Сашко и Пашко устроились кочегарами в школьную котельную. Котельную перевели на солярку, установили емкость, поставили насосы на топливо и на воду. Человек из коммунального хозяйства приехал, забрал трудовые книжки, заявления и по месячной зарплате денег.

— А это за что? — удивился Пашко.

— У тебя допуск для работы на этой котельной есть? Нету. А за эти деньги я тебе документ привезу от госнадзора. Тут всех проблем — чтобы вода в системе не испарилась. Вовремя подкачивай и лежи, грей бока.

Комхозовский специалист принес из машины несколько газет, стали учиться запускать котел. Газету сворачивали трубочкой, поджигали и совали под струю топлива. Солярка разгоралась, и дальше все шло своим чередом.

— Бумагу для растопки всегда имейте в запасе, мало ли что. Быва-

ет, солярка с водичкой, тогда совсем труба, но это редко, — напутствовал гость.

— Сашко, а где бумаги будем брать? Какой дурак газеты выписывают?

— Я в сельсовет схожу, у них должны быть.

— В администрацию, пустыня! Иди.

В сельской администрации уборщица выволокла из уличного склада несколько мешков с бумагами:

— Берегла, думала, советская власть вернется, снова будут макулатуру закупать, а этим ничего не надо. Забирай.

Потянулись тоскливые дни и ночи. В котельную никто не приходил, разве что среди дня прибежала директриса и орала, что в школе холодно.

— Окна надо было утеплять, — придумал отговорку Пашко, но солярки добавлял, зачем на ребятишках экономить?

Вечером в воскресенье он нашел спящего брательника и погасшую горелку. Братца пнул, тот встал, потянулся и признался, что сильно спать хотелось, в школе все равно никого нет, температура в котле под пятьдесят, на улице вроде не шибко холодно. Короче, успокоил себя, на всякий случай котел погасил, топливо перекрыл и уснул. Посидели, покурили, Пашко подтащил к топке мешок сельсоветской бумаги и стал свивать фитиль. Из мелких советских документов фитиль получался маленький, но солярка все-таки загорелась.

Совсем рассвело, Пашко походил по двору, расчистил дорожку к калитке, к туалету. Вернулся — все отлично, котел гудит, в помещении тепло, Пашко взял из мешка горсть бумаг и прилег на топчан. Ничего интересного, какие-то ведомости, таблицы с цифрами, указания райисполкома. Перебирал и бросал к мешкам, брал новые горсти и снова бросал. Повертел в руках не нашей формы конверт, вся правая сторона заклеена марками, только марки кто-то уже оторвал, только клочки остались. В конверте оказалось письмо. Интересно, что бумага толстая, а в левом верхнем углу какая-то большая цветная буква не наша. Но написано разборчиво:

«Уважаемый господин председатель советской власти в селе Сладчанка, если его еще не до конца разорили большевики!

В первом письме папаша наш напомнил о себе, о нашем роде купцов Кутельниковых, вынужденных покинуть родину в горький час большевистского нашествия. Папаша наш уже ушел в мир иной, но оставил завещание, часть которого, касаемая его родной земли, я вам уполномочен сообщить. Как вы знаете, в селе было построено три небольших

магазина, которые много лет исправно снабжали крестьян не только сладостями и спиртными напитками, но и предметами, сугубо необходимыми в крестьянском хозяйстве, как-то: плугами, боронами, наковальнями, кувалдами, топорами, пилами, точильным инструментом, инструментом слесарным и столярным и пр. и пр. Как вспоминал отец, бежали они столь скоро, что даже не сумели достать припрятанное на подобный случай золото и драгоценности. В первом письме он не стал подробно излагать, где заложен клад, полагая, что вы дойдете до него, подвергнув слому старые магазины. Ведь советская власть наверняка возвела прекрасные маркеты, заваленные товарами.

Но вы не послушались его, более того, ваш ответ оскорбителен и вполне дает мне сегодня право, как распорядителю наследства, отказаться от помощи вам. Ведь значительная часть найденного богатства должна быть направлена на улучшение жизни граждан села, а именно это было целью подобного распоряжения покойного батюшки. Ваше письмо я возвращаю, потому что не хочу, чтобы наши потомки через многие годы удивлялись и возмущались вопиющей неграмотностью и пошлостью, если не сказать — хамством руководителей советской власти.

Как я понял, пускать на слом магазины вы не собираетесь, наверное, это и правильно, если государство не сумело построить новых. Тогда читайте внимательно, возможно, в вашей среде найдется хоть один человек, который сумеет разгадать эту несложную загадку. Все закладки сделаны с наружной стороны здания, потому что у отца не было сомнения: ключи от магазинов у него заберут в первый же день. Оставалась надежда под покровом ночи с привлечением доверенных людей достать драгоценности и скрыться с ними. Когда и такая возможность оказалась иллюзорной, батюшка наш решил положиться на волю божью, и семья поехала с тем, что у нее было. Надо сказать, что батюшка сумел сколотить приличный капитал, который дал нам возможность и вне пределов Родины жить вполне благополучно.

Итак, начиная от левого при входе косяка двери надо влево же отмерить ровно треть соловецкой версты и копать в глубину до двух метров, далее во внутрь здания под углом, равным углу наклона нижней перекладки креста Господня. А потом трижды читать молитву на поиск клада. Уместно напомнить вам, безбожникам, что во время поиска клада не можно быть вне трезвости, не следует говорить, ругаться и тем более материться. Желательно, чтобы работали люди верующие, во всяком случае крещенные и с нательным крестом на шее.

Подобная инструкция подходит для всех трех магазинов. Надеюсь, что разумные люди сохранились, клады будут изъяты и направлены на службу народу.

Остаюсь с тоской по родной земле Афанасий Артемович Кутельников.

Париж, июль 1978 года».

Тут же письмо председателя сельсовета, ответ на первое письмо, возвращенный обратно.

«Не здравствуй и не прощай не скажу тебе, буржуй недорезанный. Запомни, что догнивающий капиталист никогда не обманет бдительного коммуниста. Жалко, что смотались вы от лютой расправы в 17 году, а теперь еще решили нам навредить, чтобы мы по вашей указке изломали все три магазина и оставили людей без снабжения. Мы на вашу провокацию не пойдем, можете не рассчитывать. Ишь, нашли дурачков, сломать магазин, а там нет ни шиша. Так что, дорогие земляки, ни хрена у вас не выйдет, так и передайте своим хозяевам французским капиталистам, и напомните, что мировой пролетариат скоро устроит им свою Октябрьскую революцию.

Председатель сельсовета (подпись неразборчива).

с. Сладчанка, 1964 год».

Пашко несколько раз перечитал французское письмо, пока в голове его не успокоилась мысль, что богатенький землячок не просто так писал эту бумагу, да не один раз. Накинул фуфайку, добежал до дома, стукнул в дверь. Сашко подал голос:

– Кого там несет?

– Открывай, с какого перепугу ты на крючке?

Какое-то шевеление, потом тихий шепот в щель:

– Пашко, я не один. А что случилось?

У Пашка все мысли о золоте враз вылетели, когда он понял, что брательник на самодельной широкой деревянной кровати с девкой покурдывается. Все бы золото променял сейчас на теплое место с краешку.

– Да ладно, – пробормотал он и пошел в котельную. Вот братец, вроде везде вместе, друг без друга разве что в туалет ходим, и когда подхватил деваху, да и кого? Ладно, утром все выяснится, зато про письмо не скажу ему пару деньков.

В котельной все мешки с сельсоветскими бумагами вытряс по одному и внимательно просмотрел – нигде больше ничего про золото не сказано. Проверил горение, сходил в школу, батареи потрогал – пойдет, к утру добавлю. И пошел к магазину, на крыльцо поднялся,

присмотрелся к левому косяку, мысленно стал мерить шаги и ... споткнулся. Третью версты, а верста, наверно теперь называется километром, значит, триста с лишним метров... И в какую степь? Вот сволочь, а написал, что у стены закопано золото! Нет, богач он и есть богач, подохнет, а с простым советским человеком не поделится. «Закопано с внешней стороны здания. Третью версты от косяка». Наверно, от лягушек и шампанского крыша поехала, вот и умолил такое письмо, пусть, мол, земляки вместе со мной с ума сходят.

На другой день пришел к брату в котельную, тот посыпал на топчане. Пнул, дождался, когда в себя войдет:

– И давно ты баб домой водишь, когда я на смене?

Сашко кивнул:

– С отопительного сезона. А куда я ее поведу?

Пашко руками развел:

– Невтерпеж, стало быть? Колись, все еще шупаетесь, или в полный рост?

– Жениться придется, если ее родители узнают, – засмутился Сашко.

– И чья она? – поинтересовался брат.

– Наша, Аниска, Данила Кургузкина дочь.

– Младшая? – уточнил Пашко.

– Средняя.

Пашку взорвало:

– Сашко, ты кого наделал? Ее всю уборочную шофера из кабины в кабину передавали.

Брательник хохотнул:

– И какая беда, если девка покататься любит.

Пашко охватил голову руками и несколько времени не знал, что сказать:

– Ты где ее словил?

Сашко удивился:

– С чего ты взял, что я ее ловил? Сама пришла вечером, ты на смене, у нее бутылка. Выпили, и вперед!

Пашко сплюнул в таз под рукомойником:

– Дурак, тебе назад надо было бежать! Она не иначе как беременна, такую собачью свадьбу отгулять! Скажи ей, что любовь прошла, завяли помидоры.

– Не смогу. Ты же знаешь, что я стеснительный, – вздохнул Сашко.

– Вот сволочь! На бабу залезть он не постеснялся, а слазить боит-

ся. Вот что я тебе скажу, братец. Женись, но жить пойдешь в примаки, я вас близь дома не пущу. Ой, дурак! Тут такие дела возникают, голова кругом, мозгов не хватат, а он удумал. Короче говоря, узнал я из надежного источника, что по золоту ходим.

Сашко вздрогнул:

– Поясни, не доходит.

Пашко стукнул себя по коленку, кот с испугу запрыгнул на печь.

– В том-то и дело, что до меня тоже не доходит. Тут с арифметикой связано и с богом, а мы с тобой на уроках титьки у девок искали.

– Ну, не всегда же, – поправил Сашко.

– На арифметике точно, потому что титьки мне были интересней.

Что такое верста, скажи?

Сашко сразу ответил:

– Ваня Верста с Голой Гривы.

– Дурак! Верста, километр. Притом, не простоя верста, а ...

– Коломенская есть, – вставил Сашко.

– Нет, Соловьиная какая-то. Ну, там много чего надо знать, а откуда? У кого спросишь?

Сашко помолчал, потом поднял голову:

– Викентий Амбросимович должен быть в курсе.

Пашко аж привстал:

– Точно! Только и его надо будет в кампанию брать.

Сашко тронул брата за плечо:

– Ты об чем это все молотишь? «Верста соловьиная, бог с арифметикой». Слышь, браток, может, сегодня к тебе Аниску позвать? Быстро дурь пройдет.

Пашко встал:

– Работай иди, я пошел к Таратутову.

* * *

Викентий Амбросимович Таратутов, бывший учитель математики, изгнан из школы за неистребимый запах перебродивших в желудке спиртосодержащих жидкостей, но сам он этого не признавал, и ссылался на глубокие политические расхождения его методики преподавания математики с официальной, так сказать, демократической, за что отпущен на вольные хлеба. Какую-то пенсию ему платили, и бывший учитель сменил математические интересы на поиск и постоянное употребление ругательных и даже матерных слов и их сочетаний, конечно, из могучего русского языка, а в противовес это-

му стал изучать манеры благородного общества девятнадцатого века и часто пользовался наряду с матерками изящными оборотами речи.

Мало сказать, что Викентий Амбросимович был одной из добропримечательностей села, он был и его тайной. Никто не знал, как этот весьма образованный человек появился в этих краях и как он преподавал свои первые уроки. Вспоминали, что он очень галантно ухаживал за молодыми коллегами, считался самым интеллигентным, и всем молодым людям ставили в пример, что Викентий Амбросимович никогда не воспользуется тем, что остался в учительской один на один с молоденькой химичкой и не станет трогать ее бюст и жадно дышать в ухо. Никто не видел его, например, в раздевалке, когда девушки в уголке, закрывшись занавесками из полушалков, снимали теплые штаны или поправляли пучки ваты, заложенные в лифчики. А учитель физкультуры, например, позволял такие дерзости, за что девчонки его очень любили и каждое лето одна из десятиклассниц на время становилась его любовницей.

Никто не знал личной жизни Таратутова, но в общественной он участвовал очень активно. Играл любовников в постановках драматического коллектива, но прикасаться к женщинам избегал, и, если по ходу пьесы должен был случиться поцелуй, актер приближался к своей возлюбленной, но останавливался в полуметре, и звонкий поцелуй, исполненный за кулисами специалистом этого дела учителем физкультуры, вызывал повальный смех в зале.

Заметив столь интересного человека, партия пригласила его в свои члены, отчего он скороговоркой отказался, а после три дня не вел уроки, ссылаясь на тяжкое и неэстетичное поведение живота своего. Парторг, узнав о столь серьезной реакции, больше опасных намеков не делал. Вот в профсоюз учитель вступил и даже согласился быть членом месткома, что, впрочем, продолжалось до прилета первого самолета сельскохозяйственной авиации, обрабатывающей посеы от всякого рода вредителей. Вся школа пошла смотреть на самолет, потому что до этого такую машину видели только с земли на высоте тысячи метров. А тут вот он, пахнувший всеми ядохимикатами мира, но с крыльями, с большим пропеллером и двумя молодыми парнями в шлемах с наушниками.

Викентия Амбросимовича осенило: он в один момент может стать героем, первым из всей деревни взлетев на самолете, и это решительно изменит отношение к нему возлюбленной Мякеши, которая уже несколько лет близко его не подпускала. Вроде доступная женщина,

редкий мужчина миновал ее постель, а вот учителю не повезло. Он дождался, когда летчики проверили заправку баков ядохимикатами, разведенными привезенной с озера теплой водой, подошел и вежливо обратился:

— Товарищи, прошу понять меня правильно. Я, конечно, совершенно земной житель, рожденный, так сказать, ползать, но, представьте себе, очень хотел бы побывать в небе.

Один из летчиков повернулся к нему:

— Это невозможно, в кабине только два места. Куда мы вас посадим?

Второй летчик вмешался:

— Человек тебе прямо сказал: он хочет побывать в небе. И ему не важно, в кабине или в грузовом отсеке, лишь бы в воздухе. Я вас правильно понял, товарищ?

Таратутов затряс головой столь энергично, что смутил летчиков. Второй, более стоворчивый, предложил:

— Мы работаем до восьми часов. Подходите к этому времени, и мы вас прокатим.

— Можно, я на велосипеде?

— В самолет?

— Нет, что вы, только до аэродрома.

— Это сколько угодно, хоть на хромой кобыле.

Зря он так безответственно сказал про кобылу, без этих проклятых слов, возможно, все сложилось бы благополучно.

Никому ничего не говоря, Таратутов сел на велосипед и поехал на поляну за селом, где разместился самолет, емкости с ядами и бочки с водой. Летчики поужинали и пили чай, заваренный из веточек растущей рядом смородины. Взволнованный гость от чая вежливо отказался, ожидая более серьезных предложений. Наконец, один летчик подошел к нему и серьезно спросил:

— Вы не передумали?

— Нет! — гордо ответил учитель.

— Тогда так. Мы вас помещаем вот в этот отсек. Вы ничего не будете видеть, но почувствуете все то, что ощущает человек в воздухе. Я дам вам наушники и по внутренней связи буду рассказывать, как проходит полет, над какими местами пролетаем, а вы их, конечно, знаете и будете представлять. Ваш позывной — «Орел». Полет продлится минут десять. Вы готовы?

— Да!

На Викентия Амбросимовича надели шлем с наушниками, откры-

ли дверь и велели лечь на пол, застеленный почему-то пестрым деревенским одеялом. Летчик велел лежать спокойно и с этого места никуда не смещаться во избежание катастрофы. Учитель врос в одеяло, летчик воткнул в шлем провод и счастливый воздухоплаватель услышал:

– Орел, я Сокол. Запускаю двигатель.

Самолет загудел, затрясся, мотор набирал обороты.

– Орел, начинаю разбег и взлет.

Рев мотора был страшным, но Орел услышал спокойный голос Сокола:

– Как себя чувствуете?

– Нормально!

– Отлично. Набираем высоту. Слева от нас село, сейчас проходим над школой, поднимаемся выше, справа группа озер, вы, наверное, их знаете.

– Да, я люблю там рыбачить.

– Прекрасно. Вон на озере купаются девушки, подлетим к ним?

– Конечно!

– Если бы их могли видеть, полнотелых и грудастых. Но вы их еще увидите и расскажете, что в самолете, который выгнал их из воды, находились вы. Итак, разворачиваемся и ложимся на обратный курс. Вы себя хорошо чувствуете? А как у вас с сердцем?

– Все хорошо, не беспокойтесь, у меня крепкое сердце.

– Это хорошо, – как-то неуверенно сказал летчик.

И в этот момент стало тихо, так тихо, что Викентий Амбросимович слышал свое дыхание.

– Орел, вы меня слышите? У нас маленькие неприятности, заглох мотор, мы падаем.

– Вы сошли с ума! У меня завтра три урока! Что мне делать?

– Я вас предупредил: лежите на одном месте и не шевелитесь. Одеяло спасет вас.

Дальше произошло страшное. Дно самолета распахнулось, и Викентий Амбросимович вместе с одеялом упал на скомканный брезент, которым летчики укрывают самолет. Придя в себя и сняв проклятый шлем, бедный учитель понял, что никуда он не летал, самолет все время гудел мотором на месте, а потом его заглушили и открыли люк. С трудом поднявшись, Таратутов поплелся к своему велосипеду, но сесть не мог. Тогда к нему подошел возчик воды, закинул за бочку велосипед, посадил учителя рядом с собой и тронул лошадку. Она тоже с трудом поплелась в сторону села, потому что уже вечером подвернула ногу и сильно хромала. Увидев это, учитель заплакал.

После полета Таратугов стал выпивать, возненавидел женщин, потерял авторитет и вынужден был школу покинуть. Но жить остался в Сладчанке, удивлял и пугал односельчан предсказаниями смертей вождей, потом точными прогнозами погоды и определением пола только что зачатого ребенка. Это был хороший приработок к пенсии и довесок к утраченному авторитету.

* * *

Пашко вошел, когда Викентий Амбросимович над электрической плиткой пытался изобрести себе ужин. Отваренный голубь уже синел в тарелке, а макароны все не закипали. Не глядя на вошедшего, хозяин крикнул:

– Возьмите с полка любую книгу и используйте время для познания некоторых деталей бытия ранее живших. Впрочем, что вам попадет под руку.

Пашко взял лежащую на столе открытую книгу и глянул на обложку: «Черная магия». Полистал, подивился на незнакомые знаки и от греха подальше отложил в сторону. Расправившись с макаронами и голубем, учитель подошел к столу и внимательно посмотрел на парня.

– Что привело вас ко мне, мой юный друг?

Пашко вопросы заготовил и даже достал бумажку, чтобы записать ответы.

– Вопросов несколько, Викентий Амбросимович. Первый: что такое соловьиная верста?

Учитель улыбнулся:

– Таковой нет в природе.

– Но была когда-то?

– Я говорю о природе, следовательно, никогда не была. Откуда это у вас?

– Пока не могу сказать. Но верста – это очень важно.

Учитель расхохотался:

– Милейший, вы говорите о Соловецкой версте. Да, такая была. Значит, так. На Севере России есть Белое море, среди вод образовался архипелаг, как бы группа островов, общее название их – Соловецкие. Святая земля, место греха и духовной высоты, подлости и подвига. Да, вы меня расшевелили. Про нее написаны книги правды и клеветы, о! а сколько еще писак попытаются сделать имя на костях великомучеников! Жизнь на островах была еще три тысячи лет назад, государевы люди пришли в пятнадцатом, кажется, веке, а уже в

девятнадцатом там открыли тюрьму. Надежное место, не вдруг убежишь. Ну, а большевички развернулись во всю, Соловецкие лагеря были весьма суровым местом.

— Откуда вы знаете? — невпопад переспросил Пашко.

— Видите ли, милейший, батюшка мой, архимандрит Новгородской епархии, провел там несколько замечательных лет, и рассказы его следовало бы записать, но, увы, я дал подписку о неразглашении. Хотя сейчас — кому это надо?

— А сколько метров в это самой версте?

— Разумный вопрос, сын мой. Версту эту изобрели монахи, обмерили веревками окружность монастырских стен и сказали: сие есть соловецкая верста! И верстовые столбы поставили.

— А в метрах? — не утерпел Пашко.

— Это надо либо вспоминать, либо открыть нужную книгу. Так, вот, ага! 1054 метра.

Пашко записал цифры.

— Слушаю иные вопросы, молодой человек.

Пашко понял, что не рассказав о сути, он не получит ответа. Решился.

— Вот стоит здание. Точно известно, что у здания зарыт клад. Причем, не сверху, а на два метра глубиной. А как найти? Известно, что надо от указанного места пройти треть соловецкой этой версты. И что? В одном месте говорит, что с внешней стороны здания, а в другом — треть версты пробежать. Хрень какая-то.

Учитель засмеялся:

— Никакой хрени. Вы помните, я говорил, как монахи версту определяли. Взяли веревки и обошли вокруг монастыря. Так и вы обойдите от указанной точки вокруг здания... так, 351 метр и 33 сантиметра. Там и копайте.

— Эх, Викентий Амбросимович, нам с братцем не совладать, придется вас в долю брать. Клады эти под магазинами зарыты, которые теперь у Петьки-Парткома в подчинении, а я письмо нашел, которое последние хозяина из Парижа прислали, там все указано, вплоть до молитвы.

— Письмо при вас?

Пашко подал конверт. Учитель быстро пробежал текст и глянул на собеседника.

— А похоже, молодой человек, что все есть чистая правда. Н-да, сейчас зима, и копать мерзлый грунт, к тому же под магазином — опасное дело, шумно, могут пришить попытку ограбления. Хорошо, что

закладка сделана с задней стороны магазинов. Подождите, милейший, а ведь все три магазина построены по одному проекту!

Пашко возразил:

— Да они и не похожи вовсе.

— Правильно, за годы советской власти их обезобразили настолько, что три родных брата стали неузнаваемы. Но я оцениваю по основным математическим параметрам: размеры, высота, даже расположение окон. А что сегодня с задней части магазинов?

Пашко стал вспоминать.

— В центре вроде дощатый склад, раньше тару там держали.

— А сейчас?

— Черт его знает!

— Так, про него больше ни слова.

— Про кого?

— Вот кого вы сейчас назвали. Не надо.

— Понял. Завтра же схожу осмотрю другие. Только как копать мерзлую землю?

Учитель помолчал, потом предложил гостю:

— Обследуйте все магазины, уточните, что у задней стенки. Есть ли ночная охрана. Зарисуйте точно место ввода в здание электропроводки. Найдите друзей, которые работают в коммунальной службе. На это сегодняшней день. Завтра...

— У меня смена, — перебил Пашко.

— Послезавтра с полной информацией ко мне. Кто еще посвящен в тайну?

— Мой брат Сашко.

— Пока довольно. И ни звука. Вперед! А я буду думать.

Думал Викентий Амбросимович под музыку Вивальди, добываемую со старых пластинок на плохонькой радиоле. В это время курил трубку, набитую смесью табака и трав, засушенных и протертых. Это давало ему высоту мысли и в итоге правильные решения.

«А с чего они решили, что земля под сараем мерзлая? Если под навесом грунт сухой, он практически не застывает. Следовательно, можно начать с того магазина, за которым склад. Надо проверить, заперт ли он, можно ли открыть и что там сейчас находится. Это первое. Далее. Я определю точное место закладки по каждому объекту, и потом буду принимать решение. По электричеству. Надо подготовить металлический диск, рассчитать, что надо дополнительно, чтобы он нагревался. Это к электрикам, они соберут конструкцию. Потребу-

ется медный провод, это задача молодежи. Где-то у меня был приличный кусок динамита. Заложить, глубокой ночью взорвать, пока суетсяя, лопатами выйти на нужную глубину. В темноте никто и не подумает бежать на задворки магазина. Это надо осмыслить. Хотя довольно рискованно. Кажется, решение есть. Интересно, есть ли золото? Почему у меня такая уверенность, что месье Кутельников был искренен? Наверное, потому что это русский человек, и последнее прости он отсылал родине. Спасибо, ему это зачтется!»

Так высокопарно закончил свои размышления Таратутов и пошел на останки старой церкви стрелять из рогатки голубей. «Мужчине нужно мясо, нужен белок, иначе он перестает быть мужчиной», — так рассуждал он, не беря во внимание, что мужчина в нем пропал в момент падения из самолета на балясистое деревенское одеяло, а сцены, которые он устраивал Мякеше и нескольким другим женщинам, должны были хотя бы делать видимость его мужской состоятельности.

* * *

Митя Зырянов жизнелюб, баболуб, любит водочку и свой трактор. Ну, если честно сказать, в колхозе Митя был передовиком, а когда пришла пора прощания, он завел «Беларус» с навешенным трехлемешным плугом, кинул наверх борону «зигзаг» и тронулся в ворота машинного двора. Механик Кафтайкин сам имел виды на этот трактор, но не успел его спрятать. Он выскочил вперед и встал в воротах, раскинув руки крестом. Митя хорошо знал, что Кафтайкин хоть и грозный, но на передок слабоват, отскочит. Но тут же понял, что тюрьма неизбежна, когда увидел падающего Кафтайкина, но механика от смерти, а тракториста от тюрьмы спасло то, что пал-то он повдоль трактора, и Митя увидел его, ползающего на карачках, в заднее окно. Чуть труханувший, Митя приоткрыл дверь и крикнул:

— Ну, что, мелкий жулик и расхититель социалистической собственности? Мало тебе двух тракторов, которые ты пригнал из Нестеровской бригады и поставил в дальний угол сарая? Так ты еще хотел завладеть моей любимой машиной? Не выйдет!

Кафтайкин, отряхнув штаны, ответил:

— Трактор у тебя заберут, его главный инженер облюбывал.

Митя засмеялся:

— Жизнь — штука крутая, если бы бабы, которых я облюбывал в свое время, все моими стали, у меня был бы гарем поболее, чем у этих нефтяных королей, у которых половой инстинкт просыпается толь-

ко на молодой месяц. Ты видел, у них молодой месяц пролетарско-крестьянским серпом изображен где надо и не надо? Инженеру отдашь картофелеуборочный комбайн, который он по пьянке купил на выставке и от стыда прячет в гараже под брезентом.

Первой же весной Митя стал самым уважаемым человеком на селе. Каждому надо вспахать огород, а трактор в комплекте только у Мити. Утром ему давали список, к вечеру он возвращался домой с полными карманами денег. Все лето без работы не жил, дом перекрыл широким крашеным железом, от водопровода протянул в дом трубу, запустил котел обогрева и самое главное: в маленьком пристрое к дому сделал туалет, установил фаянсовый унитаз, а всю радость сливал в закопанную перед домом цистерну с колхозной заправки, которую купил у ночного сторожа за коробку «фунфурей». Дно цистерны вырезал сваркой, а в яму вывалил два самосвала крупной щебенки, за ящик водки привезли ребята с ремонта большой дороги. Вторую пятилетку всей семьей всю отработку сливают в бочку, и не разу не откачивали. В общем, молодец Митя!

Но его широкая натура хотела чего-то великого. Раньше, при коммунистах, он мечтал получить звезду героя, и получил бы, потому что работал больше всех, хоть и выпивал, но с начальством ладил, осенью пахал зябь на «Кировце», больше тысячи гектаров выгонял, все проверяли, нет ли приписок, нет, все чисто, Митины рекорды никто не мог побить. Два ордена дали, большой чин, который ордена вешал, так и сказал: «Звезду тебе уже куют!». Хрен тебе не звезда. Выскочили на телевизор эти проститутки худосочные и цельный вечер пропрыгали, лебеди общипанные. И началось.

К осени работы стало меньше, и загорелась у Мити душа: воздвигнуть себе памятник. Дурная, конечно, мысль, но покоя не дает. А с кем посоветуешься? Пошел к Викентию Амбросимовичу, все-таки ученый человек, рассудит. Таратугову так эта мысль понравилась, что он предложил немедленно заводить трактор. Пришлось достать бутылку и несколько компаньона остепенить. Выехали в полночь, как тати.

Но еще днем Митя кинул топор в люльку мотоцикла «Урал», который получил как победитель областного социалистического соревнования пахарей, и поехал к Горе. Гора огибала село с двух сторон и уходила дальше. На Горе были пашни, под Горой поймы, старицы и заливные луга. В приовражном колке срубил тоненькую осинку, навострил колышков, поднялся наверх, вбил колышек, шагами отмерил метров двести, вбил другой, потом еще и еще по одному ему по-

нятному порядку. Колышки вбивал так, чтобы снизу их видно было. Спустился на мотоцикле аккуратно, и давай снова колья вколачивать. Вот к этим колышкам, первому с краю, и подвез он Таратутова, дал ему в руки фонарик и велел включить, как только трактор начнет спускаться. Поднялся по пологой дороге, настроил маршрут на фонарик и заглубил плуг. Трактор пошел тяжело, но под уклон его хоть держи, борозду проложили ровную. По команде Мити учитель перебежал от кола к колу и работал маяком. Митя поднимался в объезд, находил нужный ориентир, заглублялся и плыл вниз. Работу закончили затемно, потому полюбоваться не пришлось, уехали домой уставшие, но довольные.

Недоспавшего Митю разбудил крик матери:

— Ой, тошно мне, тошнехонько! Что же ты натворил, чтоб тебя лихоманка затрепала! Это же тюрьма тебе, а у меня ни сухарика...

Митя выскочил в ограду. Соседи, собравшиеся выгонять коров, молча смотрели в одну сторону, и Митя знал, куда. Он прямо в трусах подбежал к воротам и просиял. Три жирных буквы, обозначающих самое сокровенное мужское достоинство, были как нарисованы на склоне Горы. Понимая, что разборки неминуемы, он схватил с залавка свежий калач, быстро завел мотоцикл и упалил к учителю. Тот безмятежно спал.

— Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

Викентий Амбросимович присел на кровати и спросил:

— Поедем допахивать?

Митя засмеялся:

— Засевать! Вы гляньте в окно, и прочтите ваше любимое слово на склоне вековой Горы.

Учитель кинулся к окну и отскочил, как ошпаренный:

— Дмитрий, не имею чести знать ваше отчество. Вы совершили историческое деяние, теперь на долгие годы это слово будет украшать мир и напоминать людям, особенно женщинам, об исторической миссии человечества.

Митя кивнул:

— Хреново только, что менты в этой миссии ничего не понимают. Я так думаю, что через часик меня будут искать.

Учитель встал посреди комнаты в застиранных кальсонах с неизвестно откуда взявшимся глобусом в руках:

— Дмитрий, я вас не выдам!

Митя махнул рукой:

— Ладно, поезду сдаваться.

У сельской администрации стоял милицейский «воронок» и три милиционера вместе с главой местной власти ухохатывались, хватаясь за животы. Митя заглушил мотоцикл и обратился к лейтенанту:

— Сразу увезете или сход соберем, чтобы проститься?

— Так это твоя работа? Ну, голова! Как ты до этого додумался?

Митя понял, что не все так плохо.

— От избытка чувств. Скучно живем, нет места подвигу, а душа просит простора. Вот, разметил и пропахал. Красиво?

— Слушай, а почему бы тебе другое слово не пропахать? Например, фамилию президента. На весь мир прославился бы, — предложил лейтенант.

Митя кивнул.

— Это я могу. Впереди это члена еще много места.

Лейтенант посмотрел сурово:

— Ты мне этого не говорил. За мелкое хулиганство я тебя привлеку, штрафом отделаешься или на тракторе дрова пенсионерам повожишь. А за такие речи... Ну, ты понял.

С тех пор каждую весну на свежей пахоте вперед, чем кругом, зеленела трава, и буквы выпирали, а потом трава желтела, и опять выделялась на фоне зеленеющей окантовки. В общем, слово читалось от снега до снега. Митя полмесяца прожил в райцентре, устроившись на квартиру к незамужней социальной работнице. Он жил бы и дольше, но из деревни позвонили, что скопилась очередь на вывозку дров.

* * *

Сашко до окончания восьмилетки ни разу не был за пределами Сладчанки, уже весной, перед выпуском, мальчишек возили на приписку в военкомат, вот там на медкомиссии и упал в обморок брат Пашко, когда девчонка-лаборантка кровь из пальца брала. Пашке дали ватку понюхать, и он ушел, стыдливо прячась от девушки, которую напугал до слез. Сладчанка была для Сашки целым миром. Он знал все ягодные места в лесу, по грибы ходил с тележкой, к платформе наращивал борта из тесин, и привозил полнехонький воз. Мать раскладывала сухие и грузди отдельно, заливала водой, и дня по три вымачивала, промывала, чистила, а потом солила в старинном дубовом боченке. На всех старицах, которые окружали село, Сашко знал самые «клевые» места, прикармливал рыбу, как это делали старики, потому улов всегда был добрый.

Сашко любил Гору, которую испохабили Митя с Викентием Амбросимовичем. На горе сохранились очертания окопов Гражданской войны, рыли их колчаковцы, а красные шли лугом, их было хорошо видно, и, наверное, вот из этого окопа были убиты хорошие ребята-красноармейцы. Сашко ложился в ложбинку окопа и осматривал луг — да, обзор хороший. Здесь же бегали ящерицы. Шустрые, они стояли, опершись на передние лапки и приподняв змеиные головки, пока Сашко не наклонялся, чтобы поймать — сразу исчезали. Однажды он ухватил одну за хвост и ужаснулся: хвост в руке шевелился, а ящерица убежала. Опасаясь, что она погибнет, Сашко больше не гонялся за ящерками, просто любовался со стороны.

В первых лесках он находил муравьиные кучи, близко не подходил, потому что видел множество дорожек, по которым деловитые муравьи бежали по своим делам или несли домой добычу. Несколько муравьев, подхватив муху с двух сторон, несли ее на задних лапах, так мужики несут тяжелое бревно или двутавровую балку на машинном дворе при колхозе. Сашко сламывал сухую осинку, опирался на нее грудью и зависал над муравейником. Какие картины открывались перед ним! Нет, люди никогда не будут жить так дружно и так понимать друг друга. Их тысячи только сверху, а старики говорят, что внутри муравейника целый город, и не следует хоть как-то нарушать их порядки. Но Сашке приходится, девочка Нина, приехавшая из города в гости к соседям дяде Илье и тете Фросе, отказалась выходить вечером и целоваться с Сашкой, потому что он рябой. Тогда он узнал, что от веснушек помогает муравьиный яд, который они выбрасывают, если сверху пошевелить гнездо. Сашко так и делал, наклонялся над муравейником и шевелил веточкой по верху. Сотни муравьев обливали его чем-то кислым и едучим, но Сашко терпел ради девочки Нины. Когда возвращался домой, все лицо горело, глаза сузились, он умывался холодной водой, но утром, посмотрев в зеркало, чуть не плакал: лицо было, как после большой драки. Девочка Нина уходила на соседнюю улицу и целовалась с отличником Олегом, которого Сашко возненавидел и поколотил бы, если бы мог. Он вообще не умел и не любил драться. А вот Пашка умел и любил, поэтому был здоровым и сильным, что и спасало Сашку от многих неприятностей.

Потом к другим соседям приехала из города девочка Катя, которая сама вечером подошла к Сашке и предложила дружить. Сашка сказал, что он рябой. Катя пропела какую-то частушку, что рябой — на базаре дорогой, и они две недели целовались на крыше сарая Ка-

тиных родственников. «Ты что-нибудь чувствуешь, когда целуемся?» — спросила Катя. Сашко ответил, что чувствует, что она ела или окрошку или салат с луком. «Вот дурак! — сказала Катя. — «И больше ты ничего не чувствуешь?». Сашко пожимал плечами. «И груди мои не чувствуешь?» — изумлялась она, расстегнув кнопки кофточки и показав два крохотных бугорка. Сашка смутился, спрыгнул с сарая и больше с Катей не встречался. Вспоминая это, Сашко улыбался, и ведь и было совсем недавно, года четыре назад, а нынче приехала Катя — девица, к которой не подойти. И фигура красивая, и груди настоящие. Два раза специально выходил ей навстречу, думал, узнает — нет, задрожала с парнем, которому осенью в армию идти.

Он вспомнил, что в то же лето приезжала Валя, Валюша, ее бабушка в деревне живет. Сашко пошел в магазин за хлебом, и она тоже, а когда возвращались спросила: «Ты село хорошо знаешь?». «Хорошо» — ответил Сашко. «Давай прогуляемся по всему селу, чтобы я потом сочинение могла написать про деревню». Они сходили к полуразрушенной церкви, Сашко осмелел и даже залез на колокольню, чего раньше никогда не делал. Он хотел пройти по толстому бревну, на котором когда-то висели колокола, но струсил и спустился вниз. «Все равно ты молодец», — похвалила Валя. Потом пошли к тому месту на речке Сухарюшка, где из глубины с силой бил родник, погода была тихая, река спокойная, и вода родника высокой гладкой шапкой поднималась над поверхностью. Пошли к самому страшному месту в селе, которое называется пропарина. Сашко объяснил, что много лет через речку делали насыпной мост, куда валили хворост, солому, тонкие жерди. Все лето и зиму по мосту ездили на склад, так ближе. Весной речка Кизилровка переполнялась, вода сносила мост, и весь мусор оседал в глубокой ложине, быстро закисло, бродило, изрыгая из глубины своей выбросы вонючих газов. Пропариной пугали детей, к ней действительно, страшно подходить. Бывало, телята и коровы с дуру залетали — все, затягивало, что и смазывать не успевали. Теперь мост сделали железный, с бетонной плотиной и металлической заслонкой для сброса лишней воды. Пропарина постепенно иссякает и прежнего ужаса уже не нагоняет.

Прошли по новой колхозной улице из двадцати двухквартирных домов. Палисадники и наличники покрашены, ворота разрисованы, над каждым домом телевизионные антенны. «А ты прочитала, как называется улица? Не успела? «Улица ранних зорь», потому что живут тут механизаторы и животноводы, работники, которые встают

раньше других, потому и ранних зорь. Председатель у нас был такой, стихи писал и в клубе в концертах со сцены читал. Народ его любил, а начальство нет, вот и перевели куда-то на повышение».

Подошли к магазину, Сашко сказал, что их три таких в селе, старинной кладки, стены метровые. Сашко тогда еще не знал, как тесно ворвутся в его жизнь эти магазины...

Когда не стало колхоза и обязательной колхозной работы, Сашко с вечера проверял удочки, осматривал тройчатки-якоря из крупных крючков, то на шуку или крупного окуня, готовил прикорм из отрубей и каши, на задворках в основании кучи навоза копал верхний слой земли и собирал толстых и жирных червей. Попадались и белые «лежни», толстые и почти неживые. Их любят налимы и лини, да и окунь не брезгует. Насобирав половину консервной банки, Сашко присыпал червей влажной землей, и шел в дом. Пашко от рыбалки отнекивался, ему от отца ружье досталось, и он ходил осенью на соседнее болотце, дожидался кучки косатых или крякв на кормежку, и успевал подбить пару. Раздевался, лез в холодную воду, доставал подранков и гордо нес домой. Вечером прибегали сестры, Параня с Гараней, одна рыбу чистила, другая уток теребила. Осень, утки нагуляли жир перед перелетом, на два варева хватает. Но однажды подбехали на машине люди в форме, попросили документы, у Пашка их нет, забрали ружье, ладно, что без штрафа обошлось. А стрелял Пашко метко.

Тогда вместе стали на рыбалку ходить, с вечера соседку тетю Дусю попросят корову подоить и в табун отправить с теленком, а сами рано утром на старицу, что в двух километрах. Прохладно, штаны вмиг намокнут в росистой низинной траве, вода чмокает в резиновых китайских кедах, но на берегу костер разведут, чайник есть, хлеб, кусок сала, лук, соль. Было у них два любимых места, а тут вышли на чужое, хорошо обжитое, спуск к воде ступеньками оформлен, шалаш в густых кустах на случай ливня.

- Хозяина нет, может, посидим тут? — предложил Пашко.
- А коли придет, да взбучку устроит?
- Не должен, нас двое, да мы и спорить не будем, сразу уйдем.
- Ладно, если кто из наших, — опять усомнился Сашко.
- Понятно, что из наших, сговоримся.

Клев был сразу хороший, натаскали чебачков, подъязков, Пашко трех щук на крюк вытащил, не сильно большие, но приличные, можно будет засолить, все зимой пригодится. Костер развели, чай из шиповника заварили, сахарку сыпнули горсть, налили по кружке.

— Суп вам с мясом, да чай с сахаром, — услышали с высоты берега. Вскочили: дед Архип-Знаменосец.

— Здравствуй, дедушка Архип. А пошто без снастей?

Архип спустился к воде, сел на траву:

— Снасти пришлось собрать, нет клеву. Да мне и не надо, так, время провести.

Пашко догадался:

— Дед Архип, а мы не твое место заняли?

Старик, хмыкнул, только глаза повеселели:

— Я следом шел, а когда вы на мою чистинку сели, не стал спугивать, пошел на вашу. Рыбачьте, парни, я без обиды.

Сашко сполоснул в воде свою кружку и налил чаю гостю.

— С удовольствием. Сашко, дайка мне кусочек сальца, че-то вдруг слюнка потекла.

Помолчали.

— Да, не стаёт рыбы совсем, — вздохнул дед Архип. — Я с детства был отчаянный рыбак, по неделе жил на старице. Днем траву пособираю, домой принесу подвяленную, дедушка мой Антип выберет, какая правильная, а остальную соберет в горсть и скажет: «Снеси, Архипушка, ягняткам, им пользительно вольной травки подсушенной вкусить».

— А рыба как же? — не выдержал Сашко.

— Ничего не пропадало. У меня нож вострый, дощечка, весь улов почишу, попластаю по спинке, и в корчагу, все лето со мной жила корчага. Ухожу — притоплю в воду, никто и не видит. Вечером посолою, утром вынимаю рыбу, и на веревочку между двух колышков. На солнце да на ветру она моментом подбывает, вот тогда в ящик и сверху придавить большим камнем. Все было припасено. За неделю слежится — пальцем не выколупать. Еда была настоящая.

Сашко ближе жметя, интересно ему:

— Дед Архип, а как ты в разведку попал?

Старик побряхтел, толи вспоминать не хотел, толи вопрос не вовремя, но ответил:

— Попал по глупости. Я же двадцать пятого года рождения, а в венкомате соврал, что с двадцать третьего. Справку в сельсовете у секретарши, девчонки знакомой, выпросил. Я же рослый был, вот и взяли. Как-то еще до передовой устроили командиры борьбу, шайка на шайку. Меня кто-то сразу в морду кулаком, вот и завертелось, и своих, и чужих в одну кучу сложил. Какой-то высокий чин видел все

это, велел меня отмыть и перевязать и с собой забрал. То была полковая разведка. Конечно, учили, и карту, и приметы разные. Только мне везло. В сорок четвертом, я уже во фронтовой разведке служил, направляют нашу группу в тыл, нужен высокий офицер с документами. А где его взять? Нас семеро, лежим у хорошей дороги, паренек наш по радиции засек, что большой чин будет ехать по этой дороге, кто-то кому-то передал, чтобы встречали. Командир наш решил его брать, а узнаем по охранению. Если впереди и сзади будут мотоциклисты, значит, важная птица. Часа через два едут. Ну, как что делать — это было отрепетировано. Наши ребята умели с тридцати шагов закидывать гранату в ведро, учебную, конечно, так что боевую в люльку мотоцикла можно, если не суетиться. Гранаты кинули, а машину трогать нельзя, нам человек живой нужен. И командир крикнул: «Не стрелять!». Из машины выскочили трое, а у нас распределено, кто бьет, потому что хором мы тут наломам дровья. Вот тут и кинулись к машине, он, падла, сумел из пистолета одного уложить, дверцу распахнули, на погон поинтересовались, кляп в рот, руки веревочкой за спиной, и побежали. Ну, то, что я вам рассказал, только в кино бывает, я диву даюсь, как они в телевизоре на ходу друг по другу очередями из автомата, и ни один не упал. Так не бывает. Не успели мы до леска добежать, а к месту захвата целый грузовик ребят подъехал, понятно, что мы с бугра, как на ладони. Выстроились они в цепочку и побежали. Командир кричит: «Их двадцать человек, надо оттянуть хоть на километр в глубь и дать бой.» А мне приказывает с генералом бежать без остановки. Ну, понятно, что генерала так не гоняли, как нас майор Злотников, он у меня стал валиться. Я ему пистолет показал и зову вперед. Но сколько он мог? Еще с полчаса, и упал. И я упал. Прислушиваюсь: бой идет. Шестеро против двадцати. Если пропустят хоть троих, генерала мне придется пристрелить. Поднимаю его на спину себе, кило восемьдесят будет. Бегу. А мне же еще линию фронта переходить, а где наш проход, я уже не ориентируюсь. Но по времени догадываюсь, что где-то рядом. Привязал генерала к березе надежно, и пошел в разведку. Точно, стоит небольшое подразделение, похоже, минометчики, балакают, кофе пьют. Я назад, генерала на спину, и в обход. Ночью перехватил меня наш дозор, помогли генерала доволочь, я прошу соединить меня с начальником фронтовой разведки полковником Трутневым. А особист уже тут: «Как это понимать, один, и генерала взял с документами. Ну-ка, документы мне!». Портфель, понятно, у меня в рюкзаке, а я одно свое: «Доложи-

те полковнику срочно: язык взят. Старшина Кукушкин». В общем, нашлись добрые люди, связались с Трутневым, тот сам на «виллисе» приехал, чуть морду не разбил особисту, а тот орет: «Проявил бдительность в сложных обстоятельствах!». Доложил я все честь по форме, что ребята, скорее всего, погибли. И тут меня снова в оборот: «А как ты живой остался?». Говорю, что командир группы приказал генерала доставить, а сам остался прикрывать. Но особисты — это такая порода, они сами себе не верят после обеда. В рыло мне, я дал сдачи, майор давай зубы считать, а рядовые свалили и мнут. В это время заходит человек, а в комнатухе полумрак, свеча горит, и все. Майор орет: «Кто такой, твою мать, почему без доклада?». Человек спичку черкнул, чтоб погон осветить: «Начальник штаба фронта генерал Табаков! Этот боец принес такие сведения, что ими заинтересовалась Ставка, товарищ Сталин дал команду самолетом доставить генерала и документы в Москву. Пойдешь под трибунал, майор. Арестовать!». А меня взял с собой, сказал, что лично товарищ Сталин приказал оформить на солдата награды на Героя Советского Союза.

Сашко аж подскочил:

— Так ты Герой?

Дед Архип засмеялся:

— Нет, брат, майор кому-то доводился кумом, судить его не стали, перевели в другое место, а представитель Ставки при фронте от подписи отказался. Тут через день контрнаступление немцев, и нас гнали километров пятьдесят. Какие тут награды, хоть бы штаны не потерять.

— Дедушка Архип, а почему тебя знаменосцем зовут? — не унимался Сашко. Он со стороны любовался стариком: здоровый детина с рыжей окладистой бородой и богатыми усами, за которыми совсем не виден был рот, а, поскольку дед жил один, никто не знал, как он ест, со стороны казалось, что просунуть ложку через эти дебри практически невозможно, и чем живет старик — оставалось загадкой. Архип-Знаменосец покашлял и стал говорить, что вернулся с войны не сразу после Победы, потому что месяц в сводном отряде репетировал, как идти по Красной площади с немецким плененным штандартом, как круто разворачиваться и разом с другими ребятами бросать свой флажок в общую кучу. Ничего поначалу не получалось, особенно с разворотом, да и строевой шаг за войну сменили на шаркающую походку. Но полковник велел кормить бойцов вволю, час после еды отдыхали, а потом, разобрав обструганные палки с неношенными портянками, под капитанское «ать-два!» ходили по плацу, организован-

ному на подмосковном аэродроме, круто разворачивались, мешали ряды, матерились все от рядового до полковника. Через неделю такой безделицы полковник на утреннем построении сказал, что этот проход с фашистскими знаменами будет основной частью большого парада на Красной площади, а на трибуне будет стоять Сам. Потому, если, оборони бог, что-то будет не так, как пообещали Самому, весь полк знаменосцев, как его прозвали, лишится наград и поедет в Прибалтику и на Украину добивать бендеровцев и «лесных братьев». За три дня до назначенного времени полк вывезли в столицу, и тренировки пошли ночами. А Архип после последней контузии стал плохо видеть в темноте, боялся, что «куриная слепота» к нему привязалась, дослуживал в помощниках у майора Злотникова, и на первом же проходе порушил к едреной матери весь строй. Капитан дал команду «Стой!», быстро вычислил, кто виноват, взял мужика за грудки и притянул к себе: «Дыхни!». Капитан был отличный строевик, но он не предполагал, что может выкинуть солдат, три года проходивший во фронтовой разведке, имеющий все боевые ордена и медали, кроме командирских, к тому же не раз контуженный и урвавший воли под крылышком у начальства за очень удачных «языков». Архип напротив, вдохнул, поднял над толпой бараний вес капитана и кинул, на кого бог нанесет. Капитана поймали, он пришел в себя и, заикаясь, сказал, чтобы больше он этого бойца не видел. На другой день Архип Кукушкин поехал домой. А в письмах бабенкам, которых обихаживал не пяток ли штук, успел хвастануть, что трофейные знамена станут кидать по Красной площади. Но парад проходил, когда Кукушкин травы косил на заливных лугах для колхоза. Из пятерых только одна осталась при деле, а четыре непримиримых неожиданно объединились и сдали Архипову хвастню всему бдительному обществу. С тех пор стал Архип именоваться Знаменосцем.

Архип улыбнулся и встал:

— Рыбачьте, ребята, а я домой.

* * *

Параня и Гараня вечерами тосковали до сладких девичьих слез. В клубе под потолком одна лампочка, полумрак, ни гармошки, ни песен и плясок. Матери их рассказывали, какие игрища устраивали в деревне, не смотри, что сенокос, а обмылись в теплой баньке и на площадку ко клубу. Тут тебе и Витя Андреев, гармонист не сосчитать, в каком колене, прадед его еще девок балалайкой завлекал, говорят, у

него эти три струны такие мелодии выводили, что не только бабы — нетронутые девки плакали. И дед играл, начинал с балалайки отцовской, а потом гармошку из армии привез, тальянку. А отец уже гармошку освоил, трехрядную хромку, а с войны принес трофейный баян. До крайности освоить время не хватало, надо было колхоз поднимать, но Витька подрастал, чтоб механизм не застаивался, доставал Андрей баян из футляра и сын с полчаса меха продувал. Как-то Андрей повернул инструмент, а внизу медная табличка, и на чистом русском языке на ней выбито: «Московская государственная консерватория». Андрея аж мурашки пробрали: инструмент-то казенный, мало ли, как он тебе достался, а как честный советский человек, коммунист к тому же, должен был ты его из фашистского плена вернуть по месту прописки. Никому ничего не сказал старый боец, а в консерваторию написал: «Так, мол, и так, в освобожденном Берлине на квартире одного большого генерала увидел сей инструмент и спросил командира взвода старшего лейтенанта Соколова, можно ли реквизировать баян, потому как в родном колхозе средств не хватит такую машину купить, а после войны народ развеселивать надо, хватит, поплакали. Лейтенант согласился и бумажку написал, что бойцу Андрееву этот баян достался как военный трофей и принадлежит по праву. И только вчера я случайно обнаружил этикетку вашу и прошу мне сообщить, каким образом баян выслать обратно в консерваторию». Недели через три получил он пакет, в котором директор филармонии на официальном бланке благодарит солдата за сохранение для родины этого инструмента и пишет, что решено баян этот за номером 154-И навечно подарить Андрееву Андрею как память о войне. И подпись, и печать.

Витька быстро стал инструмент осваивать, любую песню, любую музыку по радио услышит — тут же сыграет. И почему его отец на учебу не отправил? Бедность, конечно, но сестры Пeryшкины нахвалиться не могли Витькиной игрой. Ни одна свадьба без него не обходилась, деньгами тогда неприлично было рассчитывать, а водку Виктор не пил. Весь вечер баян с колен не убирал, а утром снова то за столом, то по улице пойдут с песней, пока хозяева со столов уберут и по новой накроют. А теперь... одна пара там, другая тут жмутся. Тоска.

— Параня, может, в самом деле взамуж выйти и жить начинать семейно, а то останемся, как матери, без мужиков.

— Ну, ихних-то женихов война оженила, а у нас какой выбор? Мне вот Венька глянется, так он на меня ноль внимания. Абы за кого — тоже

не шибко охота с нелюбимым всю жизнь под одним одеялом. Да и противно, полезет к тебе, а в душе пусто. И что? Стонать, как в кино?

Гараня помолчала. Права сестра. Хоть и не приятны ее речи. Она вот за Федюшку бы пошла, да у Феди Лида есть, и не отобьешь.

Шли, разговаривали. Только с коровами управились, еще светло. Навстречу Архип-Знаменосец, высокий, прямой, бородатый.

— Здравствуйте, дедушка Архип.

— Здравы и вы будьте, красавицы.

— Да какие мы красавицы, никто замуж не берет.

— Эка причина для тоски! Возьмут, корыстны ваши годы! Это мне, старику, одному куковать.

— А почему бы вам не жениться? Мужчина вы крепкий, статный, только вот бороду сбрить, и на свадьбу.

Знаменосец засмеялся:

— Бороду брить нельзя, я с бородой с войны пришел, с бородой и в гроб лягу. Потому что лицо мое избито и изрезано в рукопашных боях с противником, его людям показывать нельзя.

В это время к ним подъехала та самая машина с теми же парнями:

— Привет, девушки. Ну, что надумали?

— Привет, привет. А ничего не надумали. Узнали мы, для какой надобности вы нас вербуете. Поезжайте дальше, а то братьев свистнем.

Парни переглянулись, один вышел из машины:

— Девчонки, подойдите поближе, не на всю же деревню базарить.

А ты, дед, валил бы домой к своей старухе.

Сидевший за рулем схватил за руку Параню, вышедший сгреб в охапку Гараню и сунул в открытую заднюю дверь, перехватил орущую Параню и пихнул в машину. Чья-то сильная рука урвала его за шею и кинула на землю.

— Девчонки, вылезайте, а я с ребятами потолкую, — крикнул Архип-Знаменосец и одним движением выдернул парня из-за руля. — Ребята, так за девушками не ухаживают.

— Глеб, сделай ему, сделай, он мне руку вывернул.

Лежавший на земле Глеб поднялся и прыгнул на спину старика, нанес несколько ударов ножом в бок, Архип еще сумел перекинуть его через голову и упал на землю. Парни бросились в машину, и она рванула с места, оставив облачко вонючего дыма. Девчонки кинулись к старику, увидели его открытые неживые глаза и отпрянули. Сбежался народ, позвонили в район. Скорая и милиция приехали через час. Милиционеры записала рассказы Парани с Гараней, заг-

рузила тело деда Архипа в скорую, и машины ушли. Народ, впервые за много лет собравшийся такой большой кампанией, молчал, только изредка какая-нибудь бабенка тяжело вздыхала. Все чувствовали, что в селе не стало чего-то высокого и значительного.

— Архип Петрович был последним участником Великой Отечественной войны в нашем селе, — сказала Мария Васильевна, бывшая учительница, и заплакала. И многие утирали слезы. Село вздыхало о последнем фронтовике и обо всех своих воинах.

Через три дня, в субботу, во двор сестер Перышкиных вошли три человека, постучали в окно, напуганные девчонки запирались с раннего вечера.

— Свои деревенские мы, открывайте.

В избу вошли два брата-тихони, Антон и Артюха, и их отец, слесарь Вакарин.

— Девчонки, вы моих парней знаете, они толковые, работающие, только больно в себе замкнутые, мать их такая же была. А пришел я к вам вот по какому делу: женить вас хочу, вы сами разберетесь, которая кого примет. Девчонки, будете как за каменной стеной. Они хоть и тихие, но себя в обиду не дадут и вас тоже. Одни останетесь в своем доме, одни в нашем, а я перейду к теще, она уж в больших годах, одна не может. На обзаведение хозяйством все дам, у меня припрятано на черный день. Тогда я пошел, а вы тут разбирайтесь.

Деревня не знала еще такого сватовства, чтобы молодых сразу оставили одних, да еще парами. И пары-то не определились. Девки побойчей, давай разговор заводить:

— Парни, а что это вы жениться надумали?

— Батя заставляет. Говорит, хватит дома сидеть, всех девок разберут.

— Ну и как вы будете жениться, вот мы две невесты, как поделите?

Антон, видно, посмелее:

— Параня, ты пошла бы за меня, я бы тебя к себе увел, а Артюха с Гараней в вашем доме останутся. А что про хозяйство отец сказал — все чистая правда, он у казахов на заимке скот держит, даст и коров, и овец, а птицы дома полно.

— Вы, женишки, посидите тут, мы с сеструхой пошепчемся.

Ушли в маленькую комнатку, хоть стой, хоть падай. Не было ни гроша, и вдруг алтын. И смех, и грех.

— А что, Параня, может, это и есть судьба. Дед Архип нас от позора спас, царствие ему небесное. Парни они добрые, их только поправлять, чтобы робили то, что надо. И достаток будет. А чего нам ждать?

Нет, правда? На какой-нибудь гулянке подловит молодец, трахнет и отопрется. И куда потом? Как ты, а я согласна. Обожди, мне за которого выходить-то?

Обе пали на кровать и хохотали до колик. Вернулись, парни сидели, как сидели.

Параня спросила:

— Антон, так мы прямо сейчас к тебе идем или как?

Антон встрепенулся:

— А чего тянуть? Постеля заправлена, батя уже у тещи, банька протоплена на всякий случай. Артюха пусть с Гараней остаются, а после Рождества свадьбу справим.

* * *

Утром Пашко отправил Сашко на смену, а сам пошел к учителю. Викентий Амбросимович снова стоял над электроплиткой и варил макароны. Обернувшись на скрип двери, он радостно воскликнул:

— Мой юный друг, что вы скажете про гениальную надпись на склоне горы? Это поистине историческое событие!

— А почему вас как соучастника, не привлекли, Митька один отдувался?

— Ответ самый простой: Дмитрий мог работать и приносить пользу обществу, которому нанес, как некоторые считают, моральный ущерб. Я же работать не могу, а даром кормить никто не будет. Кстати, об ущербе. Жаль, что не было настоящего судебного разбирательства, где я бы доказал, что мы с Дмитрием, к сожалению, не знаю его отчества, если и затронули чью-то мораль, то самую малость, одну мега-миллионную от того вреда, который несет массовая культура и телевидение. Так, молодой человек, вы ко мне по делу или просто навесить компаньона?

— Навесить и по делу. Надо молитву искать, потом учить.

— Искать не надо, вот она, на столе, я распечатал на старой машинке.

Пашко взял лист и начал читать:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. На море, на океане, на острове Буяне лежит сундук деревянный, в сундуке лежит ключ оловянный. Клад лежит, рогатый черт сторожит. Встану я, помолясь, выйду, перекрестясь. Бог в уме, крест на мне. Иду, спешу, глаз не поднимаю, Господа не забываю. Господи, одолей рогатого, одолей черта богатого. Рогатого побивай, богатство его забирай. Дай этот

клад мне, моей грешной душе. Пусть заклятье любое разобьется, к душе моей грешной не подберется. Бог в уме, крест на мне, Божим рабе. Кто девять раз заговор этот прочтет, того ни одно заклинание не возьмет. Дело мое крепко, слово мое цепко. Ключ, замок, язык. Аминь. Аминь. Аминь».

— Ну, как вам текстик? Особенно про рогатого. Напрасно, напрасно, батенька, улыбаетесь, если есть Бог, а он есть, стало быть, есть и антитеза, то есть, его противоположность, значит, дьявол. Его как угодно можно назвать, специалисты насчитывают несколько сот вариантов, а все равно это просто черт рогатый. Не страшно посягать на охраняемое им?

— Посмотрим, — хмуро сказал Пашко и вышел. Молитва смутила его. Он никогда не был в церкви, дома на божничке стоят две старые иконы, но кто на них нарисован, он не знал. Да и мать едва ли знала, каждую субботу протирая их и каждый вечер скоренько молясь.

Откуда у него возникла эта мысль, но первый магазин, в котором работала продавцом дальняя родственница тетка Матренка, Пашко решил взять один. Рассуждал так, что Сашко теперь отделился и живет своим домом, а учитель еще ничего путного в дело не внес, кроме расшифровки Соловецкой версты да устрашающей молитвы.

Высокое крыльцо, магазин каменный старой кладки, стены метровой толщины, дверные и оконные запоры закреплены в кладке и ничем их не выдернуть. Все три магазина приватизировал бывший секретарь колхозного парткома Петр Нестерович по прозвищу Петька-Партком. Он потом всем говорил, что, когда еще парторгом работал, запросил архив, и ему прислали бумагу, что магазины эти построены были его прадедом, и владеет им Петька по праву наследства. Вся эта легенда рухнула разом, когда районная газета напечатала заметки въедливого краеведа, бывшего учителя истории из села Большая Ченчерь, где он перечисляет всех местных купцов и магазины, коими они владели. Вышло, что все три оставшиеся от царизма кирпичных магазина в Сладчанке принадлежали купцу второй гильдии Кутельникову, который вместе с семейством не стал дожидаться революционного суда, скорого и правого, а махнул в Одессу, потом пароходом в Турцию, а оттуда в Европу. Краевед даже писал про письма, которые месью Кутельников якобы присылал властям в Сладчанку и предлагал сломать его магазины и забрать припрятанные там золотые слитки. Власти месью не поверили и ломать не стали.

Ох, как не терпелось, но замок на складе ломать не будешь, вдруг

там что на учете хранится, да услышит кто возню, все-таки не с девкой валындашься, а в частной собственности роешься. Если Петька-Партком узнает про клад — живьем в землю мерзлую зароет. Пришлось хитрить. Ночью тихонько спрятал около сарая лом, лопаты штыковую и совковую, фонарик приготовил. На другой день после обеда зашел к тетке Матренке:

— Тетка, ты во сколько закрываешься?

— В семь, но седни раньше уйду, спину прихватило. Разрешил барин.

— Не любят его в деревне...

— А за что любить? Ты торгуй, но меру знай. Ухватит за рубель, на продажу ставит за два. От людей стыдно. А зарплата? Поневоле воровать начнешь. Ладно, чего тебе?

— У тебя в сарае за магазином никаких бумаг нет? Прямо беда, кочегарку разжечь нечем.

— Пашко, да я там и не была ни разичку. Вот ключ, сходи, погляди, что найдешь — все твое.

Пашко с трудом открыл заржавевший замок, притянул обратно дверь, кинулся к середине стены. Ворох старых мешков и бумажных коробок распиная ногами, лопатой расчистил место. Навострил штыковую, приступил ногой — вся вошла в сухой грунт. Сердце бешено колотилось, но не надо спешить. Инструменты спрятал, замок оставил открытым, ключ унес тетке Матренке, поблагодарил за бумагу.

— Не мешал я тебе, когда там ящики разбрасывал? — спросил между прочим.

— Ничего не слышать, тут же метровые стены, не то, что в наших двухквартирниках, да еще спальню к спальне сделали, стыдоба. Мой после первой же ночи, как наслушался Фроськиных охов да ахов, кровать в детскую перетащил, а для ребятишек кошму у казахов купил во всю стену, да ковром завесил. Ладно, иди, закрываю я.

Пашко приготовил длинную веревку, пришел после управы, когда все по домам и магазин на клямочке, вбил гвоздь в косяк, привязал веревку и аккуратно обошел магазин, просовывая веревку в щели между стеной и складом. Завязал на веревке узел, чтоб не потерять результат. Пришел в котельную, Сашку ничего не сказал, за столом вычислил, что осталось ему за вычетом шести полных охватов намерить двадцать пять метров и еще треть. Пашко чуть не вскрикнул: ширина магазина пятнадцать, длина двадцать, значит, зарыт клад ровно посередине задней стены. Вот идиот этот месье, придумал всякую хрень, нет, чтобы прямо сказать: ребята, ройте посередке!

Пашко вернулся в сарай и стал неистово рыть. Сухой грунт осыпался, пришлось устье расширять, согнутой совковой лопатой вынимать землю аккуратно.

«Сволочи кулацкие, какая нужда была загонять на два метра? Если кто и догадался, то хоть на пять, все равно выроют». Взмок, полежал, понял, что придется для себя площадку заглублять. На метр ушел в землю, другой метр стал рядом долбить. Размеченной палкой ткнул: ровно два метра. «Твою мать, а как во внутрь-то рыть? И сколько? Сказано было, чтобы не материться, а я гоню. Тьфу, про молитву забыл. Нет, не я буду, если не добьюсь. И платформочку-то под ноги надо было спереди делать, а не сбоку. Сейчас бы и в вовнутрь легче было».

Рыл неистово, кухонным ножом колупая слежавшийся грунт, с головой опускался в яму, выгребая горстями комочки. Голова кружилась, пот заливал лицо. Захватил полную грудь воздуха, опустился в яму и... сорвался. Одна рука внизу, другая зажата в между стенкой и телом. Пашко пережил испуг, лихорадочно перебирал все возможные способы выбраться. Орать — опасно, да и бесполезно, кто услышит? Поймал черен лопаты, упер ее в днище ямы, левой рукой оперся в землю, правой подтягивался на черене. Удалось носком сапога уцепиться за край платформочки. Подтянулся еще, сломал ногти на левой руке, пытаясь хоть как-то ухватиться за стенку. Вроде удалось, с трудом вылез из ямы и упал на спину.

«Надо бы за Сашком сходить, он со свежими силами», — подумал и отказался: сам начал, сам и доведу до конца. Мысли не было закурковать богатство, видно, самолюбие взыграло. В двух метрах от стены начал копать ступеньками до самого дна, вот тут и во внутрь пошло ловчее. Копал большим ножом, под уклон, как нижняя перекладина креста. С трудом выгребал землю, и уже не оставалось свободного пространства, хоть вылезай и снова выгребай землю наверх. У парня сердце екнуло: ножик уткнулся во что-то мягкое и податливое. Он уже смело лег на живот, зная, что по новому проходу сумеет выбраться, и засунул руку в нору. Ухватил что-то мягкое, потянул, выволок небольшой кожаный мешочек. Сунул его под мышку и включил задний ход. Отдышался, сел на краю канавы, достал мешочек и осветил фонариком. Несколько десятков монет. Вынул одну, протер — блестит. Золото. Бросил монету обратно, мешок спрятал в карман фуфайки. Хотел было закидать яму, и вдруг подумал: «А если там не один мешочек? Что же я дурку гоню! Надо искать».

Как потом хвалил себя Пашко, потому что еще два мешочка вы-

волок, только там было золото плашками. Яму он с трудом завалил, и, не заходя к брату, побрел домой. Аниска встретила по дороге:

— Привет, Пашко. Ты что такой грустный?

— Устал на работе.

— Ой, не заливай. Я в котельную заходила, Сашко там с ребятами в карты режутся. Я ему мигала-мигала — все по фиг, одни козыри на уме. Слышь, Пашко, давай, я тебе подмигну?

— Нет, Аниска, никак не могу сегодня, еле ноги волочу.

— А ты с каких это приисков, полные руки инструментов?

— Ты не поверишь, Аниска, с золотых.

Аниса весело захохотала и побежала искать свои приключения.

Пашко спрятал под кровать мешочки, завернутые в старую холщовую тряпицу, и уснул тяжелым сном.

* * *

Ему поочередно приснились Викентий Амбросимович, черт и голая Аниска. Таратутов, ставший безобразно полным и медлительным, сразу объяснил перемены неумеренным питанием, потому что голуби содержат в своем мясе еще неоткрытое учеными вещество, сильно влияющее на мужскую силу, а коли у него нет выхода этой энергии, вся она скапливается и однажды вырвется на волю.

— Вот тогда, тогда, — грозно произнес учитель, — пусть Мякеша будет готова к великим испытаниям, я отомщу ей за поруганную мужскую честь.

Таратутов рассуждал, как будто клад уже найден:

— Куплю себе новые туфли, пошью костюм с отливом — и в Ялту!

Пашко уже слышал когда-то эту фразу, но представить Амбросимовича в новом костюме не мог. Потом появилась Аниска. Правда, не совсем голая, на ней был перстень с блестящим камнем и цепочка на шее с большой Сашкиной фотокарточкой с комсомольского билета. Она села напротив на шаткую табуретку и положила ногу на ногу. Мощные груди, которые Пашко до этого видел только через кофточку, нагло топорщились и дразнились. Он сразу понял, что Аниска пришла его охмурить и утащить холщовую тряпку с золотом. Девка не без умысла молча перекидывала ногу на ногу, и тогда еще более соблазнительное видение являлось бедному парню. В это время заорал кот, упавший с полатей на горячую плиту, и Аниска исчезла. Но дел она натворила, Пашко повозился в постели, завыл и пошел колоть дрова. Чуток охлынув, вернулся и снова уснул. Сразу краешек одеяла приподнял какой-то урод со свиным рылом и хихикнул:

— Узнал? Эх, Пашко, зачем ты полез за чужим? Сказано тебе было, что я его поставлен охранять, нечто ты не знаешь, на что черти способны? Я вмиг могу превратить тебя в зверя любого или, того хуже — в депутата. Я, правда, не знаю, кто это есть, но по тому, как матерят их мужики, думаю, наказание будет ужасное. А еще могу превратить твои монетки и слитки в говно, круглое и плиточками.

Черт заржал диким хохотом и рванул через печной чувал на волю. Пашко еще подумал: «Как это он? Ведь вьюшка закрыта!». А потом вздрогнул: что с золотом!? Свалился с кровати, выдернул тряпицу, развернул, а оттуда завоняло. Пашко заплакал и проснулся. В самом деле проверил тряпицу — все в порядке. Мелкая дрожь колотила его. Грешным делом, явилась была мысль, что зря связался с золотом, говорили добрые люди, что от него одни неприятности. Посочувствовал новым русским, живущим в роскоши и богатстве, как же они спят, бедные, если им черти каждую ночь являются, они ведь тоже золотишко-то не сами сыскали или добыли, оно, считай, уворованное, и к тому же без молитвы.

Чуть рассветало, пошел к Викентию Амбросимовичу. Тот сидел в жарко натопленной избе и теребил курицу.

— Что это вы от голубей отказались? А говорили, что самая полезная птица.

— Не оспариваю, но, знаете, и шоколад, говорят, приедается. А вчера пошел погулять перед сном, слышу: у Мякеша уж больно шумно в курятнике. Я же расположение знаю, открыл дверь, осветил фонариком: ласка трех штук задавила и четвертую душит, кровь пьет. Понятно, во мне она конкурента сразу увидела, я грешить не стал, трех курочек еще теплых, за лапки и домой.

Пашко начал издалека:

— Вот, Викентий Амбросимович, случись так, что золотишко действительно есть, и немало. Что вы с ним собираетесь делать? Жрать его не будешь, тетка Матренка на кусок золота даже булку хлеба не даст, она его знать не знает. И куда мы с ним? Богачи — голодные и оборванные.

Таратутов с ненавистью вытаскивал из куриной шеи перекушенное горло, Пашко схватил нож и, отпихнув руку учителя, отпластнул шею.

— Ее же ласка жевала, а она может быть бешеная.

— И что? Больше, чем я имею, бешенство мне не грозит. К тому же шейка — самое нежное мясо. Ладно, прощаю. У меня еще две.

— Так что же о золоте?

Викентий Амбросимович тщательно вытер руки, сунул курицу в кастрюлю с водой и включил электроплитку.

— Понимаете, сын мой, есть несколько путей реализации драгметаллов. Назову наиболее доступные вам. Во-первых, можно пойти и сдать все в органы, кстати, вы и обязаны это сделать, иначе конфискация и тюрьма.

Пашко, плохо понимая, переспросил:

— А что страшней — тюрьма или конфискация?

Учитель хмыкнул:

— Обе страшнее. По закону нашедшему полагается двадцать пять процентов от стоимости клада и столько же владельцу земельного участка, на котором найден клад. Это я вычитал в новом законе демократов. Конечно, можно утверждать, что клад нашел в собственном туалете, тогда надо три свидетеля. К тому же вас непременно обманут, потому что в государственных органах не может быть людей, способных решить дело без корысти. Второй вариант. Сдать золото в банк. Не в нашу сберкассу, а в областной банк. Но тут есть проблема. У вас могут поинтересоваться, откуда дровишки? А тогда опять конфискация и тюрьма. Наконец, фарцовщики. Но, даже если вас с ними сведут, они посмотрят на жалкое крестьянское происхождение и опять же ограбят.

Пашко не выдержал:

— Что вы заладили: ограбят, обманут, посадят. Слушать тошно.

Помешивая варево и снимая поварешкой накипь, учитель усмехнулся.

— Вы зря волнуетесь, молодой человек. Не исключено, что бывший купец, точнее, его наследник, просто пошутил, вы будете рыть, а там пусто.

Пашко насторожился:

— Это как прикажете понимать, месье Таратутов? «Вы будете...». А вы? Месье смахнул слезу:

— Понимаете, друг мой, мне поздно тетешкать мысль о благополучии. Если уверую в чудо, душа моя взлетит, а вдруг фикция — я просто не перенесу.

Пашко стало так жалко старика, что он едва не проговорился, но воздержался, потому что дал себе слово только тогда открыться, когда можно будет дать каждому его долю рублями.

— Ладно, не горюйте, до лета еще далеко.

— Причем здесь времена года, позвольте вас спросить?

— А как зимой землю долбить? Нет, только летом, когда грунт отойдет, в июне, не раньше.

Хозяин сошвырнул из деревянной ложки глоточек бульона, остался доволен, засыпал в кастрюлю крупные куски чищенной картошки, прибавил накал спирали и сел к столу.

— Я просил вас точно указать на схеме, где ввод электропроводки в магазины. Что скажете?

— Ввод с левой стороны по ходу. И что?

— Вы видите электроплитку? Под действием тока происходит нагревание металла. Если мы найдем приличную круглую штуковину и через хорошо просчитанную схему подключим ее к сети, то эта штуковина...

— Люк от водопроводного колодца! У нас в котельной пара валяется! — крикнул Пашко.

— Гениально! Я должен знать массу этой крышки, проще сказать — вес, а потом надо садится за расчеты и искать нужные материалы. А именно: медный кабель, сопротивления, предохранители. Это я все напишу.

— Аниски Кургузкиной отец электриком служит в комхозе. Найдем.

* * *

Дома Пашко закрылся на крючок, высыпал содержимое мешочков в большую чашку и стал промывать теплой водой с мылом. Вымытые плитки и монеты выкладывал на чистое полотенце, потом протер, сложил в материн старый платок и сунул в старый сапог, оба они давно валялись в подполе. Здесь никто не найдет, Сашко вообще в подпол не лазит, даже за картошкой. Три монеты завернул в тряпочку, одел приличный костюм, ботинки, курточку китайскую теплую, взял документы и пошел на выезд из деревни. Первый же грузовик остановился:

— Далеко ты приффраерился? — спросил водила Мишка Японский Городовой.

— В военкомат вызвали.

— В армию заберут? — посочувствовал Мишка

— Не знаю. Может, оставят.

— Ага, на племя. Из вас двоих лучше Сашко оставлять, он, говорят, полдеревни девок огулял, — похвалил Мишка.

— Болтают. Когда ему гулять, он из котельной не вылазит.

— Ты там долго?

— Не знаю, — коротко ответил Пашко.

— Смотри, а то я через пару часов обратно. Дарма довезу. Я у газпромовской конторы буду. Найдешь.

Пашко вышел на повороте и быстро пошел в сторону банка. Народу в зале немного, постоял, почитал красивые листочки, случайно увидел, что банк золото закупает. Аж ахнул: ну, катит ему сегодня! Подошел к окошку, за которым сидела молодая симпатичная девушка.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Слушаю вас.

— Я вот прочитал объявление, что вы золото покупаете.

— Это не ко мне. Гуля, к тебе клиент! — И Пашку равнодушно: — Пройдите во вторую кабину.

Гуля, казашка, тоже молодая и красивая, вежливо поздоровалась:

— Слушаю вас.

— Я бы хотел сдать три золотые монеты.

— На хранение? — спокойно спросила.

— Нет, за деньги.

— Покажите монеты.

Пашко осторожно положил в лоток три кругляша. Гуля взяла монеты, долго рассматривала, включала какие-то аппараты, потом взвесила и подняла глаза:

— Вы знаете, банк купит ваши монеты, но это не простой процесс, к тому же вы заплатите налог. В общем, в результате, если все нормально, вы получите вот такую сумму.

Она написала цифры на бумажке и показала через стекло. Пашко кивнул. Она поманила его пальцем ближе к окну:

— Я могу купить эти монеты прямо сейчас, для себя, вы, наверное, знаете, что казашки любят золотые украшения. Я дам вам вот такую сумму.

Опять листочек с цифрами.

— Это чуть меньше, чем банк, но никакой волокиты. Я даже паспорт ваш не спрашиваю, потому что монеты действительно настоящие. Вы согласны?

— Прямо сейчас? — испугался Пашко.

— Да, я только сниму деньги с карточки. Монеты пока можете взять.

Пашко трясло. Таких денег, какие написала эта девчонка на листочке, ему в котельной за десять лет не заработать. И это только три монетки! А у него их тридцать! У парня закружилась голова, он сел на стульчик. Скоро пришла Гуля.

— Вот, смотрите, это счетная машинка. Я закладываю пачку, она считает. Видите сумму. Теперь вторая пачка. Сумма. Третья. Сумма.

Все сходится, правда? Вы довольны? Только прошу вас о нашей сделке никому не говорить. Меня уволят с работы. Извините, а вы не можете достать еще несколько монет? Я бы купила их по той же цене.

Пашко помялся.

— Я пока ничего не могу сказать, но если что-то будет, я к вам приду.

Гуля спросила:

— Извините, вы с такими деньгами один. Давайте положим их во вклад, а прямо сейчас оформим банковскую карту, и на ней будут храниться все ваши средства. Согласны?

Она принесла бланки, что-то набирала на компьютере, сделала копии паспорта, спросила, сколько он хотел бы оставить себе, остальные занесла на счет. Пашко где-то расписался, получил голубенькую сберкнижку, пачку денег спрятал во внутренний карман пиджака.

— Спасибо вам, — улыбнулась Гуля из-за стекла. — За карточкой приходите через три дня.

Молча менялись сменами с Сашко, ни тот, ни другой не заговаривал о кладе, хотя вместе оттирали от ржачины водопроводную крышку, вместе ходили в магазин к тетке Матренке, чтобы она взвесила эту штуковину. Тетка ворчала, но прибрала железяку и назвала вес. Пашко записал. Чтобы не встречаться с Аниской, братца отправил к Кургузкину, чтобы он завтра подтащил к котельной свой сварочный аппарат, а расчет на месте. Пашко припрятал две бутылки водки и позвал Викентия Амбросимовича, чтобы он руководил сваркой. Кургузкин осмотрел крышку и прямо спросил:

— Мужики, если вы самогонный аппарат решили сварганить, то крышка не годится. Говорите прямо, что надо изобразить?

— Понимаете, господин Кургузкин, надо к этой крышке прикрепить два медных кабеля, чтобы она была вроде кипятильника.

Кургузкин посмотрел на учителя, как на ребенка:

— Сразу закоротит, и амба. Нахрена вам такой кипятильник?

— Нет, позвольте, товарищ Кургузкин, научный эксперимент. Мне известно, что надо в сеть включить целый ряд приборов, но каких — научите! Вы же профессионал!

— Знамо дело, что не учитель. Надо, чтобы эта хрень раскалялась до красна?

— Нет, до красна не надо, это опасно, а вот чтобы черная и очень горячая.

Кургузкин огляделся, видимо, соображая, кто будет рассчитывать-ся. Пашко кивнул: расчет на месте.

— Тогда плесни мне сто пятьдесят, а я доеду до своей каптерки, подберу, что надо. Но, ребята, имейте в виду, линию садить будет прилично.

К вечеру полупьяный Кургузкин все сделал в лучшем виде. Тут же подключили конструкцию, плита за пятнадцать минут накалилась, аж вода отскакивала, не закипев. Получив полный расчет, Кургузкин пошел заводить трактор. Пашко вышел за ним следом.

— Про эту конструкцию никому, понял? Если кто-то на напряжение будет жаловаться, вали на трансформатор или замыкание, но про нас ни слова. А за молчание я тебе хорошо заплачу. Будет все хорошо — Сашка на Аниске женим, у них вроде как любовь.

— Пашко, жени, жени от позора. Вчера мать сказала, что дочь вроде на соленое поворотило, а это херовая примета.

— Не паникуй, все уладим. Она от братка и подхватила, больше некому. Я то знаю, что они у нас курдаются. В общем, язык прижми, и все в наших руках. Ты меня понял? Смотри, дело очень серьезное.

— Да понял, Пашко, понял, ты хороший парень, я и отца твоего уважал.

* * *

Из двух оставшихся магазинов Пашко выбирал наиболее удобный. У хозяйственного задняя стена совсем голая, начнешь возиться — с соседней улицы увидят. К мебельному вообще не подобраться, за магазином дорожка протоптана, ребяташки напрямую в школу ходят. Вечером братцы пошли к хозяйственному с лопатами хотя бы снег разгрести, добрались до земли, вокруг выложили бруствер из снежных кирпичей. Если что — будто ребетня играет. Приволокли конструкцию, толстый медный кабель закрепили в зажимах, стянув болты, Пашко взял стремянку, Сашко притянул два конца кабеля. Пашко крючками согнул оголенные концы и полез к вводу, подвесил один провод, осторожно завел второй. Сноп искр, и тишина. Пашко спрыгнул с лестницы и кинулся ко крышке. Сашко отодвинул, не дай бог — наступит. Посветил фонариком, а из-под крышки уже пар идет.

— Сашко, ничего не трогай, я все лишнее унесу и усну пару часов. Потом сменю тебя.

Дома поел холодного мяса, сказал, что у друга подешевке купил. Выпил кружку горячего чая, прилег на кровать. Он до сих пор не сказал компаньонам о первом кладе, иной раз порывался, но останавливался, делиться не хотелось. Правда, были и оговорки: вот возьмем

второй, тогда и разберемся. А мысль грызла: нет второго и нет третьего — тогда как? Конечно, все поделим на троих, о чем может быть разговор? Так думал, только резко отгонял эти мысли.

Он проспал четыре часа, к магазину прибежал уже в два ночи. Сашко еле жив от холода, но улыбается: крышка на четверть ушла в землю.

— Ты иди домой, завтра твоя смена, а я потом отключу установку и вычищу грязь. В семь часов подбежишь, надо агрегат домой утащить и землю снегом закидать.

Пытался греться над крышкой, но мешал теплый пар, потом было еще холоднее. Выскакивал на улицу и пробегал метров по триста в обе стороны. Грело золото в двух метрах под ногами, грела сберкнижка, даже несколько хрустящих бумажек в кармане нательной рубашки.

Приволок стремянку, поднялся, аккуратно потянул вверх кабель, опять сноп искр, снял второй, все утащил за магазин. С трудом вытащил крышку, хорошо, что учитель посоветовал приварить по центру скобу. Лопатой стал выгребать грязь и укладывать ее в подготовленную в снегу яму. Когда дошел до мерзлоты, череном лопаты замерил глубину: неплохо, сантиметров тридцать. Выматерился чуть не вслух: надо утеплить ямку, чтобы не промерзало дальше. А чем? Побежал домой, ухватил несколько драных половиков, фуфайку, вернулся с санками, все тряпье спихал в яму, сверху закидал снегом. Грязь тоже завалил. Сложил все на санки и пошел домой. Подумал: надо утром проверить, хорошо ли замаскировал, лег, не раздеваясь. Будильник звякнул, Пашко кинулся к магазину. Светает, огляделся, нырнул за угол, бруствер стоит, все снегом усыпано. Остался доволен. Дома снял железное ведро с плиты, налил в таз горячей воды, голову вымыл, лицо с мылом, по поясу оттерся влажным теплым полотенцем. Одел все чистое и теплое, вынул из схрона пять монет и пошел на автобусную остановку. Людей немного, холодно, все молчат. В банк заходил смело, была какая-уверенность, что он имеет право заходить в этот банк, здесь его деньги хранятся.

Гуля встретила его улыбкой, как старого знакомого:

— Ваша карточка пришла, я помогу вам перевести деньги со сберкнижки на карту. Эта машина называется банкомат. Вводим счет сберкнижки, номер вашей карты, переводим всю сумму. Так, теперь откройте конверт, мне не надо показывать, и никогда никому не показывайте и не говорите ваш пароль. Видите, там четыре цифры. Вы их вводите вот в это окно. Теперь осуществляем перевод. Все прошло. Введите еще раз свой код. Нажмите слово «Баланс». Банкомат показывает вам, что все деньги, за исключением незначительной сум-

мы процентов за услугу, поступили на вашу карту. Если вам потребуется снять деньги с карты, обратитесь к дежурному консультанту, вам помогут. Так, никаких новостей нет?

— Есть, — кивнул Пашко.

— Пройдите в кабину. Сколько?

— Пять штук.

— Отлично. Цена та же. Мне надо с полчаса, чтобы собрать деньги. Ровно в одиннадцать приходите.

Гуля при нем пересчитала банкноты и в спецкабинете, где обычно снимают и вносят деньги большие люди, помогла положить их на карту. Заставила проверить баланс: да, вся сумма поступила.

— А если я потеряю карту?

— Запишите телефон, позвоните, карту тут же заблокируют, и никто не сможет ею воспользоваться. У вас хорошая память? Запомните код, эти четыре цифры, или запишите так, чтобы никто не мог догадаться. Всего вам доброго. Да, если у вас что-то появится, вот мой телефон, позвоните, я буду готова.

Из банка он пошел искать стоматолога, он слышал, что эти люди покупают золото и делают из него зубы для богатых. Спросил одного—двух, указали дорогу. Переждал нескольких клиентов, вошел.

— Раздеваться надо хотя бы в коридорчике, там вешалка, — проворчал врач.

— Я на минутку. Мне надо продать золото, — спокойно сказал гость.

— Понимаю. Кольцо, серьги?

— Слиток, — еще спокойней и ровнее ответил гость.

У стоматолога сползла повязка и скособенились очки.

— Слиток? И откуда он у вас?

— До свидания, — сказал Пашко и повернулся.

— Обождите! Я не то хотел спросить. Он большой?

Пашко подумал:

— Скорее всего, вас устроит двадцать пять граммов.

— Очень интересно. Когда вы его принесете?

— Меня интересует цена, — деловито ответил гость.

— А меня проба.

— Проба стоит на слитке, 96, высшая по царской шкале, я смотрел в справочнике. И ей нельзя не доверять, это клеймо Императорского Банка России. Я имею в виду царскую Россию.

Стоматолог остолбенел:

— И сколько вы можете предложить?

Пашко явно играл, ему нравилось быть хозяином положения, диктовать свои условия:

— Сколько вы способны оплатить?

— Принесите экземпляр, я посмотрю.

Пашко кивнул, вроде пошел, но обернулся, сказал спокойно:

— Только имейте в виду, я буду не один, так чтобы без фокусов.

— Напрасно беспокоитесь, я дантист, а не бандит.

— Вот и хорошо. Я приду послезавтра в десять утра.

Пашко уже заметил, что стал меняться, появилась уверенность и даже самоуверенность. Ты посмотри, как он сегодня разговаривал с Гулей — как с равной, если в прошлый раз он был унижен просьбой купить монеты, то сегодня она уже интересовалась и заглядывала в глаза. Будь она русской, Пашко непременно подумал бы, что вместе с монетами ее интересуется и их обладатель, но Гуля казашка, она и думать не смеет о русском женихе, как бы он ей не нравился, к тому же, похоже, она на собственную свадьбу собирает богатое монисто. А может и того проще: купила за одни деньги, поехала в Казахстан, продала за другие.

А зубодер! Как он нагло встретил и как ласково проводил до самых дверей! И все это — деньги. Деньги делают человека человеком! Вот в чем смысл! Кто он был вчера? Кочегар из деревенской котельной, сирота без роду и племени, неуч с восьмилеткой. А сегодня? Он может купить машину получше вон той, может отторговать особняк в райцентре. Может! Но как? Ведь непременно найдутся людишки, которые капнут куда следует, и как потом объяснять появление в пустых карманах миллионов?

Но ведь надо сперва поделить эти миллионы. Таратутину можно дать немножко, и он будет доволен. Сашко тоже не особо соображает в этих делах, женить его на Аниске, домик купить в районе, машину со временем, а сослаться на богатое приданное, которое дал за дочкой любящий отец.

Опять вперед забежал! Надо сначала добыть клады еще в двух местах, дело, кажется, пошло. Сегодня ночь придется снова греть. С вечера все направить, оставить Сашко дежурить, а к утру идти завершать.

Когда Пашко выложил на стол всю еду, которую купил в районе, Сашко засмеялся:

— Браток, ты не под клад ли взаймы хапнул? Смотри, а если облом?

— Не бойсь, аванс выпросил у бухгалтера, годовщина завтра матери моей.

Сашко сник. Забыл. И брата обидел неуместной шуткой.

Выпили по сто грамм хорошей водки, поужинали. Сашко аж заотпыхивал, давно так не ел. Брат толкнул в плечо:

– Губу не раскатывай, что под одеяло и Аниску ждешь. Ты у нее приспросись, с кем она до тебя гарцевала.

– Ты что, братуха? Ни с кем.

– Сашко, это твои заморочки, ни с кем, значит, только с тобой. Тогда поздравляю тебя, папаша, Аниска беременна, отец проболтался. Да не смотри ты на меня так! Я же не против. Девка она и в самом деле славная. Короче, одевайся, пошли работать.

Настроив все оборудование, Пашко забежал к Викентию Амбросиовичу. Тот лежал на продавленном диване и под мощным уличным фонарем, укрепленном на стенке, читал старую «Роман–газету».

– Чем обязан вашему позднему визиту? Как работает наш аппарат? Я хотел сходить, но привлечь всеобщее внимание к нашему уникальному проекту воздержался. Говорите же!

Пашко спешил, надо было немного поспать, потому сказал кратко:

– Все работает, но медленно протаивает земля. Не могли бы вы сказать, на сколько сантиметров промерз грунт?

– Одну минутку, я подниму старые записи. Так, на середину декабря... Видите ли, тут зависит от толщины снежного покрова.

– Ищите: снега семьдесят сантиметров, – подсказал Пашко.

– Извольте. Нынешняя осень похожа на осень... 1997 года. Значит, пятьдесят сантиметров, мой любезный друг.

– Благодарю за информацию. Сегодня мы должны пройти мерзлоту.

Проснулся от того, что кто-то толкал его в плечо. Очнулся – Сашко.

– Пашко, перестала греть.

– Давно?

– Не знаю. Я понял потому, что пар не идет.

Оба бегом побежали на объект. Пашко встал на колени и шупом искал фазу – нету. Схватил стремянку и кинулся к боковой стене. Один кабель лежал на снегу, не доглядел, оставил несколько жилок провода – перегорели. Зачистил изоляцию, загнул крюк, полез на стремянку. Сноп искр, Пашко скатывается с лестницы и бежит к яме. Шуп сразу находит фазу.

– Сашко, иди спать, я дождусь утра.

Он положил череня двух лопат поверх ямки и накрыл тряпками: все тепло остается внутри, скорей прогреет. Дойти бы до талого грунта. А там легче. Ступеньки сдольим перпендикулярно стене, чтобы под

фундамент легче было пройти. На это еще ночь. А сил нет. Одно согревает: есть золото, оно мое, даже если тут ничего не найдем — гори оно все синим пламенем! Опять бегал по улице взад и вперед, опять промерзли ноги. Какие унты он видел сегодня на рынке! Но как купишь, на какие шиши? Как брательнику объяснишь? Он тоже ходит в старых пимах с галошами, в котельной иначе нельзя. В шестом часу отключил провода, собрал все на санки, вычистил оттаявшую грязь, аккуратно сложил ее в снег и привалил сверху. Расчистил возле ямы грязь, присыпал снежком, встал на колени, ножом дотронулся до дна. Нож вошел в землю! Это большая удача. Быстро столкнул в яму тряпье, насыпал бугор снега, отвез санки с оборудованием и инструментами, вернулся, осветил фонариком — все в полном порядке. Довольный, потащился домой.

* * *

На встречу со стоматологом взял с собой Гошку Семиколенного, такое прозвище было у его отца, и у деда, и трое его ребятишек отгаркивались на этот странный зов. Гоша был высок ростом, голос имел грубый, словно в трубу говорил, а сила была в нем такая, что, случись где буксануть его «Жигулям», он цеплял веревку за передок и выволакивал машину на чистинку. Мужики все говорили:

— Тебе, Гоша, надо в город ехать, в цирк устраиваться. За такие фокусы там добрые деньги платят.

Гоша отмахивался:

— Да ну вас! У меня дома свой цирк, только вот клоуна не хватает. Поехали на Гошиной машине, Пашко предупредил:

— Стоишь и молчишь, молчишь и стоишь. Когда надо будет, я тебе подскажу.

Гоша внимательно смотрел на дорогу и требовал конкретности:

— Если в рыло кому — за всяко просто, если мебель перевернуть — как два пальца об асфальт. Ты только скажи, за твои деньги я весь райцентр раком поставлю.

Зашли в стоматологию, Пашко только сейчас обратил внимание, что она сделана в двухэтажном доме, квартира бывшая перепланирована. Пашко ждать не стал, открыл дверь, врач поднял голову:

— Одну минутку, я сейчас закончу.

А уже через минутку:

— Пожалуйста, входите.

Пашко вошел, и Гоша тоже, но, показав его зубодеру, приказал быть в коридоре и ждать.

- Охрана? А вроде без оружия.
- Ему не надо оружие, опасно. Он только рывкнет, все, кто в силах – убегают, а остальные мочатся.

Стоматолог хихикнул. Пашко подал ему брусочек. Врач долго рассматривал его под лупу, потом хотел уйти в соседнюю комнату.

- Брусочек оставь, – спокойно попросил Пашко.
- Но мне надо проверить... – залепетал доктор.
- Вот тут и проверь.
- Тогда пошли вместе.

Понимал толк в металле стоматолог, и капал из пипетки, и под светящийся аппарат клал, потом обтер тряпочкой, вернул хозяину.

- Ваша цена?

Пашко назвал цифру на десятину меньше, чем в банке. Врач подавил кнопки на телефоне, попросил скинуть еще десятину.

- Нет, – сухо ответил Пашко и встал.
- Молодой человек, это золото незаконного происхождения. Если я вызову милицию...

Пашко улыбнулся:

– Не успеешь. Гоша убивает на раз. А когда милиция приедет убрать твой теплый труп, Гоша промычит, что ты ему сверлил зуб и сделал больно, вот мужик и не удержался. Послушай, лекарь, ты делай свое дело, этой пластинкой ты столько дурочек осчастливишь и столько бобла соберешь, что сам меня искать будешь, не продам ли еще.

Хозяин вроде одумался, предложил записать телефон и позвонить через неделю. Есть несколько коллег, которые обязательно заинтересуются столь чистым металлом.

– Вы знаете, меня восхитило клеймо Банка Российской Империи. Не искушайте: это клад?

– Да ну, какой клад. Старый туалет чистил, вот и выпали, – с улыбкой ответил Пашко.

– Да, от вас лишнего не услышишь. Значит, я жду через неделю.

– Интересующихся предупреди, что торговать будем в банке, через их аппараты. Деньги на карточку, товар в салфетку. И чтоб без фокусов. Я в любом случае выкручусь, а потом с Гошей в гости домой приду. Не пугаю, предупреждаю.

Позвонил Гуле и объяснил ситуацию, что есть клиент, обещал еще подогнать своих, но опасно, народ битый, нельзя ли как-нибудь через кабину?

– Вы можете сейчас зайти ко мне? – спросила она.

Встретила с улыбкой, указала на кабину, сама прошла на рабочее место. Широко открыла стекло.

– Вас зовут Павел? – с улыбкой спросила она.

– Павел по паспорту. А так – Пашко.

– Странное имя.

– Не я придумал, – ухмыльнулся парень.

– Извините, Пашко. Я не совсем поняла: вы хотите кому-то продать монеты? Я же просила подождать. Скажите, это строго между нами: у вас их много?

– Сейчас штук двадцать пять, – равнодушно ответил он.

Гуля испуганно всплеснула ручками:

– С ума сойти, это же целое состояние. А почему вы уточнили: сейчас?

Пашко усмехнулся:

– Думаю, будет больше.

Гуля испуганно на него посмотрела:

– Пашко, разве это подделка?

Парень испугался:

– Что вы, Гуля, все натуральное. Но есть слитки, которые хотят купить стоматологи. Только, Гуля, я боюсь, обманут, потому просить хотел, чтобы вы помогли.

Гуля задумалась.

– С моей стороны вроде ничего незаконного нет. Только вы их предупредите, что слитки будут у меня, деньги считаю я и сразу перевожу на карту, а золото отдаю им. Так пойдет?

– Конечно! Не сомневайся, Гуля, царской монетой, если все срастется, я тебя одарю. К тому же ты мне еще в одном деле потребуешься. Я потом объясню. Только говорить бы надо не в банке. По-моему, со мной тут уж начинают здороваться.

Гуля засмеялась:

– Не смущайтесь. У нас порядок такой.

– Гуля, давайте на ты перейдем, неловко как-то с такой красивой девушкой официально разговаривать.

Гуля стала над столиком и наклонилась к окошечку.

– Я согласна. Но только за пределами банка. И купите себе мобильный телефон, вот мой номер, звоните, буду рада. А наши собирают деньги, монеты очень им понравились.

Вернулся домой, кинул брату теплые сапоги и костюм утепленный, охотничий. Сашко глянул с испугом:

– Брат, в долги влазишь, а если пусто? Чем отдавать.
– На том свете угольками. Одевай и не думай. Вечером рыть пойдем.
– Я топор, который к лому приварен, выточил, им ловко долбить. Свой топор подладил, земля есть земля.

Пашко вытянулся на кровати:

– Спуск сегодня – кровь из носа – надо сделать. А уж потом в глубину.

– Брат, а если нам потом талую землю буром? Связисты ямы под столбы сверлят.

Пашко оживился:

– Молодец. Найдешь надежного, под вечер заберем и утром вернем. Может, и не одну ночь придется покрутить.

С буром пришлось повозиться, рукоятка то и дело задевала стену, Сашко уже сбил всю руку, крутить начал Пашко, осторожно обходя стену и со всей силы углубляя снаряд. Через десяток минут работы вынимали бур и стряхивали землю. Потом сменили занятие. Сашко сбивал край ямы, начиная формировать канаву в сторону от стены, чтобы можно было лечь и внизу работать руками. Мерзлый грунт подавался плохо. Пашко сменил брата с топором, приваренным к толстому лому. Долбили и менялись, менялись и долбили. Вымотались так, что Пашко принял лом и не удержал:

– Все, брат, сил нет.

Яму забросали тряпьем и фуфайками, укрыли досками, уложили комьями снега, сверху присыпали снежной пылью. Дома обмылись, поужинали. Пашко налил по полстакана водки.

– Это с устатку. Ты завтра спи, я пойду на смену.

Пашко расправил старенький, еще дедушкин тулупчик на русской печи и лег на спину. В поясице стояла неприятная ломота.

– Сашко, у тебя спина не болит?

– Болит.

– А что молчишь?

– А что мне, петь, что ли?

Пашко спрыгнул на пол и затолкнул братана на печь. Он слабее, только не скажет. И про клад молчит. Неужели не интересно поговорить об этом?

– Сашко, как будем клад делить?

Тот долго молчал, потом ответил:

– А что его делить? Клад твой, мне за работу заплатишь на курево, и ладно.

Пашко вскочил с кровати и запрыгнул на лавку у печи:

– Сашко, ты почему такой? Мы же братья, живем вместе, робим вместе, значит, и клад общий! – Пашко так хотел, чтобы брат прямо сказал, что делим поровну, снял бы с него эти соблазны, освободил от мысленного греха.

Сашко ответил примирительно:

– Спи. Его еще отрыть надо, а потом куда с ним? Там же не русские сегодняшние деньги? А куда сунешься, если там, к примеру, брюлики или ржа, как жулики золото зовут?

Пашко залез под теплое материно еще одеяло, пахнувшее детством, свернулся калачиком. Бедный Сашко, неужели он заметил, что есть у меня мыслишка закурковать найденное? Вдвоем достанем – не спрячешь. И уже засыпая, подумал: «В последний вечер отправлю Сашко в котельную, а до клада сам доберусь. А потом скажу, что ничего там не было». С тем и уснул.

* * *

С телефона из котельной позвонил стоматологу. Тот возмутился:

– Мы уже два дня ждем вашего звонка. Короче говоря, деньги все у меня, я аккуратно обменял на крупные, по вашей цене на сто грамм. Понятно, да? Только не надо шляться по банкам, это очень рискованно. Приходите ко мне в клинику, производим обмен, и в разные стороны.

Пашко ответил:

– Я своих решений не меняю.

– Но это же глупо, рисоваться с такой суммой. Уверяю вас, – настаивал стоматолог.

– Завтра в половине второго в банке. Других вариантов нет.

– Понял, – вяло ответил зубник и положил трубку. Пашко позвонил с мобильного Гуле.

– Гуля, здравствуй, это Пашко. Извини, что поздно.

– Ничего, все нормально.

Пашко рассказал о предложении стоматолога и о своем решении. Гуля его похвалила: ему вполне могли подсунуть фальшивые пятерки, их мошенники производят в больших количествах, потому и в банках так внимательны, особенно к крупным купюрам. Так что Пашко поступил правильно.

Утром Пашко нашел Гошку Семиколенного и спросил, может ли он сегодня съездить с ним в район.

— Какой базар, шлеп твою в бродни мать! Пашко! Ты мне установи твердую ставку, я тебя даже ночью буду охранять.

В банк вошли вместе, трое незнакомых мужчин встали, будто их ждали. Пашко кивнул знакомому стоматологу:

— Я позову вас в кабину. Одного.

— Но ребята тоже хотели бы посмотреть, — кивнул тот в сторону товарищей.

— Знаешь, что? Видишь вот эту казашку? Я очень хотел бы ее трахнуть, но не судьба. Потому пусть сидят и ждут, иначе я заворачиваю оглобли.

Стоматолог кивнул ему и пожал плечами в сторону товарищей. Гуля пригласила в кабину:

— Здравствуй, Пашко. Клиенты на месте? Приглашай. Я сделала для тебя другую карточку, валютную, ты же ничего не понимаешь. Евро сильно растет, есть смысл эти деньги положить на валютную карту. Зови.

Стоматолог вошел, Пашко развернул бумажку и передал Гуле четыре пластинки по двадцать пять граммов. Она провела экспресс-экспертизу и кивнула стоматологу:

— Металл полностью соответствует указанным на государственном клейме реквизитам. Пожалуйста, деньги.

Пересчитала, кивнула, подала завернутые пластинки. Стоматолог еще раз их осмотрел, даже на зуб попробовал, и вышел. Гуля быстро просчитала и показала бумажку с цифрами евро.

— Переводим на карту?

Пашко кивнул. Вышли в зал, он вставил карту в банкомат, ввел код и увидел ту же цифру. Гуля улыбнулась.

— Ты говорил, что нужна моя помощь. В чем?

— Это не служебный разговор. Если можно, я тебя дождусь.

Гуля кивнула и ушла. Пашко спросил Гошу, есть ли у него знакомые в ГАИ.

— Море! — захохотал Гоша. — Я к ним каждую неделю попадаю. То с похмеля, то превысил — найдут, за что. Выкручиваюсь.

— Гоша, а как бы права сделать? Когда мне учиться и где? В район не наездишься.

— Да одной левой! Поехали хоть сейчас. Только, друг, бабки нужны, ну, это я узнаю мигом.

Подъехали к милиции, Гоша ушел и вернулся только через полчаса. Пашко уж нервничать начал: в пять часов Гуля выходит с работы. Гоша бросил на сидушку бумажку:

— Там все написано, какие документы надо и сколько рублей. Завтра принесешь — послезавтра получишь.

— Да мне вообще-то не к спеху, — равнодушно зевнул Пашко.

— Ты зевалом-то не торгуй, а куй железный, пока горячий. Милиция — место бойкое, сегодня ты камеру охраняешь, завтра тебя в камере охраняют. Переворот ментов в природе. Ты понял?

Гулю встретил прямо в дверях, по ступенькам спустились вместе, отошли в аллею.

— Пашко, ты богатый человек, а почему одеваешься, как деревенский? Он засмеялся:

— Так я и есть деревенский.

— Ладно, больше не буду лезть не в свое дело.

— Я сам все расскажу. — Пашко знал, что это не очень сложно, даже прикинул, как это можно сделать прямо сейчас. Взял Гулю за плечи и крепко поцеловал в губы. Она вздрогнула, охватила его за шею, сама нашла его губы и притихла, ждала. Он опять целовал ее губы, щеки, нос. Гуля прижалась к его груди и слышала, как колотится его сердце. Спросила с улыбкой:

— Это и есть та помощь, которая требуется от меня?

— Прости, Гуля, я не особо опытный ухажер, не сравнить с твоими воспитанными и образованными, но ты мне сразу очень понравилась, такая красивая, как из сказки.

— «Тысяча и одна ночь»?

Пашко не понял. Гуля кивнула:

— Ладно. Дальше что? Ты поведешь меня в номера? При твоих деньгах можно всю гостиницу откупить на всю ночь.

Пашка понял, что сотворил глупость, дурак, со свиным рылом... Такая красавица! Страшно сконфузившись, он дернулся было уйти. Гуля остановила:

— Пашко, прости, я не умно пошутила. Прости меня, ты мне тоже нравишься. Но... есть вопросы. Нет, сначала о деле, в котором я могу тебе помочь.

Он рассказал ей все про письмо, про вскрытие первой закладки, про работу на второй, но остается еще одна, на виду, просто так не вскрыть. И до лета ждать терпения не хватает. Надо что-то такое придумать, чтобы Петька-Партком разрешил рыть экскаватором с задней стороны здания. А в деревне откуда может возникнуть такая нужда?

— А если экскаватор выроет клад? — спросила Гуля.

— Нет, закладка сделана в глубине, под фундаментом.

Гуля помолчала, что-то обдумывая. Потом сказала, что завтра позвонит и расскажет, что можно сделать. Подала руку для прощания. Пашко взял прохладную ручку и стиснул ее в своей горячей и большой ладони.

– Скажи, Гуля, ты монетки себе на свадьбу покупала?

– Тебя это сильно интересует?

– Нет. Я не знаю. Если себе, то я больше к тебе не приду.

– Пашко, ты приходишь не ко мне, а в банк. Монеты я покупаю для своих сестер, родных и двоюродных, ты же знаешь, как роднятся казахи. Я не собираюсь замуж, и жениха у меня нет. Ты хороший парень, но ты богат, а я скромный сотрудник банка. Я призналась, что ты мне нравишься, а ты подумал, что меня интересуют твои деньги. Потому оставим пока этот разговор. А поцелуй... Я обязана его вернуть.

Она ухватила за воротник пальто и подтянулась к самым губам, едва дотронувшись до них. Он хотел подхватить ее, но Гуля выскользнула.

– Я позвоню тебе завтра. До свидания! – кричала она уже на бегу.

Ошарашенный Пашко стоял на тротуаре, пока Гоша не начал сигналить.

– Полбака бензина спалил, пока ты с этой кралей базарил. Пашко, а тебе не приходилось с мусульманками дело иметь? Говорят, они совсем не так устроены. Не слыхал?

– Не знаю. Завтра у учителя спрошу. А сейчас заезжай на заправку, проси полный бак.

На третью ночь спуск оборудовали, Пашко лег на живот и велел Сашко держать его ноги, осторожно спустился, широким ножом стал рыть в сторону. Вырыл с полметра – ничего нет. Неужели обман? Его опять била нервная дрожь. Он велел Сашко опустить его и еще раз палкой промерить глубину ямы.

– Ну, что там?

– Пашко, надо еще рыть, видно, напускали земли.

– Тяни меня за ноги!

Встал, отряхнулся, спросил брата:

– Есть еще силенки?

Сашко заплакал:

– Братко, если надо, я зубами буду грызть, только бы хоть чуть-чуть найти, чтобы из бедности и голода этого вылезти!

Пашко обнял брата.

– Давай отдохнем, потом опустишь меня, я в ведро буду землю складывать, а ты поднимать.

Черпали долго. Уже и палка указывала, что пройдена двухметро-

вая отметка, Пашко сообразил, что за эти годы с ближайших огородов могло нанести песка, так что страховка верная. Потом опять Сашко держал брата за ноги, тот сполз и снова вгрызлся в землю. Пашко копал и думал, что делать. До закладки он доберется обязательно, достать ее при брате — значит, делиться. Оставить в земле — а вдруг кто увидит и возьмет? Скрыть. А как брату в глаза смотреть? Уехать сразу, забрать Гулю и уехать. Куда меня несет, ведь еще одна закладка, и завтра Гуля подскажет, как ее вскрыть. Тут уж никуда не денешься, брат будет знать.

— Сашко! Ты замерз?

— Нашел, о чем спросить. Меня только и согревает, что не зря рыли.

И ты уж там измучился совсем.

— Потерпи. Все воздастся.

— Нихрена ты заговорил.

— Велено было молитву читать. Ты хоть одну знаешь?

— «Господи, помилуй» знаю.

— Вот и тверди, да негромко, а то старухи сбегутся.

Пашко ровными рядами снимал грунт, уходя в глубину. Устал, пот заливал глаза, кровь билась в висках. Попробовал ножом чуть в сторону и уперся в кирпич. Откуда на такой глубине кирпич? Так это же закладка защищена! Нашел край кирпича, всунул нож, провернул, кирпич подался. Рядом другой, а сверху металлическая пластина. Раздвинув оба кирпича, Пашко нащупал кожаный мешок и потянул на себя. Под рукой что-то зашелестело с тонким звоном. Осторожно вынув мешочек, Пашко полез за вторым. Все обшарил — пусто. До дальней кирпичной стенки добрался — в тайнике больше ничего не было. Не верил, велел опустить еще ниже, по локоть руку запихал в нишу — пусто. Маленький мешочек легко уместился за пазухой.

— Брат, тяни, ниша пустая.

Сашко аккуратно выволок брата. Он плакал.

— Ты чего, братко? У нас еще есть запас. Не переживай.

— Да мне тебя жалко, вымотался с этим кладом, да еще в долги влез. Отдышись, я пока инструмент собираю.

«Что я творю, сволочь такая! Как же я все променял на деньги? Родство наше, детство голодное? И как теперь из этой грязи чистым выйти? Нет, как только все уляжется, признаюсь брату, и все поделим». Хотел поклясться, но что-то удержало. Ухмыльнулся: а ведь не отдашь! Черти тебя обуяли, они и утащат за собой. Сплюнул, а тут Сашко уже зовет, сгрузил на себя все железо. Пашко хотел отобрать хоть лом с топором — не отдал, ты, говорит, и так сильно устал.

* * *

В обед позвонила Гуля, Пашко долго соображал, на какую кнопку давить, наконец, нашел и услышал такой желанный и ласковый голос:

– Добрый день, Пашко. Я решила твою проблему. В департаменте охраны памятников истории и культуры, это в области, работает моя хорошая знакомая, кстати, тоже казашка, ее зовут Адия, если хочешь, могу познакомить.

– Не хочу, – односложно ответил Пашко.

Гуля продолжала, как будто не услышала ответа:

– Сегодня она позвонит владельцу этих магазинов, о которых ты говорил, и скажет, что магазины эти стоят на особом учете, как памятники старой архитектуры. Предупредит, что она приедет провести обследование состояния объекта. В общем, она знает, что сказать. Приедет она на этой неделе, я дала твой телефон, она тебе сообщит. Конечно, она ничего не знает, просто это моя настоящая просьба. Я думаю, что вы с нею встретитесь до ее разговора с владельцем, ты объяснишь, как именно надо копать.

– Не понял, а кто будет копать?

– Эскаватор, конечно. Думаю, тебе там лишний раз показываться нет смысла.

– Я все понял, Гуля. А ты с ней не приедешь?

– Ты о чем, Пашко? Рабочий день! До свиданья.

– Спасибо, Гуля, до свиданья.

Утром Сашко пошел на смену, открыл шкафчик с продуктами и снова закрыл. Пашко заметил:

– Там колбасы кусок, банка сгущенки, возьми.

– Я тебе оставлю

Пашко вскочил:

– Сказано тебе, значит бери. Я яиц поджарю, а к вечеру супчик сварю. В ночь сам пойду.

Сашко устало сел на лавку:

– Знаешь, братко, как обидно, столько трудов, и все напрасно. Под теми магазинами и копать не надо, нагнул нас буржуй, а мы и уши развесили.

Пашко сел рядом. Опять защемило сердце. Обнял брата:

– Верь мне, брат, найдем клад, не может быть, чтобы такие люди писали глупые письма на свою родину.

Сашко насмелился:

– Брат, а ты хорошо там все проверил? Может, зря мы все обратно зарыли?

— Конечно, проверил, и вниз копал ножом, и вверх, во все стороны. Ничего там нет. Может, раньше кто вынул, могли подсмотреть. Иди, мне надо еще по одному делу дойти.

— Половинку колбасы я тебе оставил, — сказал, уходя, Сашко.

Пашко схватил эту половинку и в воротах сунул брату в карман.

— Так не по-братски, — грустно посмотрел на него Сашко.

Пашко как по сердцу резануло. Закрыл дверь на крючок, убрал все со стола, на чистый рукотерт высыпал содержимое кожаного мешочка. Горка ярких камешков, таких ярких, что в полутемной избе стало светлее. Пашко включил свет и ахнул: горка горела, он сдвигался влево и вправо, и острые яркие лучики появлялись все в новых местах. Конечно, это бриллианты. Куда с ними? Сначала хорошенько прибрать, не столько от брата, сколько от недобрых людей. Положил в тот же сапог в подполе, заткнул сухим голенищем другого сапога и бросил к самой стенке.

Вдруг вспомнился стоматолог, его злой взгляд при выходе из кабины. Пашко много слышал про убийства из-за денег, но как-то не подумал, что это может коснуться его. Лег на кровать и стал думать. Зубодер знает, что золото у него есть, есть и карточка, на которую Гуля положила деньги. Выдавить код карточки и оставшееся золото ничего не стоит, Пашко понимал, что если ему будут вставлять паяльник, он отдаст все до последней мелочи в кармане. Если уж сознание потерял, когда кровь брали из пальца на анализ, то тут он долго сопротивляться не будет. Главное, чтобы Сашка дома не было.

Пошел к Мите. Зная, что с ним без бутылки разговора не составишь, вытащил из-за печки бутылку водки. Прятал так, от чужих глаз, Сашко к водке равнодушен. Митя возился во дворе, гостя встретил с интересом:

— Так, с Кургузкиным вы электроплиту варили, на которой кабанов можно жарить, а ко мне ты пришел, чтобы я тебе на огороде Байконур отчебучил? Литр водки, и стартовая площадка готова. У меня и материал припрятан.

Пашко насторожился: растрепал электрик, вот и верь после этого людям. Мите сказал:

— Ты все правильно рассчитал, теперь надо кабана завалить, а нечем. Не одолжишь двустволки?

Митя стал серьезней:

— Зачем тебе оружие, если ты сроду не охотник? Вот я без выстрела недели прожить не могу. Представь себе, без бабы могу, а без ружья

нет. А, помню, в детстве ты постреливал, пока менты не отобрали. А сейчас зачем? Объясняй!

Пашко встал:

— Ладно, Дмитрий, извини, не знаю отчества, и на том спасибо, что поучил уму-разуму, — и пошел.

Митя крикнул вслед:

— Приходи с литрой, поговорим.

Пашко промолчал и направился к Гоше Семиколенному, вроде водилось у него ружьецо. Гоша спал на диване, а в телевизоре президент на весь дом рассказывал ему на пресс-конференции, как хорошо в стране российской жить. Гость понял, что в доме больше никого нет, выдернул розетку телевизора, президент на мгновение задумался, произнес неслыханный звук и исчез. Гоша вскочил.

— Что, опять едем?

Пашко засмеялся:

— Понравилось?

— Хорошо платишь, Пашко, потому и понравилось. Да, водитель, права заberi, все путем.

— Еще есть шанс заработать. Мне ружье надо, причем, сегодня, и на время, к весне свое куплю.

— Споемся. А патроны?

— Надо и патроны, но только картечь.

Гоша аж присел:

— И на какого зверя?

— Не задавай вопросов. Или ты даешь мне ружье и пяток патронов с картечью, либо я нанимаю другого водителя.

Гоша вскочил:

— Обожди, не гони. Ружье сначала найти надо, потом обслужить, потом пристрелять хоть малым зарядом, да тебе картечи зарядить. Слушай, Пашко, а ты не надумал ли кого-то мочкануть?

Пашко засмеялся:

— Кого у нас в деревне можно мочкануть, и за что? И так все ходят, как убитые.

Гоша согласился и полез на полати искать ружье. Выволок двустволку, вполне приличную на вид, переломил, заглянул в стволы — надо чистить. Шомпол отдал Пашке, сам стал снаряжать патроны. Все у него получалось быстро, и ружье, и патроны были готовы разом.

— Пошли за огород, возьми вон фанерку, пальнем пару раз дробью, да один картечью. Не жмись, я тебе семь штук зарядил.

Посмотрели пробитую фанеру, и дробь кучкой, и картечь в самую середку с обоих стволов. Гоша пару раз заставил Пашко разобрать и собрать ружье, потому что это не вилы, на плече не понесешь. Патроны сложил в карман, ружье в футляр и мешком обернули. Донес до дома, никто и внимания не обратил.

Загудел мобильник.

– Это Пашко?

– Да.

– Здравствуйте, я Адия, подруга Гули. Ничего не изменилось? Тогда так. Я сейчас звоню Петру Петровичу, владельцу магазина и назначаю ему встречу на завтра. Приеду в село, сразу вам позвоню, будьте на месте.

* * *

Адия приехала в десять часов и сразу позвонила, сказала, чтобы на всякий случай терся в кампании любопытных. А чтобы сразу узнала, газетку в руках держал. Сама подъехала к офису торгаша, он даже встретить не вышел. Начала с порога:

– Петр Петрович, вы работаете в зданиях, обладающих большой исторической ценностью. Это постройки конца восемнадцатого века. Я уж не говорю о том, что право пользоваться ими вы не получили в нашем ведомстве, вы хоть какой-то договор аренды предъявите.

Петька, конечно, труханул. Какой договор аренды, когда сунул, кому надо, в комитете по имуществу, так и оформили все бумаги. Платит в год копейки. Но достал и предъявил. Адия глянула, даже в руки не взяла:

– В сортире на стенку можете их повесить. Сколько лет эксплуатируете объекты национального достояния?

Петька на то и бывший парторг, пошел в атаку:

– Какое достояние? Шесть лет. Отопление подвел, проводку заменил, крышу перекрыл. На всех.

– Судить вас придется. Старая кровля какая была?

– Черепица.

– Черепица? Да вы варвар! Мы по всей области ищем старую черепицу, чтобы восстановить музей книги, а вы все на свалку? Ну, варвары! Договора ваши передам в областной департамент по госимуществу, думаю, за шесть лет они вам насчитают на годовой объем товарооборота. Поехали, посмотрим, как выглядят полуразграбленные исторические здания. Да, по экскаватору вы все решили?

– Будет экскаватор. Только я так и не понял, для чего?
– Копать будем с задней стороны здания и смотреть фундамент. Вы представляете, что третий век метровые стены давят на фундамент. Что в нем, в каком он виде — все это я должны проверить. Возможно, эксплуатацию зданий как мест скопления большого количество людей, придется прекратить.

– Какое скопление? Денег нет у людей, какое скопление? Им хоть живого осетра привези, все равно купят только минтая.

Посмотрели два магазина, подъехали к хозяйственному. Экскаватор уже стоял у крыльца. Пашко вышел из магазина как раз к подъезду комиссии. Адия махнула ему рукой:

– Молодой человек, вы не очень заняты?

– Свободен.

– Прошу помочь мне, я оплачу. Так, Петр Петрович, трактор с той стороны пусть заходит. Как вас зовут?

– Пашко.

– Определите середину стены. Следите, чтобы копал не по камню, не царапал фундамент, а небольшой слой мы потом лопатой снимем. Верно?

– Понятно. А глубина?

Адия обратилась к трактористу:

– На какую глубину вы можете зарыться?

– А сколько надо? — тракторист улыбнулся.

– Два двадцать.

– Влеготку, — мужик хохотнул.

– Смотрите, осторожно.

– Да, а кто мне платить будет? — поинтересовался тракторист.

– Петр Петрович, конечно.

– Ну, с него соскользнешь...

Тракторист расставил лапы экскаватора, поерзал трактором по снегу, встал напротив Пашковой отметки и начал рыть. Мерзлый грунт поддавался плохо, но с каждым движением ковш вынимал приличное количество земли. Адия ушла в машину греться, Пашко не мог покинуть пост, на котором оказался вроде как случайно. Дело пошло совсем хорошо, когда прошли мерзлый грунт, Пашко стоял над ямой и следил, чтобы ковш не касался фундамента. Сунул палку в яму — нет двух метров, кивнул трактористу: еще. С запасом прошли двухметровую глубину, подошла Адия, посмотрела фундамент.

– Как думаете, Пашко, чем крепили кирпичи древние строители, ведь вездесущего цемента еще не знали?

Пашко смутился:

– Что-то слышал, но не знаю.

– Известью. На Руси при строительстве церквей в раствор добавляли яйца и молоко. Но довольно об этом. Как вам ямка?

– Спасибо. Вполне...

– Тогда я поехала. Еще забегу к Гуле. Привет ей передавать? Что вы так смущаетесь? Деревня сохраняет скромность и стеснительность. Господи, а какими бы мы были в своих аулах? Так что с Гулей? Имейте в виду, вы ей нравитесь. А она совершенно свободная девушка, в отличие от меня. Я к свадьбе готовлюсь.

– Поздравляю.

– Будьте счастливы. До свидания.

– А Петр Петрович?

– Я пришлю ему бумагу. И сдам с потрохами, магазинами он пользуется незаконно.

Подошел тракторист, злой и нервный.

– Вот суки! Она в партком отправила за деньгами, а Петька к ней. А ее уж дырка свись! Зарою на хер эту яму!

Пашко спохватился.

– Обожди, она оставила деньги, возьми, а зарывать только завтра, она какие-то анализы будет делать. Ну, тебе скажут.

От души отлегло, когда ушел трактор. Смеркалось. Хоть бы скорей! Не стал ждать темноты, прыгнул в яму, быстро лопатой стал отбрасывать землю, и уже через десяток ударов услышал металлический стук. Упал на колени, руками выгребал землю, пока не выколул свинцовую шкатулку. Открывать не стал, выбросил наверх лопату, выкарабкался сам, огляделся, тропинкой школьников пошел домой. Сашко уже ушел в котельную, на плите стояла вареная картошка, на столе бутылка с подсолнечным маслом. Пашко осмотрел шкатулку, нашел маленький замочек, сковырнул его ножом и открыл крышку. Вывалил на стол всякие дамские побрякушки: кольца, браслеты, цепочки, перстни, часики и какие-то еще непонятные безделушки. Собрал все в шкатулку, опять в подпол, в завалине у печки зарыл в землю. Все. Клад взят. Надо принимать решение. Учитель – ладно, дать ему денег на прожитье. А что с Сашкой? Сунуть чуток, сказать, что больше ничего нет? Понял, что это глупость. Ладно, об этом потом. В сенях в шкафу отыскал сверток с колбасой, отрезал кусок хлеба и пошел в котельную.

Сашко испуганно вскочил:

– Что, брат, пусто?

– Пусто опять. Но у нас еще один магазин в запасе. Терпи.

– Да я что! – с улыбкой ответил Сашко. – Мне все равно, не жили богато, и начинать не надо. Так спокойней. Богатство уж столько людей зверьем сделало. А ну, если и мы так? Не надо, вот есть картошка, маслице, весной корова отелится. Слушай, брат, и дай совет. Аниска настаивает на женитьбе, и домой вести некуда, и к ним идти нет охоты.

– Ты говорил, что она беременна, и точно от тебя.

Сашко расплылся в улыбке:

– В положении, точно, она вчера ко мне приходила. Тянуть-то больше некуда, а то на свадьбе родит. Позор.

– Успокойся. Никакого позора нет. Вот вскроем тетки Матренки магазин, все-равно что-нибудь будет.

– Ну, это твое дело, брат, ты его затеял, ты и завершай. Я и сразу не шибко надеялся, а теперь понимаю, что только своими руками. Заведем с Аниской хозяйство и будем поживать. Еще в гости на свежую сметанку ходить будешь.

* * *

Со смены Пашко пришел никакой, Сашко заметил, что брат не в себе:

– Ты не заболел? Ну-ка, дай лоб. Брат, горячо. Обожди, я сбегаю в медпункт.

Принес пакет с лекарствами и привел Аниску:

– Боюсь тебя одного оставлять. Аниска, поставь градусник. В сенках клюква мороженная, принеси, сок выдави и дай с горячим чаем. Да покорми хоть чем-нибудь.

Аниса выпоила все таблетки и капли, какие сказала фельдшер, поставила горчичники на грудь и на спину, сварила кашу на молоке, кинула в тарелку ломоть масла:

– Поешь, Пашко, сытому болеть легче. Вот. А теперь я тебя укутаю, и спи, а я рядом буду.

Пашко забылся, голова кружилась, и вместе с нею кружились магазины, лом и лопата, кучи земли, потом прямо перед ним встало золотое солнце, оно палило глаза и сжигало лицо. Парень хватался руками за лицо, девчонка едва его удержала.

– Не бойся, это бред. Что я говорил?

– Да ничего. Мычал что-то.

Он опять забылся, и уже монеты стали кататься по столу, прыгать на подоконник, потом на пол, проваливались в щели и падали в подпол. Он пытался их поймать, но все скользило сквозь пальцы.

Увидел мать, как она всегда сидела вот на этой кровати и что-то вязала, носки да рукавички, а потом подала Пашко толстый свитер из овечьей шерсти. «Поди и не примешь теперь, сказывают, ты сделался богач. И с братом не делишься. А неужели не дашь брату его долю?». Пашко закричал, что ничьей доли тут нет, все мое, я все нашел, я все вырыл, и ни с кем не буду делиться!».

Аниска пошевелила его, он очнулся, попросил пить. Она дала ему морс теплый из клюквы. Попил. Она обтерла лицо полотенцем, сняла горчичники.

– Долго я спал?

– Да минут десять.

– А чего говорил?

– Да всякую чушь. Жар, вот и лезет в голову всячина. Про золото кричал, что никому не отдашь. Успокойся, спи. Жар-то сняло немного.

Пашко боялся уснуть, чтобы еще что-нибудь не выболтать. Почему он матери сказал, что ни с кем делиться не будет? Значит, уже сложилось это в башке, жалко отдавать. Представил, как уедет в большой город, купит дом, женится на Гуле, машину возьмет самую шикарную. Да, он имеет право, а дать кому или не дать — это его дело. Когда денег много, хочется, чтобы их было больше. Он опять провалился в тяжелый сон, опять увидел того черта, что приходил в прошлый раз и ругался матом. «Слышь, сумел хапнуть богатство — никому ни гроша! Ты представь, что творилось бы на свете, начни богатые делиться с бедными? Это же смех! Такого нигде в мире не бывало, уж я-то знаю! Ты богач, тебе все поклоняются, двери открывают, ручку целуют. А раздашь — и кто ты будешь? Как был Пашко, так и останешься. Вам бы для компании еще пару чудачков, и было бы, как у нас заведено: Сашко, Пашко и Колупай с братом. Колупай — это как бы легонький умишком, ну и брат его соответственно. Отдашь богатство — пришлю тебе Колупая с братом, и будет полный комплект. Ни копейки никому, слышишь? А то я могу в обиду впасть!».

Проснулся под утро, Аниска спала, раскинувшись на диване. В слабом свете, падающем из избы прямо на ее фигуру, Пашко вдруг заметил, как похорошела Аниска, видно, беременность ей на пользу. А брат? Будет чужого растить, как своего? Или дите в самом деле его? Да пусть как хотят. Дам брату немного, может, дом куплю и хозяйство. Нет, в

деревне нельзя, заметно: из грязи в князи. А куда их, в район? Все равно узнают. В город Сашко не поедет ни под каким предлогом.

Задремал, встала Аниска, опять лекарства, градусник. Улыбается:

— Нет температуры, организм у тебя здоровый, скоро переборол. Ты лежи, я домой сбегая, управлюсь, потом уж с вашим хозяйством.

Голова шумела и побаливала, но не это беспокоило Пашко, из ума не выходили сны и видения, больше всего черт. Откуда он взялся? Из материнских вечерних страшных сказок, которые она наговаривала, чтобы парнишка никуда не бегал вечерами, а привыкал к дому? Но это было так давно. Из читанных позже жутких книжек Гоголя, где черти жили и творили свои дела на земле, между людей? Те черти были пакостливые, но почти безвредные. Один даже паренька свозил в Санкт-Петербург, к царице за тапочками для невесты. Правда, не по доброй воле, но свозил же. А тут — угрозы, и все похоже, как в молитве сказано.

Гуля же снилась, как он забыл? Жемчуга перекачивает с руки на руку, любит, просит подарить, а те штучки из оловянной шкатулки, которые и сам Пашко путем не рассматривал, не интересны они ему, он соображает, как это на деньги перевести — так эти штучки она примеряет, и все ей баско, все к лицу. Молчит, но глазами просит подарить ей эти безделушки. Пашко тряхнул головой: вот сон, пустяк, а как теперь на Гулю смотреть? Может, у нее в головке именно такие мысли и бродят? Может, не Пашко ее волнует, а богатство, о размерах которого она еще не знает?

* * *

Пашко крепко запер калитку, дверь в сенки хоть и худая, но все равно на жердочку припер, входную в избу защелкнул на крючок. Крючок самокованный, в косяк вбит на четверть, петля тоже кована, два острых жала через трехдюймовую плаху двери пропущены, загнуты и в избу возвращены. Было время, всего боялись люди. А сейчас Пашко стал бояться. Специально в район съездил, купил пачку папковых заводской зарядки патронов дробовых, и пачку картечью заряженных. Продавец потребовал охотничий билет, Пашко сказал, что дома на рояле оставил и положил на стол солидную бумажку, дороже стоимости всех патронов. Выходил под вечер на огород, стрелял просто так, чтобы к ружью привыкнуть.

В этот вечер опять размышлял над богатством. Знающие люди говорят, что все можно продать, только надо в приличный город ехать и находить интересующихся. Про всю хрень в свинцовой коробке

узнал, что можно в разных местах по разным паспортам сдать в комиссионные магазины, а бриллианты только ювелирам или иностранцам, но до них Пашко не дотянуться.

Полежал на диванчике, почитал какую-то книжку, Гуля подсунула. Хорошая девчонка, только другой народ, сколько она добра для него сделала, а все время от времени прочикивалась грязная мыслишка, что не Пашко, неграмотный деревенский парень примитивной культуры, да и не красавец, если честно сказать, не он, а то богатство, которое волею случая оказалось в его руках, прельщают ее.

Пашко выпил кружку горячего чая с плиты и лег под одеяло. Плохо протопил Сашко, печка уже остывала, а ночь вся впереди. Ружье, заряженное двумя патронами с картечью из магазинной пачки, положил на полку дивана. Так делал каждый вечер, когда ночевал дома, подменяя в ночную смену Сашко. Про ружье брат знал, потому что Пашко уносил его в котельную на смену, но даже спрашивать не стал. Оба чувствовали, что чужими становятся с каждым днем. Ладно, все утрясется, завтра с Сашком про богатство поговорим, может, махнем в город, ему квартиру с Аниской и себе тоже приличную, чтобы не стыдно было Гулю и Адию в гости пригласить.

С такими мыслями и уснул, не слышал, как подошла прямо к воротам машина, как сломалась задвижка на калитке, как хрустнула жердочка на сеночных дверях. И только когда рванули кухонную дверь, очнулся и мигом сообразил: это они! Подергав дверь и поняв, что открыть ее не удастся, гость подал голос:

— Пашко, это дантист, стоматолог. Отдай мне золото, сколько есть, и я уеду. Не откроешь — будет хуже. Браток твой уже в котельной лежит, я его зарезал, или не знает ничего про золото, или полный дурачок. Но ты все отдашь, потому что я пойду окно вышибать, если дверь не смогу сдернуть.

Пашка схватил ружье, взвел оба курка, подошел к двери:

— Не ори на всю деревню, повтори свои условия через дверь, я ухо подставлю.

Услышал четкий вкрадчивый шепот, поднял ружье и дважды выстрелил, на уроне шепота и живота. Стоматолог молча завалился, Пашко перезарядил стволы крупной дробью, прислушался, осторожно снял крючок и резко пихнул дверь. Она открылась только наполовину, тело мешало. Пашко выполз в ограду, присмотрелся — никого. Из калитки резко осветил салон машины — никого. «Вот дурак, — подумал, — на такое дело один пошел. Или жадный через чур». И вдруг —

Сашко! «Братец твой лежит!». Набрал «Скорую», кратко сказал, что сам бежит к раненому брату. Сашко лежал на топчане на правом боку, кровь стекала на грязный пол.

— Сашко, брат, очнись, Сашко!

Он распахнул куртку, разорвал рубаху и припал к груди. Сердце билось. Выскочил на территорию, помахал фонариком, машина со стороны райцентра свернула к котельной. Врач и медсестра осторожно сняли с парня одежду, поставили две капельницы, перевязали три колотых раны.

— Доктор, это мой брат. Он должен жить. Я вас умоляю, я заплачу любые деньги, чтобы он жил.

— Не мешай доктору, — шепнула медсестра. — Будет жить твой брат.

Уже из машины врач сказала:

— Надо милицию вызвать. Звони, и наши сообщат.

Проводив машину, Пашко вернулся домой, стоматолог лежал на спине, неловко подогнув ноги. Он вышел во двор и набрал милицию.

— Я застрелил человека. Село Сладчанка, улица Зеленая, 21, — и нажал кнопку. Спустился в подпол, собрал в один мешочек все ценности и закинул на пологую крышу домика, покрытую рыхлым снегом. Мешочек сразу провалился. Прошел в дом, разжег приготовленные Сашкой дрова, стало потеплее. Через полчаса с диким воем подлетела машина, на всей улице в домах загорелся свет. Два милиционера вошли в избу, третий остался с доктором в сених, потом и они вошли.

— Где ружье?

Пашко указал на диван.

— Почему долго не сообщал?

— Он брата моего зарезал в котельной, потому я сразу туда. Потом уж врач сказала, чтобы позвонил.

— Виктор Иванович, это же наш стоматолог! И что он тут делал? Что он к тебе ломился?

— Спросите у него. Не знаю. Грозил окно выломить. Ни пить ни есть не просил.

— Ты, парень, шутки не шути, хотя ясно, что с твоей стороны самооборона, но причина, причина разбойного нападения врача-стоматолога на бедный деревенский домик? — Виктор Иванович внимательно посмотрел на Пашко: — Может, у тебя клад в подполье?

Когда написали все бумаги и сделали фотографии, Виктор Иванович сказал:

— Поедешь с нами. Я помощник прокурора, тебя не арестовываю,

понимаю, что надо еще с братом встретиться. Мы им займемся, когда немного очухается. А ты будешь под подпиской.

Пашко спросил:

– Можно, я во двор выйду?

– Иди.

Пашко свернул за плетеный сарайчик и позвонил Гуле. Та ответила сонным голосом.

– Гуля, случилось страшное, брат ранен и в больнице, ко мне приехал стоматолог и грозил на ремни порезать, чтоб забрать золото. И я его убил.

– Какое золото, Пашко, ты же ему все продал. Ладно, что делать мне?

– Будь у милиции, меня сейчас привезут. Прошу.

– Буду.

Она действительно пришла, и Виктор Иванович, предупредив вопрос задержанного, кивнул: «Иди!». Гуля обняла парня и стала говорить ему на ухо, что «все продал» – значит, у тебя ничего нет. Карточки забрала и дважды попросила повторить код рублевой – деньги потребуются, и немалые. Утром пообещала съездить к Сашко. Чмокнула в щеку и побежала домой.

В камере было человек пять, все уже спали, грохот дверей разбудил, потому ворочались и матерились. Утром Пашко вызвал Виктор Иванович:

– Слушай внимательно. Ружье не твое, зачем ты его взял у знакомого? Ждал кого-то? Почему? Откуда у тебя при зарплате коту под хвост две банковских карточки, к тому же одна валютная? У стоматолога в сейфе нетронутая плитка золота еще царской отливки. Отсюда вывод: ты нашел клад. Хорошо, нашел, но ты должен был, как законопослушный гражданин, отдать его государству, а оно определило бы, сколько вернуть тебе в качестве вознаграждения. Что скажешь?

– Вот что скажу: этому государству у меня и мысли не было отдать найденное. Что я от него видел? Мать угробилась на работе, мы с братаном вместо школы на ферму, а когда коров новые князья и бояре на колбасу перевели, пошли по рукам: сегодня похороны, завтра туалет рыть, к зиме вот на котельную взяли, спасибо им. А я нашел ничье и отдать? Да я лучше еще дальше закинул бы, знай такой расклад. Теперь о деле. Коли вы знаете про карточки, я отдам вам валютную, там приличная сумма в евро. А вы отпустите меня, ведь я ни в чем не виноват. Зубодер думал, что у меня ящики этих слитков, раз пошел на такое, брата порезал, сволочь, и меня обещал кончить. И кончил бы, потому что дать ему нечего, но он никогда в это не поверил.

— В твоём доме провели обыск, действительно, ничего нет. А ты не боишься, что карточку я возьму, а тебя не отпущу?

— У меня что, выбор есть?

— Верно, — улыбнулся Виктор Иванович. — Собирайся, сбегай к брату, твой телефон у меня есть. Деньги с карты придется снять, сам понимаешь. Пока ты все дела свои устроишь, я подготовлю постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Встретимся около районной администрации, со стороны садика, ты мне деньги, я тебе постановление.

— Виктор Иванович, со мной будет девушка, Гуля из банка, она своя в доску, но настаивает, чтобы был свидетель.

— Ох, пугаешь ты меня, дорогой, но я согласен, потому что ты действительно хороший парень. До встречи.

* * *

Аниске утром отец сказал, что Сашко порезанного ночью в больницу увезли, сказали, будет-нет живой, крови много вытекло. Она наскоро оделась, выскочила на большак, кто-то посадил, довез до района, бегом прибежала в больницу, а тут не пускают.

— Да как же, девчонки, жена я ему, отчего нельзя-то? Разве ему хуже будет, если меня увидит?

Медсестры поняли, что она не отступит, одели в белый халат и в шапочку, провели в палату. Сашко лежал с закрытыми глазами. Она встала на колени перед его лицом и прислушивается, дышит ли. Сестра тронула за плечо:

— Он в сознании, видимо, уснул.

— Я тихо, девоньки.

Лицо потрогать боялась, только шептала:

— Милый ты мой родной, Сашко, пусть ты меня бросишь, может, я того и стою, только ты не умирай, живи, и я как-нибудь рядом, хоть изредка погляжу. Знаю, что не простишь ты мне всех моих грехов, и обмана не простишь. А все одно признаюсь, сниму грех с души, человек, когда он между небом и землей — он все равно, что святой, ему можно всякие тайности доверять. Вот и покаюсь. Прогонит — уйду, зато душу облегчу. Всю жизнь врать не будешь.

Сашко облизал пересохшие губы и открыл глаза:

— Аниска, это ты бормочешь, а я понять не могу, толи еще сплю и сон вижу, толи обморок со мной. А это ты. Про чьи грехи ты говоришь?

— Про свои, Сашко, родно мое! Грешна я перед тобой. После пер-

вой-то ночи трусики тебе показывала — убей меня, Сашко, — не девичья то была кровь. И ребеночек может тоже не твой. Сучка я подзаборная, любимый мой, гони меня со двора. Видно, проклята я людьми какими или род наш такой непутевый. Прости меня, и я уйду.

— Куда же ты пойдешь? Тебя никто не гонит, если врач придет, скажу, что жена.

Аниска тронула его за плечо:

— Сашко, а ты все слышал, что я говорила? Ты все понял? Ты не будешь меня убивать потом каждый день, как тятка мой увечил мать, что не девицей пришла?

Сашко грустно улыбнулся:

— Дура ты, Аниска, ты мне любя, и я тебе тоже, и кто нам что может переменить? Вот встану, оклемаюсь малость, и перейдешь к нам жить. Брат против не будет, он добрый.

— Кто это у нас загостился? — грозный голос хирурга. — Ты кто ему, сестра, подружка, а может быть — жена?

Аниска кивнула.

— Я давно заметил, что любовь способствует выздоровлению более, чем лекарства. Но, извини, у нас свои дела, пойди погуляй. Есть ему ничего не бери, мы сегодня малость кишочки ему укоротили, так что будет питаться святым духом и вот из этих пузырей.

Доктор осмотрел заклеенные швы, позвал санитарок сделать перевязку:

— Не тошнит? Пить хочется? Пока нельзя, не балуйся, раны у тебя серьезные, но не смертельные. Через недельку верну тебя к твоей красавице.

— К кому? — не понял Сашко.

— Вот чудака! К жене.

Пашко к брату пустили сразу после обеда, сказали, что не более пяти минут. Сашко лежал на спине, в обеих руках капельницы, лицо бледное.

— Брат, ты его убил? Скажи, тебя не посадят? Мне казашка сказала, что не посадят. Правда?

Пашко кивнул головой, хотел что-то сказать, но ткнулся лицом в вонючий матрас, прикрытый испачканной кровью простынкой. Слезы стыда и вины душили его. Как он мог столько времени скрывать от брата свои находки? Что он возомнил о себе? Как думал жить с таким камнем на душе? И совсем хотел скрыться. Не криви душой, Пашко, совсем хотел скрыться, оставив брата наедине с бедностью. Было! И как теперь сказать?

— Братко, ты не реви, я живой, все срастется, мы с тобой еще и женимся, ко мне Аниска приходила, зареванная...

— Сашко, брат, ты прости меня, ведь я все закладки раскопал и везде нашел, что искали, а тебе не сказал. Прости меня, хотел скрыть, жадность обуяла, будь я проклят на том и на этом свете!

— Пашко, ты зачем так? Нельзя себя проклинать. Я ведь без претензий. Нашел, и слава богу. Да я и понимал, что нашел, только не говорил ничего. Мне и сейчас ничего не надо.

Пашко рыдал и не мог выдать слова. Был смертный стыд перед братом, но уже ослабла внутренняя пружина, давившая грудь в последнее время, преодолел себя, и от того был счастлив.

— Брат, мы с тобой заживем, клянусь матерью своей, нет у меня других святых, клянусь, что все до копейки поделим.

— Ты про учителя не забудь.

— Не забуду. Домик ему приличный купим и на книжку положим, чтоб до смерти хватило.

— Ко мне Аниска приходила, я начал рассказывать, да ты смешал. Плачет, кается, что обманула меня в первую ночь. Ревет, вот тут же уткнулась, медичка хотела ее увести, я попросил. Аниска и говорит: «Милый мой Сашко, я изо правды беременна, может, и не от тебя, только ты меня не бросай, я буду тебе верной женой и хозяйкой, и любить буду всегда».

— А ты что ответил?

— Что я отвечу, брат? Хорошая она, ласковая, заботливая. Женюсь на ней, если ты не против.

— Ну вот, придумал, почему я буду против твоего счастья? Рад за тебя буду, Аниска правда, девка славная, и любит тебя.

Медсестра подошла проверить капельницы:

— Молодой человек, вы злоупотребляете.

Пашко встал. Ему было легко и свободно. Он впервые за несколько недель открыто смотрел на брата.

— Лечись, я с врачом поговорю, может, надо чего.

— До встречи, Пашко, ты бы Аниску вместо меня определил в кофельную, чего она без дела будет?

— Нет, я ее к тебе отправлю, вместе вам веселей будет.

Спросил сестру, и она проводила его до кабинета врача. Пашко поздравствовался:

— Доктор, я брат этого вчерашнего резаного. Вы мне скажите, может, надо что из лекарств? Чтоб быстрее на ноги поднять.

— За ваши деньги — любой каприз. Я напишу рецепт, если есть возможность купить. Но предупреждаю: это недешево.

Пашко вышел, подозвал медсестру:

— Девушка, вот деньги, — он сунул в нагрудный карман халата. — Попросите нянечек, пусть у брата матрас и все остальное заменят. Если нет свежего — я принесу. И вот эти лекарства купят. Сделают — отблагодарю. Пойдет?

— Пойдет, — улыбнулась девушка.

* * *

Митя выследил, что Пашко прошел к Гоше, и тут же нарисовался, поздоровался, сел в передний угол:

— Все каюсь, Пашко, что отказал тебе в ружье. Для лучшего друга пожалел! А Гошкино могло дать осечку, старье есть старье. Теперь бы и девятый день справили, зарезал бы зубодер, как пить дать. Вот только Сашко-то он за что? Меня тоже вызывали, допрашивал следователь, по почкам бил, пистолет к виску приставлял: зачем парень просил ружье? Но я ничего не выдал.

— Врешь ты все, Митя. Никто тебя не вызывал. И что ты мог выдать? Ну, я попросил, ты не дал, я ушел.

— Откуда им знать? А, может, мое стреляло? А мне это ни к чему. Свадьба у меня намечается, перехожу к Мякеше. Вот бражку на саmogон перегоним, и загудим медовый месяц.

Пашко стало интересно:

— Она же старше тебя, да и намного, поди, годов на десять.

Митя рукой махнул:

— Бери выше, на тринадцать, на чертовую дюжину. Но, как говорится, любовь ровесников не ищет. А хозяйство какое у Мякеша? Мотоцикл «Урал», бензопила «Дружба», телевизор «Рекорд». А какая кровать! Только доползешь, ткнешься — и уже спишь.

Пашко засмеялся:

— А Мякеша?

— Понял. Маху дал. Ребята, это не любовь, это сказка. Мякеше, по доброму, в фильмах надо бы сниматься, красава! Пашко, дело прошлое, скажи, почему именно тебя хотел добыть зубодер? Лучшему другу! Неужто правда, что пообещал ему золота на зубы, а потом трекнулся?

Пашко насторожился:

— Какое золото я мог ему обещать, Митя? Знаешь, кого раньше золотарем звали? Не того, у кого золота, а того, кто сортиры чистил. Ты меня к этому хочешь приравнять?

Митя тяжело вздохнул:

— Пашко, лучшему другу! Почему я должен узнавать архиважные новости от полоумного Викентия? Он сказал Мякеше, чтобы меня не принимала, а дождалась его, Вику, что он скоро станет богатым, как арабский эмират, потому что они с Пашком, с тобой, то есть, нашли золотой клад.

Пашко так и обмер, сказал только:

— Ну, Викентий Амбросимович горазд по части выдумок. Это он мозги туманил твоей Мякеше, а ты и поверил.

Но сообщение Мити всерьез встревожило Пашко. От Гоши, не простившись, забыл, зачем и приходил, бегом к учителю. Тот встретил гостя в дверях, радовался благополучному исходу, и не переставал улыбаться. Пашко начал с матерков:

— Викентий Амбросимович, твою мать, почему вся деревня знает о кладе?

Таратугин даже не вздрогнул:

— Ну, положим, не вся, не вся, а только особо доверенные лица. Не вся деревня, а только возлюбленная Мякеша.

— А разве это не одно и то же? Если деревня на утро знает, с кем ночью она переспала, вы думаете, про клад у нее хоть на минутку задержится?

Учитель обиделся:

— Пашко, вы почему так плохо думаете о людях?

Пашко взревел:

— Мне о людях — насрать! Я о кладе думаю! Если этот слух дойдет, куда надо, меня опять возьмут за задницу, и тут уж десяткой евро не открутишься.

Викентий Амбросимович просиял:

— Пашко, значит, клад найден? И почему я узнаю об этом только сейчас?

— Наверное, и в этом мое счастье. Не зря сказано: избави бог нас от таких друзей, а с врагами мы сами справимся. Конечно, теперь уже все пойдет, как по маслу, и уже завтра мы встретимся с Виктором Ивановичем, но уже на других условиях.

Викентий Амбросимович засуетился:

— Пашко, в чем проблема? Выкладывайте, и будем искать решение. Это я вам как математик, говорю, решение всегда есть.

Пашко без деталей и подробностей рассказал о том, что клад — это не демократические пятитысячные бумажки, а драгоценности, которые продать не так просто. Учитель попросил уточнить, что за дра-

гоценности. Когда узнал, что это золото, бриллианты и ювелирные украшения, оживился и забегал по комнате. Пашко терпел, сколько можно, потом окликнул:

— Эй, гражданин Таратутов, вернитесь в реальность! Вам срок светит, как соучастнику, а вы радуетесь.

— Дорогой мой юный друг! То, чего вы так испугались, и подтолкнуло меня к верному решению. Коли пошли разговоры о кладе, его надо легализовать.

Пашко еще не дослушал, но уже отрезал:

— А вот хохо ни хохо? Ни грамма никому не отдам!

Учитель саркастически улыбнулся:

— И будете всю жизнь сидеть на куче злата, как тот Кашей? Никто не знает реального объема клада, тем более в ассортименте. Я же вам предлагаю явиться в финансовые органы и сдать золотые слитки, не все, но так, чтобы премия позволяла вам жить без забот. Моя мысль понятна?

Пашко думал. Да, это выход, но надо кинуть им хоть с килограмм, тогда поверят и заплатят четвертую часть цены всего золота. А уж после...

— Хорошо, Викентий Амбросимович, я сегодня все решу. А это вам на первый случай. — Он положил на стол небольшую пачку денег.

Сашко лежал на кровати и ждал. Аниска убежала домой по своим делам.

— Что, брат, плохие новости?

— Не могу ума дать, что теперь делать. Сообщник предлагает часть золота сдать, за него получить законную премию, и тогда можно потихоньку продавать остальное, и открыто жить в достатке. Но это надо обдумать.

Действительно, учитель прав в одном: сдача части клада легализует деньги, и тогда уже никто не спросит, откуда машина или дом в городе. Но велик риск, что просто обманут, обождут какой-нибудь бумажкой, найдут нужную статью и все конфискуют, а в чью пользу — разницы нет. А что, если сыграть в открытую, пойти к Виктору Ивановичу и спросить его совета? Да, придется дать, но только после получения положенного вознаграждения. Окончательно запутавшись, он позвонил Гуле.

Девушка сразу спросила о самочувствии Сашко, потом о состоянии самого Пашко. Ответил, что состояние жуткое. Очень нужна помощь, совет, но это не по телефону. Гуля засмеялась и похвасталась, что на днях купила маленькую японскую машинку и сейчас приедет.

Он встретил ее у ограды, не хотелось, чтобы она видела всю их нищету, но Гуля настояла, что должна увидеть Сашко. Она села у его кровати и, как мать, тихо спрашивала и тихо же давала советы. Пришла Аниска, Пашко их познакомил. Гуля наказала невесте, чтобы берегла и быстро выходила жениха.

Сели в машину, Пашко кратко все рассказал. Гуля несколько удивилась:

— Пашко, ты будь немного психологом. Деревня, такое событие, все в неизвестности, и вдруг деревенский дурачок объявляет, что есть клад, и он уже почти Рокфеллер. Да об этом поболтают с недельку, и все. Пашко, прости, я вмешиваюсь в твои дела, но как друг, тебе от этого хуже не станет. Я ездила в область по делам и добилась приема президентом банка. Сказала ему о царском золоте в слитках Императорского Банка, он очень заинтересовался. Я уточнила, можно ли совершить сделку инкогнито, то есть, без особой огласки, запросов и вопросов. Сказала, что примерно три килограмма, да? И назвала цену, конечно, Пашко, чуть ниже той, по какой золото сегодня торгуется, чтобы у президента был небольшой корыстный интерес. Десять процентов он готов выплатить наличными, десять положить на карту нашего банка, а остальные на депозит, они будут работать в банковской системе, а ты получишь от этого проценты. Пашко, это самый надежный способ. Сдать государству — выбросить на ветер. Думай, я готова тебе помочь. Да, слитки не протирай ничем жестким, чтоб никаких царапин, сколов и прочего. Если хочешь — я свожу тебя к президенту. Но сначала в магазин, все новое и приличное, потом в гостиницу, душ и переодевание, потом салон красоты, прическа, ногти, руки. Ты должен произвести впечатление. Ну?

— Я давно согласен, Гуля.

— Решено. Едем послезавтра. Возьми один экземпляр, пусть порадует. Ты даже не знаешь, что он будет иметь от этой сделки. Золото — это государственный запас, тем более такое.

Пашко вышел из машины и помахал рукой в след уезжающей Гуле. Он согласился, но что так беспокойно на душе?

* * *

В магазине Гуля знала, кажется, все, и во всем разбиралась. Она замучила юных продавщиц, бракую костюм за костюмом, и те терпели только потому, что впервые пара русский-казашка в предсвадебной суете. Потом выбрали рубашку, легкие полусапожки, красивую шапку, перчатки и шарф. Белье и носки девочки принесли уже в пакете.

В гостинице сняли небольшой номер, Пашко помылся, побрился сунутым Гулей в пакет невиданной трехрядной бритвой, обтерся мягким и пушистым полотенцем, накинул халат (Гуля предупредила) и вышел. Девушка подошла и крепко его поцеловала, он хотел ухватить ее на руки, но Гуля засмеялась:

— Пашко, у нас не остается времени. — Подошла, расчесала влажные волосы. — Я тоже люблю тебя, Пашко. И я буду твоей. Даю тебе слово: как только мы сдадим золото в банк, первая ночь — наша. Тебе не кажется, что я через чур откровенная? Не думай, я не столь развратна, как может показаться, и ты в этом убедишься. Просто судьба нас свела, а я чувствую, что золото как-то стоит между нами. Стоп, про любовь ни слова, до банка десять минут езды. Одевайся.

Президент банка, крупный и сильный мужчина лет сорока, безкоризненно одетый, вышел навстречу, поцеловал ручку Гули и крепко пожал руку Пашко:

— Мы не будем терять время, оно дорого.

Пашко вынул из нового портфеля уложенный в красивый футляр золотой брусок. Президент вынул большую лупу из приготовленного футляра и оглядел брусок со всех сторон.

— Удивительный экземпляр. О цене вы знаете, формальностей никаких, деньги наличными и на карточку по десять процентов, остальные на депозит на три года. Снимите раньше — потеряете проценты. Когда вы привезете остальное и сколько?

— С этим бруском три килограмма. Я могу только через два дня.

— Мы приедем 13 февраля в это же время, — добавила Гуля.

— Все будет готово. Ваш брусок, — он бережно положил золото в футляр и пожал им руки на прощание.

Уже в машине за городом Гуля спросила молчащего Пашко:

— Тебя что-то не устраивает?

Пашко очнулся:

— Меня что-то беспокоит. И президент твой какой-то... Будто его, как и меня, одевали к этой встрече.

Гуля засмеялась:

— Родной мой, президент в этом кресле со дня основания банка. Говорили, что это деньги мафии, в основе банка, но теперь он стал авторитетным, входит в сотню самых надежных в стране.

Пашко проворчал:

— В этой стране уже давно нет ничего надежного. Все строится на лжи и природной доверчивости русского человека. Даже в быту. Па-

рень переспал с девчонкой, она в плаче показывает ему примаранное белье. А все знают, что в уборку она жила в общежитии шоферов всю осень. И он верит.

Гуля не повернула головы:

— Это ты про Сашко?

Парень вспылит:

— Да при чем тут Сашко, Гуля, я про весь советский народ! И давай к тебе заедем, я переоденусь, деревня с ума сойдет, явись я среди бела дня в таком прикиде.

Пашко переоделся в свой домашний костюм, все новое положил на кресло, только белье и носки кинул в пакет.

— Оставь, я постираю, — попросила Гуля. — Оставь. Я хочу на мгновение почувствовать себя твоей женой. Ты на работе, а я стираю трусики и майку.

— Не надо, Гуля, я так боюсь, что у нас ничего не получится. Я тупой и необразованный, бескультурный, галстук завязать не умею. Тебе будет со мной просто скучно.

Гуля заплакала:

— Пашко, почему ты мне не веришь? Или ты не хочешь меня, потому что я казашка?

Он быстро поймал ее и легонько прижал к груди, и вся она, легкая и гибкая, сразу стала частью его, он всю ее чувствовал, от дрожащих коленышек до густых черных волос, всегда аккуратно окаймляющих ее чуть скуластое личико с темными глазами и губками, чуть припухшими и влекущими. Он осторожно коснулся полураспахнутых губ, снова прижал головку к груди и надышаться не мог ее запахами.

— Я никогда не любил девчонок, не пришлось. Было, нравились, но это так, баловство, пообжимались у калитки, и вся любовь. А тебя я боюсь, казашка тут не при чем, ты очень красивая, образованная, у тебя квартира, машина, специальность.

Девушка вздохнула:

— Ладно, милый, поехали домой, через два дня, это четверг, я к тебе приеду, и закончим эту эпопею с золотом.

Около дома он вышел из машины, кивнул ей и вошел в дом. Подумалось: как низко мы пали, неужели в старые времена так жили? Даже при коммунизме был какой-то порядок, продавали новую мебель, на заработок можно было купить всю обстановку. Недавно Аниска заставила его отодвинуть от стены шифоньер, чтобы пол вымыть, он отодвинул тяжелый деревянный шкаф и глазами уперся в желел-

тевшую этикетку: шкаф стоил 38 рублей. Мать получала когда сто, когда больше. Она что, три шкафа могла купить? А сейчас? Заносили мебельный набор начальнику котельных, попросил в магазине Петки—Парткома погрузить, а дома выгрузить и занести. Шептались: комплект стоит двадцать кочегарских зарплат. А мать говорила, что, когда домик был еще новый, стены белили два раза на году, к Октябрьской и Пасхе. Вот и возьми их за рубль двадцать: к советскому и церковному праздникам. Праздник был, когда крышу покрыли шифером. Красота, нигде ни капельки не промокает. А теперь все течет, не белено годами, запах какой-то нежилой, тухлый. Надо сестер позвать, пусть все побелят и перемоют, на постель надо все свежее купить, привезу тихонько, никто не насторожится. Твою мать, а я Гулю сюда заводил! Что она про меня подумала? А целует. Неужто вправду мне так повезло, что такая девушка полюбила? Казашка. У нас их много, разные, но такой красивой, как Гуля, нету. Он даже боялся вспоминать, что пообещала девушка, когда закончим все дела с золотом. Боялся спугнуть. Суеверный стал с этим кладом.

* * *

Сашко пришел с работы веселый, говорит, весь день просидели с Анисой и проговорили, как жить станут, сколько ребятишек заведут, дом новый построят, хозяйство чтобы полный двор, а ребетня с колыбели чтоб к работе привыкали, дармоедов в семье не будет.

— Правильно я понимаю, брат? — спросил Сашко, хлебная деревянная ложка сваренный Аниской суп. Мяса доброго Пашко в городе купил, Сашку можно только крученое на мясорубке, вот Аниска и старается. А Пашко иногда найдет кусок пожирнее и в кастрюлю, а потом с хлебом и луковицу раздавит ладонью на табуретке, аж сок пойдет. Так мать делала. Так вкуснее.

Положил в пакет полбулки хлеба и шмат сала соленого, тоже на рынке прикупил, пошел в котельную. Вчера поздно ночью взял под сараем длинную лестницу, приставил ко крыше и поднялся на самый верх. Бураны все сравнивали, ровная крыша, Пашко не по себе стало, хотя понимал, что никто не залезет и мешок не утащит. Ткнул тонкой палочкой и в мешок попал. С разных сторон его обследовал: лежит, дожидается. Палочкой дырки разровнял, спустился, лестницу на место, два следа от жердин снегом присыпал, притоптал.

Ночь отдежурил, день проспал, ночью опять на крышу, подтянул мешок, нашел мешочек с пластинками, сунул аккуратно за пазуху,

остальное из большого мешка вытряхнул и в снег подальше сунул, а мешок вниз скинул. В этот раз лопату снеговую с собой взял, разровнял поверхность, вроде сойдет. Двери плотно закрыл, занавески на окнах еще старыми материными шаями завесил, свет выключил — даже соседний уличный фонарь не просвечивает. Вынул бруски, сложил в ряд — двенадцать штук по 250 грамм, несколько маленьких отложил в сторону. Три килограмма. На этот случай купил два метра байковой ткани, настриг двенадцать одинаковых кусков, завернул бруски и перевязал бечевкой. К Гуле заедем переодеваться, там она сама распорядится и переложит в портфель. Спрятал надежно в сарае, пошел в котельную, Сашко отправил домой. Сутки провел на работе, только раз сбежал домой, пару котлет закинул, с Аниской поговорил.

— Сына ждешь, Аниса? — спросил с улыбкой.

Аниска кивнула на Сашко:

— Это папаше сына надо, а мне дочь, чтобы сперва нянька, а потом уж ляльки. И матери помощница.

— И много ты надумала рожать? — опять улыбнулся Пашко.

Аниска подняла голову от цела горячей русской печки, вытерла лицо фартуком:

— А это, Пашко, как Бог даст и как Сашко сможет. Сколько будет, столько и рожу.

Пашко собрался:

— Завтра я в город, так что отсыпайся, а я ночь отдежурю.

Сашко встал с кровати:

— Нет, брат, ты бы отдыхал перед дорогой, а мы с Анисой и в котельной ночуем. Как, Аниса?

— Знамо дело, что ночуем, только я сперва хлебы выну из печи.

Когда они ушли, Пашко понял, что брат правильно решил, день завтра непростой, надо основательно отдохнуть. Сходил за свертком в пригон, положил в изголовье кровати, прилег. Завтра все решится. Сдадим это проклятое золото, вернемся в район, ночь проведем у Гули. А потом уедем куда-нибудь, она лучше знает, куда, и будем жить. От всех этих ожиданий было томительно сладко. Часто ли бывает такое состояние у человека? Редко. И не у каждого. Ему повезло, такое чувство посетило его. Они с любимой девушкой сделают огромной важности дело, а потом, приехав домой, станут мужем и женой, потом свадьба, и — прощай, Сладчанка! Пашко поедет посмотреть белый свет. Он так крепко уснул, что не слышал сигнала Гулиной машины. Быстро оделся и выскочил на улицу. Уже светало.

Заехали к Гуле, и все повторилось: он тщательно вымылся, побрился, одел чистое проглаженное белье, халат, она встретила у дверей, горячо поцеловала в губы и шепнула:

— Любимый мой джигит, сегодня наш день.

Президент был так же предупредителен, осмотрел каждый брусок, уложенный в красивую бархатную коробочку, это уже работа Гули, и кивнул головой. Тут же вошла девушка, положила на стол в две стопки одинаковое количество пачек денег в банковской упаковке, запечатанный конверт с банковской картой и два экземпляра уже напечатанного договора на депозит. Гуля все посмотрела, взяла конверт с картой и прочитала договор. Положила его перед Пашко:

— Можно подписывать.

Пашко расписался в указанных местах, они встали, президент молча пожал им руки, и гости покинули кабинет. В операционном зале Гуля подошла к окну, перекинулась несколькими словами с девушкой, и та указала, куда им пройти. В отдельной комнате Гуля положила на банковскую карту половину наличных денег, конверт и карту подала Пашко. Он прошептал:

— Оставь у себя, куда я с ними?

Гуля кивнула и спрятала бумаги вместе с договором на депозит в своей сумочке, поблагодарила коллегу, они вышли из банка, и через полчаса их машина выехала из города. Найдя укромное место, Гуля остановилась, потянулась, потом резко повернулась к парню:

— Поцелуй меня, Пашко, я очень устала и хочу любви.

Он нежно целовал ее в губы, в щеки, в глаза, она что-то мурлыкала, потом оттолкнула парня:

— Все, чуть остынь, а то нам до дома не доехать.

Она включила поворот и выехала на трассу. Машин было немного, да и неопытный водитель, Гуля была очень осторожна. Останавливались еще два раза, чтобы просто размяться, подышать морозным воздухом. Когда выезжали на трассу, Пашко показалось, что они уже обгоняли этот джип, видимо, ребята тоже останавливались по своей нужде.

Гуля долго была в ванной, вышла в легком халате и села в кресло. Пашко быстро разделся, обмылся под душем и вышел в халате. Оба засмеялись. Он опять стал ее целовать, девчонка обмякла и шепнула ему:

— У меня есть спальня...

Часа через два раздался звонок телефона Пашко. Он нажал кнопку, говорила Аниска:

— Пашко, милый, я уже Гошу за тобой отправила, Сашко плохо,

кровь идет, и до больницы не можем дозвониться. Ты его телефон знаешь, позвони, скажи, куда подъезжать.

— Я все понял, пусть едет на Калинина 26, я буду ждать. И мы сразу привезем врачей.

Гуля сдернула с кровати простыню и накрылась халатом.

— Милый, иди обмойся и одевай свое. Деньги заberi, бумаги останутся у меня. Ты не против?

— Конечно, мы же договорились.

Пашко со стационарного телефона набрал скорую и сказал, чтобы немедленно выезжали в Сладчанку, у Зуева кровотечение после операции.

Скоро подошла машина Гоши, Пашко поцеловал Гулю, успел сказать, что очень ее любит, и побежал на улицу. Гошке крикнул, чтобы гнал к больнице, на проходной спросил, вышла ли «скорая» в Сладчанку, там кивнули, и Гоша повернул на деревенский большак.

«Скорая» забрала Сашко, и Пашко тоже сел в машину. Подъезжая к райцентру, увидели большой пожар, но не до этого, там другие машины есть. Хирурги уже ждали, Сашко увезли вглубь отделения. Прошел томительный час. Хирург распахнул дверь операционной:

— Все нормально. Он тяжелое ничего не поднимал? Мясо кусками не ел?

— Откуда мне знать? Я на работе — он дома, и наоборот. Мясо? Жена его хорошо готовит, мог и проглотить.

— Шов разошелся, будет лежать, это хуже, чем плановая операция.

Пашко достал деньги и подал доктору две бумажки:

— На коньяк после удачной операции.

Доктор улыбнулся:

— При такой оплате я бы день и ночь оперировал. Ну, будьте здоровы!

На выходе его ждал Виктор Иванович:

— Вы сегодня весь день провели с гражданкой Касеновой, так?

Пашко похолодел:

— Да. Мы расстались три часа назад. Меня вызвали к больному брату в деревню. Но что случилось? Что с Гулей?

— Тогда мужайся, Пашко. Ее убили и дом сожгли, выгорело все, видимо, было использовано мощное сверхгорючее вещество, потому что пожарники даже подойти не могли без спецкостюмов.

Пашко сел на ступеньки крыльца:

— Может, она успела выскочить? Подожди, кто мог ее убить? За что? Я порву этих людей, я найду их. За нами из города шла машина, джип,

а потом, когда за мной приехал Гоша, мы ее осветили. Гоша, иди сюда. Когда мы отъезжали от дома, ты не заметил джип на той стороне? Ну!

– Пашко, гадам буду, стояла машина. Обожди. Такая же, как у Петьки–Парткома. А номер...

– Гоша, припух!

Подскочил Виктор Иванович:

– Вы номер запомнили? Говорите!

– Не видел я никакого номера. Только джип. – Гошу трудно переубедить.

– Виктор Иванович, ее нашли, хоть что-то? – Пашко посмотрел с надеждой, как будто это что-то меняло.

– Что ты имеешь в виду? Золото, драгоценности?

– Ох, и сволочь ты, майор! И здесь у тебя подозрение!

– Не обижаюсь, Пашко, прими соболезнования, ничего не удалось найти. Там чуть ли не напалм был использован. Кому она была так нужна, или то, чем она владела? Что скажешь, Пашко? Но есть у меня подозрения, что все это как-то связано с золотом.

– Больше, майор, это связано с любовью. Мы сегодняшней ночью стали мужем и женой. Если бы меня не вызвали к брату, все было бы по-другому.

– Да, было бы два сгоревших тела, только и всего. Тут действовали профессионалы высшего класса.

– Найди их, потому что если я найду вперед, я их зарюю.

– Ты что-то знаешь. Поделись.

– А если ничего не знаю?

– Свободен. Поезжай в свою Сладчанку.

* * *

Два дня Пашко не выходил из дома, прямо из горлышка пил коньяк, плакал, и думал, думал. Не давало покоя какое-то скрытое выражение жестокости на внешне благообразном лице президента банка, закрывал глаза, и всплывал в памяти джип. Позвонил Гоше Семиколенному, тот пришел и даже испугался вида Пашко: синюшный, опухший, глаза красные.

– Гоша, напруги память, что на номерах ты заметил?

Гоша присел на стульчик:

– Ты не мстить ли собрался? Выкинь из головы, это бандиты. Номер я видел и помню, но не скажу, иначе и ты пропадешь.

Пашко посмотрел на него жуткими глазами:

— Я так и так обречен, если только это из банка, а других вариантов нет, и они узнают, что я не сгорел вместе с Гулей — отдельно сожгут. Потому я должен знать, кто это, чтобы опередить. Помогите, Гоша!

— Ладно. Но только аккуратно. Номер 123, две буквы О видел. А номера эти спецом выдаются, только для своих, их и милиция не трогает, я от ребят знаю.

Пашко помолчал, прикидывая:

— Поедем завтра в город, надо одно дело проверить.

Гоша насторожился:

— Пашко, если со смертельным исходом, то я пас.

Парень ухмыльнулся:

— Паси, паси, да пораньше пригоняй.

Утром выехали рано, к десяти часам были в центре. Пашко оставил Гошу на стоянке, сам пошел в оружейный магазин, подошел к отделу пистолетов. Подозвал паренька, под ноль стриженного, со шрамом на щеке, попросил наклониться:

— Нужен «Макаров» и три коробки патронов, разных, ты понял?

— Базара нет. Бумаги давай.

Пашко вытащил бумажник и выдернул две долларовых сотни. Парень испугался:

— Ты с ума сошел, убери!

— Я тебе еще дам. Решай, я пойду за винтовкой.

Невысокий и толстый, как колобок, продавец винтовок начал было давать характеристики, Пашко через прилавок поймал его за воротник рубашки:

— Мне нужна хорошая винтовка с оптикой и глушаком. Говори, сколько надо, я плачу и ухожу.

Толстяк вспотел, но ответил резко:

— Ну, знаете, молодой человек! Без разрешительных документов...

— Дурак, — шепнул Пашко. — Я через дорогу перейду к вашим конкурентам, и куплю, тебе не обидно будет терять такой бонус?

Толстяк улыбнулся:

— Вы умеете убеждать.

Все покупки ему уложили в большую охотничью сумку, он позвонил Гоше, чтобы тот подъехал, не гулять же с таким набором мимо областного УВД. За городом Гоша спросил:

— Ты оружие купил?

— Рогатки.

— А я тебя обрадую. Вышел покурить, а джип наш мимо меня и к

банку, к стекляшке. Я посмотрел, вышел здоровый мужик с портфелем, видно, начальник, два клоуна в машине.

Пашко одернул:

— Гоша, гонишь! В машине стекла должны быть тонированы.

Гоша обиделся:

— Пашко, если считаешь меня дураком, нахера спрашивать? Они дверцы открыли, чтобы покурить. И дверцу эту, Пашко, я видел с торца: в четверть толщиной, бронирована машина!

Пашко кивнул: это хорошо, он и без того догадывался, что такой бандюга на «Матисе» ездить не будет. Значит, надо выследить, где останавливаются, сколько стоят, осмотрительны или беспечны. На другой день, спрятав оружие, автобусом уехал в город, зашел в общагу, договорился с хозяйкой, взял ключи от комнаты. Полдня провел около банка, наблюдая издали, чтобы не попасть в камеры, без четверти двенадцать вышел шеф, Пашко сразу его узнал, привычно оценил обстановку, справа выскочил охранник и открыл заднюю дверь. Так, срочно такси, и просить проехать за этой машиной. Таксист лох, туркмен или таджик, велел остановиться метров за пятьдесят. Та же картина, правый открывает дверь, шеф выходит, ребята курят, приоткрыв дверцы. После обеда сбегал в общагу, переоделся, опять к банку. Ровно к двум подъехали, выпустили шефа, поехали. Пашко махнул рукой предупрежденному таксисту, тоже на всякий случай азиат, приехали к загородному дому, машина вошла в ворота. Все, можно до вечера ждать у банка. Три дня наблюдений дали результат: приезжает и уезжает точно по графику, все вместе никогда не выходят, водитель остается за рулем. Брать их только отдельно: водилу и охранника, а потом шефа. Или наоборот? По первому варианту шеф так замкнется, что никогда его не достать, а это Пашко не устраивало. Убрать его — эти разбегутся, как тараканы. Нет решения, и спросить не у кого.

Пошел на рынок, присматривался к молодым русским мужикам, торгующим мелкими запчастями к машинам, безделушками разными. Несколько раз подходил к здоровяку, на столике лежали блесны и рыболовные крючки. Настораживал краповый берет, а на дворе минус десять. Раз прошел Пашко, второй, пока здоровяк не остановил:

— Тебя, я вижу, размеры моих снастей не совсем устраивают?

Пашко ответил:

— Совсем не устраивают.

— На крупную рыбу собрался?

— Да, но ума не хватает, как ее взять... разом.

Здоровяк кивнул: иди за мной. Зашли в вагончик, там грелись четверо:

— Ребята, погуляйте, разговор с человеком. Говори.

— Мою девушку убили и сожгли. Хочу отомстить. Я их нашел, выследил. Они бугра привозят и покуривают, тут бы я мог их шлепнуть, но самый главный потом спрячется — не найдешь. А его надо обязательно.

Здоровяк снял бушлат, сдернул тельняшку, повесил над батареей, снял теплую, одел. Пашко увидел все опознавательные татуировки ВДВ.

— После ранения потеть начал, ни с того, ни с чего. Вот, сушу тельники. Так ты их из пистолета хотел? Молодец! Они же тренированы, как собаки, ты и вынуть свою свистульку не успеешь, как тебя изрешетят. А ты уверен, что это они?

— Уверен. У главного дважды на приеме был, а джип я видел и на трассе, и когда от дома девушки ночью отъезжали с другом. Друг даже номер усек. Я три дня проверял: все сходится.

— А если убивали и жгли другие?

— Исключено. Я к вахтеру подходил, спросил, как на эту машину водилой устроиться. Тот засмеялся, говорит, у шефа эти двое незаменимы, три года с ним.

— Это хорошее уточнение. Вот что я тебе скажу, ты, я вижу, парень деревенский, я тоже, только давно из дома, озверел. Отомстить — святое дело, тем более, что уверен: ошибки нет. Но ты же вахлак, убьют сразу. Поверь мне, я сам был на подхвате, там такие орлы тренированные, что только рот открыл, а он уж понял. Если все, что ты сказал, верно, то брать их надо разом, одним ударом.

Пашко не понял:

— Как это?

— Как на фронте, «Стрелой».

— Да, автомобиль бронированный.

— Это херня, броня там детская, это не танк и не членовоз президентский. Бронебойный пройдет, как в масло.

Пашко вздохнул:

— Тогда плохи мои дела. Куплю гранату и взорву их вместе с собой.

Здоровяк засмеялся:

— Можно, конечно, но это глупо, когда есть решения попроще. Конечно, это будет стоить денег.

— Сколько?

— Не могу влет сказать, надо изучать объект и обстановку, но в пределах... — Он взял карандаш и написал на листочке цифру.

Пашко глянул и кивнул:

– Согласен.

Здоровяк удивился?

– Где ты в деревне такие бабки возьмешь? Это же доллары, дурень!

– А мне Гуля перед отъездом все свои деньги отдала, мы с ней собрались зарегистрироваться и за границу поехать. Есть деньги.

– Добре, тогда информация о клиентах.

Пашко рассказал все, что знал, рассказал и о сделке с золотом, только золото якобы Гули, ее родители нашли в древнем кургане. Карточка с кодом на миллион рублей в долларах и договор на депозит на пять миллионов, переведенных в евро, это все у нее на руках. Они и ехали следом, чтобы обстановка не успела смениться.

Здоровяк написал на бумажке и подал Пашко:

– Это мой телефон. Его больше никто не знает. Напиши свой, я тебе с этого позвоню, если все готово. Это значит, клиент опознан и обозначен, находится под контролем. Тебе достаточно быть в городе. По радио и ящику сразу сообщат. Если скажут, что все трое попали, сразу вези расчет сюда, на рынок. Если кто-то выжил, умрет вечером в больнице, у нас это отработано. Все, ехай домой.

Пашко встал и задержался:

– Я вам поверил. Не о бабках речь, о смерти их поганой. Не будет промаха?

Здоровяк тоже встал:

– Промах, брат, всегда может быть, но на то мы и спецы, чтобы без промаха. И повторяю: ни один не уйдет. Потому и расчет только после полного выполнения договора.

* * *

Пашко простился со здоровяком, так и не узнав его имени, да оно ему и не надо. Грохнет он этих уродов, вопросов нет. Увижу, отдам деньги, а дальше? Разве появится в душе хоть сколько-то успокоения, разве может принять душа любимой Гули такое отмщение, сделанное чужими руками за деньги? Если ты действительно любишь, если ты воистину джигит, как любовно называла тебя в постели стройная, как газель, юная казашка, ты сам должен это сделать, своими руками, вот этими, которым она позволяла обнимать и дотрагиваться до самых сокровенных уголков своего прекрасного тела. Пашко заплакал от стыда, закрывшись руками, чтобы соседи в автобусе не увидели.

В райцентре купил старенький «УАЗик», в котельную вместо себя

и больного Сашко определил парней из безработных, а сам каждый день выезжал в лес, ставил листы фанеры, уходил за триста метров и стрелял из винтовки по паре обойм. Вернувшись, считал пробоины и удивлялся: все пули приходили в цель. Десяток тренировок убедили его, что можно продолжать дело.

Дома надежно спрятал бриллианты и украшения из оловянной шкатулки, в укромное место положил деньги, достаточно, чтобы Сашко с Анисой жили безбедно, если с ним вдруг что, и ранним утром уехал в город. В том же общежитии снял комнату с металлической дверью и крепкой решеткой на окне, перенес туда сумку с оружием. Пошел на перекресток, к банку, проверил, вовремя ли питается президент. Оказывается, привычка — вторая натура, без четверти двенадцать подлетал джип, ровно в два часа он вставал на то же место. Как заведенный, выскакивал с переднего места охранник, не спеша поднимался по широким ступеням президент. Водитель опускал стекло и курил, выпуская дым красивой струей.

В тот же день Пашко подошел к подъезду старого дома на противоположном углу, три старушки прогуливались вдоль двора.

— Извините за беспокойство, — обратился к ним Пашко, — не подскажете, нельзя ли в вашем доме снять квартиру, только не на первых этажах, я работаю, пишу, мне нужна тишина. Лучше бы на четвертом или пятом.

Старушки осмотрели его и остались недовольны внешним видом. Пашко быстро исправил оплошность:

— Не обращайтесь внимания, я снял комнату в общежитии, и уже порядок стал наводить, но понял, что не смогу там работать, очень шумно, даже ночью. Так что вы мне скажете?

Подружки переглянулись, перешепнулись и одна удостоила ответом:

— Анна Ивановна уехала к дочери в Томск, разрешила сдавать квартиру, но, молодой человек, это три комнаты, будет стоить довольно дорого.

Пашко едва скрыл радость:

— С кем решать вопрос? Я готов платить разумные деньги.

Через пять минут привели распорядителя. Егор Сергеевич, крепкий пожилой человек, придирчиво осмотрел Пашко и спросил:

— На какой срок вы бы хотели снять квартиру? И какая семья?

Пашко для приличия помялся:

— Можно пока на полгода? Но я один, не беспокойтесь.

— Можно и на полгода, но оплата за месяц вперед. Деньги мне, а коммуналку и прочее оплачиваете сами.

Парня абсолютно все устраивало, и он вежливо отвел распорядителя в сторону:

— Я буду вам отдавать полуторную цену, но освободите меня от коммунальной суеты, пожалуйста.

Мужик крикнул: это ему понравилось. Пошли смотреть квартиру. Пашко сразу прошел в гостиную и к окну: банковский подъезд как на ладони. Это то, что надо.

— Молодой человек, я отдам вам ключи, но мне нужны гарантии. Например, паспорт. А то, знаете, обчистят квартиру и поминай, как звали.

Пашко задумался. Отдавать паспорт нельзя, город, в любой момент могут спросить. Что ему дать, чтобы он отвалил и не надоедал? В общем, в сумке лежат несколько ювелирных безделушек, привезу и отдам, вроде как залог, а пообещаю при прощании оставить на память.

— Квартиру я снимаю, вот деньги за месяц, а по гарантии мы с вами решим, когда я привезу вещи. Ключи пока оставьте у себя.

К вечеру он был полноправным хозяином. Егор Сергеевич остался очень доволен залогом, и вообще квартирантом, парень обходительный, состоятельный, писатель, просил ему не мешать. При таком наваре можно раз в месяц приходить и получать свое.

Еще два дня наблюдал Пашко за жертвами через оптический прицел, привыкал к живым людям за мгновение до смерти. Выходило, что самое удобное время — вечер, когда клиенты уже не спуют туда и обратно, лестница совершенно пуста, президент выходит устало-медленно, брать его надо на верхних ступенях, чтобы ребята оба успели выскочить. Сложно, но не отрепетуешь. Надежда только на сноровку и удачу. Выхода нет, звонок здоровяка он проигнорировал. Вечером решил: завтра. Купил бутылку спирта, в аптеке пару резиновых перчаток, мягким полотенцем протер все, к чему за эти дни прикасался. Пистолет с патронами положил в карман куртки, вынул обойму с патронами и тоже прошелся полотенцем. Винтовку после стрельбы обработать, в бутылке остался спирт. Бутылку обмыть остатками, мокрой тряпкой вытереть дверную ручку, и вниз. Все рассчитано, осталось самое главное.

Спал хорошо, никаких снов, видимо, сказалось успокоенность принятым решением. Весь день никуда не выходил, еще раз протер дверные ручки, кружку, из которой пил кофе, кофейную банку, краны в ванной и кнопку на туалетном бачке. Надел перчатки, чтобы больше нигде не наследить, ничего нельзя упустить, ведь «пальчики» есть у Виктора Ивановича, одна ошибка, и он раскрыт.

С четырех часов стоял у приоткрытого окна на коленях на диванной подушке, машина могла подойти и раньше. Нет, в пять с минутами дверь распахнулась и на крыльце появился президент. Он дошел до ступенек и остановился, сняв богатую шапку и вдыхая чистый холодный воздух. Оставив крестик по центру лица, Пашко нажал спуск. Президент рухнул на верхнюю ступеньку, отбросив в сторону портфель. Первым выскочил охранник уже с пистолетом, кинулся к шефу и, поняв все, выпрямился. Пашко выстрелил в грудь, а потом в спину подбежавшего водителя. Все трое лежали без движения, по ступеням стекали три ручейка крови. Пашко сунул винтовку под диван, надел куртку и шапку, прошелся полотенцем по ручке входной двери и вспомнил: ручка окна! Быстро вернулся, закрыл окно и протер ручку, вернулся к выходу, опять прошелся по ручкам внутренней и внешней, полотенце бросил в угол. Скатился по лестнице, на ходу сорвав перчатки и сунув их в карман, никого не встретил, из входной двери свернул вдоль стены, на соседней улице сел в автобус, идущий в сторону общаги. Тут его начало колотить от нервного перенапряжения, бледность выступила на лице. Контролер подошла и спросила, все ли нормально. Пашко кивнул:

— Лишнего выпил вчера, сердце клинит.

— То-то я чувствую, что от тебя спиртным несет.

Гоша Семиколенный, вызванный еще вчера, ждал у общаги. Пашко забежал в комнату, схватил свои вещи, открыл бутылку водки и тоже протер все, что можно и нужно, даже кнопку смывного бачка в туалете, как и в квартире. Остатки водки выпил прямо из горла, обихожную бутылку поставил на стол. Снова ручки, ключи, и — тряпку в мусорное ведро. Сел в машину:

— Гони, Гоша, за городом остановишься у магазина, надо бутылку коньяка взять.

Гоша смотрел на друга с испугом:

— Пашко, с тобой что-то неладно, натворил чего?

— Натворил, — согласился парень, — драку вчера устроил, потому из города скорей.

Выбрались на трассу, остановились у магазина, Пашко сбежал за коньяком, приемник включил еще в городе, а сейчас прихлебывал коньяк из бутылки и ждал новостей. Наконец, пропала веселая музыка и диктор сказал, что будет передано экстренное сообщение. Следственный комитет сообщил, что в центре города произошло дерзкое преступление, бандой снайперов на крыльце «Мегабанка» уби-

ты президент банка и два его охранника. Введен план «Перехват», создана оперативная группа, просьба ко всем гражданам оказывать следственным органам всемерную помощь.

– Слышал? – спросил Гоша.

– Про что? – Пашко будто и не понял, о чем речь.

– Банкира с охраной замочили, ты разве не слышал?

Пашко отмахнулся:

– Да оно мне надо? Убили – стало быть, есть за что. Нас с тобой не убьют.

Гоша пробурчал:

– Дай-то Бог!

* * *

– Хелло, это месье Пашко?

Пашко вздрогнул от неожиданности:

– Да, это я.

– Вы прислали нам письмо и в нем этот телефон. Я Натали Кутельникова. Я бы просила вас подтвердить то, что вы заявили в своем послании.

...Пашко две недели не выходил из дома после совершенного возмездия, думалось о Гуле, что надо узнать у знакомых казахов, где мусульманское кладбище, и сходить на могилу. На похороны Адия идти не советовали, чужих не пускают, да и подозрения может вызвать это появление. Думал о дальнейшей жизни, и чем больше думал, тем больше росло в нем презрение и даже ненависть к этому проклятому кладу, к золоту с бриллиантами. Вот тогда он достал из щели в стенке сарая французский конверт с письмом и адресом, адресок переписал, а ночью сочинил письмо:

«Господам Кутельниковым в город Париж из села Сладчанки.

Господа Кутельниковы, много лет назад ваш родственник, отец он вам или кто иной по родству, Афанасий Артемьевич, прислал в наш сельсовет письмо, в котором уже второй раз, после отца, по его завещанию, указал, что под вашими магазинами, которые и сегодня в добром здравии, зарыты клады. Там были указаны некоторые хитрости, но в то время никто не стал искать клады, потому что капиталистам никакой веры не было. И вот минувшей осенью я случайно нашел письмо это и с помощью Викентия Амбросимовича, учителя, разобрался, что к чему, и клады те добыл. Лучше бы я этого не делал. Золото не принесло мне счастья, а одно только горе, потому что из-за него была

зверски убита и сожжена в своем доме моя любимая девушка. Я проклял богатство и отказываюсь от него, а потому предлагаю вам приехать и забрать все, что осталось. Пишу свой телефон, адрес вы знаете, а зовут меня Пашко, любого в деревне спросите, вам скажут.

Пашко».

С письмом поехал в райцентр, на главпочтамт, спросил, как отправить письмо в Париж. Женщина порылась в справочниках, подала конверт и велела писать адрес. Наклеила кучу марок и бросила на стол.

— Дойдет оно до Парижа? — с недоверием спросил Пашко.

— Дойдет, извещение получишь.

И вот звонок.

— Месье Пашко, скажите, пожалуйста, что из заложенных кладов вы предлагаете вернуть?

— Все, кроме золота. Оно украдено.

— Я вас поняла. Вы один владеете этой тайной?

— Барышня, если мы с тобой еще минут пять поболтаем, об этом будет знать вся Европа!

Барышня засмеялась:

— У вас прекрасный юмор!

— Так вы едете или нет?

— Мы с братом сегодня все обсудим и я вам позвоню.

В субботу Пашко ждал гостей. Как сообщила Натали, они с братом Пьером вылетели из Парижа и сразу сели на самолет до областного центра. Здесь их встретил Гоша, удививший своей машиной, которая, не смотря на ужасный внешний вид, ехала вполне прилично. Наблюдая за встречными машинами, Пьер спросил Гошу:

— Простите, а эти машины почему здесь едут?

— А где им ехать? — хохотнул Гоша.

— Но есть же полоса встречного движения?

— Вот это она и есть, — кивнул водитель.

— Боже! Тогда прошу вас ехать медленнее. Это безумие, почти лобовое столкновение!

— А мы привычны, нам и так хорошо, — Гошу веселил страх француза.

Подъехали к дому Пашко, он вышел, познакомились, пожали друг другу руки.

— Вы здесь живете? — с удивлением спросила Натали.

— Живу, — мрачно ответил Пашко и пригласил в дом. — Я вам все отдам, и Гоша отвезет вас в город.

Натали вдруг запротестовала:

– Нет-нет, я хочу несколько дней прожить на родине предков.

Пьер, ты не против?

– Согласен. Мы можем поохотиться?

Пашко усмехнулся:

– Нечем. У меня все оружие конфисковали.

– Как это? – удивился француз.

– Как? У вас полиция есть? И у нас есть. Закон нарушил – оружие забирают. Да и некогда мне с вами гостевать, я на работе.

Пьер опять ничего не понял:

– Пашко, имея на руках целое состояние, вы еще и работаете. Кем?

– Вот дободался, – проворчал Пашко. – Кочегаром в котельной.

Пьер возмутился:

– Но это же грязная работа.

– А другой нет, – развел руками хозяин.

Натали осмотрела избу и горницу, тронула Пашко за рукав:

– А где мы можем спать?

– Скажу Гоше, увезет вас в гостиницу в райцентр, там и ресторанчик есть.

– Но утром мы вернемся, ваш водитель сможет за нами приехать?

– Куда ему деваться, заплатите – приедет.

Кое-как проводил гостей. Драгоценности они только посмотрели, но брать с собой поопасались. Весь день гости ходили по селу, сравнивали с планом, нарисованным еще дедом и возмущались. Потом Пашко нашел им лыжи и с Гошей отправил в лес, однако через полчаса Натали вернулась:

– Пашко, почему вы не хотите погулять с нами? Вы очень приятный молодой человек, я бы с удовольствием с вами побеседовала.

Парень усмехнулся:

– Так в чем дело? Снимай лыжи и заходи в избу, там и побеседуем.

За ночь Пашко успел кое-как прибраться, стало уютнее. Шубку гости он унес в комнату и повесил на гвоздик.

– Пашко, вы редкой порядочности человек, отказаться от такого богатства, живя, по существу, в нищете. Может, вы передумаете?

– Слушай, барышня, я отдаю вам все, что есть, забирайте и уезжайте. Ничего больше объяснять вам не буду.

– Пашко, я бы хотела остаться на родине... на некоторое время, например, на год. Пожить на земле предков. И познакомиться с вами, вы такой милый, хоть и сердитый. Я понимаю, вы потеряли люби-

мую девушку, но вы еще совсем юноша, и это скоро забудется. В это время я бы хотела быть рядом с вами. Пашко, давайте проводим Пьера, вы поможете мне найти приличный дом в городе и будете приезжать ко мне в гости.

Она подошла к парню и прижалась к нему, слегка обняв за талию:

— Пашко, ты мне нравишься, очень нравишься. Если бы ты согласился поехать со мной в Париж, я была бы счастлива.

Пашко чувствовал ее сильное тренированное тело, тугую грудь под свитерком, запах тонких духов, легкая дрожь прошла по его телу, он вдруг вспомнил Гулю, вот так же прижавшуюся к нему в последний раз, резко и осторожно снял руки Натали с пояса и сказал внятно:

— Барышня, ты что такое несешь? Пашко в Париже? Да в Сладчанке куры со смеху подохнут! А насчет того, что я понравился: одичала ты за это время без ухажеров, вот и запала на первого попавшего. Сегодня Гоша увезет вас до района, а до Парижа вы дорогу знаете.

Натали покраснела:

— Значит, вы меня отвергаете, отвергаете Париж и остаетесь в этой дыре?

Пашко едва сдерживал себя:

— Значит, в тебе русского ничего не осталось, если ты не можешь меня понять. Это моя деревня, я тут родился, тут моя мама похоронена и отец, здесь могила моей первой и единственной женщины. Уезжай, все барахло в пакете на столе.

Натали подошла к столу:

— Пашко, я вам оставлю немного бриллиантов и ювелирных безделушек.

Он встал и подал даме шубку, пакет с драгоценностями запихал в самовольно расстегнутую дамскую сумочку и повел ее на улицу. Гоша уже сидел в машине, Натали что-то резко сказала Пьеру, он убежал переодеваться, и через пять минут Пашко захлопнул за ним дверь машины.

* * *

Неделю Пашко пил, Аниса приносила ему в постель квашеную капусту, соленые огурцы, горячий суп, ходила, как за ребенком. Он благодарно смотрел ей в глаза, доставал из-под кровати бутылку и пил из горлышка, через силу глотая жгучую жидкость. Спал или нет, просто забывался, старался ни о чем не думать. Попросил Сашко протопить баню, долго парился, изгоняя хмель, после бани пил горячий чай на травах, потел, менял полотенца. Вечером оделся, по-

шел в котельную к брату. Сашко обрадовался гостю, стряхнул одеяло с топчана, усадил, предложил чаю:

— Брат ты мой родной, хорошо, что ты остановился, я боялся, что так и кончишься с этим коньяком. Ладно, теперь успокаивайся, жить-то надо.

Пашко поднял на него глаза:

— А зачем, брат? Зачем мне жить? Я проклял это письмо французское, этот клад, эти деньги. Как я рванулся к богатой жизни! Как! Все забыл: тебя, маму, деревню, как будто и не я уже, помнишь? А потом Гуля... Ты знаешь, что я к девкам не особо льнул, так, побаловаться. Я и не знал, что есть любовь. А Гуля — она как приснилась. Сашка, ты счастливый человек, у тебя Аниска, скоро ребеночек родится, будет семья. У меня немного денег осталось, тебе отдам. И карточка тоже, на нее дом купим в деревне, пусть Аниска слух пустит, что отец ей на свадьбу подарил. Будешь ты жить, как человек.

Сашко потянул за рукав:

— А ты как же, брат?

Пашко не ответил. Не станешь ведь брату рассказывать, что пару раз доставал пистолет, уходил в край села, стрелял в воздух, проверял, чтобы осечки не случилось. А себе в сердце выстрелить не смог.

— Нормально, Сашко, ты за меня не переживай.

Вечером позвонила Адия:

— Здравствуй, Пашко. Я тебя не беспокоила, знаю, как тебе тяжело. Наверное, ты хотел бы побывать на могиле Гули, я приеду, вместе сходим. Когда можно?

— Адия, да хоть завтра. И фотографии Гули привези.

Она приехала через два дня, заплакала, но только руку подала для приветствия. В машине подала пакет с фотографиями, но он, не глядя, положил в карман. Поехали на кладбище, по тропинке в снегу дошли до могилы Гули. На холмике земли, укрытом свежим снегом, небольшой камень. Пашко встал на колени и коснулся лицом камня, шепнув заветное имя. Встал, бледный и погасший. Адия сбоку обняла его за плечо:

— Пашко, надо пережить это горе, ради Гули, чтобы она на небесах радовалась за тебя.

Парень повернулся к ней, горько усмехнулся:

— Какие небеса, Адия, она вот тут, полтора метра от меня, а смерть стоит между нами.

Он еще раз поклонился дорогой могиле и первым пошел к выходу.

Уже в машине Адия рассказала, что последний звонок Гуля сделала ей, сказала, что Пашко на дороге домой и вне зоны, а в ее доме какие-то люди ломают двери. Сказала, что телефон милиции занят. Успела крикнуть, что это люди из банка, и сразу кто-то выключил аппарат. Адия взяла Пашко за руку, сжала ее крепко:

— Я сразу поняла, что это твоя месть. И душе Гули легче.

Парень молчал. Все слова казались лишними.

— Я увезу тебя домой, а сама вернусь на кладбище. Пашко, за неделю до свадьбы мой жених разбился на машине.

Ехали молча, каждый думал о своем. Около дома Адия спросила:

— Если нужно, я помогу тебе с продажей драгоценностей. Гуля мне все рассказала, как будто чувствовала.

— Не надо. Их нет. Все, что осталось, отдал хозяевам.

— Хозяевам? Каким?

— Тем, кто зарывал этот проклятый клад. Написал им в Париж, приехали и забрали. И не надо больше об этом, Адия.

Девушка смутилась:

— Прости меня.

— Да ладно. Если мне станет совсем плохо, я тебе позвоню, ты напоминášь мне Гулю. Поверь, я понимаю твою горе. Но ты сильная девчонка, выдержишь. Поезжай аккуратно.

Дома радость: Сашко нашел хорошую усадьбу, хозяева уже уехали, цена назначена, ключи у родственников. Зовут Пашко посмотреть дом. Пашко идет, надо же брата поддержать. Дом не старый, рубленый в чашу, обшит тесом, крыт оцинкованным профилем, им же огорода вся обнесена. Во дворе под одной крышей теплая стайка для коровы, пригончик открытый, сарай, баня, колодец.

— Нравится тебе, Аниса? — спросил невестку.

Та заплакала:

— Пашко, родной, да как же не глянутся такому чуду! Ты погляди, чего в доме только нет. Кухня большая, плита газовая и с электрой, а через коридор горница, да спальня, да для ребенков комната. Жить и радоваться!

Брату сказал:

— Сегодня же съезжу в район, деньги сниму. Не рядись, не унижайся. Сколь запросили, столь и отдай. Документы все оформи, как следует. Я Гошу попрошу грузовик завести, привезем вам мебель, а то ведь и сесть не на что.

Со двора хозяйственного магазина «Все для вас» положили в кузов

простенькие комплекты кухонной и гостиной мебели, холодильник, телевизор, тарелку антенную, ковры, рулоны паласов для пола, даже люстры. Приехали под вечер, загнали машину в ограду, все разгрузили.

— Это мне на неделю работы, — сокрушался и радовался Сашко. А Аниса не успевала слезы вытирать. Пашко дал ей денег и на другой день отправил с Гошей на легковушке закупить посуду. Среди дня позвонил Гоше:

— Как вы там?

Гоша заорал, можно было без телефона услышать:

— Ты кого со мной отправил? Она загрузила «жучку», что самой сесть некуда, говорит, автобусом поеду.

Пашко засмеялся:

— Что ты хочешь, Гоша, если мы слаще морковки ничего не ели? Вези и Аниску домой, она на сносях, по автобусам-то толкаться.

Параня с Гараней, обе в положении, пришли, все вместе побелили стены, вымыли потолки. Пашко помогал собрать и расставить мебель, повесил люстры, ковры на стены укрепили и паласы на пол раскинули. Аниса как будто ждала этого момента, заявила:

— Все, муж мой любимый, вези меня в роддом.

Вечером Сашко прибежал в котельную:

— Братка, девочку родила Аниска, все благополучно. Порадуйся за меня, ты за последние дни не улыбнулся ни разу.

Пашко обнял брата и вытер ненужную слезу.

Через неделю привезли мамашу с дочкой, сестры с мужьями пришли, на ребенка мать дивиться не давала, чтобы не сглазили, сели за стол.

— Дочку-то как назвали, родители? — спросила Параня.

Аниса поглядела на мужа, Сашко встал с рюмкой:

— Брат мой, если ты не против, назовем дочку Гулей.

Пашко как током пронзило, он вскочил, замотал головой, замычал невнятно:

— Не-е-е-т, никогда, слышите, никогда!

И выскочил из дома. Сашко кинулся за ним, догнал в воротах:

— Брат, прости, мы же хотели, как лучше.

Пашко уперся головой в ворота, его трясло и мутило:

— Пальтишко мне принеси, я домой уйду.

Сашко принес пальто и шапку.

— Не обижайся, Санька, не смогу я слышать это имя. И на счастье твое смотреть не могу. Пойду домой. А вы живите счастливо, раз вам с Аниской так повезло. И не ходи ко мне пока, не звони. Все, пошел я.

Весна за несколько дней согнала снег, с горы мутными потоками в Кизиловку и Сухарюшку неслись талые воды. Зазеленела на склоне Горы пахота на матерном слове, словно кто краской буквы вывел. Подперло изнутри и подняло лед на старицах. Только не гудят тракторы, не тащат на поля сцепами во всю ширину улицы бороны, культиваторы и сеялки. И грузовики не везут со склада семена для раннего сева. Но мимо села проскользнули несколько иностранных агрегатов, которые и боронят, и сеют и одновременно удобрения вносят. Это хозяин большого молочного комплекса договорился с главой района и взял бывшие колхозные земли в аренду чуть не на полвека. Когда его люди приехали оформлять договора на аренду земельных паев, чуть восстание не случилось, потому что пишут оплату за аренду пая в четырнадцать гектаров — три центнера зерна, даже не указывая, какого. Поднялся шум, но приехал районный глава и сказал, что земля вообще станет бросовой, если будете выпендриваться, потому что свободных земель в районе полно. Выпендриваться перестали, хотя понимали, что их просто используют.

Весна буйствовала на лугах, где раньше травы стояли чуть не в рост человека, косилками выстригали все, стога ставили рядами, как на параде, приговаривал тогда еще молодой Архип—Знаменосец. Нынче травы не косят, нет в деревне фермы, редкая коровка подаст голос утром на чьем-то подворье.

Птицы нагрянули с южных голодных краев, все болотинки, все старицы накрыли утки, гуси, лебеди. Малая пташка вернулась к родному гнезду, скворец, ласточка. Все к жизни, все в радость.

Пашко постарел за это время. Какой год он пережил, страшно подумать. И лихорадку эту золотую, и порыв к богатой роскошной жизни, и зарождение в душе самолюбия и собственника, а потом убийство, вспыхнувшая сердечным жаром любовь, смерть Гули и страшная месть за ее гибель. Приезжал Виктор Иванович, не как следователь, чисто по-человечески. Сказал, что дело по убийству Гули Касеновой зависло, никаких следов, никаких свидетелей. Областники с убийством банкира тоже в тупике, ничего не могут найти, кроме снайперской винтовки в соседнем доме. Соседи помогли составить фоторобот, но это ничего не дало.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросил Пашко.

— Думаю, тебе это интересно, — ответил Виктор Иванович.

Пашко помолчал, потом сказал:

– Теперь уже мне ничто не интересно. Живу, как во сне.

– Жениться тебе надо, Павел, семья, дети – это лечит.

Пашко улыбнулся:

– Ты меня первый раз полным именем назвал, даже не сразу понял, что это я. Жениться? Как, если она всегда рядом со мной? Я с ума сойти боюсь, и нет мне выхода.

– В церковь не ходишь?

– Нет. Да и за мусульманку как молиться? Я и за себя не умею. Нет, не пойду.

Виктор Иванович встал:

– Прощай, Пашко. Меня в область переводят. Хорошо, что я тебя тогда не посадил, не стал рыть под золото. Правда, не за спасибо, но те деньги были у тебя не последние. Прощай.

Пашко тоже встал и пошел в свою мастерскую, оборудовал дома хорошую столярку в горнице, детскую мебель стал делать. Кроватки двум племянникам и племяннице, столы и стульчики, игрушки деревянные. Приезжала Адия, весь день провела в его мастерской, приготовила вкусное мясо, вместе посидели за новым самодельным столом на крепких табуретках. К вечеру собралась ехать, Пашко вышел проводить. У машины остановились:

– Паша, можно, я к тебе еще приеду?

– Можно.

– Ты ничего больше не хочешь мне сказать?

– Пока ничего.

Машина пошла тихо, потому что три мамыши с колясками шли впереди. Пашко подождал, пошел навстречу, и только Аниса заметила, как потеплели всегда потухшие его глаза.

Над деревней собиралась гроза, мамыши, показав своих малышей, покатали по домам. Пашко остался на дворе. Он любил грозу, и она показала себя во всю мощь. Молнии ударяли в землю, и она содрогалась, а громаы разрывались прямо над головой, даже уши глохли. Пашко ждал ливня, и он хлестанул, выплескивая широкие потоки воды, купая и омывая одинокого человека посреди большой жизни.

2016 г.

МОИ ГРИБЫ

Рассказ

Хожу по утреннему сонному лесу. Грустно хрустит валежник под робкой ногой. Еще год назад живые ветки потрепанных временем берез пали, чтобы стать прахом. Ветра нет, он есть небольшой там, на опушке, а в глубине березового колка не шелохнет. Комарам простор. Они висят в воздухе, наполняя пространство удивительно тонким пронзительным звуком. Он поневоле настораживает. Современные мази почти не спасают, и острые комариные покальвания беспокоят то там, то тут. В самых неожиданных местах. Солнечный свет почти не доходит до земли, глаза привыкают к нежному сумраку. Я ищу грибы.

Из всех деревенских промыслов этот единственный, на который всегда езжу охотно. Машину оставляю в первых березках, в стороне от дороги, запираю на ключ, который прячу под травяной коврик у колеса — чтобы не потерять. Объемная корзина досталась мне по наследству, сейчас это, пожалуй, единственная материальная память от родителей. Бросаю в нее нож и осторожно вступаю в лес. Вкусно пахнет грибами. Их еще не видишь, но знакомый с детства дух возбуждает азарт. Дух и запах, наверное, не одно и то же. У нас в деревне говорили: а дух-от какой! Это когда очень радостное что-то, приятное. Еще — духмяный. А запах — более общее, он может быть и грибом, не чистым.

Глаза быстро приспособляются к новым цветам и объемам, замечают едва заметные бугорки, гриб приподнимает слой перепревшивших листьев, и они становятся его шляпкой. Так растут все грибы, потому под первыми шляпками обнаруживаю поганки — так у нас звали грибы, имен которых не знали и которые никогда не собирали. Вообще в наших местах брали только грузди, которые называли настоящие, и сухие грибы, суханы.

Отец выполнял в колхозе какие-то обязанности, и ему положена была лошадка с ходком. Ходок — облегченная телега, без платформы, вместо нее собранный из жердей каркас. Еще были кошевки, плетеный из тонких прутьев кузов ставился на легкий ходок, но то

для начальства, как сейчас джипы. Когда собирались по грибы, мама застилала ходок брезентом и старыми половиками. Выезжали рано, отец уже хорошо знал, куда ехать, он вообще знал ягодные и грибные, груздяные места. Добравшись, распрягал лошадь, спутывал ее и отпускал, привязав вожжами к телеге. Сам отходил чуть в сторону, скидывал деревяшку, самодельный протез, который заменял ему потерянную на войне ногу, и начинал искать. Меня отправлял в дальний угол леска и наказывал, чтобы резал только маленькие грузди, чтобы не больше свиной бирьки. Но я видел лишь шляпы, настырно выставившие себя напоказ, они не все были червивые, я складывал их в корзину, а отец у телеги безжалостно выбрасывал, беззлобно матерясь. К вечеру большая часть ходка была завалена грибами, мама укрывала ценный груз, освобождая в передке место для нас. Отец брал вожжи и тихонько выезжал на дорогу.

У него был зоркий глаз. Он с телеги замечал одиноко стоящие обабки, так у нас зовут подберезовики (Даль с этим согласен), и командовал, чтобы я срезал. Отец запрещал рвать грибы, только срезать под корень, чтобы не испортить гнездо, хотя в обиходе было ломать грибы. До сих пор я не уверен, как правильно надо вести себя с грибным гнездом, чтобы не испортить. Где-то читал, что именно сламывать нужно, но всегда режу, как научили.

Обабки да еще опята, опенки — вот и все, что мы знали и без сомнений ели. Обабки годились только на скорую еду, их не готовили впрок, вообще тогда в деревне не знали другого способа заготовки, кроме соления да еще сушки. Их сразу по приезде чистили, мыли, мелко крошили и тушили в сметане или растительном, постном, масле. Когда мама ставила на стол большую глубокую сковороду, отец выразительно на нее взглядывал, и она с пониманием приносила нам литровую банку бражки. Бражка у нее всегда была выстоявшаяся, чистая, приправленная пережженным сахаром, оттого густого темно-коричневого оттенка и с аппетитным запахом. Больше половины сковороды съедалось сразу, а поздно ночью, вернувшись с гуляний, я с удовольствием ложкой черпал прохладную, тягучую массу.

Опята в конце августа отец нарезал на вырубках со старых пней много, их крошили и сушили под сараем на тех же половиках и брезенте, потом укладывали в старые подушечные наволочки и подвешивали на печке или на полатах. Зимой часто варили опенницу с крупой, ложка сметаны или даже молока делали этот ароматный суп очень вкусным.

Грибы в деревенском районе занимали важное место. Конечно, наши не знали о том, что гриб по каким-то качествам заменяет мясо, я и сейчас в это не особенно верю, да еще недавно местный знаток Володя Кислов скептически заметил: если бы заменяли, волк не искал бы барашка! Но грибной суп варили, с картошкой тушили, пироги стряпали. Вкус пирожков с крупой и груздями мстительная память хранит и издевается: не доводилось более вкушать таких. А может, что-то с ощущениями?

Сразу по приезде из леса грузди и сухие грибы раскладывали в бочки, тазы и ванны, заливали холодной водой, через день воду меняли, предварительно прополоскав каждый гриб. Бахрому у нас не чистили, потому, случалось, груздочек не только смачно похрумкивал, но и поскрипывал попавшими на зуб песчинками. Немцы Поволжья, переселенные к нам во время войны, грибную бахрому убирали сразу, это я видел в большой семье Якова Кауца, жившей у самого озера Афонькино и готовившей грибы к засолке прямо на берегу. К этому наши бабы относились с недоумением, как и к тому, что немцы среди лета щипали пух с живых гусей.

Грузди и суханы растут деревнями, вокруг одного ищи его собратьев, которые прячутся недалеко от основного гнезда. В наиболее удачные годы в прострельных березовых лесах они могут жить сплошняком, и тогда такой азарт охватывает охотника, что не успеваешь обрезать, взгляд так и шарит вокруг, отыскивая следующий груздок, и ты перебегаешь с места на место, счастливый и возбужденный.

Наиболее удачные случаи помнятся всю жизнь. В бердюжских лесах, недалеко от Истошино, открыл лесную гриву с белыми грибами. Каждый год ездил за ними, потому что белый гриб — это как солидная щука на рыбалке или для охотника сбитый гоголь на перелете. Потом лесничество перепахало урочище и засадило сосной. Грибов не стало. Только один белый нашел за озером Моховым, один, но очень большой, у меня сохранилась фотография, где спичечный коробок рядом с ним кажется почтовой маркой. Из того гриба получилась литровая банка деликатеса.

Сухие грибы я как-то несколько дней кряду почти выкапывал из борозды, нечаянно прочерченной плугом в подлеске за Пеганово, они были черны от земли, но ровные и крепкие.

Однажды соседка бабка Таня попросила отвезти их с дедом на се-

нокос, прошли дожди, и надо было переворачивать сено в валках. Ранним утром мы приехали на покос, который нешироким языком врезался в березовый лес. Дед деловито прибирал вилы, сумки и топорик, а бабулька черенком легоньких грабельцев начала было переворачивать ближний к лесу валок едва подсохшей травы, но закричала, чтобы я бежал к ней. На освобожденной от сена еще влажной земле, среди щетины стерни красовались маленькие ровные грузочки. Их было много, рука радовалась от прикосновения к прохладной скользкой поверхности молоденьких груздей, я опрокидывал несильную травяную массу на прокос, обнажая беленькое неожиданное чудо. Такого больше мне не приходилось видеть, это подарок природы, редкий, и оттого сладостный.

Не грибы в радость, а встреча с ними.

С апрельским теплом у нас дома открывали погреб и доставали картошку, квашеную капусту, соленые огурцы и грузди — все, что было положено до весны. Определяли, что можно продать в городе на базаре. Кадку с груздями добывали из погреба всем околотком. Мужики обвязывали ее веревками, мама протирала от сырости тряпицей, под «Ну, ишо раз!» центнеровая кадушка выплывала в пространство сарая. Отец ездил в город сам.

Середина прошлого века не была сытной и беззаботной для ребятни, каждый вечер на ужин варили чугуны картошки, чаще всего в мундирах, картошку вываливали на стол, тут же стояло блюдо с квашеной капустой, солеными огурцами и груздями. Груздочки, помнится, были лакомой закуской в молодые годы, так и говорили: груздок под рюмочку. В этом была своего рода эстетика. Теперь так уж не выпивают...

В Литературном институте, в Москве, познакомился с молодой поэтессой, дочерью известного дипломата. Конечно, не только грибами памятны те годы, но вспомнил кстати, что по ее просьбе приволок из Казанки на сессию банку соленых грибов, для отца. Он, бедный, так тосковал по деревенской природе, сам владимирский родом, что на госдаче посадил с десятка привезенных с родины грибиц, но они, видно, не особенно разрослись.

Давно заметил, что люблю быть в лесу один. Встретив первый гриб, режу не сразу, осторожно очищу от листвы и травы, полюбуюсь, поговорю с ним: да миленький ты мой! моя ты красота! Незаметно уходишь в природу, время исчезает, воздух вытесняет из души всю сует-

ную дурь, и в голове абсолютная свобода. Ощувив это хоть раз, пойдешь Василия Макаровича Шукшина в его встрече с березками в «Калине красной»: «Красавицы, невестушки, заждались!».

Солнце поднимается высоко, воздух нагревается, обостряются запахи. В корзине не очень много грибов. Голова приятно шумит, ноги устали. Да, а когда-то по всему дню шастали по лесам. Свидание с лесом подходит к концу, надо возвращаться в мир людей, жесткий и беспощадный. Морозным зимним днем соленые груздочки напомнят об этих минутах. Положу их в алюминиевое блюдо, прямо на стол вывалю вареную картошку. Погрущу, а может и поплачу.

Что гриб, вроде пустяк, а вот на размышления наводит.

2006 г.

КРЕСТОВОЙ ДОМ НА ГОЛОЙ ГРИВЕ

Рассказ

Ты, сынок, конечно, мало что помнишь о Голой Гриве, хоть и улицу эту знаешь, и ходил по ней и ездил много раз. Эту улицу теперь так зовут редко, дали имя какого-то Хомяковского, в восстание он усмирением занимался, мужиков поднявшихся к стенке ставил, это мне верный старик говорил: прямо к церковной стенке лбом, а потом родственникам выдавали. Ну, это давненько было, в двадцатые годы. Улочка та от деревни вдоль речушки до самого озера настроилась, дома, сказывают, добрые стояли, хозяева путние жили. Место увлекательное, тут тебе и выгон для скотины, и открытая вода для птицы, потому все жители выпаривали уток и гусей, по утрам такой гогот и гай, что без сомнения поверишь: могли гуси и Рим спасти от внезапного неприятеля, если всю деревню поднимали.

Не забыл еще в своих блужданиях по белому свету названия наших пашен и других кормовых мест? Поляков Колок, Новиков Дом, Первые Ямки, Вторые, Кулибачиха... При царизме крестьяне землю всю делили на сходах, как на общих собраниях, староста был избран из общества, писарь. Делили по душам и по совести, так наделы и закреплялись за семейством, на пашне, считай, жили с посевной до молотбы, потому избушки строили, колодцы рыли, даже бани, если семья большая. Прошлым летом ты меня на своей машине возил к Пудовскому озеру, я там ходил, яму от колодца нашел, где избушка наша стояла — тоже, тут наши пашни были до коллективизации. Мне десять лет еще не минуло, отец зацепил за смиренной Пегухой боронку и вожжи мне подал: борони, Макся, хватит тебе сорок гонять. Не помнишь? А я все боялся, что ты слезу мою заметишь...

Вот так, в страдную пору, когда вся деревня в поле, сделался пожар на этой улочке. Май месяц, сушь невозможная, пламя, говорят, так взыграло, что свечой до небес, и даже дыма нет. Ударили в набат. На церкви нашей колокол был о ста пудах, его на многие версты кругом было слышно. Отливали по заказу нашего купца и маслодела Кувшинникова, но колокол сбросили перед войной, Шурка Ляжин

да Никитка Локотан дерзнули снимать. Шурка вскорости утонул в Марае, а Никитка сгинул на фронте без весточки. Ударили, а на пашнях-то услышали, знают, что в набат просто так не бьют, лошадей запрягают и в деревню. Знамо дело, пока скакали, огонь окреп, соседние постройки занялись, к домам уже не подступиться, да и тушить бесполезно. Ведрами стали воду подавать по цепочке, крайний плеснет в сторону огня, а вода на лету закипает и в пар. Жар стоит нестерпимый, волосы на голове потрескивают. Народишко барахло спасает, выносит из домов и от греха подальше в речку, в воду. Не знаю, насколько верно, но сказывали, что подушки плыли по волнам и горели.

Тогда собрались мужики в сторонке: надо что-то делать против стихии, иначе вся деревня выгорит, такие случаи были, правда, не у нас. А огонь уж на подходе к деревне, ворвется — ничем не остановить. Тогда сказал Паша Менделёв:

— Чтобы огонь захлебнулся, надо не дать ему пищу, ломаем мой дом.

Дом у Паши стоял в основе улицы, на стыке улочки и деревни, большой дом, крестовой, под тесовой крышей. Постройки, само собой, ограда резная, дом весь изукрашен, любо посмотреть.

— Ломайте, мать вашу, иначе сгинем все!

Ну, накинулись, верно говорят, что ломать — не строить. Кое-что из дома вынесли, кровлю заворотили и столкнули, стропила выпростали, а стеновые бревна только так посыпались. Что упало, подхватывают и уносят подале, пока до основания дошли, огонь уж тут. Рубахи тлели на мужиках, когда последние бревна выносили. Огонь повитийствовал на последней жертве и ослаб. Тут кто радуется, что спасли его хозяйство, погорельцы разом заревели, бабы, конечно. К вечеру все головешки погасили, на улочку страшно посмотреть, одни печи стоят с чувалами. Я, понятно, сам не видел, но могу представить, доводилось на фронте проходить по выгоревшим деревням, только большая русская печь остается после огня. Страшное видение, скажу тебе, жуткое. Ну, проревелись, пошли в храм, отслужили молебен, после разобрали погорельцев по родне, староста сказал, что завтра же поедет в волость искать помощи для пострадавших.

Теперь о Паше Менделёве. Он сам видный был, красавец мужик: ростом не очень высок, крепок, лицом чист, глаза темные, глубокие, как старицы, волос из кольца в кольцо, так что с бабами у него забот хватало. Женился он на Апроше, Федора Петровича дочери, верней,

женил его папаша Петро Михайлович, больно крутой был, с Федькой у них дружба сердечная, вот и решили ее укрепить родством, а Пашу не спросили. Тогда против воли отца не могли возмутиться, враз лишит наследства и из дома выпрет, обвенчали, сыграли свадьбу на Покров день. Только Пашка не смирился, погуливал, жил с Апрошкой в родительском доме, чуть что — отец за ремень: запорю! Не улыбайся, тогда и женатику родитель мог всыпать, мне самому перепало, но это уж позже.

И вот время к Паске, праздник это большой был, радостный, служба в храме, потом гуляния, разговение, пост же кончился, к утру готовили скоромную пищу, а после обеда устраивали игрища. Это как теперь соревнования, да и те вы уже забываете, но тогда был кулачный бой, боролись на опоясках да конные скачки устраивали. Отец Паши Петро Михайлович охоч был до лошадей, имел несколько рысаков и всякий раз сам скакал и призы брал. В этот раз тоже объявил, что будет, привели серого в яблоках жеребца, гордость хозяина, Паша и привел, Петро Михайлович бодренько вскочил в седло, поехал разминать коня. Через время объявили заезд, с десятков лошадей участвовали, это на Кизилровке устраивали, место там ровное, вешки поставили по кругу с версту. По команде сорвались кони с места и понесли, народ кричит, первый круг прошли, второй, Петро Михайлович идет в серединке. Многие знали, что это тактика у него такая, на последнем круге свое возьмет, и дело не в баране, который на приз выставлен, у Менделёва овечек никто не считал, — натура у него такая, первым быть, хозяином.

Когда вышли на последний круг, Петро Михайлович был уже впереди, красиво шел рысачок, и верховой тоже завидно гляделся, прильнул ко гриве, уже не надо вмешиваться, этот конь никого вперед не пустит. И тут ахнула толпа: Петро Михайлович качнулся в сторону, рысак шархнулся, всадник со всего маху сорвался с лошади и ударился о землю. Когда подбежали, он уж дергаться перестал, тут же седло подняли, а подпруга посередке порвана. Опять все ахнули, когда концы свели: подрезана подпруга, только чуть оставлено, потому и держалась пока...

Приезжал следователь, опрос делал, у Пашки допытывался, кто мог сотворить такое, Пашка указал на Фоку Рожня, который в работниках был и за лошадьями смотрел, а Фока под присягой заявил, что рысака седлал сам молодой хозяин. Фоку того увезли, и вернулся он уже после революции, но слух был, что Пашка и сделал, чтобы от

родителя избавиться. С полгода еще после похорон прожил с Апрошкой, а потом отвез к отцу ее вместе с приданным.

Да, о доме. На Никольской ярмарке в Ишиме встретил Паша барышню, говорят, не шибко голубых кровей, но состоятельных родителей дочь, и была она вместе с папашей своим, маслоделом из Маслянской волости. Она не то, что молодая — юная совсем, девчонка шестнадцати лет, а Паше уж под тридцать, но он разум потерял, все дни терся около торговли маслодела, свои дела закинул, наконец, изловил девку. Конечно, никто не слышал, что он ей говорил, только можно догадаться, что пел он лучше соловья и слаще заморских всяческих певунов, охмурил напором и подарками, а через неделю сватов прислал. Свадьбы не было и венчания тоже, но стали поговаривать, что тошно Пашке в родном доме, покойный родитель ночами приходит и спрашивает, за что это сынок такое с отцом породившим сотворил. Паша крепителся, от вопросов отнекивался, к докторам ездил, но покоя не обрел. И тогда сказала ему молодая жена, что надо свой дом поставить и из родительского уйти. А коли сказала, то значит, знала уже мужнину тайну, ведь так? Хотя могла и просто посоветовать, чтобы обстановку изменить.

Как бы то ни было, закупил Павел Петрович сосновый лес у викуловских торговцев и за деревней поставил крестовой дом, бригаду мастеров нанял, чтобы дом изукрасили, дело свое они справно вершили, не дом вышел, а теремок. Освятил его хозяин как положено, и перешел, сюда же часть хозяйства перевел, часть оставил сестре Анне с матерью. А когда он ушел, сестрица стала чаще к скотине выходить, где сама сделает, где работникам подскажет. Она в девках засиделась из-за этого случая с батюшкой, вся округа судачила, что не добрая та семейка, где сын отца под смерть подводит, сыну хоть бы что, а на дочери отразилось, не идут сваты, хотя и девка не бракованная.

И вот в конюшне разбиралась она с барахлом, и в загородке, где рысак стоял, увидела рукоятку ножа, в паз стены воткнутого, выдернула и задыхнулась: Пашкин нож, он всегда при нем был на работе в поле, а в стене оказался не просто так. Никому ничего не сказала, пришла к брату и подала нож, а того не подумала, что братец от безвыходности может и ее тем ножом. Нет, обошлось, только Павел Петрович с того дня опять покой потерял. И бояться нечего, нож выбросил надежно, сестре никто не поверит по прошествию времени, сочтут за наговор, мол, обидел сестру при дележке, вот та и мстит. А он не может места изобрать. И тут пожар.

Да, а семейная новая жизнь у Пашки складывалась — лучше не надо. Молодуха так его любила, что ноги мыла и вытирала белым полотенцем, в глаза заглядывала, чем накормить, как обнять—приголубить. В первый год родила ему парня, на второй год девку, Паша дома отходил сердцем, а как уединялся в работе — дуром дурил. Вот тогда жёнушка и посоветовала ему исповедоваться и причаститься у игумена или другого монаха, потому что монахи больше силу имеют, чем даже священники.

Поехал Павел Петрович в Тобольск, в Абалакский монастырь, хорошее пожертвование сделал, определили его к монаху Евпатию. В его келье жил, с ним работал на послушании, ночами молился вместе со старцем. Хотя какой он старец, и не старик даже, а мудрость в нем и свет, это Паша сразу заметил.

Сначала монах попросил рассказать свою жизнь, Павел исполнил, но про несчастный случай ничего не сказал. И тогда монах спрашивает про отца, где, мол, он у тебя? Павел ответил, что разбился на скачках в Пасхальный праздник, и все. Тогда монах напрямую: подпрыгу ему подрезали, потому и разбился. Рухнул перед ним Павел на колени, зарыдал: сил моих нет носить это бремя, освободи, отче! Монах изрек: перед Господом будешь ответ держать, а перед людьми только большая жертва тебя избавит от груза. Какая жертва, отче? На все Господь, он подскажет. И отправил Павла домой. В тот год и случился пожар.

Ну, потом революция сделалась, война, и Павла Петровича призвали, воевал за белых, потом за красных, все смешалось. Только вроде утряслось, продразверстка, под веник голик заматали сусеки, семенное зерно и то забрали. К Паше темной ночью приехал человек, до утра проговорили, назначили его старшим в волости по восстанию. А через день депешу привезли, арестовывать коммунистов и актив. Павел все исполнил, собрал людей надежных, посты установил. А на другой день всех восставших увели с отрядом Гриши Атаманова, с февраля до глубокой осени гонялись они за красными и красные гонялись за ними, с наступлением холодов не выдержал Павел Петрович, пришел в материн дом, где семья жила, там его и взяли.

Хомяковский и его к стенке ставил, наганом бил по затылку, но общество заступилось, памятуя его жертву своим домом для ради народа, а всем карателям дано было указание с людским мнением поаккуратней, все-таки восстание кой чему власть научило, да только народное возмущение и учит правителей. Дали Павлу Петровичу пять

лет, отбывал на лесозаготовках, вернулся сильно исхудавший и при-
смиривший, но вдруг воспрянул, опять красный лес привез и дом
рубить подрядил бригаду. В сельсовет вызвали, поинтересовались, на
какие капиталы строительство, он отвертелся, соврал что-то, а на
самом-то деле сестра золотые монеты царской чеканки нашла в под-
поле родительского дома, Петр Михайлович запасливый был, да сги-
нул, не успел сказать про заначку. Сестра чистая душа, не скрыла,
отдала братцу. Дак вот, он на том же самом месте, поперек приметам,
возвел дом, такой же большой, только крышу уже не тесом, а желе-
зом покрыл.

И тут опять смятение на душе, как-то глянул на сына своего и ужас-
нулся: до невозможности похож на деда Петра Михайловича, и даже
взгляд такой же. Невзлюбил парня, жене ничего не говорил, а сестре
своей Анне покаялся, что не может больше сына видеть и она здога-
далась: отдай мне парня, все равно одна живу, вместе веселей будет.
Отдал, да так отдал, что годами не встречался, избегал. Сестра про-
тив отца слова парнишке не говорила, но он чувствовал, что не след
на глаза лезть, с матерью виделся, а отца не знал. Так и жили в одной
деревне, как будто чужие.

Парень выучился, работать стал в колхозе, потом война, после
демобилизации женился, так вместе с теткой и жили, а лет через пять
она повела его к Павлу Петровичу, к отцу, то есть. Сказала, что зовет.
Павел Петрович ее попросил уйти. Да, жена его к тому времени по-
мерла, дочка замуж вышла в соседнюю деревню. Сын ничего такого
не заметил, видит, что лежит отец в постели, все прибрано, не ска-
жешь, что болеет. А он уж при смерти. Так понять можно, что принял
яду. Вот тут все сыну и рассказал, покаялся, велел после его смерти в
дом перейти, мол, по праву.

Что смотришь? Отец мой и дед твой. А что фамилия другая — на
мамину фамилию меня переписал, когда к тетке отправил. И дом тот,
и память о нем в этом доме. У гроба я плакал, как ребенок, так жалко
было исковерканную жизнь отца и свою тоже, но ничего не попи-
пешь, я обещал ему тебе все рассказать, когда взрослым будешь, что-
бы хоть сколько-нибудь понятия имел. Вот, наследуй, горькая память,
а наша. Другой нету.

2009 г.

ПРО МАКСИМА, ИНВАЛИДА И ГОВОРУНА

Рассказ

Зенитчики еще не успели как следует окопаться, только развернули орудия и перенесли с полуторки ящики со снарядами. Максим рыл окопчик, безнадежно ковыряя лопаткой мерзлую землю. Друг Агафон со стороны с усмешкой смотрел за возней своего товарища:

— Макся, тебе так до дня победы не вырыть. Ты не долби, ты режь, оно лучше выходит.

— Не режется, тут вроде солонец, лопата вязнет.

Агафон взял у него инструмент, сделал несколько движений, согласился:

— Да, земляца попала тебе.... Сам выбирал.

— Одно только думаю: хорошо, что не могилу копать, все-таки окопчик помельче.

— Не каркай! Переходи на мое место, я дивно вырыл, и грунт у меня податливей.

Максим вылез из неглубокой лунки, достал портсигар, полученный в подарок из посылки работниц тюменской овчинной фабрики. На алюминиевой крышке подержанной уже вещи красовалась точками выбитая надпись «На память от Косты». Мужики решили, что портсигар сдал в посылку или демобилизованный по ранению, или солдат той мировой, потому что на обратной стороне коряво нацарапано «Германский фронт». Закурили.

Только чуть зарылось. Ночь не отступала, и сизый сумрак неуютно обволакивал душу. Максим всякое время суток сравнивал со своим, сибирским, и не находил ничего похожего. Вот и этот рассвет был незнакомым и чужим.

— Рождество сегодня, — горько сказал Максим, вспомнив, как дома встречали это утро. — Пока не закрыли церкву, всей семьей ходили на службу. И отец, Павел Михайлович, и мама, и нянька Анна, и Никита, его убили ланись.

— Когда убили?

— В прошлом году, осенесь.

— Так и говори, а то — ланись. И осенью, а не осенесь, нерусь!

— Пошто нерусь, русский я.

— А почему говоришь так?

— У нас все так говорят. Я тоже не шибко грамотный. В младшую группу ходил зиму, учился, потом надо было в среднюю, а отец сказал: «Макся, ты не ходи в школу, в средней группе ребятишек будут кастрировать». Я и не пошел.

Агафон тихонько смеялся:

— Ты, Макся, за яйца свои пострадал. Мужик толковый, будь грамотёшка — отирался бы где при штабе, не копал бы Россию.

— Не-е, мне в штабе не усидеть, я бы брякнул что-нибудь про начальство, и поехал в штрафбат, как наш командир.

— Жалко мужика.

Новый командир батареи капитан Степура крикнул издалика:

— Не сидеть, окапываться!

Максим привычно загасил окурок, втоптал носком сапога в мерзлую землю. Агафон тоже встал:

— Переходи в мой окоп, вон, у второго орудия.

Максим нехотя пошел, волоча винтовку и лопату.

Скоро должно было вставать солнце. Он сел в почти готовый окопчик и грустно смотрел на восток. Место появления светила обозначилось обширным сиянием, но цвета были не те, к которым он привык. Восход всегда притягивал его: и на весенней пашне, когда суровый отец поднимал чуть свет; и на раздольных лугах родных афонских сенокосов, потому что утренняя кошенина самая наилучшая для сена; и на жатве, пока не обдуло ночную прохладу, надо наострить серпы и поправить вчерашние спешные суслоны урожайных и крепких снопов. Таинственная сила самого жизнеутверждающего явления заворачивала его, первое появление солнца было сигналом к новому дню.

Несколько крупных точек на мгновение опередили солнечный луч, и Максим узнал самолеты. Гул появился чуть позже. Это бомбардировщики. Должны быть наши, но по очертаниям и особенностям звуков он понял, что противника. Похоже, отбомбились, домой идут. Высота приличная, и курс чуть в стороне от батареи. Над ними, как воробьи над коршуном, зависли истребители сопровождения.

— Воздух! — заорал капитан Степура, и бойцы переглянулись.

— Товарищ капитан, это не наш воздух, эропланы разве что над четвертой батареей пройдут, — спокойно уточнил старшина Моспанов.

– Отставить разговоры! Орудия к бою!

– Какой бой, нам их сроду не достать!

– Пушай себе летят...

– Товарищ капитан, не надо их дразнить. Давайте пропустим, все равно не собьем, только себя обнаружим, – бубнил старшина.

– Это что за собрание!?! Что значит – пропустим!?! Я для того сюда поставлен, чтобы уничтожить самолеты противника! Орудия – к бою!

Максим подбежал к ящикам со снарядами:

– Каким стрелять будем?

– А хрен его знает! – ответил командир орудия сержант Мяличев.

– Их никаким не достать.

Капитан Степура отдавал команды зычным голосом, то и дело поднося к глазам бинокль. После команды «огонь!» зенитки вразнобой закашляли, выплевывая горячие гильзы. Максим видел разрывы, которые не могли даже напугать летчиков. Сидевший на радиции рядовой Пашенко вдруг встал и крикнул:

– Товарищ капитан, вас первый к аппарату!

Капитан побледнел, услышав отборный мат полковника, Максим присел на ящик после его команды прекратить огонь. Но было уже поздно. Два самолета выпали из строя и стали скатываться прямо на голову Максиму.

– Вот теперича действительно воздух, – хохотнул он и полез в окопчик Агафона.

Самолеты выбросили пять мелких бомб, непонятно, почему не использованных на основном задании, и стали набирать высоту. Зенитки молчали. Капитан стоял, втянув голову в плечи. Старшина Моспанов свалил его в свой окоп. Бомбы разорвались дружно, осыпав землей и осколками все вокруг. Одна разнесла Агафона, попал прямо в обменянное с Максимом место. Еще одна повредила орудие. Осколок навывлет пробил живот капитану. Сержант Мяличев чуть дернулся на станине орудия и затих. Тишина наступила страшная. Максим вскочил и, кинувшись в сторону Агафона, упал, пробежав несколько метров. Воронку на месте своего окопа он успел увидеть, но сильная боль в ногах уронила на землю.

– У тебя же ступня пробита, едрена мать, – радист Пашенко присел на корточки и тупо смотрел на рваное отверстие в сапоге, из которого сочилась грязная кровь.

– Сымай сапог, нехрен сидеть сиднем.

Пашенко немного повозился и возразил:

- Не снять, резать придется.
- Сапог губить не позволю, сьмай.
- Не позволит он! Тут дыра насквозь.

Максим с детства боялся собственной крови, и теперь, едва глянув, сомлел и повалился на бок. Пашенко разрезал голенище и, отбросив сапог, начал неумело делать перевязку.

— Капитана сразу осколком навyleт, так в страхе и помер. Ему полковник вломил, что он обнаружил батарею. Нас, говорит, для важного дела разместили. И Ендырева в клочья разорвало, с которым ты окопом сменялся. Толковый у тебя обмен получился.

Максиму было неловко, будто он виноват в гибели товарища. Пашенко приспособил к забинтованной ноге разрезанный сапог.

Артиллерийский обстрел начался внезапно, видно, сообщили летчики расположение батареи. Пашенко вместе с шофером полуторки, которая привезла снаряды, оттащили Максима к машине и затолкали в кузов. Он лежал на спине, подсунув под голову кусок брезента. Рана ныла, он с трудом поднял ногу, холодная кровь скатилась по штанине под задницу и под спину, боль чуть утихла.

Солнце уже встало и светило ему прямо в глаза. Такое яркое солнце! Он знал, что надо просыпаться, но какой-то мерзавчик внушал ему: «Поспи еще, мать разбудит». И действительно, мама встала на лестницу, черенком легоньких деревянных грабельцев нащупала в чердачной темноте его тшедушное тельце и легонько побеспокоила: «Вставай!». Максим очнулся, мамы не было, было раннее рождественское утро в украинской морозной степи, нехорошая тишина, нарушаемая стопами мужиков, кузов полуторки и терзающая боль в ноге. Кровь опять стекла по штанине, неприятно похолодив спину. Максим покричал, но никто не ответил. Он больше всего боялся страха, но ощущал только тоску. Если не найдут, то изойдет кровью и замерзнет. Найти могут только случайно, потому что сейчас не до разбитой батареи. Страшно не было, но хотелось плакать.

Его нашли действительно случайно в вечерних сумерках. Двое бойцов пытались завести полуторку, но не смогли, раненого Максима не сразу отодрали от деревянного кузова: набрякшая кровью шинель пристыла к доскам. Его вели и тащили долго, один боец предлагал бросить, но второй не согласился, так и доволокли до расположения.

Как попал в госпиталь, Максим не знал, очнулся от боли в ране-

ной ноге, попросил пить. Солдат из старших возрастов в застиранном сером халате сказал, что после операции вода не полагается, и вытер его губы мокрым грязным полотенцем.

— У меня нога болит шибко, — сказал Максим. — Ранило меня.

Санитар засмеялся:

— Не может у тебя нога болеть, потому как ее нету.

Максим не сразу понял.

— Почему нету?

— Отрезали. Гангрена у тебя началась. Отпластнули по самое колено.

— Врешь! — Максим хотел было вскочить, но голову обнесло, и он опять плавал по деревенским старицам, ставил фитили и морды, вытрясал в лодку лобастых налимов, длинных шуругаек и плоских карасей. Все тот же мерзавчик подсказывал ему, что не надо бы смотреть во сне рыбу, это к болезни, но рыба просто перла в его снасти, и Максим ничего не мог с этим поделать.

Через день врач сказал, что отправляет его в тыловой госпиталь, потому что не уверен, покончено ли с заражением:

— До санпоезда доедешь, а там помереть не дадут, у тебя еще полметра в запасе.

— Каких полметра? — не понял Максим.

— Ноги до туловища! Простых вещей понять не могут!

Его сняли в Саратове и в госпитале резали еще два раза, пытаясь сохранить хоть сколько-то конечности и опасаясь общего заражения. Учился ходить на костылях, падал, разбивал культу, плакал по ночам, тяжело задумался о жизни после случая с соседом по койке, веселым парнем с Волги, которому отрезали обе ноги под самый корень. Он шутил, что на обувь теперь тратить не надо, что на танцы время терять не будет. Утром попросил ребят посадить его на подоконник. Максим тоже помогал. Парень сидел недолго и молча опрокинулся наружу с третьего этажа.

Максима никто в деревне не ждал, кроме матери. В свои тридцать пять он несколько раз женился, но все как-то не получалось. Отец сначала ругался, потом попустился, Максим погуливал, пока не забрали на фронт. Теперь отгулял. Для деревенской работы не годен, другой не знает, и грамоты нет.

Деревня встретила его нерадостными новостями, схоронили от скоротечной болезни отца, Павла Михайловича, и старшую сестру

Анну, няньку, как звал ее Максим. Брат Матвей в первый вечер не пришел, сказался больным, мама наскоро собрала стол, пришли демобилизованные раньше калеки Антон, Киприян, Федор Петрович. Выпили бражки.

— Мама, а про отца-то чё не писали. И про няньку.

— А кто писатели-то, Макся, я немтая, а Матвей все по больницам.

— Так и ссытся?

— Да вроде проходит.

— Знамо, пузырь — он понюхачей самого Гитлера капут чувствует.

— Макся, при людях-то!

— А то люди не знают, что братец еще до первой немецкой артподготовки в штаны прудить начал. Эх, мать, а чё бы мы делали, если б всем миром под себя мочиться стали, вплоть до товарища Сталина?

Вечером натопили баню, Максим неумело подставил под культю деревяшку, и, не привязывая ремней, поковылял мыться. С непривычки сильным жаром охватило голову, пришлось спуститься на пол и приоткрыть дверь. Подложив под голову веник, он прилег на порожек, ловя свежий воздух через приоткрытую дверь. Кто-то закрыл собою узенький вход в предбанник, Максим поднял глаза: Матвей.

— Здорово, брат. С возвращеньцем.

— Здорово. Проходи, парься.

После бани Максим по праву старшего сидел на лавке в кутнем углу, это место отца. Лишний кусок штанины белых домашних кальсон он подогнул и привязал нянькиным пояском. Пустой стол, вот тут сидел Никита, тут нянька, тут отец.

— Жениться тебе придется, Макся, — сказал Матвей. — Я отделился, матере одной тяжело.

— Ага, прямо седни и начну, вот ветер стихнет.

— Ты смехучками-то не отделяйся, бабья полдеревни слободного, мужиков перебили.

— Мне жениться нельзя, я еще до войны не три ли раза под венец ходил, да только на месяц и хватало. Терпеть ненавижу, как бабы начинают руководить. А теперь и вовсе, на чужой крови живу.

— Пошто? — испугался Матвей.

— Своя вся истекла, мне немецкую лили, сам на каждом флаконе видел: фамилия Донор написана. Так что не до женитьбы, хоть бы до лета дотянуть.

— Ох, и болтун ты, Макся, каким был, таким и остался, — вздохнула мать.

Исполнительницей от сельсовета прибежала невысокая молоденькая женщина, вошла в избу, поздоровалась, насухо вытерла влажные от осенней слякоти калоши на валенках.

— Ты Максим Онисимов будешь? Распишись вот в извещении, что завтра явиться в район на комиссию.

Максим расписался коряво.

— А на чем являться?

— Подвода пойдет, вас тут с десятков изувеченных.

— На вожжах не ты ли сидеть будешь?

— Нет, — хохотнула женщина. — Иван Кириков, он хоть и безрукий, но с такой командой управится.

— Чья она, мама? Вроде как не афонская?

— С Горы приехала, замуж туда выходила, да мужика убили, вернулась с двумя ребятишками.

— А пошто к нам, родня тут какая?

— Седьмая вода на киселе. Бьется бабенка, отец родной где-то в Поречье погуливат, всю войну просидел в каталашке, теперь вроде завхозом в больнице, так сказывают. А ты не глаз ли положил?

Максим стушевался:

— Да так, хорошая бабенка, веселая.

Мать в кути забрякала ухватами:

— Ты с ума не сойди, у ей двое, ты будешь третий, тоже дите, только что под себя не ходишь. Вот веселуха-то будет!

— Ладно, собери мне что в дорогу.

Рано утром у колхозного правления собрались все инвалиды, которым следовало явиться в районную больницу. Курили, подсмеивали друг над другом.

— Григорья с Эмилем в передок посадим, у их обеих ног нету, Максю с Васькой Макаровым по бокам, посередке Ванька Киричонок. Ему непременно надо посередке, потому как вздремнет со хмеля и под фургончик свалится, тогда и ноги может лишиться дополнительно.

— Ты меня не трожь! — витийствовал Кириков, маленький шустрый мужичек без левой руки, но ловко запрягавший пару лошадей. — А то ведь я могу и поперед из района рвануть, вот тут поползете до дому, как фриц из Сталинградского капкана.

Ванька руки лишился под Сталинградом, в деревне уже обжился, после признания Сталинградской битвы поворотным сражением во

всей войне он особенно оживился, будто сам лично замыкал кольцо и брал фельдмаршалов в плен. Бывший хороший тракторист, отлученный от любимой «колесянки», он долго привыкал к лошадям, смирился, но стал попивать. В деревне, где выпивали только по случаю, мужик навеселе среди недели скоро стал посмешищем, за ним, тридцатилетним, крепко привязалось обращение и старого и малого: Ванька Кирик, Киричонок. Деревня, у неё свои законы.

Комиссия в районной больнице с участием офицера военкомата, щеголя—капитана, проходила быстро. Максим только кивал в ответ на самые простые вопросы, но когда пожилая женщина из собеса спросила, где он работает, Максим растерялся:

— Был в колхозе, пока нет работы. Да я и на ногах-то плохо стою.

— На ноге, — уточнил хирург, — вторая нога у вас почти в порядке.

— На ней отсутствует икрная мышца, — приподняла очки терапевт.

— Ну, не совсем, — возразил хирург. И Максиму: — Ну-ка, пройдитеесь.

Максим тяжело встал с табуретки, установил на крашеном полу деревяшку и сделал несколько шагов без костыля. Пересилив боль, улыбнулся:

— Вот, помаленьку хожу.

— Можно дать третью группу, — повернувшись в их сторону, произнес офицер военкомата, до этого лепетавший с медсестрой регистрации.

— Он нетрудоспособен, Роман Дмитриевич, я за вторую.

— Нетрудоспособен, а, по моим сведениям, жениться собрался.

Максим хохотнул:

— Так оно, товарищ капитан, что для женитьбы необходимо, немец мне милостиво оставил, спасибо ему.

— Награды есть? — спросил капитан.

— Медалёшки, — равнодушно ответил Максим.

— Надо было воевать лучше, были бы ордена, — посоветовал капитан.

— Вот ты точно роты водил в рукопашную атаку! — резко выпалил Максим. — А я на продскладе винной бочкой себе ногу отдал! Да ежели бы я херово воевал, ты бы сейчас в хромовые сапожки не заглядывал, как в зеркальце, а у бюргера свиней пас!

— Товарищ инвалид! Ведите себя! — капитан вскочил.

Максим продолжал сидеть, его била дрожь, пот залил глаза:

— Я пока еще только калека, инвалидом вы меня признавать не хотите, потому что за это копейку платить надо.

Он встал и, тяжело припадая на деревяшку, вышел из кабинета, оставив на крашеном полу струйку яркой крови из лопнувшего шва на культе.

После обеда процедура закончилась, всем дали третью группу инвалидности, вторую только тем, у кого не было обеих ног. Но самое непонятное было в строгом наказе главного врача: в апреле всем при-быть на перекомиссию.

— Правда, мужики, чо до апреля изменится?

— Какой ты бестолковый, Киричонок, и отец твой такой же был.
— Максим уже успокоился и не мог упустить возможности подначить.
— В апреле весна, все живое в рост прет, ты же знашь, что ни корову, ни бабу в это время не удержишь, щепа на щепу... Вот и возникли у советской власти опасения, что рука у тебя вырастет, а ты, сволочь подкулачная, сокроешь сей факт от любимого государства, и будешь продолжать огребать ежемесячно свои полторы сотни.

Василий Фёдорович, родственник и грамотный человек, шепнул Максиму:

— Ты придержи язык, а то не посмотрят, что инвалид, подметут.

— Зачем я им? Кормить задаром.

Василий засмеялся:

— Ага, пельмени для тебя все комсоставом будут лепить. Да подведут к ближайшей стенке и шлепнут, а потом протоколом тройки оформят. Эх ты, фронтовичек!

В субботу, напарившись в бане, Максим помыл и выскоблил ножом деревяшку, надел чистую рубаху и сказал матери:

— Пойду к Ивану Лаврентьевичу в карты поиграть.

А сам мимо Иванова дома подался в другую сторону, где жила Мария Горлова с ребятишками. Осторожно с мужиками поговорил, не хаживает ли к ней кто — сказали, что нет, не хаживает. Подошел к избенке, выдернул верхнюю жердинку в воротцах, через нижнюю с трудом переволок деревяшку, лампа в простенке горит, но дверь уже заперта. Неловко погромел шеколдой, из избы кто-то вышел.

— Хозяйка, открывай, а то ветер сѣдни холодный.

— Не открою, не признаю я.

— Максим Онисимов, извещение ты мне приносила.

— Ну, дак я тебе его отдала. Какой спрос?

— Беда с бабой! К тебе я пришел, пусти хоть на минуту, култышку перевяжу, а то не дойти до дома.

Крючок сбрыкал, отпустив дверь. Максим следом за хозяйкой вошел в избу. Чистенько прибрано, хоть и бедно. Русская печка в треть избу, стол, три табуретки, койка. С полатей свесились две стриженные головы, Володька и Генка, он уже знал их имена. В избушке этой раньше жили Заварухины, Максим тут бывал. Мария прошла в кутный угол, села на залавочек.

— Бери табуретку, переобувайся.

Максим снял деревяшку, перемотнул портянку, крови не было. Отложил протез в сторону.

— Посижу маленько. Ты пореченская родом?

— Там родилась, потом здесь в няньках жила, на семнадцатом году вышла за парня из Маслянской МТС, он тут хлеб молотил. Вот родили двоих, его забрали и под Сталинградом убили, деваться некуда, подалась к своим, хоть и не большая родня, но не бросили. Живу вот.

— В колхозе робишь?

— В колхозе.

— Тяжело одной-то?

Она вздохнула:

— Всем тяжело теперь. Тебе вот тоже не сладко.

— Да я привыкну, мозоли набью, и тогда хоть бегом.

Оба молчали, ребяташки на полатах тихонько посапывали.

— Мария, давай сойдемся с тобой. Я работать начну, пенсию вот назначили, полегче будет.

— Нет, на двоих детей никто ко мне не пойдет, и ты тоже так, баловство одно. Не стоит на разговоры.

Максим приобиделся:

— Отчего это вдруг баловство? Мне тридцать пять, куда еще? Хватит, набаловался.

— Сгоряча это ты, Максим, посмотри, сколько девок осталось без женихов, а вдов молоденьких, бездетных! Своих народишь, зачем тебе чужие, ну, ты сам подумай!

— А мы с тобой разве не родим? — осмелел Максим. — Выправится жизнь, и дети вырастут. Другое дело, если брезгуешь, не подхожу тебе, так и скажи.

— Господи! — Мария заплакала. — Я пять лет уж мужского разговора душевного не слышала. Не тревожь ты меня, Богом прошу. Иди домой, дай мне срок подумать.

Максим озаботился:

— Ты, если обо мне справки наводить, то не теряй время, я тебе

сам во всем признаюсь. Зло не употребляю, табак курю, приматериваюсь, вредным бываю. Хуже уже никто не скажет.

— Иди до завтра, я хоть ребятишкам все обскажу, большие ведь. У тебя нигде нет нагуленных?

— Да не было до войны, и сейчас вроде похожих не встречал. — Он пристегнул деревяшку, надернул фуфайку, тяжело встал.

— Иди, я посвечу в сенках, там одна плаха скачет.

— Переберу пол, это я в первый же день.

У самых воротец Мария спросила:

— Максим, а ведь ты на меня сразу посмотрел, когда и с исполнительным к вам прибежала, правда?

— Как есть, правда. Я и матери сказал.

— Ладно, мне утра вставать рано, иди тихонько.

Мать и слушать не хотела о Марии, да и Матвей страшал, напирая на ребятишек. Большие уже, семь и девять, с такими и здоровый мужик горя хватит. Максим отмалчивался, собрал в армейский вещмешок кальсоны, рубахи, гимнастерку. Поздним ноябрьским вечером ушел в избушку Марии.

Когда ребятишки на полотах успокоились, она ушла за занавеску в кутный угол:

— Ложись, я потом лампу погашу.

Ночь высвечивала худую фигуру незнакомого мужчины. Она присела перед койкой.

— Ты кульги моей бояться не будешь?

— Привыкну. Мне к стенке или с краю?

— Ложись к стене.

Он неловко, неумело обнял ее открытые плечи. Кто-то из ребятишек заворочался и забормотал на полотах. Они испуганно притихли, Мария тихонько шептала ему в ухо:

— Пускай они улягутся, а ты обними меня крепко, чтоб дух захватило.

В ноябре ночи длинные, да ребятишкам вставать в школу. Поочередно спрыгнув с полатей и сбегав на улицу, они наскоро умылись под рукомойником. Максим лежал на койке, Мария уже сварила пластянку, жиденький суп с картошкой, нарезанной пластиками, положила с обеих сторон стола по куску хлеба.

Генка первым подошел к Максиму:

— Мне тебя тятей звать или папкой?

Максим ступевался:

– Мать, как лучше?

– Ты отец, ты и решай, – строго ответила Мария.

– Зови папкой. Я своего тятей звал, тоже ничего.

– И я буду папкой тоже, – добавил Володя.

– Ешьте и в школу, – скомандовала мать.

Проводив детей, она села на койку и обняла Максима.

– Я седни с работы отпросилась, если не передумал, ходим в сельсовет.

– Мне и передумать-то некогда было. Успеем еще, день большой, ложись ко мне.

В тот же день в сельском совете их записали мужем и женой. Деревня дня два обсуждала новость, пока не случилась какая-то другая.

2009 г.

БРАТОВЬЯ

Рассказ

Когда Максиму сказали, что родной брат его Матвей Павлович сильно занемог и даже может помереть, он опешил, с мысли сбился: ведь вчера еще сидели на бревнышках у дома и вспоминали молодость, Матвей даже через чур веселый был, все над Максимом шпакурил, выводил из себя.

– Скажи, Макся, ты с Нюркой Маленькой спал?

– Ак нюшь! И с Нюркой спал, и с сестрой ее Марфой.

– А когда? Ну-ка, вспомни, в каком году это было?

Максим занервничал, он не любил, когда его подначивали:

– «В каком году!». Да я разве всех упомяну. Ну, до войны.

– Врешь. Я в войну к ей похаживал, интересовался про тебя, она отперлась, говорит, и рядом не сидел.

Максим опять психанул:

– Твою мать! Да я ее как сейчас помню, я же азартный был до фронта, а она тюхтя, гундит — ни хрена не понять. И пониже пупка у нее большая бородавка, ты себе ничего не натер?

Мужики хохотали, поддерживая Максима, Матвей про бородавку промолчал.

И вот на тебе, лежит без памяти, баба говорит, ночью забухтел не понять чего, вскрикнул и кинулся с кровати, прямо на пол упал, пена со рта. Сбегали за медичкой, она уколов наставила, утром машину директор совхоза дал, загрузили мужика, как мешок отходов, так без ума и повезли.

Максим сидел на тех же бревнышках, что и вчера, майское солнце согревало, он отстегнул деревяшку, которую носил вместо протеза, привезенного из Омска, уж больно тяжелый и неловкий делали ему протез. Максим через год ездил в Омск на примерку в протезную мастерскую только потому, что дорогу ему сельсовет оплачивал, а он к другу своему фронтовому заезжал, вспоминали, выпивали и плакали о молодости и друзьях. Протезов у него в казенке висело штук шесть, а носил самодельный, выстроганный из березы. С торца

приколачивал кусок грубой резины, чтобы не скользить, деревяшка оставляла след что на снежной дороге, что на грунтовой, потому сынишка по заданию матери всегда легко его находил, если мать подозревала, что Максим где-то остаканился.

Они с Матвеем хоть и братьевья, но не шибко роднились, Максим на восемь лет старше, до войны раза три женился, да все не впрок. Первую свадьбу сыграли по-настоящему, правда, без венчания, к тому времени церковь уже прикрыли, а попа отправили на Урал лес пилить, но отец Павел Михайлович благословил, невесту принял. Только Макся на первой же неделе заявил молодухе, что жить с ней не будет, мол, не рассчитывай, а сам на вечерки стал похаживать, после ужина, бывало, скажет:

— Пойду к Ивану Лаврентьевичу в карты поиграть.

И утянется, до первых петухов прогостюет, потом явится. Отец как-то и встретил его:

— Ты где, сукин ты сын, шлялся? У тебя жена или кто? И чтоб я больше не слышал, что она ночью зубами от горя скричат! — Да и вытянул женатика широким сыромятным ремнем так, что рубаха к телу прикипела, Максим взревел, выскочила нянька Анна, старшая сестра, запричитала над кровью, а просеченную рубаху снять не может, пришлось самогонкой отмачивать, заодно и пострадавшему налила стаканчик.

Потом еще пытался обзавестись, да, видно, не судьба, одна сама ушла, другую проводил, так что на фронт холостячком отправился, это на четвертом-то десятке.

А Матвей дома остался, хотя его год призвали сразу: болезнь у него приключилась какая-то, не то ноги отнимались, не то мочился неудержимо, Макся так и не понял, когда вернулся из Саратовского госпиталя без ноги уже после победы. Матвей жил самостоятельно семьей, работал в колхозе на завидной должности объездчика, соблюдал колхозную собственность, чтобы мужик где лишний прокос для свой коровки не сделал, чтобы баба колосков в подоле с поля не принесла, чтобы ребятишки не мяли хлеба, когда бродили по первым от деревни лескам в поисках сорочьих гнезд, саранок и пучек.

Максиму определили третью группу инвалидности, она называлась рабочей, потому зимой он ходил за овечками, а с весны до глубокой осени ночами сторожил оставленную в поле колхозную технику, чтобы кто не побаловался. При нем была лошадка с ходочком, как и у брательника, но с братом совет не брал, а когда мать померла, и вовсе чужими стали.

За Максимом закрепилось прозвище «Родной», в деревне редко кто без клички живет, Максим тоже остер на язык, многих наградил кликухами, да и сам не избежал. Макся свое прозвище не любил, обидное оно, оскорбительное, пошло от частушки, которую кто-то во злобе сочинил: «На горе стоит осина...», дальше такая гадость, про холстяную рубаху: «Он в рубахе холстяной», и заканчивается ехидно: «Помогай, Максим родной!». Частушку пели, Максим иногда с юмором воспринимал, а однажды братец исполнил, едва его отобрали, за горло ухватил с обиды, мог и не упустить.

Вот Пашку Лукина он перекрестил, прилипла кличка, как новое имя. Дело было в выборы, выбора, как в деревне говорят, большой праздник, в клубе торговля сладостями и колбасой, к тому времени стали уже пиво бочковое завозить, вовсе колготня. Кто «отдал свой голос», отоваривались в очередь и садились в зале на скамейки вдоль стен, встречали входящих, обсуждали. На стенах портреты висят, члены и кандидаты, Ворошилов тоже, из-за медалей лица не видать. Пришел голосовать и Павел Лукин, механизатор, росточком мал, а до работы жадный, когда целину осваивали, месяцами в тракторе жил, все пахал, дали ему за это аж две медали, одну «За освоение», другую «За доблесть». Паша на выбора явился в пиджаке с медалями, да еще значки ГТО и ДОСААФ нацепил. Макся тут же сидел, сказали, что толи концерт будет, толи комедию какую покажут. Когда Паша вошел в зал, Макся аж подскочил:

– Ты гляди, ну чисто Ворошилов Пашка-то!

Все, с тех пор спроси Лукина, не каждый скажет, а Ворошилов – пожалуйста, это Пашка. Пашка не обижался, даже помогал Максиму крышу на избе дерном перекрыть. Давно это было. Максим тяжело вздохнул.

Вон Манаэль идет, с утренней разрядки в конторе совхоза, инженер. Максим хоть и пострадал на фронте, но к немцам относился без обиды, и старый Яков Кауц, и школьный учитель безногий после трудармии Эмиль, и сосед Эммануил Григорьевич, по-уличному Манаэль, были почти товарищи, и по рюмке доводилось поднимать. Манаэля он сильно уважал, вот безграмотный совсем, а любую машину соберет и отрегулирует. Когда Максиму первую инвалидскую мотоколяску дали, что-то случилось, скорости перестали включаться. Манаэль велел прикатить к мастерской поломку, а вечером на ней приехал, едва не раздавив, потому что весу в нем было не меньше восьми пудов, и показал Максиму, что вот этим рычагом надо вклю-

чать и выключать, а скоростей сколь вперед, столь и назад. Смех, конечно, но Максим помнил.

— Доброе здоровье, Максим Павлович!

— Здорово, Манаэль Григорьевич!

— Что с братом случилось?

— Не знаю. Пал с кровати и память отлетела. Не от того, что пал, наверно, как думаешь?

— Да уж не от того, понятно. Поедешь проведовать?

— Позжа, потом, дай оклематься, а сейчас лежит, как чурка, кого около его делать?

— Макся, а если помрет?

— Ну, стало быть, не жилец. Да нет, отойдет, не израненный, не изробленный, на добрых кормах всю жисть. Да и моложе меня на восемь годов, он даже до пенсии не дожил.

Эмануил Григорьевич присел на бревно:

— Максим Павлович, а ты смерти боишься?

Максим хохотнул:

— Я только увижу, что она по нашей улице идет, деревяшку надерну и на огороды, и лягой прямо на Голую Гриву, там спрячусь у тетки Апрасиньи.

— С Геннадием помирились?

— Не буду, и чтобы не рисовался в наших краях, а то пришибу.

— Так обидно?

— Ак нюшь, какую статью подвел, засранец!

На Троицу, в престольный праздник, после поминок на кладбище собрались за столом у двоюродного брата Владимира Прокопьевича, совхозного бухгалтера, считай, все свои: Максим, Матвей, Иван Лаврентьевич, Паша Менделев, все с бабами, и Генка, он с Валентиной, сестрой покойной жены Максима, живет, тоже тут. Генка не ловкий парень, по пьянке всякую чушь несет, и вот после третьего стакана стал он разоблачать Максима, что ногу ему не в бою оторвало, а пробило шальной пулей, потому что он ее из окопа высунул, воевать не хотел. Можно было и пропустить, а Максим помушнел, схватил граненый стакан со стола и метнул в Генку. Тот увернулся, это его и спасло, стакан попал в простенок и рассыпался в мелкую крошку. Максим еще что-то стрёб, но на руке повисли, потом его вытолкали и увели домой.

— Да я на собственной крови примерз к кузову, в полуторку меня забросили после ранения, а там бой, не до меня, а как бой ушел, и все, пропадай. Ладно, что похоронная команда проходила, постонал,

двое вернулись, видят, что кровь льдом взялась, один другому говорит: «Оставь его, все равно пропадет». А второй совестливый оказался: «Нельзя», — говорит. — «Седни я брошу, завтра меня кинут». И тащили меня километра два.

Эмануил встал:

— Пойду позавтракаю, и в поле, пшеницу начинаем сеять.

С Матвеем они еще один раз сцепились, из-за травы, Максим каждое утро, возвращаясь с дежурства, подкашивал свежей травы как бы для лошади, но получалась пара хороших навильников, и корове хватало, и телят. Вот с этой поклажей и остановил Максима колхозный объездчик и учетчик Матвей Павлович:

— Ты, Макся, дуру не гони, каженный день возишь по центнеру, на всю зиму запас. Это все, — он указал на траву в телеге, — выбросишь телятам на базе, я прослежу.

Максим аж подскочил:

— А вот это ты не видел?! — Он выбросил вперед мослатый кукиш. — Ишь, угодник колхозный, начальству двойной тракторной тягой опять по зароду разнотравья отпустишь, а мне свою скотину шумихой да осокой кормить? Хрен тебе, и твоим телятам, все равно они задрищутся.

Матвей метался верхом на кауром мерине, нароря выдернуть Максима из телеги, потом соскочил с лошади и они сцепились. Максим поцарапал брату лицо, Матвей несколько раз ударил брательника кнутом. Максим отбивался сидя, крыл матом:

— Бей, твою мать, бей на убой, что фашисты не добили. Ты всю войну в бутылочку ссал, дак я тебя сейчас кровью умою.

Матвей вовремя одумался, вскочил на коня, отъехал в сторону:

— Максим, не лезь на рожон, сгрузи, как сказал, а нет — посажу.

— За два навильника?

— Колхозная трава. Посажу, есть такой закон.

Максим согласно кивнул:

— У вас на всякого человека статья найдется, это известно. А траву привезу домой, и не вздумай, брательник, с понятиями придти, литовкой всех перережу, во мне кровь чужая, так что за себя не отвечаю.

Матвей невпопад спросил:

— С чего это у тебя кровь чужая?

— А в госпитале мне лили, видно, трофейная, на каждом флаконе фамилия «Донор» написана. Ты бы побоялся меня.

На том разошлись, но Матвей все же написал жалобу, бригадир Иван Моряк приезжал, посмотрел, пожалел Максима:

— Матвей в партию вступил, слышал? Хочет жить по правде. Ты его не зли, времена хоть и переменялись, но можешь сбрыкать за разбазаривание общественной собственности.

— Да поди не посадят меня, Иван Васильевич, я же калека, робить не могу, даром кормить будут.

— Ага, разевайшире.... Послушай меня, уймись.

Максим унялся, но с братом долго не разговаривал, до беды. После войны он женился, взял молодую бабенку с двумя ребятишками, все его отговаривали: зачем тебе такая обуза, вон сколько девок без женихов, сколько вдов одиноких, бери — не хочу. А он стал к Марии похаживать, и сам удивлялся: все глянется, и в избушке порядочек, и работающая в колхозе, и с виду хоть и невелика ростом, но ладная. Сошлись, в сельсовете оформились, парнишку она родила, но только десять годков и пожилы, свернула ее нехорошая болезнь, вьюжным мартовским днем свезли на кладбище. Матвей сам пришел, помогал гроб делать и могилу долбить. Без слов помирились, горе сводит.

Опять Максим начал перебирать, за два года не пятерых ли баб приводил, только ничего не получалось, отвозил обратно. Потом присоветовали ему в соседней деревне бабочку, бездетная, покладистая. Съездил, ее с сестрой на смотрины привез, сговорились. Парнишка всех мамами звал, а тут не может себя перебороть, месяца три, наверно, мучился, пока назвал. Потом легче пошло, привязался к женщине и она к нему, своих-то никогда не было. Через год загулял Максим, приехала какая-то краля, а он быка в Заготскот сдал, деньжонки есть, три ночи дома не ночевал. Сынок явился в ту избу и сказал, что уходит он вместе с мамой в ее деревню. Максим заплакал и пришел домой, с тех пор жили более-менее...

Опять про Матвея думка, какая семья была, отец Павел Михайлович, старший брат Никита, нянька Анна, мама Зоя Степановна, да они двое. Бывало, до колхозов, любую работу ломали, отец никому не давал покоя и сам стоя спал. Сенов ставили по стогу на голову, а коров держали восемь, лошадей тоже восемь, все с приплодом, овец никто не считал. Зато зимой благодать, глызы почистил в загоне, сена напихал в кормушки, на Гавняшку коров с молодняком проводил на водопой, взрослых лошадей в поводу сводил, молодых опасно отпускать, в бочке воду привозили — и свободен. Бабы шерсть теребят, прядут или вяжут что, а мужики с осени сено возят, по теплу к посевной готовятся.

Макся и восстание помнит против советской власти, когда ком-

мунистов и сочувствующих на пешни надевали, а потом восставших мужиков расстреливали и ссылали навечно. И как Колчак шел, тоже помнит, у них в дому двое офицеров стояли, одному новые сапоги хромовые сшили, он их на стенку повесил, Максим налюбоваться не мог. Когда красные пошли, офицеры на коней и на край деревни, к церкви, Максим думал: ну, все, отступят белые, а сапоги ему достанутся. Нет, взмокший офицер успел заскочить и сорвать со стенки хромочи. Максим таких никогда не нашивал.

Когда красные пришли, вечером подъехал верхом солдат, кричит: – Хозяйка, молочка криночку не продашь?

Мать сунула Максимке маленького Матвейку, вынесла большую кринку свежего молока. Солдат деньги дает, а она отказывается.

– Деньги примите, – сказал солдатик, как учили, – и запомните, что советская власть даром у народа ничего не берет.

Максим хмыкнул, он того солдатика всю жизнь вспоминал, и когда налогами обложили, и когда в колхоз загоняли, и как пенсию ему назначили за отрезанную ногу, что только и можно было один сапог купить на оставшуюся.

После коллективизации хозяйство упало, от высылки Савелий Степанович, материн брат, спас, он в активе был и первым председателем в колхозе. Война потом подмела всё: отец умер, нянька Анна тоже, Никиту убили, Максим калека, один Матвей был матери на радость. Дом срубил хороший, ребятишек нарожал, мать почитал, не то, что Максим, она ему женитьбы на вдове с сиротами забыть не могла.

Он сидел на бревнышке и прутиком чертил на песке, редкие люди проходили мимо, тихонько здоровались, непривычно тихо им отвечал, без прибауток, без усмешек обычных. Больно и тоскливо было на душе, он почувствовал одиночество, вот двое их от всей породы осталось на свете, а понятия, что одна кровь, так и не усвоили. Нет, надо поехать к Матвею, надо, братовья ведь.

Иван Моряк остановил свои дрожки посреди дороги:

– Максим, убрался Матвей Павлович, только что позвонили из больницы. Я поеду в столярку гроб закажу, а ты дойди до его бабы, скажи, пусть одежду готовят.

Максим дотянулся до деревяшки и долго приспособливал ремень, глаза застило, слезы катились прямо на рубаху, он неумело стряхивал их, неожиданно подумав, что не плакал очень и очень давно.

2009 г.

КАК ПОМИРАЛ ЯКОВ ВАСИЛЬИЧ

Рассказ

Ленька был последним дезертиром в семье, так строгий отец обозвал его в последний вечер, когда посидели за столом и вышли покурить на крылечко. Августовская ночь дышала запахами скошенных хлебов и засахарившейся на корню смородины с малиной в большом неухоженном саду за домом. Ягоду собирали, и большими кастрюлями на временной печке под сарайчиком мать варила всякую всячину, но год удался на садовые кустарнички, и ягода сыпалась прямо на землю к великой досаде отца, Якова Васильича.

— Где-нибудь люди бедствуют без сладкого, мясо разоставить нечем, а тут все под ноги. Несправедливо мир устроен.

— Да вы уж перестроили было, да ничего не вышло, — ущипнул его кум Прокопий. — Под коммунизм-то все сроки уходят, а каждому по потребности нету.

Отец не обижался, у них с кумом давний спор, да и не спор вовсе, а повод поговорить по серьезному вопросу, отец с войны партийный, а кум ему в оппозиции, правда, только кухонной, зная, что тобольский конвой шуток не любит, разбирались дома и тихонько.

— Вот ты сам и ответил, почему не дошли до коммунизма. Ты же не сказал, что надо каждому до невозможности работать, чтобы достигнуть, а начал с потребности. И кто тебе чего припас, если ты сам пролежал?

— Где это я пролежал, интересно знать? — вяло возразил Прокопий. Три стопки самогонки расслабили его, он уж и не хотел связываться, да отступать неловко, подумает Яшка, что крыть нечем. — На работу хожу, как все, плотничаю. Чего еще надо? Сказали бы прорабу, как этот коммунизм строить, мы бы его за сезон смаздрячили.

Отец сухо сплюнул, он всегда так реагировал на чью-то глупость, повернулся к Леньке:

— Не передумал еще на производство ехать?

— Нет, батя, не передумал.

— Плохо тебе дома?

— Батя, ну чего ты опять?

— Ладно, будет об этом. Хлын ты, и дезертир, последний с фронта бежишь.

Ленька уехал в Тюмень, жил у товарища, работал на аккумуляторном заводе. После деревни было тошно, ненавидел очереди на остановках и толчею в автобусах, кругом все чужие, поздороваться не с кем. Платили хорошо, через полгода дали место в общежитии, вроде и в транспорте стало свободнее. Ленька писал домой письма и получал короткие записки от матери, что все нормально, только отец хмурый, «уж хоть бы загулял, а то и самогонку гнать перестал». Отца было жалко, Ленька вырос около него, летом с трактора не слазил, в кабине и спал в ночную смену. Когда подрос, стал подменять батю, бывало, смену и пропашет, а отец в это время дома работу сделает.

Два старших брата после школы тоже в тракторной бригаде работали, а из армии домой не вернулись. Один махнул на Север и сейчас роет траншеи под трубопроводы, второй подался в военное училище и служит как-то странно, в письмах совсем ничего, только жив—здоров. Фотокарточку прислал, отец разобрать не мог, толи он в форме, толи в нижнем белье, погон нет, значков нет, не воин, а бич после вытрезвителя. Три года они не бывали дома, мать перестала плакать, отец тоже назвал хлыном и того, и другого, правда, заочно.

После смены Ленька, перепрыгивая через тонкие лужицы на асфальте, зашел в пивнушку. Пиво тут было получше, чем в других местах, может, потому что молодая девчонка торговала, не научилась еще жидким чаем разводить или пенной шапкой прикрывать недолив. Она три кружки, как положено, пускала по кругу, одну отталкивая клиенту, вторую доливая, а третья ждала своей очереди, опадала пена, потом на долив. Такого Ленька и ребята больше нигде не встречали, хотя знакомый по пивной Виссарионыч кивал, мол правильно делает, так и положено. Виссарионычем он не был, это прозвище дали за усы, как у Сталина. Такое впечатление, что он не выходит из пивной, разу не помнит Ленька, чтобы Виссарионыч отсутствовал.

Ленька взял пару кружек и поискал место за стойкой. Виссарионыч перехватил взгляд, кивнул, Ленька прошел к нему.

— У меня вобла есть, примыкай, — густо сказал Виссарионыч. — Любишь с воблой?

— Откуда! — хмыкнул Ленька. — У нас только карась, с вяленным карасиком пиво хорошо идет.

— Угости при случае. А пока соси воблу, деликатес.

Ленька помял во рту кусочек незнакомой рыбы, никакого удовольствия не испытал, но для уважения кивнул соседу, что хорошо.

— Карася скоро не обещаю, отпуск только зимой, а батю неловко просить, чтобы выслал.

— Он у тебя рыбак?

— Нет, дядя Проня рыбак, а батя на меня злится, что уехал из дому.

Виссарионыч важно отхлебнул пива и блаженно зажмурился. Ленька тоже пивнул и закашлялся, не в то горло попало. Помолчали.

— Отец-то старый?

— Старый, к полсотне.

Виссарионыч засмеялся:

— Полста для мужика не возраст. Не отпускал?

— Не то, чтобы... Не хотел. Нас трое, братьевьев, а они с матерью вдвоем остались. Скучно, наверное.

— Скучно в кино бывает, а им тоскливо. Тоска, милый мой, самая опасная для человека болезнь. С тоски мрут.

В пивной тихонько гудели мужики, пьяных не было, кружки звенели, и Настенька, так звали буфетчицу, почти не закрывала кран, наполняя кружки. Ленька на нее заглядывался, но боялся, все-таки городская, с которой стороны к ней? Виссарионыч спросил:

— Настена нравится тебе? Не темни, и мне нравится тоже, но я стар, а ты поактивней, посмелей. Настя! — крикнул он через весь павильон. — Свежую бочку открывать — меня позови!

— Позову! — крикнула в ответ Настя.

— Ты не спеши с пивом, пойдешь, поможешь ей, вот и познакомишься.

— Да ладно, — безразлично сказал Ленька и покраснел.

Ждать пришлось долго, Ленька совсем было собрался уходить, да Виссарионыч придержал, а потом и Настенька крикнула.

— Пошли! — скомандовал сосед и подхватил Леньку под мышки. — Мы тебе, Настена, вдвоем с другом поможем, друг у меня объявился.

— Знаю такого, частенько заходит. Ты кроме пива ничем не балуешься?

— Нет, что ты, Настена, он не балованный, сельский паренек, скромный.

— Ага, дядя Виссарионыч, все они скромные, пока не стемнело.

— Ты парня не смущай, он и так света не видит. Бери молоток, Леня, выбивай пробку.

Бочку вскрыли, она обдала ароматом свежего пива, жидкость мет-

нулась было в отверстие, но Виссарионыч опытной рукой быстро заткнул его резьбовой пробкой насоса и провернул несколько раз.

— Готово, Настена, торгуй!

— Дядя Виссарионыч, по кружке за услуги.

— Не откажусь, спасибо, дочка. — И, отвернувшись от Леньки: — А к Лёшке-то присмотришь, паренек ладный, да и ты ему глянешься.

Настя потянула Виссарионыча за воротник, дыхла в ухо:

— Пусть к закрытию подходит, к десяти, передай ему.

Ленька краснел и кивал головой, залпом выпил свежую кружку и побежал в общежитие. Помыться надо и приодеться, такая девчонка, и вроде как не зря присматривался.

На вахте ему молча сунули телеграмму. «Ленька, помираю, торопись, а то нехватишь. Отец». Он много раз перечитал две строки, вахтерша смотрела с сочувствием и молчала. Заскочил в комнату, переделся, вспомнил о Насте, как о чем-то далеком и несбыточном, спустился на вахту, позвонил на вокзал, из-за утреннего дождя автобус в район не пойдет. Надо выбираться на выезд из города и ловить машину. Оставшиеся от аванса деньги сунул в карман пиджака.

Машин было мало, и они не останавливались. Ленька беспокоился, что стемнеет, тогда вовсе никто не подсадит, он выскакивал на дорогу, но шофера мотали головой: не берут. Остановился «Урал», большая машина с огромным кузовом, в кабине трое.

— Тебе так быстро надо, что под колеса кидаешься? — беззлобно спросил водитель, стоя на подножке. — Куда тебе?

— В деревню под Гольшманово, батя при смерти, боюсь, не успеть.

— Ладно, залазь в кузов, там скамейка, только гляди, бочка может покатиться, дорога неважная.

В кузове грязно и много железа, бочка стоит в углу, рядом тяжелые ящики. Не глядя, сел на скамейку, машина тяжело шла по грязной дороге.

«До района доеду, а дальше пешком. Среди ночи какой транспорт... Придется стороной идти, по большаку замучаешься...».

Об отце думать боялся, никак не мог допустить, что тот беспомощен, он же сильный и молодой, зря ляпнул Виссарионычу, что старик. Ленька видел покойников и похороны в деревне, это всегда событие, провожать все приходят. Но отец... Не может он помереть, никак нельзя. Леньке стало так тоскливо на душе, так больно, он заплакал, уткнув лицо в рукав пиджака. Машину тряхнуло, железо оглушительно сбрыкало, бочка подпрыгнула, ударившись о борт, свали-

лась на бок, крутнулась и скатилась к кабине. Ленька едва успел убрать ноги, вскочил, пододвинул к бочке ящик, успокоился.

Темнело, стало прохладно, Ленька пожалел, что в спешке не взял плащ, кутался в пиджачок, но тот не спасал. Машина вдруг остановилась, шофер высунулся в открытое окно:

— Айда в кабину, там смерзнешь!

Мужики сжались, уплотнились, кое-как сели. Ленька чувствовал себя неловко, стеснил людей.

— Тебе от трассы-то далеко?

— Пятнадцать.

— С отцом что случилось, болел, что ли?

— Нет, не болел вроде. Не знаю, мать писала, что он изменился, но не сказать, чтоб болел.

Они кричали, чтобы перекрыть гул мотора. Ленька вдруг вспомнил слова Виссарионыча про тоску, вспомнил и похолодел: тоска и сгубила его, а тоска потому, что Ленька уехал, совсем один остался батя. От этой догадки Леньке стало стыдно, как будто и впрямь его вина в смерти отца. Он отринулся от дурных мыслей: «Обойдется все, батя, может, специально такую телеграмму дал, чтобы я приехал». Эта спасительная мысль ослабила сердце, он ловил ее и не отпускал, она согревала, давала утешение.

Мужики дремали, болтая головами и поминутно вздрагивая. Шофер не обращал внимания на товарищей, машину болтало по большаку, он ворочал баранкой, ставя ее на середину.

— Я тебя довезу до деревни, не переживай, нам все равно к утру надо быть в Ишиме, успеем.

Ленька кивал головой с благодарностью, не понимая, что шофер ничего не видит:

— У меня деньги есть, я заплачу.

— Ладно.

Свернули с большака и поехали лугом, привыкший к тряске, сидевший рядом с Ленькой проснулся:

— Ты, Филя, все-таки поехал?

— Дремай, — посоветовал шофер.

— У тебя подремлешь! Я бы лучше в вагончике покемарил, а не в этом гробу.

Ленька вздрогнул от страшного слова.

— С тебя пузырь, — мужик повернулся к Леньке.

— У меня деньги есть, я рассчитаюсь.

– Деньгами пьян не будешь, ты пузырь ставь.
– Найдем, у матери есть, – ему хотелось, чтобы мужик замолчал.
– «Если отец плох, то действительно, мать припасла».

– Ты всегда матерью зовешь? – спросил шофер. – Мамой надо звать, мамой, и никак больше. Понял?

– Я зову.

– Ну, как же? Сейчас назвал матерью.

– Так за глаза.

– Все равно! Мама! По-другому никак нельзя.

Беспокойный мужик добавил:

– Ты вот к отцу едешь, а он мать схоронил месяц назад, потому и вспомнил, как надо звать. Раньше тоже не особо знал.

Шофер взревел:

– Да замолчишь ты, наконец!?

– Молчу! – мужик уткнулся носом в плечо спящего соседа.

У деревни шофер остановил машину, сказал, что дальше не поедет, не хочет улицу раздавить. Ленька вытащил деньги из кармана и протянул шоферу десятку. Тот отмахнулся и велел скорее вылезать. Мужик проворчал, что остались без водки. Ленька спрыгнул на землю и поскользнулся на липкой грязи. Машина обдала его несторевавшей соляжкой и ушла в темноту.

В ограде дома горел свет, Ленька перебежал на другую сторону улицы, чтобы сразу увидеть ворота, если они открыты, то все... Совсем не к месту вспомнилась поговорка «Пришла беда – открывай ворота». Вот почему в таких случаях ворота открывают, чтоб все знали, что в этом доме горе. Тесовые ворота были закрыты, сквозь щели высохших досок выбивался свет со двора.

Мать вышла сразу на стук калитки, видно и не спала, Ленька остановился в потерянности, мать заплакала:

– Третью ночь не спит, мается.

– Медичку вызывали?

– Была, да толку-то... Говорит, надо в район везти, а он запретил. Айда, он ждет.

Отец лежал на большой семейной кровати, да и не лежал, а полусидел на высоких подушках, глаза открыты, тихий ночничок едва светит.

– Батя! – Ленька упал на колени. – Ты чо надумал, тятя? Ты чо?

Отец повернул голову:

– Ленька. Приехал. А братовья?

— Нету их, отец, емя дальше ехать, — сказала мать.

Яков Васильич кивнул:

— Не успеют. Буду без них помирать.

— Тятя!

— Мать, покорми парня с дороги, я отдохну.

Какая еда? Леньку трясло, как в лихорадке, мать налила ему пол-стакана водки, он выпил немного, занюхал соленым огурцом.

— Я боюсь, мама, — сказал он виновато.

— Да чо уж там, не чужой, своя кровь. Не бойся.

Они опять вошли в комнату, отец кивнул:

— Садитесь рядом. Феша, ты помнишь, как я на тебе женился?

— Дак нюшь, помню. К чему это ты?

— Расскажи.

— Ну вот, придумал.

— Расскажи.

— Ну, пришел с фронта, на сеномётке увидел меня, узнал, я тогда совсем молоденькая была, ночью постучал в окошко да и увел.

— А Тришка—бригадир правда баловался с тобой?

— Ну вот, придумал. — Она смутилась, посмотрела на сына. — Домогался, дак ведь ты знашь, что ничо не было.

— Домогался... Ладно. Ты иди, мать, я с сыном...

Ленька сидел на стульчике рядом с изголовьем, слышал тяжелое дыхание отца, лежащим рядом рукотертом вытер пот с его лба.

— Водку пил? — неожиданно спросил отец.

Ленька испугался:

— Мама налила, глонул.

— Ленька, слушай и братовьям скажи: пить можно, только ум не надо пропивать. Бойся.

Он помолчал. Залетевший на свет комар звенел над ночником одиноко и тонко. Ночная прохлада вытягивала из комнаты тепло, оно уходило неохотно, прощально шевеля занавески на окнах.

— Ленька, у меня в груди все сожгло, на работе схватило, кое-как домой пришел. Про мать ты не думай, на ней греха нет, я грешен, доводилось с бабами вошкаться. Еще, сын: не ври никогда, соврать порой выгодней, а ты не ври. Обожди...

Он закрыл глаза. Ленька опять вытер холодный пот с отцовского лба. Кукушка из кухонных часов прокричала три раза. Мать не заходила.

Отец вдруг приподнялся, обеими руками ухватил Ленькины руки, сжал их крепко:

– Ленька, запомни, нет правды на земле! Я знаю, я всю жизнь верил и гордился, что знаю правду, а ее нет. Запомни!

Он откинулся на подушки и затих. Ленька не сразу понял, что отец умер, а когда понял, то не испугался, даже сам себе удивился, что страха нет, провел ладонью по его влажному от пота лбу, как видел в кино, и молча благоговейно смотрел в родное лицо. Мать вошла и вскрикнула, Ленька предостерегающе поднял руку, нельзя кричать и плакать, это он точно знал. Мать села на край кровати и не вытирала слез, они так и капали на расстегнутую отцовскую рубаху.

2008 г.

ФОТО С ВЫСТАВКИ

Рассказ

Накануне шестидесятилетнего юбилея известного в области фотожурналиста Ивана Ивановича Шестакова, департамент культуры, где он был своим человеком, предложил организовать выставку его работ, причем, молодая дама, искусствовед картинной галереи, которой, видимо, было это дело поручено, начала с того, что попросила мастера вернуться в молодость, найти старые снимки, и показать сегодняшней избалованной публике жизнь черно-белую, давно минувшую.

— Поверьте, — ворковала она, — покосившийся забор, избушка на отшибе, старушка в платочке — это так мило, народ будет в восторге. У вас же есть архив?

Конечно, архив у Ивана Ивановича, как у всех уважающих себя ремесленников, был, и рулоны пленок со времен работы в районной газете, были уложены, пронумерованы и описаны, хотя весьма приблизительно. Идея этой дамы, не то Инессы, не то Анжелы, сама по себе интересна, Шестаков и сам изредка залазил в кладовку, брал первую попавшуюся коробку и, разматывая рулон пленки, уходил в ту жизнь. Вот это он снимал доярок на летних выпасах у Яровского озера. Молодые, красивые, ядреные девки. А это опять доярки, только из Сладковского района, он вспомнил, что после съемок на ферме одна отвела его в сторону:

— Я на фотокарточках хорошо получаюсь, так что ругать не будешь. А ночевать ко мне пойдешь, я женщина свободная и чистая. К тому же у меня банька подтоплена.

И баньку помнил Шестаков, и женщину эту, мягкую и ласковую.

Прокрутив на примитивном аппарате несколько пленок, Шестаков складывал рулоны и запечатывал прошлое в коробку. Теперь ему предстояло просмотреть все, отобрать самые интересные кадры и распечатать для комплектования экспозиции. Полная свобода в выборе темы или даже тем, предоставленная Инессой или Анжелой, не смущала Шестакова, он сразу сказал себе, что это будут портреты.

Вспомнилась худенькая учительница из Тобольска, к которой ездил каждую неделю почти год подряд и всегда снимал. Молодые и счастливые, они играли в съемки, как настоящие модели, несколько пленок Шестаков аккуратно разрезал, сжег все, где он был снят, в чем мама родила, а ее даже никогда не распечатывал, хотя пару раз любовался в кладовке. Можно было бы выбрать исключительный портретик, помнился один кадр, когда она, умиротворенная, села в постели и даже не прикрыла своей наготы. У нее были девичьи остренькие груди, длинные волосы и лицо, освещенное мягким светом торшера, с улыбкой усталости и гордости.

Шестаков оживился: у него же много женских портретов, на одной пленке и снимок на производстве, и вечерние портреты в домашней обстановке. Он даже удивился, сколько случаев вспомнил сразу, а если подумать... Впрочем, не фото-отчет о любовных похождениях должен он подготовить, а выставку, и тут не всякая история пригодится. Он съездил к ребятам в фотосалон и привез китайскую машинку для просмотра пленки с большим экраном да еще набор для ретуши, из которого ему могли потребоваться только тюбики темных тонов. Вечером достал несколько коробок, отобрал два десятка рулонов и включил аппарат. Перед ним в медленном параде стали проплывать люди, которых он уже давно забыл, лица интересные и не очень, некоторые что-то напоминали, но это было так давно, тридцать лет назад.

Тогда по указанию партторгов он снимал токарей и слесарей на заводах, доярок и трактористов в деревне, хотя иногда прорывалась интеллигенция, руководящий слой. Шестаков сильно обрадовался, поймав на пленке с партийной конференции интересный кадр с первым секретарем обкома. Тот в перерыве, видимо, спорил с кем-то, круто повернулся к фотографу, а тот уже нажал кнопку. Полуоткрытый рот со все еще вырывающимся звуком, тяжело сжатый кулак, суровый взгляд из под лохматых бровей — будто на митинге в защиту советской власти, хотя такого митинга не было.

На пленке с конференции по проблемам добычи нефти и газа с удивлением увидел лица отцов—основателей, тогда малоизвестных романтиков, потом генералов и даже министров. Для газеты пригодился лишь один групповой снимок, а тут столько портретов, сделанных в зале заседаний, в кулуарных разговорах и даже в буфете. Шестаков оживился: с каждой пленки он отбирал, по крайней мере, один кадр, заполнялась коробка с нужными пленками.

На третий день, разбирая самые ранние архивы и не ожидая ничего интересного, он едва не пропустил мелькнувшее на экране лицо, даже пропустил и уже смотрел следующие, когда бдительная память заставила остановиться. Что-то до боли знакомое, приятное и раздражающее, увидел он в этом кадре. Осторожно вернул его на место и задохнулся. С того самого дня, когда он вернулся из армии и с ожесточением сжег все ее фотографии, а потом случайно увидел кусок пленки с ее изображением и тоже хотел бросить в печку, но одумался, завернул в бумагу и положил в общую коробку, он не вскрывал этой пленки и не видел это лицо.

Нина Соколова приехала из далекого городка Буя после техникума, бухгалтером в совхоз. Ваня был первым парнем на деревне, окончил среднюю школу, служил совхозным комсоргом. Они встретились в первый же день, Ваня бросил всех своих подруг и весь упал к ногам Нины. Да и было к чему упасть. Высокая, плотная, лицо чистое и улыбочивое, ноги крепкие и длинные, настолько крепкие, что еще чуть — и нет красоты, а так — с ума можно сойти, глядя, как она идет, как стоит, как садится. Ваня долго не мог понять, в чем же тайна, оказалось, коленишко у нее такое аккуратное, что не высовывается, не выпирает, а словно нет его совсем. По этим ножкам все парни вздыхали, но Ваня успел, сходил к директору и выхлопотал для Нины однокомнатную квартирку в двухэтажном доме времен Хрущевских агрогородков. Кровать, матрас с одеялом, два комплекта постельного белья, стол, стулья и даже электроплиту со склада завез. За выходные они с Ниной уборку сделали, все расставили по местам, уютная получилась квартирка...

Шестаков встал из-за стола, открыл холодильник, налил полный стакан водки. Давно не пил, сдерживался, потому что одним стаканом никогда не обходилось, а тут никакого сомнения, единым духом проглотил ледяную жидкость и сел на табурет. Парень он был не из робких, с девчонками сходил быстро и так же скоро отпускал на свободу, оставляя после себя дурную славу подлеца и обманщика. И с Ниной все выходило славненько, ребята откровенно завидовали ему и издевательски хвалили ее колени: «Иван, она у тебя вся в ноги выросла». А Ваню как подменили, Нина в клубных играх и просто на людях с улыбкой его встречала, ни на шаг не отходила, хотя больше молчала, говорила только при необходимости. Ваню это смущало:

— Ты почему такая? Молчишь и улыбаешься, улыбаешься и молчишь.

– Тебе разве этого мало? Я же тебе улыбаюсь.

– Так можно подумать, что кому-то за спиной.

Она подходила к нему и прижималась всем телом, охватив шею руками так крепко, что грудки сжимались.

– Нина, я тебя люблю, сильно люблю.

– Это и хорошо, – спокойно говорила Нина. – Ведь я тебя тоже люблю.

– Мне же еще в армию идти, на три года.

– Ну и что? Придешь – мне двадцать, тебе двадцать два, самое время свадьбу играть.

Шестаков еще раз посмотрел на снимок, и сладкая теплота разлилась по телу. Это было в то воскресенье, когда она окончательно вселилась в квартиру. Купили бутылку вина и какие-то консервы, огурцы и помидоры Иван принес из дома, был уже конец августа. Пока он резал салат, Нина принялась открывать консервы, нож сорвался и порезал палец. Нина показала, где лежит бинт и картинно подставила палец под перевязку. Выпили за новоселье, и Иван взял фотоаппарат. Нина облокотилась на стол, подперла щечку перевязанным пальцем и с улыбкой смотрела в объектив. На ней была легкая кофточка в мелкую клетку с отложным воротничком, которую она надела после уборки. Иван чуть присел, нажал кнопку и покачнулся. Повторять съемку Нина отказалась, хотя Ваня предупредил: кадр не получится, всю прическу срежет. Нина улыбнулась:

– Вот я вся с прической, любуйся. А фотографий мы еще тысячу снимем.

С тысячей не получилось, началась уборка, комсорг Ваня только поздно ночью забегал в заветную квартиру, Нина ждала его, они жадно целовались, но, когда добирались до кровати. Нина с улыбкой упиралась руками в его грудь:

– Успокойся. Наслышана я, что ты привык к быстрым победам над девчонками. Не спорь, я не ревную. Просто хочу, чтобы у нас было по-другому.

– По-другому – это как? – смеялся Иван.

– Ты отслужишь, придешь, к тому времени тебя уж парторгом изберут, так что квартиру новую получим, нет, лучше дом построим. И я рожу тебе много ребятишек, имей в виду, наша порода плодовая.

Когда парню приходила повестка в армию, вся жизнь кувырком. Давали неделю на подготовку, дома собирали стол. Иван уговорил Нину сходить к нему домой, познакомиться с родителями.

— Ваня, как-то неловко. С какой стати явилась?

— Но на проводины все равно придешь.

— Так там и другие девчонки будут.

— Нина, прошу тебя, пойдем, я родителям уже все рассказал про наши планы.

Пришли, отец смущенно поздравствовался, мама приобняла девчонку:

— До этого ни одной не водил, стало быть, сурьезно, а, рекрут?

Нина за стол садиться отказалась, поговорили о проводах, на том и простились.

Иван после вспоминал, что Нина стала вести себя с ним аккуратней, объятия и поцелуи стали прерываться в самый неподходящий момент, Нина смущалась, и на его недоумения отвечала робко, что так может далеко зайти.

Вечером на проводинах посидели недолго, молодежь потянулась в клуб, Иван и Нина ушли в квартиру. Он как сейчас помнит: они сели напротив друг друга, Ваня гладил ее колени, приподнимая короткую юбку, она целовала его шею и уши, отчего он повизгивал, как щенок.

— Нина, разбери кровать, я, правда, намотался сегодня.

Она сняла с него рубашку, сдернула с ног туфли.

— Все, ложись.

— А ты?

Она вышла на кухню и вернулась в халатике.

— Я к стенке лягу. А ты стульчик подставь, чтоб не упасть.

Они впервые были столь близки, робко трогали друг друга, целовали такие места, до которых никогда раньше не добирались. Ваня чувствовал, что под халатиком ничего больше нет, рука скользнула между пуговичек, и тугое девичье тело встрепенулось от неожиданности.

— Ванюша, ты правда меня любишь?

— Нина, ну, ты же видишь. Нина, милая... — Он коснулся замка своих брюк, но она перехватила руку.

— Ванюша, любимый, не надо. Я буду тебя ждать. Я очень буду скучать по тебе и ждать. Полежи, успокойся, скоро светать начнет, а в шесть машина в военкомат.

Шестаков помнит, что сразу уснул и очнулся только от поцелуя:

— Ванюша, пора.

Он вскочил. Нина неловко лежала.

— Ты не будешь вставать?

— Ваня, я не могу, ты спал на моем плече.

Иван встал перед кроватью на колени и стал осторожно разминать плечо, руку, без стеснения касаясь истока груди, Нина со слезами на глазах смотрела ему в лицо.

— Ванюша, я тебя никогда не забуду.

— Ладно, клятвы закончились, я побежал собираться, а ты подходи к машине.

— Нет, я буду в сторонке, не хочу разговоров.

Из кузова грузовика, занаряженного отвезти в военкомат пятерых призывников, Иван не видел никого, кроме Нины. Она улыбалась ему и легонько махала рукой.

В тот же вечер на Ишимский сборный пункт подали военный эшелон, идущий с востока. Сотню парней построили перед составом и дали команду размещаться. Уже через полчаса на столиках горой лежала домашняя еда и ножики соскабливали водочные пробки. Иван лежал на верхней полке, вагон раскачивало, и он проваливался в сон, выныривая после громких выкриков подвыпивших ребят на нижних полках.

— А последний раз мне здорово повезло. Еду я на отцовском мотоцикле от тетки, смотрю, девица идет. Я остановился, приглашаю, она ни в какую. Глушу мотор. А девка — красавица, и тут и там — все при ней. Ноги, ребята, доложу я вам, как точеные. Присели, разговоры, идет с отделения в совхоз, бухгалтером там работает. Я посмелей, за талию, пониже — ничего, ну, тогда и понеслась.

— Врешь ты все.

— Да мне шибко надо! Нинкой ее зовут. Я хотел в гости завалиться, да мне подсказали ребята, что ее фраер в начальниках ходит, лучше не связываться.

Иван плохо помнил, что было дальше. Потом рассказали ребята, что спрыгнул с полки спокойно, без приглашения налил стакан водки, выпил, губы вытер и спросил:

— Говоришь, Ниной ее звали? А фамилию ты не спрашивал, точно, кто в таких случаях интересуется фамилией? А в какую деревню она ходила, не вспомнишь? В Травную? Когда это было? В августе? Так вот, я тот фраер и есть.

Говорили, что два раза успел ударить, челюсть сломал и скулу своротил. Того в Свердловске сняли в госпиталь, а Ваню начальник эше-

лона вызвал, допросил и посадил в отдельное купе как штрафника. Так до самого Арзамаса и ехал.

Писем Нине не писал, ее конверты не вскрывая, сжигал в мусорной урне, страшно страдал, пока на репетиции новогоднего представления не познакомился с девочкой Соней, которая оказалась дочерью начальника штаба, ученицей девятого класса. После первого же поцелуя подполковник вызвал в штаб и, поглаживая пистолет на столе, сказал спокойно, что дочка ему поведала о своей первой любви, но если солдат попытается переступить черту, он его застрелит. Просто и доходчиво. Так и целовались с Соней, пока она не уехала в Москву в университет.

Шестаков положил пленку в карман и утром пошел в салон. Долго за компьютером чистил снимок, снимая лишнее и оставляя признаки времени. Закончил поздно вечером, единственный оставшийся в ателье оператор отпечатал снимок третьего формата.

После открытия выставки Инесса—Анжела вбежала в кабинет директора, где мнительный Шестаков мучительно ждал первой реакции посетителей.

— Иван Иванович, вы, безусловно, великолепный мастер, но в фотографии «Моя любовь с большим пальчиком» откуда этот набор изобразительных средств: красота природы, простота обстановки, этот пальчик забинтованный, боковой и верхний свет. А чувства: она, безусловно, любит того, кто ее снимает, она чиста, свежа, прекрасна. Пойдите в зал, мастер, вся публика возле этой работы. Может, вы сможете ответить на вопросы?

— Простите, Инесса...

— Анжела.

— Конечно, Анжела. На старости лет начинаешь понимать, что настоящая фотография не может быть постановкой, она естественна, она есть жизнь. Вы напрасно говорили о наборе средств, их нет. Снимок сделан влюбленным мальчиком простым аппаратом «ФЭД», они теперь только в музеях. Но была любовь. Больше ничего, так и скажите публике.

2012 год

СОДЕРЖАНИЕ

Хлеб наш насущный. <i>Роман</i>	3
Гриша Атаманов. <i>Повесть</i>	182
Клад, или Сашко, Пашко и Фрося из Парижа. <i>Деревенский детектив</i>	303
Крестовой дом на Голой Гриве. <i>Рассказ</i>	409
Про Максима, инвалида и говоруна. <i>Рассказ</i>	415
Братовья. <i>Рассказ</i>	427
Как помирал Яков Васильич. <i>Рассказ</i>	434
Фото с выставки. <i>Рассказ</i>	442

Современная русская проза

Ольков Николай Максимович

Собрание сочинений в пяти томах

Том 3

Ответственный за выпуск Н.И. Дорошенко
Технический редактор Е.И. Косырева

Подп. в печать 27.07.2018 г. Формат 60x84¹/₁₆
Бумага офсет №1. Гарнитура Newton C.
Печать офсетная. Печ. л.: 28.1
Тираж 100 экз. Заказ №

АНО «Редакционно-издательский дом
«Российский писатель»
119146, Москва, Комсомольский пр-т, 13
Тел. 8-962-965-51-64
sp@rospisatel.ru
www.rospisatel.ru

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 230-20-52